U 65/404
m. 1
1884

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ
КНЯЗЬ
СУВОРОВЪ

8841

Алексѣю Николаевичу Куропаткину,

усердное подношеніе А. Петрушевскаго

Т – I

Графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій

1796 г.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 мая 1884 г.

Фотогалотипія Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ.

1759. Году Ноября 4. дня Его Сиятелства Г(оспо)д(и)на Генерал Аншефа и Кавалера Рейхсъ Графа фермора

Приказъ

Артиллерiи Г(оспо)д(и)ну маиору Лаврову с его сиона для делания въ близости отъ батареи маиновъ приказать вырубя въ ближнем лесу изготовить три бревна которые привезть на Артиллерiйскихъ лошадяхъ и сложить возле батареи, также иметь въ готовности для них три болшихъ снопа.

Дежурной Подполковникъ Федоровъ

Die Schelmen sind alle. Endigen Sie Ihre
Arbeit und. machen Sie die brave Officiers
avanciren. Danke Ew: Excellence unterthä-
nigst vor dero gnädigsten Brief. Was soll
ich Ihnen weiter schreiben, als dass ich aufrich-
tig vor Freude weine. Gott gebe Ihnen ein
langes Leben! ein beständiges Wohlstehen für
das Wohl des Vaterlandes.

Verbleibe mit tiefster Hochachtung

Meines Gnädigen Generals!
Gehorsamster Diener
Al. Suworow.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

Aprés mes Hegirs Je reste ici planté en faisant une guerre opiniatre au nombre constitutionel des je ne saurois vous le dire malheureusement enracinés durant mes absences sous le voile des quels se cachent tous les fous en pleine sûreté. Sans volonté fixe, opinion determinée: Ce ne sont qu'equivoque impure expressions vagues phrases evasives, exemples accessoirs Un jargon ebloui ou barbare et dans tout un cahos où domine un amour-propre niais sur le Service.

Sans nulle precaution par ces feroces ignorants, 1000. souffrans dans les impitoyables Lazars Fr: $\frac{2}{3}$ ici $\frac{1}{3}$ où l'empleinement s'evapore par la mort, je l'attaquai courageusement, elle plia et n'emporta qu'au delà du $\frac{1}{4}$ de son butin envenimé par les Loix naturelles hospitaliques; en grondant elle s'eloigne à vüe d'oeil; je la poursuis avec vigueur, et à l'aide de Dieu! dans une 15.ne elle sera terrassée: de-jà il ne reste à vaingre qu'$\frac{1}{3}$ ou plutôt $\frac{1}{4}$ du superbe Total. mes meilleurs aides laborieux vigilants et resolus etoient Petrowiz Bratsce & Sczerbascow. Vous voici quelques pieces fugitives mais instructives.

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА С.П.Б.

ГЕНЕРАЛИСИМУСЪ КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

2007081663

65
404

ГЕНЕРАЛИССИМУСЪ

КНЯЗЬ СУВОРОВЪ.

А. ПЕТРУШЕВСКАГО.

ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ТРЕМЯ ФАКСИМИЛЕ И КАРТОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.
1884

(894)

ор 112584/3

Между русскими историческими лицами есть нѣсколько, выдѣляющихся изъ обыкновеннаго уровня знаменитостей. Къ числу такихъ избранниковъ принадлежитъ и Суворовъ, поднявшій русскую военную славу на высоту, до которой она ни прежде, ни послѣ не достигала.

Военная слава отечества конечно дорога каждому Русскому, въ какой бы сферѣ дѣятельности онъ ни вращался; сверхъ того, съ недавняго времени, при общей обязанности — сражаться въ рядахъ арміи, — военное дѣло стало для всякаго болѣе близкимъ, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ теперь наступила благопріятная для русскаго общества пора—познакомиться поближе съ личностью Суворова, тѣмъ паче, что онъ успѣлъ уже отодвинуться въ историческую даль.

Но въ попыткѣ — изобразить Суворова въ видѣ не легендарнаго богатыря, а живого историческаго лица, невозможно ограничиться боевою его дѣятельностью, какъ бы она ни преобладала въ его жизни. Нужно познакомиться съ нимъ съ разныхъ сторонъ, узнать въ немъ внутренняго человѣка. Въ такомъ смыслѣ книга и писалась, съ этою цѣлью и собиралось для нея какъ можно больше матеріаловъ. Правда, военное поприще Суворова занимаетъ въ ней большую часть,

но обстоятельство это не должно пугать невоеннаго читателя. Во-первыхъ, преимущественно въ боевомъ Суворовѣ видѣнъ особый внутренній человѣкъ, не похожій на другихъ; во-вторыхъ, прилагалось все стараніе, чтобы при изложеніи боевой его дѣятельности, избѣгать технической стороны военнаго дѣла, гдѣ только возможно. Книга составлялась для образованнаго класса русскаго общества, не различая военныхъ отъ невоенныхъ; причемъ авторъ постоянно имѣлъ въ виду, чтобы содержаніе ея, будучи серьезнымъ, какъ того требуетъ цѣль труда,—излагалось доступно для каждаго, имѣющаго извѣстное образованіе. Если эта задача окажется не выполненною, то виновата въ томъ не идея плана, а средства исполнителя.

Сказавъ о цѣли и назначеніи труда, нужно пояснить и нѣкоторыя крупнѣйшія его частности. Предлагается опытъ исторіи Суворова, но не его эпохи; характеръ времени и ходъ событій изображены, гдѣ это требуется, съ необходимою полнотою, но не больше. Затѣмъ, въ книгѣ часто приводятся невѣрныя свѣдѣнія и сужденія о Суворовѣ, которыя и опровергаются: при помощи такого пріема, читатель усвоитъ истину сознательно, будучи поставленъ въ извѣстность—въ чемъ и почему она другими извращалась. Далѣе, предлагаемый трудъ можетъ быть погрѣшаетъ недостаткомъ строгаго единства плана и гармоніи частей; многое, сравнительно не важное, изложено подробно; другое, болѣе существенное, коротко. Главная тому причина заключается въ различной степени обилія матеріала; не пользоваться въ одномъ мѣстѣ матеріаломъ только потому, что его нѣтъ въ другомъ, было бы дурнымъ

пріемомъ, и книга пострадала бы больше, чѣмъ отъ недостатка стройности. Кромѣ того во всѣхъ случаяхъ, особенно при описаніи военныхъ дѣйствій, обращалось преимущественное вниманіе на черты, имѣющія значеніе для личной характеристики Суворова.

Найдутся въ книгѣ и такія мѣста, которыя страдаютъ не только бѣдностью свѣдѣній, но и полнымъ ихъ отсутствіемъ; подобные пробѣлы внимательный читатель замѣтитъ самъ. Нельзя сказать, чтобы существовала безусловная невозможность пополнить хоть нѣкоторые изъ нихъ, но для этого потребовалось бы лишнихъ два-три года, а на книгу и въ настоящемъ ея видѣ пошло восемь лѣтъ усидчиваго труда. Удлиняя срокъ, пришлось бы увеличивать рискъ—не окончить работу. Въ отдѣлѣ послѣдняго тома, озаглавленномъ „Источники“, читатель найдетъ данныя, ознакомившись съ которыми, быть можетъ не поставитъ автору въ вину нѣкоторую неполноту книги. Да и вообще было бы полезно пробѣжать этотъ отдѣлъ прежде жизнеописанія: освѣщеніе предмета получится полнѣе и правильнѣе, и многіе изъ вопросовъ или недоумѣній читателя будутъ заранѣе разрѣшены.

Въ заключеніе остается сказать, что въ книгѣ нѣтъ никакихъ тенденцій, кромѣ одной—изложить истину. Къ этому обязываетъ священная память Суворова; въ этомъ заключается единственный путь къ сознательной оцѣнкѣ его дѣятельности и историческаго значенія, чего именно намъ и не достаетъ. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ писателей, который не отличается снисходительностью къ Суворову, сознается однакоже, что Русскіе послѣдняго времени не цѣнятъ

своего знаменитаго полководца по достоинству и что Французы на ихъ мѣстѣ были бы справедливѣе. Въ этихъ словахъ горькая истина. Потомство не почтило Суворова даже памятникомъ, такъ какъ находящійся въ Петербургѣ, былъ заказанъ еще при жизни генералиссимуса и знаменуетъ не все долгое боевое поприще Суворова, а одну послѣднюю войну 1799 года.—Мы, за единичными исключеніями, забыли Суворова, а между тѣмъ онъ стоитъ того, чтобы хранить о немъ память, и притомъ не одну платоническую: подражать ему нельзя, но учиться у него можно.

А. П.

БИБЛІОТЕКА
А. Н.
КУРОПАТКИНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Суворовъ до боевой службы; 1730—1758.

Родъ Суворовыхъ; ближайшіе предки Александра Васильевича Суворова; его отецъ и мать. — Дѣтскіе годы А. В. Суворова; его первоначальное образованіе; склонность къ военной спеціальности; зачисленіе на службу; поступленіе въ полкъ. — Характеръ и свойства научныхъ и служебныхъ занятій Суворова; позднее производство его въ офицеры; хорошая и дурная стороны долгой солдатской службы. — Продолженіе самообразованія; литературные опыты.

При московскомъ великомъ князѣ Семенѣ Ивановичѣ Гордомъ, выѣхали изъ Швеціи въ Московскую землю «мужи честны» Павлинъ съ сыномъ Андреемъ и тутъ поселились. Потомство ихъ росло, множилось и разселялось; одинъ изъ этихъ потомковъ назывался Юда Суворъ; отъ него пошелъ родъ Суворовыхъ [1]).

Прадѣдъ генералиссимуса назывался Григоріемъ Ивановичемъ (сынъ Ивана Парфентьевича), а дѣдъ Иваномъ Григорьевичемъ. Иванъ Григорьевичъ Суворовъ служилъ при Петрѣ Великомъ въ Преображенскомъ полку генеральнымъ писаремъ, былъ дважды женатъ и умеръ въ 1715 году; отъ первой жены онъ имѣлъ сына Ивана, отъ второй (Марѳы Ивановны) Василія и Александра. Всѣ три сына Ивана Григорьевича были женаты и оставили по себѣ потомство; Василій Ивановичъ имѣлъ сына Александра и дочерей Анну и Марію [2]).

Василій Ивановичъ Суворовъ родился въ 1705 году; крестнымъ отцомъ его былъ Петръ Великій, что легко объясняется

мѣстомъ служенія Ивана Григорьевича въ Преображенскомъ полку и въ Преображенскомъ приказѣ. Въ 1722 году Василій Суворовъ поступилъ деньщикомъ къ Государю, при Екатеринѣ I выпущенъ въ Преображенскій полкъ сержантомъ, два года спустя пожалованъ въ прапорщики, а въ 1730 году произведенъ въ подпоручики. Въ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ бергъ-коллегіи прокуроромъ въ чинѣ полковника и въ 50-хъ годахъ получилъ генеральскій чинъ [3]).

Василій Ивановичъ Суворовъ былъ человѣкъ вообще хорошій, съ образованіемъ, ретивый, исполнительный служака, не дурной администраторъ, особенно по части хозяйственной, но во всякомъ случаѣ изъ ряда не выступалъ и никакими военными качествами не отличался. Съ сыномъ онъ имѣлъ очень мало общаго; главною точкою соприкосновенія ихъ характеровъ была бережливость или скупость, но и то совершенно различнаго свойства. Въ Василіѣ Ивановичѣ не было ничего похожаго на ту поражающую энергію и необыкновенное развитіе воли, которыя оказались потомъ отличительными чертами его сына. Не перешли ли эти и другія особенности къ А. В. Суворову отъ матери, въ какомъ смыслѣ вліяла она на развитіе ихъ въ своемъ сынѣ, сознательно или безотчетно, отрицательнымъ образомъ или положительнымъ? Отвѣта на подобные вопросы нѣтъ; а между тѣмъ знакомство съ характеромъ матери, ея темпераментомъ, воспитательными пріемами и т. п., быть можетъ разъяснило бы многое въ сложной и загадочной натурѣ ея сына. Онъ росъ дома, на ея глазахъ и нѣсколько лѣтъ исключительно на ея попеченіи, ибо такіе люди, какъ Василій Ивановичъ, не имѣютъ обыкновенно ни времени, ни охоты вторгаться въ сферу обязанностей материнскихъ. Сколько времени мать Александра Васильевича жила, — неизвѣстно, но не меньше 13 лѣтъ по рожденіи сына, ибо въ 1743 году родила младшую дочь; слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 13 лѣтъ Александръ Суворовъ прожилъ подъ ея вліяніемъ, которое, конечно, не могло остаться совершенно безслѣднымъ, въ какихъ бы видахъ ни проявлялось.

О матери А. В. Суворова извѣстно только то, что имя ея было Авдотья Федосѣевна и что вышла она замужъ за Василія

Ивановича въ концѣ 20-хъ годовъ. Отецъ ея, Федосѣй Мануковъ, тоже почти неизвѣстенъ; знаемъ только, что онъ былъ дьякъ, что по указу Петра Великаго онъ описывалъ Ингермандандію по урочищамъ; въ 1715 году, во время празднованія свадьбы князя-папы, участвовалъ въ потѣшной процессіи, одѣтый по-польски, со скрипкою въ рукахъ; въ 1737 году былъ петербургскимъ воеводой и въ концѣ года судился за злоупотребленія по службѣ [4]). Въ 1760 году Авдотьи Федосѣевны въ живыхъ уже не было; въ перепискѣ ея сына, за все время его долгой жизни, не говорится о ней ни слова, не встрѣчается ни одного намека или воспоминанія.

Годъ рожденія Александра Васильевича Суворова точно неизвѣстенъ. Большая часть его исторіографовъ принимаютъ 1729 годъ, который обозначенъ и на его гробницѣ; но это едва ли вѣрно. Въ одной изъ офиціальныхъ бумагъ онъ говоритъ, что вступилъ въ службу въ 1742 году, имѣя отъ роду 15 лѣтъ; по другимъ его показаніямъ, рожденіе его можно отнести и къ 1729, и къ 1730 году. Но въ одной собственноручной его запискѣ на итальянскомъ языкѣ сказано: Jo son nato 1730 il 13 Novembre; въ письмѣ его вдовы къ племяннику Хвостову о надгробномъ памятникѣ значится, что мужъ ея родился въ 1730 году; этотъ же годъ получается изъ его формуляра, составленнаго въ концѣ 1763 года, когда Суворовъ былъ полковымъ командиромъ. Эти и довольно многочисленныя другія данныя приводятъ къ заключенію, что 1730 годъ слѣдуетъ считать годомъ его рожденія скорѣе, чѣмъ всякій другой [5]).

Гдѣ именно онъ родился — неизвѣстно; нѣкоторые свидѣтельствуютъ, что въ Москвѣ, другіе, что въ Финляндіи, но ничѣмъ своихъ словъ не доказываютъ. Принадлежа къ дворянскому роду, хотя незнатному, но старому и почтенному, онъ появился на свѣтъ при матеріальной обстановкѣ не блестящей, но безбѣдной. Предки его за добрую службу въ разныхъ походахъ получали отъ правительства помѣстья; дѣдъ владѣлъ нѣсколькими имѣніями и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, не былъ расточителенъ; отецъ и того больше. Мать его тоже нельзя назвать безприданницей, какъ это видно по раздѣльной записи 1740 г.

на движимое и недвижимое имѣніе въ Москвѣ и орловскомъ уѣздѣ между ею, поручицею Авдотьею Суворовой и ея сестрой, полковницей Прасковьей Скарятиной. При всемъ томъ, состояніе Василія Ивановича Суворова, впослѣдствіи довольно значительное, было въ дѣтскіе годы сына не велико. Изъ разныхъ данныхъ по этому предмету, какъ-то вотчинныхъ отчетовъ, записей, послужныхъ списковъ отца и сына, можно заключить, что Василій Ивановичъ владѣлъ въ ту пору приблизительно тремя сотнями душъ мужского пола, т.-е. былъ человѣкомъ обезпеченнымъ, но не богатымъ [6]).

Такимъ образомъ, средства Василія Ивановича не отнимали отъ него возможности дать сыну порядочное образованіе, но этому препятствовала его скупость, доходившая до скаредности [7]). Это обстоятельство бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на дѣтскіе и юношескіе годы А. В. Суворова и на тѣ условія, при которыхъ происходило приготовленіе его къ жизненному поприщу. Объ этой порѣ прямыхъ источниковъ нѣтъ, а существующіе въ печати очень сомнительны уже по одному тому, что въ нихъ смѣшивается Суворовъ 10-ти лѣтній съ Суворовымъ 20-ти лѣтнимъ и первому приписывается то, что могло относиться только ко второму. Какъ бы богато ни былъ одаренъ человѣкъ отъ природы, онъ въ дѣтствѣ можетъ быть только ребенкомъ. Суворовъ несомнѣнно обнаружилъ очень рано жажду знанія, но утоленіе этой жажды все-таки не могло начаться раньше извѣстнаго возраста, потому что требовалось научиться предварительно хоть читать. Не пускаясь въ предположенія, какова была система первоначальнаго образованія А. В. Суворова, такъ какъ на это не имѣется достаточныхъ данныхъ, можно однако сказать положительно, что къ числу изучаемыхъ предметовъ относились языки французскій и нѣмецкій, а можетъ быть и итальянскій, такъ какъ въ молодые свои годы Александръ Васильевичъ владѣлъ въ разной степени этими тремя языками, независимо своего роднаго, о чемъ и обозначено въ его послужномъ спискѣ 1763 года. Нѣкоторымъ другимъ языкамъ онъ выучился впослѣдствіи, въ зрѣлыя и даже въ преклонныя лѣта. Впрочемъ и съ итальянскимъ языкомъ онъ, быть можетъ, познакомился не

дома, а нѣсколько позже; зналъ его очень слегка, почти никогда не употреблялъ и ничего на немъ не писалъ; по крайней мѣрѣ въ бумагахъ его сохранилась только одна записка, писанная по итальянски, да и та по содержанію своему не требовала литературнаго изложенія. Нельзя также допустить предположеніе, чтобы Александръ Васильевичъ усвоилъ въ дѣтствѣ иностранные языки до степени свободнаго и правильнаго ихъ употребленія; онъ продолжалъ въ нихъ совершенствоваться впослѣдствіи довольно долгое время и хотя дошелъ до того, что выражался по-французски и по-нѣмецки свободно и бойко въ разговорѣ и на письмѣ, но далеко неправильно. Впрочемъ, неправильность эта заключается и въ его русскомъ языкѣ; она происходила столько же отъ дурного первоначальнаго обученія, сколько свидѣтельствовала живой темпераментъ, нетерпѣливость и энергію Суворова, не любившаго останавливаться на мелочахъ и обладавшаго, по его собственному выраженію, «быстроправіемъ». Неправильности его русской рѣчи и письма скорѣе даже увеличились, чѣмъ уменьшились къ его старости. Что же касается иностранныхъ языковъ, то постепенное въ нихъ усовершенствованіе Суворова не подлежитъ сомнѣнію, если сравнить самыя раннія его письма (наприм. 1764 года) съ позднѣйшими [8]).

Неразумная скупость Василія Ивановича сильно тормозила первоначальное образованіе его сына и привела бы къ плачевнымъ послѣдствіямъ, если бы не служили ей противовѣсомъ врожденныя способности и необыкновенная любознательность ребенка. Благодаря такимъ образомъ самому ребенку, дѣло подвигалось съ успѣхомъ, но вскорѣ встрѣтило себѣ новое препятствіе.

Василій Ивановичъ былъ военнымъ человѣкомъ только по званію и по мундиру, не имѣлъ къ настоящей военной службѣ никакого призванія, а потому и сына своего предназначалъ къ дѣятельности гражданской, быть можетъ дипломатической. Хотя военная карьера была наиболѣе почетною, но рѣшеніе отца оправдывалось тѣмъ, что сынъ казался созданнымъ вовсе не для нея: былъ ростомъ малъ, тощъ, хилъ, дурно сложенъ и некрасивъ. Къ тому же для кандидатства на военное поприще было уже

много упущено времени. Съ Петра Великаго каждый дворянинъ обязанъ былъ вступать въ военную службу, начиная ее съ низшихъ чиновъ; даже знать не могла отдѣлываться отъ этого общаго закона. Нашли однако средство исполнять постановленіе по буквѣ, обходя его по духу. Дворяне, особенно знатные и богатые, записывали своихъ сыновей въ гвардію при самомъ ихъ рожденіи или въ годахъ младенческихъ, иногда капралами и сержантами, а у кого не было случая или связей — просто недорослями, и оставляли ихъ у себя на воспитаніи до возраста. Подобные унтеръ-офицеры-младенцы производились нерѣдко въ офицеры, затѣмъ повышались въ чинахъ, въ весьма юномъ возрастѣ переходили съ повышеніемъ въ армейскіе полки и такимъ образомъ легко, особенно при сильныхъ покровителяхъ, достигали высшихъ степеней въ военной или гражданской службѣ, если первую мѣняли на вторую. Въ 70-хъ годахъ въ одномъ Преображенскомъ полку считалось больше 1000 подобныхъ сержантовъ, а недорослямъ не было почти и счета [9]). Василій Ивановичъ самъ служилъ или числился, во время рожденія сына, да и послѣ, въ Преображенскомъ полку; ему не стоило почти никакого труда записать новорожденнаго капраломъ или сержантомъ для счета служебнаго старшинства. Почему онъ этого не сдѣлалъ — Богъ знаетъ; только едва ли вслѣдствіе сознанія несправедливости и беззаконности подобныхъ кривыхъ путей: обычай очень уже вкоренился, и добровольно отъ него отказаться было слишкомъ невыгодною щепетильностью. Какъ бы то ни было, но сынъ его не былъ записанъ въ военную службу, а между тѣмъ въ немъ мало по-малу обнаружилась сильнѣйшая склонность къ этой спеціальности, и занятія его приняли соотвѣтствующее склонности направленіе.

Призваніе маленькаго Суворова стало высказываться рано, именно когда онъ получилъ первыя основы образованія и въ извѣстной степени познакомился съ нѣсколькими иностранными языками. Принявшись за дѣтское чтеніе, онъ сталъ останавливаться на книгахъ военно-историческаго содержанія, потомъ искать ихъ и ими зачитываться. Хорошо составленной военной библіотеки у отца его не могло быть; книги вѣроятно были, по

большей части, случайныя. Между ними нашлись нѣкоторыя, оказавшіяся ребенку по силамъ; онѣ сильно горячили его воображеніе, исполняя роль масла, подливаемаго въ огонь. Занятія принимали усиленный ходъ и спеціальный характеръ; мальчикъ, отъ природы чрезвычайно подвижной, веселый и живой, сталъ засиживаться за книгами, убѣгалъ компаніи сверстниковъ, пренебрегалъ дѣтскими играми, старался не выходить къ гостямъ, или тайкомъ уходилъ отъ нихъ въ свою свѣтелку. Къ этому присоединились нѣкоторыя странности или неровности характера; бросивъ книги, маленькій Суворовъ скакалъ верхомъ, возвращался усталый, промоченный дождемъ, пронизанный вѣтромъ.

Какъ ни мало Василій Ивановичъ обращалъ вниманія на ходъ занятій своего сына, а можетъ быть и на всю общность его воспитанія, однако пристрастіе мальчика къ военному дѣлу и въ особенности странное его поведеніе не могли пройти незамѣченными. Ненормальность ребенка кидалась въ глаза постороннимъ, не только своимъ. Василій Ивановичъ дѣлалъ сыну замѣчанія, выговоры, — мальчикъ сталъ все больше замыкаться въ своемъ любимомъ мірѣ, питаться мечтами и грезами своего распаленнаго воображенія. Внутренняя работа продолжалась, препятствія только вырабатывали въ ребенкѣ волю, и безъ того замѣчательно упругую, и дѣло двигалось своимъ путемъ. У Василія Ивановича было слишкомъ много занятій денежнаго характера, по его мнѣнію болѣе важныхъ; онъ махнулъ на сына рукой, а посторонніе окрестили мальчика какой-то насмѣшливой кличкой.

Александру Васильевичу Суворову исполнилось 11 лѣтъ; къ его отцу заѣхалъ старый знакомый, генералъ Ганнибалъ, негръ, питомецъ Петра Великаго. Василій Ивановичъ, бесѣдуя съ гостемъ, коснулся и своего сына, разсказавъ о его занятіяхъ и причудахъ. Ганнибалъ разспросилъ отца, поговорилъ съ сыномъ, пересмотрѣлъ его книги. Дѣло было до того ясно, наклонности мальчика въ такой степени опредѣлительны и любовь къ занятіямъ военными науками имѣла такой страстный характеръ, что колебаться было нечего. Ганнибалъ посовѣтовалъ Суворову-

отцу не препятствовать сыну, а поощрять его въ предпринятыхъ занятіяхъ и сказалъ, что блаженной памяти Петръ Великій непремѣнно поцѣловалъ бы мальчика въ лобъ за его настойчивые труды. Совѣтъ былъ добрый; отецъ, конечно, желавшій сыну блага отъ всей души, рѣшился дать ему волю въ выборѣ занятій, и ребенокъ больше прежняго былъ предоставленъ самому себѣ. Кромѣ того, уступая желанію сына, Василій Ивановичъ записалъ его, въ 1742 году, въ гвардію, въ Семеновскій полкъ рядовымъ. Въ полкъ онъ поступилъ однакоже не тотчасъ, а въ 1745 году. Гдѣ именно онъ эти три года находился, съ достовѣрностью сказать нельзя. Есть свидѣтельство, будто онъ былъ помѣщенъ въ Сухопутный кадетскій корпусъ [10]), но принять это извѣстіе за безспорное нельзя. Болѣе вѣроятности, что мальчикъ продолжалъ свое образованіе дома, по прежнему безъ системы и постояннаго руководительства, почти самоучкой. Подлежитъ сильному сомнѣнію, чтобы молодой Суворовъ, до записанія его въ полкъ, могъ изучить хоть какъ-нибудь всѣ тѣ науки, на которыя указываютъ его біографы, и читать тѣхъ авторовъ, которыхъ они перечисляютъ. Въ библіотекѣ Василія Ивановича не могло быть всѣхъ этихъ книгъ, потому что совокупность ихъ указывала бы на его замѣчательное военное образованіе, чего на самомъ дѣлѣ не было; не могъ онъ и покупать ихъ массами для сына, потому что книги вообще были тогда дороги, а Василій Ивановичъ скупъ. Такимъ образомъ слѣдуетъ признать произвольными предположеніями всѣ существующія свидѣтельства о сущности и размѣрѣ научныхъ занятій молодого Суворова подъ домашней кровлей, до поступленія въ полкъ съ отъѣздомъ въ Петербургъ. Будетъ гораздо вѣрнѣе пріемъ — ознакомиться съ кругомъ его самообразованія вообще, безъ подраздѣленія на домашнее и недомашнее, тѣмъ болѣе, что для правильности выводовъ такое дѣленіе совсѣмъ и не нужно.

Вообще очень много распространено ложныхъ свѣдѣній на счетъ Суворова, особенно за самый ранній періодъ его жизни; свѣдѣнія эти порождены не только грубымъ вымысломъ, но и довольно тонкими хитросплетеніями предвзятыхъ мыслей. Приведемъ примѣръ. Популярно-историческія сочиненія особенно

нравятся хорошо развитымъ дѣтямъ и читаются ими съ наибольшею охотой. Изъ военныхъ наукъ, военная исторія болѣе всего приходилась въ началѣ по плечу маленькому Суворову, могла завлечь его въ дальнѣйшія занятія и дать сильный толчокъ его военному призванію. Ему особенно нравился Карлъ XII, этотъ образецъ неустрашимости, смѣлости и быстроты; такіе люди сильно дѣйствуютъ на воображеніе, слѣдовательно приходятся по дѣтскому вкусу больше всякихъ иныхъ. Только впослѣдствіи замѣчается, что голова Карла была экзальтирована и не совсѣмъ въ порядкѣ, что твердость его скорѣе можетъ быть названа упрямствомъ и что вся общность его военныхъ качествъ соотвѣтствуетъ больше идеалу солдата, чѣмъ полководца. Входя въ года и зрѣя умомъ, Суворовъ понялъ это, иначе не сталъ бы изучать, наравнѣ съ дѣяніями Карла, сухія, методическія записки Монтекукули, строющаго все на благоразуміи и разсчетѣ. А нѣкоторые его біографы утверждаютъ, будто онъ одновременно пристрастился въ ранней юности и къ Карлу XII, и къ Монтекукули. Подобная мысль могла родиться только у панегириста съ цѣлью оправдать пристрастіе молодого Суворова къ Карлу XII и установить противовѣсъ такому не совсѣмъ удачному выбору. Панегиристы вредятъ обыкновенно памяти своего героя больше, чѣмъ порицатели, отнимая отъ его изображенія жизненную правду.

Самоучка-Суворовъ познакомился мало по малу съ Плутархомъ, Корнеліемъ Непотомъ, съ дѣяніями Александра, Цезаря, Аннибала и другихъ знаменитыхъ полководцевъ древности, съ походами Карла XII, Монтекукули, Конде, Тюренна, принца Евгенія, маршала Саксонскаго и многихъ иныхъ. Изученіе исторіи и географіи у него шло кромѣ того по Гюбнеру и Ролленю, а начала философіи по Вольфу и Лейбницу. Артиллерію и фортификацію онъ изучалъ подъ руководствомъ своего отца, который былъ знакомъ съ инженерною наукою больше, чѣмъ съ чѣмъ-либо другимъ и даже, по утвержденію нѣкоторыхъ, перевелъ на русскій языкъ Вобана. Можетъ быть, это обстоятельство дало поводъ приписывать А. В. Суворову знаніе Вобана наизусть. Такого задалбливанія не могло быть въ дѣйствительности по

свойствамъ ума Суворова, да онъ и не имѣлъ вовсе склонности къ инженерному дѣлу. Весьма важную роль въ образованіи Суворова занимала религіозная сторона; но мы знаемъ только, что онъ отличался набожностью и благочестіемъ, любилъ сидѣть надъ библіею и изучилъ въ совершенствѣ весь церковный кругъ. Этими немногими словами приходится ограничиться, иначе пришлось бы витать въ области безпочвеннаго резонерства или прибѣгать къ натяжкамъ въ родѣ многихъ существующихъ, каково напримѣръ утвержденіе, будто Суворовъ воспитывался подъ надзоромъ дѣда, протоіерея, и что поэтому онъ всѣми корнями своего нравственнаго бытія принадлежалъ до-Петровской Руси.

Суворовъ былъ самоучка, стало быть ходъ его образованія не отличался ни строгою системою, ни методомъ. Съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ увлеченный примѣрами военныхъ знаменитостей, онъ ими только и жилъ, ими только и дышалъ; никѣмъ не направляемый, онъ не могъ добровольно дѣлить свое время между занятіями военными и не военными, и послѣднимъ удѣлялъ свой трудъ лишь въ размѣрѣ крайней необходимости. Только утоливъ въ извѣстной степени жажду, могъ онъ перейти къ занятіямъ общеобразовательнымъ, и совершилось это тогда, когда сталъ онъ человѣкомъ зрѣлымъ, хотя по лѣтамъ и очень еще молодымъ. Можетъ быть, благодаря этому обстоятельству, выросла въ немъ и окрѣпла въ самую впечатлительную пору жизни ненасытимая страсть военнаго славолюбія, которая прошла чрезъ все его существованіе и сдѣлалась самымъ большимъ горемъ и самою большою утѣхой его жизни. Во всякомъ случаѣ, тотъ фактъ, что общее образованіе Суворова выросло на спеціально-военной основѣ, долженъ быть принятъ во вниманіе при его характеристикѣ.

Находясь въ полку и продолжая работать надъ своимъ образованіемъ, Суворовъ вѣроятно въ это время посѣщалъ кадетскій корпусъ, такъ какъ посѣщеніе имъ корпусныхъ лекцій удостовѣряется довольно положительными свидѣтельствами, а въ другую пору своей жизни онъ этого дѣлать не могъ. Примѣры подобныхъ занятій въ учебныхъ заведеніяхъ молодыхъ

людей, состоявшихъ на дѣйствительной службѣ, бывали, особенно въ царствованіе Екатерины II. Но если Суворовъ и слушалъ курсъ кадетскаго корпуса, то едва-ли это обстоятельство имѣло существенное вліяніе на качество и объемъ его образованія. Онъ учился предъ тѣмъ такъ усердно и читалъ такъ много, что корпусные уроки не въ состояніи были ощутительно обогатить запасъ его знаній, а развѣ внесли въ нихъ нѣкоторую систематичность. Корпусными уроками онъ не ограничивался и продолжалъ усиленно заниматься дома, на небольшой наемной квартирѣ, ибо въ казармахъ не жилъ. Все его время, безъ малѣйшаго исключенія, уходило на службу, на посѣщеніе классовъ кадетскаго корпуса и на домашнія научныя занятія; онъ рѣшительно не бывалъ нигдѣ, кромѣ этихъ трехъ мѣстъ. Получая отъ отца извѣстную сумму на свое содержаніе, конечно очень небольшую, Суворовъ однако ухитрялся дѣлать экономію и все скопленное употреблялъ на покупку книгъ; но такъ какъ остатки были не велики, то доставалъ книги на прочтеніе отовсюду, откуда только могъ, въ томъ числѣ вѣроятно и изъ кадетскаго корпуса. Такъ проходило его время въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подрядъ, и Суворовъ быстро формировался умственно [11]).

По всему этому казалось бы, что изъ него долженъ былъ выйти ученый теоретикъ, такъ какъ военная служба вовсе не требовала въ то время солиднаго образованія, и невѣжество было почти сплошное, ни мало не препятствуя движенію впередъ по чиновной лѣстницѣ. Если и въ настоящее время существуетъ антагонизмъ между теоріей и практикой, вслѣдствіе коренящагося въ значительномъ числѣ образованныхъ людей убѣжденія, будто теорія и практика имѣютъ не одну общую, а двѣ разныя дороги, то въ половинѣ прошлаго столѣтія серьезная научная подготовка тѣмъ паче не считалась нужной для практической военной дѣятельности. Но такъ смотрѣли другіе, а не Суворовъ: онъ изучалъ усиленно теорію для того, чтобы сдѣлаться исключительно практикомъ.

Великимъ полководцемъ нельзя сдѣлаться съ помощію науки; они родятся, а не дѣлаются. Тѣмъ болѣе должно цѣнить тѣхъ

изъ военныхъ людей, которые, чувствуя свою природную мощь, не отвергаютъ однако науки, а прилежно изучаютъ ея указанія. Это есть прямое свидѣтельство глубины и обширности ихъ ума. Такимъ умомъ обладалъ и Суворовъ. Онъ понималъ, что изученіе облегчаетъ и сокращаетъ уроки опыта; что опытъ, не создавая военныхъ способностей, развертываетъ ихъ; что теорія, построенная на вѣковыхъ опытахъ, гораздо полнѣе, чѣмъ выводы личнаго наблюденія. Не сталъ бы онъ тратить время на самообразованіе, если бы не сознавалъ твердо, что безъ науки самому храброму офицеру трудно сдѣлаться искуснымъ офицеромъ; что природный даръ, безъ образованія, если и можетъ быть уподобленъ благородному металлу, то развѣ неочищенному и необдѣланному. И хотя офицеръ и военачальникъ—двѣ степени, отвѣчающія различнымъ условіямъ, но Суворовъ, задавшись конечною цѣлью, не думалъ обходить ближайшія, разумѣя, что хорошему офицеру легче добиться до высшаго начальствованія, чѣмъ плохому, и что добрыя качества храбраго, но вмѣстѣ съ тѣмъ искуснаго офицера растутъ подъ пулями и ядрами, а посредственность разоблачается. Слѣдуетъ однако замѣтить, что занимаясь теоріею военнаго дѣла многіе годы, онъ относился къ изучаемымъ предметамъ не рабски, а самостоятельно и свободно. Онъ вполнѣ усвоилъ мысль, что изучая великихъ мужей, нельзя ограничиться прямымъ у нихъ заимствованіемъ, а тѣмъ менѣе впасть въ ошибку подражанія. Почти все, добытое путемъ науки, въ Суворовѣ переработывалось совершенно и принимало свое собственное обличье, которое иногда какъ будто отрицало самый образецъ. Суворова не затягивало, не засасывало съ головой, что бываетъ съ учеными теоретиками, необладающими сильнымъ умомъ. Онъ не искалъ въ наукѣ и прямой утилитарности, какъ расположены дѣлать узкіе практики - спеціалисты. Суворовъ зналъ, что теорія подготовляетъ и развиваетъ умъ въ извѣстномъ направленіи, но въ дѣлѣ приложенія несостоятельна, ибо это задача уже самого человѣка. Онъ смотрѣлъ на пріобрѣтаемыя знанія какъ на складъ всевозможныхъ пособій для военной дѣятельности, но не разсчитывалъ требовать отъ изучаемой теоріи указаній — въ какомъ случаѣ какое пособіе слѣдуетъ упо-

требить. Онъ искалъ не столько частнаго, сколько общаго. Основныя начала военныхъ операцій неизмѣнны во всѣ времена и независимы отъ условій оружія и мѣста; только приложеніе ихъ къ дѣлу измѣняется. Въ древнее и въ новое время побѣды выигрывались, благодаря однимъ и тѣмъ же первоначальнымъ причинамъ, оттого изученіе великихъ военныхъ мастеровъ классической древности столько же полезно, сколько и позднѣйшаго времени. Суворовъ не только ихъ не обошелъ, но къ нимъ пристрастился и считалъ ихъ своими учителями. Позже, въ перепискѣ и бесѣдѣ, онъ часто вспоминалъ высокочтимыя имъ имена Александра, Цезаря, Аннибала и любилъ на нихъ ссылаться. Очень вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ писателей о Суворовѣ [12]), что военный его геній, не смотря на всю оригинальность свою, выработался подъ вліяніемъ классическихъ впечатлѣній.

Чтобы довести до степени законченности предпринятое самообразованіе, Суворову нужно было имѣть большую силу воли, а чтобы сладить съ внутреннимъ смысломъ задачи, требовался обширный умъ. Признавать за нимъ первую и отказывать ему во второмъ, значитъ обрекать себя на невѣрную постановку вопроса и стало быть на неправильные выводы, что и замѣчается у большей части иностранныхъ писателей о Суворовѣ. Если бы они удостоили его обстоятельнымъ изученіемъ, то не приняли бы оригинальность его ума и всей натуры за недостатокъ умственнаго развитія, а его способы примѣненія научнаго образованія къ дѣлу—за невѣжество. Суворовъ часто громилъ впослѣдствіи сарказмами «бѣдныхъ академиковъ», но подводилъ подъ это названіе не людей науки вообще, а бездарныхъ теоретиковъ, непонимающихъ различія между наукой и ея приложеніемъ, ибо, по его мнѣнію, въ приложеніи-то къ дѣлу и должна выражаться сила науки. Въ то же время, будучи исключительно практикомъ, онъ не давалъ спуска и практикамъ-невѣждамъ, говоря про нихъ, что они можетъ быть и знаютъ военное дѣло, да оно ихъ не знаетъ. Для того, чтобы не оспаривать у Суворова сильнаго ума и обширной эрудиціи, достаточно, не слѣдуя за нимъ въ его жизни, познакомиться лишь съ его вступленіемъ въ жизнь. Поэтому обвиненія его въ невѣжествѣ и умственной слабости

представляются не только невѣрными, но даже и не совсѣмъ понятными.

Каковъ онъ былъ въ занятіяхъ научныхъ, таковъ и въ службѣ. Поступивъ въ полкъ на 15 году отъ роду, онъ тотчасъ же сдѣлался дѣйствительнымъ солдатомъ. Служба не имѣла для него значенія навязаннаго судьбою тяжкаго труда; она не представлялась ему рядомъ скучныхъ, формальныхъ, мелочныхъ обязанностей. Онъ ей учился, учился съ увлеченіемъ, съ радостью; знакомился съ нею во всѣхъ подробностяхъ, для него даже необязательныхъ; несъ на себѣ обязанности солдата въ служебныхъ положеніяхъ важныхъ и неважныхъ, легкихъ и трудныхъ. Для него это было *нужно*, какъ нужны были научныя занятія; передъ нимъ въ непредѣленной дали свѣтилась едва видимая точка, дойти до которой онъ задался во чтобы то ни стало. Эта отдаленная цѣль показалась бы для другихъ абсурдомъ, бредомъ больного воображенія, до того достиженіе ея было несбыточно для юнаго дворянчика-солдата, безъ связей и покровительства, безъ большого состоянія, безвѣстнаго, неказистаго, хилого. Но Суворовъ чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для того, чтобы добиваться этой якобы несбыточной мечты, опредѣлилъ къ тому средства, обдумалъ программу. Въ программу входили развитіе ума и укрѣпленіе тѣла, что онъ уже дѣлалъ; входило въ нее и изученіе солдатской среды, рѣшеніе—освоиться съ нею вполнѣ, безъ оглядокъ и компромиссовъ. Къ этой части программы онъ и приступилъ тотчасъ, какъ попалъ въ полкъ,—и сталъ дѣйствительнымъ, заправскимъ солдатомъ.

Мысль—изучить солдата во внѣшнемъ его бытѣ до мельчайшихъ подробностей обычаевъ и привычекъ и во внутренней его жизни до тайныхъ изгибовъ его вѣрованій, чувствованій, понятій,—есть въ сущности мысль простая для того, кто задался такою цѣлью, какъ Суворовъ. Вся трудность заключалась въ исполненіи; требовались постоянство и выдержка необычайныя, нужна была воля, ни передъ чѣмъ не преклоняющаяся. Суворовъ обладалъ этими условіями и потому цѣли достигъ. Можетъ быть даже, что онъ ушелъ дальше, чѣмъ самъ предполагалъ. Едва-ли передъ глазами 15-20 лѣтняго Суворова обрисо-

вывался опредѣленными очертаніями идеалъ, во всемъ схожій съ будущимъ, дѣйствительнымъ 50-60-лѣтнимъ Суворовымъ. Онъ могъ хотѣть—изучить солдата, изслѣдовать этотъ малый атомъ великаго тѣла для того, чтобы умѣть владѣть этимъ тѣломъ. Ему нужно было средство для достиженія цѣли, которую онъ видѣлъ въ Юліѣ Цезарѣ, Аннибалѣ и другихъ; но *претвориться* въ солдата, сдѣлаться такимъ, чтобы отъ тебя «отдавало солдатомъ» всюду и всегда,—этого онъ желать не могъ. Не было къ тому никакой надобности для человѣка высшаго сословія, образованнаго и развитого; не могло быть и желанія. Вышло однако не такъ: его втянула въ себя солдатская среда.

Въ русской солдатской средѣ много привлекательнаго. Здравый смыслъ въ связи съ безобиднымъ юморомъ; мужество и храбрость спокойныя, естественныя, безъ позъ и театральныхъ эффектовъ, но съ подбоемъ самаго искренняго добродушія; умѣнье безропотно довольствоваться малымъ, выносить невзгоды и бѣды, такъ же просто, какъ обыденныя мелочныя неудобства. Суворовъ былъ русскій человѣкъ вполнѣ; погрузившись въ солдатскую среду для ея изученія, онъ не могъ не понести на себѣ ея сильнаго вліянія. Онъ сроднился съ нею навсегда; все, на что она находила себѣ отголосокъ въ его натурѣ, выросло въ немъ и окрѣпло, или же усвоилось и укоренилось. Этимъ путемъ много могло зародиться или развиться въ немъ такого, чего онъ вовсе не искалъ и даже чего не хотѣлъ бы. По крайней мѣрѣ мы находимъ подтвержденіе этой мысли впослѣдствіи, въ его собственныхъ словахъ; онъ не разъ пытается извинить себя во многомъ тѣмъ резономъ, что судьба опредѣлила ему, такъ сказать, сложиться въ солдатской средѣ.

Въ бытность свою солдатомъ, онъ изучилъ во всей подробности воинскіе уставы и постановленія, бывалъ постоянно на строевыхъ ученьяхъ и ходилъ въ караулъ; самъ чистилъ ружье, называя его своей женой; раздѣлялъ съ нижними чинами всѣ ихъ служебные труды. Въ немъ не было и тѣни дилетантскаго верхоглядства или резонерства; все было для него достойно вниманія и строгаго исполненія; онъ ничего не дѣлалъ на половину или кое-какъ, все заканчивалъ; всякую обязанность свою или

служебное требованіе исполнялъ съ величайшею точностью, граничевшею съ педантствомъ. Его уму былъ присущъ духъ критики, но онъ далъ ему волю только впослѣдствіи; теперь онъ *учился*,—и критикѣ мѣста не было. Такого разбора солдатъ не можетъ быть заурядnымъ служакой, и дѣйствительно Суворовъ былъ образцомъ для всѣхъ. Между тѣмъ это не могло доставаться ему легко; въ полку застигъ его критическій возрастъ, когда здоровье требуетъ особеннаго о себѣ попеченія. Но Суворовъ вышелъ и тутъ побѣдителемъ, продолжая начатую дома закалку своей натуры. Это былъ цѣлый прикладной курсъ гигіены, обдуманный и съ большимъ терпѣніемъ исполняемый. Суворовъ положительно укрѣпилъ свое здоровье и, будучи съ виду щедушнымъ и хилымъ, лучше иныхъ здоровяковъ переносилъ усталость, голодъ, ненастье и всякаго рода лишенія.

Почти никакихъ подробностей о его службѣ въ нижнемъ званіи до насъ не дошло, кромѣ одного случая, который онъ самъ потомъ разсказывалъ. Изъ числа военныхъ занятій мирнаго времени, караульная служба имѣетъ наиболѣе важности и исполняется въ военное время почти безъ измѣненій, совершенно также, какъ и въ мирное, чего про многое другое сказать нельзя. Поэтому строгое, педантическое исполненіе всѣхъ мелочныхъ требованій караульной службы есть непремѣнное условіе солдатскаго воспитанія и образованія. Именно въ этомъ солдату-Суворову и пришлось однажды выдержать испытаніе. Будучи въ Петергофѣ въ карауле, онъ стоялъ на часахъ у Монплезира. Императрица Елизавета Петровна проходила мимо; Суворовъ отдалъ ей честь. Государыня почему-то обратила на него вниманіе и спросила, какъ его зовутъ. Узнавъ, что онъ сынъ Василія Ивановича, который былъ ей извѣстенъ, она вынула серебряный рубль и хотѣла дать молодому Суворову. Онъ отказался взять, объяснивъ, что караульный уставъ запрещаетъ брать часовому деньги. «Молодецъ», сказала Государыня: «знаешь службу»; потрепала его по щекѣ и пожаловала поцѣловать свою руку. «Я положу рубль здѣсь, на землѣ», прибавила она: «какъ смѣнишься, такъ возьми». Крестовикъ этотъ Суворовъ хранилъ всю свою жизнь [13]).

Долго тянулъ Суворовъ солдатскую лямку. Въ 1747 году былъ онъ произведенъ въ капралы, черезъ $2^1/_2$ года въ подпрапорщики, въ 1751 году въ сержанты [1]). Въ своемъ прошеніи въ Московское дворянское депутатское собраніе онъ говоритъ, что состоялъ въ унтеръ-офицерскихъ чинахъ съ исправленіемъ разныхъ должностей и трудныхъ посылокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на такого исправнаго и ретиваго служаку возлагались порученія, требовавшія распорядительности, но какого именно рода они были, намъ неизвѣстно, кромѣ одного. Изъ двухъ сохранившихся подорожныхъ видно, что сержантъ Суворовъ былъ посланъ въ Дрезденъ и Вѣну съ депешами въ 1752 году, гдѣ и находился съ марта по октябрь [1]). Причиною выбора Суворова для такой командировки было конечно, кромѣ его служебной репутаціи, также и знакомство его съ иностранными языками.

Наконецъ 15 апрѣля 1754 года Суворовъ былъ произведенъ въ офицеры. Свои сержантскія обязанности онъ исполнялъ передъ производствомъ совершенно съ тою же добросовѣстностью, какъ служилъ прежде простымъ солдатомъ. Ротный командиръ его говорилъ Василію Ивановичу, что онъ самъ напрашивается на трудныя служебныя обязанности, никогда ни для какихъ надобностей служебныхъ не нанимаетъ за себя солдатъ, а исполняетъ самъ; любитъ учить фронту, причемъ весьма требователенъ; большую часть времени проводитъ въ казармахъ; солдаты очень его любятъ, но всѣ считаютъ чудакомъ [14]). Произведенный въ офицеры, Суворовъ разстался съ Семеновскимъ полкомъ и поступилъ въ армію, въ Пермландскій пѣхотный, поручикомъ [1]). Поздно дослужился онъ до офицерскаго чина; ему тогда шелъ уже 25 годъ, а въ этомъ возрастѣ многіе въ то время бывали полковниками и даже генералами. Такъ Румянцовъ произведенъ въ генералъ-маіоры на 22 году, Н. И. Салтыковъ дослужился до этого чина, имѣя 25 лѣтъ, И. В. Репнинъ— 28 лѣтъ. Но производство въ чины наверстать было можно впослѣдствіи, что онъ и сдѣлалъ, а долгая, тяжелая солдатская школа никакимъ дальнѣйшимъ опытомъ не замѣнялась. Кто въ ней не былъ, для того этотъ недостатокъ оставался невознагра-

дшымъ. Суворовъ это хорошо понималъ и позже говаривалъ: «Я не прыгалъ съ молоду, за то прыгаю теперь». Онъ не былъ скороспѣлкой, какъ многіе другіе, за то успѣлъ развить въ себѣ качества, искуственному росту не присущія.

Было бы очень любопытно и поучительно прослѣдить первое время офицерской службы Суворова. Многое въ немъ спорное, неясное или загадочное сдѣлалось бы несомнѣннымъ, если бы могъ быть воспроизведенъ съ фотографическою вѣрностью хоть одинъ день его тогдашней жизни. Къ сожалѣнію этого нѣтъ; свѣдѣнія о немъ за нѣсколько лѣтъ впередъ еще бѣднѣе, чѣмъ за время солдатской службы въ гвардіи. Въ Ингерманландскомъ полку прослужилъ онъ около двухъ лѣтъ, причемъ бывалъ часто у отца и по его довѣренности хлопоталъ въ присутственныхъ мѣстахъ, собирая выписи изъ книгъ на разныя части отцовскаго недвижимаго имѣнія. Въ январѣ 1756 года его повысили въ оберъ-провіантмейстеры и послали въ Новгородъ; въ октябрѣ того же года сдѣлали генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ, съ состояніемъ при военной коллегіи; въ декабрѣ переименовали въ премьеръ-маіоры [1]). Слѣдовательно первые годы по производствѣ въ офицеры, онъ только временами несъ строевую службу и по всей вѣроятности ротой не командовалъ. Въ чемъ именно заключались его обязанности въ Новгородѣ и при военной коллегіи, —не знаемъ, но судя по его взглядамъ и вкусамъ позднѣйшаго времени, надо полагать, что занятія эти приходились ему не по нутру. Однако они не прошли безслѣдно и принесли ему пользу. Спустя 35 лѣтъ, въ Финляндіи, поставленный въ необходимость приводить въ порядокъ хозяйственную часть войскъ, онъ замѣчаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что этотъ родъ службы для него не новость, что онъ подготовился къ нему раньше, когда былъ оберъ-провіантмейстеромъ [15]).

Несомнѣнно то, что въ эту пору своей жизни и службы, Суворовъ продолжалъ ревностно заниматься своимъ умственнымъ образованіемъ, которое приняло теперь болѣе общее развитіе. Онъ не хотѣлъ быть только ремесленникомъ военнаго дѣла и именно потому, что ставилъ его выше всякаго другого. Изъ предметовъ общаго образованія, исторія и литература

стояли у него на первомъ планѣ, но не исключали никакихъ другихъ знаній. Литературныя знаменитости послѣдняго времени были ему хорошо извѣстны, и онъ любилъ ихъ впослѣдствіи цитировать при каждомъ удобномъ случаѣ. Онъ теперь не только много читалъ, но пробовалъ и писать. Въ Петербургѣ, при кадетскомъ корпусѣ, составилось въ царствованіе Елизаветы Петровны первое Общество любителей русской словесности и первый русскій театръ. Находясь по временамъ въ Петербургѣ, Суворовъ посѣщалъ это общество и читалъ тамъ свои литературные опыты. Свѣдѣніе это идетъ отъ писателя того времени, Хераскова, автора Россіады, съ которымъ Суворовъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ; то же самое утверждаетъ и другой писатель прошлаго столѣтія, Дмитріевъ. Литературные опыты Суворова написаны въ любимой формѣ того времени, именно въ видѣ разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ. Бесѣдуетъ Кортецъ съ Монтецумой и Александръ Македонскій съ Геростратомъ. Монтецума доказываетъ Кортецу, что благость и милосердіе необходимы героямъ. Во второмъ разговорѣ авторъ, сопоставляя подвиги Александра съ поступкомъ Герострата, старается показать разницу между истинною любовью къ славѣ и тщеславной жаждой извѣстности. Суворовъ написалъ оба разговора въ 1755 году и читалъ ихъ въ Обществѣ любителей русской словесности. При чтеніи дѣлались замѣчанія, которыя авторъ охотно выслушивалъ, принималъ и, не выходя изъ собранія, дѣлалъ поправки. «Я боюсь забыть, что слышалъ», говорилъ онъ при этомъ: «я вѣрю Локку, что память есть кладовая ума; но въ этой кладовой много перегородокъ, а потому и надобно скорѣе все укладывать, что куда слѣдуетъ». Оба разговора были напечатаны въ 1756 году, въ издававшемся при Академіи наукъ первомъ русскомъ журналѣ подъ заглавіемъ «Ежемѣсячныя сочиненія». Подъ первымъ разговоромъ подписано С., подъ вторымъ А. С.[16]). Они не обнаруживаютъ ни особеннаго богатства мыслей, ни литературнаго таланта, написаны искусственнымъ слогомъ, подходящихъ къ Сумароковскому, который въ прошломъ столѣтіи довольно долго считался образцовымъ. Въ языкѣ обѣихъ статей нѣтъ ни малѣйшаго намека на

позднѣйшій отрывочный, эпиграматическій способъ выраженія Суворова, по которому всякая строка, имъ написанная, сразу выдаетъ своего автора. Вѣрнѣе было-бы оба разговора принять не за сочиненія, а за переводы, если бы не существовало свидѣтельствъ, что они оригинальное произведеніе Суворовскаго пера. Но если бы даже статьи на самомъ дѣлѣ были переводныя, то они все-таки имѣютъ цѣну, указывая на направленіе мыслей Суворова, выражающееся въ словахъ Монтецумы и Александра. Такихъ взглядовъ Суворовъ держался постоянно, всю свою жизнь; это доказываетъ, что въ молодости онъ обладалъ уже полнымъ самосознаніемъ и правилами, выработанными близкимъ знакомствомъ съ исторіей и работой собственной мысли. Человѣкъ, вступающій на жизненное поприще съ добытыми такимъ путемъ основаніями, не можетъ не имѣть будущности.

Чтобы свести къ итогу все изложенное, приведемъ слова одного иностраннаго писателя, который сказалъ, что Суворовъ завоевалъ сперва область наукъ и опыты минувшихъ вѣковъ, а потомъ побѣду и славу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первая боевая практика; 1758—1762.

Семилѣтняя война.—Назначеніе Суворова на театръ войны; пребываніе его въ Мемелѣ; переводъ въ дѣйствующія войска.—Военныя дѣйствія; несогласія и неискуство союзниковъ.—Набѣгъ на Берлинъ; участіе въ немъ Суворова.—Назначеніе Суворова въ летучій отрядъ; первое его начальствованіе въ дѣлѣ; послѣдующія встрѣчи съ непріятелемъ; временное командованіе драгунскимъ полкомъ; зимняя кампанія 1761 года; конецъ войны.—Отзывы начальниковъ о Суворовѣ.—Условія, въ которыхъ онъ началъ свое боевое поприще; школа, имъ пройденная.—Отъѣздъ въ Петербургъ и производство въ полковники.

Пруссія сдѣлалась лишь въ XVII столѣтіи государствомъ независимымъ и только въ началѣ XVIII вѣка возведена на степень королевства. Королевство складывалось и росло не долго, но быстро и прочно, благодаря особеннымъ качествамъ своихъ государей. При вступленіи на престолъ Фридриха Великаго, государство его состояло все-таки изъ территоріи небольшой, населенной 4 милліонами жителей, и хотя было далеко не богато, но отличалось сравнительнымъ благоустройствомъ и обладало хорошо организованною военною силой. Это доброе наслѣдіе не осталось въ рукахъ Фридриха II мертвымъ капиталомъ; онъ не способенъ былъ зарывать талантъ въ землю. Многое было сдѣлано его предшественниками, но еще больше оставалось сдѣлать ему самому, дабы поставить государство на высоту, гдѣ бы оно могло не опасаться за настоящее и спокойно глядѣть въ будущее. Дѣло за Фридрихомъ не стало. Онъ вмѣшался въ споръ

давнихъ, непримиримыхъ соперниковъ и враговъ — Австріи и Франціи. Австрія была унижена, Богемія завоевана, Пруссія усилилась Силезіей. Честолюбивые замыслы Фридриха и его способность привести ихъ въ исполненіе стали очевидны; поэтому старые счеты были отложены въ сторону, прежніе враги соединились, и противъ Пруссіи составилась могущественная коалиція. Австрія, Франція, Польша, Саксонія, Швеція, большая часть германскихъ князей, а потомъ и Россія, — таковъ былъ искуственный союзъ, грозившій самому существованію Пруссіи. Упорная война продолжалась 7 лѣтъ; она то приводила Пруссію на край гибели, то возносила ея короля на высокую степень военной славы, и была замѣчательна еще внутреннимъ своимъ смысломъ, потому что не вызывалась существенными интересами союзниковъ и только одной Австріи могла принести большія выгоды.

Война давно разгорѣлась и выразилась положительными фактами, — Саксонскій курфюрстъ бѣжалъ въ свое Польское королевство, Дрезденъ занятъ, Австрійцы разбиты, —а Русскіе все какъ будто чего-то выжидали. Армія ихъ готовилась не торопясь, главнокомандующій еще не былъ назначенъ, вообще при дворѣ не спѣшили. Мало хорошаго сулила эта медленность въ виду такого противника, какъ Фридрихъ.

Премьеръ-маіору Суворову открылась возможность вступить наконецъ на боевое поприще, къ которому онъ такъ усердно готовился. Былъ ли онъ назначенъ въ дѣйствующую армію по волѣ начальства, или самъ просился, — во всякомъ случаѣ получилъ не то, чего желалъ. Въ Лифляндіи и Курляндіи формировались въ то время для вступившихъ въ Пруссію пѣхотныхъ полковъ третьи батальоны. Суворовъ былъ приставленъ къ этому дѣлу, занимался имъ въ 1758 году и потомъ посланъ препроводить 17 вновь сформированныхъ батальоновъ въ Пруссію. Послѣднее порученіе конечно было принято имъ съ радостью, потому что приводило его повидимому къ цѣли — въ дѣйствующую армію. Случилось однако не такъ. Въ Мемелѣ были учреждены для арміи продовольственные магазины, склады съ разнаго рода военными запасами и госпитали. Суворовъ, сдавъ

третьи батальоны, былъ назначенъ комендантомъ въ Мемель, въ томъ же 1758 году. Это обстоятельство, между прочимъ, доказываетъ, какъ онъ мало еще былъ извѣстенъ и въ какой степени былъ чуждъ всякой протекціи. Получить назначеніе въ армію было дѣломъ очень легкимъ, лишь бы нашлось кому замолвить словечко, ибо все тогда дѣлалось изъ милости да по связямъ родства и свойства. Но покровителей у Суворова не было, и онъ долженъ былъ остаться въ тѣни. Военное время сравнительно съ мирнымъ бываетъ рѣдко; для истинно-военнаго человѣка съ подготовкою и честолюбіемъ Суворова — видѣть войну проходящею передъ глазами и не принимать въ ней участія, — есть тяжелое испытаніе. Поэтому Суворовъ, находясь въ Мемелѣ, всячески искалъ себѣ выхода въ армію и наконецъ, неизвѣстно какимъ способомъ, добился. Въ 1759 году, въ чинѣ подполковника, онъ получилъ новое назначеніе и поступилъ подъ начальство князя Волконскаго, а затѣмъ опредѣленъ къ генералъ-аншефу графу Фермору дивизіоннымъ дежурнымъ, т. е. къ исправленію должности въ родѣ дежурнаго штабъ-офицера или начальника штаба.

Тѣмъ временемъ военныя дѣйствія Русскихъ шли не важно. Первая ихъ кампанія, 1757 года, велась подъ главнымъ начальствомъ графа Апраксина. Медленно, черепашьимъ шагомъ пришла русская армія, одержала побѣду при Гросъ-Егерндорфѣ, простояла цѣлую недѣлю безъ дѣла и ушла назадъ въ Лифляндію. Кампанія ознаменовалась грабежами и завершилась бѣдственнымъ обратнымъ походомъ въ ужасную осеннюю распутицу; тутъ армія потерпѣла больше, чѣмъ понесла бы вреда отъ пораженія. Отступленіе послѣ побѣды произошло вслѣдствіе соображеній не военныхъ; главною пружиною этого страннаго событія былъ наслѣдникъ престола, благоволившій къ Прусскому королю, съ которымъ его Государыня вела войну. Сраженіе выиграно исключительно храбростью русской арміи; Апраксинъ былъ тутъ не при чемъ; и онъ, и противникъ его, прусскій фельдмаршалъ Левальдъ, соперничали другъ съ другомъ количествомъ и качествомъ надѣланныхъ ошибокъ; но пальма отрицательнаго первенства принадлежала все-таки Апраксину.

Апраксина смѣнили, назначили Фермора. Въ 1758 году онъ занялъ покинутое королевство Прусское и медленными переходами двинулся въ Бранденбургскую мархію. Фридрихъ искусными маневрами оттѣснилъ его и при Цорндорфѣ атаковалъ съ ожесточеніемъ, приведенный въ негодованіе грабежами «русской орды», какъ онъ называлъ нашу армію. Битва разыгралась яростная; съ каждой стороны потеряно болѣе трети людей, а результатъ получился ничтожный. Побѣда Пруссаковъ была нерѣшительная; каждая армія сохранила свою часть поля сраженія, и обѣ на второй день отступили, боязливо наблюдая другъ за другомъ. Въ слѣдующемъ году Ферморъ просилъ увольненія отъ главнаго начальствованія и былъ замѣненъ Салтыковымъ, но остался въ арміи, чтобы быть полезнымъ отечеству, поступилъ подъ команду къ Салтыкову и потомъ, по болѣзни послѣдняго, предводительствовалъ арміею опять, но лишь въ смыслѣ временнаго замѣщенія главнокомандующаго. Въ этомъ году прибылъ къ арміи Суворовъ; первое дѣло, происходившее на его глазахъ, было занятіе Кроссена въ Силезіи, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Затѣмъ армія двинулась къ Франкфурту на Одерѣ и къ ней присоединился Лаудонъ съ 15,000 австрійскихъ войскъ. Фридрихъ не терялъ времени; собравъ разныя части войскъ откуда только было возможно, полетѣлъ съ 48,000 человѣкъ, разсчитывая опрокинуть 80,000 армію союзниковъ въ Одеръ. При Кунерсдорфѣ произошло въ августѣ жестокое сраженіе, первое, въ которомъ участвовалъ Суворовъ. Въ первый разъ измѣнилъ тутъ Фридрихъ своему обычному благоразумію и убѣдилъ себя въ побѣдѣ, не видѣвъ еще непріятеля. Принявъ курьера отъ Фердинанда Брауншвейгскаго съ донесеніемъ о разбитіи Французовъ при Миндепѣ, Фридрихъ сказалъ ему: «оставайтесь здѣсь, чтобы отвезти герцогу такое же извѣстіе». Но самообольщеніе только усиливаетъ горечь разочарованія; атака Лаудона съ фланга рѣшила битву, Фридрихъ былъ разбитъ совершенно, подъ нимъ убиты двѣ лошади, прострѣленъ мундиръ; на него налетѣли непріятельскіе гусары, и прусская кавалерія едва спасла своего короля. Пруссаки не отступили, а бѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ. Бойня была страшная; потеря убитыми

и ранеными превосходила съ обѣихъ сторонъ 35,000 человѣкъ; большинство прусскихъ генераловъ было переранено. Но результата опять таки не достигнуто союзниками никакого. Судьба Пруссіи находилась въ рукахъ Салтыкова, а онъ говорилъ Австрійцамъ: «мы много сдѣлали, теперь ваша очередь». Вѣрнѣе, что Салтыковымъ руководили соображенія не военныя, а придворныя, въ виду пристрастія наслѣдника престола къ Прусскому королю. А имперскій главнокомандующій Даунъ никогда не былъ въ состояніи рѣшиться на энергическій образъ дѣйствій. Фридрихъ Великій воспользовался этими обстоятельствами и чрезъ нѣсколько недѣль снова принялъ грозное положеніе. Салтыковъ въ концѣ разсорился съ Дауномъ, ссылаясь на невозможность продовольствовать армію въ опустошенныхъ мѣстахъ, отступилъ на свои зимнія квартиры и поѣхалъ въ Петербургъ приносить на союзниковъ безплодныя жалобы и давать безполезные совѣты.

Еще одинъ годъ войны миновалъ безъ всякаго толка; даромъ пролиты рѣки крови, похоронены тысячи храбрыхъ, искалѣчены другія тысячи. Легко понять, какое впечатлѣніе вся эта безцѣльная бойня производила на молодого Суворова, одареннаго природной проницательностью и взглядомъ, просвѣщеннымъ наукой. Онъ не командовалъ еще отрядами, слѣдовательно не былъ погруженъ въ интересы своего собственнаго, ограниченнаго круга дѣйствій, загораживающаго сферу болѣе обширную. Онъ заправлялъ штабомъ корпуснаго командира Фермора; на его глазахъ двигались главные рычаги войны, и онъ имѣлъ возможность критически относиться ко всему происходившему. До насъ дошелъ одинъ частный случай, подтверждающій такое предположеніе. Когда, послѣ Кунерсдорфской побѣды, Салтыковъ остался стоять на мѣстѣ и даже не послалъ казаковъ для преслѣдованія бѣгущаго непріятеля, Суворовъ сказалъ Фермору: «на мѣстѣ главнокомандующаго я бы сейчасъ пошелъ на Берлинъ». Это повидимому простое замѣчаніе, очень характерно и кромѣ того вѣрно. «На войнѣ все просто», сказалъ одинъ писатель: «но простота эта дается трудно». Что сдѣлалъ бы Суворовъ на мѣстѣ Салтыкова, того именно и боялся Прусскій ко-

роль. Онъ писалъ королевѣ, чтобы она торопилась выѣзжать изъ Берлина съ королевскимъ семействомъ и приказала бы вывозить архивъ, такъ какъ городъ можетъ попасть въ руки непріятеля. Къ счастью Фридриха, онъ имѣлъ передъ собой не Суворова, а Салтыкова.

Салтыковъ вернулся съ чиномъ фельдмаршала и съ строгимъ повелѣніемъ—вести энергическую наступательную войну. Въ 1760 году предполагалось вознаградить упущенное прежде; русская и австрійская арміи долженствовали соединенными силами сокрушить небольшую армію Прусскаго короля. Но несогласіе Дауна и Салтыкова пустило ужъ слишкомъ глубокіе корни и воспрепятствовало единодушному дѣйствію. Послѣ разныхъ передвиженій, Русскіе удалились и размѣстились по зимнимъ квартирамъ въ Польшѣ, ознаменовавъ эту кампанію лишь смѣлымъ партизанскимъ набѣгомъ на Берлинъ. Легкій отрядъ Чернышева, авангардомъ котораго командовалъ Тотлебенъ, напалъ на этотъ городъ внезапно; туда же шелъ Ласси съ Австрійцами, но опоздалъ. Гарнизонъ Берлина состоялъ всего изъ трехъ батальоновъ; поспѣшно бросились къ нему на помощь небольшіе прусскіе отряды. Пруссаковъ разогнали, и пока самъ Фридрихъ спѣшилъ къ своей столицѣ, она была занята Русскими, которые наложили на нее контрибуцію, разграбили окрестности, въ особенности загородные дворцы и поспѣшно ушли. Предпріятіе это было задумано смѣло и выполнено удачно, но сопровождалось грабежами, которые еще усилили дурную репутацію русскихъ войскъ.

Въ набѣгѣ на Берлинъ участвовалъ и Суворовъ, но командовалъ ли онъ частью войскъ или состоялъ при какомъ либо штабѣ, — неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ участіе его не было выдающимся и ничего замѣчательнаго не представляетъ. Сохранился только одинъ эпизодъ, свидѣтельствующій человѣколюбіе Суворова и его шутливость. При паденіи на Берлинъ, казаки захватили красиваго мальчика. Суворовъ взялъ его къ себѣ, заботился о немъ въ продолженіе всего похода и, по прибытіи на квартиры, послалъ вдовѣ, матери мальчика, письмо такого содержанія: «Любезнѣйшая маменька, вашъ маленькій сынокъ у

меня въ безопасности. Если вы захотите оставить его у меня, то онъ ни въ чемъ не будетъ терпѣть недостатка, и я буду заботиться о немъ, какъ о собственномъ сынѣ. Если же желаете взять его къ себѣ, то можете получить его здѣсь, или напишите мнѣ, куда его выслать» [2]). Мать, конечно, пожелала получить сына обратно.

Есть также извѣстіе, что Суворовъ посѣщалъ прусскія масонскія ложи [3]). Можетъ статься, такъ какъ онъ былъ человѣкъ любознательный; но сомнительно, чтобы самъ онъ былъ когда либо масономъ.

Въ этомъ же году отецъ его былъ отправленъ за границу для устройства продовольствія арміи во время похода и порученіе это, какъ видно, исполнилъ успѣшно, потому что назначенъ сенаторомъ, а въ декабрѣ губернаторомъ занятого королевства Прусскаго, на мѣсто генерала Корфа. Въ этой должности онъ состоялъ до марта или апрѣля 1762 года, правилъ провинціею умно, успѣшно заботясь объ увеличеніи доходовъ, самъ же жилъ скромно, давая иногда балы для двухъ своихъ дочерей [4]). Наѣзжалъ къ нему въ Кенигсбергъ на короткое время и сынъ, который продолжалъ служить при Ферморѣ и лишь въ концѣ 1761 года получилъ новое назначеніе, уже вполнѣ боевого характера.

Салтыкова замѣнили Бутурлинымъ; при немъ дѣла пошли чуть ли не хуже прежняго; по крайней мѣрѣ Русскіе, при своихъ значительныхъ силахъ, сдѣлали въ 1761 г. не больше, чѣмъ въ предшествовавшіе года. Назначено было Лаудону соединиться съ Русскими и вырвать изъ рукъ Фридриха Силезію. Половина похода прошла въ стараніяхъ соединить силы союзниковъ и вслѣдъ за тѣмъ они опять раздѣлились. Прежде Салтыковъ препирался и ссорился съ Дауномъ, теперь тоже самое происходило у Бутурлина съ Лаудономъ. Русскіе двинулись въ Померанію, а Лаудонъ, хотя и усиленный корпусомъ Чернышева, не отважился однако предпринять ничего серьознаго противъ Фридриха. Король тѣмъ временемъ отрядилъ генерала Платена, съ 10 или 12,000-нымъ корпусомъ тревожить Русскихъ и уничтожать въ Польшѣ ихъ магазины. Противъ него былъ выстав-

ленъ летучій конный отрядъ генерала Берга и кромѣ того рѣшено завладѣть въ Помераніи Кольбергомъ, что и поручено генералу Румянцеву.

До сей поры мало приходилось Суворову принимать участія въ дѣлахъ противъ непріятеля. Въ Силезіи онъ бывалъ въ разныхъ стычкахъ, но онѣ были такъ мелки, что въ лѣтопись кампаніи не вошли, и даже самъ онъ про нихъ не упоминаетъ. При всемъ томъ Суворовъ успѣлъ нѣсколько выдвинуться изъ ряда; его знали и цѣнили многіе, въ томъ числѣ и Бергъ. Получивъ въ командованіе легкій корпусъ, Бергъ сталъ просить Суворова къ себѣ. Въ сентябрѣ 1761 года послѣдовалъ отъ Бутурлина приказъ: «такъ какъ генералъ-маіоръ Бергъ выхваляетъ особливую способность подполковника Казанскаго пѣхотнаго полка Суворова, то явиться ему въ команду означеннаго генерала» [5]). Такимъ образомъ Суворовъ разстался съ Ферморомъ. Они сдѣлись близкими людьми, и подчиненный пользовался особеннымъ расположеніемъ начальника. Даже въ старости Суворовъ хранилъ благодарную память о Ферморѣ. Почти 30 лѣтъ спустя, въ одномъ изъ писемъ своихъ къ князю Потемкину, онъ вспомнилъ про давняго своего начальника съ чувствомъ неостывшей признательности и сказалъ: «у меня было два отца — Суворовъ и Ферморъ».

Корпусъ Берга тронулся на Бреславль, прикрывая отступленіе русской арміи. Генералъ Кноблохъ, предводившій довольно сильнымъ отрядомъ, двинулся противъ Русскихъ съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами. Это было при деревнѣ Рейхенбахъ, недалеко отъ Бреславля. Суворовъ не пошелъ на него встрѣчной атакой, а ограничился артиллерійскимъ огнемъ. Батарея дѣйствовала хорошо; съ первыхъ же выстрѣловъ загорѣлся большой сѣнной магазинъ и одинъ за другимъ стали взлетать на воздухъ прусскіе зарядные ящики. Канонада продолжалась до тѣхъ поръ, пока генералъ Кноблохъ не ретировался. Это маленькое дѣло было первымъ дебютомъ Суворова, о которомъ не сохранилось никакихъ подробностей. Остается замѣтить, что вопреки своимъ будущимъ правиламъ, Суворовъ ограничился подъ Рейхенбахомъ пассивной обороной и не преслѣдо-

валъ отступившаго непріятеля, если только единственное дошедшее до насъ извѣстіе объ этомъ дѣлѣ изложено вѣрно.

Русскій легкій корпусъ расположился между деревнями Большимъ и Малымъ Вандернисомъ, вблизи Лигница, въ $1^1/_2$ миляхъ отъ прусской арміи, предводимой королемъ, рано утромъ атаковалъ прусскіе аванпосты и оттѣснилъ ихъ. Король двинулъ нѣсколько тысячъ на помощь; Русскіе стали отступать, отдавая каждый свой шагъ съ боя и отошли такимъ образомъ до первой своей позиціи, въ 4 миляхъ. Пруссаки усиливали натискъ, но безъ результата. Дѣло продолжалось почти цѣлый день; однимъ крыломъ Бергова корпуса, силою въ 2000 человѣкъ, начальствовалъ Суворовъ.

Подъ Швейдницомъ онъ безпрерывно тревожилъ прусскій лагерь. Однажды съ 60 казаками атаковалъ онъ гусарскій пикетъ, занимавшій въ числѣ 100 человѣкъ вершину холма, но былъ отбитъ. Немного спустя онъ повелъ вторую атаку, но также неуспѣшно. Неудача раззадорила его; онъ налетѣлъ на пикетъ въ третій разъ, сбилъ гусаръ, занялъ холмъ и удержалъ его за собою, а получивъ подкрѣпленіе, принялъ угрожающее положеніе и готовился къ атакѣ, но наступила ночь, и Пруссаки отошли въ свой лагерь. Въ другой разъ Суворовъ атаковалъ прусскіе ретраншаменты такъ энергично, что могъ видѣть очень ясно шатры главной королевской квартиры. Изъ прусской арміи бывали частые дезертиры. Одинъ изъ нихъ, сержантъ, разсказалъ очень обстоятельно, какіе запасы хранятся въ Швейдницкомъ магазинѣ и сосчиталъ, что хлѣба и фуража хватитъ Пруссакамъ на три мѣсяца. Обыкновенно прусскихъ бѣглецовъ отсылали въ главную квартиру. Суворовъ совѣтовалъ Бергу удержать этого сержанта, иначе показаніе его можетъ поколебать главнокомандующаго и измѣнить его наступательные планы. Бергъ не обратилъ вниманія на этотъ совѣтъ, а Бутурлинъ, получивъ отъ сержанта свѣдѣніе, что прусская армія, прикрывавшая Швейдницъ, обезпечена продовольствіемъ на долго, оставилъ свою позицію, отошелъ назадъ и расположился позади Лигница.

Платенъ направился къ Кольбергу лѣвымъ берегомъ Варты.

Суворовъ съ сотнею казаковъ переправился вплавь черезъ рѣку Нетцу, сдѣлалъ ночной переходъ болѣе, чѣмъ въ 40 верстъ, подошелъ къ Ландсбергу на Вартѣ, разбилъ городскія ворота, положилъ до 50 прусскихъ гусаръ и сжогъ половину моста на Вартѣ, такъ что Платенъ долженъ былъ наводить понтоны и собирать мѣстныя лодки, чрезъ что и потерялъ не мало времени. Когда онъ двинулся дальше, на Регенсвальдъ, Суворовъ, начальствуя 3 гусарскими и 7 казачьими полками, тревожилъ и задерживалъ его съ фланга, а при выходѣ изъ Фридбергскаго лѣса, ударилъ на боковые Платеновы отряды и захватилъ много плѣнныхъ.

Въ этихъ мелкихъ дѣлахъ Суворовъ обнаружилъ такую отвагу, быстроту и умѣлость, что о немъ было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго. Бутурлинъ представилъ его къ наградѣ, донося Императрицѣ, что Суворовъ «себя передъ прочими гораздо отличилъ», а отцу его, Василію Ивановичу, написалъ любезное письмо, свидѣтельствуя, что его храбрый сынъ «у всѣхъ командировъ особливую пріобрѣлъ любовь и похвалу» [6]).

Какъ бы поддерживая лестные отзывы главнокомандующаго, Суворовъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Текелли и полковникомъ Медемомъ, атаковалъ вскорѣ послѣ того прусскій отрядъ, несмотря на сильный артиллерійскій огонь отрѣзалъ лѣвый флангъ, втопталъ его въ болото, многихъ перебилъ и остальныхъ забралъ въ плѣнъ. При этомъ Суворовъ самъ завязъ съ конемъ въ болото и, только благодаря подоспѣвшему драгуну, выбрался благополучно. Къ концу дѣла прибылъ Бергъ и съ плѣнными направился назадъ, къ Старгарду; Суворовъ остался у него въ аріергардѣ. Вслѣдъ затѣмъ, на окрестныхъ холмахъ показались Пруссаки. Эскадрономъ гусаръ и 60 казаками Суворовъ дерзко атаковалъ съ обоихъ фланговъ наступавшій впереди полкъ; озадаченные Пруссаки подались нѣсколько назадъ, потерявъ 2 пушки и 2 десятка плѣнныхъ, но скоро опомнились и окружили Суворова съ его горстью людей со всѣхъ сторонъ. Ему оставалось одно — пробиваться; Суворовъ рѣшился на это мигомъ, не теряя ни минуты и также быстро исполнилъ. Онъ про-

бился, сохранивъ даже своихъ плѣнныхъ, но только бросилъ пушки, а затѣмъ, получивъ подкрѣпленіе, возобновилъ атаку, и прусскій отрядъ былъ оттѣсненъ, понеся большую потерю.

Послѣ многихъ сшибокъ, стычекъ и вообще мелкихъ дѣлъ, гдѣ Русскимъ приходилось не разъ сдерживать напоръ многочисленнаго непріятеля, Суворовъ поѣхалъ самъ по сосѣдству къ Фермору съ просьбою о подкрѣпленіи; Ферморъ обѣщалъ. Возвращаясь вечеромъ къ Бергу, верхомъ, въ сопровожденіи проводника и двухъ казаковъ, Суворовъ былъ застигнутъ въ густомъ лѣсу, близъ Аренсвальда, сильною грозою съ ливнемъ. Проводникъ бѣжалъ, Суворовъ заблудился, проплуталъ всю ночь и рано утромъ, при выѣздѣ изъ лѣса, чуть не наткнулся на непріятельскіе аванпосты авангарда генерала Платена. Не смотря на неожиданность, Суворовъ не растерялся и даже извлекъ изъ своего положенія выгоду: высмотрѣлъ расположеніе Пруссаковъ, счелъ ихъ силы и, никѣмъ не замѣченный, поѣхалъ отыскивать свой отрядъ, который оказался всего въ полумилѣ. Перемѣнивъ измокшее бѣлье и платье, онъ тотчасъ же изготовилъ отрядъ къ атакѣ, съ нетерпѣніемъ выжидая прибытія подкрѣпленія, обѣщаннаго Ферморомъ.

Было близко къ полудню, а подкрѣпленіе не прибывало. Авангардъ Платена, подъ начальствомъ полковника де-ла-Мотъ-Курбіера, началъ наступленіе по безлѣсной равнинѣ, обратившейся отъ минувшаго ливня въ подобіе болота. Русскіе передовые гусарскіе эскадроны были опрокинуты; Суворовъ подкрѣпилъ ихъ 6 эскадронами конныхъ гренадеръ. Курбьеръ открылъ картечный огонь и построилъ оба свои батальона въ каре, но они не выдержали яростныхъ атакъ конно-гренадеръ и положили оружіе. Тѣмъ временемъ приближалась прусская кавалерія; Суворовъ собралъ кое-какъ своихъ разстроенныхъ гусаръ, прихватилъ часть казаковъ, смѣлымъ ударомъ опрокинулъ прусскую кавалерію и, затѣмъ, забралъ въ плѣнъ большую часть фуражировъ находившагося вблизи отряда Платена. Платенъ перемѣнилъ позицію, отойдя за городокъ Гольнау и оставивъ въ немъ небольшой отрядъ пѣхоты. Русская артиллерія принялась разбивать городскія ворота, но безуспѣшно; Бергъ

далъ Суворову 3 батальона и приказалъ завладѣть городомъ. Утромъ Суворовъ приблизился къ городу подъ сильнымъ огнемъ, выломалъ ворота, ворвался въ улицы и выгналъ непріятеля, причемъ получилъ двѣ раны.

Вскорѣ послѣ сему дали во временное командованіе Тверской драгунскій полкъ, до выздоровленія полкового командира. Прусскіе наблюдательные отряды далеко распространились изъ-подъ Кольберга; Бергъ двинулся туда двумя колоннами, лѣвую—велъ самъ, а правую, изъ трехъ гусарскихъ, двухъ казачьихъ и Тверского драгунскаго полковъ, поручилъ Суворову. Въ деревнѣ Нейгартенъ засѣли Пруссаки въ числѣ двухъ батальоновъ пѣхоты и слабаго драгунскаго полка. Построивъ свой отрядъ въ двѣ линіи, Суворовъ повелъ атаку, сбилъ драгунъ, ударилъ на одинъ изъ батальоновъ, многихъ положилъ на мѣстѣ и человѣкъ сто взялъ въ плѣнъ. Но другой батальонъ былъ частью разсыпанъ по деревнѣ и изъ домовъ производилъ такой жаркій огонь, что Русскіе не могли удержаться, и должны были отступить.

Въ послѣднихъ числахъ ноября Платенъ подошелъ къ Кольбергу съ большимъ продовольственнымъ транспортомъ, который, однакоже, препроводить въ крѣпость ему не удалось, и онъ ретировался, потерявъ множество людей замерзшими. Корпусъ Берга слѣдовалъ паралельно съ нимъ фланговымъ движеніемъ и постоянно его тревожилъ. Все дѣло впрочемъ ограничивалось легкими стычками и перестрѣлками, тѣмъ не менѣе зимняя кампанія была чрезвычайно тяжела. Тверской полкъ дѣлалъ ее, по распоряженію Суворова, безъ обозовъ, ради большей подвижности, но отъ этого нисколько не пострадалъ и даже больныхъ имѣлъ очень мало [7]). Подъ Старгардомъ Суворовъ атаковалъ было съ Тверскимъ полкомъ Платеновъ аріергардъ, но безуспѣшно, потому что дѣло происходило на замерзшемъ болотѣ, по которому прусская пѣхота двигалась безпрепятственно, а лошади русской конницы проваливались. Счастьемъ было ужъ и то, что Суворовъ отдѣлался безъ большихъ потерь.

Декабря 16 Кольбергъ наконецъ сдался, благодаря настойчивости Румянцова, который хотя давно получилъ отъ Бу-

турлина приказаніе—снять блокаду, но продолжалъ ее на собственный страхъ. Кампанія 1761 года была окончена. Командиръ Тверского драгунскаго полка выздоровѣлъ, вернулся и принялъ отъ Суворова свой полкъ обратно. Суворову было поручено командованіе Архангелогородскими драгунами, и въ общемъ представленіи объ отличившихся, Румянцевъ помѣстилъ его какъ кавалерійскаго штабъ-офицера, который хотя и числится на службѣ въ пѣхотѣ, но обладаетъ свѣдѣніями и способностями прямо кавалерійскими. Перемѣна рода службы Суворова почему-то однако не состоялась. Генералъ Бергъ тоже отозвался о немъ съ большою похвалою, какъ объ отличномъ кавалерійскомъ офицерѣ, «который быстръ при рекогносцировкѣ, отваженъ въ бою и хладнокровенъ въ опасности». Румянцевъ и Бергъ были только отголоскомъ русской арміи, въ которой Суворовъ пріобрѣлъ уже лестную репутацію. Извѣстность его пошла даже дальше; его, штабъ-офицера, знали больше, чѣмъ многихъ генераловъ, до того ряды союзниковъ были бѣдны талантами.

Въ декабрѣ 1761 года Императрица Елизавета скончалась; Фридрихъ былъ спасенъ. Борьба со слишкомъ неравными силами становилась ему съ каждымъ годомъ все труднѣе, а послѣдняя кампанія была уже напряженіемъ отчаянія, ибо прусскія боевыя силы спустились до какихъ-нибудь 50,000 человѣкъ новонабраннаго, кое-какъ обученнаго, неопытнаго войска. Катастрофа видимо была не далеко. И въ это-то время на русскій престолъ восходитъ Императоръ Петръ III, безграничный, экзальтированный поклонникъ Прусскаго короля. Петръ III заключилъ съ нимъ сначала перемиріе, потомъ союзъ и почти вслѣдъ затѣмъ былъ смѣненъ на престолѣ Императрицей Екатериной. Русская Государыня объявила себя нейтральною и предложила всѣмъ мириться. Утомленіе было общее и крайнее, миръ состоялся.

Вступая въ 1759 году въ ряды дѣйствующей арміи, Суворовъ жаждалъ практической боевой школы, добивался настоящей военной службы. Что же она ему дала?

Для воннаго успѣха нужны — хорошая армія и даровитый

полководецъ. Второе условіе даже важнѣе перваго, потому что отличная армія не въ состояніи возмѣстить своими положительными качествами отрицательныхъ качествъ плохого полководца и можетъ только уменьшить нѣкоторыя изъ послѣдствій дурного начальствованія. Она есть орудіе, а полководецъ — рука; умѣлая рука сдѣлаетъ дѣло и съ дурнымъ инструментомъ. Во всякомъ случаѣ, гармоническое цѣлое представляется только совокупностью обоихъ условій. Посмотримъ же, въ какомъ видѣ могли представиться Суворову элементы этого цѣлаго во время Семилѣтней войны у обѣихъ воюющихъ сторонъ.

Изъ четырехъ русскихъ главнокомандующихъ, одного Фермора можно, съ грѣхомъ пополамъ, назвать военнымъ человѣкомъ и въ дѣлахъ его найти временами нѣкоторые признаки дарованія. Остальные были просто вельможи—царедворцы, хотя наприм. Салтыковъ отличался храбростью и пользовался любовью войска. Про ихъ дарованія, опытность, знанія—не было и помину; выдвинули ихъ качества придворныя, связи, милость, благоволеніе; сдѣлались они главнокомандующими такъ, какъ дѣлались гофмейстерами, гофмаршалами. Преданность ставилась выше способности, угодливость выше годности. Принципы Петра I забылись или покрылись тѣмъ напоснымъ слоемъ, который обыкновенно является результатомъ дѣятельности неумѣлыхъ преемниковъ великаго мастера. Основное Петровское правило—назначать государственныхъ дѣятелей по годности ихъ и способностямъ, совершенно затерлось. Нетолько главнокомандующій, но и другіе высшіе чины арміи назначались, за нѣкоторыми исключеніями, по той же системѣ; почти все дѣлалось по указаніямъ связей и покровителей. Оттого Семилѣтняя война мало отмѣтила у насъ людей, которые завоевали бы себѣ блестящее мѣсто въ исторіи будущаго.

У союзниковъ нашихъ было немногимъ лучше, особенно у Французовъ, гдѣ высшіе военные чины были доступны одному сословію и притомъ не по справедливой оцѣнкѣ каждаго лица, а по пропскамъ и покровительству. Въ Священной Римской имперіи, на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи тоже царила по обыкновенію бездарность; исключеніемъ служили весьма

немногіе, особенно Лаудонъ, который заслужилъ себѣ особенное уваженіе со стороны Фридриха и Суворова. Но и такія лица не имѣли свободы дѣйствій, надъ ними тяготѣлъ гофкригсратъ, и даже удачныя дѣла, совершенныя безъ предварительнаго разрѣшенія, могли навлечь *на виновныхъ* строгій приговоръ военнаго суда, что едва и не случилось съ Лаудономъ.

Эти недостатки союзнаго военноначальствованія далеко еще не исчерпываютъ дурной стороны предмета. Бездарность, неспособность могли бы быть до извѣстной степени парализованы единодушіемъ; тогда были бы ошибки, но не рознь, не отсутствіе всякой руководящей идеи. А именно этимъ союзники и страдали. Безсвязныя, безцѣльныя, какъ бы случайныя операціи, бездѣйствіе при огромныхъ средствахъ, взаимное недовѣріе, затаенная зависть и прямое ея слѣдствіе — мелочное соперничество вмѣсто чувства боевого товарищества и взаимной выручки,—вотъ чѣмъ дополнялась неприглядная картина союзнаго предводительствованія. И все это завершалось самымъ вѣрнымъ залогомъ неудачи—боязливостью, даже страхомъ передъ Прусскимъ королемъ. Это жалкое чувство могло бы сдѣлаться роковымъ для союзныхъ армій, еслибы сверху распространилось внизъ и перешло въ массы, но къ счастію массы остались незараженными такою нравственной гангреной.

Какъ ни плохо было само по себѣ высшее начальствованіе, но оно представлялось еще болѣе жалкимъ при сопоставленіи съ существовавшимъ въ прусской арміи. Во главѣ всѣхъ военныхъ силъ и средствъ королевства стоялъ король, одаренный замѣчательнымъ воинымъ геніемъ, смѣлый, рѣшительный, настойчивый, владѣвшій рѣдкимъ даромъ—вѣрно оцѣнять своего противника и на этой оцѣнкѣ строить свои планы и операціи. Онъ дѣлалъ иногда грубыя ошибки, зная, что противникъ не сможетъ, а чаще не посмѣетъ его накрыть, и не ошибался. Съ другой стороны, онъ рѣдко упускалъ, безъ извлеченія прямой для себя пользы, ошибки союзниковъ, особенно самую крупную изъ нихъ — безплодную потерю времени. Наконецъ, будучи государемъ, онъ не боялся отвѣтственности, какъ союзные генералы; несвязанный въ составленіи и исполненіи своихъ пред-

начертаній, онъ былъ единой душой, единой волей своей арміи. Небогатый матеріальными способами, онъ былъ неодолимъ по своимъ нравственнымъ средствамъ и, окруженный со всѣхъ сторонъ сильными непріятелями, не пугался ихъ, въ невзгодахъ не терялъ головы и снова приступалъ къ дѣлу съ неослабѣвавшей энергіей.

Больше подъ стать своему королю, чѣмъ союзнымъ главнокомандующимъ были и главные сподвижники Фридриха. Нельзя сказать, чтобы они вполнѣ отвѣчали своему назначенію; многіе изъ нихъ сильно мѣшали своему верховному предводителю, дѣлая частыя и грубыя ошибки. Но между прусскими генералами все-таки находилось много даровитыхъ и способныхъ, служившихъ королю настоящими помощниками; такихъ генераловъ въ немногочисленной прусской арміи было больше, чѣмъ въ союзныхъ войскахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Не капризъ, не личное благоволеніе или милость возводили ихъ на высокій постъ, а справедливо оцѣняемое личное достоинство и дѣйствительная заслуга.

Отъ предводителей перейдемъ къ войскамъ. Военное искусство находилось въ Европѣ во всеобщемъ упадкѣ, кромѣ Пруссіи. Войска были неповоротливы и неудобоподвижны, плохо и несоотвѣтственнымъ образомъ обучены и, вслѣдствіе неспособности къ маневрированію, отъ всякаго продолжительнаго движенія приходили въ безпорядокъ. Вооруженіе было большею частію плохое; стрѣльба весьма слабая. Любой изъ союзныхъ армій требовались цѣлыя сутки на построеніе боевого порядка; расположившись къ бою, боялись тронуться съ мѣста, чтобы не перепутаться и не разстроиться. Нѣсколько лучше другихъ, хотя и незначительно, была военная часть у Австрійцевъ; во Франціи же разстройство государственнаго управленія перешло въ армію; администрація войскъ находилась въ полномъ разложеніи; дисциплина упала такъ низко, какъ ни у кого другого; военной службы въ дѣйствительности не существовало.

Въ Россіи военная служба была для податнаго сословія пугаломъ. Каждому нижнему чину предоставлялось право выходить въ отставку по прослуженіи 8 лѣтъ, если его замѣнитъ

одинъ изъ ближайшихъ родственниковъ; но охотниковъ почти не было, и законъ, не будучи отмѣненъ, пришелъ въ полное забвеніе. Отъ военной службы отдѣлывались всѣми способами; рекрутскія недоимки были безпрестанныя и тянулись цѣлые годы. Законъ предписывалъ кроткое обращеніе съ новобранцами, но не исполнялся, потому что шелъ въ разладъ съ общимъ уголовнымъ законодательствомъ, съ давно установившимися жесткими обычаями и со взглядами русскаго общества на взаимныя отношенія людей старшихъ и младшихъ, чиновныхъ и простыхъ, господъ и слугъ. Требованія службы были большія, обращеніе начальниковъ съ нижними чинами жестокое, да и разлука съ семьей предстояла рекруту долгая, почти вѣчная. Отъ всего этого побѣги между солдатами были часты, а между рекрутами необыкновенно велики. Варварское клейменіе рекрутъ, заимствованное Петромъ Великимъ изъ Германіи, было, правда, замѣнено бритьемъ лба, повторявшимся впредь до прибытія рекрута къ полку; но этотъ шагъ-впередъ остался безъ послѣдствій. Безпрестанные указы о срокахъ для безнаказанной явки бѣглыхъ рекрутъ и большія денежныя преміи за каждаго пойманнаго, тоже не повели къ успѣху; побѣги не уменьшались. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ былъ постоянный некомплектъ войскъ, который сдѣлался хроническимъ недугомъ русской арміи.

Обученіе было плохое по программѣ и слабое по исполненію. Пѣхотный полкъ могъ насилу въ часъ построиться, да и то въ замѣшательствѣ. Построеніе конницы производилось также очень мѣшкотно; атака тяжелой кавалеріи дѣлалась рысью; регулярная кавалерія полагала свою силу въ огнестрѣльномъ дѣйствіи. Артиллерія нисколько не опережала своими качествами другіе роды оружія. Маневрированіе войскъ большими массами почти не существовало; построеніе дивизій или корпусовъ походило на совершенный хаосъ; походъ былъ очень медленный и безпорядочный; обозовъ при войскахъ находилось несоразмѣрно много; при 90,000-ной арміи, шедшей къ границамъ Пруссіи, считалось больше 50,000 повозокъ. Развѣдывательная и сторожевая служба пребывала во младенчествѣ, офицеры въ ней ничего не смы-

слили. Лагери разбивались гдѣ попало, безъ всякаго соображенія гигіеническихъ и тактическихъ условій. Некомплектъ полковъ увеличивался вслѣдствіе дурной организаціи обозной части и злоупотребленій низшихъ начальниковъ; ротные командиры брали себѣ прислугой по 10—12 человѣкъ, около третьей доли полка состояло при обозѣ[8]). Дисциплина была строгая, но внѣшняя, въ глубь человѣка не проникала и воспитательнаго значенія для него не имѣла. Грабежи всюду сопровождали русскую армію; грабили не одни иррегулярныя войска, но всѣ безъ исключенія; тутъ дѣйствовала не столько жажда наживы, сколько какой-то инстинктъ разрушенія, который былъ особенно силенъ у казаковъ. Слабость сознательной дисциплины высказывалась не только у солдатъ, но и офицеровъ и выражалась ненормальностью отношеній начальствующихъ лицъ между собою и къ нижнимъ чинамъ. Не смотря на обязательность военной службы для дворянъ, понятіе о субординаціи оставалось имъ чуждымъ. Они были больше господами, чѣмъ офицерами, и на нижнихъ чиновъ смотрѣли, можетъ быть безсознательно, не такъ какъ слѣдуетъ офицеру на солдата, а скорѣе какъ смотрѣлъ баринъ на мужика.

Всѣ эти недостатки русской арміи выкупались однакоже въ извѣстной степени ея прирожденнымъ достоинствомъ—стойкостью. Качества этого не отрицали даже наши непріятели. Безъ преувеличенія можно сказать, что оно было свойствомъ русской арміи больше, чѣмъ какой либо другой. Такое неоцѣненное достоинство не только выкупало значительную долю недостатковъ самой арміи, но отчасти и изъяны главнаго начальствованія, зачастую спасая отъ плачевныхъ слѣдствій неумѣлаго предводительства. Такъ было тогда, въ Семилѣтнюю войну, такъ случалось неоднократно и послѣ, и чѣмъ ниже бывали качества главнокомандующихъ, тѣмъ ярче бросалась въ глаза самому поверхностному наблюдателю эта капитальнѣйшая особенность русскаго солдата.

Армія Фридриха Великаго отличалась отъ союзныхъ армій хотя не въ той мѣрѣ, какъ онъ самъ отъ союзныхъ предводителей, но все таки весьма существенно. Она была лучше воору-

жена; строевое обученіе ея было доведено до тонкости, можетъ быть излишней, но этотъ излишекъ мы видимъ теперь, а тогда онъ наглядно увеличивалъ разницу между войсками хорошо обученными и плохо обученными. Пѣхота стрѣляла гораздо лучше всякой другой; кавалерія производила атаки быстро, холоднымъ оружіемъ; матеріальная часть артиллеріи значительно измѣнилась и улучшилась. Тонкій строй былъ принятъ какъ обыкновенный порядокъ для боя и для маневровъ въ присутствіи непріятеля, введены большіе каре противъ кавалеріи и сомкнутыя дивизіонныя колонны. Прусская армія маневрировала въ степени, близкой къ совершенству; быстро и легко переходила изъ походнаго порядка въ боевой; походныя движенія исполняла какъ учебныя; часто бивуакировала, чтобы не таскать за собой шатровъ; часто продовольствовалась у обывателей; имѣла съ собою лишь самый необходимый обозъ. Все это дѣлало Фридрихову армію поворотливою и подвижною до такой степени, что онъ дозволялъ себѣ безнаказанно сосредоточеніе войскъ въ виду непріятеля, фланговые марши на пушечномъ отъ него выстрѣлѣ, движеніе черезъ страну, угрожаемую тремя арміями, добровольное пожертвованіе своими операціонными линіями, т.-е. все то, о чемъ его противники и подумать не смѣли. Наконецъ, для полноты картины слѣдуетъ еще замѣтить, что прусская армія была сплочена чрезвычайно строгою дисциплиной, безъ чего невозможно было достигнуть педантической точности обученія. Въ солдатѣ буквально исчезалъ человѣкъ; отъ него требовалась только механическая исправность дѣйствія въ однажды опредѣленномъ направленіи. Военные законы изобиловали самыми варварскими наказаніями; ничто не проходило даромъ, всякая вина была виновата; взысканія назначались и производились съ такою же точностью, съ какою дрессировалась армія. Вообще дисциплина прусской арміи была доведена до степени, о которой въ нынѣшнее время трудно даже составить понятіе. Всѣ эти элементы, и худые и хорошіе, имѣли свой raison d'être при духѣ, оживлявшемъ Фридрихову систему, оттого она и достигла въ рукахъ великаго полководца, своего создателя, такихъ блестящихъ результатовъ.

Вотъ при какихъ внутреннихъ и внѣшнихъ данныхъ развернулась война передъ пытливымъ взоромъ молодого Суворова и доставила ему первую боевую практику. Какъ все видѣнное и замѣченное переварилось въ его головѣ вмѣстѣ съ прежде добытыми выводами теоретическаго изученія и къ какимъ именно результатамъ его привело,—увидимъ въ слѣдующей главѣ.

Онъ оставилъ армію и возвратился въ Россію въ 1762 году, отецъ его тоже, но только уѣхали они въ разное время и подъ различными впечатлѣніями. Василій Ивановичъ былъ отозванъ по воцареніи Петра III, такъ какъ слишкомъ усердно соблюдалъ во время своего управленія Пруссіей русскіе государственные интересы и мало заботился о пріобрѣтеніи между Пруссаками популярности [4]). По всей вѣроятности, до Фридриха доходили невыгодныя о немъ вѣсти, а этого было достаточно, чтобы сдѣлаться неугоднымъ Петру III. Суворовъ-сынъ уѣхалъ позже; онъ былъ посланъ въ Петербургъ съ депешами, представился Императрицѣ и собственноручнымъ ея приказомъ 26 августа произведенъ въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка [5]).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Командованіе полкомъ; 1762—1768.

Смотръ полку; жизнь Суворова въ Петербургѣ; перемѣщеніе въ Ладогу.— Красносельскіе маневры, участіе въ нихъ Суворова.—Его дѣятельность въ Ладогѣ по части благоустройства и хозяйства полка.—Суворовская система военнаго обученія; философская ея основа, своеобразность, послѣдовательность, простота, вѣрность.—Пріемы обученія, полная ихъ соотвѣтственность началамъ системы.—Необычность системы и пріемовъ; они не поняты и отнесены къ его эксцентричности.—Взгляды Суворова на другіе роды оружія.—Выступленіе въ военный походъ.

Производство Суворова въ полковники съ назначеніемъ командиромъ Астраханскаго полка состоялось передъ самымъ отъѣздомъ Екатерины II въ Москву, на коронацію; полкъ остался въ Петербургѣ вмѣстѣ со своимъ командиромъ, продолжая содержать городскіе караулы. По возвращеніи Государыни, Астраханскій полкъ былъ смѣненъ на петербургской стоянкѣ Суздальскимъ пѣхотнымъ, и Суворовъ назначенъ командиромъ этого послѣдняго полка въ 1763 году, 6 апрѣля [1]). До насъ не дошло никакихъ свѣдѣній о Суворовѣ за весь этотъ промежутокъ времени; почему онъ получилъ одинъ полкъ вмѣсто другого, сдѣлано ли это по его желанію, или нѣтъ, уходилъ ли онъ съ Астраханскимъ полкомъ на зимнія квартиры, или оставался въ Петербургѣ до прибытія Суздальскаго — ничего неизвѣстно. Надо полагать, что Астраханскій полкъ былъ Суворову данъ временно, и что онъ это зналъ, потому что, командуя имъ нѣсколько мѣсяцевъ, не примѣнялъ къ нему своей системы обученія. Это

ляствуетъ изъ позднѣйшихъ бумагъ Суворова, гдѣ онъ часто упоминаетъ про свое «суздальское учрежденіе», но ни разу не говоритъ про учрежденіе астраханское.

Получивъ Суздальскій полкъ, Суворовъ тотчасъ же принялся учить его по вновь проектированному строевому уставу, напечатанному въ слѣдующемъ году. Такъ, по крайней мѣрѣ, надо понимать достовѣрнѣйшаго историка перваго періода его службы, Антинга, упоминающаго про «новые маневры того времени», а не про собственно Суворовскіе маневры. Въ томъ же году, осенью, императрица производила Суздальскому полку смотръ, осталась имъ чрезвычайно довольна, пожаловала офицеровъ полка къ рукѣ, а нижнимъ чинамъ повелѣла выдать по рублю.

По всей вѣроятности, съ этого времени и начинается въ Суздальскомъ полку Суворовское обученіе. Еще годъ оставался полкъ въ Петербургѣ, а потомъ больше полугода пробылъ въ Новой Ладогѣ, до вторичнаго прибытія въ окрестности столицы. Будучи не временнымъ, а настоящимъ командиромъ Суздальскаго полка, Суворовъ не могъ пропустить столько времени даромъ, оставляя въ небреженіи то, на чемъ, по его убѣжденію, зиждятся побѣдоносныя качества войска. Подобное промедленіе противорѣчило бы страстному, нетерпѣливому его характеру, да и не оправдывалось бы резонами. Безъ сомнѣнія, въ Петербургѣ нельзя было обучать полкъ по Суворовской программѣ во всемъ ея объемѣ, но условія столичной службы нимало не препятствовали ему приложить къ дѣлу главныя свои начала, такъ какъ полковые командиры имѣли тогда въ своихъ рукахъ большую инициативу и пользовались ею невозбранно. Затѣмъ, во время кратковременнаго пребыванія полка въ Ладогѣ (съ осени 1764 до лѣта 1765 года), Суворовъ расширилъ объемъ обученія и пополнилъ пробѣлы, обусловленные характеромъ столичной службы, недостаткомъ времени и т. п. Такимъ образомъ, въ полтора года онъ могъ поставить полкъ на ногу по своему и сдѣлать его если не вполнѣ тѣмъ, чѣмъ онъ, Суворовъ, задался, то по крайней мѣрѣ придать ему особый, отличный отъ другихъ характеръ. Иначе нельзя объяснить нѣкоторую особенность,

которая выпала на долю Суздальскаго полка въ 1765 году, на красносельскихъ маневрахъ, какъ увидимъ дальше.

За это время имѣются о Суворовѣ скудныя, но не лишенныя значенія свѣдѣнія, заключающіяся въ его письмѣ къ одной знакомой дамѣ, писанномъ 27 января 1764 года. Это есть первое, по времени, письмо Суворова, дошедшее до насъ въ подлинникѣ. Изъ него видно, что Суворовъ не отличался тогда хорошимъ здоровьемъ, былъ очень худъ и, по его словамъ, уподоблялся «настоящему скелету, лишенному стойла ослу, бродячей воздушной тѣни». На него производила очень дурное дѣйствіе невская вода; онъ страдалъ болями въ головѣ, въ груди и особенно мучился желудкомъ, но въ постели не лежалъ и даже въ четырехъ стѣнахъ для леченія не сидѣлъ. «Я почти вижу свою смерть,—пишетъ онъ:—она меня сживаетъ со свѣта медленнымъ огнемъ, но я ее ненавижу, рѣшительно не хочу умереть такъ позорно и не отдамся въ ея руки иначе, какъ на полѣ браши». Приглашая знакомую даму въ Петербургъ, Суворовъ говоритъ, что 2—3 раза она можетъ находиться на маскированныхъ балахъ и еженедѣльно по 2—3 раза въ спектаклѣ, что онъ самъ пользуется этими удовольствіями, насколько дозволяетъ его здоровье. Письмо любезнаго содержанія, но видно, что адресовано не къ предмету страсти или нѣжной привязанности, которыхъ Суворовъ ни раньше, ни позже вообще не имѣлъ и даже подобнаго рода связей боялся. Написано письмо плохимъ французскимъ языкомъ; видно, что Суворовъ не владѣлъ еще имъ тогда въ той мѣрѣ, какъ впослѣдствіи, т.-е. продолжалъ еще свое самообразованіе [2]).

Приведенное письмо между прочимъ доказываетъ, что «закаливаніе» Суворовымъ своего слабаго и хилого организма было имъ достигнуто лишь рядомъ многихъ лѣтъ и давалось не легко. Посѣщеніе имъ въ эту пору театровъ и маскарадовъ имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ Суворова-чудака, но очередь этой темы впереди.

Въ мартѣ 1765 года Суворовъ снова пріѣзжалъ въ Петербургъ по какимъ-то дѣламъ и съ этого времени сталъ лично извѣстенъ наслѣднику престола, которому былъ представленъ.

Въ іюнѣ онъ прибылъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ полкомъ для принятія участія въ красносельскихъ маневрахъ, совершивъ этотъ походъ форспрованными маршами [3]).

Опытъ Семплѣтней войны вызвалъ у насъ составленіе и изданіе ряда новыхъ военныхъ уставовъ и постановленій. Способность войскъ къ маневрированію, въ русской арміи весьма слабая, обратила на себя вниманіе; по условію этому все-таки не придали той важности, которой оно заслуживало, и маневры Екатерининскаго времени, по крайней мѣрѣ первой половины, были образовательнымъ пріемомъ довольно младенческимъ, по своимъ размѣрамъ и значенію. Они производились обыкновенно двухсторонніе, но слишкомъ малыми частями, и главныя задачи маневрированія состояли въ устройствѣ засадъ и въ обходѣ фланговъ. Исключенія бывали, но рѣдкія; однимъ изъ самыхъ значительныхъ слѣдуетъ считать сборы войскъ въ 1765 году, особенно подъ Краснымъ Селомъ.

Съ самаго почти вступленія своего на престолъ, Екатерина обратила вниманіе на захирѣвшихъ дѣтей Петра Великаго — войско и флотъ, и вниманіе это выразилось между прочимъ въ смотрахъ, которые производила она лично. Во время коронаціи въ Москвѣ, въ 1762 году, она смотрѣла войска, собранныя тамъ лагеремъ; въ 1763 году познакомилась въ Кронштадтѣ съ флотомъ; въ слѣдующемъ году производила смотръ полкамъ въ Эстляндіи и Лифляндіи; въ 1763 году ходила съ флотомъ за Красную Горку, присутствовала на маневрахъ и находилась при бомбардированіи нарочно выстроеннаго городка. Въ этомъ же году Императрица повелѣла вывести армію въ разные лагери «такими корпусами, въ коихъ бы можно было не солдатство токмо ружейной экзерциціи обучать, но пользу установленныхъ Ея Императорскимъ Величествомъ учрежденій видѣть». Главному лагерю приказано быть невдалекѣ отъ Краснаго Села; въ составъ его назначены три дивизіи: фельдмаршала графа А. Б. Бутурлина (изъ гвардейскихъ полковъ), князя А. М. Голицына и П. И. Панина. Полевой артиллеріи было 44 орудія; ею начальствовалъ генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Г. Г. Орловъ. Всего собрано 17 пѣхотныхъ и 7 кавалерійскихъ полковъ, не

считая грузинскаго гусарскаго полка, 500 казаковъ и 30 калмыковъ. Общее число войскъ простиралось до 30,000 человѣкъ.

Войска вступили въ лагерь 15 іюня; 16 и 17 приказано было производить ружейную экзерцицію, которой придавали тогда большое значеніе въ обученіи войска. Оттого два приготовительные къ маневрамъ дня посвящены были именно тому, что̀ скорѣе всего изъ занятій можно было исключить, а тѣми отраслями службы, которыя были особенно нужны для предстоящихъ маневровъ, не занимались, по крайней мѣрѣ этого не видать. Императрица отправилась изъ Петербурга въ Красное Село 18 числа и на слѣдующій день верхомъ объѣзжала расположенныя въ лагерѣ войска; объѣздъ продолжался больше двухъ часовъ.

Войска были раздѣлены на двѣ арміи—Государыни и Панина; въ первую вошли дивизіи Бутурлина и Голицына. Для прикрытія лѣваго фланга и отчасти фронта Государыниной арміи, былъ сформированъ легкій корпусъ, подъ начальствомъ бригадира Измайлова, въ составъ котораго вошли одинъ батальонъ и двѣ гренадерскія роты Суздальскаго полка, съ нѣсколькими кавалерійскими частями. Съ этимъ легкимъ корпусомъ сама Государыня производила рекогносцировку непріятельскаго расположенія. Сначала кавалерія потѣснила непріятельскіе ведеты и пикеты, а затѣмъ Суворовъ съ пѣхотою и артиллеріею произвелъ наступательное движеніе, занимая высоты одну за другою и очищая путь Екатеринѣ для осмотра непріятельскихъ позицій, причемъ конница прикрывала его фланги. Маневръ былъ произведенъ очень хорошо и въ большомъ порядкѣ. Добывъ нужныя свѣдѣнія, Государыня приказала легкому корпусу отходить къ главнымъ силамъ и возвратилась къ своей ставкѣ въ 10 часовъ вечера; почти къ тому же времени прибылъ легкій корпусъ и тотчасъ же разставилъ сторожевые посты.

Маневры производились до 27 числа включительно. Они не представляютъ чего-либо поучительнаго или относящагося къ предмету этой главы, въ томъ изложеніи, въ которомъ до насъ дошли. Панинъ конечно былъ уступчивъ, тѣмъ болѣе, что ко-

мандовалъ силами, почти вдвое слабѣйшими сравнительно съ противникомъ. Посредниковъ не было. Государыня ѣздила большей частью верхомъ и возвращалась въ ставку иногда поздней ночью. Характерная черта маневровъ заключалась въ правилѣ, котораго держались обѣ стороны: не побѣждать часть русскаго непобѣдимаго войска, а только одерживать надъ противникомъ легкую поверхность.

Іюня 28, въ день вступленія Екатерины на престолъ, генералитетъ устроилъ балъ съ ужиномъ, пригласивъ Государыню съ ея дворомъ; приглашеніе было принято благосклонно. Празднество дано въ большомъ полотняномъ домѣ, 30 саженъ въ длину и 8 въ ширину, и удалось вполнѣ; за ужиномъ сидѣло 365 человѣкъ. Войска распущены по квартирамъ 1 іюля, Суздальскій полкъ отправился въ Ладогу опять ускореннымъ маршемъ и совершилъ оба пути, не оставивъ ни одного больного [4]).

Кромѣ Суворова-сына, на красносельскихъ маневрахъ участвовалъ и Суворовъ-отецъ, генералъ-аншефъ Василій Ивановичъ, командуя гвардейскимъ Измайловскимъ полкомъ, коего былъ подполковникомъ.

Неизвѣстный авторъ, описывающій красносельскій лагерь и маневры, приводитъ иногда имена нѣкоторыхъ генераловъ, принимавшихъ въ маневрахъ участіе, но не говоритъ про штабъ-офицеровъ. Исключеніемъ служитъ только Суворовъ, — про него онъ упомянулъ дважды, въ одобрительномъ смыслѣ. При всей своей ничтожности, обстоятельство это имѣетъ смыслъ, тѣмъ болѣе, что брошюра носитъ оффиціозный характеръ и издана въ томъ же 1765 году, т.-е. когда Суворовъ далеко еще не попалъ въ знаменитости, и восхваленіе его заднимъ числомъ не могло имѣть мѣста [5]). Возьмемъ еще въ соображеніе, что въ летучій отрядъ были назначены пѣхотныя части изъ полка Суворова, а не изъ какого-либо другого. То и другое, вмѣстѣ взятое, подтверждаетъ вышесказанное предположеніе, что онъ уже успѣлъ выдвинуть Суздальскій полкъ изъ ряда другихъ, особенно относительно подвижности и быстроты.

Придя на свои непремѣнныя квартиры, Суздальскій полкъ оставался на нихъ слишкомъ три года подъ-рядъ. Этотъ длин-

ный промежутокъ времени и слѣдуетъ признать періодомъ главной дѣятельности Суворова — полкового командира. Тутъ уже ему не мѣшали никто и ничто. Все, что было раньше начато, получило теперь полное развитіе и законченность. Матеріальная обстановка полка, строевое его обученіе, нравственное воспитаніе солдата — одновременно обращали на себя его заботы и одновременно подвигались впередъ.

Онъ выстроилъ, во-первыхъ, полковую церковь, затѣмъ зданіе для школы. Законъ требовалъ учрежденія для солдатскихъ сиротъ, начиная съ 7-лѣтняго возраста, школы, «обучая грамотѣ — читать и писать и часть ариѳметики; опредѣляя къ обученію надежныхъ унтеръ-офицеровъ подъ смотрѣніемъ одного офицера». Суворовъ открылъ двѣ школы, для дворянскихъ и для солдатскихъ дѣтей, раздѣлилъ на классы и самъ сдѣлался въ нихъ преподавателемъ. Онъ училъ начальнымъ правиламъ ариѳметики и написалъ учебникъ; быть можетъ онъ же училъ и закону Божію, ибо составилъ молитвенникъ и коротенькій катехизисъ. Авторъ, сообщающій это извѣстіе, самъ видѣлъ экземпляръ Суворовскаго рукописнаго молитвенника. Курсы въ обѣихъ школахъ были разные; въ чемъ именно заключалось это различіе, неизвѣстно; знаемъ однако, что школьники дворяне, въ интересахъ общаго развитія и внѣшней полировки, знакомились съ началами драматическаго искуства и однажды, при посѣщеніи Новой Ладоги губернаторомъ, разыграли въ его присутствіи какую-то пьесу. Слѣдовательно при школѣ было устроено нѣкоторое подобіе сцены, конечно очень примитивное. Кромѣ церкви и школьнаго дома, Суворовъ выстроилъ конюшни для полковыхъ лошадей и развелъ садъ на безплодной песчаной почвѣ. Всѣ эти постройки существовали и школы были въ полномъ ходу въ 1766 году, что̀ и засвидѣтельствовалъ губернаторъ Сиверсъ; значитъ, первыя заботы о благоустройствѣ полка начались у Суворова раньше прибытія изъ Краснаго Села въ Ладогу, ибо въ одинъ годъ всего этого сдѣлать было невозможно, особенно при главномъ занятіи Суворова, — строевомъ обученіи полка. Затѣмъ, что̀ сдѣлано Суворовымъ для полка въ послѣдующіе два года квартированія его въ Ладогѣ — нѣтъ никакихъ

свѣдѣній; самъ онъ въ своей автобіографіи вообще не говоритъ про періодъ командованія полкомъ ни слова [6]).

Расходы, какъ видно, производились немалые; какими же средствами они покрывались? Прямого отвѣта нѣтъ. Нѣкоторыя издержки Суворовъ, вѣроятно, относилъ на свой собственный счетъ, какъ иные это и утверждаютъ, но такой рессурсъ конечно былъ не первымъ, а послѣднимъ [7]). Отецъ Суворова занимался по прежнему увеличеніемъ своего состоянія, покупалъ новыя имѣнія, устраивалъ ихъ, занималъ и давалъ взаймы деньги и т. п. Если онъ и давалъ сыну какое-нибудь денежное пособіе, то конечно весьма небольшое; со своей стороны сынъ тоже не былъ расположенъ ни просить у отца, ни затрачивать своихъ средствъ на такого рода расходы безъ особенныхъ побудительныхъ причинъ. Если обстановка Суздальскаго полка отличалась благоустройствомъ, то прежде всего причиною тому были личныя качества командира и его серьезный взглядъ на службу и на свои обязанности. При этомъ взглядѣ не могло образоваться въ хозяйствѣ полка никакихъ сбереженій, которыя принадлежали бы не полку, а командиру. А въ полкахъ сбереженія не только бывали, но и не могли не быть при мало-мальски порядочномъ хозяйствѣ; были они и въ Суздальскомъ полку, такъ какъ Суворовъ отличался бережливостью, и нужное у него отдѣлялось отъ прихоти весьма рѣзкою чертой. Другіе или удерживали полковую экономію въ свою пользу, или употребляли ее на удовлетвореніе существовавшей въ то время, особенно въ кавалеріи, страсти къ щегольству. У Суворова ничего подобнаго, по складу его понятій, не могло быть, а потому полковая экономія шла на издержки производительныя.

Рессурсы его на благо полка увеличивались еще тѣмъ, что онъ ненавидѣлъ праздность, и постоянный трудъ солдата считалъ непремѣннымъ условіемъ для достиженія высшихъ интересовъ службы. Въ началѣ 70-хъ годовъ эта тема занимаетъ въ его приказаніяхъ и распоряженіяхъ по подвѣдомственнымъ войскамъ нѣкоторое подобіе *cæterum censeo;* онъ старается даже, чтобы караульные солдаты, сидя въ караульномъ домѣ, употребляли время не на игру въ шашки, а болѣе производительно.

Поэтому, не смотря на то, что во время его командованія полкомъ, солдату приходилось много работать не надъ тѣмъ, такъ надъ другимъ, — Суворовъ, безъ всякаго сомнѣнія, не затруднялся приложить солдатскія руки и къ постройкѣ церкви, школы или конюшни, и къ разведенію сада, можетъ быть даже съ нѣкоторымъ отягощеніемъ своихъ подчиненныхъ. Такой его взглядъ на солдатскій трудъ много лѣтъ спустя далъ въ руки его недоброжелателей оружіе и, справедливо ли, нѣтъ ли, породилъ мелкія, но многочисленныя для Суворова непріятности. Какъ бы то ни было, но именно совокупность всѣхъ означенныхъ ресурсовъ дала Суворову возможность сдѣлать въ Ладогѣ много на пользу полка.

Заслуга эта впрочемъ ничтожна сравнительно съ тою, которую Суворовъ оказалъ своею воспитательною дѣятельностью въ Суздальскомъ полку, такъ какъ эта послѣдняя не ограничилась узкою рамкою какой-нибудь 1,000 человѣкъ, а пошла потомъ гораздо шире и сильно содѣйствовала длинному ряду побѣдъ и громкой славѣ русскаго оружія. Но прежде, чѣмъ знакомиться съ военно-педагогическою дѣятельностью Суворова — полкового командира, надлежитъ отмѣтить, что могъ дать Суворову опытъ Семилѣтней войны и въ какой мѣрѣ эти опытныя данныя повліяли положительно или отрицательно на его взгляды.

Каждая война, въ которой проявились выдающіяся дарованія и искуство, или которая привела къ крупнымъ результатамъ, оказываетъ прямое вліяніе на ходъ военнаго дѣла въ послѣдующее время. Наука обогащается новыми данными и новыми выводами; искуство принимаетъ новые пріемы, измѣняя или совершенно отвергая старые; сложный военный механизмъ подвергается общимъ или частнымъ преобразованіямъ. Другой вопросъ—дѣйствительно ли нужны всѣ эти перемѣны, вѣрны ли наблюденія, справедлива ли оцѣнка фактовъ, разграничено ли впечатлѣніе минуты отъ холоднаго взгляда критики. Отвѣтъ бываетъ и утвердительный, и отрицательный. Зачастую поражаются наглядностью и осязательностью результата и не добираются до первоначальной причины; увлекаются внѣшностью и не вникаютъ въ духъ; вмѣсто свободнаго отношенія къ предмету,

вдаются въ рабское подражаніе. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ война на прямыхъ ея участниковъ, на лицъ, воспринимающихъ военныя впечатлѣнія непосредственнымъ путемъ. Чѣмъ ближе они стоятъ на войнѣ къ дѣлу, тѣмъ эмпиричность ихъ представленій становится сильнѣе, и тѣмъ труднѣе имъ, такимъ людямъ, удержать объективность взгляда. Обширная сфера дѣятельности и широкій для наблюденія кругозоръ умѣряютъ этотъ недостатокъ, но не спасаютъ отъ него. Подавляющая сила личнаго впечатлѣнія, особенно при катастрофахъ и фактахъ рѣзкаго характера, гнететъ такъ сильно и продолжительно, что иной участникъ или очевидецъ рѣшительно не въ состояніи отъ нея отрѣшиться, сдѣлать правильную оцѣнку факта и отъ нея дойти до вѣрнаго вывода. Тогда все свое становится худымъ, все у противника хорошимъ, или наоборотъ, — и уже нѣтъ мѣста здравой критикѣ. Тогда основныя начала военнаго искуства, неизмѣнно существующія во всѣ времена и эпохи, низводятся подчасъ чуть не до значенія условныхъ тактическихъ или уставныхъ правилъ; сдача, напримѣръ, цѣлой арміи, окруженной непріятелемъ, оправдывается неизбѣжностью, и прорывъ признается безусловно невозможнымъ; безпорядочная, но сильная стрѣльба на удачу возводится въ тактическій принципъ, а холодное оружіе низводится до значенія простой дубины. Тоже самое конечно встрѣчается и у постороннихъ наблюдателей, но уже по другимъ причинамъ; въ настоящемъ случаѣ говорится объ однихъ первыхъ, дабы указать, что сила личныхъ впечатлѣній далеко не всегда приводитъ къ выводамъ правильнымъ. И чѣмъ тѣснѣе кругозоръ такихъ лицъ вслѣдствіе ихъ служебнаго положенія, тѣмъ сила личнаго впечатлѣнія играетъ большую роль, и повѣрка его труднѣе.

Грандіозная Семилѣтняя война поразила умы современниковъ. Силы воевавшихъ были слишкомъ неравны, боевыя качества прусской арміи преобладали надъ союзническими несомнѣнно; военные таланты Фридриха ярко блестѣли во тьмѣ общей, почти сплошной бездарности союзнаго предводительства. Началось повсемѣстное обожаніе, почти боготвореніе. Какъ въ мифахъ языческихъ религій, основной идеалъ, будучи изображенъ

во внѣшнихъ формахъ, исчезаетъ изъ сознанія вѣрующихъ массъ, и остается одна форма въ видѣ идола, такъ съ окончаніемъ Семилѣтней войны духъ Фридриховой военной системы, ясно и до того сознаваемый, совершенно заслоняется удобопонятными для всякаго формами, и имъ воздается поклоненіе. На потсдамскихъ поляхъ производится священнодѣйствіе, и иностранные жрецы съ умиленіемъ взираютъ на 3—4-верстную линію прусскихъ батальоновъ, автоматически подвигающихся впередъ съ правильностью натянутой струны. Производится изученіе прусскихъ уставовъ до тонкости, изслѣдуются до мелочей правила построенія, маршировки, ружейной экзерциціи; копируется обмундированіе и снаряженіе. Все, даже случайное и для самихъ Пруссаковъ не имѣющее цѣны, обращаетъ на себя вниманіе и подвергается изученію. Вотъ что сдѣлалось задачею европейскаго воинскаго искуства на долгіе годы; за то и упало оно такъ быстро и такъ низко, что только военные громы французской революціи заставили всѣхъ очнуться и произвели новый переворотъ. Но и этотъ переворотъ въ большей части Европы состоялъ изъ компромиссовъ между французскою новизною и прусскою стариною, и многочисленныя мелочи, чисто внѣшнія и механическія, упорно сохранялись чуть не цѣлое столѣтіе.

Какое же впечатлѣніе эта война произвела на Суворова? Онъ былъ не больше, какъ штабъ-офицеръ; боевая служба его происходила въ тѣсномъ кругу; подъ напоромъ личныхъ впечатлѣній и подъ вліяніемъ подавляющаго авторитета короля-полководца, онъ казалось долженъ бы былъ вступить въ ряды самыхъ горячихъ его послѣдователей и подражателей, не только въ главномъ, но и въ мелочахъ, ибо мелочи и приходились по плечу простому полковому командиру. Случилось однако совсѣмъ не то, потому что этотъ полковой командиръ обладалъ огромными дарованіями, научной подготовкой и самостоятельнымъ взглядомъ на дѣло.

Образъ дѣйствій союзныхъ начальствующихъ лицъ имѣлъ для Суворова значеніе отрицательное, т.-е. это было для него школой на выворотъ, наставленіемъ, какъ не слѣдуетъ поступать ни въ какомъ случаѣ. Медленность, нерѣшительность,

страхъ передъ противникомъ, отсутствіе единой живой мысли— все это конечно послужило ему живымъ урокомъ, который ничего новаго ему не открылъ, но подтвердилъ вѣрность его собственныхъ взглядовъ. Образъ дѣйствій Фридриха въ сильнѣйшей степени содѣйствовалъ усвоенію Суворовымъ того же вывода; глубокая вѣрность основныхъ принциповъ Фридриховскаго военнаго искуства должна была выяснить ему все то, что въ этомъ отношеніи оставалось въ его умѣ въ видѣ ипотезъ и не получило еще опредѣлительныхъ очертаній. Такимъ образомъ и Фридрихъ, и союзники съ рѣдкимъ единствомъ содѣйствовали Суворову въ выработкѣ взглядовъ и качествъ, которыя съ того времени являются какъ-бы характеристикою его имени.

Прусскія и союзныя войска тоже были для Суворова богатымъ источникомъ наблюденія и выводовъ. Больше всего долженъ былъ его поразить контрастъ между тѣми и другими въ поворотливости и подвижности и указать на недостатокъ русскихъ войскъ въ этомъ отношеніи, какъ на капитальнѣйшую болѣзнь, требующую исцѣленія. Формамъ строя и уставнымъ правиламъ онъ не придалъ большого значенія, лишь бы они не становились въ противорѣчіе съ жизненнымъ началомъ, которому должны служить. Наперекоръ всей Европѣ, ударившейся въ слѣпую подражательность, Суворовъ не увлекся внѣшними особенностями прусской военной системы, передъ идеальною стройностью не благоговѣлъ, математическую точность маневрированія прусскихъ войскъ и сложность маневрныхъ задачъ считалъ для русской арміи ненужными. Сознавая недостатки нашей арміи относительно сущности дисциплины, онъ однако не преклонился передъ прусскою, допуская ея умѣстность въ Фридриховой арміи, но не въ русской. Обученіе русскихъ войскъ онъ забраковалъ и по смыслу, и по способамъ; но чуть ли не въ той же мѣрѣ призналъ негоднымъ для пересадки на русскую почву и знаменитый прусскій образецъ. Ничтожность огня русской пѣхоты онъ оцѣнилъ вполнѣ, отдалъ преимущество этой отрасли военнаго образованія въ прусской арміи, но моделью ее не принялъ и ружейному огню въ тактикѣ пѣхоты первостепеннаго значенія не придалъ.

Всѣ подобные выводы, отрицательные и положительные, сдѣланные изъ опыта Семилѣтней войны, Суворовъ свелъ въ своеобразную, собственно ему принадлежащую систему обученія войскъ; философскій взглядъ на военное дѣло и глубокое пониманіе національныхъ особенностей русскаго солдата проходятъ въ ней рука объ руку.

Никакая живая система не является сразу вполнѣ сформированной въ головѣ и законченнымъ образомъ выраженной въ словѣ. Суворовская система не могла имѣть въ самомъ началѣ той цѣлости и отчеканенной формы, которыми она отличалась 30 лѣтъ спустя. Поэтому было бы пріемомъ невѣрнымъ—взять изъ позднѣйшей, хорошо извѣстной системы главныя данныя, перенести ихъ въ ранній періодъ и такимъ образомъ изложить первые шаги Суворова на военно-педагогическомъ поприщѣ. Относительно основныхъ началъ это будетъ справедливо; относительно частностей—можетъ быть справедливо случайно, но исторически все-таки невѣрно. Долженъ быть изложенъ первообразъ, хотя бы не полный, но дѣйствительно существовавшій.

Прямыхъ данныхъ для такого пути нѣтъ; никакихъ документовъ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, касающихся служебной дѣятельности Суворова, не существуетъ или не отыскано. Но матеріалъ этотъ имѣется за годы, непосредственно слѣдовавшіе за мирною его дѣятельностью въ Ладогѣ. Тогда Суворовъ дѣйствовалъ подъ живымъ воспоминаніемъ своего командованія полкомъ; онъ, такъ сказать, репетировалъ свои ладожскіе уроки, указывалъ на способы приложенія ихъ къ дѣлу, коментировалъ ихъ, ссылаясь на недавнее прошлое. Тогда онъ только что вышелъ изъ полковыхъ командировъ, сфера его начальствованія расширилась незначительно, и служебныя занятія послѣднихъ лѣтъ сохраняли еще для него весь свой интересъ. Данныя, заключающіяся въ документахъ 1770—72 годовъ, поэтому восполняютъ въ нѣкоторой степени пробѣлъ 60-хъ годовъ. Они отрывочны, бѣдны и не даютъ возможности изобразить стройное цѣлое, но дозволяютъ воспроизвести нѣкоторыя части и, связавъ ихъ общею идеею, чрезъ нихъ проходящею, получить понятіе о первообразѣ Суворовской военной теоріи въ главныхъ ея очерта-

шіяхъ. Послѣдующее расширеніе военной дѣятельности Суворова пополнитъ въ свое время пробѣлы и документально подтвердитъ или опровергнетъ вѣрность первоначально сдѣланныхъ выводовъ.

Предполагаемое на войнѣ невозможнымъ по теоріи, на практикѣ оказывается сплошь и рядомъ исполнимымъ, и именно оттого, что считается за невозможное. Для этого надобно вселить въ непріятеля вѣру въ нашу непобѣдимость, а свои собственныя войска воспитать такъ, чтобы ихъ ничто не могло на войнѣ озадачить, чтобы они имѣли твердую увѣренность въ своей силѣ и не допускали мысли, что могутъ быть побиты. Въ этомъ убѣжденіи заключается дѣйствительная сила, боязливое отношеніе къ непріятелю составляетъ дѣйствительную слабость. Эти общія истины были по преимуществу Суворовскими истинами. A priori онѣ принимаются почти всѣми, но едва ли кто, въ такой степени какъ Суворовъ, усвоилъ ихъ всѣмъ своимъ существомъ и вводилъ въ практику дѣла. Они были краеугольнымъ камнемъ его боевой теоріи. Изъ всѣхъ его приказаній и наставленій подвѣдомственнымъ ему войскамъ въ 1770—72 годахъ, во время польской конфедератской войны, видно, что основнымъ условіемъ военнаго успѣха онъ считалъ *смѣлость*. Онъ предписываетъ отрядамъ смѣлость во всякомъ случаѣ; если нельзя дѣло сдѣлать, то хоть доказать непріятелю несомнѣнную, осязательную готовность къ энергическому дѣйствію; убѣдить его въ своей смѣлости. Послѣ одного незначительнаго, но стоившаго потерь дѣла, онъ даетъ объясненіе своему начальнику, генералъ-поручику Веймарну, въ январѣ 1770 года: «Они рекогносцировали, а что такъ дерзновенны, я одинъ тому виной; какъ въ Ладогѣ, такъ и подъ Смоленскомъ, зимою и лѣтомъ, я ихъ пріучалъ къ смѣлой, нападательной тактикѣ». Въ приказѣ одному изъ полковъ, отданномъ въ январѣ 1771 года, Суворовъ пишетъ: «Непохвальнымъ нахожу, что на бунтовщиковъ (какъ на офиціальномъ языкѣ назывались у насъ тогда конфедераты) по близости тотчасъ не ударено; хотя бы таковой поискъ былъ иногда и пустой, но служитъ всегда для страха». Развитіе въ подчиненныхъ нравственной силы онъ обставляетъ всѣми способами и ревниво обе-

регаетъ ихъ отъ прикосновенія понятій противоположнаго характера, запрещая даже употребленіе на офиціальномъ языкѣ нѣкоторыхъ словъ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ его приказъ одному изъ отрядныхъ начальниковъ, ротмистру Вагнеру, 25 февраля 1771 года: «*сикурсъ* есть слово ненадежной слабости, а *резервъ*—склонности къ мужественному нападенію; *опасность*—есть слово робкое и никогда, какъ и *сикурсъ*, неупотребляемое и отъ меня заказанное. А на то служитъ *осторожность*, а кто въ воинскомъ искуствѣ твердъ, то *предосторожность*, но не торопливость... Свыше же резерва называется усиліе, т.-е. что и безъ него (резерва) начальникъ войска по его размѣру искуства и храбрости сильнымъ быть себя почитаетъ» [8]).

Дѣйствуя на нравственныя силы своихъ подчиненныхъ разными воспитательными пріемами, Суворовъ нетолько не пренебрегаетъ ихъ строевымъ обученіемъ, или, по тогдашнему выраженію, «экзерциціей», но придаетъ ему особенную важность. Начальнику своему, Веймарну, онъ пишетъ въ 1771 году: «Каролинцы (войска Карла XII), ихъ побѣдами надменные, надѣясь на себя излишне, отдыхаютъ въ Дрезденѣ по-капуанскому (какъ Аннибалъ въ Капуѣ) и перебѣгши земли неисчетныя, падаютъ при Полтавѣ передъ Петромъ Великимъ, который между тѣмъ экзерцируетъ свое войско». Въ другомъ письмѣ къ Веймарну Суворовъ говоритъ про необходимость скорѣйшаго подавленія конфедераціи: «Примите мое представленіе за благо, что чрезъ продолженіе сихъ мятежей, они (конфедераты) гдѣ ни есть мѣшкая въ углахъ, болѣе времени имѣютъ выэкзерцироваться, нежели мы». Въ третьемъ рапортѣ отъ того же времени онъ объясняетъ своему начальнику необходимость обученія войскъ примѣромъ Юлія Цезаря, который «въ Африкѣ со сборнымъ слоновымъ войскомъ не дрался съ Юбою и со Сципіономъ вправду, давая имъ еще волю бродить, доколѣ онъ основательно не выэкзерцировалъ свое войско». Въ приказѣ по войскамъ 25 іюня 1771 года, Суворовъ, подтверждая начальникамъ — «обучать въ праздное время на постахъ ихъ команды въ тонкость», и давая разныя по этому предмету указанія, въ заключеніе говоритъ: «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и

при всѣхъ случаяхъ потребны, только тщетны они, ежели не будутъ истекать отъ искуства, которое возростаетъ отъ испытаній, при внушеніяхъ и затвержденіяхъ каждому должности его» [9]).

Эти два осповныя правила, воспитаніе нравственной природы человѣка въ смыслѣ наибольшаго развитія военныхъ боевыхъ качествъ и тщательное обученіе его механизму военнаго дѣла, — сливались у Суворова въ одно, и второе вполнѣ служило первому. У него механическая часть обученія велась исключительно по указаніямъ боевого нравственнаго элемента. Бюжо, одинъ изъ лучшихъ французскихъ маршаловъ, сказалъ, что между войсками, обладающими высокимъ нравственнымъ чувствомъ, храбрыми и проникнутыми правильными понятіями о боѣ — и между устроенными и обученными такъ, какъ большая часть войскъ европейскихъ, — существуетъ такая же разница, какъ между взрослыми и дѣтьми. Суворовъ приготовлялъ въ Ладогѣ взрослыхъ.

Самый короткій и вѣрный путь къ пріученію человѣка смѣло смотрѣть въ глаза опасности, состоитъ въ томъ, чтобы не выжидать ее, а идти ей на встрѣчу. Этого принципа Суворовъ и держался, проводя его съ помощью исключительно наступательныхъ экзерцицій и давая атакѣ холоднымъ оружіемъ преобладающее значеніе надъ прочими частями строевого устава. Атака въ штыки есть дѣйствіе, требующее большого напряженія воли. Трудность штыковыхъ атакъ привела къ попыткѣ — дать огнестрѣльному оружію значеніе оружія рѣшительнаго, замѣнивъ огнемъ ударъ. Попытка не удалась; войны въ XVI столѣтіи длились десятки лѣтъ, рѣшительныхъ сраженій почти не было. Стали назначать для рукопашнаго боя отборныя войска; если большія части войскъ пускались въ атаку и доводили ее до конца, то подвигъ ихъ приводился въ примѣръ другимъ. Изъ западно-европейскихъ армій, французская была наиболѣе способна къ атакамъ холоднымъ оружіемъ; нѣмцы обращали больше вниманія на огонь, стараясь сдѣлать его правильнымъ и частымъ. Однимъ изъ главныхъ военныхъ принциповъ Фридриха Великаго было усовершенствованіе огня. Успѣхи Фридриха все-

лили во всѣхъ духъ подражанія, въ томъ числѣ и во французовъ; штыкомъ стали пренебрегать. По общій потокъ не унесъ съ собою безвѣстнаго полкового командира русской арміи; вопреки всей Европѣ, онъ придалъ штыку первостепенное значеніе и сдѣлалъ его главнымъ военно-воспитательнымъ средствомъ. Онъ добился своего, ибо въ приказѣ его 25 мая 1770 года читаемъ: «Доселѣ во всѣхъ командахъ моей бригады атаковали только на палашахъ и штыкахъ, кромѣ что стрѣляютъ егеря». Впослѣдствіи онъ продолжалъ настаивать на вѣрности своего взгляда и не ошибся. Его боевая карьера еще не успѣла дойти до своего апогея, какъ разразились войны французской революціи; Французы опять перешли къ боевымъ привычкамъ, сроднымъ ихъ національному характеру, достигли успѣховъ удивительныхъ и произвели въ европейской тактикѣ такую же перемѣну, какая незадолго передъ тѣмъ была сдѣлана у нихъ самихъ примѣромъ Фридриха.

Поступая такимъ образомъ, Суворовъ разработывалъ благодарную почву и прибѣгалъ къ пріему, сродному русской національности. При недостаточности обученія вообще и при слабости огнестрѣльнаго дѣйствія въ особенности, русская армія всегда чувствовала склонность къ штыку; но эта склонность оставалась инстинктивной и не развитой. Суворовъ взялся за дѣло рукою мастера. Драгоцѣнная особенность русской арміи, замѣченная имъ въ Семилѣтнюю войну, *стойкость* — была элементомъ, обѣщавшимъ Суворову богатую жатву. Предстояло дорогой, но сырой матеріалъ—*пассивную стойкость*, обработать, усовершенствовать и развить до степени *активной настойчивости и упорства*, такъ какъ оба эти свойства, и пассивное и активное, однородны и составляютъ только двѣ разныя ступени одной и той же лѣстницы. Воспитаніе и обученіе Суздальскаго полка и поведены были Суворовымъ именно въ этомъ направленіи; почти вся учебная программа прямо или косвенно сводилась къ наступленію и удару.

Прежде всего Суворовъ обратилъ вниманіе на религіозную сторону и на нравственное чувство солдата. Въ 1771 году писалъ онъ Веймарну: «Нѣмецкій, французскій мужикъ знаетъ

церковь, знаетъ вѣру, молитвы; у русскаго едва знаетъ ли то его деревенскій попъ; то сихъ мужиковъ въ солдатскомъ платьѣ учили у меня нѣкіимъ молитвамъ. Тако догадывались и познавали они, что во всѣхъ дѣлахъ Богъ съ ними и устремлялись къ честности». Какъ будто въ подтвержденіе этого пріема, онъ пишетъ тому же Веймарну, но совсѣмъ по другому поводу: «Надлежитъ начинать солиднымъ, а кончать блистательнымъ». Дѣйствуя на религіозное сознаніе своихъ людей, Суворовъ считалъ необходимымъ внушать имъ и благородныя побужденія, преимущественно честолюбіе. Веймарну онъ говоритъ: «Безъ честолюбія, послушанія и благоправія нѣтъ исправнаго солдата». Въ другомъ письмѣ къ нему, того же 1771 года, Суворовъ, вспоминая свое командованіе полкомъ, выражается такъ: «Капралъ былъ почтенъ въ корпоральствѣ, какъ капитанъ въ ротѣ; имѣлъ своего ефрейтора и экзерцирмейстера; предводимъ былъ съ возможнѣйшимъ наблюденіемъ старшинства, по достоинству, безъ рекомендаціи. Сержанты вѣдали капральства, но не для хозяйства. Всякій имѣлъ честолюбіе» [10]).

Два приведенныя обстоятельства составляютъ, каждое порознь, цѣлую программу дѣйствій; программы эти Суворовъ и разработывалъ. Къ сожалѣнію, подробности остаются неизвѣстны.

Воспитывая и обучая свой полкъ въ смыслѣ наибольшаго развитія въ немъ смѣлости и отваги, Суворовъ, конечно, долженъ былъ выбросить изъ военно-учебной программы все, что принадлежитъ оборонѣ и отступленію. Какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ смыслѣ хорошая оборона должна быть наступательною, слѣдовательно спеціальныхъ пріемовъ обученія не требуетъ. Отступаетъ хорошо тотъ, кто отступаетъ съ наибольшимъ упорствомъ; упорствомъ же отличается не тотъ, кто обученъ отступательнымъ движеніямъ въ мирное время, а кто привыкъ смотрѣть на бѣгство, какъ на позоръ. Эти-то взгляды на отступленіе и оборону Суворовъ и внушалъ своему полку. Въ приказѣ ротмистру Вагнеру, въ 1771 году, онъ говоритъ: «*Сикурсъ, опасность* и прочія вообразительныя въ мнѣніяхъ слова служатъ бабамъ, кои боятся съ печи слѣзть,

чтобы ноги не переломить, а лѣнивымъ, роскошнымъ и тупозрячимъ — для подлой обороны, которая по концѣ — худая ли, добрая ли — разскащиками такожъ храброю называется». Въ другомъ приказѣ на всѣ посты своего района, въ маѣ того же года, онъ внушаетъ, что «одно званіе обороны уже доказываетъ слабость, слѣдственно и наводитъ робость». Въ одномъ только документѣ попадается какъ будто компромиссъ Суворовскаго направленія съ противоположнымъ, но и тутъ Суворовъ прибѣгаетъ къ забавному софизму, съ помощью котораго старается какъ бы выгородить свой принципъ въ глазахъ другихъ. Именно, въ приказѣ 5 октября 1771 года на всѣ посты онъ, рекомендуя для обученія войска наступные плутонги, прибавляетъ: «притомъ хотя и отступные, только съ толкованіемъ, что то не для отступленія, но только для пріученія ногъ къ исправнымъ движеніямъ». Дабы убѣдиться въ томъ, что Суворовъ отрицалъ оборону только въ смыслѣ воспитательнаго пріема, а на самомъ дѣлѣ умѣлъ цѣнить даже хорошее отступленіе, — стоитъ только прочесть его похвалу польскимъ конфедератамъ за дѣло подъ дер. Наводицей. Въ апрѣлѣ 1770 года онъ доноситъ Веймарну, что Поляковъ «на мѣстѣ положено сотъ до трехъ или больше, число же всѣхъ ихъ было поменьше 1,000, только всѣ хорошіе люди, ибо когда они на площади, въ лѣсу, мѣсто и батарею потеряли, и наша кавалерія ихъ безпрестанно въ тылъ била, то они, ретируясь черезъ два буерака и потомъ одинъ болотный ручей, тѣ три раза снова дѣлали фронтъ довольно порядочно и ожидали атаку» [11]).

Напирая на обученіе наступательнымъ дѣйствіямъ и атакѣ холоднымъ оружіемъ, Суворовъ, однако, не пренебрегалъ прочими отдѣлами военнаго обученія и никогда не противуставлялъ одни изъ нихъ другимъ. Это значило бы впадать въ односторонность, а у Суворова было такъ много боевого такта, что онъ не могъ допустить такой грубой ошибки. Его позднѣйшіе военные афоризмы давали поводъ къ подобнымъ толкованіямъ, но эти толкованія свидѣтельствуютъ только, что комментаторы трактуютъ о предметѣ, съ которымъ знакомы слишкомъ поверхностно. Тогдашнему ничтожному ружейному огню онъ не да-

валъ большого значенія, но отводилъ ему должное мѣсто въ общей системѣ военнаго образованія и требовалъ самаго тщательнаго обученія солдатъ стрѣльбѣ. По его энергическому выраженію, гренадеры и мушкетеры «рвутъ на штыкахъ», а стрѣляютъ егеря; но отсюда не вытекало заключеніе, что первымъ не нужна цѣльная стрѣльба, а послѣднимъ—штыки. Онъ ненавидѣлъ пародившуюся издавна поговорку: «пуля виноватаго найдетъ», и преслѣдовалъ это фальшивое понятіе немилосердно. Въ приказѣ на всѣ посты 25 іюня 1770 года, онъ объясняетъ происхожденіе ненавистной ему поговорки такъ: «что же говорится по пенскуству подлаго и большею частью робкаго духа — пуля виноватаго найдетъ, — то сіе могло быть въ нашемъ прежнемъ нерегулярствѣ, когда мы по татарскому сражались, куча противъ кучи, и задніе не имѣли мѣста цѣлить дулы, вверхъ пускали бѣглый огонь. Разсудить можно, что какой непріятель бы то ни былъ, усмотря, хотя самый по виду жестокій, но мало дѣйствительный огонь, не чувствуя себѣ вреда, тѣмъ паче ободряется и изъ робкаго становится смѣлымъ». Послѣднее разсужденіе вполнѣ объясняетъ взглядъ Суворова на стрѣльбу и до такой степени просто и логично, что нынѣ обратилось почти въ общее мѣсто. Поэтому на обученіе стрѣльбѣ Суворовъ обращалъ очень большое вниманіе и возмущался, если она была плоха. Въ одномъ изъ донесеній Веймарну онъ говоритъ съ горечью: «Нынѣ настали малеванные мужики въ солдатскомъ платьѣ, да по несчастью для роста еще фланговыми; сіи мужики на кулачный бой — пуля виноватаго найдетъ: такой недостатокъ исправнаго выэкзерцированія!» Дисциплинированіе огня было постоянной заботой Суворова; ради этой цѣли, а также въ видахъ воспитанія солдата на атакѣ холоднымъ оружіемъ, онъ не допускаетъ у гренадеръ и мушкетеръ стрѣльбу безъ дозволенія, «ибо единожды навсегда вообразить себѣ должно, что больше потребно времени зарядить, нежели выстрѣлить... Въ погонѣ же всякій, кому случится, дострѣливать можетъ, но и тутъ напрасно весьма пули не терять». Въ іюнѣ 1770 года онъ предписываетъ на всѣ посты: «Пѣхоту хотя скорому заряженію пріучать, такожъ и поспѣш-

нѣе плутоножной пальбѣ, но весьма опой въ памяти затверживать, что сіе чинится для одной проворности исправнаго приклада. Въ дѣлѣ, когда бы до того дошло, то хотя бы весьма скоро заряжать, но скоро стрѣлять отнюдь не надлежитъ, а вѣрно цѣлить; въ лучшихъ стрѣлять что называется *въ утку* и пули напрасно не терять». Въ Суворовской программѣ «скорый зарядъ и исправный прикладъ» занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ, а стрѣльба въ мишень была даже предметомъ исключительнаго вниманія. Иногда она производилась по окончаніи всего ученья, даже послѣ атаки въ штыки [12]).

Въ прошломъ столѣтіи, особенно въ 60-хъ годахъ, ружейная экзерциція считалась за самую существенную часть строевого образованія; на нее тратили много времени и съ нея обыкновенно начинали. Еще ранѣе того, закралось у насъ во всеобщую практику пустое по смыслу и вредное въ боевомъ отношеніи ружейное франтовство, вслѣдствіе котораго наружной красотѣ ружья и эффектному исполненію ружейныхъ пріемовъ приносились въ жертву качества боевого оружія. Изданной въ 1764 году инструкціей уже обращалось на это обстоятельство вниманіе полковыхъ командировъ и указывалось, чтобы скобки и винты ружья были въ своемъ мѣстѣ и пустой красоты и грому не дѣлали. Но это не дѣйствовало, и 20 лѣтъ спустя Потемкинъ заявлялъ въ приказѣ, что полированіе и лощеніе предпочтено въ ружьѣ его исправности. У Суворова ничего подобнаго не могло быть, ибо прямо противорѣчило бы самой сущности его требованій. Онъ съ-разу свелъ ружейную экзерцицію съ ея искуственной высоты и поставилъ на надлежащее мѣсто, измѣнивъ общепринятый порядокъ строевыхъ занятій. «По данному въ полкъ моему учрежденію», пишетъ онъ Веймарну въ 1771 году: «экзерцированіе мое было не *накараулъ*, *на-плечо*, но прежде поворочать, потомъ различное маршированіе, а потомъ уже пріемы, скорый зарядъ и конецъ—ударъ штыками». Вообще Суворовъ немного давалъ цѣны ружейной экзерцицiи, исключая исправнаго приклада», такъ какъ это прямо относится къ цѣльной стрѣльбѣ. Другихъ подробностей относительно порядка обученія не сохранилось. Весь же

кругъ обученія, приведенный выше, нѣсколько съ большей еще полнотой изложенъ въ приказѣ Казанскому пѣхотному полку, отданномъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1770 года. «Оному полку весьма экзерцироваться сколько въ поворотахъ, пріемахъ, скоромъ зарядѣ и примѣрной стрѣльбѣ съ исправнымъ прикладываніемъ, столько паче маршированію тихо, скоро и поспѣшно, наступательнымъ эволюціямъ съ захожденіемъ, разнообразнымъ движеніямъ и обращеніямъ фронтовъ, взирая на разныя мѣстоположенія, и атакамъ на штыкахъ, а по окончаніи всего экзерцировать стрѣлянію въ мишень, хотя бы то было въ холодное время [13]).

Въ этомъ приказѣ изложено, между прочимъ, условіе обученія войскъ съ примѣненіемъ къ мѣстности. Такое же самое требованіе высказано Суворовымъ въ приказѣ на всѣ посты, отданномъ въ томъ же году; онъ предписываетъ обучать въ тонкость основаніямъ разныхъ экзерцицій, маневрамъ, эволюціямъ и атакамъ, «толкуя и пріучая къ нимъ по различію ихъ, состоящемъ въ различіи положенія мѣстъ — ровныхъ, низкихъ, высокихъ, перерѣзанныхъ, лѣсистыхъ и болотныхъ». Вообще боевой элементъ обученія отзывается во всякой строкѣ его приказовъ и наставленій; иного способа обученія онъ не понималъ и собственно про этотъ свой взглядъ на дѣло не считалъ нужнымъ и упоминать, тѣмъ менѣе объяснять его или доказывать [9]).

Необходимая принадлежность боевого обученія есть простота, немногосложность. На войнѣ не производятъ хитрыхъ эволюцій; ихъ приложеніе — плацпарадъ да мирнаго времени эффектные маневры. Чѣмъ программа проще, тѣмъ скорѣе она усвоивается, и въ военное время, въ случаяхъ исключительныхъ, солдатъ самъ будетъ знать, что ему дѣлать; иной поступитъ и машинально, но правильно. Обученіе же сложное, усыпщенное разными хитросплетеніями, и въ находчивомъ солдатѣ можетъ породить въ минуту опасности недоумѣніе и колебаніе.

Изъ духа Суворовскаго обученія и изъ разныхъ приказовъ, слагается заключеніе, что Суворовъ руководился означенными соображеніями. Но хотя его обученіе въ Ладогѣ было дѣйстви-

тельно боевое, немногосложное, однако, такое опредѣленіе не слѣдуетъ принимать безусловно. Суворовъ былъ только полковой командиръ, и хотя инициатива и свобода дѣйствій полковыхъ командировъ были въ то время велики во всѣхъ отношеніяхъ, а потому обученіе полковъ отличалось большимъ разнообразіемъ (по выраженію Суворова — «модой»), но строевой уставъ все таки существовалъ, притомъ только-что изданный, и не принимать его въ соображеніе было невозможно. Полковые командиры не сочиняли своихъ собственныхъ уставовъ, а держались одного, но примѣняли его различно; сдѣлалъ такъ и Суворовъ. Онъ выдѣлилъ части устава, подходившія къ его программѣ; вдохнулъ въ нихъ свою направляющую мысль, и на этомъ основалъ свое обученіе, переводя его въ сознаніе офицеровъ и солдатъ. Остальныя уставныя правила онъ, надо полагать, передавалъ полку механически, какъ мертвую букву, а можетъ быть нѣкоторыя и вовсе обошелъ. Все дѣло заключалось значитъ въ примѣненіи уставныхъ правилъ, въ характерѣ требованій, что и составляетъ живую силу всякаго устава.

Соображенія эти необходимо имѣть въ виду для правильнаго пониманія того, что дѣлалъ Суворовъ въ Ладогѣ. Тогда станетъ понятна податливость его на счетъ отступныхъ плутонговъ, упомянутыхъ выше. Сдѣлается тоже ясно, почему въ конфедератской войнѣ онъ соглашается, чтобы офицеры обучали людей «какъ въ ихъ полку мода, но съ надвижкою впередъ» [14]). Только впослѣдствіи, достигнувъ высшихъ чиновъ, Суворовъ могъ дѣйствовать свободнѣе.

Простота уставныхъ требованій Суворова, т.-е. то, что входило въ его собственную программу обученія, логически вытекаетъ изъ его взглядовъ на весь предметъ. Простота дѣйствій обусловливаетъ и простоту обученія, а отъ дѣйствій Суворовъ всегда требуетъ простоты. «Подтверждаю удары дѣлать простые, а паче поспѣшные и храбрые», говоритъ онъ въ одномъ изъ приказовъ 1771 года. Излишнія хитросплетенія онъ называетъ «чудесами». Въ 1771 году, послѣ неудачнаго покушенія на Ланцкорону, онъ пишетъ Веймарну: «Имѣли мы прежде вымышленныя слова — строй фронтъ по локтю, раздайся изъ се-

редины крыльемъ, фронтъ назадъ — постъ для скуки взводный командиръ: въ середину сомкнись, стройся въ полторы шеренги, стройся въ три шеренги, строй ряды въ шесть шеренгъ, наконецъ тысячу такихъ словъ: все подъ «Ланцкороной исчезло». Наконецъ, сложность обученія во время большой, упорной войны становится немыслимой; что Суворовъ это сознавалъ, какъ участникъ Семилѣтней войны, видно изъ слѣдующихъ строкъ того же письма его къ Веймарну: «Король, на всѣ стороны перелетая, теряетъ людей, въ тонкость обученныхъ, наполнятъ ихъ на-скоро сборною ухой и не имѣетъ времени болѣе выэкзерцировать, какъ слегка ауфмаршируому» [15]).

Труды Суворова по обученію полка были бы не полны и не достигали бы цѣли, еслибъ онъ не включилъ въ свою программу отдѣла военно-походнаго. Въ походахъ приходится войскамъ переносить наиболѣе трудовъ и лишеній, походы служатъ главнымъ испытаніемъ военныхъ качествъ войскъ, и едва ли много преувеличенія въ словахъ одного военнаго писателя, сказавшаго, что армія, которая лучше ходитъ, должна одержать побѣду. Несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что изъ двухъ армій, одинаково снаряженныхъ, обученныхъ и предводимыхъ, будетъ имѣть перевѣсъ та, которая болѣе вынослива и подвижна. Непремѣнное условіе раціональности обученія войскъ въ мирное время состоитъ въ созданіи метода и обстановки, какъ можно ближе напоминающихъ практику военнаго времени. По самому свойству предмета, для строевыхъ ученій это менѣе возможно, чѣмъ для походной службы. Какъ ни мастерски будутъ ведены боевые маневры и упражненія, они не въ состояніи воспроизвести точно картину дѣйствительнаго боя; упражненія же въ походныхъ движеніяхъ могутъ быть производимы такимъ образомъ, что не представятъ почти никакого различія съ походами военнаго времени.

Походныя движенія мирнаго времени развиваютъ привычку къ настоящимъ военнымъ походамъ, ибо обстановка мѣняется безпрестанно и войскамъ представляются неожиданности и затрудненія почти такъ, какъ въ военное время. Солдаты вырабатываютъ разныя сноровки для своего облегченія во время марша,

для лучшаго пользованія отдыхомъ, для уменьшенія вліянія на нихъ погоды; пріобрѣтаютъ практику бивуакированія, приготовленія пищи, переправъ черезъ рѣки, переходовъ черезъ гористыя, болотистыя и другія мѣстности. Начальники получаютъ правильное понятіе о солдатскомъ снаряженіи, о томъ, чего можно требовать отъ человѣка, обремененнаго большою ношей, о качествахъ и свойствахъ обоза. Если дѣло ведется умѣючи, съ соблюденіемъ постепенности, то санитарное состояніе войскъ не ухудшается, часто даже улучшается; солдатъ безъ всякаго для себя вреда втягивается въ походную службу, и переходъ къ военному времени перестаетъ быть для него крутымъ и рѣзкимъ.

У Суворова походныя упражненія велись паралельно съ боевыми. Что онъ придавалъ имъ первостепенное значеніе, лучше всего убѣждаютъ слова его приказа, отданнаго въ концѣ 1771 года на всѣ посты: «памятовать то, что побѣда зависитъ отъ ногъ, а руки только орудіе побѣды». И дѣйствительно, походныя движенія онъ производилъ въ Ладогѣ безпрестанно. Ударятъ тревогу, полкъ соберется и выступитъ въ походъ; Суворовъ водитъ его иногда по нѣсколько дней сряду, бивуакируетъ, переходитъ ручьи и рѣки въ бродъ, даже вплавь, производитъ по пути боевыя ученья. Время года, а тѣмъ паче погода, въ соображеніе не принимались; какъ боевое, такъ и походное обученіе производилось и днемъ и ночью, и лѣтомъ и зимою. Особенно считалъ онъ полезнымъ практиковать войска на морозѣ; въ приказахъ своихъ 1770 и 1771 годовъ онъ часто упоминаетъ, что холодъ отнюдь не препятствуетъ обученію: «Экзерцировать стрѣлянію въ мишень, хотя бы то было въ холодное время»; «маршировать съ ружьемъ плотно, широко, загибаться (заходить), атаковать, грѣясь на морозѣ въ рукавицахъ» [11]).

Будучи въ Семилѣтнюю войну свидѣтелемъ крайней медленности движеній русской арміи, чему въ особенности способствовалъ непомѣрный обозъ, Суворовъ дѣлалъ учебные походы, безъ сомнѣнія, съ самымъ незначительнымъ числомъ повозокъ, и самъ былъ всегда верхомъ. По всей вѣроятности онъ пріучалъ

полкъ исподоволь, начиная съ обыкновенныхъ переходовъ и кончая форспированными, потому что иначе число отсталыхъ и больныхъ росло бы быстро. А у него въ полку было правило — нормальное число больныхъ считать между 8 и 20 (на 1,500 человѣкъ), и если цифра больныхъ подходила къ 20, то назначалось свидѣтельство, нѣчто въ родѣ слѣдствія. Какъ велики были его учебные переходы — неизвѣстно; не можетъ однако подлежать сомнѣнію, что форспированный маршъ практиковался часто, потому что основнымъ принципомъ обученія служила мысль—одержпвать побѣды солдатскими ногами. Въ 70-хъ годахъ, въ Польшѣ, онъ назначалъ постоянно и часто подтверждалъ, для суточныхъ попсковъ партій, разстояніе отъ 50 до 85 верстъ, въ оба конца, смотря по погодѣ и дорогѣ [16]).

Было уже сказано, что Суворовъ пропзводилъ обученіе полка не только днемъ, но и по ночамъ. Ночныя экзерциціи были особенно въ духѣ его программы, потому что военныя дѣйствія ночью представляютъ бо́льшія трудности и бо́льшія выгоды. Въ ночномъ бою не видно, кто изъ противниковъ сильнѣе; огнестрѣльное оружіе значитъ очень мало; побѣждаетъ тотъ, кто отважнѣе и смѣлѣе. Движеніе въ ночную темноту можно пропзвести скрытно, слѣдовательно явиться на данный пунктъ неожиданно для непріятеля. Но за то въ ночномъ бою иногда ничтожное обстоятельство, неожиданный случай производятъ переполохъ, сумятицу и ведутъ къ страшному безпорядку; движенія ночью медленны, утомительны; соблюденіе порядка крайне затруднительно; цѣлыя части войскъ нерѣдко сбиваются съ дороги и при встрѣчѣ со своими открываютъ огонь; внезапное нападеніе непріятеля производитъ подчасъ совершенный хаосъ, такъ какъ никто не видитъ и понять не можетъ въ чемъ дѣло. Всѣ эти дурныя особенности ночныхъ движеній и дѣйствій далеко перетягиваютъ выгодную ихъ сторону, а потому ночные переходы и особенно ночныя дѣла практикуются рѣдко и большею частію случайно. Но именно потому, что они рѣдки и трудны, Суворовъ посвятилъ имъ все свое вниманіе и сдѣлалъ изъ нихъ спеціальный отдѣлъ обученія полка. Онъ не могъ упустить выгоды — владѣть оружіемъ, ко-

торымъ противникъ не владѣетъ, и доказалъ вѣрность своего разсчета весьма въ скоромъ времени.

Весь кругъ Суворовскаго обученія происходилъ не только на его глазахъ, но веденъ былъ непосредственно имъ самимъ, или подъ его надзоромъ, въ его присутствіи. Обученіе обнимало итогъ солдатскихъ обязанностей, къ какому бы предмету онѣ ни относились. Мы видѣли выше, что Суворовъ счелъ нужнымъ начать съ преподанія солдату основныхъ христіанскихъ истинъ въ видѣ молитвъ, для чего и составилъ самъ молитвенникъ. Отъ этого высокаго дѣла онъ не гнушался спускаться къ самой черной работѣ; училъ каждаго какъ чиститься, обшиваться, мыться и тому подобное, «и былъ человѣкъ здоровъ и бодръ»,— говоритъ онъ въ письмѣ къ Веймарну: «знаютъ офицеры, что я самъ то дѣлать не стыднлся... Суворовъ былъ и маіоръ, и адъютантъ, до ефрейтора; самъ вездѣ видѣлъ, каждаго выучить могъ» [10]).

При обыкновенныхъ обстоятельствахъ подобное вмѣшательство начальника конечно не нужно, но Суворовъ дѣйствовалъ въ условіяхъ исключительныхъ. Онъ былъ новаторомъ, онъ ставилъ полкъ на свою Суворовскую ногу, воспитывалъ и училъ его по своей собственной программѣ. Какъ ни бѣдны и отрывочны излагаемыя здѣсь свѣдѣнія, но изъ нихъ все-таки можно видѣть, что Суворовское обученіе отличалось строгой послѣдовательностью, и что извѣстныя намъ части программы, до послѣднихъ мелочей, стройно направлялись къ одной цѣли. Поэтому Суворову не представлялось иного пути къ проведенію своей системы въ практику дѣла, какъ быть самому вездѣ, все видѣть, всѣхъ и всему учить. Только тогда могла его система сохранить въ себѣ свою живую силу. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ мы увидимъ, что иногда лучшіе генералы, подчиненные Суворова, производя ученья въ его духѣ, дѣлали грубыя ошибки. Какъ же можно было ему положиться на адъютантовъ и ефрейторовъ въ дѣлѣ для него жизненномъ, а для нихъ совершенно новомъ и быть можетъ непонятномъ? Онъ въ то время былъ простой полковой командиръ, безъ длиннаго ряда побѣдъ за плечами, безъ ореола европейской славы, безъ неотразимаго обаянія на войска.

Онъ только что готовился къ пробиванію себѣ пути, а потому работалъ какъ простой работникъ, не могъ и не долженъ былъ работать иначе.

Первымъ качествомъ солдата должна быть храбрость; какъ развить ее въ мирное время? Суворовъ держался такого пути: добивайся, чтобы солдатъ былъ увѣренъ въ самомъ себѣ, тогда онъ будетъ храбръ. Съ этою цѣлью онъ старался влить въ солдатское сознаніе немногое и дать солдату внѣшнее военное образованіе несложное, но чтобы то и другое было усвоено солдатомъ въ совершенствѣ и привилось къ нему органически. Въ упомянутомъ выше письмѣ къ Веймарну, онъ пишетъ: «Каждый шелъ черезъ мои руки, и сказано ему было, что болѣе ему знать ничего не осталось, только бы выученное не забылъ. Такъ былъ онъ на себя и надеженъ,—основаніе храбрости». Дальше въ томъ же письмѣ говорится: «четвертаго гренадерскаго полка люди бодры, мужественны, да не храбры; что тому причина? Они на себя не надежны» [11]).

Дисциплина въ русской арміи была внѣшняя и поддерживалась лишь страхомъ наказанія; наказанія были суровыя, и назначеніе ихъ, до высокаго размѣра, предоставлялось власти ближайшихъ начальниковъ, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій. Полковникъ имѣлъ право, безъ суда, по собственной оцѣнкѣ вины, прогнать солдата сквозь строй до трехъ разъ. Правда, законъ ставилъ рекрута подъ особое свое покровительство и предоставлялъ начальнику взыскивать на солдатѣ, приставленномъ къ рекруту; самъ же рекрутъ «не долженъ быть не только битъ, но ниже стращенъ». Но это была сдѣлка законодателей съ совѣстью; такой уступкѣ противорѣчило все—и общее направленіе законодательства, и традиціи, и воззрѣнія общества, и предоставленіе начальнику широкаго усмотрѣнія. Да и какъ было не бить рекрута, когда та же инструкція предписывала: «быть не лѣниву, смѣлу, проворну, поворотливу; чтобы крестьянская подлая привычка, уклонка, ужимка, чесаніе при разговорѣ—совсѣмъ были изъ него истреблены» [6]). Всякій торопился изъ рекрута сдѣлать солдата по указанному образцу, чтобы самому не быть въ отвѣтѣ, а прямѣйшій къ тому путь заключался въ ба-

тожьѣ, въ шпицрутенахъ, къ которымъ издавна всѣ привыкли, ничего ненормальнаго въ нихъ не видѣли и отвѣтственности за нихъ не подвергались, если не заходили черезъ-чуръ далеко.

Суворовъ былъ военный человѣкъ до мозга костей и потому поддерживалъ у себя въ полку строгую дисциплину. Вѣкъ былъ суровый, нравы только-что начинали смягчаться; составъ арміи изъ крѣпостныхъ, да притомъ худшихъ по выбору, и ея нѣкоторая нравственная распущенность, выражавшаяся въ склонности къ грабежамъ, требовали ежовыхъ рукавицъ. Суворовъ не былъ поклонникомъ палки, но въ военной службѣ считалъ строгость необходимой и баловство вреднымъ въ высшей степени. Въ приказѣ 28 февраля 1772 года онъ говоритъ: «Въ случаѣ оплошности взыскивать и безъ наказанія не оставлять, понеже ничто такъ людей ко злу не приводитъ, какъ слабая команда. Почему командующему за прегрѣшенія неослабно наказывать, ибо когда послабитъ, то тѣмъ временемъ въ непослушаніе придутъ и въ своемъ званіи оплошнѣе учинятся». За какіе проступки какую мѣру взысканія онъ опредѣлялъ, — ни откуда не видно, но къ шпицрутенамъ прибѣгалъ не заурядъ. Строгость была велика потому, что и требованія были велики. Укажемъ на одинъ примѣръ изъ конфедератской войны: Суворовъ требовалъ абсолютной тишины въ строю и не допускалъ возможности чего-нибудь похожаго на разговоръ. Это не было фронтовымъ увлеченіемъ, желаніемъ добиться эффекта тишины; такихъ вкусовъ у Суворова не замѣчается. Вѣрнѣе всего, что его требованіе вытекало изъ соображеній высшаго свойства: солдатъ во фронтѣ, какъ на священнодѣйствіи; онъ слышитъ команду, знаетъ, что ему дѣлать и долженъ исполнять. Передъ нимъ совершается кровавая жертва любви къ отечеству; онъ самъ для нея предназначенъ и долженъ весь принадлежать своему долгу; нѣтъ ни недоразумѣній, ни колебаній, ни сомнѣній; нѣтъ и мысли, которою бы можно было подѣлиться съ товарищемъ; мысль у всѣхъ одна — побѣдить или умереть. Конечно, фронтъ на учебномъ полѣ и фронтъ подъ пулями и ядрами — не одно и то же; но у Суворова мирное упражненіе было, насколько то возможно, близкой копіей боевого дѣла. Если онъ требовалъ полнаго

безмолвія фронта въ военное время, то требовалъ и въ мирное. А въ военное онъ этого требовалъ и въ дѣйствіи, и въ движеніи, «когда палашъ не въ ножнахъ и ружье не по ремню». Приказомъ 1771 года онъ предписываетъ наблюдать, чтобы «никто изъ нижнихъ чиновъ не дерзалъ что среди дѣйствій, хотя и тихимъ голосомъ сказать»; такихъ приказываетъ арестовать или замѣтить «для полученія ему за то достойнаго; если капралъ или ефрейторъ не исполнятъ, то имъ то же самое, а офицеру арестъ». Но за то, для устраненія поводовъ къ нарушенію безмолвія фронта, т.-е. недоразумѣній и колебаній, онъ приказываетъ высшимъ и низшимъ начальникамъ произносить командныя слова «весьма громко» [9]).

Мы уже видѣли, что для развитія въ нижнихъ чинахъ нравственнаго чувства, Суворовъ училъ ихъ молитвамъ. Онъ самъ говорилъ въ письмѣ къ Веймарну, что это дѣлалось, дабы «они познавали грѣхъ, и наказаніе, коимъ 99 противъ сотаго правятся пыпѣ, что тяжело и излишнее». Излагая такимъ образомъ свой нравственный методъ для уменьшенія проступковъ и слѣдующихъ за ними взысканій и называя обязанность наказывать тяжелою и излишнею, когда проступки могутъ быть устраняемы иначе, Суворовъ прибавляетъ, что солдатъ онъ много и не наказывалъ. Это заявленіе имѣетъ большую цѣну, особенно рядомъ съ другимъ, сдѣланнымъ имъ нѣсколько позже, въ Турціи, въ 1773 году, его начальшику, Салтыкову: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку; только бы ее поберегли тамъ отъ палокъ и чудесъ». Изъ приведенныхъ немногихъ данныхъ можно кажется заключить, что Суворовъ, не задумываясь подвергать солдатъ взысканіямъ не только за важные проступки, но и за «прегрѣшенія», какъ онъ самъ выражается, все-таки не былъ жестокъ, не любилъ наказаній и осуждалъ палочную щедрость [17]).

О формахъ строя, предпочитаемыхъ Суворовымъ, ничего сказать нельзя; какъ видно, у него въ этомъ отношеніи ничего своего, оригинальнаго не было, а держался онъ общихъ уставныхъ правилъ, по которымъ развернутый фронтъ былъ нормальнымъ боевымъ порядкомъ, какъ и во всей Европѣ. Не было

у него однако и слѣпой рутинности; онъ бралъ ту форму, которая по его мнѣнію, болѣе подходила къ обстоятельствамъ. Напримѣръ, въ открывшейся вслѣдъ затѣмъ польской конфедератской войнѣ, онъ часто употреблялъ для атаки походныя колонны съ интервалами, такъ чтобы хвостъ колонны служилъ резервомъ ея головѣ.

Такъ велись учебныя занятія въ Суздальскомъ полку. Они представляли цѣлую систему, которая была настолько извѣстна подчиненнымъ Суворова, что онъ могъ отдать ротмистру Вагнеру въ 1771 году такое короткое приказаніе: «прикажите весьма отчуждившуюся пѣхоту экзерцировать на ногѣ моего извѣстнаго суздальскаго учрежденія». Много имѣла Суворовская система обученія необычнаго, рѣзко отличавшагося отъ общепринятыхъ тогда взглядовъ и порядковъ, и большая часть этого различія коренилась въ томъ, что онъ готовилъ свой полкъ исключительно для службы военнаго времени. Существуетъ положительное свидѣтельство, что въ Ладогѣ онъ училъ своихъ солдатъ перепрыгивать широкіе рвы, что люди обучались у него и плаванію, потому что нерѣдко, окончивъ строевое ученье, онъ подводилъ полкъ къ берегу Волхова, приказывалъ всѣмъ раздѣться, раздѣвался самъ и затѣмъ производилъ переправу въ бродъ и вплавь. Затѣмъ, онъ дѣлалъ ночные маневры; вызывалъ полкъ по тревогѣ во всякое время года, днемъ и ночью; производилъ форспированные учебные марши также во всякое время; переправлялся чрезъ рѣки безъ мостовъ; однажды показалъ своему полку примѣрный штурмъ на монастырѣ, мимо котораго привелось идти, — вотъ что бросалось всѣмъ въ глаза, удивляло и забавляло. Не была понята основная его мысль, и потому озадачивали пріемы исполненія, которые и пошли за оригинальничанье чудака-полковника. Такой невѣрный взглядъ перешелъ въ литературу и дожилъ даже до нашего времени. Суворовъ былъ дѣйствительно чудакъ; но если въ немъ замѣчались выходки чудака, то изъ этого никакъ не слѣдовало, что только однѣ такія выходки онъ и дѣлалъ. Онъ безгранично вѣрилъ въ жизненныя свойства своего «суздальскаго учрежденія» и потому, прививая свою систему къ полку, не желалъ посту-

питься ничѣмъ. И это-то глубокое по своему смыслу дѣло окрестили чудачествомъ, огласили искуственнымъ оригинальничаньемъ [18]).

Чтобы кончить съ обученіемъ Суздальскаго полка, замѣтимъ, что никакихъ Суворовскихъ афоризмовъ, получившихъ впослѣдствіи такую извѣстность, мы въ эту пору еще не встрѣчаемъ. Не попадаются въ его наставленіяхъ, приказахъ и перепискѣ ни «глазомѣръ, быстрота, натискъ», ни «пуля дура, штыкъ молодецъ», ни «немогузнайство» и проч. и проч. Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что почти все это существовало уже тогда въ понятіяхъ Суворова и переводилось имъ въ дѣло; но законченную, лаконическую форму едва ли имѣло.

Полковые командиры — столпы арміи; армія не можетъ быть хороша безъ хорошихъ полковниковъ. Но доброкачественность полкового командира опредѣляется обыкновенно по масштабамъ различнымъ. Нельзя обойти соображеніе, что на боевомъ полѣ можетъ зачастую выпасть на долю полкового командира начальствованіе отрядомъ изъ войскъ двухъ и трехъ родовъ оружія. Слѣдовательно полковому командиру необходимо обладать по крайней мѣрѣ практической подготовкой въ подобномъ начальствованіи, иначе ему будетъ недоставать того самаго, что Суворовъ считалъ необходимымъ качествомъ послѣдняго солдата — увѣренности въ себѣ, въ своихъ силахъ, въ своей годности къ извѣстному кругу дѣйствій. Сверхъ того у полковника, близко знакомаго со всѣми родами оружія, взглядъ на строевыя занятія полка долженъ быть шире, яснѣе, правильнѣе. Такимъ именно полковникомъ былъ Суворовъ, представлявшій собою самое выдающееся исключеніе изъ общаго уровня. Подобный рѣдкій полковой командиръ не видѣнъ весь на учебномъ полѣ своего полка, и будетъ поучительно познакомиться съ его взглядами на другіе роды оружія, какъ бы ни были скудны сохранившіяся по этому предмету свѣдѣнія.

Въ приказѣ 25 іюня 1770 года на всѣ посты подчиненнаго ему раіона, Суворовъ говоритъ: «Кавалеріи стрѣлять вовсе не годится, а несравненно лучше палашъ и копье; развѣ паче чаянія случилось бы дострѣливать въ погонѣ; но и при семъ

лучше холодное оружіе, ибо имъ нечаянно можно разстрѣляться, и для новаго заряжанія таковымъ по себѣ время кратко и драгоцѣнно». Въ другомъ приказѣ онъ подтверждаетъ: «кавалеріи атаковать только на палашахъ»; «въ погонѣ кавалеріи надлежитъ только смѣло врубаться неиспорченнымъ фронтомъ, кромѣ фланкеровъ, кои могутъ стрѣлять изъ пистолетовъ, но цѣльно»; «состоящихъ на постахъ казаковъ обучать разнымъ атакамъ». Такимъ образомъ, онъ почти отрицаетъ въ кавалеріи употребленіе огнестрѣльнаго оружія, что было въ то время большой новизной; несмотря на это, приказываетъ беречь пулю и, если стрѣлять, то мѣтко. Онъ предписываетъ обучать кавалеристовъ рубкѣ палашами — «низко пѣхоту, выше конницу, но прежде подлинной рубки пріучать къ отвѣсу палаша». Онъ говоритъ, что тутъ нужна не столько сила, сколько искуство, и приводитъ въ доказательство одно свое дѣло: «изъ всѣхъ тѣхъ, конхъ карабинеры рубили, большая часть ускакали раненые, а малосильные драгуны рубили на повалъ». Онъ требуетъ, чтобы лошади не боялись блеска палаша; учитъ при карьерѣ приподниматься на стременахъ и нагибаться впередъ на конскую шею; начинаетъ и кончаетъ свои наставленія необходимостью выучки, экзерциціи [11]).

Артиллеріи Суворовъ предъявляетъ требованіе мѣткости, скораго заряжанія и особенно соотвѣтственнаго выбора позиціи, на что и предоставляетъ ей полную свободу. По этому поводу онъ говоритъ въ приказѣ 25 іюня: «Пушки въ дѣлѣ дѣйствуютъ сами по себѣ, и хотя артиллеристовъ скорому заряжанію и пальбѣ примѣрами весьма пріучать, но паче того знанію батарейнаго мѣста, которое состоитъ въ привычномъ свиденіи равнины, развѣ малаго полевого возвышенія разстоянію. Натверживать въ память артиллеристамъ непрестанно, чтобъ въ истинномъ дѣйствіи стрѣляли рѣдко, но весьма цѣльно; знали бы качества ихъ орудія и заряда; напрасно не стрѣляли-бъ».

Во всѣхъ родахъ оружія, Суворовъ требуетъ строевыхъ упражненій съ примѣненіемъ къ разнаго рода мѣстности и совокупнаго маневрированія. Во главѣ всего поставлено «жестокое

и поспѣшное нападеніе»; «удары простые, но поспѣшные и храбрые». Это его альфа и омега.

Прошло слишкомъ пять лѣтъ со времени назначенія Суворова командиромъ Суздальскаго полка; пять военныхъ лѣтъ мирнаго времени. Осенью 1768 года сказанъ полку военный походъ; послѣ учебнаго курса наступалъ боевой экзаменъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Польская конфедератская война: Ланцкорона; 1768—1771.

Польша; постепенное ея паденіе и современное состояніе.—Барская конфедерація.—Форсированный маршъ Суворова къ Смоленску; походъ оттуда къ Варшавѣ; поиски; бой подъ Орѣховымъ. — Назначеніе Суворова начальникомъ люблинскаго раіона; характеръ войны.—Производство въ генералы; столкновенія; непріятности съ начальникомъ; борьба съ самовольствомъ и грабительствомъ.—Дюмурье; удачное начало его дѣйствій; спѣшное движеніе Суворова; неудачный штурмъ ланцкоронскаго замка; погоня за конфедератами; вторичное движеніе къ Кракову; неуспѣхъ подъ Тынцемъ; побѣда при Ланцкоронѣ. — Охужденіе образа дѣйствій Суворова; объясненіе. — Преслѣдованіе Пулавскаго.

Конституція Польскаго государства, получившая полное развитіе въ послѣдній періодъ его существованія, зародилась давно. Въ удѣльное время началось усиливаться значеніе дворянства, при Казимірѣ Великомъ получило опредѣленную форму и затѣмъ продолжало быстро расти. Съ той поры внутренняя исторія Польши состоитъ въ непрерывной цѣпи захватовъ дворянства изъ сферы королевской власти. Оставляя въ удѣлъ народу тяжкое иго, шляхта добивалась для самой себя вольности, какая можетъ существовать только въ абстрактномъ понятіи, и результатомъ такихъ усилій явилось *liberum veto*, дающее право одному члену представительнаго учрежденія парализовать рѣшеніе всѣхъ остальныхъ. Всякая законодательная власть была какъ бы уничтожена; въ государственные сеймы внесено зерно ничѣмъ неустранимаго раздора, и въ теченіе ста лѣтъ 47 сеймовъ разош-

лись безъ всякаго толка. Наступила эпоха паденія, нравы испортились, распространилось религіозное невѣріе и легкомысліе; пронырства, подкупы, женскія милости сдѣлались рычагами государственныхъ дѣлъ. До полнаго хаоса недоставало одного,— иноземнаго вліянія. За этимъ дѣло не стало; сосѣдніе государи держали на жалованьѣ своихъ приверженцевъ, имѣли свои партіи, травили ихъ одну на другую. Хроническая смута укоренялась; Польша быстро двигалась по наклонной плоскости книзу.

Польское дворянство добивалось и добилось такого объема правъ, который перешагнулъ предѣлы свободы и сдѣлался своеволіемъ. Этотъ близорукій, преступный эгоизмъ подточилъ и внутреннюю силу государства, и внѣшнее его значеніе, низведя то и другое до полнаго ничтожества. А сосѣди тѣмъ временемъ формировались, росли и крѣпли въ смыслѣ государственныхъ организмовъ. Польша могла уцѣлѣть лишь на какомъ-нибудь отдѣленномъ отъ всего міра островѣ, безъ сосѣдей, безъ посторонннихъ вліяній и пропсковъ, но въ семьѣ государствъ ей грозила неизбѣжная гибель. Нѣкоторые изъ Поляковъ схватились подъ конецъ за умъ, но уже было поздно: въ политикѣ несвоевременность есть грѣхъ непоправимый. Паденіе Польши стало уже неминуемымъ; она дошла до него своей собственной виной, которою сосѣди только воспользовались. При другой обстановкѣ дѣло произошло бы можетъ быть нѣсколько иначе, но результатъ былъ бы тотъ же, ибо исчезновеніе государства съ лица земли не можетъ быть послѣдствіемъ однѣхъ причинъ внѣшнихъ. Напротивъ, задержка катастрофы, препятствіе къ ней заключалось не въ Польшѣ, а именно въ ея сосѣдяхъ, ревниво слѣдившихъ другъ за другомъ; Польша была уже добычей, трудность заключалась лишь въ дѣлежѣ.

Въ эпоху, къ которой мы подошли, разложеніе Польши было полное: король съ однимъ призракомъ власти; могущественные магнаты, ставившіе свою волю выше и короля, и закона; фанатическое духовенство съ огромнымъ вліяніемъ и съ самымъ узкимъ взглядомъ на государство и на религію въ государствѣ. Народа не существовало, онъ былъ исключительно рабочей си-

лой, не имѣлъ никакихъ правъ, находился подъ вѣчнымъ гнетомъ; сословіе горожанъ, ничтожное и презрѣнное, равнялось пулю. Внутренняя розпь дошла до апогея; король былъ противъ магнатовъ, магнаты противъ короля и шляхты, шляхта противъ короля и магнатовъ; духовенство дробилось отчасти по этимъ партіямъ и упорно стояло противъ всего не-католическаго. Партіи и ихъ интересы перекрещивались въ разныхъ направленіяхъ, вездѣ царилъ мелочной духъ, себялюбіе отождествлялось съ патріотизмомъ. Только великій государь могъ бы лавировать съ успѣхомъ между такими подводными камнями, но его въ Польшѣ не было. Станиславъ Понятовскій, достигшій польскаго престола при поддержкѣ Русскаго правительства, при нѣкоторыхъ своихъ достоинствахъ отличался отсутствіемъ характера, т.-е. не имѣлъ качества, которое именно и было ему необходимо въ трудную эпоху его царствованія. Онъ постоянно колебался, никогда не рѣшалъ разъ навсегда и мало-по-малу потерялъ довѣріе всѣхъ. Онъ не въ силахъ былъ предотвратить взрыва, ибо не управлялъ событіями, а событія имъ правили. Въ настоящемъ же случаѣ двигателемъ событій явился религіозный фанатизмъ—слѣпая, анти-государственная сила, справиться съ которою было бы не въ мочь и человѣку покрупнѣе.

Была пора, когда католичеству грозила въ Польшѣ серьезная опасность и церковная реформація пріобрѣла себѣ между Поляками огромное число вліятельныхъ приверженцевъ. Диссиденты (разномыслящіе въ вѣрѣ) добились почти полной равноправности съ католиками, но потомъ теченіемъ событій и собственными своими ошибками изъ равноправныхъ спустились до степени терпимыхъ. Дѣло не остановилось и на этомъ; пошли обиды, притѣсненія, угнетенія. При Станиславѣ Понятовскомъ диссиденты потребовали удовлетворенія своихъ жалобъ и были поддержаны Россіей и Пруссіей. Въ Варшавѣ собрался сеймъ. Люди благоразумные и умѣренные были не прочь уступить, но фанатики не соглашались, разражались огненными рѣчами и тормозили ходъ преній. Русскій посланникъ, князь Репнинъ, приказалъ ночью арестовать четырехъ изъ нихъ, самыхъ ярыхъ и вліятельныхъ, и отправилъ въ Россію. Противники диссиден-

товъ примолкли или разбѣжались, и законъ, возстановлявшій прежнія права не-католиковъ, прошелъ.

Поступокъ Репнина былъ крайне радикаленъ и гармонировалъ съ его поведеніемъ вообще. Высокомѣріе его съ Поляками и всякаго рода насильства, которыя онъ дозволялъ себѣ въ Польшѣ, представляются нынѣ изумительными и мало вѣроятными. Они выражали полное пренебреженіе и даже презрѣніе къ націи, при дворѣ которой Репнинъ былъ акредитованъ; они были немыслимы нигдѣ, кромѣ Польши, и служатъ фактическимъ доказательствомъ ея нравственнаго упадка и матеріальнаго безсилія.

Неудовольствіе и негодованіе быстро распространились и произвели взрывъ. Нѣкто Пулавскій, служившій повѣреннымъ въ дѣлахъ у разныхъ вельможъ и тѣмъ снискавшій себѣ состояніе и связи, проектировалъ планъ всеобщей конфедераціи. Втайнѣ пріобрѣтая приверженцевъ и средства, онъ отправился въ мѣстечко Баръ, близъ турецкой границы, и тутъ первые конфедераты, въ числѣ восьми человѣкъ, подписали актъ конфедераціи 29 февраля 1768 года. Вѣсть объ этомъ разнеслась быстро; число конфедератовъ возросло до 8000; маршалами конфедераціи избраны Пулавскій и графъ Красинскій; изданы универсалы для созванія дворянства и всеобщаго вооруженія противъ Русскихъ и диссидентовъ. Движеніе распространялось, образовывались конфедераціи и въ другихъ мѣстахъ; во главѣ ихъ становились лица знатнѣйшихъ фамилій. По полученіи изъ Петербурга приказанія, русскія войска атаковали конфедератовъ всюду; взяли много важныхъ пунктовъ, прогнали непріятеля въ лѣса. Но у конфедераціи было много тайныхъ единомышленниковъ въ средѣ мирнаго населенія; она обнаруживала большую живучесть и даже росла какъ гидра. Понадобилось усилить малочисленныя русскія войска въ Польшѣ, — съ этою цѣлью назначено собрать подъ Смоленскомъ небольшой корпусъ изъ 4 пѣхотныхъ и 2 кавалерійскихъ полковъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика Нуммерса. Въ составъ отряда входилъ и Суздальскій полкъ.

Суворовъ былъ тогда бригадиромъ; чинъ этотъ онъ полу-

чилъ 22 сентября 1768 года, но продолжалъ послѣ того командовать полкомъ и лишь въ февралѣ 1770 года сдалъ его вновь назначенному командиру. Получивъ приказъ о немедленномъ выступленіи и поспѣшномъ слѣдованіи, онъ двинулся съ полкомъ въ ноябрѣ, въ самое дурное осеннее время. Дороги въ этой полосѣ Россіи ужасныя, болотъ множество, переправы частыя, ноябрьскій день коротокъ, ненастныя ночи непроглядны. Казалось, всѣ неблагопріятныя обстоятельства соединились противъ Суворова; но для него они были истинной находкой. Практикуя свой полкъ въ походныхъ движеніяхъ, онъ не могъ уходить очень далеко отъ полковыхъ квартиръ и только однажды сдѣлалъ 150 верстъ въ Красное Село. Теперь представился случай совершить походъ большой, при самыхъ благопріятныхъ учебныхъ условіяхъ. Суворовъ воспользовался случаемъ и познакомилъ свой полкъ со всѣми перипетіями военно-походнаго продолжительнаго движенія. Пространство, превышавшее 850 верстъ, было имъ пройдено въ 30 дней; въ Ладогѣ на квартирахъ онъ не оставилъ ни одного больного; въ 30 переходовъ захворало шестеро, пропалъ одинъ [1]).

По приходѣ въ Смоленскъ, Суворовъ получилъ въ командованіе бригаду, въ составъ которой вошелъ и Суздальскій полкъ. Зима 1768—69 годовъ прошла въ усиленныхъ занятіяхъ; онъ училъ бригаду тому же, чему прежде обучалъ полкъ, особенно движеніямъ и дѣйствіямъ въ ночную темноту. Весною Нуммерсъ двинулся къ Оршѣ; Суворовъ съ 4 батальонами и 2 эскадронами шелъ въ авангардѣ. Изъ Орши черезъ нѣсколько недѣль двинулись къ Минску, Суворовъ опять командовалъ авангардомъ. Тутъ онъ пробылъ недолго; по требованію изъ Варшавы, Нуммерсъ отрядилъ его туда съ Суздальскимъ полкомъ и двумя драгунскими эскадронами, приказавъ спѣшить. Край, чрезъ который пролегалъ Суворову путь, находился въ сильномъ волненіи; дороги были очень плохи и вели черезъ многія опасныя мѣста, гдѣ непріятель могъ съ большою для себя выгодой завязать бой. Суворовъ раздѣлилъ свои силы на двѣ колонны и прибѣгнулъ къ сбору обывательскихъ подводъ. Пѣхота ѣхала на повозкахъ въ полномъ вооруженіи, съ примкнутыми штыками,

дабы никакая нечаянность не застала ее въ расплохъ. Половина драгунъ тоже была посажена на подводы, другая ѣхала верхомъ, ведя лошадей своихъ товарищей. Походъ совершенъ благополучно; черезъ 12 дней по выступленіи изъ Минска, обѣ колонны были уже въ Прагѣ подъ Варшавой, несмотря на то, что одной изъ нихъ пришлось пройти 560 верстъ, другой больше 600.

Передъ этимъ временемъ главное начальствованіе надъ русскими войсками въ Польшѣ было поручено генералъ-поручику фонъ-Веймарну. Онъ былъ человѣкъ умный и ловкій, особенно по дипломатической части, и въ военномъ дѣлѣ не безъ нѣкоторой опытности, но немного педантъ и мелочно самолюбивъ. Главная его заслуга заключалась въ томъ, что онъ въ военныхъ дѣйствіяхъ ввелъ единство, котораго дотолѣ не было. При немъ русскія войска хотя были очень разбросаны и слабы, но могли другъ друга поддерживать; подвижныя колонны ходили по всѣмъ направленіямъ, отдѣльные посты поддерживали сообщенія во всѣ стороны; когда оказывалось нужнымъ, сосредоточивались довольно значительныя силы. Конфедераты превосходили Русскихъ числомъ, но имъ не доставало именно этого единства, не говоря уже про дисциплину, такъ что въ результатѣ Русскіе оказывались болѣе сильными.

Какъ только Суворовъ прибылъ въ Прагу, Веймарнъ тотчасъ же, ночью, потребовалъ его къ себѣ. Въ Варшавѣ ходили тревожные слухи; говорили, что маршалъ Котлубовскій находится вблизи, съ 8000 конфедератовъ; что онъ готовится къ нападенію на Варшаву и приближается къ ней сухимъ путемъ и водою, по Вислѣ. Тайныхъ конфедератовъ въ Варшавѣ было много; можно было ожидать безпорядковъ, а въ случаѣ нападенія Котлубовскаго и чего нибудь хуже. Веймарнъ былъ въ безпокойствѣ и приказалъ Суворову собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о партіи Котлубовскаго, ея силѣ, мѣстѣ расположенія и проч. Это было въ августѣ 1769 года. Суворовъ немедленно выступилъ съ ротою гренадеръ, эскадрономъ драгунъ, 50 казаками и однимъ орудіемъ. Онъ пошелъ вверхъ по Вислѣ, лѣвымъ берегомъ, въ семи верстахъ перешелъ ее въ бродъ и двинулся далѣе.

Открывъ въ скоромъ времени слѣды банды, онъ пошелъ къ ней на встрѣчу, безъ малѣйшаго колебанія атаковалъ и разсѣялъ. Захвативъ нѣсколько плѣнныхъ, онъ отъ нихъ узналъ, что партія Котлубовскаго не превышаетъ нѣсколькихъ сотенъ; съ ихъ же словъ составилъ списокъ ближайшихъ конфедератскихъ бандъ, мѣстъ ихъ нахожденія, именъ предводителей и проч. Вернувшись въ Прагу, онъ представилъ Веймарну собранныя свѣдѣнія, и тревога въ Варшавѣ улеглась. Около этого же времени ему пришлось дѣлать и другой поискъ, въ продолженіе котораго онъ прошелъ больше 100 верстъ [2]).

Вскорѣ затѣмъ дошло извѣстіе, что двое Пулавскихъ, сыновья маршала барской конфедераціи, ходили съ большими силами по Литвѣ, волновали шляхту и набирали приверженцевъ. Въ подкрѣпленіе русскимъ войскамъ, находившимся въ Литвѣ, былъ посланъ Суворовъ, въ послѣднихъ числахъ августа, съ 2 батальонами, эскадрономъ, 50 казаками и 2 полевыми орудіями. Усиленными переходами двинулся онъ къ Бресту, гдѣ удостовѣрился, что вѣсть о Пулавскихъ справедлива, что конфедераты приближаются, и на одной высотѣ съ ними, по флангамъ, слѣдуютъ туда же два сильные русскіе отряда Ренна и Древица, въ 1500 и 2000 человѣкъ. Впослѣдствіи Суворовъ издѣвался надъ Ренномъ и Древицемъ, говоря, что «вблизи мятежниковъ обращались разные паши краснорѣчивые начальники съ достаточными отрядами». Суворовъ хотя былъ тутъ вновѣ, но понималъ, какой именно способъ дѣйствій приличествуетъ для такого рода войны. Считая нужнымъ удержать Брестъ въ видѣ опорнаго пункта, онъ оставилъ тамъ часть своихъ силъ, самъ же съ отрядомъ, недоходившимъ до 400 человѣкъ при 2 пушкахъ, выступилъ и шелъ цѣлую ночь. На разсвѣтѣ онъ встрѣтилъ патруль Ренна, силою въ 50 человѣкъ, подъ начальствомъ капитана графа Кастелли и присоединилъ его къ себѣ, а около полудня, приблизительно въ 70 верстахъ отъ Бреста, настигъ конфедератовъ, въ числѣ около 2000 человѣкъ, подъ начальствомъ нѣсколькихъ маршаловъ [3]).

Они были расположены въ лѣсу, близъ деревни Орѣхова, на тѣсной полянѣ; партія состояла изъ одной кавалеріи съ двумя

орудіями. Подойдя къ болоту, чрезъ которое перекинутъ былъ мостъ, обстрѣливаемый конфедератскими пушками, гренадеры бросились на мостъ, а егеря, развернувшись вправо и влѣво, открыли ружейный огонь. Во главѣ 50 драгунъ Суворовъ атаковалъ непріятельскую батарею; вмѣсто того, чтобы дѣйствовать огнемъ усиленно, Поляки, боясь потерять орудія, сняли ихъ съ позиціи, увезли за линіи и вслѣдъ затѣмъ атаковали русскую пѣхоту съ фронта. Вѣроятно вслѣдствіе чрезмѣрнаго неравенства силъ, Суворовъ держался оборонительно; его отлично выученная пѣхота встрѣтила Поляковъ выдержаннымъ огнемъ и отбросила. Отбитые эскадроны были замѣнены однако новыми, атака возобновилась, но опять не имѣла успѣха. Четыре раза атаковали конфедераты и всякій разъ свѣжими эскадронами, но всѣ четыре раза безуспѣшно. Они понесли при этомъ большой уронъ, потому что кромѣ хорошо направленнаго ружейнаго огня, каждая ихъ атака была встрѣчаема картечью, и отбитые эскадроны преслѣдовалъ графъ Кастелли, рубя бѣгущихъ. Онъ наскочилъ на молодого Казиміра Пулавскаго, но на выручку Казиміру подоспѣлъ старшій братъ, Францъ; съ поднятой саблей бросился онъ на Кастелли, брата спасъ, а самъ поплатился жизнью, получивъ въ упоръ пистолетный выстрѣлъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ вождей конфедераціи, человѣкъ съ замѣчательными душевными качествами; его не только оплакивали Поляки, но сожалѣли и Русскіе.

Для обезпеченія русской позиціи отъ нападенія съ тыла, были разсыпаны казаки, которые и наблюдали за выходами изъ лѣса. Не смотря на это, произошло какое-то замѣшательство, вслѣдствіе котораго дежурный при Суворовѣ маіоръ нѣсколько разъ крикнулъ: «мы отрѣзаны». Суворовъ немедленно арестовалъ маіора и положилъ покончить съ конфедератами рѣшительнымъ ударомъ, такъ какъ приближалась ночь. Онъ велѣлъ зажечь гранатами деревню Орѣхову, находившуюся въ тылу польской позиціи, что и было тотчасъ исполнено. Пожаръ на пути отступленія долженъ былъ подѣйствовать на плохо дисциплинированную банду въ родѣ крика «мы обойдены», тѣмъ болѣе, что Поляки были разстроены и смущены неудачею только-что про-

изведенныхъ ими атакъ. Русская пѣхота бросилась въ штыки съ чрезвычайною стремительностью, и Поляки ретировались въ безпорядкѣ черезъ горѣвшую деревню. Русская конница, силой менѣе 200 копей, бросилась за отступавшими и преслѣдовала ихъ версты три; чтобы еще болѣе устрашить конфедератовъ и заставить ихъ бѣжать безъ оглядки, Суворовъ приказалъ пѣхотѣ производить въ лѣсу частый огонь. Конфедераты понесли полное пораженіе; они были такъ потрясены, что только разъ во время отступленія рѣшились дать отпоръ и стали выстраиваться въ линіи, но скоро повернули опять назадъ и продолжали ретираду, хотя передъ ними было всего десять русскихъ кавалеристовъ съ самимъ Суворовымъ. Въ этотъ день Поляки потеряли до 200 человѣкъ, въ томъ числѣ только 40 плѣнныхъ, такъ какъ вслѣдствіе малочисленности своего отряда, Суворовъ не велѣлъ никому давать пардону [4]). Съ нашей стороны потеря была очень невелика.

До сихъ поръ Суворовъ исполнялъ случайныя порученія, а теперь получилъ опредѣленное назначеніе — командовать люблинскимъ райономъ, и потому изъ-подъ Орѣхова отправился прямо въ Люблинъ.

Районъ, порученный Суворову, состоялъ изъ холмистой и даже отчасти гористой мѣстности. Рѣки и ручьи текутъ тамъ по болотистой или по песчаной почвѣ; они широки и глубоки, имѣютъ горный характеръ, окружены лѣсами. Лѣсовъ вообще много во всей странѣ, болотъ тоже; дороги въ высшей степени дурныя—либо песчаныя, либо болотистыя. Обработанной земли сравнительно мало; деревни небольшія, состоящія изъ избъ, крытыхъ соломой; города значительною частью построены изъ дерева и похожи скорѣе на селенія; монастыри и многіе дворянскіе замки укрѣплены и годны къ оборонѣ. Все это, вмѣстѣ съ близкимъ сосѣдствомъ австрійской границы, дѣлало люблинскій районъ чрезвычайно выгоднымъ для конфедератовъ театромъ войны, а для Русскихъ особенно затруднительнымъ. Методизмъ, сложность разсчетовъ, осторожность, медленность тутъ никуда не годились; требовались качества противуположныя, образъ дѣйствій почти партизанскій, бы-

строта движеній, внезапность удара. Все это Суворовъ понялъ въ совершенствѣ.

Въ Люблинѣ учредилъ онъ главный свой пунктъ, «капиталь», какъ онъ выражался. Люблинъ лежитъ между Вислою и Бугомъ, почти на одинаковомъ разстояніи отъ Варшавы, Бреста и Кракова. Оборонительнаго значенія онъ не имѣлъ, стѣны его были разрушены въ прежнія войны и невозобновлены; лишь одинъ старый укрѣпленный замокъ могъ держаться. Но за то по серединному своему положенію и вслѣдствіе соединенія въ этомъ мѣстѣ путей почти со всѣхъ сторонъ края, Люблинъ былъ весьма важнымъ военнымъ пунктомъ. Тутъ Суворовъ собралъ артиллерію, устроилъ амунпчные склады, продовольственные магазины, учредилъ главный свой постъ—резервъ. Отсюда какъ паукъ растянулъ онъ паутину по всей странѣ, т.-е. протянулъ кордонъ; замки и укрѣпленныя мѣстечки занялъ постами и вошелъ въ связь съ важнѣйшими пунктами въ родѣ Кракова и Сандомира. Его корпусъ былъ немногочисленъ; никогда и впослѣдствіи не доходилъ онъ до 4000, а въ началѣ былъ и того меньше. А на долю собственно люблинскаго поста досталось всего 3 эскадрона, 5 ротъ, сборная сотня казаковъ и 6 орудій [5]).

Война заключалась въ набѣгахъ партій, въ небольшихъ стычкахъ, въ усиліи конфедератовъ — завербовать себѣ новыхъ приверженцевъ, а противниковъ ихъ — помѣшать этому. Конфедераты были вооружены довольно порядочно, состояли исключительно изъ кавалеріи, продовольствіе находили себѣ безъ особеннаго труда всюду. Они ходили по всѣмъ направленіямъ; дремучіе лѣса и трудно-проходимыя топи были имъ знакомы какъ свои пять пальцевъ; ихъ тайные приверженцы и доброжелатели находились на каждомъ шагу и извѣщали ихъ о всякомъ движеніи Русскихъ. Разбитая конфедератская партія исчезала, казалось, безъ слѣда, но черезъ нѣсколько дней собиралась снова и появлялась за 100, за 200 верстъ. Суворовъ зорко слѣдилъ за ними изъ своего гнѣзда, крѣпко держа важнѣйшіе пункты и главныя переправы. Едва появлялась гдѣ партія, онъ летѣлъ туда, настигалъ ее и разбивалъ; въ другомъ мѣстѣ показывалась другая — онъ устремлялся туда, разсѣявалъ, истреблялъ. Онъ былъ

олицетвореніемъ непрерывной дѣятельности, содержалъ въ страхѣ безпокойныхъ, въ послушаніи нерѣшительныхъ и сохранялъ край въ своей власти. Такимъ образомъ прошелъ годъ; для крупныхъ дѣлъ, для рѣшительныхъ ударовъ русскія войска были слишкомъ малочисленны, а усилить ихъ не было возможности потому, что все, чѣмъ могло располагать правительство, было выставлено противъ Турціи.

Герцогъ Шуазель, управлявшій во Франціи министерствами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ, очень ревниво смотрѣвшій на развивавшееся могущество Россіи, старался поставить ее въ затруднительное положеніе и съ этою цѣлью вошелъ въ переговоры со Швеціей и Турціей. Въ Стокгольмѣ онъ потерпѣлъ неудачу, но въ Константинополѣ успѣлъ. Возбуждаемая совѣтами бѣжавшихъ конфедератовъ и подстрекаемая Франціей, Порта потребовала у Петербургскаго двора немедленнаго очищенія Польши, а потомъ, не дождавшись отвѣта и схватившись за случайное сожженіе пограничнаго своего мѣстечка Балты русскими войсками, преслѣдовавшими конфедератовъ, объявила Россіи войну. Поляки возликовали, но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ удвоенною энергіей, они возложили всѣ свои надежды на Турцію, больше прежняго стали держаться выжидательнаго положенія и вели войну вяло. Наступило нѣчто въ родѣ затишья, очень выгоднаго для Русскихъ, по малочисленности ихъ силъ. Затишье отразилось и на Суворовскомъ районѣ. Безъ дѣла онъ однако не оставался и даже жаловался Веймарну, что на него выпускаютъ конфедератовъ изъ сосѣднихъ областей, прибавляя, что онъ «можетъ быть и сбѣгалъ бы за 100 верстъ, да дома недосужно» [6]). Для характеристики этого періода войны достаточно привести одинъ маленькій поискъ, которымъ Суворовъ былъ особенно доволенъ и рекомендовалъ своему начальнику Веймарну прочесть донесеніе «вмѣсто сказочки изъ 1001 ночи».

Капитанъ Набоковъ, поручикъ Шипулинъ и подпоручикъ Желѣзный отправились съ 18 пѣхотинцами и 12 казаками на поискъ. Въ 10 верстахъ отъ м. Козеницъ проѣзжій еврей сообщилъ имъ, что въ Козеницы вступила партія конфедератовъ; Русскіе

ускорили шагъ и въ 10 часу вечера подошли къ Козеницѣ. Поручикъ Шипулинъ съ 10 пѣхотинцами и 4 казаками направился на стоящую въ сторонѣ корчму. Конфедератскій караулъ выстрѣлилъ по атакующимъ и скрылся въ мѣстечко; вслѣдъ за нимъ приспѣлъ туда и Шипулинъ, добѣжалъ до площади и подъ огнемъ многолюднаго непріятеля ударилъ въ штыки. Конфедераты очистили площадь, но дважды заходили ему въ лѣвый флангъ, чрезъ боковыя улицы, однако оба раза были отбиты ружейнымъ огнемъ. Тѣмъ временемъ Набоковъ съ Желѣзнымъ и остальными людьми прибыли въ Козеницу съ другой стороны, были встрѣчены огнемъ, но прогнали непріятеля и пошли на соединеніе съ Шипулинымъ, по направленію раздававшихся выстрѣловъ. Отрядецъ Набокова подоспѣлъ во время; Шипулинъ, узнавъ, что конфедераты цептрируются во дворѣ эконома, бросился туда съ 4 гренадерами, но наткнулся на большую толпу и самъ принужденъ былъ отстрѣливаться. Прибывшій Набоковъ выручилъ его изъ критическаго положенія; соединенными силами они выгнали непріятеля изъ экономскаго двора, захватили нѣсколько конфедератскихъ лошадей и двое саней съ съѣстными и питейными припасами, а также забрали у эконома, въ наказаніе, 19 его собственныхъ лошадей и деньгами больше 2500 злотыхъ. Очистивъ затѣмъ мѣстечко отъ конфедератовъ, Набоковъ благоразумно удержался отъ преслѣдованія, такъ какъ по показанію эконома и одного проѣзжаго, партія состояла изъ 150 кавалеристовъ. Команда расположилась на ночь подъ охраною сторожевыхъ постовъ и утромъ тронулась въ путь во свояси, но подъ дер. Сечеховой наткнулась на конную партію въ 60 человѣкъ. Партія обратилась въ бѣгство, за нею погнались Шипулинъ съ казаками, а Набоковъ и Желѣзный съ пѣхотой, но конфедераты успѣли скрыться въ густомъ лѣсу. Въ это время показался на дорогѣ большой обозъ; Шипулинъ съ казаками бросился на него, остановилъ и освидѣтельствовалъ; обозъ оказался конфедератскимъ. Оцѣпивъ добычу своимъ маленькимъ отрядомъ, Шипулинъ забралъ въ плѣнъ небольшой конфедератскій конвой, повернулъ транспортъ и привелъ его благополучно къ посту, откуда вышелъ на поискъ [6]).

Весною 1770 года Суворовъ, произведенный 1 января въ генералъ-маіоры, съ довольно-значительнымъ отрядомъ изъ 400 человѣкъ при 2 орудіяхъ перешелъ Вислу у Завихвоста и направился на Климантовъ, гдѣ по донесенію должны были находиться конфедераты Мощинскаго и Коробовскаго. Послѣ ночного похода, Русскіе подошли къ дер. Наводищѣ и Суворовъ повелъ карабинеръ на конфедератовъ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ, по эскадронно. Карабинеры замялись, остановились, стали стрѣлять; Суворовъ приказалъ атаковать пѣхотѣ, выдѣливъ изъ нея резервъ въ 50 человѣкъ. Роты сдѣлали залпъ и ударили въ штыки. Поляки, не смотря на сильный огонь своихъ 6 орудій, были сбиты; ободрившаяся конница атаковала ихъ съ тыла и хотя конфедераты останавливались нѣсколько разъ для отпора, но устоять не могли. Бой продолжался на разстояніи 10 верстъ, въ лѣсу; Поляки потеряли человѣкъ 200. Суворовъ донесъ, что «ссылаясь на число, плѣнныхъ брать и лошадей ловить было не кѣмъ», такъ какъ пѣхота далеко отстала, почему живьемъ взято всего 10 человѣкъ, а лошадей до сотни, кромѣ 30 деревенскихъ, также весь обозъ и артиллерія [7]).

Въ серединѣ лѣта Суворовъ вторично побилъ Мощинскаго подъ Опатовымъ, а осенью самъ чуть не погибъ. Во время поиска, при переправѣ черезъ Вислу, онъ упалъ въ воду и сталъ тонуть. Было осеннее половодье при сильномъ теченіи; Суворова долго не могли вытащить изъ воды, а когда одинъ гренадеръ схватилъ его за волосы и помогъ выбраться, то карабкаясь въ понтонъ, Суворовъ такъ сильно ударился грудью, что упалъ безъ чувствъ. Ему тотчасъ же пустили кровь; онъ пришелъ въ себя, но не могъ совершенно оправиться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Въ этомъ же 1770 году Суворовъ имѣлъ другую непріятность, но иного рода и именно такого, къ которому онъ былъ наиболѣе чувствителенъ: одинъ изъ его отрядныхъ начальниковъ потерпѣлъ отъ непріятеля пораженіе. Крайнимъ пунктомъ лѣваго фланга Суворовскаго раіона было мѣстечко Сокаль, на Бугѣ, гдѣ постовымъ командиромъ сидѣлъ поручикъ Веденяпинъ, назначенный сюда изъ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ,

для поддержанія комуникаціи, препровожденія курьеровъ и т. под. Незадолго передъ тѣмъ Суворовъ прислалъ ему одну пушку, изъ числа отнятыхъ отъ Поляковъ; Веденяпинъ вообразилъ себя чуть не полководцемъ и безъ всякаго приказанія, какъ и безъ всякой надобности, выступилъ въ іюлѣ съ отрядомъ въ поле. Отойдя около 50 верстъ и вступивъ около полудня въ м. Франполь, онъ узналъ, что по одной изъ ближайшихъ дорогъ слѣдовала партія Новицкаго. Веденяпинъ схватилъ нѣсколько драгунъ, бросился съ палашами на голо на Поляковъ, но подскакавъ къ нимъ, оробѣлъ, опустилъ палашъ и выстрѣливъ изъ пистолетовъ, поскакалъ назадъ вмѣстѣ со своими драгунами. Конфедераты пустились за нимъ и, наскакавъ на оставшуюся во Франполѣ его команду, совсѣмъ неготовую къ бою, живо ее окружили, такъ что драгуны не успѣли сѣсть на лошадей. Спѣшившись за плетнемъ, Поляки открыли огонь, били на выборъ и зажгли два сарая, между которыми команда Веденяпина была расположена. Послѣ долгой безпорядочной стрѣльбы, Веденяпинъ сдался; убитыхъ, раненыхъ и плѣнныхъ было до 40 человѣкъ, т.-е. больше половины партіи; остальнымъ удалось уйти. Суздальскаго полка поручикъ Лаптевъ сдаться не согласился и убитъ съ товарищами; пушка досталась Полякамъ.

Донося объ этомъ несчастномъ случаѣ, Суворовъ обнаруживаетъ такое сильное негодованіе, какъ будто дѣло имѣло Богъ знаетъ какую важность. Онъ сильно порицаетъ Веденяпина за то, что тотъ «безразсудно и безпорядочно вступилъ въ дѣло; ему не велѣно было соваться, кромѣ развѣ малыхъ и ближнихъ набѣговъ; по своему разслабленному безумію онъ съ 80 почти человѣками не съумѣлъ разбить 300 бунтовщиковъ; всѣмъ внятно внушено, что на нихъ можно нападать съ силами въ 4 и 5 разъ меньшими, но съ разумомъ, искуствомъ и подъ отвѣтомъ; будучи окруженъ, онъ сталъ безпорядочно отстрѣливаться, а на смѣлый и храбрый прорывъ не пошелъ» [8]). Изъ этихъ, такъ сказать, обвинительныхъ пунктовъ видѣнъ характеръ требованій Суворова отъ его подначальныхъ. Суворовъ не скоро забылъ франпольское дѣло и нѣсколько разъ упоминалъ про него въ

своихъ приказахъ, упирая въ особенности на то, что Веденяпинъ не рѣшился идти на прорывъ.

Такъ прошелъ 1770 годъ. Суворовъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ и обстановкой. Еще въ январѣ онъ писалъ одному своему знакомому въ Варшаву: «здоровьемъ поослабъ, хлопотъ пропасть почти непреодолѣваемыхъ, трудности въ будущемъ умножаются, во всѣ стороны наблюденіе дистанціи почти безмѣрной, неуспѣвасмый перелетъ съ одного мѣста на другое, неожидаемое въ необходимой нуждѣ подкрѣпленіе, слабость силъ, горы, Висла, Варшава... Коликая бы мнѣ была милость, если бы дали отдохнуть хоть одинъ мѣсяцъ, т.-е. выпустили бы въ поле. Съ Божьей помощью на свою бы руку я охулки не положилъ». Въ апрѣлѣ объясняя Веймарну, что не могъ гнаться за шайкой Гвоздевича по нешмѣнію казаковъ, онъ съ горечью говоритъ, что ему приходится только содержать комуникацію съ главной арміей (дѣйствующей противъ Турокъ) и препровождать курьеровъ, «когда младшіе приставлены къ дѣламъ рѣшительнымъ и безъ дальняго искуства, но съ хвастовствомъ, своимъ сильнымъ войскомъ возмутителей побѣждали. И нынѣ управился бы съ бандами, если бы не получилъ отъ подполковника Древица отказъ въ 100 казакахъ, вопреки распоряженію высшаго начальства». Этого Древица онъ особенно не любитъ и пишетъ про него: «что мнѣ нужды, что онъ въ опредѣленные три года россійской грамотѣ не научился; я и по его нѣмецкому знаю». Суворовъ указываетъ Веймарну, что Древицъ иностранецъ, непривязанный къ Россіи; что его интересъ въ продолженіи, а не въ прекращеніи войны; что напрасно онъ хвастаетъ своими побѣдами, ибо ихъ одерживали русскія войска. «Какая такая важная диспозиція съ бунтовщиками; только поспѣшность, устремленіе и обрѣтеніе ихъ. Знатное и сильное свое войско онъ содержитъ совокупно, которое должно не поражать, а ихъ топтать и раздавлять, ежели имъ пользоваться благоразумно, съ желаніемъ окончанія здѣшнихъ безпокойствъ. Употребляемъ онъ есть главнодѣйствующимъ въ стыдъ нашъ, степенями его высшихъ, якобы не имѣющихъ ни качествъ, ни достоинствъ, ни заслугъ ему подобныхъ; въ стыдъ Россіи, лишив-

шейся давно такихъ варварскихъ временъ. Когда онъ нерадиво, роскошно и великолѣпно въ Краковѣ отправляетъ празднества, тогда я съ горстью людей по гайдамацкому принужденъ драться по лѣсамъ съ какими-то разбойниками и рождать для Варшавы площадныя прибаски. Ея Императорское Величество наша всемилостивѣйшая Монархиня довольно имѣетъ вѣрноподданныхъ, которые угрожаемый имъ его абшитъ замѣнить могутъ и которые прежде его высшими талантами прославились. Присемъ я только ставлю въ образецъ мое усердіе и службу, знакомую его сіятельству послу и инымъ высшимъ моимъ генераламъ» [9]).

Это письмо, заканчивающееся яснымъ намекомъ насчетъ самого Веймарна, есть только отчасти продуктъ того честолюбія, которое не давало Суворову покоя. Иностранецъ Древицъ дѣйствительно пользовался покровительствомъ Веймарна, который возлагалъ много надеждъ на его опытность и находилъ въ немъ выдающееся дарованіе. А между тѣмъ Древицъ отличался такою жестокостью по отношенію къ конфедератамъ, такимъ грабительствомъ и неразборчивою жаждой наживы, что былъ главнымъ виновникомъ дурной славы, которою нѣкоторые современные и позднѣйшіе писатели очернили огуломъ русскія войска. Одинъ изъ главныхъ руководителей польской революціи 1794 года, арестованный и содержавшійся въ Петербургѣ, далъ между прочимъ показаніе, что, будучи ребенкомъ, онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Древицъ отрѣзывалъ кисти рукъ у нѣкоторыхъ конфедератовъ, попавшихъ въ плѣнъ. Произведенный впослѣдствіи въ генералы и награжденный деревнями, Древицъ, сдѣлавшись Древичемъ, зажилъ спокойно въ отставкѣ съ туго набитымъ въ конфедератскую войну карманомъ [10]). Не даромъ говорилъ въ письмѣ Суворовъ про возвращеніе въ Россіи варварскихъ временъ.

Неудовольствіе Суворова, безъ сомнѣнія раздутое его самолюбіемъ и неудовлетворенной жаждой дѣятельности, питалось въ особенности извѣстіями съ турецкаго театра войны. Тамъ было (или казалось ему что было) именно то, чего онъ добивался, тотъ «отдыхъ», о которомъ онъ писалъ Булгакову въ январѣ. Особенно сильно должно было разгорѣться въ Суворовѣ желаніе—

перебраться въ главную армію послѣ ея славныхъ дѣлъ 1770 года. Ларга, Кагулъ, Чесьма были бальзамомъ для его русскаго сердца, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали въ немъ горькую досаду, что его, Суворова, тамъ нѣтъ. Онъ сталъ добиваться перевода въ Турцію и, какъ кажется, чуть не добился; по крайней мѣрѣ въ письмѣ своемъ къ Веймарну въ сентябрѣ Суворовъ благодаритъ за ходатайство о переводѣ въ главную армію, а въ октябрѣ прямо говоритъ, что время его отъѣзда приближается. Дѣло однако почему то не состоялось, и Суворовъ остался на второстепенномъ театрѣ войны при массѣ заботъ, хлопотъ и трудовъ и при результатахъ, въ которыхъ не было ничего блестящаго, даже виднаго. Заразительная болѣзнь, въ родѣ чумы, показалась въ тыльныхъ учрежденіяхъ главной арміи, надо было не допустить ее въ польскія области; для этого пришлось измѣнить путь курьеровъ, протягивать карантинный кордонъ, перекапывать дороги, ставить маяки. Цистеръ-ціенскіе монахи подали на Суворова жалобу, будто одна изъ его командъ, при забираніи въ конфедератской деревнѣ хлѣба и скота (по присланному отъ Веймарна росписанію), чинила разныя обиды и беззаконія. Суворовъ пришелъ въ негодованіе и съ горячностью объяснялъ, что имѣетъ чистую квитанцію, что времени прошло много безъ всякихъ жалобъ и теперешняя является слишкомъ запоздалою; что претензія монаховъ внушена единственно ихъ злобой къ Русскимъ и диссидентамъ. Потомъ послѣдовалъ отъ Веймарна запросъ,—не принимаются ли въ шпіоны іезуиты. Суворовъ отвѣчалъ, что ни іезуитовъ, ни другихъ монаховъ въ вѣстовщики, никогда не принимаетъ, да и иныхъ не весьма жалуетъ, не такъ какъ другіе начальники, которые разъѣзжая въ каретѣ изъ замка въ замокъ, выспрашиваютъ евреевъ, «едва въ своихъ шабашахъ счетъ знающихъ». Къ этому онъ прибавляетъ: «шпіоны дороговаты, командиры постовъ должны сами больше видѣть вдали, безъ зрительной трубки.» Отъ Веймарна поступаютъ бумаги, не совсѣмъ вѣжливыя по формѣ изложенія, или по крайней мѣрѣ кажущіяся такими Суворову; онъ дѣлаетъ своему начальнику внушеніе: «осмѣливаюсь просить, дабы меня по нѣкоторымъ ордерамъ вашимъ частыхъ суровыхъ выраженій

избавить приказать изволили; можетъ быть сами когда нибудь оправдаете мою грубую истину». Наконецъ, неизвѣстно по какому поводу, въ одномъ письмѣ Суворовъ говоритъ о своемъ безкорыстіи, о томъ, что для него тяжеле всего названіе корыстолюбиваго лжеца и проситъ къ этому предмету болѣе не возвращаться. [11]).

Нѣтъ сомнѣнія, что на Суворова бывали нареканія именно въ этомъ отношеніи. Война была такого рода, что и соблазновъ представлялось много, и прикрывать грѣхи было не трудно, а потому остаться чистымъ отъ всякихъ подозрѣній было мудрено. Между тѣмъ подозрѣнія такого рода были для Суворова хуже остраго ножа; отъ одного ихъ прикосновенія онъ терялъ хладнокровіе и спокойствіе, тѣмъ паче, что не могъ во всякомъ данномъ случаѣ поручиться за каждаго изъ своихъ подчиненныхъ. Евреи мѣстечка Климантова доставили конфедератамъ разныя оружейныя и амуничныя вещи за порядочную сумму денегъ; за это наложена на нихъ контрибуція въ 200 червонныхъ и взято нѣсколько половинокъ сукна. Подрядныя деньги были справлены конфедератами съ диссидентовъ; одинъ русскій маіоръ поэтому роздалъ диссидентамъ часть контрибуціонной суммы; другую часть взялъ капитанъ и раздѣлилъ на команды; про сукно не упоминается вовсе [11]). Какъ тутъ добраться истины и вытащить спрятанные концы, когда постъ отъ поста на десятки верстъ, происходятъ безпрестанные поиски и налеты, приходится все дѣлать второпяхъ и для дѣйствительнаго контроля нѣтъ даже почвы?

А мирнымъ обывателямъ приходилось расплачиваться либо съ Русскими, либо съ конфедератами, а при несчастьи и на обѣ стороны. Разореніе было ужасное, жалобы многочисленныя и постоянныя. Съ самаго начала войны былъ изданъ высочайшій манифестъ и подтверждался затѣмъ нѣсколькими распоряженіями о сохраненіи войсками добрыхъ отношеній къ населенію, но претензіи не уменьшались, а скорѣе увеличивались. Въ августѣ 1769 года Веймарнъ пишетъ въ приказѣ: «нѣтъ почти того дня, чтобы мнѣ не были представлены отъ разнаго званія и чина здѣшнихъ обывателей пангорчайшія жалобы» [13]). Но зло

было слишкомъ сильно и примѣръ такихъ начальниковъ, какъ Древицъ, соблазнителенъ; приказы и подтвержденія оставались мертвой буквой [12]).

И по долгу, и по нравственному чувству, Суворовъ боролся съ этимъ зломъ неутомимо. Онъ постоянно доноситъ Веймарну, что за грабежи, незаконные поборы и обиды наказываетъ виновныхъ жестоко. Дѣйствительно, потачки онъ за это не даетъ, впрочемъ въ безполезную жестокость не впадаетъ и смертную казнь замѣняетъ почти всегда батожьемъ и шпицрутенами. Во время поисковъ за конфедератами, онъ предписываетъ никому изъ людей нигдѣ не останавливаться; строго наблюдаетъ, чтобы современныя постановленія насчетъ добычи исполнялись буквально и дополняетъ ихъ своими собственными правилами. Такъ въ одномъ изъ іюньскихъ приказовъ 1770 года онъ пишетъ: «лошадей, въ добычь отъ возмутителей (такъ повсюду приказано было звать конфедератовъ) получаемыхъ,—годныхъ опредѣлять въ службу, давая тѣмъ, кто оныя возьметъ, нѣкоторую плату; ружейныя же и амуничныя вещи въ пользу службы употреблять. Когда возмутителей разобьютъ и у насъ въ добычь деньги или вещи взяты будутъ, то нѣтъ нужды разсматривать, откуда онѣ получены, но слѣдуетъ раздѣлять оныя по всей командѣ, развѣ бы отнятыя деньги принадлежали казнѣ, въ такомъ случаѣ поступать по толкованію 112 артикула». Въ послѣдующее время онъ входитъ по этому предмету еще въ бо́льшія подробности и не ограничивается общими наставленіями, а даетъ указанія и на частные случаи [13]).

Съ большимъ запасомъ доброй воли Суворовъ принимаетъ и проводитъ въ подчиненныя ему войска указанія высшей власти на счетъ человѣколюбія и справедливости. Въ приказѣ 11 февраля 1770 года онъ говоритъ: «остроумно разглашать, гдѣ мятежники гнѣздятся, что желающіе жить спокойно дома, безъ малѣйшаго страха являлись бы, и имъ того жъ часа либертаціи даны быть имѣютъ, и однако не забывать при сихъ случаяхъ брать съ нихъ надлежащіе реверсы. Симъ можно основать, а потомъ и умножить въ нихъ дезерцію (побѣги), которая всякому непріятелю по междоусобной недовѣрепности страшнѣе,

нежели самая побѣда». Установивъ правиломъ, чтобы обыватели не давали конфедератамъ пристанища, ничѣмъ имъ не помогали и объявляли бы о ихъ присутствіи подъ опасеніемъ штрафовъ и наказаній, Суворовъ самъ охотно отказывается отъ такихъ крутыхъ мѣръ, когда дозволяютъ обстоятельства. Провинившіеся въ недонесеніи о конфедератахъ опатовскіе мѣщане такимъ образомъ «выпущены на пароль и взяты съ нихъ рецессы; имъ же для безопасности и для доказательства мятежникамъ, что имъ ихъ впредь больше таить не можно, съ прописаніемъ даны охранные листы». Суворовъ даже беретъ на себя контролированіе другихъ, ему не подчиненныхъ, въ интересахъ справедливости. Такъ въ ноябрѣ 1769 года онъ доноситъ Веймарну, что присланные для дальнѣйшаго отправленія арестанты кажутся ему невинными или сомнительными, и ради человѣколюбія проситъ на будущее время для такихъ случаевъ указанія [14]).

Наступилъ 1771 годъ, самый богатый по дѣятельности Суворова въ конфедератскую войну, благодаря помощи, оказанной конфедератамъ Франціей. Не ограничившись поднятіемъ Турціи противъ Россіи, Шуазель еще въ 1769 году послалъ въ Польшу заслуженнаго офицера, де-Толеса, съ немалою суммою денегъ для оказанія конфедератамъ пособія и для руководительства ихъ военными операціями. Но несогласія и раздоры польскихъ дворянъ скоро убѣдили Толеса въ безплодности его миссіи, и онъ возвратился во Францію, привезя назадъ деньги, а министру написалъ предварительно: «въ этой странѣ я не нашелъ ни одного коня, годнаго для королевской конюшни, а клячъ покупать не хотѣлъ, почему и возвращаюсь съ деньгами». Вмѣсто Толеса Шуазель послалъ полковника Дюмурье, человѣка способнаго, проницательнаго, энергичнаго, но имѣвшаго слишкомъ безпокойную голову и потому впадавшаго въ фантазерство. Дюмурье прибылъ въ Эперіешъ, въ Венгріи, гдѣ былъ собранъ верховный совѣтъ конфедератовъ. Вмѣсто зрѣлыхъ государственныхъ и военныхъ людей, онъ нашелъ тутъ общество знатныхъ кутилъ, занимавшихся только попойками, бѣшеною игрой и волокитствомъ. Разочарованіе его еще увеличилось, когда онъ по-

знакомился съ положеніемъ конфедератскаго дѣла. Даже на бумагѣ числительность войскъ не превышала 16 или 17,000 человѣкъ, а на дѣлѣ едва доходила до 10,000. Не было ни пѣхоты, ни артиллеріи, ни крѣпостей; предводителей насчитывалось до восьми, но каждый изъ нихъ былъ независимъ отъ другихъ; между ними царствовали раздоръ и рознь; въ войскахъ не существовало тѣни дисциплины. Привести эперіешскихъ агитаторовъ къ соглашенію было для Дюмурье дѣломъ невозможнымъ, и онъ прибѣгнулъ къ графинѣ Миншекъ, женщинѣ умной, образованной, ловкой и хитрой, которая пользовалась между конфедератами большимъ вліяніемъ. Только при ея искусномъ содѣйствіи, ему удалось кое-какъ добиться соглашенія и провести свои планы.

Прежде всего требовалось единство начальствованія; Дюмурье предложилъ принца Карла Саксонскаго, который обѣщалъ выставить 3,000 саксонскихъ войскъ. На это всѣ согласились, кромѣ Пулавскаго. Затѣмъ онъ выписалъ отъ Шуазеля офицеровъ всѣхъ родовъ оружія и озаботился устройствомъ опорныхъ пунктовъ для будущихъ военныхъ дѣйствій; сверхъ того, особенное вниманіе было приложено къ созданію и образованію пѣхоты, съ помощью привлеченія австрійскихъ и прусскихъ дезертировъ, а также польскихъ крестьянъ; на послѣднее паны согласились съ большимъ трудомъ, опасаясь давать крестьянамъ оружіе. Ружья были закуплены въ Венгріи и Силезіи и большой ихъ транспортъ, до 22,000, ожидался изъ Баваріи. Съ помощью этихъ и другихъ мѣръ, Дюмурье надѣялся собрать до 60,000 конфедератовъ къ открытію кампаніи 1771 года.

Планъ его дѣйствій предполагался слѣдующій. Вейнарнъ обязанъ былъ въ одно время и удерживать за собою Варшаву съ особою Польскаго короля, и сохранять магазины, учрежденные въ большомъ числѣ въ Подоліи. При энергическомъ образѣ дѣйствій конфедератской арміи, преслѣдованіе обѣихъ указанныхъ цѣлей представлялось неисполнимымъ. На этомъ основаніи предполагалось двумя отрядами угрожать Варшавѣ, третьимъ Подоліи съ русскими магазинами; четвертымъ, литовскимъ, идти на Смоленскъ и угрожать Москвѣ; пятымъ, самымъ сильнымъ,

подъ начальствомъ Дюмурье, взять Краковъ, идти на Сандомиръ и оттуда по указанію обстоятельствъ дѣйствовать по направленію или къ Варшавѣ, или къ Подоліи. Тогда все измѣнится; Румянцовъ, угрожаемый съ тыла, принужденъ будетъ очистить Молдавію и отступать, преслѣдуемый Турками; литовскій великій гетманъ Огинскій, вступивъ въ русскіе предѣлы, гдѣ почти не было войскъ, перенесетъ туда театръ войны, конфедерація сдѣлается въ Польшѣ повсемѣстною и возгорится всеобщая война.

Планъ былъ совершенно химеричепъ, ибо въ разсчетъ принималось только то, что должно бы быть, а не то, что можетъ быть; дѣлались цифровыя выкладки, а забывались люди. Розпь между предводителями была первымъ камнемъ преткновенія и хотя ее разными уступками кое-какъ сгладили, но зло не уничтожилось и постоянно давало себя знать. Однако конфедераты проявили и хорошее качество: они съумѣли сохранить планъ въ тайнѣ. Въ продолженіе всей зимы они не выходили изъ горъ, гдѣ укрывались, и за выходами откуда наблюдали Русскіе; потомъ стали обманывать и утомлять Русскихъ ложными тревогами. Ночью 18 апрѣля 1771 года атакованные на всѣхъ пунктахъ превосходными силами, русскія войска краковскаго округа были отброшены за Вислу съ значительными потерями и вся равнина перешла во власть конфедератовъ. Дюмурье немедленно укрѣпилъ многіе выгодно расположенные пункты. Но Поляки не выдержали, успѣхъ затуманилъ имъ головы. Едва поддерживаемая дисциплина исчезла совсѣмъ; никто не хотѣлъ исполнять служебныхъ обязанностей; пошли пиры, танцы, картежная игра; на аванпосты посылались крестьяне; между предводителями возобновились прежніе раздоры; грабили города и били крестьянъ; евреевъ подвергали всякимъ насиліямъ. Дюмурье наказывалъ, разстрѣливалъ, но ничего не могъ сдѣлать; онъ самъ не былъ въ безопасности и только присутствіе 220 Французовъ обезпечивало его отъ насилія. Въ это время обрушился на конфедератовъ Суворовъ.

Онъ быстро двинулся изъ Люблина, на пути разбилъ нѣсколько партій, подошелъ къ Ланцкоронѣ, въ 28 верстахъ отъ

Кракова, захватилъ это мѣстечко и также скоро хотѣлъ завладѣть и замкомъ, но штурмъ не удался. Неудача эта не имѣла сколько-нибудь важнаго значенія, но Суворовъ былъ ею глубоко огорченъ. Донесъ онъ Веймарну такъ. Атака началась 9 февраля въ часъ пополудни; пѣхота подошла, оттащила непріятельскія рогатки, выгнала изъ мѣстечка конницу, взлѣзла на гору, гдѣ замокъ, и овладѣла двумя пушками. Шедшій въ головѣ колонны прапорщикъ Подладчиковъ пробилъ ворота и бросился на послѣднюю непріятельскую пушку, стоявшую внутри замка, но былъ тяжко раненъ; въ то же время ранены командовавшій колонною капитанъ Дитмаръ и подпоручикъ Арцыбашевъ. Колонна отступила; надвинулась вторая, но командиръ ея поручикъ Сахаровъ и другой офицеръ поручикъ Суворовъ, тяжело ранены. Взбѣжала часть резерва, и командиръ ея поручикъ Мордвиновъ также раненъ. Самъ Суворовъ оцарапанъ, подъ нимъ лошадь ранена; офицеровъ почти въ строю не оставалось. Суворовъ привелъ людей въ порядокъ и тихо отступилъ. «Въ мѣстечкѣ мятежники во время атаки били въ барабанъ два раза сдачу и кричали пардонъ; но безпрестанная ненужная пальба то опровергала». Пѣхоты въ замкѣ было небольше 300 человѣкъ, конницы мало; потери у насъ 30 человѣкъ, кромѣ поименованныхъ офицеровъ. «Неудача сія», доносилъ Суворовъ: «не зависѣла ни отъ предусмотрѣнія, ни продерзости, ниже диспозиціи, которая отъ всѣхъ офицеровъ наблюдаема была; чего ради вашего высокопревосходительства покорно прошу намъ сіе оставить до иныхъ выслугъ; все то зависитъ отъ судьбы Божіей» [15]).

Кто же производилъ «безпрестанную ненужную пальбу?» Легко себѣ представить, какъ было тяжело Суворову по прошествіи нѣсколькихъ дней сознаться въ этомъ, написавъ Веймарну слѣдующія строки: «лащкоронское происшествіе зависѣло отъ Суздальцевъ, кои нынѣ совсѣмъ не тѣ, какъ при мнѣ были. Спхъ героевъ можно нынѣ уподобить стаду овецъ. Какъ можно, надлежитъ мнѣ приблизиться къ сандомирской сторонѣ и выучить ихъ по прежнему, ежели предуспѣю... Не упрекайте меня, милостивый государь: я думалъ съ Суздальцами побѣдить весь свѣтъ» [15]).

Можетъ быть, Суворовскія традиціи въ самомъ дѣлѣ успѣли уже ослабѣть въ Суздальскомъ полку, хотя со времени сдачи полка полковнику Штакельбергу прошелъ всего одинъ годъ, но причина неудачи заключалась не въ Суздальцахъ. Привыкнувъ одерживать надъ конфедератами легкіе успѣхи, Суворовъ разсчитывалъ на тоже самое и въ настоящемъ случаѣ, но встрѣтилъ упорство и энергію, къ которымъ не приготовился, а потому и понесъ неудачу. Онъ возобновилъ бы попытку, обставивъ ее иначе, но не имѣлъ на это времени, потому что къ Кракову подступали партіи Пулавскаго, Саввы и другихъ. Получивъ объ этомъ извѣщеніе, Суворовъ двинулся туда и по дорогѣ узналъ, что Поляки направились къ Кракову и Савицамъ, намѣреваясь занять затѣмъ Люблинъ и двинуться въ Литву, а въ Раховѣ оставили свои обозы подъ прикрытіемъ части Пулавцевъ. Февраля 16 или 17 конфедераты дѣйствительно атаковали Красникъ, а Суворовъ — Раховъ. Дѣло происходило почью; передовая колонна Суворова подошла такъ тихо, что сорвала польскій пикетъ и затѣмъ быстро заняла важнѣйшія части мѣстечка. Поляки разсыпались и засѣли въ избахъ и сараяхъ; русская пѣхота отыскивала ихъ и забирала въ плѣнъ, а съ обороняющимися вступала въ бой. Суворовъ случайно остался одинъ. Замѣтивъ въ ближней корчмѣ конфедератскихъ драгунъ, онъ подъѣхалъ и сталъ уговаривать ихъ къ сдачѣ. Офицеръ вышелъ изъ корчмы первымъ, за нимъ стали выходить драгуны съ лошадьми въ поводу. Въ это время прискакало нѣсколько казаковъ и одинъ изъ нихъ выстрѣлилъ въ драгунъ изъ пистолета. Поляки стали отвѣчать выстрѣлами же, не цѣлясь однако въ Суворова, вернулись въ корчму и въ ней заперлись. Суворовъ приказалъ окружить корчму и грозилъ драгунамъ ее зажечь. Они сдались въ числѣ около 50 человѣкъ, всего же въ этомъ дѣлѣ взято до 100 плѣнныхъ и весь конфедератскій обозъ.

Затѣмъ надо было спѣшить къ Краснику, гдѣ отбивался отъ Поляковъ, по словамъ Суворова, «капитанъ Панкратьевъ съ сотнею людей и со своей храбростью». Большая часть пѣхоты выѣхала изъ Рахова на коняхъ. Обозъ и плѣнные до такой степени обременяли Суворова, что онъ «въ Красникъ шелъ на про-

рывъ; было уже не до атаки, а только бы плѣнныхъ съ рукъ сжить въ Люблинъ». Суздальцы съ капитаномъ Панкратьевымъ удержались до его прихода, отбивъ многія атаки, съ приближеніемъ же Суворова, Поляки ретировались. Русскіе лишились въ обоихъ дѣлахъ больше 50 человѣкъ убитыми и ранеными. Суздальцы возстановили въ глазахъ Суворова свою репутацію не только въ Красникѣ, но и въ Раховѣ. «Пѣхота поступала съ великою субординаціею, и я съ нею помирился», писалъ онъ Веймарну. Достойно, между прочимъ, вниманія, что здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, раньше и позже, казаками начальствовали пѣхотные офицеры низшихъ чиновъ постоянно одного и того же Суздальскаго полка, и Суворовъ былъ ими очень доволенъ [16]).

Послѣ этого Савва, соединясь съ другими конфедератами, пошелъ въ Литву для сбора контрибуціи. Суворовъ не могъ за нимъ гнаться далеко и донесъ объ этомъ Веймарну; Веймарнъ отрядилъ маіора Салемана. Въ Хршенскѣ, гдѣ Савва укрѣпился, произошелъ ночью на 15 апрѣля бой; конфедераты были побиты и разогнаны, тяжело-раненый Савва успѣлъ скрыться на обывательской подводѣ въ ближній лѣсъ, гдѣ однако снова былъ накрытъ 17 числа. Рана Саввы оказалась очень тяжелою, такъ что везти его въ Варшаву, какъ было приказано, сдѣлалось невозможнымъ, и Веймарнъ прислалъ для его леченія военнаго врача. Докторъ оставался при Саввѣ довольно долго, до половины мая; затѣмъ, по утвержденію нѣкоторыхъ, Савва былъ убитъ русскими солдатами за то, что онъ, природный казакъ, сражался съ Поляками противъ Русскихъ. Одинъ изъ иностранныхъ писателей прибавилъ, что солдаты сдѣлали это по приказанію Суворова. Изъ предшествовавшихъ и послѣдующихъ строкъ видно, что Суворовъ находился въ сотняхъ верстъ отъ Саввы, занимался совсѣмъ другимъ дѣломъ и кромѣ того не могъ отдавать приказаній въ войска, ему неподчиненныя [17]).

Возвратясь тѣмъ временемъ въ Люблинъ, Суворовъ засталъ тутъ предписаніе Веймарна — идти къ Кракову, гдѣ сосредоточивались главныя силы конфедератовъ. Теперь ему приходилось дѣйствовать вмѣстѣ съ Древицемъ. Еще ранѣе, предполагая эту

возможность, онъ писалъ Веймарну: «Всѣ сіи движенія выйдутъ пустыми, если онъ (Древицъ) въ точной моей командѣ состоять не будетъ. Два хозяина въ одномъ дому быть не могутъ... Сіе я доношу, какъ честный человѣкъ, въ противномъ случаѣ я отъ отвѣтственности свободенъ». Требованіе было совершенно справедливое, но Веймарнъ никакъ не хотѣлъ поступиться Древицемъ и старался ему создать какое-то особенное положеніе, въ родѣ если не руководителя, то совѣтника Суворова, «для пользы службы», какъ онъ объяснялъ. Суворова этотъ странный аргументъ конечно не убѣдилъ и онъ настоялъ на своемъ [18]).

По приказу Веймарна Суворовъ выступилъ изъ Люблина съ 4 гренадерскими ротами, батальономъ мушкетеръ, 5 эскадронами карабинеръ, 80 казаками и 8 полевыми орудіями, что составило въ итогѣ 1,600 человѣкъ. На пути къ Кракову онъ разбилъ одну конфедератскую партію; тотчасъ по прибытіи въ Краковъ, прошелъ дальше и, отбросивъ другую партію, двинулся чрезъ Скавину къ монастырю Тынцу. Движеніе это произведено чрезвычайно удачно, Суворовъ засталъ конфедератовъ совершенно въ расплохъ. Самъ Дюмурье спокойно ужиналъ въ Заторѣ и тутъ узналъ, что Русскіе уже въ Краковѣ; онъ поскакалъ въ Скавину — Суворовъ былъ уже въ Скавинѣ. На пути Дюмурье, въ деревняхъ, конфедераты спокойно спали, лошади ихъ были разсѣдланы, никто и не подозрѣвалъ близости непріятеля.

Монастырь Тынецъ, близъ деревни того же имени, прилегаетъ къ Вислѣ одною стороною, а съ трехъ остальныхъ былъ обнесенъ стѣною и рвомъ. На западъ и на югъ тянулось болото съ узкими гатями, которыя обстрѣливались редутомъ; на горѣ съ восточной стороны находился другой редутъ съ палисадомъ и тремя рядами волчьихъ ямъ, вооруженный двумя пушками. Суворовъ приказалъ атаковать восточный редутъ; онъ былъ взятъ, но вслѣдъ затѣмъ отнятъ Поляками или, лучше сказать, Австрійцами, такъ какъ почти вся пѣхота, сидѣвшая въ Тынцѣ, состояла изъ австрійскихъ дезертировъ. Суворовъ приказалъ взять редутъ вторично, что и было исполнено; но непріятель отбилъ его снова. Дальнѣйшею настойчивостью можно было по-

терять и много людей, и много времени, въ особенности невозпаградима была бы потеря послѣдняго: Дюмурье отчасти уже успѣлъ воспользоваться нѣсколькими часами, потраченными Суворовымъ подъ Тынцомъ, стянувъ кое-какія войска. Какъ ни противорѣчило правиламъ Суворова — начинать дѣло и бросать его неконченнымъ, но онъ сообразилъ, что это будетъ меньшимъ зломъ, удержался отъ дальнѣйшихъ атакъ и потянулся къ Ланцкоронѣ подъ огнемъ выстроившихся на высотахъ конфедератовъ. Подъ Тынцомъ и въ предшествовавшихъ сшибкахъ съ конфедератами мы потеряли 90 человѣкъ убитыми и ранеными; непріятель же — 75 плѣнными и около 100 убитыми; кромѣ того изъ тынецкаго редута взято у него 2 пушки [19]).

Еще ранѣе къ Суворову присоединился отрядъ Древица, силою въ 2,000 человѣкъ, такъ что къ Ланцкоронѣ онъ подходилъ, имѣя подъ своимъ начальствомъ около 3,500. Приблизительно такія же силы успѣлъ собрать Дюмурье, или немногимъ больше, но почти все изъ конницы. Онъ требовалъ къ себѣ и Пулавскаго, имѣвшаго до 1,500 человѣкъ, но тотъ отвѣчалъ, что не намѣренъ получать приказанія отъ иностранца и желаетъ вести войну самостоятельно. Дюмурье выстроился на гребнѣ высотъ, скатъ которыхъ, покрытый кустарникомъ, спускался къ сторонѣ приближавшихся Русскихъ. Лѣвый флангъ позиціи упирался къ Ланцкорону; въ городѣ и замкѣ находилось 1,200 человѣкъ съ 30 орудіями; центръ и правый флангъ были прикрыты двумя рощами, занятыми двумя сотнями французскихъ егерей; правую рощу защищали кромѣ того два орудія. Доступъ съ фронта къ центру и лѣвому флангу былъ очень затруднителенъ, особенно для кавалеріи, и находился подъ выстрѣлами артиллеріи съ крѣпости и замка; правый флангъ, съ обрывистыми скатами, былъ совсѣмъ неприступенъ.

Дѣло происходило 10 мая. На небольшихъ высотахъ, впереди лежащихъ, показался русскій кавалерійскій авангардъ; пріѣхалъ и Суворовъ для обозрѣнія непріятельской позиціи. Окинувъ ее взглядомъ, онъ велѣлъ Чугуевскимъ казакамъ авангарда и эскадрону карабинеръ, составивъ изъ себя лѣвый флангъ русскаго корпуса, атаковать центръ непріятельскаго располо-

женія, не ожидая пока подойдутъ остальныя силы. Казаки понеслись вразсыпную, не тревожимые огнемъ стрѣлковъ, которымъ приказалъ молчать Дюмурье, увѣренный въ побѣдѣ и опасавшійся одного — какъ бы Суворовъ не отложилъ свою якобы безразсудную атаку. Поляки должны были атаковать Русскихъ лишь въ тотъ моментъ, какъ эти послѣдніе вступятъ на гребень высотъ, въ неизбѣжномъ разстройствѣ. А если запрещено было стрѣлять егерямъ, то ради той же цѣли, конечно должна была молчать также и артиллерія замка и города.

Разсчетъ Дюмурье оказался фальшивымъ. Казаки, взобравшись на высоты, мигомъ сомкнулись въ лаву и понеслись на центръ и правый флангъ, гдѣ находились войска Сапѣги и Литовцы Оржевскаго; карабинеры скакали за ними. Конфедераты сразу дали тылъ. Примчался Дюмурье, чтобы ободрить ихъ и устроить; Сапѣга ударами сабли обращалъ бѣглецовъ на непріятеля, но ничто не помогло: Сапѣга былъ заколотъ своими; Оржевскій и нѣсколько храбрецовъ, его сопровождавшихъ, пали подъ казачьими пиками. Дюмурье бросился къ гусарамъ Шюца, чтобы съ ихъ помощью поправить дѣло, но и они вмѣсто встрѣчной атаки, дали залпъ изъ карабиновъ и показали тылъ. Тѣмъ временемъ подошла русская пѣхота съ остальною кавалеріей, выбила изъ центральной рощи французскихъ егерей, взобралась на высоты и тотчасъ же устроилась. Міончинскій, предупреждая ея атаку, понесся ей на встрѣчу и храбро врубился въ ея ряды, но и это не принесло пользы: Міончинскій былъ сбитъ съ коня, раненъ и взятъ въ плѣнъ, кавалерія его отбита и прогнана. Все бросилось затѣмъ въ разбродъ; одинъ Валевскій, занимавшій лѣвый флангъ позиціи, да Дюмурье съ небольшимъ отрядомъ Французовъ отступили въ порядкѣ. Русская конница преслѣдовала спасавшихся бѣгствомъ нѣсколько верстъ и нанесла имъ большой уронъ.

Ланцкоронское сраженіе продолжалось всего полчаса. Конфедераты потеряли около 500 убитыми и 2 орудія; плѣнныхъ взято мало, но въ числѣ ихъ 2 маршалка. Потеря Русскихъ была ничтожна и произведена выстрѣлами изъ замка во время преслѣдованія; атака же, рѣшившая бой, ведена такъ быстро,

что при этомъ атакующіе почти не имѣли урона. На другой день Суворовъ хотѣлъ-было штурмовать Ланцкорону, но имѣя всего 8 орудій, удержался: неудачныя попытки противъ Тынца и той же Ланцкороны были еще свѣжи въ его памяти. Дюмурье отступилъ въ Бялу, пограничное мѣстечко, и оттуда чрезъ нѣсколько недѣль уѣхалъ во Францію, совсѣмъ отказавшись отъ дѣла Поляковъ. Суворовъ донесъ Веймарну 13 мая: «Мурье, управясь дѣломъ и не дождавшись еще карьерной атаки, откланялся по французскому и сдѣлалъ антрешатъ въ Бѣлу, на границу» [19]).

Впослѣдствіи Дюмурье осуждалъ распоряженія Суворова подъ Ланцкороной, утверждая, что они должны были навлечь на него неминуемое пораженіе. Можетъ быть при другихъ условіяхъ. Искуство военачальника состоитъ прежде всего въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, въ знаніи противника и въ соотвѣтственномъ выборѣ средствъ для его пораженія. Тактическія правила условны и въ примѣненіи къ живому дѣлу иногда измѣняются въ діаметрально противоположную сторону. Слѣпо держаться ихъ нельзя, на что намекаетъ Суворовъ въ своей автобіографіи, говоря, что «никакой баталіи въ кабинетѣ выиграть не можно». Онъ поразилъ подъ Ланцкороной Поляковъ внезапностью и дерзостью, избравъ способъ дѣйствій, котораго они (и Дюмурье съ ними) не ожидали, считая его невозможнымъ, и вотъ невозможное сдѣлалось возможнымъ. Въ нихъ, конфедератахъ, было очень мало живой нравственной силы и очень много впечатлительности; Суворовъ принялъ это въ соображеніе и на такомъ соображеніи построилъ свой разсчетъ. Послѣ долгихъ усилій, при иностранной субсидіи и при энергическомъ веденіи дѣла знающимъ и способнымъ иностраннымъ офицеромъ, конфедерація въ послѣднее время преобразилась и выступила во всеоружіи; такъ по крайней мѣрѣ казалось. Надо было озадачить сразу эту якобы преображенную, переродившуюся силу, чтобы она не подняла головы и не притянула къ себѣ всю Польшу, — и Суворовъ озадачилъ ее подъ Ланцкороной. Сила разсыпалась, оказалась призракомъ.

Въ своей автобіографіи Суворовъ говоритъ про ланцкорон-

ское пораженіе, что оно «произошло отъ хитрыхъ маневровъ французскою запутанностью, которою мы пользовались; они хороши для красоты въ реляціяхъ». Надо думать, что подъ запутанностью и хитрыми маневрами Суворовъ разумѣлъ плохой разсчетъ Дюмурье — не стрѣлять въ кавалерійскую атаку, такъ что лучшія его войска, обѣ группы французскихъ стрѣлковъ, оказались для боя потеряннымъ вмѣстѣ съ артиллеріей лѣваго фланга. Далѣе Суворовъ говоритъ: «непріятелю времени давать не должно, пользоваться сколько можно его наименьшею ошибкой и брать его всегда смѣло съ слабѣйшей стороны; но надлежитъ, чтобы войска предводителя своего разумѣли». Въ этихъ словахъ заключается полное объясненіе Лащкороны и прямой отвѣтъ на критику Дюмурье.

Остается указать еще на одно характерное обстоятельство. Суворовъ, сильно не ладившій съ Древицемъ и не скрывавшій своего невыгоднаго о немъ мнѣнія даже отъ Веймарна, доноситъ о немъ по поводу лащкоронской побѣды такъ: «полковникъ Древицъ на сраженіи подъ Лащкороной все дѣло сдѣлалъ; онъ атаковалъ съ искуствомъ, мужествомъ и храбростью и весьма заслуживаетъ императорской отличной милости и награжденія» [19]).

Конфедераты были разбиты, но оставался самый опасный изъ нихъ по дарованіямъ и популярности — Пулавскій, который собирался идти въ Литву. Суворовъ выступилъ противъ него по направленію къ Равѣ; Пулавскій направился къ Замосцью, въ надеждѣ, что его туда впустятъ. Суворовъ, разгоняя и отбивая встрѣчныя партіи, отъ Равы повернулъ къ Замосцью, совершая весь путь отъ Кракова форспированными переходами. Пулавскаго въ крѣпость не впустили; онъ занялъ частью войскъ предмѣстіе и расположился вблизи на позиціи. Здѣсь атаковалъ его Суворовъ рано утромъ 22 мая. Въ главѣ атакующихъ двигался черезъ дамбу небольшой отрядъ егерей; онъ быстро прошелъ это дефиле и вторгся въ зажженный конфедератами форштатъ. За егерями шли три эскадрона карабинеръ, которые, по очищеніи пѣхотою горѣвшаго форштата, произвели смѣлую атаку и сбили непріятеля. Поляки бѣжали по болоту, разрушивъ за

собою мостъ. Времени прошло не мало, пока Русскіе успѣли починить мостъ, такъ что пагонять бѣжавшихъ могли только казаки. Поляки потеряли до 150 убитыми и 60 плѣнными; потеря Русскихъ была ничтожна. Замосцье, очень важный укрѣпленный пунктъ, было освобождено [19]).

Суворовъ горячо преслѣдовалъ Пулавскаго, принужденнаго отступать по дорогѣ къ Люблину. Пробраться въ Литву стало дѣломъ невозможнымъ, и Пулавскій рѣшился снова вернуться къ венгерской границѣ. Для этого надо было обмануть бдительнаго Суворова; смѣлый, энергическій Пулавскій такъ и сдѣлалъ. Оставивъ въ виду Суворова свой аріергардъ и приказавъ ему продолжать отступленіе по прежнему направленію, Пулавскій съ большей частью своей партіи обошелъ Суворова фланговымъ движеніемъ и, выйдя въ тылу его на прежнюю дорогу, прибылъ чрезъ Дунаецъ къ Ланцкоронѣ, гдѣ и соединился съ нѣкоторыми другими партіями. Такимъ образомъ онъ искусно провелъ Суворова, и Суворовъ не пытался этого отрицать. Напротивъ, онъ съ большою похвалою отзывался о дѣйствіяхъ Пулавскаго, въ особенности объ его мастерскомъ отступленіи къ Ланцкоронѣ, и въ знакъ своего уваженія послалъ ему на память небольшую фарфоровую табакерку.

Такъ окончилась экспедиція Суворова. По неутомимости, по смѣлости и рѣшительности ударовъ и вообще по энергіи исполненія она представляетъ собою цѣлую военную поэму. Разсчитываютъ, что въ 17 сутокъ Суворовъ прошелъ около 700 верстъ; форсированные переходы постоянно перемежались битвами; не проходило двухъ сутокъ безъ боя. Когда же восхищались ему въ глаза замѣчательною быстротою его движеній, онъ отвѣчалъ: «это еще ничего, Римляне двигались шибче, прочтите Цезаря».

За такою усиленною дѣятельностью наступило опять нѣчто въ родѣ затишья прежнихъ лѣтъ, но на этотъ разъ не надолго.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Польская конфедератская война: Сталовичи, Краковъ; 1771—1772.

Огинскій, его присоединеніе къ конфедераціи; инструкціи и приказанія Веймарна Суворову; несвоевременное полученіе послѣднихъ; движеніе Суворова противъ Огинскаго къ Сталовичамъ; планъ атаки; пораженіе Огинскаго.—Миротворные поступки Суворова; возвращеніе его въ Люблинъ.—Неудовольствіе и упреки Веймарна; отвѣты Суворова; жалоба Веймарна военной коллегіи. — Усиленная дѣятельность Суворова; непрошенные совѣты Веймарну. — Замѣна Веймарна Бибиковымъ; предположенія обѣихъ сторонъ. — Захватъ конфедератами краковскаго замка; обложеніе замка Русскими; неудавшійся штурмъ; продолженіе осады; капитуляція.—Австрійскія и прусскія войска на польской территоріи; трудная роль Суворова; непріятности. — Первый раздѣлъ Польши.

Несмотря на жестокій ударъ, нанесенный конфедератамъ Суворовымъ подъ Ланцкороной, они не потеряли еще надежды поправить свое положеніе съ помощью какого нибудь счастливаго дѣла. Отчасти они были правы, потому что война затянулась, а для нихъ выигрышъ времени былъ большимъ выигрышемъ, даже безъ опредѣленнаго представленія о будущемъ. Также несправедливо было бы сказать, что они возлагали свою надежду на одинъ слѣпой случай, котораго ни предвидѣть, ни указать не были въ состояніи. Предположенія или ожиданія ихъ коренились въ болѣе реальной почвѣ: они ждали перелома событій отъ литовскаго великаго гетмана графа Огинскаго. Ожиданія эти, сначала смутныя и неосязательныя, по мѣрѣ неудачъ конфедератовъ росли, принимали опредѣленныя очертанія и сдѣлались

наконецъ единственною надеждой Поляковъ. Огинскій сталъ якоремъ спасенія для всѣхъ и каждаго, ибо всѣ Поляки, за рѣдкимъ исключеніемъ, принадлежали конфедераціи: меньшинство—словомъ и дѣломъ, большинство—помышленіемъ и сочувствіемъ.

Возвышенію значенія Огинскаго много способствовалъ одинъ изъ конфедератскихъ предводителей,—молодой, предпріимчивый Косаковскій. Съ партіею изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ онъ выступилъ изъ Ченстохова и пробрался въ Литву кружнымъ путемъ, по сѣвернымъ польскимъ областямъ, гдѣ было мало русскихъ войскъ. По дорогѣ онъ распространялъ акты вождей конфедераціи объ упраздненіи престола, возбуждалъ дворянство къ вооруженному дѣйствію, уговаривалъ всѣхъ на согласіе и единодушіе для спасенія отечества. Сначала по пути Косаковскаго, а потомъ во всѣ стороны распространилось глухое броженіе, давала себя чувствовать назрѣвавшая гроза. Поляки подняли голову, Русскіе стали опасаться всеобщаго возстанія. Ждали сигнала или искры имешно отъ Огинскаго; на немъ сосредоточились всѣ надежды Поляковъ и опасенія Русскихъ.

Огинскій пользовался большимъ уваженіемъ и вліяніемъ, ибо имѣлъ собственное войско и начальствовалъ надъ литовскимъ коронымъ. Отличительною его чертою было непомѣрное честолюбіе; онъ даже помышлялъ о польской коронѣ, такъ какъ расположіе къ Станиславу Августу было почти всеобщимъ. Но этому честолюбію не соотвѣтствовалъ характеръ Огинскаго, нерѣшительный, колеблющійся, даже робкій. Не держась открыто стороны конфедератовъ, онъ оказывалъ имъ помощь и покровительство въ тайнѣ и все выжидалъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Даже когда Дюмурье далъ дѣлу конфедераціи счастливый оборотъ, Огинскій не могъ рѣшиться на смѣлый шагъ и дошелъ наконецъ до того, что сдѣлался загадкой для всѣхъ.

Онъ сталъ подъ Телешаномъ съ войскомъ, число котораго постепенно увеличиваясь, дошло до 3 или 4,000 человѣкъ. Первая цифра должна быть ближе къ истинѣ если не вообще, то относительно находившихся потомъ при Сталовичахъ. Сверхъ того Огинскій ожидалъ 2,000 изъ Курляндіи, разсчитывалъ на другіе мелкіе отряды внутри Литвы и даже на общее возстаніе. Но

время все-таки проходило безплодно, и Огинскій ни на что не рѣшался. Подстреканія Французскаго правительства и требованіе Сальдерномъ, русскимъ посланникомъ въ Варшавѣ, категорическаго отвѣта, —за кого или противъ кого онъ, Огинскій, готовитъ войска,—побудили его наконецъ снять маску. Онъ перемѣнилъ со своимъ корпусомъ позицію и началъ укрѣпляться на новой. Сальдернъ далъ приказаніе русскимъ войскамъ слѣдить за Огинскимъ и въ случаѣ надобности открыть противу него дѣйствія. Полковникъ Албычевъ, командиръ части Петербургскаго легіона, потребовалъ отъ него или роспуска войскъ, или передвиженія на прежнюю позицію. Огинскій изъявилъ готовность повиноваться, если получитъ удостовѣреніе въ своей безопасности. Это была проволочка времени для внезапности перваго удара.

Въ ночь на 30 августа 1771 года Огинскій внезапно напалъ на отрядъ Албычева, разбилъ его и большую часть взялъ въ плѣнъ. Албычевъ былъ убитъ. Вслѣдъ затѣмъ Огинскій издалъ манифестъ о своемъ присоединеніи къ конфедераціи. Впечатлѣніе было громадное; конфедераты ликовали, бѣды забыты, надежды воскресли, мечтамъ нѣтъ предѣла...

Мелкіе отряды потянулись къ Огинскому изъ Литвы и Польши; онъ выступилъ къ Несвижу и звалъ къ себѣ Косаковскаго. Собравшіеся противъ него русскіе отряды дѣйствовать не рѣшались, а только наблюдали. Время наступало серьезное; вытѣсненіе русскихъ войскъ изъ Литвы начинало представляться возможнымъ. Огинскій выступилъ изъ Несвижа, гоня передъ собой русскій отрядъ полковника Дирнига.

Еще 23 іюля Веймарнъ прислалъ Суворову предписаніе: въ виду двусмысленности поведенія Огинскаго, быть готовымъ къ выступленію изъ Люблина, по полученіи ордера, туда, куда обстоятельства потребуютъ, а до тѣхъ поръ никуда не отлучаться. Другимъ предписаніемъ, 31 іюля, онъ сообщаетъ Суворову, какіе именно отряды получили назначеніе наблюдать за Огинскимъ, выражаетъ надежду, что этихъ мѣръ будетъ достаточно, что шляхта уже разъѣзжается отчасти по домамъ и къ Косаковскому пристаетъ съ меньшею охотою. А чтобы безъ крайней

нужды не обнажить Польшу и не измучить войскъ напрасными передвиженіями, — наряженный отъ бригады Суворова отрядъ долженъ оставаться при Люблинѣ въ готовности, до особаго распоряженія. Если же, паче чаянія, онъ уже выступилъ и дошелъ до Коцка, то тамъ остановиться, донести и ждать приказанія. Затѣмъ 29 августа подтверждается Суворову быть въ готовности, но безъ особаго приказанія никуда не выступать. Наконецъ 1 сентября, послѣ открытія Огинскимъ военныхъ дѣйствій, Вейсарнъ сообщаетъ Суворову принятый имъ обще съ Сальдерномъ планъ. Главныя дѣйствія поручаются полковнику Древицу; подъ его команду назначается сильный сборный отрядъ изъ разныхъ мѣстъ, въ томъ числѣ и отъ Суворова; отрядъ собирается къ м. Минску, въ 30 слишкомъ верстахъ отъ Праги. По прибытіи въ Минскъ, Древицъ долженъ чрезъ шпіоновъ развѣдать о намѣреніяхъ Огинскаго. А такъ какъ Огинскій можетъ или пойти на Варшаву, или направиться въ краковское воеводство съ нападеніемъ на посты Суворова, или же остаться въ Литвѣ, то надо быть ко всему готовымъ. Поэтому Суворову предписывается немедленно, безъ всякаго откладыванія, снять всѣ посты, людей всѣхъ собрать въ Люблинъ и держать ихъ вкупѣ, наблюдая за Огинскимъ. Если онъ пойдетъ къ Варшавѣ, то туда же поспѣшить и Суворову, дѣйствуя Огинскому во флангъ или въ тылъ, въ связи съ Древицемъ, который встрѣтитъ его съ фронта. Если Огинскій направится къ сторонѣ Люблина, то Суворовъ долженъ пресѣчь ему путь и поставить его, вмѣстѣ съ Древицемъ, между двухъ огней. Вѣрнѣе всего, что Огинскій останется въ Литвѣ; въ такомъ случаѣ «приказано Древицу, не покидая и тѣни гетманской, слѣдовать съ поспѣшеніемъ за нимъ и разбить его до вящшаго себя усиливанія», а Суворову оставаться въ Люблинѣ съ отрядомъ въ сборѣ, до полученія ордера. Частямъ войскъ Суворова, назначеннымъ къ Древицу, послано приказаніе прямо, а такъ какъ вслѣдствіе упраздненія постовъ прекратится сообщеніе съ 1-й арміею, дѣйствовавшей противъ Турокъ, то курьеровъ препровождать до Варшавы съ прикрытіемъ [1]).

Забили тревогу и въ 1-й арміи, т.-е. въ тыльномъ ея раіонѣ;

генералъ-маіоръ Кречетниковъ сталъ принимать поспѣшныя мѣры и просилъ содѣйствія Веймарна [2]).

Что отвѣчалъ Суворовъ Веймарну на первыя его предписанія, неизвѣстно; вѣрнѣе всего, что ничего не отвѣчалъ. Очевидно онъ не могъ быть доволенъ ролью, которая доставалась ему по волѣ Веймарна, и не могъ одобрять того выжидательнаго бездѣйствія, которое составляло сущность сообщенныхъ ему распоряженій. Оно было не въ его духѣ и противорѣчило всему образу его дѣйствій, доселѣ столь успѣшно практиковавшемуся въ Польшѣ. Сообщеніе 1 сентября тоже не могло его удовлетворить; оно, во-первыхъ, излагало мѣры запоздалыя; во-вторыхъ, мѣры эти все таки носили на себѣ характеръ робости, большой осторожности и оставляли инпціативу въ рукахъ Огинскаго; въ третьихъ, отдавалось предпочтеніе Древицу, младшему и притомъ недругу Суворова, а самому Суворову назначалась второстепенная роль. Все-таки онъ вѣроятно исполнилъ бы предписаніе 1 сентября, если бы оно послѣдовало нѣсколькими днями раньше: съ его стороны былъ бы слишкомъ большой рискъ дѣйствовать вопреки общему плану. Но предписаніе опоздало. Между тѣмъ опасность отъ Огинскаго была несомнѣнна и угрожала большой бѣдой, если пропустить время. Суворовъ же отъ Веймарна никакихъ новыхъ распоряженій не получалъ, не успѣлъ даже получить ордера отъ 29 августа. Поэтому онъ рѣшился, на свой рискъ и страхъ, принять мѣры, хотя противорѣчащія *прежнимъ* распоряженіямъ изъ Варшавы, но соотвѣтственныя *новому* положенію дѣлъ, внезапно разоблачившемуся. Не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы отказаться отъ всякой инпціативы единственно потому, что не получилъ еще новой инструкціи [3]).

Онъ доноситъ 1 сентября, что получилъ официальный рапортъ о катастрофѣ, случившейся съ Албычевымъ; что Огинскій въ числѣ 6 — 7,000 слѣдуетъ къ Бресту: «уповательно, что и въ Бялу будетъ, чего ради я соберу по возможности войска въ Коцкъ и выступлю». Въ тотъ же день Суворовъ выступилъ изъ Люблина въ Коцкъ и на другой день донесъ изъ Коцка, что послалъ парочнаго въ Брестъ и патруль до Бялы, что завтра или послѣ завтра онъ надѣется собрать достаточно войскъ безъ

обнаженія мѣстъ. Вѣроятно въ это же время онъ получилъ ордеръ Веймарна отъ 29 августа (подтверждающій предписаніе 23 іюля), потому что въ рапортѣ своемъ отъ 3 сентября, изъ Коцка же, онъ упоминаетъ про это послѣднее и говоритъ, что когда «особенныя обстоятельства, по причинѣ слуховъ объ Огинскомъ, минуются, въ точности исполненіе чинено быть имѣетъ». Въ тотъ же день онъ пишетъ, что прежде полученныя извѣстія объ Огинскомъ подтверждаются, что онъ, генералъ-маіоръ Суворовъ, за долгъ службы почитаетъ туда отправиться и сегодня съ передовыми войсками выступитъ. Затѣмъ, изъ Бялы онъ доноситъ 5 сентября, что туда прибылъ и изъ находящихся тамъ войскъ взялъ 107 человѣкъ пѣхоты, 71 кавалеріи, 10 казаковъ и припялъ намѣреніе выступить къ Бресту, а понадобится, то и къ Пинску. Наконецъ, 6 сентября онъ рапортуетъ изъ Бреста, что ордеръ отъ 1 сентября получилъ, «и во исполненіе онаго, какъ стремленія Огинскаго къ Варшавѣ и къ сторонѣ Люблина не слышно, я буду стараться, не пропуская его, гетмана, въ тѣ мѣста, съ помощью Божіею упреждая всѣ намѣренія и покушенія его, уничтожить». Къ этому онъ прибавляетъ, что снесется съ Древицемъ и другими отрядными начальниками, чтобы ему, Суворову, обо всемъ сообщали и его приказанія исполняли [4]).

Такимъ образомъ оказывается, что своимъ самовольнымъ выступленіемъ въ дальнюю экспедицію, Суворовъ нетолько не нанесъ ущерба общему дѣлу, но даже не прибѣгъ къ тѣмъ крайнимъ мѣрамъ, о которыхъ писалъ ему Веймарнъ, именно — не прервалъ комуникаціи съ 1-й арміей и не опорожнилъ ни одного поста, продолжая держать конфедератовъ своего раіона въ уздѣ.

Выступивъ изъ Бреста въ Березу и оттуда двигаясь къ Несвижу, Суворовъ, не доходя 35 верстъ до этого города, получилъ достовѣрное извѣстіе, что Огинскій находится въ м. Мирѣ, а полковникъ Диринъ въ 20 отъ него верстахъ. Рѣшивъ соединиться съ Диринтомъ для удара на непріятеля, Суворовъ выступилъ къ Несвижу въ ночь на 12 число, но отойдя нѣсколько верстъ, услышалъ, что гетманъ перешелъ въ м. Сталовичи. Суворовъ тотчасъ послалъ къ Диринту и въ Слуцкъ, къ подполковнику Хвабулову, чтобы подкрѣпили его въ предстоящей

атакѣ, «самъ же, давъ видъ, будто тянется къ Несвижу, поворотился назадъ и маршировалъ прямо къ м. Сталовичамъ», находившемуся въ 14 — 15 верстахъ. Поступилъ онъ такъ для того, чтобы соединеніемъ съ вышеозначенными отрядами или маршемъ къ Несвижу «при такомъ авантажномъ почномъ и невѣдомомъ гетману случаѣ не упустить и не потерять времени, и не подать ему способа далѣе уйти, вѣдая со стороны встрѣчающійся ему деташаментъ Древица, обнадеживая себя тѣмъ и другимъ подкрѣпленіемъ».

Успѣхъ въ военномъ дѣлѣ очень много зависитъ отъ выигрыша времени: потеря одного часа можетъ дать вмѣсто побѣды пораженіе. Походъ Суворова къ Сталовичамъ и бой при этомъ мѣстечкѣ служатъ блестящимъ тому подтвержденіемъ. Имѣя всего 822 человѣка боевой силы, онъ предпочелъ ударить съ однимъ своимъ ничтожнымъ, истомленнымъ отрядомъ на несоразмѣрно сильнѣйшаго непріятеля, пользуясь выгодой внезапности, нежели выжидая другихъ, соединиться съ ними и хотя такимъ образомъ усилиться, но за то открыть противнику себя и свои намѣренія [5]).

Въ совершенной тишинѣ приближались Русскіе къ Сталовичамъ. Небо было покрыто тучами, ночь стояла черная; маякомъ для войскъ служилъ огонь, мерцавшій на монастырской башнѣ близъ Сталовичъ. Въ темнотѣ русскіе разъѣзды наткнулись на польскій уланскій пикетъ изъ четырехъ человѣкъ; захваченные врасплохъ, уланы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія о расположеніи конфедератовъ и послужили проводниками. Не доходя верстъ трехъ до Сталовичъ, Суворовъ построилъ свой отрядъ въ боевой порядокъ, поставилъ въ первую линію большую часть пѣхоты съ двумя орудіями въ центрѣ, во второй — три эскадрона, въ резервѣ—роту Суздальцевъ съ небольшою частью кавалеріи и казаковъ; фланги прикрывали казаки же. Войска двигались, какъ потомъ оказалось, въ тылъ непріятельскаго расположенія, защищенный болотистою низменностью, чрезъ которую вела узкая плотина, длиною до 200 шаговъ. Вступивъ на плотину, Русскіе были тотчасъ же замѣчены непріятелемъ, и изъ мѣстечка открыли по нимъ сильный орудійный и ружей-

ный огонь, однако же недѣйствительный, такъ какъ стояла еще ночь и едва начинала мерцать утренняя заря. Головная часть пѣхоты, перейдя плотину, направилась къ мѣстечку, вспомоществуемая артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ, куда и ворвалась. Подоспѣвшая кавалерія произвела энергическую атаку по направленію къ площади, захватила стоявшія тутъ пушки и, не ограничиваясь этимъ, била и гнала передъ собою встрѣчныхъ конфедератовъ. Такъ же успѣшно и храбро работала вторая колонна пѣхоты, ворвавшаяся въ Сталовичи съ другой стороны.

Озадаченные конфедераты частію бѣжали въ поле, частію засѣли въ строеніяхъ и производили безпорядочный огонь. Гвардія Огинскаго, состоявшая изъ 300 такъ называемыхъ янычаръ, упорно оборонялась въ нѣсколькихъ домахъ на площади, но была или переколота, или выбита и разогнана. Самъ Огинскій едва спасся, вскочивъ на коня и ускакавъ въ поле. Онъ увидѣлъ тутъ своихъ бѣглецовъ, безоружныхъ, потерявшихся, блуждавшихъ по разнымъ направленіямъ. Онъ отдавалъ имъ приказанія, просилъ, но слова его не производили никакого дѣйствія, такъ что онъ не могъ собрать изъ сталовичскихъ бѣглецовъ ни одной роты или эскадрона, когда уже Русскіе заняли мѣстечко. Оправдывая себя въ происшедшей катастрофѣ, Огинскій писалъ, что измѣна была одною изъ причинъ его несчастія. Это только доказываетъ, какъ вообще человѣкъ расположенъ взваливать на другихъ свою собственную вину.

Петербургскіе легіоперы отряда Албычева, взятые передъ тѣмъ Огинскимъ въ плѣнъ, находились въ нѣсколькихъ домахъ, которые были заперты снаружи. Слыша выстрѣлы, боевые крики, русскіе голоса, они догадались въ чемъ дѣло и повыскакали изъ оконъ. Бѣготня, крики, выстрѣлы производили впечатлѣніе совершеннаго хаоса, среди котораго своихъ трудно было отличить отъ чужихъ. Прибывъ въ Сталовичи на зарѣ, Суворовъ замѣтилъ солдата, пробирающагося въ какой-то домъ; онъ принялъ его за грабителя и окликнулъ. Солдатъ отвѣчалъ по-польски и выстрѣлилъ въ него изъ ружья, но промахнулся; это былъ одинъ изъ гвардейцевъ Огинскаго.

Въ мѣстечкѣ стояла только часть войскъ Огинскаго; остальныя были расположены невдалекѣ, въ лагерѣ, на небольшихъ высотахъ. Не давая времени конфедератамъ прійти въ себя, Суворовъ тотчасъ же по взятіи Сталовичъ повелъ атаку на стоявшихъ въ полѣ. Было уже совсѣмъ свѣтло, «бѣлый день», по его выраженію. Бѣглецы сталовичскіе присоединились къ лагернымъ, по силъ ихъ не увеличили, а скорѣе принесли съ собой ужасъ и смятеніе. Однако все-таки конфедератовъ находилось въ строю гораздо больше, чѣмъ Русскихъ, тѣмъ паче, что при выбиваніи непріятеля изъ мѣстечка, большая часть русскихъ карабинеръ увязались за тѣми конфедератами, которые бѣжали не къ своему лагерю, а въ сторону. Такимъ образомъ изъ кавалеріи оказалось на лицо для новой атаки всего 70 человѣкъ карабинеръ, польской же конницы примкнуло къ лагерю не меньше 500. Но это не остановило Суворова; онъ понималъ, что тяжелымъ впечатлѣніемъ ночи сангвиническій непріятель уже заранѣе обреченъ на пораженіе. И такъ атака поведена одновременно кавалеріею противъ кавалеріи и пѣхотою противъ пѣхоты, которая занимала лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, причемъ 200 человѣкъ, неизвѣстно почему, стояли въ сторонѣ. Суворовъ рѣшился однако прежде обстрѣлять конфедератовъ, тѣмъ болѣе, что и у нихъ были пушки. Послѣ непродолжительнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня, произведеннаго во время движенія впередъ, Русскіе бросились въ атаку. Слабый карабинерный эскадронъ мигомъ опрокинулъ сильную числомъ непріятельскую кавалерію, пѣхота потерпѣла ту же участь, а отдѣльно стоявшая ея часть, на которую особенно энергично велось нападеніе, почти вся сдалась въ плѣнъ. Дѣло кончилось въ 11 часовъ дня. Огинскій былъ совершенно разбитъ и съ десяткомъ гусаръ спасся бѣгствомъ въ Кенигсбергъ, въ Пруссію [6]).

Большая часть русской конницы, ударившаяся въ преслѣдованіе, ушла довольно далеко впередъ, когда внезапно появился конфедератскій генералъ Бѣлякъ съ двумя комплектными улапскими полками силою въ 1,000 человѣкъ, пришедшій на помощь Огинскому. Онъ смялъ кавалерію, но

подоспѣли казаки, возстановили бой, и Бѣлякъ принужденъ былъ отступить [7]).

Послѣдствія сталовичской побѣды были громадныя. Корпусъ Огинскаго пересталъ существовать, хотя въ немъ людей оставалось много; серьезная опасность, грозившая Русскимъ и ихъ дѣлу вслѣдствіе внезапнаго усиленія конфедераціи литовскими войсками, была разрушена совершенно. Малодушное бѣгство Огинскаго за границу еще усилило блескъ и значеніе событія. Самая крупная надежда конфедератовъ исчезла, оставивъ по себѣ кровавый слѣдъ.

Понесенныя обѣими сторонами въ сраженіи потери опредѣляются писателями весьма различно. Самъ Суворовъ противорѣчитъ себѣ въ нѣкоторыхъ цифрахъ. Безспорно то, что конфедераты потеряли всѣ свои орудія, весь безъ исключенія обозъ, много знаменъ, гетманскую булаву и проч., и что освобождены плѣнные баталіона Албычева, 435 челов., съ ихъ двумя полковыми пушками. Потеря Русскихъ убитыми ограничивалась 8 человѣками, у Огинскаго же Суворовъ опредѣляетъ въ своихъ сообщеніяхъ разнымъ лицамъ число убитыхъ отъ 300 до 500, плѣнныхъ отъ 280 до 300, въ томъ числѣ 16 офицеровъ, но въ своей автобіографіи говоритъ, что плѣнъ превосходилъ цифру русскаго отряда. Послѣднее показаніе можно признать за истинное лишь въ томъ случаѣ, если подъ словомъ «плѣнъ» разумѣть не только плѣнныхъ конфедератовъ, но также ихъ обозъ и безоружныхъ легіонеровъ Албычева. Раненыхъ Суворовъ считаетъ въ своемъ донесеніи 3 офицера и 35 нижнихъ чиновъ, а въ автобіографіи говоритъ, что были переранены почти всѣ старшіе офицеры и 78 нижнихъ чиновъ, т. е. около 100 чел.; это должно быть ближе къ правдѣ. Число раненыхъ конфедератовъ остается неизвѣстнымъ, но оно должно быть очень велико [8]).

Войска Суворова въ сталовичскомъ дѣлѣ вели себя такъ, какъ только могутъ поступать войска хорошо обученныя, выдержанныя, обладающія высокимъ нравственнымъ чувствомъ. Суворовъ былъ ими доволенъ, что много значитъ; онъ доносилъ Веймарну, что не знаетъ, кто другъ друга перещеголялъ въ

атакѣ: легіонныя (взятыя въ Бялѣ), или его собственныя войска. Онъ гордился этой побѣдой, вспоминая о ней и впослѣдствіи, а на первыхъ порахъ былъ въ полномъ восторгѣ. Къ генералу Кречетникову онъ писалъ 14 сентября: «простительно, если вы, по первому слуху сему, сомнѣваться будете, ибо я самъ сомнѣваюсь; только правда». Всѣмъ нижнимъ чинамъ онъ выдалъ по рублю изъ своихъ собственныхъ средствъ [9]).

Достойна упоминанія одна изъ причинъ рѣшимости Суворова предпринять такую дальнюю и смѣлую экспедицію. Онъ объясняетъ это въ своей автобіографіи такъ: «я имѣлъ храбрыхъ офицеровъ, привыкшихъ часто сражаться вблизи».

Донося 13 числа объ одержанной побѣдѣ, Суворовъ прибавилъ: «теперь пора мнѣ туда, откуда пришелъ». И дѣйствительно, послѣ короткаго отдыха, онъ направился въ Несвижъ. Плѣнныхъ, безоружныхъ, раненыхъ и особенно обоза такъ было много, что отрядъ обратился въ прикрытіе и растянулся слишкомъ на 3 версты. Еслибы побѣжденные не упали духомъ и сохранили энергію и самообладаніе, то тутъ могли бы съ побѣдителями поквитаться. Но Суворовъ понималъ, что имъ это и въ голову не могло прійти. Въ Несвижѣ оставилъ онъ плѣнныхъ, обозъ и проч. и, угостивъ тутъ плѣнныхъ офицеровъ обѣдомъ, двинулся къ Пинску. Въ Несвижъ же прибылъ къ нему полковникъ Дирингъ, на совмѣстное дѣйствіе съ которымъ онъ разсчитывалъ, но прибылъ не съ отрядомъ, а единолично, чтобы представиться генералу.

Въ Пинскѣ находился главный штабъ и свита Огинскаго, которыми Суворовъ и овладѣлъ, а потомъ чрезъ Брестъ и Бялу возвратился въ Люблинъ къ 29 числу. Несмотря на то, что послѣ Сталовичъ онъ не оставался въ Литвѣ, а только пробылъ въ двухъ—трехъ пунктахъ самое короткое время, онъ успѣлъ словами и поступками милосердія и миролюбія нѣсколько успокоить край, склонить многихъ къ сложенію оружія, къ возвращенію въ дома, къ покорности. Не сохранилось никакихъ подробностей его дѣятельности въ этомъ смыслѣ, но она не осталась незамѣченной, и многіе писатели ставятъ ее Суворову въ большую заслугу. Онъ велѣлъ не трогать имѣній Огинскаго и

оставить въ нихъ все по прежнему. Встрѣтивъ на дорогѣ къ Пинску конфедератскаго офицера, везшаго полковую казну, онъ не тронулъ денегъ и далъ еще офицеру пропускъ для него и казны до мѣста назначенія [10]).

Сталовичскій походъ и битва выдвинули Суворова изъ ряда и сдѣлали его извѣстностью, чуть не знаменитостью. Даже Фридрихъ Великій, который былъ вообще о русскихъ генералахъ не высокаго мнѣнія, обратилъ на него вниманіе и въ сочиненіяхъ своихъ далъ Полякамъ совѣтъ—остерегаться Суворова.

Сталовичское дѣло въ подробностяхъ и цифрахъ нѣсколько раздуто писателями. Потери обѣихъ сторонъ были не таковы, какъ обыкновенно опредѣляются; переходъ Суворова изъ Люблина къ Сталовичамъ не такъ быстръ, какъ всѣ пишутъ; цифра отсталыхъ (изъ 1,000 чел. — 150) тоже не подтверждается, ибо 1,000 человѣкъ у него ни въ одинъ моментъ похода не было; усиленный въ Бялѣ легіонерами, его отрядъ простирался до 902 челов. съ 298 лошадьми, а въ дѣлѣ подъ Сталовичами участвовало 822 чел. Но всѣ эти прикрасы ни мало не измѣняютъ сущности, и дѣло остается мастерскимъ и поучительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ смыслѣ сочетанія крайней степени смѣлости съ осмотрительностью [4]).

Не такъ смотрѣлъ на это Веймарнъ, и на Суворова обрушилась куча мелкихъ непріятностей и булавочныхъ уколовъ. Прежде всего Веймарна вывело изъ терпѣнія то обстоятельство, что послѣ донесенія Суворова изъ Бреста 6 числа, онъ не получилъ отъ него ни одной строки весь сентябрь, а потому 28 числа послалъ ему сердитую и довольно колкую бумагу. Начиная ее прибытіемъ Суворова въ Брестъ «безъ повелѣнія», онъ упоминаетъ про сталовичскую побѣду, одержанную «счастіемъ оружія Ея Императорскаго Величества и храбростью славныхъ нашихъ войскъ». Скорбя о неполученіи никакихъ отъ Суворова донесеній, такъ что вѣсть о Сталовичахъ пришла стороной, «въ чемъ остается намъ прискорбіе, а вамъ нареканіе», онъ говоритъ, что затѣмъ въ Литвѣ уже нѣтъ большихъ конфедератскихъ партій, а потому предписываетъ Суворову возвратиться «по полученіи сего, ни мало не медля и не взирая ни на какія

обстоятельства». Слѣдовательно Веймарнъ послалъ Суворову предписаніе о немедленномъ возвращеніи въ Люблинъ какъ разъ въ тотъ день, когда Суворовъ былъ уже въ Люблинѣ или подходилъ къ нему [11]).

Веймарнъ не былъ уже въ то время начальникомъ Суворова, ибо сдалъ свой постъ вновь назначенному генералъ-поручику Бибикову и собирался уѣзжать въ Петербургъ. Бибиковъ прибылъ съ высочайшимъ указомъ въ Варшаву 13 сентября, и 14 числа Веймарнъ предписалъ Суворову обращаться по дѣламъ службы къ Бибикову. И однако же, не довольствуясь укорительнымъ предписаніемъ отъ 28 сентября, Веймарнъ передъ самымъ своимъ отъѣздомъ послалъ Суворову 7 октября другое, еще болѣе оскорбительное и притомъ противорѣчащее первому, не посовѣстившись собрать предварительно нѣкоторыя справки на самомъ мѣстѣ, въ Сталовичахъ, у ксендза. Онъ предоставляетъ собственному Суворова разсужденію — согласно ли съ узаконенными порядками и субординаціею все то, что онъ, Суворовъ, сдѣлалъ, какъ выступленіе изъ Люблина въ Сталовичи, «такъ и произвольное безъ ордера изъ Литвы въ Люблинъ возвращеніе?» Онъ, Веймарнъ, передаетъ это дѣло разсмотрѣнію своего преемника, почему теперь и не упоминаетъ о всѣхъ его, Суворова, неприличныхъ поступкахъ и ограничивается указаніемъ лишь на одно обстоятельство: «вы увѣряете, что непріятелей отъ 400 до 500 на мѣстѣ побито; неоднократно въ рапортахъ и письмахъ вашихъ вы съ сѣтованіемъ изъясняли неудовольствіе, что наши деташементные командиры число убитыхъ безмѣрно увеличиваютъ; но нынѣ вы и сами напредѣльнѣйшимъ образомъ въ тотъ же самый казусъ повидимому поставились, ибо пробощемъ м. Сталовичи увѣряется, что всего всѣхъ имъ похоронено было 53 человѣка, въ томъ числѣ 8 съ нашей стороны». Дальше онъ ставитъ Суворову въ укоръ, что въ донесеніи послѣдняго не упомянуто, въ чемъ именно состояла добыча, раздѣлена ли она пропорціонально, не было ли гетманскихъ и казенныхъ денегъ, сколько изъ добычныхъ лошадей и куда распредѣлено, что заплачено тѣмъ, кто ихъ отбилъ, и сколько отъ форсированныхъ маршей убыло людей и лошадей [11]).

Вся эта длинная тирада обличаетъ не Суворова, а Веймарна, который, подъ вліяніемъ раздраженія и досады, хотѣлъ сорвать на Суворовѣ сердце во что бы то ни стало. Онъ даже не сообразилъ такой простой вещи, что если донесеніе не получено, то еще не значитъ, что оно не отправлено, особенно въ краѣ взволнованномъ, гдѣ почти все населеніе тайно или явно сочувствовало конфедераціи, и сообщенія по дорогамъ были постоянно не обезпечены.

Суворовъ отвѣчалъ слѣдующее. Выступилъ онъ изъ Люблина ради усердія къ службѣ и ревности къ отечеству, дабы не дать осуществиться намѣренію Огинскаго и защитить посты своего раіона, а въ Брестѣ принялъ намѣреніе — разбить гетмана. Донесеніе о побѣдѣ послано 13 сентября и того же числа отправленъ дубликатъ чрезъ подполковника Колыванова изъ Несвижа; передъ сраженіемъ доносилъ не только 6 числа изъ Бреста, но и послѣ того изъ Березы; кромѣ того представлены реляція и журналъ военныхъ дѣйствій [12]). Движеніе изъ Люблина произведено безъ опорожненія постовъ. По разбитіи гетмана, Суворовъ счелъ обязанностью возвратиться въ Люблинъ, но далъ знать объ этомъ полковникамъ Чернышеву, Дирингу, Древицу и подполковнику Хвабулову, предписавъ тремъ послѣднимъ принять мѣры къ истребленію остатковъ войскъ Огинскаго. «Что жъ принадлежитъ до побитыхъ непріятелей отъ 400 до 500, то совершенная правда; поставляю не увеличивая, хотя ихъ и больше того побито. А съ чего пробощъ м. Сталовичъ, и по какому требованію, и кого, и на какомъ основаніи похороненныхъ имъ весьма малаго числа утверждалъ, я совсѣмъ не понимаю. Всему-ль моему изъясненію или пробощу повѣрить должно, истинно доношу, что несправедливо я тѣмъ обнесенъ». Въ реляціи написано о добычѣ подробно и все, принадлежащее по закону коронѣ, оставлено въ Несвижѣ; были-ли въ казнѣ гетмана деньги, и если были, то кѣмъ онѣ захвачены—неизвѣстно; партикулярная добыча отдана войскамъ и хотя пропорціонально не подѣлена, однако каждому взять часть дозволено, и въ томъ никто претензіи не заявилъ. «Стараніе и успѣхъ состояли только въ томъ, чтобы единственно непріятеля разбить и истребить, а

не о партикулярной добычѣ помышляемо». Добычныя лошади размѣщены по полкамъ безъ всякой за нихъ платы, а неспособныя къ службѣ оставлены въ рукахъ нижнихъ чиновъ. О числѣ выбывшихъ на походѣ изъ строя, по заведенному Веймарномъ порядку, полки должны доносить сами [11]).

Было бы странно предполагать, что въ такомъ дѣлѣ, какъ сталовичское, число убитыхъ конфедератовъ могло ограничиться цифрою 45, какъ указываетъ Суворову Веймарнъ. Суворовъ погрѣшилъ только въ подробностяхъ раздѣла добычи, что вполнѣ извиняется и объясняется быстротою обратнаго выступленія его отряда; лично же на Суворова подозрѣнія допустить невозможно, потому что онъ на свою долю изъ добычи никогда ничего не бралъ, ни въ эту войну, ни во всѣ послѣдующія. Легко быть можетъ, что по отношенію къ добычѣ вкрались тутъ какія нибудь злоупотребленія; они даже были навѣрно, такъ какъ напримѣръ гетманская булава, подлежавшая передачѣ Польскому королю, была продана, притомъ въ другой отрядъ, и ее пришлось отъискивать. Нѣкоторые историки упоминаютъ еще про гетманскую казну въ 50,000 червонныхъ; объ утраченной казнѣ пишетъ и самъ Огинскій, но Суворовъ о ней ничего не зналъ. Не была ли это та самая касса, которая нѣсколько времени спустя найдена у одного капеллана вмѣстѣ съ бумагами Огинскаго, и отъ него отобрана?

Веймарнъ обнесъ Суворова и передъ военной коллегіей. Въ донесеніи своемъ, начиная съ представленнаго Суворовымъ наградного списка, онъ говоритъ, что «со своей стороны иного сказать не можетъ, какъ то, что повидимому каждый свой долгъ исполнилъ». Далѣе онъ пишетъ, что Суворовъ ничего не доносилъ «о предъидущихъ обращеніяхъ и мѣроположеніяхъ къ согласному дѣйствію съ прочими» и обращаетъ вниманіе коллегіи на то, что Суворовъ, послѣ такого удачнаго дѣла, не преслѣдовалъ разбѣжавшихся и не обратился на Косаковскаго, а предоставилъ это другимъ. Суворовъ даже помѣшалъ довершить побѣду полковнику Дирингу, ибо отошедъ отъ Сталовичъ, остановился и произвелъ побѣдный салютъ; Дирингъ же, заключая изъ пальбы, что Суворова тѣснитъ Огинскій, не пошелъ къ Ста-

ловичамъ для преслѣдованія послѣдняго, обратился къ Песвижу для поддержанія Суворова и такимъ образомъ потерялъ время къ прямой выгодѣ конфедератовъ. Въ заключеніе Веймарнъ выставляетъ послѣдующія дѣйствія Дирнига въ выгодномъ свѣтѣ и прилагаетъ, на нѣмецкомъ языкѣ, экстрактъ изъ его рапорта [11]).

Этимъ дѣло и кончилось; никакого суда надъ Суворовымъ учреждено не было, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ. Веймарнъ былъ человѣкъ ума не дюжиннаго и конечно понялъ бы, что такимъ поступкомъ онъ компрометируетъ себя, а не Суворова. Суворовъ, получившій за свою службу въ Польшѣ до Сталовичъ орденъ св. Анны 1 степени и Георгія 3 класса, былъ награжденъ за сталовичскую побѣду въ декабрѣ 1771 г. орденомъ Александра Невскаго, котораго не имѣлъ еще тогдашній его начальникъ, Бибиковъ [13]).

Всѣ подобныя неудовольствія оставляли въ Суворовѣ слѣдъ, и пребываніе въ Польшѣ становилось ему болѣе и болѣе въ тягость. Прошлогодняя его попытка перебраться въ армію Румянцова почему-то не удалась; онъ повторилъ ее и въ 1771, еще до сталовичскихъ непріятностей, подавъ 26 іюля прошеніе на высочайшее имя о переводѣ его въ главную армію противъ Турокъ, въ которомъ говоритъ, что «желаетъ по усердію своему продолжать службу съ практикой». Объ этомъ онъ проспилъ и Веймарна, говоря: «довольно претерпѣлъ, смордовался, а для могущихъ быть взысканіевъ, подозрѣніевъ и отвѣтствіевъ остаюсь непорочепъ». Но въ августѣ Суворовъ, не объясняя причины, проспитъ задержать его челобитную до октября. Въ концѣ концовъ переводъ опять не состоялся [14]).

Этотъ годъ былъ особенно богатъ по всѣмъ отраслямъ дѣятельности Суворова. Распоряженія его касаются внутренняго обихода въ войскахъ, содержатъ въ себѣ правила службы и общія, и собственно Суворовскія. Онъ рекомендуетъ постовымъ командирамъ бдительность и осторожность; приказываетъ дѣлать поиски съ партіями неслабыми и не далѣе одного перехода съ возвратомъ назадъ; суточный маршъ разсчитываетъ отъ 50 до 85 верстъ; о предпринимаемыхъ поискахъ предписываетъ пред-

упреждать ближайшіе посты; «не бродить по куриному, а ходить по оленьему»; избѣгать употребленія шпіоновъ по сомнительности ихъ свѣдѣній; казакамъ не атаковать, а только преслѣдовать. По инструкціямъ Суворова первое условіе для пораженія конфедератовъ состоитъ въ поспѣшности; атаковать ихъ слѣдуетъ скорымъ и сильнымъ ударомъ, лучше всего колоннами съ интервалами въ тихъ; сдѣлавъ ударъ, ни минуты не стоять на мѣстѣ, а идти назадъ преимущественно другой дорогой. Если непріятель по вѣрнымъ вѣстямъ окажется сильнѣе, чѣмъ предполагалось, то просто повернуть назадъ и идти домой. Если конфедераты имѣютъ артиллерію, то прежде всего ее отнять; тогда они падаютъ духомъ. Не раздувать потерь непріятеля; постовымъ командирамъ не представлять ему, Суворову, извѣстій о конфедератахъ на разсмотрѣніе, а распоряжаться самимъ по зрѣломъ разсмотрѣніи дѣла. Особенныя заботы Суворова направлены на обученіе войскъ; онъ входитъ въ это дѣло безпрестанно и съ подробностями, приказывая наприм. обучать солдатъ даже во время нахожденія ихъ въ караулѣ, чтобы они не убивали время на игру въ шашки [15]).

На грабительство и неправильные поборы войскъ жалобы продолжались. Тогда всѣ смотрѣли на добычу, какъ на совершенно справедливое вознагражденіе войска за одержанный имъ успѣхъ и какъ на естественное послѣдствіе побѣды; такой взглядъ никѣмъ не оспаривался и былъ узаконенъ. Подобнымъ же образомъ смотрѣлъ на добычу и Суворовъ, но сознавалъ, что путь этотъ скользокъ и не будучи регулированъ, ведетъ къ грабежу, насиліямъ и полной разпузданности. Поэтому Суворовъ постоянно напрягалъ усилія къ удержанію понятія о добычѣ въ закопныхъ предѣлахъ, и переступившихъ этотъ предѣлъ наказывалъ со строгостью. Онъ безпрестанно подтверждаетъ о невзиманіи никакихъ незаконныхъ поборовъ; съ негодованіемъ укоряетъ постовыхъ и отрядныхъ командировъ въ томъ, что они отъ добровольно явившихся, отставшихъ отъ конфедераціи людей, отбираютъ лошадей и ихъ собственное платье; напоминаетъ распоряженія высшаго начальства и постановленія военной коллегіи о томъ, какая именно добыча,

доставшаяся послѣ боя, принадлежитъ казнѣ, какая войску. Онъ обвиняетъ казаковъ въ томъ, что когда легко раненый конфедератъ валится съ лошади и притворяется убитымъ, то казакъ обдираетъ его и оставляетъ на мѣстѣ, а не беретъ въ полонъ, ибо долженъ былъ бы представить неободраннаго, чрезъ что конфедератъ «становится горшимъ возмутителемъ». Или же, спихнувъ конфедерата пикой съ лошади, казакъ не обращаетъ на него никакого вниманія, а бросается за его конемъ, тогда какъ добытый конь долженъ принадлежать казнѣ. Больше всего грозитъ Суворовъ за то, когда «при плѣненіи кого получше, другіе задніе наѣхавши, стараются его себѣ отбить, за каковую шалость безъ изъятія немедленный шпицрутенъ». Для добычи предписывается пѣхотѣ на ходу не останавливаться, кавалеристамъ съ коней не слѣзать и проч. Вообще изъ распоряженій Суворова видно, что онъ говоритъ не съ чужого голоса, что они составляютъ результатъ его непосредственныхъ наблюденій, что онъ все знаетъ собственнымъ опытомъ, все видѣлъ своими глазами. И однакоже, несмотря на бдительность Суворова, все-таки происходили такіе случаи, какъ подъ Сталовичами, съ булавою Огинскаго [15]).

Суворовъ приказываетъ содержать плѣнныхъ ласково и человѣколюбиво; кормить ихъ хорошо, «хотя бы то было и сверхъ надлежащей порціи»; поступать также и съ непріятельскими дезертирами. Онъ предписываетъ постовымъ командирамъ чаще напоминать подчиненнымъ, чтобы они хорошо обращались съ отстающими отъ конфедераціи, «ибо благопріятіе раскаявшихся возмутителей пользуетъ болѣе нашимъ интересамъ, нежели разлитіе ихъ крови». Да и нераскаянныхъ онъ защищаетъ отъ всякихъ жестокостей: «какъ бунтовщиковъ подлыми ни почитайте, но никакого злодѣя уничтожать не должно, а оружіе низложивши, оказывать всякое благоволеніе». Онъ часто рекомендуетъ поддерживать добрыя отношенія между войсками и жителями и не забывать, что русскія войска находятся въ Польшѣ только для успокоенія земли: «миръ на Израиля». Даже съ непріятельскими шпіонами Суворовъ, вопреки военнымъ обычаямъ, мягокъ и приказываетъ тоже самое своимъ подчиненнымъ. Объ-

ясняетъ онъ это Веймарну такъ: «у бунтовщиковъ шпіоны только на томъ основаніи, что просто доносятъ, гдѣ мы обращаемся; ихъ столько много, что когда ихъ пзловятъ, я ихъ выспрося, отпускаю домой» [15]).

Мы видѣли, что Суворовъ и Веймарнъ разстались непріязненно и что главною тому причиной были несправедливость и мелочное самолюбіе Веймарна. Но есть тутъ и вина Суворова. Онъ давалъ Веймарну непрошенные совѣты, хотя большею частью косвенно; охуждалъ теченіе дѣлъ; указывалъ на разные недостатки въ войскахъ, особенно на дурное ихъ обученіе; былъ требователенъ относительно неподчиненныхъ ему лицъ; браковалъ принятую систему войны. Дѣлалъ онъ это въ приличной формѣ, но все-таки въ писаніяхъ его просвѣчивалъ сарказмъ, проглядывала сатира, совѣты и требованія его носили на себѣ печать авторитетности, непризнаваемой Веймарномъ. Хотя Суворовъ и писалъ ему: «простите мнѣ всѣ сіи отъ времени до времени разновидныя примѣчанія, хотя бы они ошибочны или на образъ натуральной мнѣ веселости, токмо совершенно безъ желчи штиля были»; но въ письмахъ его именно зачастую и отсутствовалъ подобный безобидный для щекотливаго начальника тонъ. Да и помимо этого обстоятельства, постоянная критика, если даже она не задѣвала Веймарна и его распоряженій, въ концѣ концовъ прискучала, дѣлалась надоѣдливой.

Суворовъ возстаетъ противъ самой системы войны; она должна быть наступательная; оборонительный способъ не возможенъ, ибо отъ конфедератовъ нигдѣ не только укрыться, но и дорогу пресѣчь имъ нельзя. Между тѣмъ силы ихъ ростутъ, противъ прошлаго года увеличились почти вдвое; постамъ приходится только отбивать ихъ набѣги. Литву содержать одному легіону; учиться рекогносцировкѣ, разнымъ порядкамъ марша, а потомъ уже «драка съ сопротивными (а не съ пріятелями отъ скуки); на своевольство недосугъ». Въ Польшѣ 4 бригады съ генералъ-маіорами; они лучше управятъ, чѣмъ голодные псы съ ихъ отрядами». «Когда до нихъ дойду, то сердце воротится... Право, имъ лучше скорѣе дать деньги и абшитъ; они ни зачѣмъ инымъ, какъ за деньгами... Успокоить бы сихъ ры-

ночныхъ героевъ». Они должны быть партизанами, а не гордыми, мѣстничающимися панами; оттого все хвастовство и ложь, ибо потерявъ время, а иногда и важные посты, имъ нечего больше и дѣлать, избѣгая взысканія, какъ хвастать и лгать. Они только и дѣлаютъ, что идучи съ отрядами, заходятъ въ помѣщичьи усадьбы, пьютъ тамъ кофе и играютъ въ таблеи. «Показалось 100 человѣкъ, шпіонъ донеситъ 300; отдѣлилась въ сторону партія въ 50 человѣкъ для поборовъ — новые 300, итого 600. Рапортуетъ — долженъ прежнюю цѣль оставить и истребить новопоявившихся; ихъ или не застанетъ, или разобьетъ, возьметъ 8 въ полонъ, 10 повалитъ, напишетъ 200—300; осталось десятковъ 5, а по лживому счету 300. Ему лживая слава; онъ же зная правду про себя, кончитъ кофеемъ... Становится бездна темнѣе, чѣмъ таковыя побѣды блистательнѣе». (Суворовъ ненавидитъ этотъ кофе на папскихъ дворахъ; укоряя одного хорошаго офицера въ недостаткѣ самодѣятельности, онъ кончаетъ вопросомъ — неужели и вы стали пить кофе и играть въ таблеи?)... «Я напримѣръ донесу, что у Міончинскаго 1,000; другой дѣлаетъ 3,000; первый видъ есть, что похвальнѣе перваго предосторожность другого; а ежели третій донесетъ — 4,000, то ужь и я отопрусь. Но паче, когда я тѣ 4,000 одною тысячью побью, не надо ли уже мнѣ на мѣстѣ положить 1,500? — давай чинъ, деньги. А солидное между тѣмъ на своемъ камени дремлетъ...» [16]).

Все это писалось конечно вообще, но предназначалось по адресу разныхъ лицъ, Суворову не подчиненныхъ и отчасти пользовавшихся довѣренностью Веймарна. Еще безпощаднѣе онъ бичуетъ отступленія отъ воинскаго безусловнаго повиновенія, въ особенности по отношенію къ нему самому. Принявъ подъ свое временное начальство часть Петербургскаго легіона, онъ обращается къ Веймарну съ требованіемъ: «подобно какъ Гарпагонъ за свою покражу отдаетъ подъ судъ городъ и съ пригородами, такъ я всему легіону не довѣриваю. Прошу ваше высокопревосходительство чаще въ оный подтверждать о дисциплинѣ и субординаціи, т.-е. чтобы они просто и нехитрозычно мнѣ были послушны, а не фигурили по кабинетному;

сіе значитъ много остроумія, а малый смыслъ». Преслѣдуя ненавистное ему питье кофе по панскимъ дворамъ, онъ предлагаетъ не выдавать нижнимъ чинамъ провіантскія деньги за дни угощенія въ усадьбахъ, «чтобы не богатѣли и послѣ не мотали; нужное солдату полезно, а излишнее вводитъ въ роскошь — мать своевольства». Онъ указываетъ Веймарну на то, что офицеры и даже солдаты начинаютъ употреблять польскія шапки и платье; «ужь имъ и государева шляпа лобъ жметъ, ужъ подъ мышками и кафтанъ тѣсенъ». Онъ выставляетъ ему на видъ дурные внутренніе порядки кавалерійскихъ частей, говоря, что по старому кавалеристъ назывался хозяиномъ, а теперь онъ не можетъ знать, какой шерсти его лошадь. «Все равно, посади лопаря на такую лошадь, какъ такого кавалериста на его оленя или холмогорскую корову. А что смотрятъ офицеры? Есть кошелекъ, кофей у пана готовъ», стало быть ему ни до чего и дѣла нѣтъ. Издѣвается Суворовъ и надъ посадкой кавалеристовъ, называя ее «арлекинской позитурой». Короче говоря, нѣтъ почти предмета, котораго бы онъ не касался въ своихъ письмахъ и представленіяхъ къ Веймарну. Но рядомъ съ критическими выходками, онъ преподаетъ ему и свои наблюденія надъ конфедератами, способомъ ихъ дѣйствій въ бою, порядкомъ походныхъ движеній и другими характерными особенностями. Напримѣръ, конфедераты Міочинскаго на ретирадѣ останавливаются и эскадронами даютъ огонь; Пулавцы бѣгутъ просто, безъ хитростей; про третью партію замѣчаетъ, что она состоитъ изъ картежниковъ, и тому подобное [16]).

Преемникъ Веймарна, Бибиковъ, оказался человѣкомъ помягче и яснѣе понимающимъ достоинства Суворова. Измѣняя въ декабрѣ 1771 года распредѣленіе войскъ, Бибиковъ въ предписаніи своемъ говоритъ: «оставляю впрочемъ вашему превосходительству на волю, какъ располагать и раздѣлять войска, какъ за благо вы по извѣстному мнѣ вашему искуству и знанію земли и наконецъ усердію къ службѣ разсудить изволите». Далѣе онъ пишетъ: «для занятія войсками нашими Замосцья прошу подать мнѣ свои мысли, какимъ образомъ оное достигнуть бы было можно» [17]). Такимъ образомъ между Бибиковымъ и Суво-

ровымъ установились добрыя отношенія, которыя не измѣнились до конца совмѣстной службы начальника и подчиненнаго въ Польшѣ и продолжались по отбытіи Суворова на другой театръ войны [18]).

Наступилъ 1772 годъ. На большомъ военномъ совѣтѣ у русскаго посланника въ Варшавѣ рѣшено было покорить всѣ укрѣпленныя мѣста, находившіяся во власти конфедератовъ. Русскія войска, состоявшія подъ начальствомъ Бибикова, предполагалось раздѣлить на три корпуса, изъ коихъ одинъ долженъ былъ дѣйствовать въ полѣ, а два другіе — поперемѣнно производить осадныя работы (похоже на то, что раньше предлагалъ Суворовъ Веймарну). Для сбереженія войскъ положено было не прибѣгать къ штурмамъ. Королевско-польскія войска, подъ начальствомъ Брапицкаго, назначались въ помощь Русскимъ.

Плану этому въ самомъ началѣ нашлась помѣха. Еще въ сентябрѣ 1771 года прибылъ изъ Франціи чрезъ Вѣну на смѣну Дюмурье генералъ-маіоръ баронъ де-Віомениль съ нѣсколькими офицерами и съ порядочнымъ числомъ одѣтыхъ лакеями унтеръ-офицеровъ. Центръ конфедератской агитаціи перенесенъ изъ Эперіеша въ Бѣлицъ, на самой границѣ, а Бяла, противъ самаго Бѣлица лежащая, избрана главнымъ опорнымъ пунктомъ. Отсюда разсчитывалъ Віомениль препятствовать покоренію конфедератскихъ крѣпостей до весны и тогда, со вновь организованными и увеличенными силами, начать наступательныя дѣйствія, дебютируя захватомъ краковскаго замка [19]).

Въ Краковѣ начальствовалъ полковникъ Штакельбергъ, преемникъ Суворова въ командованіи Суздальскимъ полкомъ. Онъ былъ храбрый офицеръ, но слабохарактерный, больной и любящій покой человѣкъ. Суворовъ былъ очень недоволенъ, что его дѣтище досталось лицу, которое, кромѣ личной храбрости, не имѣло съ нимъ, Суворовымъ, ничего общаго. Неоднократно въ запискахъ и бумагахъ онъ дѣлалъ на счетъ Штакельберга разныя ироническія замѣчанія и еще недавно такъ атестовалъ его за его лѣпость въ обученіи полка: «чего найти достойнѣе, правосуднѣе, умнѣе Штакельберга, только у него на морозѣ, на дождѣ, на вѣтрѣ, на жарѣ болитъ грудь». Штакельбергъ былъ

уже человѣкъ не молодой, но еще чувствительный къ женской красотѣ, или по крайней мѣрѣ очень къ прекрасному полу благосклонный. Кромѣ того, стараясь поддерживать съ населеніемъ города Кракова добрыя отношенія (въ чемъ онъ и успѣвалъ), Штакельбергъ слишкомъ сблизился съ обывателями, особенно съ монахами. Въ краковскомъ замкѣ хранился полковой обозъ, 4 пушки; тамъ же содержались плѣнные конфедераты вопреки приказанію Суворова, требовавшаго отправки ихъ въ Люблинъ. Суворову доносили о безпечности Штакельберга, но онъ не обращалъ на это вниманія, въ чемъ и сознался Бибикову послѣ катастрофы. По мѣткому выраженію Суворова, Штакельбергъ «былъ обремененъ ксендзами и бабами» и никого не хотѣлъ слушать. Суворовъ прибавляетъ еще въ письмахъ къ Бибикову, что Штакельбергъ принадлежитъ къ числу избалованныхъ Веймарномъ перепиской съ нимъ на иностранныхъ языкахъ. Это едва ли справедливо, такъ какъ зная слабость Веймарна насчетъ иностранныхъ языковъ, Суворовъ самъ безпрестанно писалъ ему по-нѣмецки и вообще ни въ какую пору своей жизни не употреблялъ такъ часто нѣмецкаго языка, какъ въ 70 и 71 годахъ, однако этимъ средствомъ ни до чего не добился. По просту говоря, Штакельбергъ находился въ Краковѣ не на своемъ мѣстѣ [20]).

Разсказываютъ, что онъ велѣлъ снять часового съ одного важнаго поста изъ угожденія знатной красавицѣ, которая, дѣйствуя въ пользу заговорщиковъ, жаловалась, что ночной окликъ этого часоваго не даетъ ей спать. А когда такимъ образомъ безпечность замковаго гарнизона доведена была до послѣдняго предѣла, то (повѣствуютъ историки) Віоменилъ немедленно исполнилъ свой планъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кракова, въ Тынцѣ, командовалъ подполковникъ французской службы Шуази. Въ ночь съ 21 на 22 января 1772 года онъ посадилъ большую часть тынецкаго гарнизона на суда и переправился черезъ Вислу къ Кракову. Съ величайшею осторожностью подошелъ онъ къ стѣнамъ замка, отдѣлилъ часть своего отряда для прохода въ замокъ другимъ путемъ, а самъ направился къ трубѣ для спуска

нечистотъ, заблаговременно ему указанной. Добравшись въ темнотѣ съ большимъ трудомъ до искомаго отверстія, онъ съ частью своихъ людей полѣзъ туда впереди всѣхъ; двигались стоя на колѣняхъ, по одному. Доползя до начала трубы въ замкѣ, Шуази съ ужасомъ замѣтилъ, что внутреннее отверстіе задѣлано камнемъ, тогда какъ ему обѣщано было, что ко времени атаки камни будутъ вынуты. Сломать каменную преграду было нечѣмъ; Шуази со своими людьми поползъ назадъ и кое-какъ выбрался изъ этого грязнаго прохода.

Онъ пошелъ съ отрядомъ около города, высматривая своихъ и приглядывался, нѣтъ ли какихъ признаковъ присутствія ихъ въ замкѣ. Все было тихо, передъ нимъ высились темныя безмолвныя стѣны —ничего больше. Бродить такимъ образомъ вокругъ Кракова нельзя было долго; Русскіе, замѣтивъ непріятеля, могли отрѣзать ему путь отступленія въ Тынецъ и взять эту крѣпостцу, такъ какъ въ ней оставалось гарнизона всего сотни двѣ. Шуази съ тяжелымъ чувствомъ направился къ Тынцу, покидая на произволъ судьбы оставшихся подъ стѣнами замка капитановъ Віомениля и Сальяна съ частью отряда. Отойдя версты двѣ или три, онъ вдругъ услышалъ сильный ружейный огонь въ Краковѣ, остановился и послалъ польскаго офицера на развѣдки. Офицеръ скоро вернулся и сообщилъ, что замокъ занятъ Віоменилемъ и Сальяномъ. Шуази повернулъ назадъ и быстро пошелъ къ Кракову.

Въ исходѣ 3 часа ночи Віомениль и Сальянъ приблизились къ замковымъ воротамъ. Передъ тѣмъ выпалъ большой снѣгъ, и люди отряда имѣли на себѣ поверхъ платья бѣлую ксендзовскую одежду, дабы не возбуждать вниманія часовыхъ. Невдалекѣ отъ воротъ находилось внизу замковой стѣны отверстіе для стока нечистотъ, задѣланное желѣзной рѣшоткой; рѣшотка оказалась по условію выломанной, часового при отверстіи не было. Французы пробрались внутрь замка безъ труда, кинулись на караулъ при воротахъ, закололи часового, захватили на платформѣ ружья и безъ выстрѣла перевязали всѣхъ людей, а потомъ направились къ главному караулу и сдѣлали тоже, послѣ безпорядочной стрѣльбы захваченныхъ въ расплохъ солдатъ.

Замокъ былъ въ ихъ власти. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ Шуази съ отрядомъ; тотчасъ были завалены изнутри ворота и оставлена свободною лишь низкая калитка.

Для отвлеченія вниманія военнаго начальства отъ замка, въ эту ночь былъ назначенъ въ городѣ костюмированный балъ, на которомъ находился и Штакельбергъ. Вѣсть о взятіи замка пришла къ нему на балу, и онъ рѣшился отнять замокъ тотчасъ же. Была произведена безсвязная атака, но отбита; за нею чрезъ полчаса другая, но также безъ успѣха; потеряно 42 убитыхъ и раненыхъ. Въ 3 часа пополудни пришло подкрѣпленіе со стороны Тынца, усиленнаго изъ Бѣлицъ. Отрядъ этотъ отбросилъ Русскихъ, и пѣхота пробралась въ замокъ, кавалерія же была отогнана съ потерею 15 человѣкъ. Ночью на 24 января опять подошла подмога и тоже прорвалась въ замокъ, потерявъ впрочемъ очень много людей [21]).

Въ такомъ видѣ представляется захватъ краковскаго замка по печатнымъ источникамъ и частію по донесенію Штакельберга и первому разслѣдованію Суворова. По приказанію военной коллегіи было вскорѣ произведено слѣдствіе; оно бросаетъ сильное сомнѣніе на нѣкоторыя изъ приведенныхъ данныхъ, сдѣлавшихся ходячими. Собственно передъ захватомъ замка никакихъ послабленій въ караульной службѣ Штакельбергъ не допускалъ; послабленія существовали съ самаго прибытія его въ Краковъ и, вслѣдствіе отсутствія всякаго надзора, перешли мало по малу въ полную распущенность. Караулъ содержался съ ружьями незаряженными; караульную службу никто никогда не повѣрялъ; дальніе разъѣзды не посылались и свѣдѣнія о непріятелѣ не повѣрялись; ближніе конные патрули исполняли службу когда и какъ вздумается ихъ ближайшимъ начальникамъ, безъ повѣрки свыше; не было дано инструкціи ни плацмаіору, ни караульному офицеру; къ отверстіямъ подъ стѣной, для стока нечистотъ, часовые не ставились и эти отверстія никогда не осматривались. Отъ такого систематическаго небреженія, въ ночь на 23 января караулы оказались спящими; конные патрули не показались внѣ замка ни разу; стоявшій вблизи парома часовой казакъ самовольно отошелъ отъ своего поста на версту, за смѣ-

ной, и такимъ образомъ не замѣтилъ прибывшихъ отъ Тынца людей [22]).

Изъ слѣдственнаго дѣла также видно, что «скважинъ» подъ стѣною было нѣсколько и что чрезъ нихъ непріятель и пробрался въ замокъ. Не представляется сомнѣнія въ томъ, что Французамъ и конфедератамъ помогали нѣкоторые изъ городскихъ и замковыхъ жителей, которые и подпилили или выломали заранѣе желѣзныя рѣшотки въ этихъ стѣнныхъ отдушинахъ, такъ какъ за ихъ состояніемъ никто не наблюдалъ. При итогѣ этихъ условій непріятелю было весьма не трудно пробраться скрытно въ замокъ, и никакихъ похожденій по подземнымъ трубамъ, задѣланнымъ сверху камнями, не требовалось, также какъ снятія небывалыхъ часовыхъ и т. под. Даже раздѣленіе Французовъ подъ стѣнами замка на два отряда, изъ коихъ одинъ пошелъ съ Віоменилемъ обратно въ Тынецъ, но вернулся на выстрѣлы,— подлежитъ сомнѣнію, ибо въ слѣдственномъ дѣлѣ о такомъ скоромъ прибытіи къ Французамъ сикурса не говорится ни слова.

Въ этомъ печальномъ происшествіи былъ виноватъ отчасти и Суворовъ, не давъ вѣры сдѣланнымъ на Штакельберга доносамъ и не обративъ вниманія на секретное сообщеніе одного поляка, поставщика русскихъ войскъ, который предупреждалъ его, что будетъ на краковскій замокъ покушеніе и въ доказательство справедливости своихъ словъ показывалъ письмо отъ брата— конфедерата. Суворовъ въ это время собирался въ Литву; подрядчикъ увѣрялъ, что въ Литвѣ задумана только демонстрація для отвлеченія вниманія Русскихъ отъ Кракова. Но Суворовъ этому не повѣрилъ, въ чемъ потомъ и каялся.

По полученной вѣсти, онъ съ небольшимъ отрядомъ двинулся изъ Пинчова къ Кракову, куда и прибылъ 24 января, въ 5 часовъ утра, соединившись съ Браницкимъ, командовавшимъ 5 польскими коронными кавалерійскими полками. Оба они произвели рекогносцировку и потомъ раздѣлили между собой дѣло. Браницкій принялъ на себя наблюденіе и оборону отъ конфедератскихъ шаекъ той стороны Вислы, а Суворовъ осаду замка.

Краковскій замокъ расположенъ на высотѣ, господствующей надъ городомъ; у подошвы холма протекаетъ Висла. Внутри

замка находился кафедральный соборъ, полуразрушенный королевскій дворецъ и нѣсколько десятковъ домовъ. Замокъ обнесенъ крѣпкою стѣною въ 30 футовъ вышины и 7 футовъ толщины и окруженъ рвомъ; внѣшнихъ укрѣпленій онъ не имѣлъ. Выгодное его положеніе не давало надежды на успѣхъ штурма, безъ предварительнаго сильнаго обстрѣливанія и пробитія бреши, а у Суворова не было ни одного осаднаго орудія. Но по его приказанію, съ чрезвычайными усиліями втащили нѣсколько полевыхъ пушекъ въ верхніе этажи наиболѣе высокихъ домовъ и оттуда открыли по замку огонь, а королевско-польскій военный инженеръ повелъ двѣ минныя галлереи. Городъ былъ раздѣленъ на 4 части и въ каждую назначенъ особый комендантъ; на нихъ возложено наблюденіе за обывателями и отвѣтственность за ихъ вѣрность. Еврейскій кварталъ города поставленъ на военную ногу; обыватели-евреи получили вооруженіе и содержали городскіе караулы.

Французы захватили краковскій замокъ съ порядочными, но неполными запасами; однихъ предметовъ было много, другихъ же мало, а слѣдственно въ итогѣ они были снабжены худо. Попало въ ихъ руки много пороху, свинцу, хлѣба въ зернѣ; не доставало мяса, ядеръ; совсѣмъ не было огнивныхъ кремней, врачебныхъ пособій и пѣк. др. Недостатки эти скоро сказались, такъ какъ гарнизонъ состоялъ безъ малаго изъ 1000 человѣкъ.

Что касается до силъ Суворова подъ Краковомъ, то онѣ не могли быть велики. Всего въ началѣ года состояло подъ его командой 3,246 человѣкъ, распредѣленныхъ въ пяти главныхъ пунктахъ. Подъ Краковомъ едвали можно было собрать больше половины; въ томъ числѣ пѣхоты около 800 человѣкъ [14]).

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи Суворова, Шуази выслалъ парламентера. Онъ просилъ взять изъ замка сотню плѣнныхъ мастеровыхъ, дозволить выйти въ городъ 80 духовнымъ лицамъ и снабдить его лекарствами. Во всемъ было отказано, такъ какъ въ замкѣ уже чувствовался недостатокъ продовольствія, а леченіе раненыхъ офицеровъ Суворовъ бралъ на себя, если они дадутъ слово не дѣйствовать по выздоровленіи противъ Россіи и Польскаго короля [23]). Несмотря на категоричность отказа, духовенство пыталось дважды выйти изъ замка; первый

разъ его встрѣтили безвредными выстрѣлами, во второй разъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Послѣ того попытки уйти изъ замка прекратились.

Осажденные, видя критическое свое положеніе и ожидая впереди еще худшаго, нѣсколько разъ дѣлали жестокія вылазки, которыя впрочемъ приносили имъ самимъ гораздо больше вреда, чѣмъ Русскимъ, такъ какъ прибавлялось раненыхъ. При одной изъ такихъ вылазокъ, командиръ Суздальской роты, расположенной вблизи замка, капитанъ Лихаревъ, оробѣлъ и бросилъ свой постъ, а рота, оставшись безъ командира, въ безпорядкѣ побѣжала, горячо преслѣдуемая. Это было около полудня; Суворовъ отдыхалъ. Разбуженный перестрѣлкой и криками, онъ вскочилъ и поскакалъ на выстрѣлы. Встрѣтивъ бѣгущихъ, онъ остановилъ ихъ, устроилъ и скомандовалъ въ атаку, въ штыки. Вылазка ретировалась, но Суздальская рота потеряла до 30 человѣкъ. Суворовъ арестовалъ Лихарева и продержалъ его подъ арестомъ около 4 мѣсяцевъ. Этимъ взысканіе и ограничилось. Въ приказѣ онъ говоритъ, что за такой проступокъ слѣдовало бы отдать капитана подъ судъ, «но такъ какъ у него иного дурного умысла не было, онъ находится давно подъ арестомъ, молодъ и въ дѣлахъ рѣдко бывалъ, то выпустить». Это характерная черта Суворова, онъ вообще былъ очень снисходителенъ въ своихъ взысканіяхъ за трусость съ необстрѣленныхъ [24]).

За непмѣніемъ осадной артиллеріи, пробитіе бреши подвигалось плохо. Видя, что можетъ быть придется штурмовать замокъ и безъ бреши, Суворовъ рѣшился утомить конфедератовъ и усыпить ихъ бдительность ложными тревогами. Съ этою цѣлью, начиная съ 1 февраля, онъ произвелъ нѣсколько ложныхъ ночныхъ тревогъ и наконецъ 18 числа рѣшился штурмовать.

При сильномъ артиллерійскомъ и ружейномъ огнѣ, три колонны двинулись въ 2 часа ночи на штурмъ. Добравшись до главныхъ воротъ и прорубивъ ихъ топорами (петарды не производили должнаго дѣйствія), штурмующіе завязали черезъ прорубленное отверстіе перестрѣлку съ осажденными, такъ какъ у начальника колонны не хватило рѣшимости произвести ударъ.

Въ другой колоннѣ, добравшейся до калитки, не оказалось на лицо начальника. Люди третьей колонны, приставивъ къ стѣнѣ лѣстницы, полѣзли съ неустрашимостью въ амбразуры, гдѣ стояли пушки, но встрѣтили въ своихъ противникахъ такую же храбрость. Четыре часа продолжались безплодныя усилія; въ 6 часовъ утра Русскіе отступили, потерявъ до 150 человѣкъ.

Въ письмѣ къ Бибикову о неудачномъ штурмѣ, Суворовъ говоритъ, что этотъ исходъ зависѣлъ отъ неискуства нашего въ инженерномъ осадномъ дѣлѣ, а свою попытку штурмовать безъ надлежащей предварительной подготовки объясняетъ тѣмъ, что если предпринимать однѣ осады, то конца не будетъ; пока отберемъ одну крѣпостцу, укрѣпятся въ другой, а въ годъ трехъ крѣпостей не отобрать. Объясненіе это было не болѣе, какъ отговоркой; Суворовъ убѣдился, что первопачальный планъ былъ лучше и потому съ этой поры ограничился блокадой замка, гдѣ уже ѣли конину и воронъ. По временамъ ему приходилось отправлять партіи въ окрестности, полныя конфедератами, которые задались цѣлью—заставить Русскихъ снять блокаду. Этимъ обстоятельствомъ отчасти и извиняется предшествовавшая попытка къ штурму; самъ Суворовъ находился нѣкоторымъ образомъ въ осадѣ и иногда лично долженъ былъ выступать противъ наиболѣе дерзкихъ бандъ. Разъ онъ отправился противъ Косаковскаго. Въ разгарѣ завязавшагося дѣла на него наскочилъ конфедератскій офицеръ, выстрѣлилъ изъ двухъ пистолетовъ, но мимо, и бросился съ саблей. Суворовъ отпарировалъ ударъ, но противникъ продолжалъ настойчиво нападать, пока не подоспѣлъ случайно одинъ карабинеръ и не выручилъ своего начальника, положивъ конфедерата выстрѣломъ въ голову.

Въ началѣ апрѣля прибыли къ Суворову орудія большого калибра и была возведена скрытно отъ непріятеля брешь-батарея. Она обрушила часть стѣны у воротъ, пробила брешь и произвела въ замкѣ нѣсколько пожаровъ; польскій инженеръ окончилъ тѣмъ временемъ минныя галлереи. Въ замкѣ сильно голодали, число больныхъ постоянно возрастало, дезертирство развилось до громадныхъ размѣровъ и въ довершеніе всего составился между солдатами заговоръ—сдать замокъ Русскимъ. Шу-

ази разстрѣлялъ виновныхъ, но этимъ избѣжалъ только острой опасности, а положеніе дѣла оставалось по прежнему въ высшей степени критическимъ. Шуази донесъ объ этомъ Віоменилю и письмо послалъ съ надежнымъ унтеръ-офицеромъ. Посланный вышелъ изъ замка ночью, но на переправѣ черезъ Вислу былъ захваченъ Русскими. Письмо расшифровали и прочли, Суворовъ убѣдился въ безнадежномъ положеніи гарнизона.

Завладѣть замкомъ значило нанести смертельный ударъ конфедераціи, а потому Суворовъ, сознавая, что храброму гарнизону трудно было сдѣлать первый шагъ къ сдачѣ геройски защищаемой крѣпости, рѣшился взять починъ на себя. По прочтеніи перехваченнаго письма, онъ послалъ капитана Веймарна въ замокъ съ объявленіемъ, что все готово къ штурму и что если гарнизонъ не сдастся теперь, то будетъ весь истребленъ. Апрѣля 8, ночью явился изъ замка одинъ изъ офицеровъ, Галиберъ, и съ завязанными глазами былъ приведенъ къ Суворову. Суворовъ принялъ его ласково, посадилъ около себя и продиктовалъ главныя статьи капитуляціи. Предложенныя условія были очень выгодны, потому что Суворовъ желалъ скорой сдачи, но эта выгодность условій дала Шуази надежду на еще бо́льшую снисходительность Русскихъ. На слѣдующій день утромъ, Галиберъ явился снова, былъ угощенъ хорошимъ завтракомъ, но когда перешла рѣчь на капитуляцію, то сталъ заявлять возраженія. Суворовъ рѣшился сразу положить конецъ пустымъ надеждамъ и безплоднымъ затяжкамъ. Онъ объявилъ Галиберу новыя условія, нѣсколько строже прежнихъ, прибавивъ, что если онъ, Галиберъ, явится еще разъ безъ полномочія на принятіе предложенныхъ пунктовъ, то получитъ условія еще болѣе суровыя. Срокомъ для полученія отвѣта Суворовъ назначилъ слѣдующій день.

Шуази понялъ свою ошибку, и Галиберъ прибылъ въ русскій блокадный отрядъ раньше срока съ полнымъ согласіемъ. Сущность заключенной 12 апрѣля капитуляціи состояла въ слѣдующемъ. Сдача происходитъ черезъ три дня; люди гарнизона сохраняютъ свое частное достояніе; все же остальное имущество, имѣющееся въ замкѣ, сдаютъ. Французы сдаются не воен-

но-плѣнными, а просто плѣнными, такъ какъ войны между Россіей и Франціей нѣтъ, и размѣнъ невозможенъ (на этомъ пунктѣ настоялъ Суворовъ). Французы Віоменпля будутъ перевезены въ Львовъ; Французы Дюмурье—въ Бялу, въ Литву; польскіе конфедераты въ Смоленскъ. Лица невоенныя отправляются куда хотятъ; больные и плѣнные, кои не въ состояніи выдержать дальній путь, получаютъ надлежащую помощь.

Наканунѣ дня, назначеннаго для сдачи, Русскіе провели всю ночь подъ ружьемъ. Рано утромъ, 15 апрѣля, обезоруженный гарнизонъ сталъ выступать изъ замка частями по 100 человѣкъ, и былъ принимаемъ вооруженными русскими войсками. Шуази подалъ свою шпагу Суворову; за нимъ и всѣ остальные французскіе офицеры, въ числѣ восьми. Суворовъ шпагъ не принялъ, обнялъ Шуази и поцѣловалъ его. Затѣмъ офицеры были угощены завтракомъ, а Брапицкій пригласилъ ихъ къ обѣду. Всего взято до 700 плѣнныхъ, которыхъ слѣдовало отправить какъ выше означено. Начальнику эскорта, полковнику Шевелеву, Суворовъ далъ 17 апрѣля предписаніе: «содержать ихъ весьма ласково» [25]).

Императрица Екатерина наградила Суворова за взятіе Кракова 1000 червонныхъ, а на подчиненныхъ его, участниковъ въ этомъ дѣлѣ, пожаловала 10,000 рублей.

Нѣкоторые утверждаютъ, что Суворовъ заставилъ Французовъ выйти изъ краковскаго замка той же подземной трубой для стока нечистотъ, которою они туда вошли. Даже Екатерина II въ одномъ изъ своихъ писемъ 1795 года упоминаетъ про это обстоятельство, хотя по давности времени нѣсколько его перепутываетъ и вмѣсто Шуази говоритъ про Дюмурье [25]). Это слѣдуетъ признать за чистую выдумку, одну изъ многихъ, породившихся впослѣдствіи. Было уже сказано, что ни по какимъ подземнымъ трубамъ Французамъ проходить не было надобности; затѣмъ мы видѣли, что Суворовъ отказался даже принять отъ Французовъ шпаги, что вовсе не гармонируетъ съ приведеннымъ анекдотомъ. И теперь, и послѣ онъ всегда чтилъ въ лицѣ плѣнныхъ превратность военнаго счастія.

Не выходя изъ Кракова, Суворовъ принялся окапчивать раз-

ныя въ окрестностяхъ дѣла. Онъ захватилъ небольшой укрѣпленный городокъ Заторъ, принялъ капитуляціи отъ нѣсколькихъ конфедератскихъ начальниковъ, оставлявшихъ конфедерацію, предпринялъ осаду Тынца и Ланцкороны. Въ это же время вступили въ краковское воеводство австрійскія войска.

Еще въ началѣ 1769 года австрійскія войска окружили кордономъ часть польской территоріи, а Пруссаки стояли по польскимъ границамъ подъ предлогомъ охраненія прусскихъ земель отъ конфедератовъ и отъ занесенія изъ Польши заразительной болѣзни. Въ концѣ 1770 года Австрія заняла герцогство Цпиское; Пруссія подвинула впередъ свои кордоны. У обѣихъ державъ очевидно были на счетъ Польши свои намѣренія, но онѣ маскировались приличною вѣжливостью. Австрія кромѣ того по своимъ традиціямъ дѣлала одною рукою совсѣмъ не то, что другою, оказывала покровительство конфедератамъ, дозволяла имъ собираться на своей территоріи, допускала ихъ партіямъ укрываться отъ преслѣдованія русскихъ войскъ. Первая подавъ поводъ къ раздѣлу Польши, о чемъ уже и шли переговоры между тремя державами, она показывала видъ, будто приступаетъ къ раздѣлу неохотно. А между тѣмъ переговоры затягивались единственно потому, что Австрія предъявляла непомѣрныя требованія. Не дождавшись отвѣта, она двинула въ Польшу два сильные корпуса, вслѣдъ затѣмъ продвинулись дальше и прусскія войска. Въ началѣ мая 1772 года до 40,000 Австрійцевъ были уже въ движеніи къ Кракову, 20,000 Пруссаковъ заняли сѣверную часть Польши и столько же Русскихъ приближались къ границамъ Польши со стороны Литвы.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ въ 90-хъ годахъ Суворовъ говоритъ, что ему отъ Бибикова дано было приказаніе — не уступать Австрійцамъ ни шага земли, но соблюдать съ ними союзъ ненарушимо. Задача была трудная и хотя всюду были Суворовымъ выставлены команды, но Австрійцы протискались сквозь нихъ «съ отличною вѣжливостью» [27]). Они завладѣли Ланцкороной и обнаруживали еще намѣреніе—оттѣснить Русскихъ отъ Тынца. Суворову приходилось лавировать, вести переговоры, отстаивать русскіе интересы, не допуская и тѣни непріязнен-

ныхъ дѣйствій. Онъ въ высшей степени тяготился своей новой ролью и съ забавнымъ негодованіемъ просилъ Бибикова вывести его изъ невыносимаго положенія, давъ ему «такое философское мѣсто, чтобы никому не было завидно». Далѣе мы въ его письмѣ читаемъ: «я человѣкъ добрый, отпору дать не умѣю: здѣсь боюсь и сосѣдей іезуитовъ; все тѣ же д'Альтоны (австрійскій комисаръ). Простите мнѣ, пора бы мнѣ на покой въ Люблинъ. Честный человѣкъ — со Стрѣтеньева дня не разувался: что у тебя, батюшка, сталъ за политикъ? Пожалуй, пришли другого; чортъ-ли съ ними сговоритъ».

Не одинъ д'Альтонъ приводилъ Суворова въ раздраженіе и негодованіе, такое же непріязненное чувство возбуждалъ въ немъ и полковникъ Реннъ, командиръ одного изъ полковъ. Въ августѣ Суворовъ пишетъ своему начальнику: «Съ Ренномъ у насъ дойдетъ до худого; человѣкъ онъ извѣстный, вздорный, безпутный, худой души и, прямо сказать, присвоитель чужого. Кромѣ грубостей онъ здѣсь иного не чинилъ, да кромѣ вышерѣченнаго врядъ ли и способенъ къ чему. Толстый карманъ все прикрываетъ... Его обиды превозмогаютъ мое терпѣніе; его образецъ весьма дуренъ для прочихъ... Я не прочь, чтобы мнѣ по росписанію вмѣсто Каргопольскаго достался иной какой полкъ; не только по его поступкамъ въ землѣ, да и по полку попадешь еще въ хлопоты, а у меня и такъ отъ оглядокъ голова болитъ». Какъ видно, разъигрывались варіаціи на прежнюю тему. Суворовъ не переваривалъ людей, неразборчивыхъ въ выборѣ средствъ для своей наживы, а Реннъ въ отместку роспускалъ про него разныя сплетни, клеветалъ въ письмахъ и, нарушая субординацію, дѣлалъ ему служебныя непріятности, вѣроятно косвеннымъ образомъ, такъ какъ прямая грубость или ослушаніе представляли много опасностей. Реннъ былъ временно-подчиненнымъ Суворова, и Суворовъ не хотѣлъ прибѣгать самъ къ крутымъ мѣрамъ, такъ какъ онѣ походили бы не на служебные, а на личные счеты. По изложенной выше жалобѣ, Реннъ былъ усмиренъ тотчасъ же, и Суворовъ остался доволенъ полученнымъ удовлетвореніемъ; но мы не знаемъ, въ чемъ оно заключалось. «Я все предалъ забвенію», пишетъ онъ въ концѣ

августа: «лишь бы Реннъ впредь удержался отъ коварныхъ выдумокъ» [28]).

Наконецъ, къ великому удовольствію Суворова, замученнаго дипломатическою своею ролью, былъ подписанъ между Австріей, Пруссіей и Россіей договоръ о раздѣлѣ между ними части Польши. Въ нее вступили два русскіе корпуса; одинъ изъ нихъ, Эльмпта, остановился въ Литвѣ. Суворовъ былъ переведенъ въ этотъ корпусъ и въ октябрѣ выступилъ съ нимъ для слѣдованія въ Финляндію, такъ какъ въ Шведскомъ королѣ предполагались враждебные замыслы по отношенію къ Россіи. Изъ Вильны Суворовъ прислалъ Бибикову прощальное письмо. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ онъ оставленный край и сожалѣетъ, что недолго и недовольно ему послужилъ. Отзываясь съ горечью о своихъ врагахъ и завистникахъ, въ числѣ ихъ о Реннѣ, Древицѣ и Альтонѣ, онъ заключаетъ письмо такъ: «правда, я не очень входилъ въ сношеніе съ женщинами, но когда забавлялся въ ихъ обществѣ, соблюдалъ всегда уваженіе. Мнѣ недоставало времени заниматься ими и я боялся ихъ; онѣ-то и управляютъ страною здѣсь, какъ и вездѣ; я не чувствовалъ въ себѣ довольно твердости, чтобы защищаться отъ ихъ прелестей».

Путь былъ длинный, войска шли обыкновенными переходами, не торопясь; Суворовъ скучалъ. Все располагало его къ унылому настроенію: и воспоминанія о прошломъ, и неизвѣстность будущаго, и даже эти медленные, черепашьи переходы при полномъ бездѣйствіи. Въ подобномъ положеніи горечь воспоминаній быстро исчезаетъ и въ памяти удерживается только хорошее. Въ Вильнѣ Суворовъ еще помнилъ непріятности недавняго минувшаго, но дальше не говоритъ о нихъ почти ни слова. Онъ былъ празденъ, и недавняя кипучая дѣятельность рисовалась передъ нимъ радужными красками. Онъ спрашиваетъ у Бибикова новостей: «подлинно ли я долженъ покинуть васъ, или есть еще надежда для меня? Придется ли драться среди льдовъ? Иду туда какъ солдатъ, но если останется время, готовъ вернуться назадъ скорѣе, чѣмъ шелъ на авось впередъ». Находясь еще въ Польшѣ и стремясь мысленно на берега Дуная, онъ надѣялся забыть тамъ свои огорченія и уподоблялъ его въ

этомъ отношеніи рѣкѣ Летѣ. Удаляясь отъ Польши, онъ говоритъ, что Двина не служитъ уже для него рѣкою забвенія, чѣмъ нѣкогда почиталъ онъ Дунай. «Люблю Вислу, потому что вы тамъ, а еще былъ бы приверженнѣе къ Невѣ, когда бы вы на ней находились. Если случится что важное тамъ, куда идемъ, ваше превосходительство несомнѣнно къ намъ присоединитесь, и не лучше ли бы было, когда бы тогда я съ вами былъ?».

Свое виленское письмо къ Бибикову онъ началъ словами: «вотъ я теперь совершенно спокоенъ». Говоря это, Суворовъ самъ себя обманывалъ; закабаливъ себя одной всепоглощающей мысли, онъ тѣмъ самымъ отказался отъ спокойствія моральнаго и физическаго; оно могло являться къ нему только какъ рѣдкій и дорогой гость.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Первая турецкая война: Туртукай, Гирсово, Козлуджи; 1773—1774.

Кампаніи 1769—1772 годовъ. — Турція и ея военная система. — Прибытіе Суворова и назначеніе его въ дивизію графа Салтыкова. — Первый поискъ на Туртукай; донесеніе о побѣдѣ; невольное бездѣйствіе и болѣзнь Суворова. — Приготовленія ко второму поиску; нерѣшительность подначальныхъ; негодованіе Суворова; временное его удаленіе для лѣченія. — Второй поискъ, полный успѣхъ. — Переписка Суворова съ Салтыковымъ; отзывы о подчиненныхъ; вторичная болѣзнь. — Назначеніе его въ Гирсово; нападеніе на Гирсово Турокъ и полное ихъ пораженіе. — Отпускъ Суворова въ Москву; женитьба; возвращеніе въ армію; производство въ генералъ-поручики. — Совокупная операція Суворова и Каменскаго; ихъ несогласіе; наступательное движеніе Суворова; побѣда при Козлуджи. — Военный совѣтъ; самовольное удаленіе Суворова изъ отряда. — Окончаніе войны; образъ дѣйствій Румянцова и Суворова.

Турція, втравленная въ войну съ Россіей близорукою политикой Франціи, не сразу сознала свою ошибку, такъ какъ кампанія 1769 года ведена была Русскими робко. Двумя ихъ арміями командовали князь Голицынъ и Румянцовъ, причемъ главная роль принадлежала первому; но онъ оказался полководцемъ ниже посредственности и долженъ былъ уступить свое мѣсто Румянцову. Въ слѣдующемъ году дѣла пошли совсѣмъ иначе; Молдавія и Валахія были завоеваны, въ Букарестѣ и Яссахъ развернулось русское знамя. Татарскія полчища, силою въ 80,000 человѣкъ, разбиты Румянцовымъ съ 30,000 Русскихъ

при Ларгѣ; вслѣдъ затѣмъ 180,000-ная турецкая армія потерпѣла полное пораженіе при Кагулѣ, хотя боевыя силы Румянцова не превышали 17,000; турецкій флотъ почти совершенно истребленъ въ Чесменскомъ заливѣ. Въ 1771 году, въ третью кампанію, одна армія, подъ начальствомъ князя Долгорукаго, завоевала Крымъ, другая же прикрывала это предпріятіе, и въ ней ничего особенно важнаго не произошло. Такъ прошли три года войны.

Блестящая кампанія 1770 года, доставившая громкую славу русскому оружію, имѣла однако и невыгодную сторону, возбудивъ въ Европѣ безпокойство и опасенія. Нетолько непріязненныя Россіи державы, но даже и дружественныя къ ней, стали ревниво слѣдить за военными дѣйствіями, — первый шагъ, обѣщавшій мало хорошаго въ будущемъ. Второй шагъ состоялъ въ отыскиваніи средствъ къ прекращенію дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи и къ парализованію уже ею достигнутыхъ. Франція напрягала усилія, чтобы возбудить противъ Россіи враговъ, поощряла и поддерживала польскую конфедерацію, настраивала во враждебномъ топѣ Шведскаго короля. Прусскій король отъ активнаго воздѣйствія на Россію пока еще отказывался и даже платилъ ей, по договору, военную субсидію, но постоянно разсчитывать на такую его роль въ усложнявшихся обстоятельствахъ было невозможно. Австрія стала вооружаться, собирала на границѣ войска, заключила съ Портою союзъ. Обстоятельства видимо обострялись, но болѣзненные симптомы разрѣшились въ другомъ мѣстѣ и другимъ дѣломъ — первымъ раздѣломъ Польши.

Больше всего этому способствовалъ Фридрихъ Великій, но и Россія не сидѣла сложа руки. Каждый заботился конечно о своихъ, а не о чужихъ интересахъ, и Фридрихъ работалъ не для Россіи, а для Пруссіи. Что касается Россіи, то имѣя на своихъ плечахъ двѣ войны и впереди ожидая еще столько же, если не больше, она находилась въ положеніи весьма затруднительномъ, изъ котораго надо было выйти во что́ бы то ни стало. Ее не могло выручить одно то, что принято называть «дипломатическимъ искуствомъ»; на этой аренѣ Фридрихъ Великій и австрійскій министръ Кауницъ были бойцами первой силы. Вы-

ручила Россію твердость ея Государыни, не напускная или показная, а дѣйствительная, которая не столько видится, сколько чувствуется и понимается. Эта-то твердость Екатерины вывела Россію изъ обстоятельствъ, грозившихъ сдѣлаться критическими, и дозволила окончить Турецкую войну безъ активнаго вмѣшательства европейскихъ державъ.

Русская императрица все-таки желала мира съ Турціей и искала его. Открылись переговоры въ Фокшанахъ, но не привели ни къ чему, главнымъ образомъ вслѣдствіе упорнаго несогласія Турціи на требуемую Россіей независимость Крымскихъ Татаръ. Но такъ какъ миръ былъ нуженъ Турціи по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и Россіи, то великій визирь вошелъ въ прямые переговоры съ Румянцовымъ. Назначили уполномоченныхъ, открылся новый конгрессъ въ Букарестѣ, дѣло пошло повидимому на ладъ, но въ концѣ, когда добрались до пункта о независимости Татаръ, предшествовавшее время оказалось потраченнымъ безполезно. Въ переговорахъ прошли 1772 годъ и часть 1773; затѣмъ приходилось снова браться за оружіе.

Въ это время появился на театрѣ войны Суворовъ. Прибывъ изъ Польши въ Петербургъ, онъ тамъ оставался до февраля 1773 года, когда ему дали порученіе — осмотрѣть въ военномъ отношеніи шведскую границу и развѣдать взгляды пограничныхъ жителей Шведской Финляндіи на происшедшую въ Стокгольмѣ государственную перемѣну. Суворовъ поѣхалъ чрезъ Выборгъ, Кексгольмъ и Нейшлотъ къ границѣ, проживалъ на ней нѣкоторое время скрытно, разузнавалъ, наблюдалъ и съ запасомъ добытыхъ свѣдѣній возвратился въ Петербургъ. Тутъ ему дѣлать было нечего; отношенія Швеціи къ Россіи измѣнились, опасность близкой войны миновала, и его съ новой силой потянуло въ Турцію.

Мы видѣли раньше, что туда его влекло уже давно, съ 1770 года, подъ впечатлѣніемъ блестящихъ побѣдъ, въ томъ году одержанныхъ Румянцовымъ. Въ августѣ 1770 года Суворовъ писалъ бригадиру Кречетникову, находившемуся въ Румянцовской арміи: «сколь вы счастливы, что вы у графа Петра Александровича... Я же въ моихъ напотрудпѣйшихъ и едва одо-

лѣваемыхъ обстоятельствахъ такового освобожденія изъ оныхъ не предвижу... Даруй Боже скоро увидѣться, особливо тамъ, куда вы поѣхали». Въ продолженіе двухъ слишкомъ лѣтъ желаніе Суворова оставалось неисполненнымъ, вѣроятно потому, что онъ въ Польшѣ былъ нуженъ, да и похлопотать за него въ Петербургѣ было некому. Будто на зло, отецъ его, долгое время состоявшій членомъ военной коллегіи, оставилъ службу какъ разъ въ началѣ конфедератской войны и вышелъ въ отставку. За то теперь, по исполненіи порученія въ Финляндіи, Суворовъ имѣлъ возможность самъ позаботиться о себѣ. Послѣ его славной боевой службы въ Польшѣ, дѣло оказалось нетруднымъ. Въ апрѣлѣ, 4 числа, военная коллегія опредѣлила: находящагося въ Петербургѣ при войскахъ генералъ-маіора Суворова, по желанію его назначить и отправить въ первую армію, выдавъ ему высочайше пожалованные на дорогу 2,000 рублей. Черезъ 4 дня Суворовъ получилъ паспортъ на проѣздъ и отправился на Дунай [1]).

Пріѣхавъ въ Яссы въ самыхъ первыхъ числахъ мая, онъ представился Румянцову, былъ назначенъ въ дивизію генералъ-поручика графа Салтыкова, получилъ отъ него въ командованіе отрядъ, расположенный подъ Пегоештскимъ монастыремъ и 5 мая былъ уже на своемъ посту. Здѣсь онъ встрѣтилъ старыхъ знакомцевъ — Астраханскій пѣхотный полкъ; отрядъ его состоялъ кромѣ того изъ части Астраханскаго карабинернаго полка, 4 полковыхъ и 5 турецкихъ орудій и изъ 500 донскихъ казаковъ, всего до 2,300 человѣкъ.

Турецкое государство, нѣкогда страшное и грозное, къ этой эпохѣ уже значительно преобразилось. Грубая, но крѣпкая сила, связывавшая разнородныя части имперіи, ослабѣла, и государство стало являть признаки не близкаго, но несомнѣннаго распаденія. Совершенное отсутствіе закопности во всемъ государственномъ организмѣ, безправіе, продажность въ самыхъ грубыхъ формахъ, деспотизмъ, доведенный до идеала, — вотъ изъ какихъ элементовъ состояла внутренняя жизнь Турціи. Такой разительный упадокъ произошелъ главнымъ образомъ отъ личныхъ свойствъ Турецкихъ государей. Длинный рядъ первыхъ

правителей Турціи состоялъ, какъ на подборъ, изъ лицъ способныхъ, энергическихъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ своему положенію; послѣдующіе турецкіе властители отличались свойствами противуположными. Они заперлись въ гаремахъ и предоставили правленіе визирямъ; начался застой, потомъ наступилъ упадокъ и мало-по-малу перешелъ въ омертвѣніе. Деспотизмъ, въ смыслѣ главнѣйшаго государственнаго принципа, остался, но утратилъ характеръ движущей силы и превратился въ эгоистическое самовластіе и тиранію.

Такая государственная метаморфоза конечно должна была больше всего отразиться на военной силѣ и не столько на внѣшнемъ ея устройствѣ, сколько на ея духѣ. Лучшее турецкое войско, янычары, первоначально комплектовавшіеся воспитанными въ исламизмѣ дѣтьми христіанъ, сдѣлались въ мирное время ремесленниками, торгашами, промышленниками; война стала для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, неустранимымъ неудобствомъ. Войны, прежде безпрестанныя, происходили все рѣже; дисциплина упала; простая и суровая жизнь полудикаго воина измѣнилась; остались храбрость, фурія, но пропали стойкость и упорство. Побѣды надъ Турками участились; Турція стала терять одно за другимъ свои завоеванія. Но пренебрегать Турками все-таки было нельзя, что они время отъ времени и доказывали своимъ противникамъ и блистательно доказали Австріи, принудивъ ее къ унизительному Бѣлградскому миру. Лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія въ Европѣ окончательно пропалъ страхъ, внушаемый ей Турками, и этимъ она была обязана исключительно Россіи, т.-е. двумъ турецкимъ войнамъ Екатерины II.

Въ эпоху, которая раскрыла Европѣ глаза насчетъ истиннаго значенія Турціи, Турки сохраняли еще многія качества хорошихъ солдатъ. Еслибы во главѣ ихъ явился человѣкъ, напоминающій султановъ стараго времени, обладающій крупнымъ военнымъ дарованіемъ, то для успѣшной борьбы съ Турками потребовались бы и другія средства, и другія усилія. Но подобнаго человѣка не оказывалось, и свои качественные недостатки Турки возмѣщали количественно. Ихъ было много; арміи ихъ соста-

влялись изъ огромныхъ, недисциплинированныхъ и не имѣвшихъ правильнаго устройства массъ. Пѣхота сражалась безпорядочными толпами, отличаясь однакоже довольно мѣткой стрѣльбой; это же свойство принадлежало отчасти турецкой артиллеріи. Кавалерія дѣйствовала въ разсыпную; въ одиночномъ бою турецкіе кавалеристы были значительно лучше европейскихъ. Въ наступленіи Турки отличались страшною стремительностью и порывомъ, но не настойчивостью; для оборонительной войны въ открытомъ полѣ не годились и предпочитали укрѣпленные лагери. Такъ какъ недостатокъ при атакахъ настойчивости есть недостатокъ капитальный, особенно при дѣйствіи противъ русскихъ войскъ, то, благодаря своей многочисленности, Турки прибѣгали къ ряду послѣдовательныхъ атакъ свѣжими частями войскъ. Это обстоятельство очень затрудняло полную надъ ними побѣду, ибо, убѣгая послѣ неудавшагося удара, Турки не несли такой значительной потери, которую ведетъ за собою бой упорный. Черезъ нѣсколько дней послѣ понесеннаго пораженія, ихъ толпы являлись по прежнему многочисленными передъ непріятелемъ, который считалъ ихъ истребленными. Настойчивое и продолжительное преслѣдованіе представлялось единственнымъ условіемъ полнаго пораженія этихъ недисциплинированныхъ бандъ, которыя разбѣгались и сбѣгались съ одинаковою легкостью. Но трудность продовольствованія войскъ являлась серьёзнымъ къ тому препятствіемъ, и препятствіе это дѣлалось иногда необоримымъ вслѣдствіе полнаго разоренія, которому подвергали Турки путь своего бѣгства. Такимъ образомъ война должна была затягиваться надолго, истощая противника. Въ одномъ только случаѣ успѣхъ надъ Турками могъ быть рѣшительнымъ и потери ихъ тяжелыми, — это при удачныхъ штурмахъ занятыхъ ими укрѣпленныхъ мѣстъ. Но штурмованіе укрѣпленій и крѣпостей нельзя возвести въ систему войны, и прибѣгать къ этому средству съ достаточною надеждою на успѣхъ можетъ далеко не всякій.

Съ подобнымъ-то противникомъ приходилось теперь драться Суворову. Онъ былъ въ Турціи человѣкъ новый, но пріѣхалъ сюда совсѣмъ готовый на дѣло, не имѣя надобности учиться у

кого-либо. Рѣшительность операцій, настойчивость въ атакѣ, неутомимость въ преслѣдованіи, неослабѣвающая бдительность, умѣнье брать непріятеля со слабой его стороны, отсутствіе педантскаго методизма,—вотъ та военная теорія, которую привезъ съ собой Суворовъ изъ Польши. Изъ вышеизложенной характеристики Турокъ видно, что именно въ Суворовскомъ образѣ дѣйствій заключался наиболѣе вѣрный залогъ побѣды, и дѣйствительно она не замедлила явиться подъ знамена Суворова.

Военныя дѣйствія на Дунаѣ должны были возобновиться съ половины февраля, когда букарестскія конференціи по безплодности своей закрылись; но ни Русскіе, ни Турки не были готовы. Екатерина требовала немедленно открыть кампанію, перенести наши дѣйствія за Дунай, разбить визиря и занять край до Балканъ. Румянцовъ не видѣлъ возможности открыть дѣйствія раньше конца апрѣля, а рѣшительныя операціи за Дунаемъ считалъ неисполнимыми по малочисленности своей арміи. Въ ней было подъ ружьемъ всего 50,000 человѣкъ; она должна была охранять теченіе Дуная на 750 верстъ и защищать княжества. Отрядъ генералъ-маіора Потемкина стоялъ на нижнемъ Дунаѣ противъ Силистріи; лѣвѣе его генералъ-маіоръ баронъ Вейсманъ фонъ-Вейсенштейнъ въ Измаилѣ; правѣе генералъ-поручикъ графъ Салтыковъ; главныя силы въ Яссахъ. Румянцовъ сообщилъ свой взглядъ въ Петербургъ и ждалъ дальнѣйшихъ оттуда повелѣній.

Петербургскій планъ кампаніи былъ дѣйствительно слишкомъ смѣлъ и не отвѣчалъ средствамъ, которыми располагалъ Румянцовъ. А Румянцовъ со своей стороны предлагалъ менѣе, чѣмъ могъ и быть можетъ слишкомъ оберегалъ свою недавно пріобрѣтенную славу. Изъ Петербурга пришло подтвержденіе прежняго повелѣнія; боясь отвѣтственности, Румянцовъ запросилъ главныхъ подчиненныхъ генераловъ. Мнѣнія поданы въ смыслѣ Румянцовскаго взгляда, и задунайская экспедиція признана преждевременною до наступленія полной весны.

Тѣмъ временемъ армія визиря у Шумлы росла; началась расчистка дорогъ оттуда къ Дунаю; предпріимчивость Турокъ увеличивалась, хотя наступательныя ихъ попытки оканчивались

неудачно. Чтобы получить впослѣдствіи возможность перевести за Дунай главныя свои силы, Румянцовъ рѣшилъ развивать предварительно систему мелкихъ противу Турокъ предпріятій и приказалъ сдѣлать на правую сторону Дуная поиски. Главный изъ нихъ предназначался противъ Туртукая и выпадалъ на долю Суворова.

Верстахъ въ 10 отъ Дуная, на лѣвомъ берегу впадающей въ него рѣки Аржиша, находится монастырь Негоешти. Постъ этотъ занималъ оконечность лѣваго флапга дивизіи графа Салтыкова и служилъ связью съ отрядомъ генерала Потемкина. Тутъ, у Туртукая, Дунай не шире 300 саженъ; но Турки были очень бдительны и зорко наблюдали за рѣкой и за всѣмъ происходившимъ на противуположномъ берегу.

Нужныя для переправы суда приготовлялись и исправлялись еще до прибытія Суворова на р. Аржишѣ; всего изготовлено 17 лодокъ для поднятія 600 человѣкъ, не считая гребцовъ. Но провести эту флотилію въ Дунай было мудрено, ибо устье Аржиша обстрѣливалось батареей и турецкимъ судномъ, вооруженнымъ пушками. Чтобы не разоблачить до времени своихъ намѣреній, Суворовъ предположилъ перевезти суда къ берегу Дуная на подводахъ, приказалъ собрать для этого сколько можно обывательскихъ подводъ, выбрать въ гребцы людей изъ Астраханскаго полка, приготовлять сходни, шесты, багры и т. под. Всѣ приготовленія производились очень дѣятельно и осторожно, и въ то же время собирались свѣдѣнія о силѣ Туртукая, о положеніи города и его окрестностяхъ. По донесеніямъ, силы Турокъ оказывались значительными. Суворовъ просилъ у Салтыкова подкрѣпленія; обѣщано прислать нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Что ему было дѣлать съ конницей, когда требовалась исключительно пѣхота, въ которой и былъ недостатокъ? Однако, приходилось ограничиться тѣмъ, что есть, и Суворовъ рѣшился произвести поискъ 8 мая, но потомъ отсрочилъ, такъ какъ обѣщанная подмога не приходила, и обывательскія фуры съ волами не прибывали. Между тѣмъ дѣло было спѣшное; поискъ велѣно было произвести во что бы то ни стало, и главнокомандующій ждалъ. Наконецъ, полковникъ князь Мещерскій прибылъ 8 числа

съ остальными эскадронами Астраханскихъ карабинеръ и подошли подводы.

Въ ту же ночь назначено было сосредоточеніе войскъ и иныя распоряженія для переправы и нападенія. Войска стянулись къ урочищу Ольтеницѣ, не вдалекѣ отъ Дуная, въ ожиданіи разсвѣта. Суворовъ остался при аванпостахъ, завернулся въ плащъ и легъ спать недалеко отъ дунайскаго берега. Еще не разсвѣтало, какъ онъ услышалъ громкіе крики: «алла, алла»; вскочивъ на ноги, онъ увидѣлъ нѣсколько турецкихъ всадниковъ, которые съ поднятыми саблями неслись по направленію къ нему. Онъ едва успѣлъ вскочить на лошадь и ускакать. Немедленно посланы были карабинеры въ помощь атакованнымъ казакамъ, отправлена и часть пѣхоты, а остальной части приказано быть въ готовности подкрѣпить товарищей. Пѣхота однако же не понадобилась; два эскадрона карабинеръ атаковали Турокъ съ фронта и съ фланга въ то время, какъ они, сбивъ и прогнавъ казаковъ, неслись толпою на высоты. Турки были опрокинуты и въ безпорядкѣ понеслись обратно къ берегу; карабинерамъ помогали и казаки. Турки въ страхѣ бросались на суда и спѣшно отваливали отъ берега. Ихъ было всего 900, изъ нихъ убито 85, потонуло еще больше; въ плѣнъ взято нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ начальникъ отряда. По показанію плѣнныхъ, въ Туртукаѣ находилось свыше 4,000 человѣкъ.

Суворовъ написалъ Салтыкову: «на здѣшней сторонѣ мы уже ихъ и побили; тяжело, пѣхоты у нихъ пополамъ». Въ запискѣ, приложенной къ рапорту, онъ говоритъ: «увы, пѣхоты мало; карабинеръ чрезвычайно, да что имъ дѣлать на той сторонѣ?» Въ другой запискѣ онъ пишетъ: «все мнѣ кажется пѣхоты мало, и врядъ за 500... Оставить надобно у переправы и въ гребцахъ». Вѣроятно Салтыковъ, не считая возможнымъ подкрѣпить Суворова частью своей пѣхоты, совѣтовалъ ему обратиться къ Потемкину и за-одно просить у него судовъ для переправы конницы. Суворовъ отвѣчаетъ, что на Потемкина плоха надежда и что изъ-за судовъ пришлось бы откладывать дѣло. Потомъ, какъ бы размышляя про себя, онъ пишетъ: «все хо-

рошо, какъ (если) Богъ благоволитъ», а потомъ все таки прибавляетъ: «а пѣхоты кажется мало» [2]).

Изъ записокъ этихъ можно бы казалось заключить, что авторъ ихъ имѣетъ капитальнѣйшій военный недостатокъ—перѣшительность и любитъ, что называется, *ныть*, такъ какъ поискъ былъ уже окончательно рѣшенъ и до него оставалось всего нѣсколько часовъ времени. Но просьбы Суворова имѣли не такой смыслъ. Онъ только что пріѣхалъ на свой постъ, войскъ своихъ не зналъ, ни они его, ибо полугодовое командованіе 10 лѣтъ назадъ Астраханскимъ полкомъ въ разсчетъ принимать нельзя. Войска эти не были поставлены на Суворовскую ногу; можетъ статься, что Суворовъ находилъ въ нихъ и крупные изъяны; ясно по крайней мѣрѣ, что аванпостная служба велась въ отрядѣ плохо, если Туркамъ чуть не удалось захватить самого начальника. Поискъ на Туртукай предстоялъ въ смыслѣ перваго его боевого дѣла на новомъ театрѣ войны и требовалъ зрѣлой обдуманности; отъ этого перваго шага зависѣла его репутація; неудача была бы непоправимымъ зломъ, при извѣстномъ значеніи перваго впечатлѣнія. Суворовъ конечно все это сообразилъ и потому самъ входилъ во всѣ мелочи приготовленій. Какъ же ему было не позаботиться о соотвѣтственномъ случаю числѣ своихъ войскъ, или по крайней мѣрѣ не заявить начальнику осязательнымъ образомъ о ихъ недостаточности, когда онъ только что узналъ отъ плѣнныхъ Турокъ о 4,000-ной силѣ туртукайскаго корпуса, а самъ могъ взять въ экспедицію не больше 500 человѣкъ пѣхоты? Да и трудность исполненія мгновенно возрасла; Турки, побывавъ на нашей сторонѣ Дуная, имѣли случай удостовѣриться въ сборѣ отряда, и Русскіе не могли уже разсчитывать на неожиданность.

Бомбардируя графа Салтыкова просьбами объ усиленіи пѣхоты, Суворовъ однако не отказывался отъ поиска и при своихъ настоящихъ силахъ; онъ считалъ это дѣло безповоротно рѣшеннымъ, и если бы оно было перерѣшено, то несомнѣнно былъ бы сильнѣйшимъ образомъ огорченъ. Прежде онъ предполагалъ произвести переправу черезъ Дунай на разсвѣтѣ, теперь назначилъ ее ночью. Причиной перемѣны было, по всей вѣроятности, не-

давно обнаружившееся для него большое неравенство силъ, которое надо было скрыть. Для вящшаго успѣха вся операція назначена въ тотъ самый день, какъ Турки были отбиты и конечно не разсчитывали на такой скорый реваншъ. Правда, Суворовъ не имѣлъ времени обучить войска на свой ладъ и начальниковъ не зналъ, такъ-что ночной бой представлялся дѣломъ рискованнымъ. Но поступить иначе было бы дѣломъ еще болѣе невѣрнымъ: его личное присутствіе и распоряженія восполняли многое, онъ отдалъ весьма обстоятельную диспозицію, войска были обстрѣленныя. Для пущей вѣрности, онъ послалъ Потемкина сдѣлать на тотъ берегъ диверсію кавалеріею, въ тылъ туртукайскимъ Туркамъ.

Сущность диспозиціи заключалась въ слѣдующемъ: прежде переправляется пѣхота, раздѣленная на два каре и резервъ; при резервѣ двѣ пушки; послѣ пѣхоты конница; если можно — люди на лодкахъ, лошади въ поводу вплавь. На нашей сторонѣ Дуная батарея изъ 4 орудій. Ночная атака съ храбростью и фуріей — сначала на одинъ турецкій лагерь, потомъ на другой и наконецъ на третій; ударить горою, одно каре выше, другое въ полгоры, резервъ по обычаю; стрѣлки на двѣ половины, каждая на два отдѣленія; они алармируютъ и тревожатъ. Резервъ безъ нужды не подкрѣпляетъ. Турецкіе набѣги отбивать наступательно; подробности зависятъ отъ обстоятельствъ, разума и искуства, храбрости и твердости командующихъ. Туртукай сжечь и разрушить, чтобы въ немъ не было непріятелю пристанища. Весьма щадить женъ, дѣтей и обывателей, мечети и духовныхъ, чтобы непріятель щадилъ христіанскіе храмы. Заключительныя слова диспозиціи: «да поможетъ Богъ!»

Передъ вечеромъ 9 мая, Суворовъ съ полковникомъ княземъ Мещерскимъ, который оставался для командованія на этой сторонѣ, объѣхалъ берегъ Дуная, указалъ мѣста для войскъ, самъ поставилъ батарею, далъ наставленіе на разные случаи. Послѣ того лодки были спущены по Аржишу до устья и скрыты до времени за камышами; при нихъ пѣхотный резервъ; остальная пѣхота направлена къ берегу Дуная; передъ нею двигались воловьи подводы, дабы массою ими ввести непріятеля въ заблуж-

деніе на счетъ силы отряда. Когда смерклось, лодки вышли изъ устья Аржиша (сторожевое турецкое судно было убрано) и подошли къ мѣсту амбаркаціи.

Переправа происходила въ темноту. Непріятель конечно ее замѣтилъ и открылъ огонь, который однакоже по темнотѣ не былъ дѣйствителенъ. Суда подошли въ порядкѣ къ турецкому берегу, крутому, перерѣзанному рытвинами и поросшему кустарникомъ и лѣсомъ; ихъ только нѣсколько снесло теченіемъ. Ступивъ на берегъ, пѣхота быстро построилась въ двѣ колонны съ резервомъ и, не теряя времени, двинулась вверхъ по рѣкѣ. Первая колонна, полковника Батурина, при которой находился и Суворовъ, атаковала ближайшій турецкій лагерь; но такъ какъ главная турецкая батарея наносила атакующимъ большой вредъ, то колонна на штыкахъ ворвалась на батарею, овладѣла ею и потомъ уже обратилась на лагерь. Вторая колонна, подполковника Мауринова, бросилась на правый флангъ лагеря и овладѣла тамошнею батареей. Затѣмъ одна рота первой колонны продвинулась по берегу дальше, атаковала и взяла другой, меньшій лагерь и овладѣла береговою батареей, прикрывавшей непріятельскую флотилію.

Были взяты три батареи и два лагеря; оставался еще третій лагерь, самый большой, по другую сторону Туртукая, и при немъ послѣдняя батарея, а также самый городъ, гдѣ въ домахъ засѣли бѣжавшіе изъ отнятыхъ лагерей Турки. Суворовъ двинулъ на лагерь резервъ маіора Ребока, а на городъ Батурина. Лагерь съ батареею были взяты мгновенно, и городъ очищенъ въ короткое время. Турки разбѣжались по разнымъ направленіямъ. Въ это время подоспѣли съ того берега 150 карабинеръ и 60 казаковъ и содѣйствовали совершенному разсѣянію непріятеля.

Атака велась горячо; офицеры находились впереди и первыми всходили на батарею. Возбужденіе людей было такъ велико, что они никому не давали пардону, и потому плѣнныхъ не было. Несмотря на трудности ночной экспедиціи и боя, все дѣло шло какъ по писанному, и лишь самое незначительное число людей и лошадей утонуло при переправѣ черезъ Дунай ка-

валеріи. Самъ Суворовъ дважды подвергался большой опасности; при атакѣ батареи разорвало турецкую пушку и осколками сильно ранило ему правую ногу; потомъ на него наскочилъ одинъ янычаръ съ поднятою саблей, такъ что Суворовъ принужденъ былъ парировать удары, пока подоспѣли и выручили его свои.

Въ началѣ 4 часа ночи все было кончено; отрядъ занялъ позицію на высотахъ за городомъ и послалъ въ городъ двѣ сборныя роты, чтобы вывести оттуда христіанъ для переселенія на нашъ берегъ и затѣмъ порохомъ и огнемъ разрушить и сжечь городъ до основанія. Приказаніе было быстро исполнено, и роты вернулись, навьюченныя разной добычей, для дѣлежа съ оставшимися товарищами. Христіанъ выведено около 700 человѣкъ.

Трофеями побѣды были 6 знаменъ, 16 пушекъ, изъ коихъ 2 негодныя брошены въ Дунай, 30 судовъ, 21 небольшая лодка. Непріятелей легло много, но показанная Суворовымъ цифра 1500, выше дѣйствительной. Съ нашей стороны выбыло изъ строя убитыми и ранеными больше 200. Возвратясь на свой берегъ, Суворовъ построилъ отрядъ въ каре и отслужилъ благодарственный молебенъ. Разбогатѣвшіе солдаты давали священнодѣйствовавшему духовенству золотыя и серебряныя деньги.

Еще до солнечнаго восхода, Суворовъ написалъ карандашомъ на маленькомъ клочкѣ бумаги и послалъ Салтыкову слѣдующее короткое донесеніе: «Ваше сіятельство, мы побѣдили; слава Богу, слава вамъ» [3]). До послѣдняго времени Суворову приписывалось другое донесеніе, посланное будто бы Румянцову и состоящее изъ двустишія:

Слава Богу, слава вамъ,
Туртукай взятъ, и я тамъ.

Но по открытіи перваго изъ этихъ донесеній, стали совершенно отрицать второе, даже не только самое донесеніе, но и его возможность. Это едва ли справедливо. Суворовъ могъ послать съ поля сраженія короткія донесенія и Салтыкову, и Румянцову, тѣмъ паче, что послѣдній ждалъ результата поиска, и рапортъ къ нему отъ Салтыкова долженъ былъ запоздать, такъ какъ отъ Суворова Салтыковъ былъ въ одну сторону, а Румян-

цовъ въ другую. Подобныя дубликатныя донесенія практикуются, иногда они даже необходимы, чего впрочемъ въ настоящемъ случаѣ не было. Если бы Суворовъ послалъ немедленное донесеніе о побѣдѣ одному главнокомандующему, то поступилъ бы непростительно, но онъ донесъ обоимъ. Наконецъ, о приведенномъ двустишіи упоминаетъ въ своей книгѣ Антигъ, именно въ первой части, которую читалъ и исправлялъ въ рукописи самъ Суворовъ [4]). При этомъ онъ могъ забыть хронологію мелочей, случившихся 20 лѣтъ назадъ, но никакъ не могъ оставить въ рукописи вымышленнаго донесенія. Все это наводитъ на заключеніе, что фактъ написанія Суворовымъ двустишія и отправки двустишія къ Румянцову не только возможенъ, но и весьма вѣроятенъ.

На другой день послѣ туртукайскаго успѣха, Суворовъ пишетъ графу Салтыкову письмо: радуется, что «все такъ здорово миновалось», прикидывается простячкомъ и даже употребляетъ искалѣченную латынь: «подлинно мы были вчера *veni, vade, vince*, а я мнѣ такъ первоучника. Вашему сіятельству и впредь послужу, я человѣкъ безхитростный. Лишь только, батюшка, давайте поскорѣе второй классъ» (подразумѣвается св. Георгія). Два дня спустя, онъ возвращается къ тому же предмету, настраиваетъ себя на наивный тонъ и прибѣгаетъ къ другимъ доводамъ. «Не оставьте, ваше сіятельство, моихъ любезныхъ товарищей, да и меня Бога ради не забудьте. Кажется, что я вправду заслужилъ георгіевскій второй классъ; сколько я къ себѣ ни холоденъ, да и самому мнѣ то кажется. Грудь и поломанный бокъ очень у меня болятъ, голова будто какъ распухла; простите мнѣ, что я съѣзжу въ Бухарестъ на день-другой попариться въ банѣ... Коли мнѣ нечего здѣсь дѣлать, дозвольте мнѣ къ себѣ на время пріѣхать». На слѣдующій день опять письмо, по поводу производства Салтыкова въ генералъ-аншефы и комплиментъ на счетъ его отца, впрочемъ совершенно справедливый: «уповаю, что ваши милости ко мнѣ и впередъ отмѣнить не изволите. Будьте войсками такъ любимы, какъ вашъ родитель» [3]).

Такимъ образомъ существовавшій въ литературѣ анекдотъ

(опровергнутый лишь позднѣйшими изслѣдованіями) объ отдачѣ Румянцовымъ Суворова подъ судъ за произвольный будто бы поискъ на Туртукай, принадлежитъ къ области чистаго вымысла. Румянцовъ былъ недоволенъ не Суворовымъ, а Салтыковымъ. Изъ дивизіи послѣдняго было сдѣлано нѣсколько поисковъ и одинъ изъ нихъ очень неудачный. Полковникъ князь Репнинъ взятъ въ плѣнъ съ 3 штабъ-офицерами, у насъ убито и пропало безъ вѣсти больше 200 человѣкъ, отбито 2 судна и 2 пушки. Такъ по крайней мѣрѣ сообщалъ Суворовъ, по дошедшимъ слухамъ, Потемкину. Затѣмъ наступило въ Валахіи бездѣйствіе; удачнымъ туртукайскимъ поискомъ Салтыковъ не воспользовался, несмотря на настоянія Румянцова, и сообщенія Турокъ по Дунаю производились свободно. Изъ переписки Суворова съ Потемкинымъ видно, что онъ, Суворовъ, за Турками внимательно слѣдилъ и даже собиралъ о нихъ по той сторонѣ рѣки свѣдѣнія, посылая туда партіи, но это ни къ чему не вело. Вообще война велась крайне вяло всюду; блестящимъ исключеніемъ служили только дѣйствія генерала Вейсмана [5]).

Чтобы отвлечь отъ Вейсмана вниманіе Турокъ верхняго Дуная, Румянцовъ приказалъ Салтыкову произвести демонстрацію и приступить снова къ экспедиціямъ за Дунай. Такое распоряженіе совершенно гармонировало съ мыслями Суворова, который ясно сознавалъ ненормальность наступившаго положенія дѣлъ, поиски небольшихъ казачьихъ партій находилъ недостаточными, считалъ нужнымъ утвердиться на той сторонѣ рѣки и производить набѣги подальше внутрь страны. Съ этой вѣроятно цѣлью онъ, какъ мы видѣли, желалъ повидаться съ Салтыковымъ и выпросить у него подкрѣпленіе пѣхотой, однако ничего не добился. Тогда на досугѣ онъ принялся исправлять негоештское укрѣпленіе, чинить и укомплектовывать артиллерію, приводить въ готовность флотилію и ревностно обучать войска. А туртукайскій турецкій лагерь тѣмъ временемъ росъ, войска прибывали. Больно было это Суворову; онъ снова представлялъ Салтыкову о необходимости утвердиться на томъ берегу, развивалъ подробности исполненія и просилъ подмоги. Салтыковъ не уважилъ резоновъ, остался при своихъ взглядахъ и, готовясь на-

чать движеніе съ цѣлью предписанной Румянцовымъ демонстраціи, приказалъ Суворову, въ случаѣ необходимости, обращаться за подкрѣпленіемъ къ Потемкину.

Томимый своимъ пассивнымъ положеніемъ, Суворовъ 29 мая снова писалъ своему начальнику, прося взять его, Суворова, съ собою въ готовившееся наступательное предпріятіе. Желаніе его осталось неисполненнымъ. Въ это время, или можетъ быть еще раньше, къ нему привязалась упорная мѣстная лихорадка; пароксизмы происходили черезъ день. Въ виду дѣйствій, онъ, вѣроятно переспилъ бы себя и остался бы на своемъ посту; но такъ какъ ничего не предвидѣлось или даже предвидѣлось одно бездѣйствіе, скука и томленіе, то 4 іюня онъ проспился у Салтыкова въ Букарестъ для леченія и, подъ гнетомъ пароксизма, въ тотъ же день послалъ къ нему вторичную о томъ же самомъ просьбу. А на другой день прибылъ къ нему отъ Румянцова курьеръ и привезъ приказъ — произвести вторичный поискъ на Туртукай, причемъ ему обѣщано было подкрѣпленіе изъ пѣхоты. Обстоятельство это произвело надлежащее дѣйствіе: Суворовъ почувствовалъ себя лучше и донесъ объ этомъ Салтыкову; на слѣдующій день ему стало еще лучше, о чемъ онъ опять донесъ, прибавивъ, что остастся на своемъ посту. Было ли то дѣйствительно временное улучшеніе или только кажущееся, результатъ давленія на организмъ сильной воли, но только болѣзнь снова одолѣла. Іюня 7 Суворовъ опять пишетъ Салтыкову, что крѣпко боленъ и ѣдетъ въ Букарестъ. Должно быть не подъ силу ему пришлась эта упорная борьба съ лихорадкой, если, несмотря на приказъ главнокомандующаго, онъ отказывался отъ поиска, котораго самъ такъ ревностно добивался. И подмога была уже прислана въ составѣ одного слабаго батальона, одной роты и двухъ орудій, и диспозиція уже готова, диктованная Суворовымъ во время лихорадочнаго пароксизма («хорошая диспозиція», по словамъ самого Суворова), а отъ дѣла все-таки приходилось отказаться [3]).

Однако переспилилъ себя Суворовъ и на этотъ разъ, остался; только всѣ приготовленія возложилъ на полковника князя Мещерскаго. Поискъ назначенъ ночью съ 7 на 8 іюня; диспозиція

объявлена; войска двинулись съ наступленіемъ сумерекъ къ берегу Дуная; флотилія вышла изъ Аржиша. Князь Мещерскій и прочіе частные начальники выѣхали впередъ къ берегу, но, увидѣвъ, что Турки на-сторожѣ и что силы у нихъ большія, усомнились въ успѣхѣ и признали переправу невозможною.

Это было послѣдней каплей, переполнившей сосудъ; Суворовъ уѣхалъ въ Букарестъ. Оттуда онъ написалъ Салтыкову въ тотъ же день, 8 числа, письмо; говоритъ, что еле бродитъ; что въ присланномъ батальонѣ нѣтъ и полубатальона и надо прислать еще; что накануѣ «маневръ былъ прекраснѣйшій, войска подвинуты были по ихъ лагерямъ, флотилія 30 лодокъ для лѣвой атаки, 4 шайки для правой съ острова уже были въ рукавѣ... (продолжаетъ по-французски). Мерзко говорить объ остальномъ; ваше сіятельство сами догадаетесь, но пусть это будетъ между нами; я пришлецъ, не желаю дѣлать себѣ здѣсь враговъ»... На завтра онъ нѣсколько успокоился и пишетъ яснѣе: «Благоволите разсудить, могу ли я уже снова надъ такою подлою трусливостью команду принимать и не лучше ли мнѣ гдѣ на крылѣ промаячить, нежели подвергать себя фельдфебельствомъ моимъ до стыда—видѣть подъ собою нарушающихъ присягу и опровергающихъ весь долгъ службы? Г. Б. причиною всему; всѣ оробѣли. Можетъ ли быть такой полковникъ въ арміи россійской? Не лучше ли воеводой, хоть сенаторомъ? Какой это позоръ! Всѣ оробѣли, лица не тѣ. Бога ради, ваше сіятельство, сожгите письмо. Опять симъ напоминаю, что я здѣсь непріятеля (себѣ) не хочу и лучше все брошу, нежели бы его имѣть пожелалъ. Каторга моя въ Польшѣ за мое праводушіе всѣмъ разумнымъ знакома. Есть еще способъ: сонзвольте на время прислать къ нашимъ молодцамъ потверже генералъ-маіора. Всякій здѣсь меня моложе; онъ можетъ ко мнѣ заѣхать, я ему дамъ диспозицію; прикажите ему только смѣло атаковать. Г. Б. зачѣмъ-нибудь между тѣмъ отзовите, да пришлите еще пару на сіе время смѣлыхъ, мужественныхъ штабъ-офицеровъ пѣхотныхъ... Боже мой, когда подумаю, какая это подлость, жилы рвутся» [3]).

Суворовъ выносилъ тройную муку: и отъ лихорадки, и отъ поведенія подчиненныхъ, и отъ опасенія, что минуетъ надобность въ экспедиціи. Подъ этимъ впечатлѣніемъ онъ пишетъ Салтыкову 10 іюня третье письмо: проситъ прислать еще одинъ батальонъ; говоритъ, что князь Мещерскій честный человѣкъ, но еще не имѣетъ привычки командовать; что Бат. тоже, но трусъ (пишетъ по французски и вмѣсто слова poltron ставитъ одну букву р.), и что это можетъ имѣть дурное вліяніе на войска. Іюня 11 новое письмо, которымъ сообщаетъ, что раньше воскресенья не можетъ приняться за дѣло, «да и то какъ Богъ изволитъ». Наконецъ 14 числа Суворовъ возвратился въ Негоешти, написалъ Салтыкову, что ему немного лучше и что онъ хочетъ сдѣлать попытку. Просимый батальонъ (Апшеронскій) къ тому времени былъ присланъ; однако Суворовъ приказалъ вооружить карабинеръ пѣхотными ружьями изъ Букареста, обучать пѣхотному строю, стрѣльбѣ, атакѣ холоднымъ оружіемъ; обучались также усиленнымъ образомъ вновь прибывшіе рекруты.

Въ отсутствіе Суворова, князь Мещерскій ни на что не рѣшался, кромѣ посылки небольшихъ казачьихъ партій, и ничего не дѣлалъ, кромѣ постройки одной батареи въ устьѣ Аржиша, хотя Румянцовъ предписалъ произвести или поискъ, или по крайней мѣрѣ демонстрацію. Главныя силы Румянцова переправились черезъ Дунай; на Вейсманѣ по прежнему сосредоточивался весь блескъ военныхъ дѣйствій.

Суворовъ назначилъ ночь съ 16 на 17 число для новаго поиска на туртукайскій лагерь. Атаковать приказано взводною колонной, взводамъ намыкать одному на другой и «заднимъ напихивать на передніе весьма». Арнауты Потемкина дѣйствуютъ въ лѣсахъ и набѣгами и ни съ кѣмъ не мѣшаются. Конница идетъ въ хвостѣ пѣхотной колонны и дѣйствуетъ сама собою. Изъ пѣхоты выбираются 48 стрѣлковъ, отдаются подъ начальство одного офицера и дѣйствуютъ по егерски. Идти на прорывъ, не останавливаясь; голова хвоста не ожидаетъ; командиры частей колонны ни о чемъ не докладываютъ, а дѣйствуютъ сами собой съ поспѣшностью и благоразуміемъ. При двухъ орудіяхъ достаточное число зарядовъ, но безъ ящиковъ; прочія пушки за-

крываютъ переправу; когда начнется дѣйствіе, имъ стрѣлять сильными холостыми зарядами. Строиться на горѣ фронтомъ, въ центрѣ два батальонные каре, по флангамъ оба батальона развернутымъ фронтомъ въ 6 шеренгъ; кавалерія назади. Переправа тремя линіями, въ третьей линіи конница. Судамъ возвращаться весьма поспѣшно и брать опять карабинеръ съ казаками. Атаковать двумя линіями, безъ замедленія, быстро и мужественно; на горѣ остается одно каре съ частью кавалеріи. Ежели Турки будутъ просить *аманъ*, то давать. Погоню за Турками можно дѣлать конницѣ, только осторожно и не далеко.

Всего въ отрядѣ было пѣхоты 1,720, регулярной конницы 855, казаковъ 680, арнаутъ 100, но на ту сторону переправлено немного больше 2,500 человѣкъ, въ томъ числѣ часть спѣшенныхъ карабинеръ. Турокъ было свыше 4,000, въ двухъ лагеряхъ, усиленныхъ укрѣпленіями и батареями.

Не задолго до наступленія ночи отплыла первая линія судовъ, наша артиллерія открыла огонь и заставила Турокъ очистить противуположный берегъ. Не обращая вниманія на непріятельскіе выстрѣлы, первая линія высадилась, построилась въ шестирядную колонну, взобралась на нагорный берегъ и заставила Турокъ бѣжать изъ малаго лагеря за оврагъ. Отсюда, пользуясь темнотою, они разсчитывали сдѣлать на Русскихъ нечаянное нападеніе; но маіоръ Ребокъ, согласно диспозиціи, двинулся впередъ, перешелъ два глубокіе оврага подъ сильнымъ огнемъ и отбилъ поведенную на него яростную атаку. За оврагами находился ретраншаментъ, гдѣ Турки сосредоточили свои силы; ими командовалъ главный начальникъ туртукайскаго отряда. Маіоръ Ребокъ поднялся на брустверъ ретраншамента и ударилъ въ штыки. Произошла жестокая свалка; Турки упорно держались 4 часа, дѣйствуя холоднымъ оружіемъ; почти всѣ русскіе офицеры были переранены. Наконецъ, послѣ колебаній побѣды въ обѣ стороны, Турки, несмотря на ихъ громадный перевѣсъ въ силахъ, были опрокинуты, благодаря энергіи, настойчивости и распорядительности Ребока. Два русскіе каре, выстроившіяся на горѣ и состоявшія подъ начальствомъ полков-

ника Батурина, не поддержали Ребока, какъ слѣдовало по диспозиціи, и тѣмъ едва не испортили все дѣло.

Суворовъ прибылъ со вторымъ отдѣленіемъ судовъ, что несовсѣмъ понятно, ибо, послѣ происшествія 7 числа, ему слѣдовало самому руководить дѣломъ съ самаго начала. Правда, главная роль предоставлялась храброму Ребоку, и онъ оправдалъ довѣріе Суворова. Кромѣ того, большую важность имѣла своевременная переправа второго отдѣленія судовъ, и Суворовъ самъ хотѣлъ присмотрѣть за этимъ дѣломъ; однако суда все-таки запоздали. Суворовъ тотчасъ подкрѣпилъ Ребока, добивавшаго Турокъ, перестроилъ войска сообразно съ обстоятельствами и послалъ арнаутовъ и казаковъ влѣво очистить лѣсъ отъ непріятеля, тревожить его съ тыла криками и увеличивать безпорядокъ, а самъ, въ ожиданіи третьей линіи судовъ съ конницей и артиллеріей, осмотрѣлъ ближайшую мѣстность. Непріятель пытался-было помѣшать высадкѣ третьей линіи, но неудачно; прибывшіе Ингерманландскіе карабиперы и казаки, при свѣтѣ давно уже наступившаго дня, помогли Суворову кончить дѣло. Турки принуждены были бросить свой второй, большой лагерь, находившійся у самаго берега Дуная, немного выше города, разными дорогами побѣжали къ Рущуку и были преслѣдуемы верстъ пять.

Такъ кончился бой, начатый Ребокомъ и довершенный кавалеріей; даже не вся пѣхота была введена въ дѣло. Русскимъ досталось 14 мѣдныхъ пушекъ и 35 разныхъ судовъ, кромѣ большого количества харчевыхъ запасовъ, которые отданы войску. Турокъ легло 600 — 800 человѣкъ, въ томъ числѣ начальникъ изъ Физулла-Сары-паша, котораго свалилъ ординарецъ Суворова, сержантъ Горшковъ. Потерю Русскихъ трудно опредѣлить съ точностію, по разнорѣчивости свѣдѣній; она во всякомъ случаѣ простиралась не меньше, какъ до 150 или до 200 убитыми и ранеными. Больше другихъ потерпѣлъ Астраханскій пѣхотный полкъ.

Войска вели себя прекрасно, несмотря на то, что и въ пѣхотѣ, и въ казакахъ было много новобранцевъ. Суворовъ впрочемъ успѣлъ подъучить ихъ на свой ладъ и очень хвалилъ

Салтыкову поведеніе ихъ въ бою. Проштрафилась немного часть карабинеръ, отправившись самовольно въ турецкій лагерь за добычей, но была проучена самими же Турками. Суворовъ служилъ всѣмъ образцомъ энергіи; будучи крайне истощенъ лихорадкой, онъ могъ двигаться не иначе, какъ съ помощью двухъ человѣкъ, поддерживавшихъ его подъ руки, и говорилъ такъ тихо, что при немъ находился офицеръ, для повторенія отдаваемыхъ имъ приказаній. Но въ немъ такъ былъ великъ перевѣсъ воли надъ физическою немощью, что подъ-конецъ дѣла онъ сѣлъ на лошадь.

Къ вечеру того же дня, Суворовъ возвратился на свой берегъ,ославъ Салтыкову извѣстіе о побѣдѣ и отправивъ маіора Ребока съ такимъ же донесеніемъ къ Румянцову.

Румянцовъ былъ очень доволенъ поискомъ на Туртукай, да и не могло быть иначе: дѣла его вообще шли не важно. Главныя силы переправились черезъ Дунай; Османъ-паша былъ разбитъ; важнѣйшее изъ передовыхъ укрѣпленій Силистріи взято, благодаря искуству и вѣрности взгляда Вейсмана; но Силистрія казалась слишкомъ сильною, и на овладѣніе ея надежды у главнокомандующаго почти не было. Силистрійскій гарнизонъ ожидалъ крупной подмоги; графъ Салтыковъ на среднемъ и верхнемъ Дунаѣ ничего не дѣлалъ, несмотря на настойчивыя требованія Румянцова, во всемъ находилъ неодолимыя затрудненія и Турокъ отъ Силистріи не оттянулъ. Только второй поискъ Суворова на Туртукай и поверхность, одержанная надъ Турками генералъ-поручикомъ Каменскимъ въ тотъ же день при Журжѣ, прикрыли нѣсколько неспособность и сонливость Салтыковскаго командованія.

Тотчасъ послѣ туртукайскаго дѣла, Суворову пришлось, вслѣдствіе полученнаго приказанія, оставить временно свой постъ и идти къ Журжѣ съ флотиліею и своимъ отрядомъ на усиленіе Салтыкова. Онъ оставилъ въ Негоешти рекрутъ Копорскаго полка, на Ингермандандскій карабинерный полкъ возложилъ охраненіе Негоешти, Обплешти и всего пространства между этими пунктами и самъ отправился на лодкахъ вверхъ по Дунаю. Съ нимъ были Астраханскій пѣхотный полкъ, ба-

тальонъ Апшеронскаго полка и шесть орудій; Астрахапскіе карабинеры и казаки слѣдовали берегомъ. Въ боевыхъ припасахъ ощущался крайній недостатокъ, а между тѣмъ предстояло проходить мимо турецкаго лагеря, расположеннаго въ 12 верстахъ ниже Рущука. Это сильно озабочивало Суворова, и онъ писалъ Салтыкову: «не знаю, какъ мнѣ пройти варварскій лагерь; въ баталію вступать, особливо морскую (на водѣ), апетиту нѣтъ; ежели потребно (будетъ), ваше сіятельство мнѣ помогите». Вскорѣ онъ послалъ другое письмо; безпокоясь за свой районъ и за Букарестъ, оставшіеся почти безъ защиты, онъ писалъ: «прикажите, ваше сіятельство, чтобы я со всею моею кучкою поворотилъ къ Негоештамъ; она не велика; человѣкъ съ сотню лучшихъ Астраханскаго пѣхотнаго полка молодцовъ убыло, кромѣ больныхъ, да и пообезсилѣли. Также надобно немножко выэкзерцировать, поразстроились... Вѣрьте, въ насъ вашему сіятельству прокъ не великъ, а во мнѣ и подавно, мнѣ надо выздоровѣть; придетъ чахотка—не буду годиться» [3]).

Волей-неволей Салтыкову пришлось исполнить просьбу Суворова: Ингерманландскій полкъ понадобился на другія потребности и былъ снятъ въ тотъ самый день, 21 іюня, какъ Суворовъ вернулся къ устью Аржиша. Суворовъ получилъ приказаніе препятствовать сообщенію Турокъ по Дунаю и грозить имъ новою экспедиціей, чтобы хоть нѣсколько отвлечь ихъ силы отъ Силистріи. Онъ принялся съ обычною горячностью и рвеніемъ строить укрѣпленія и батареи, исправлять флотилію, обучать подчиненныя войска. Дѣла было много, ибо опасность возрасла вслѣдствіе расширившагося до Ликорешти Суворовскаго района; Турки могли легко прорваться во внутрь Валахіи, еще легче потѣснить Русскихъ за Негоешти и сжечь на Аржишѣ флотилію. Суворовъ доносилъ объ этомъ Салтыкову, но безъ всякаго успѣха; приходилось положиться на самого себя.

Къ этому времени на другихъ мѣстахъ театра войны совершились довольно важныя событія. Румянцовъ, угрожаемый Турками съ тыла, стягивалъ войска обратно къ дунайской переправѣ и отрядилъ противъ угрожавшаго корпуса генералъ-маіора Вейсмана. Произошло 22 іюня сраженіе при Кучукъ-Кайнарджи;

несмотря на огромный перевѣсъ, Турки были разбиты. Но побѣда стала Русскимъ тяжеле пораженія: герой Вейсманъ былъ убитъ. Отражая атаки Турокъ, онъ стоялъ въ шеренгѣ передняго фаса каре; пуля пробила ему руку, грудь и попала въ сердце. Падая, онъ успѣлъ только сказать: «не говорите людямъ». Но солдаты узнали про свое горе; ярость ихъ дошла до крайности: Туркамъ уже не давали пощады и даже перекололи плѣнныхъ. Вейсманъ обладалъ крупными военными талантами и пользовался безграничнымъ довѣріемъ войскъ; имя его было самымъ популярнымъ въ рядахъ Румянцовской арміи. По складу своего военнаго дарованія, по неустрашимости, энергіи, вѣрности военнаго взгляда, онъ представлялъ много однороднаго съ Суворовымъ, и въ этой однородности лежалъ залогъ его славной будущности, еслибы Богъ продлилъ его жизнь.

Вскорѣ Румянцовъ перешелъ обратно за Дунай, вслѣдствіе изнуренія кавалеріи и затрудненій въ снабженіи ея фуражомъ. Стали ждать случая для рѣшительныхъ дѣйствій и принимали тѣмъ временемъ мѣры противъ наступательныхъ попытокъ непріятеля.

Укрѣпленія у Суворова росли, батареи воздвигались, флотилія увеличивалась, приходила въ порядокъ и крейсировала частями по Дунаю; партіи казаковъ безпрестанно переправлялись на турецкую сторону для поисковъ; войска то работали, то дѣятельно обучались. Особенное вниманіе Суворовъ обращалъ на рекрутъ и старался не выпустить ихъ изъ своихъ рукъ; въ этомъ желаніи сказывался военный педагогъ по призванію. Онъ пишетъ 22 іюня Салтыкову: «рекруты Мелина хороши, не замайте ваше сіятельство: у меня побудутъ, лучше научатся и жить будетъ не хуже». Въ другомъ письмѣ его, отъ 27 іюня, читаемъ: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку, только бы ее тамъ поберегли отъ палокъ и чудесъ. Астраханскаго пѣхотнаго не велика, ее съ прочими въ полку тяжело опознать. Берегусь я, чтобы такихъ изъ рекрутъ въ командированіяхъ не отдѣлять, а съ прочими наравнѣ. Апшеронская рекрутская команда у маіора Теглева изъ 150 до 50 охворовала;

онъ можетъ быть въ Букарестѣ за дѣвушками ходилъ,— изрядный подданный своей Императрицы» [3]).

Не мудрено, что Суворовъ такъ безцеремонно отзывался о Теглевѣ; здоровье солдатъ было его конькомъ. Но былъ онъ недоволенъ не однимъ Теглевымъ. Онъ проситъ Салтыкова замѣнить нѣсколько штабъ-офицеровъ другими, ибо «одинъ неискусный, баламутитъ; другой—недавно изъ колыбели»; Батурина проситъ взять прочь. Батуринъ былъ имъ назначенъ комендантомъ въ Негоешти, отпрашивался по болѣзни въ Букарестъ и, не дождавшись разрѣшенія, уѣхалъ; Суворовъ требуетъ это дѣло изслѣдовать и «учинить сатисфакцію». Батуринъ оказался однако правымъ, ибо въ отсутствіе Суворова получилъ разрѣшеніе отъ старшаго по немъ, полковника князя Мещерскаго. Надо замѣтить, что Суворовъ пишетъ Салтыкову откровенно обо всемъ дурномъ, но не иначе, какъ письмами; въ официальныхъ же бумагахъ ничего подобнаго не говоритъ. Салтыковъ требовалъ отъ него формальнаго заявленія о негодности Батурина, но Суворовъ не согласился. Его понятія въ этомъ отношеніи мало отличались отъ ходячихъ, общепринятыхъ. Хотя въ позднѣйшую пору своей жизни онъ говаривалъ, что «служба и дружба — двѣ паралельныя линіи: не сходятся» [6]), однако и теперь, и позже, незамѣтно для себя, не всегда держался этого положенія и часто шелъ на компромиссы, въ смыслѣ примѣненія къ обстоятельствамъ. Въ настоящемъ случаѣ, явившись на Дунай человѣкомъ чужимъ, безъ поддержки, безъ знакомствъ и пріятелей, онъ старался утвердиться прежде всего на ногахъ, пустить корни въ почвѣ и потому дорожилъ всѣмъ тѣмъ, что освоивало его съ новой средой. Батуринъ былъ временнымъ начальникомъ поста, куда Суворовъ прибылъ изъ Петербурга, и командиромъ полка; съ нимъ Суворовъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ; Батурину удалось даже оказать ему кое-какія услуги. Оттого Суворовъ пишетъ 28 іюня Салтыкову: «Батурина формально представлять — отъ меня не станется: сердце не такое. Всякій полковникъ имѣетъ у себя многихъ пріятелей; такъ и онъ въ числѣ тѣхъ меня, что до партикулярности, по которой я имъ обязанъ; что же до субординаціи, я могу сказать, что онъ ее

довольно наблюдалъ, кромѣ сего разу» (отъѣздъ въ Букарестъ). Главною же виною Батурина Суворовъ считаетъ 17 число, когда онъ «своею храбростью надменъ, распоровши диспозицію при началѣ, довольно было насъ всѣхъ опасности подвергъ, по малой мѣрѣ людей у насъ по-больше желаемаго перепортили» [3]).

Для лучшаго уясненія этой, повидимому, двойственности въ поступкахъ Суворова, не мѣшаетъ имѣть въ виду его правило, присущее во всѣ времена многимъ начальникамъ и выражающееся избитою фразой: «не дѣлать человѣка несчастнымъ». Суворовъ отступалъ отъ этого принципа въ случаяхъ рѣдкихъ, когда правило оказывалось совсѣмъ неприложимымъ, напр. при захватѣ въ Польшѣ краковскаго замка непріятелемъ въ 1772 году. Справедливо ли спасать отъ несчастья человѣка, который былъ и впереди можетъ быть причиною несчастія десятковъ, сотенъ, а иногда и тысячъ другихъ людей, — это другой вопросъ, притомъ вопросъ ума, тогда какъ желаніе не губить есть побужденіе сердца. Въ результатѣ возни съ Батуринымъ оказалось, что въ августѣ 1773 года, когда вышло награжденіе отличившихся въ военныхъ дѣйствіяхъ орденомъ св. Георгія, 4 классъ этого ордена получили и Ребокъ, и Батуринъ. Изъ краткаго изложенія въ указѣ отличій, за кои жалуются ордена, можно заключить, что Батуринъ получилъ георгіевскій крестъ за первое туртукайское дѣло, а Ребокъ за второе. Получилъ и Суворовъ такъ горячо имъ желанный 2 классъ Георгія [7]).

Іюля 7 послѣдовало новое росписаніе полковъ по отрядамъ; Суворова назначили къ Потемкину. Новость эта его поразила, онъ припялъ свое перемѣщеніе за знакъ неудовольствія главнокомандующаго. Еще такъ недавно онъ, Суворовъ, тяготился своимъ бездѣйствіемъ и былъ недоволенъ своимъ положеніемъ; теперь освѣщеніе вдругъ перемѣнилось. «Громъ ударилъ, мнѣ сего не воображалось. Прошу иного, ваше сіятельство, можете ли помочь? Лишь бы только съ честью отсюда выйти. Всего основанія не знаю; больно!.. Будетъ ли по малой мѣрѣ мнѣ желаемое награжденіе? Не оставьте того, милостивый государь. Бѣгать за лаврами неровно, иногда и голову сломишь по Вейсманову, да еще хорошо, коли съ честью и пользой. Наконецъ и то

выдти можетъ, что (если) не такъ, то такой какъ я, а что хорошо, то не я». Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ отъ Румянцова извѣщеніе о назначеніи его въ главныя силы. Собираясь 11 числа уѣзжать, онъ написалъ графу Салтыкову послѣднее, прощальное письмо, а Румянцову донесъ, что будетъ немедленно [3]).

Въ отношеніяхъ Суворова къ Салтыкову не замѣчалось повидимому ничего дурного, но они не были искренни и дѣйствительно хороши. Суворовъ былъ требователенъ и въ требованіяхъ своихъ настойчивъ; неспособность Салтыкова била ему въ глаза, и онъ не сдерживалъ языка, не скупился на ироническія выходки и остроты. Многіе писатели упоминаютъ про одну его злую насмѣшку, передавая ее различно. Кажется сарказмъ состоялъ въ томъ, будто «Каменскій знаетъ военное дѣло, но оно его не знаетъ; Суворовъ не знаетъ военнаго дѣла, да оно его знаетъ, а Салтыковъ ни съ военнымъ дѣломъ незнакомъ, ни самъ ему неизвѣстенъ». Услужливые люди передавали Салтыкову подобные отзывы Суворова и черезъ то отношенія между начальникомъ и подчиненнымъ конечно не выигрывали. Въ числѣ такихъ людей, генералъ-поручикъ Каменскій занималъ не послѣднее мѣсто. Не любя Суворова, онъ въ то же время кололъ имъ Салтыкова. Въ одномъ приличномъ, но довольно ядовитомъ письмѣ къ послѣднему, онъ забавляется насчетъ второй туртукайской побѣды Суворова и бездѣйствія самого Салтыкова. Въ другомъ, по случаю состоявшагося перевода Суворова, Каменскій пишетъ, что вѣроятно онъ, графъ Салтыковъ, доволенъ этой перемѣной, «ибо не знаю, кто изъ васъ двухъ былъ въ Негоешти начальникомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Суворовъ сталъ посылать донесенія прямо фельдмаршалу».

Уѣзжая, Суворовъ оставлялъ свой постъ въ превосходномъ состояніи. Флотилія доведена была до 101 судна разной величины, способныхъ поднять 5,500 человѣкъ пѣхоты и 1,500 конницы. Даже Каменскій не могъ не отдать ему въ этомъ отношеніи справедливости и еще въ половинѣ іюня писалъ Салтыкову, что нашелъ флотилію и укрѣпленія въ такомъ состояніи, что и не воображалъ, и что Суворовъ видимо очень много потру-

дился. Нѣтъ сомнѣнія, что Суворовъ еще больше потрудился по обученію войскъ, — предметъ, который никто не цѣнилъ въ надлежащей мѣрѣ. Вообще же онъ доказалъ на своемъ дунайскомъ посту, что умѣя побѣждать непріятеля въ бою, умѣетъ и обезпечивать побѣду заранѣе.

Немедленно отправиться къ Румянцову Суворову однако не удалось. Сходя по наружной лѣстницѣ негоештскаго монастыря, мокрой отъ недавняго дождя, онъ, будучи нетвердъ на ногахъ отъ туртукайской раны, поскользнулся и упалъ на спину. Ушибъ и сотрясеніе были такъ сильны, что Суворовъ едва дышалъ, и его принуждены были отвезти въ Букарестъ; только послѣ двухъ-недѣльнаго леченія могъ онъ отправиться къ главнымъ силамъ.

Главнокомандующій оцѣнилъ службу Суворова и понялъ, что онъ одинъ можетъ замѣнить Вейсмана. Русскія войска занимали въ это время по ту сторону Дуная единственный постъ, Гирсово, который очень стѣснялъ Турокъ и потому былъ уже предметомъ двукратныхъ ихъ покушеній. Здѣсь предполагалось вторично перенести рѣшительныя дѣйствія на тотъ берегъ; по близости, при устьѣ Яломицы, расположились главныя силы Русскихъ. На этотъ то постъ и назначилъ Румянцовъ Суворова: Онъ писалъ Суворову 4 августа, что надѣясь на его извѣстное искуство, предоставляетъ ему охраненіе и оборону Гирсова, не стѣсняя подробною инструкціей, какъ генерала, отличающагося военными достоинствами. Почти во всѣхъ другихъ своихъ ордерахъ Румянцовъ называетъ Суворова искуснымъ и благоразумнымъ генераломъ и доноситъ 8 августа Императрицѣ, что «важный гирсовскій постъ поручилъ Суворову, ко всякому дѣлу свою готовность и способность подтверждающему».

Повидавшись съ главнокомандующимъ и получивъ отъ него наставленіе, Суворовъ отправился въ Гирсово. Онъ долженъ былъ высылать оттуда разъѣзды и, при случаѣ, предпринять поискъ во внутрь непріятельскаго расположенія, оттягивая на себя турецкія силы и ослабляя ихъ на верхнемъ и нижнемъ Дунаѣ. Гирсовскій отрядъ обязанъ былъ сохранять тѣсныя сношенія съ генераломъ Унгернмъ, который готовился къ поиску,

въ случаѣ надобности помочь ему и даже соединяться съ нимъ для общихъ наступательныхъ дѣйствій. Въ распоряженіе Суворова была еще отдана бригада генералъ-маіора Милорадовича, стоявшая при устьѣ Яломицы, которую онъ во всякое время имѣлъ право притянуть къ себѣ.

Прибывъ въ Гирсово, Суворовъ осмотрѣлъ въ подробности свой постъ и нашелъ, что онъ недостаточно обезпеченъ отъ турецкихъ покушеній. Первымъ дѣломъ онъ назначилъ мѣста для дополнительныхъ укрѣпленій и приказалъ ихъ насыпать, а также исправлять крѣпостные верки; затѣмъ составилъ планъ обороны, сводившійся къ тому, чтобы обоимъ отрядамъ, Унгерна и Суворова, атаковать Турокъ при Карасу. Румянцовъ, болѣе опытный и менѣе рѣшительный, не одобрилъ предположеній Суворова, а между тѣмъ, еслибъ они были приведены въ исполненіе тотчасъ же, то турецкій корпусъ подъ Карасу былъ бы разбитъ, ибо считалъ въ своихъ рядахъ не свыше 10,000 человѣкъ, какъ впослѣдствіи оказалось.

Ожидая непріятельскаго наступленія отъ Карасу, Суворовъ въ концѣ августа притянулъ къ Гирсову бригаду Милорадовича и въ своемъ разсчетѣ не ошибся. Возводимыя укрѣпленія были еще далеко не окончены, какъ въ ночь на 3 сентября, въ 20 верстахъ отъ Гирсова, показалась турецкая конница. Утромъ Турки усилились и потѣснили передовые посты; къ полудню непріятель былъ на пушечный выстрѣлъ отъ Гирсова. Суворовъ не хотѣлъ его атаковать тотчасъ же, а думалъ приманить поближе, для чего и выказывалъ разные признаки своей слабости; но въ крѣпости не вытерпѣли, открыли огонь слишкомъ рано. Турки попятились. Суворовъ выслалъ казаковъ, приказавъ имъ завязать перестрѣлку. Болѣе часа продолжалась перестрѣлка; Турки понемногу подвигались впередъ. Чтобы приманить ихъ, Суворовъ приказалъ казакамъ отступать, не торопясь, а потомъ вдругъ, какъ будто въ паническомъ страхѣ, удариться въ бѣгство.

Какъ только казаки очистили поле, Турки стали развертывать свои силы и строиться. Зрѣлище было необычное: сражавшіеся до сей поры нестройными толпами и кучами, мусульмане

выстроились въ три линіи, на европейскій ладъ, и въ порядкѣ двинулись впередъ. Таковъ былъ результатъ недавнихъ уроковъ французскихъ офицеровъ, но онъ не послужилъ Туркамъ въ прокъ. Суворовъ смотрѣлъ на маневрирующаго непріятеля, указывалъ его своимъ приближеннымъ и смѣялся.

Турецкая пѣхота подошла къ гирсовскимъ укрѣпленіямъ довольно близко, но русская артиллерія молчала; даже на передовомъ редутѣ, который могъ бы давно открыть пальбу, не было видно людей. Турки прибавили шагу, повернули направо, примкнули правымъ флангомъ къ рѣчкѣ Боруй и приняли положеніе, паралельное Дунаю. Тутъ они поставили батарею и открыли огонь по ближайшему изъ трехъ русскихъ укрѣпленій. Шанецъ, имѣвшій маскированныя амбразуры, не отвѣчалъ; Турки разсыпали часть своей пѣхоты и стали подходить. Окруживъ шанецъ со всѣхъ сторонъ, они приблизились на половину картечнаго выстрѣла и мгновенно бросились въ атаку. Нападеніе было такое быстрое, что Суворовъ, находившійся внѣ укрѣпленія для наблюденій, едва успѣлъ спастись внутрь. Атакующихъ встрѣтилъ жестокій картечный огонь, но они все таки успѣли добраться до самаго палисада.

Бригада Милорадовича изъ Сѣвскаго и 2 Московскаго полковъ, весьма слабаго состава, командуемая по болѣзни бригаднаго командира полковникомъ княземъ Мочебеловымъ, стояла за рѣчкою Боруй. Какъ только Турки, атаковавшіе шанецъ, не выдержавъ огня, побѣжали назадъ къ своей батареѣ, — Мочебеловъ перебрался чрезъ Боруй и двумя карэями двинулся противъ праваго фланга и центра непріятельскаго расположенія. Вслѣдъ затѣмъ на лѣвый турецкій флангъ направился изъ освободившагося отъ атаки шанца 1 Московскій полкъ. Такимъ образомъ произведена общая на Турокъ атака. Турки особенно дорожили своимъ правымъ флангомъ и держались тутъ упорно, такъ-что сбить ихъ съ высоты удалось послѣ многихъ усилій и большихъ потерь, да и затѣмъ, пользуясь пересѣченною мѣстностью, непріятель старался удержаться въ оврагахъ и ущельяхъ, откуда русскія войска должны были его выбивать послѣдовательно. Лишь потерявъ послѣднюю надежду на успѣхъ, правый

флангъ Турокъ пустился на утекъ, бросивъ свою батарею. Войска центра и лѣваго фланга, атакованныя Русскими и отрѣзанныя отъ своего праваго фланга, также принуждены были уступить, и бѣгство Турокъ сдѣлалось общимъ.

Суворовъ послалъ гусаръ для преслѣдованія бѣгущихъ, а вслѣдъ за ними двинулся самъ съ частью пѣхоты. Но пѣхота не могла догнать непріятеля, бѣжавшаго безъ оглядки и бросавшаго на пути всякую лишнюю тяжесть, даже одежду. Пѣхота возвратилась въ Гирсово, а гусары съ казаками гнали непріятеля еще верстъ 30, и именно во время своего бѣгства Турки потеряли особенно много людей убитыми и ранеными. Гусары должны были прекратить преслѣдованіе за крайнимъ изнуреніемъ лошадей, казаки же продолжали почти всю ночь тревожить непріятеля.

Наблюдая Турокъ утромъ, до сраженія, Суворовъ опредѣлялъ ихъ численность въ 10 –12 тыс. человѣкъ; плѣнные показали 10,000. Убитыхъ сосчитано свыше 1,100, но въ дѣйствительности потеря Турокъ превосходила эту цифру, такъ какъ въ бурьянѣ и въ оврагахъ валялось много тѣлъ, которыя не были видны. Орудій взято 7 и почти весь обозъ съ провіантомъ и другимъ имуществомъ. Съ нашей стороны боевыя силы были гораздо меньше; хотя частей войскъ у Суворова было не мало, но половина ихъ отличалась чрезвычайно слабымъ составомъ, такъ напримѣръ, въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ состояло въ строю не больше 200 штыковъ. Общее число войскъ Суворова едва ли превосходило многимъ 3,000 человѣкъ; изъ нихъ убитыхъ и раненыхъ насчитывали нѣсколько меньше 200.

Румянцовъ приказалъ отслужить во всей арміи благодарственный молебенъ и 5 числа написалъ Суворову: «за побѣду, въ которой признаю искуство и храбрость предводителя и мужественный подвигъ ввѣренныхъ вамъ полковъ, воздайте похвалу и благодареніе именемъ моимъ всѣмъ чинамъ, трудившимся въ семъ дѣлѣ».

Излагая вкратцѣ гирсовское дѣло въ своей автобіографіи, Суворовъ говоритъ, что дальнѣйшія подробности извѣстны по реляціямъ, «въ которыя онъ мало вникалъ и всегда почиталъ

дѣло лучше описанія». При этомъ онъ обращаетъ вниманіе начальниковъ на слѣдующій фактъ: у князя Мочебелова изъ 100 раненыхъ солдатъ ни одинъ не умеръ, до того былъ попечителенъ о своихъ людяхъ этотъ достойный начальникъ. Такое замѣчаніе есть характерная черта, противорѣчащая многимъ ходячимъ о Суворовѣ мнѣніямъ, особенно нѣкоторыхъ изъ его современниковъ.

Суворовъ надолго остался безъ дѣла и продолжалъ сидѣть въ Гирсовѣ даже съ наступленіемъ зимы. Румянцовъ, назначая его въ Гирсово, приказалъ заняться постройкою помѣщеній для войскъ, но въ ноябрѣ получилъ доносъ, будто Суворовъ только для себя построилъ земляпку, а войска остаются безъ крова. Румянцовъ велѣлъ Потемкину изслѣдовать это дѣло и принять мѣры къ исполненію давно отданнаго приказанія. Остается неизвѣстнымъ, что нашелъ Потемкинъ; по всей вѣроятности доносъ оказался ложнымъ. Въ августѣ и можетъ быть въ сентябрѣ у Суворова была пастоятельная забота о приведеніи гирсовскаго поста въ надежное оборонительное состояніе, но затѣмъ и начальникъ, и войска оставались безъ дѣла. Такое бездѣйствіе прямо противорѣчило основнымъ правиламъ Суворова, считавшаго постоянный солдатскій трудъ совершенною необходимостью, а заботливость о здоровьѣ войскъ, постоянно ему присущая, не дозволяетъ допустить мысли объ оставленіи солдатъ безъ крова *).

Безцвѣтная и безплодная кампанія 1773 года окончилась. Переходъ черезъ Дунай не повелъ ни къ какимъ серьезнымъ результатамъ; надежды и ожиданія Императрицы остались неисполненными. Суворову нечего было дѣлать въ арміи съ наступленіемъ зимы; въ ноябрѣ или въ началѣ декабря онъ, съ разрѣшенія главнокомандующаго, уѣхалъ въ отпускъ въ Москву, на короткое время. Его однако задержало тутъ обстоятельство совершенно особаго рода — онъ женился, а потому поѣхалъ въ обратный путь лишь во второй половинѣ февраля. Впрочемъ къ началу кампаніи 1774 года онъ все-таки не опоздалъ; жена осталась въ Москвѣ.

Предположенія Румянцова на этотъ годъ состояли въ томъ, чтобы перенести дѣйствія за Дунай и проникнуть до Балканъ.

Императрица одобрила его мысли и указала ему на необходимость рѣшительныхъ наступательныхъ операцій, дабы какъ можно скорѣе окончить войну. Рано открыть кампанію оказалось однако невозможнымъ: стояла сильная стужа, рекруты не прибыли, предметы обмундированія и снаряженія не успѣли дойти. А между тѣмъ султанъ умеръ, на престолъ вступилъ его братъ, Абдулъ-Гамидъ, который хотя тоже повелъ гаремную жизнь, но счелъ долгомъ сдѣлать воинственное воззваніе къ подданнымъ, и Турки, по полученнымъ свѣдѣніямъ, готовились перейти Дунай для наступательныхъ дѣйствій. Румянцовъ разсчитывалъ открыть кампанію въ началѣ мая; главныя его силы должны были собраться къ Браилову; для праваго крыла генералъ-поручика князя Репнина сборнымъ пунктомъ указана Слободзея; лѣвому крылу Каменскаго — Измаилъ; резерву подъ начальствомъ Суворова, уже прибывшаго къ арміи, устье р. Яломицы. Отрядъ графа Салтыкова оборонялъ Банатъ, защищалъ верхній Дунай и охранялъ Журжу.

Суворовъ долженъ былъ охранять Гирсово, наблюдать за Силистріей и вступить въ сношеніе съ Каменскимъ для совокупныхъ дѣйствій. Румянцовъ предоставилъ имъ самимъ и время, и направленіе ихъ операцій, а также рѣшеніе вопроса — вмѣстѣ имъ дѣйствовать или порознь. Они съѣхались и положили: не дѣлая попытокъ ни на Варну, ни на Силистрію, постараться разбить непріятеля въ полѣ, для чего и произвести общее наступленіе къ Базарджику, а потомъ къ Козлуджи. Румянцовъ одобрилъ планъ, измѣнивъ лишь нѣкоторыя подробности; между прочимъ Каменскій долженъ былъ направиться отъ Карасу къ Базарджику, а Суворовъ идти паралельно съ нимъ, прикрывая его со стороны Силистріи. Впрочемъ Румянцовъ снова предоставилъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію, но съ тѣмъ, чтобы въ спорныхъ вопросахъ первенство принадлежало Каменскому, какъ старшему. Дивизія Репнина получила приказаніе — въ случаѣ требованія Суворова, идти къ нему на помощь за Дунай.

Мы подошли теперь къ событію, по поводу котораго не лишнее будетъ припомнить, что всякое дѣло имѣетъ свою лицевую и свою оборотную сторону, и судить о немъ по одной пер-

вой нельзя. Въ особенности это приложимо къ войнѣ, гдѣ возбуждены страсти; сильнѣе, чѣмъ когда-либо, дѣйствуютъ зависть, честолюбіе, самолюбіе; гдѣ рискуешь очень многимъ, но за то можешь и выиграть очень многое. Тутъ почти каждый обнаруживаетъ, самъ того не замѣчая, и самыя выгодныя, и самыя невыгодныя свои качества; рѣдко кто сохраняетъ свой нормальный средній уровень, потому что находится въ положеніи ненормальномъ. Подобныя крайности, преимущественно въ дурную сторону, значительно сглаживаются на лицевой, т.-е. офиціальной оболочкѣ дѣла, а иногда и вовсе на ней не выступаютъ. Даже при политическихъ переворотахъ, когда мысль и слово получаютъ полную свободу, и тогда офиціальная сторона войны остается все-таки лицомъ и скрываетъ подъ собою мало похожую на лицо изнанку. Оттого исторія военнаго времени, особенно въ случаяхъ острыхъ, не можетъ ограничиться одними офиціальными данными, если она, какъ и должно быть, хочетъ изобразить дѣйствительную правду.

Въ сраженіи при Козлуджи, къ которому теперь переходимъ, оборотная сторона расходится съ лицевою, казовою, причемъ офиціальное изображеніе дѣла противорѣчитъ истинѣ, кромѣ развѣ техническихъ подробностей, да и то не безусловно [8]).

Каменскій выступилъ къ Базарджику; Суворовъ долженъ былъ выступить туда же 28 мая, но поджидая нѣкоторыхъ неприбывшихъ полковъ, тронулся лишь 30 числа, донеся Румянцову о причинѣ замедленія. Пошелъ онъ не по условленной дорогѣ, а по другой, будто бы болѣе удобной, которая однакоже оказалась очень дурной. Поджиданіе войскъ могло быть дѣйствительно резономъ для замедленія, но неувѣдомленіе Каменскаго объ измѣненіи маршрута было поступкомъ непзвинительнымъ. Каменскій донесъ Румянцову, что Суворовъ неизвѣстно гдѣ находится, поступаетъ какъ независимый отъ него, Каменскаго, генералъ и его распоряженій не слушаетъ. Главнокомандующій послалъ отыскать Суворова и замѣтилъ Каменскому, что онъ, Каменскій, самъ имѣетъ всѣ способы заставить Суворова повиноваться. Во всемъ этомъ прежде всего виноватъ Румянцовъ, не подчинившій Суворова Каменскому прямо и безусловно; если же

онъ сдѣлалъ это изъ желанія воспользоваться дарованіями Суворова, то не слѣдовало ставить его и въ условную зависимость отъ Каменскаго.

Каменскій, послѣ удачнаго дѣла, занялъ Базарджикъ 2 іюня и перешелъ въ деревню Юшенли 9 числа, чтобы вести оттуда наступленіе къ Шумлѣ; вскорѣ прибылъ туда и Суворовъ, выступившій съ почлега въ часъ ночи. Онъ тотчасъ же отправился съ кавалеріею и арнаутами на рекогносцировку, какъ утверждаетъ очевидецъ, противъ воли Каменскаго. Одновременно съ наступленіемъ Русскихъ, но ничего про него не зная, визирь вздумалъ сдѣлать поискъ къ Гирсову, что и возложилъ на рейсъ-эфенди Абдулъ-Разака и на янычарскаго агу, съ 40,000-мъ корпусомъ. Они выступили изъ Шумлы и прибыли въ Козлуджи въ тотъ самый день, какъ Каменскій двинулся изъ Базарджика. Такимъ образомъ 9 іюня и Русскіе, и Турки находились невдалекѣ другъ отъ друга, сами того не подозрѣвая; ихъ раздѣлялъ густой лѣсъ, чрезъ который пролегала одна узкая, дурная дорога. Казаки и часть регулярной кавалеріи Суворова углубились по этой дорогѣ въ лѣсъ для развѣдокъ, наткнулись на турецкіе разъѣзды и взяли въ плѣнъ генералъ-квартирмейстера съ нѣсколькими офицерами, но затѣмъ должны были ретироваться. Ихъ подкрѣпили, и они снова вступили въ лѣсъ; слѣдомъ двинулся Суворовъ съ частью пѣхоты, но турецкій авангардъ опять опрокинулъ русскую кавалерію и съ большой горячностью, внезапно, атаковалъ пѣхоту. Самъ Суворовъ едва не попался въ руки непріятеля и, только благодаря быстротѣ своего копя, успѣлъ ускакать отъ гнавшагося за нимъ спага. Русскіе пострадали при этомъ порядочно; Албанцы, захвативъ довольно значительное ихъ число, отрѣзали имъ головы и продолжали вести атаки съ яростью и громкими криками. Русскіе отступали, положеніе ихъ становилось опаснымъ, такъ какъ Турки видѣли уже въ своихъ рукахъ побѣду, а при такихъ обстоятельствахъ они дѣйствуютъ съ большою смѣлостью и энергіей.

Тѣмъ временемъ прибыли ко входу въ лѣсъ два пѣхотные полка бригадира князя Мочебелова, въ томъ числѣ Суздальскій, построились въ одно общее каре и открыли сильный огонь. Ал-

банцы продолжали упорствовать въ своихъ атакахъ, но не долго; затѣмъ остановились и наконецъ перешли въ отступленіе.

Замѣтивъ это, когда пороховой дымъ разсѣялся, Суворовъ двинулся впередъ. Лѣсная дорога оказалась загроможденной брошенными турецкими обозами, волами, трупами убитыхъ людей. Стояла страшная жара, а войска Суворова съ ночлега ничего не ѣли, и лошади не были напоены. Турки останавливались и переходили въ наступленіе, такъ-что слѣдовавшая въ русскомъ авангардѣ кавалерія генерала Левиса, присланная Каменскимъ, временами должна была прибѣгать къ защитѣ пѣхоты, а пѣхота лишь на лужайкахъ имѣла возможность нѣсколько развертываться. Войска были въ изнеможеніи; многіе солдаты умерли на пути отъ крайняго истощенія силъ.

Такимъ образомъ около 9 верстъ двигался впередъ Суворовъ, пока достигъ наконецъ выхода изъ лѣса. Въ этотъ моментъ разразился ливень, что нѣсколько освѣжило наши истомленныя войска, а Туркамъ послужило въ ущербъ, потому что ихъ длинная и широкая одежда намокла, стала для движеній тяжела и неудобна, и находившіеся въ карманахъ патроны подмокли.

На 8 или 9-верстной полянѣ, передъ Козлуджи, стояла на высотахъ турецкая армія, и были устроены батареи, которыя тотчасъ же и открыли огонь. Суворовъ быстро построилъ войска нѣсколькими разной величины кареями, въ двухъ боевыхъ линіяхъ, съ кавалеріею преимущественно по флангамъ. Легкія войска неотступно слѣдовали за непріятельскимъ авангардомъ, взошли на высоты и завязали перестрѣлку, но были сбиты, и Турки повели стремительную атаку противъ двигавшихся впередъ главныхъ силъ Суворова. Атака была отбита, но повторена послѣдовательно нѣсколько разъ; Туркамъ удавалось прорывать атакованныя каре, которыя поэтому поразстроились, однако всѣ атаки отбили. Для поддержки атакуемыхъ, значительная часть кавалеріи переведена на лѣвый флангъ и разстроенныя каре подкрѣплены пѣхотой съ праваго фланга и изъ второй линіи. Въ такомъ порядкѣ Суворовъ продолжалъ наступленіе, хотя полевая артиллерія не успѣла еще подойти, задержанная трудною лѣсною дорогой. На полянѣ находилось до 8,000 нашихъ войскъ; про-

чія, большая часть войскъ Каменскаго, еще не подошли и прибыли къ полю сраженія по окончаніи боя,—одинъ полкъ въ тотъ же вечеръ, остальные на слѣдующее утро.

Поляна представляла собою мѣстность неровную, покрытую кустарникомъ; передъ фронтомъ турецкаго лагеря тянулась лощина. Подойдя къ этой лощинѣ, Суворовъ выставилъ подоспѣвшія къ тому времени 10 полевыхъ орудій, въ продолженіе нѣкотораго времени обстрѣливалъ лагерь и затѣмъ повелъ атаку, съ кавалеріею впереди.

Въ турецкомъ лагерѣ господствовалъ совершенный хаосъ, результатъ быстраго перехода отъ напряженнаго одушевленія къ отчаянію. Рейсъ-эфенди старался привести свои разстроенныя войска въ порядокъ, но никто и не думалъ слушаться. Одни обрубали постромки у артиллерійскихъ лошадей, чтобы добыть себѣ коней для бѣгства; другіе съ этою же цѣлію стрѣляли во всадниковъ, одинъ выстрѣлилъ даже въ самого рейсъ-эфенди. Въ разгарѣ этой суматохи раздались выстрѣлы русской артиллеріи, и ядра стали ложиться въ лагерѣ. Тогда смятеніе мусульманъ дошло до послѣдняго предѣла; брошены палатки, орудія, обозъ, и все устремилось въ бѣгство въ разныя стороны.

При закатѣ солнца, Суворовъ безпрепятственно занялъ турецкій лагерь. Добыча досталась войскамъ очень большая, вмѣстѣ съ трофеями, состоявшими изъ 29 орудій и 107 знаменъ. Потеря Турокъ людьми исчисляется различно; самый умѣренный счетъ показываетъ 500 убитыхъ и 100 плѣнныхъ, но судя по упорству и продолжительности боя, истинная цифра должна быть выше. Уронъ Русскихъ опредѣляется слишкомъ въ 200 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, но это исчисленіе слѣдуетъ признать также ниже дѣйствительности.

Несмотря на крайнее утомленіе войскъ, Суворовъ съ кавалеріею и частью пѣхоты преслѣдовалъ Турокъ, пока пала ночь. Въ этотъ трудный день онъ былъ все время на конѣ, часто въ огнѣ и даже въ ручномъ бою.

Въ такомъ видѣ представляется дѣло при Козлуджи, насколько возможно добиться истины изъ сопоставленія разныхъ авторовъ съ офиціальнымъ донесеніемъ. Самъ Суворовъ въ своей авто-

біографіи говоритъ: «ни за релящію, ниже за донесеніе свое я по слабости своего здоровья не отвѣчаю». Резонъ конечно натянутый и даже забавный, но вѣрно то, что слава побѣды принадлежитъ Суворову. Каменскій только содѣйствовалъ успѣху и притомъ въ ограниченномъ размѣрѣ; главной роли, которая ему принадлежала по праву, не имѣлъ и былъ, такъ сказать, втянутъ Суворовымъ къ второстепенному участію въ дѣлѣ. Суворовъ видимо уклонялся отъ своего зависимаго положенія, тѣмъ болѣе тяготясь имъ, что недавно, въ мартѣ, былъ произведенъ въ генералъ-поручики, т.-е. состоялъ въ одномъ чинѣ съ Каменскимъ, который самъ получилъ это повышеніе лишь въ прошломъ году. Какъ ни мелкимъ кажется это обстоятельство въ примѣненіи къ такому крупному человѣку, какъ Суворовъ, но значеніе чина въ военной службѣ настолько велико, что имъ дорожитъ каждый. А для Суворова значеніе чина было больше, чѣмъ для кого другого, потому что военно-іерархическая лѣстница служила ему препятствіемъ къ приложенію его дарованій въ широкомъ размѣрѣ, и это препятствіе неудержимо понуждало его искать выхода изъ подчиненія начальникамъ неспособнымъ или меньше его способнымъ. А кто же былъ способенъ не только больше, но и наравнѣ съ Суворовымъ?

Едва ли нужно доказывать, что выходки Суворова по отношенію къ Каменскому заслуживаютъ полнаго осужденія. Онъ грѣшилъ противъ самого себя; его поведеніе прямо противорѣчило принципамъ, на которыхъ онъ самъ строилъ образованіе и воспитаніе войскъ, и служило дурнымъ примѣромъ для другихъ. Онъ доказывалъ осязательно, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нисколько не возвышается надъ общимъ уровнемъ и что дисциплина въ высшихъ рядахъ русской арміи заставляетъ еще желать многаго. Не было ли въ самомъ дѣлѣ одинаковымъ тому доказательствомъ и неоднократное неисполненіе графомъ Салтыковымъ распоряженій главнокомандующаго, и поведеніе Суворова относительно Каменскаго? Грѣхъ дѣйствительно существовалъ, и если смотрѣть на дѣло глазами безпристрастнаго современника, то Суворовъ подлежалъ строгому осужденію, если не

юридическому, ради одержанной имъ побѣды, то по крайней мѣрѣ нравственному.

Но такому приговору не можетъ быть мѣста теперь, черезъ сотню слишкомъ лѣтъ. Столкнулись двѣ неподатливыя натуры. Крутой, горячій до пепстовства, неуступчивый Каменскій обладалъ недюжиннымъ умомъ и военнымъ дарованіемъ; онъ не могъ въ глубинѣ души не признавать въ Суворовѣ большого надъ собой превосходства и чувствовалъ къ нему затаенную зависть. Суворовъ былъ одаренъ качествами, не только не смягчающими жосткія проявленія натуръ въ родѣ Каменскаго, но скорѣе ихъ раздражающими. Столкновеніе должно было произойти и произошло. Но отъ него никто не пострадалъ, кромѣ военно-служебнаго принципа, а дѣло выиграло. Нисколько не вдаваясь въ праздныя предположенія, можно сказать, что Каменскій не въ состояніи былъ бы такъ повести и окончить дѣло при Козлуджи, какъ Суворовъ, и что побѣда эта есть именно продуктъ личныхъ Суворовскихъ качествъ. Несправедливо говорятъ нѣкоторые, будто Суворовъ былъ увлеченъ въ самомъ началѣ своею запальчивостью; недостатокъ этотъ въ немъ несомнѣненъ, но въ настоящемъ случаѣ дѣйствовала не запальчивость, а желаніе найти, настигнуть и разбить Турокъ самому, не уступая этой славы Каменскому. Потомство не можетъ ставить въ укоръ Суворову такія побужденія. Если все покрываетъ и извиняетъ достигнутый успѣхъ, даже случайный, то тѣмъ менѣе мы имѣемъ права быть строгими въ виду побѣды не случайной, а составляющей звено въ побѣдной цѣпи. Если въ человѣкѣ есть непоколебимая увѣренность въ своемъ побѣдномъ призваніи и увѣренность эта подтвердилась всѣмъ его поприщемъ, то въ случаѣ, подобномъ настоящему, судъ потомства измѣняетъ критерій суда современнаго, и приговоръ выходитъ другой. Современники еще не видѣли и не могли видѣть, что Каменскихъ встрѣчается въ военной исторіи сотни, а Суворовыхъ — единицы. Мы это видимъ и потому прилагать къ первымъ и вторымъ одну и ту же мѣрку сужденія не можемъ; это было бы узкимъ доктринерствомъ, которое существуетъ во всѣ времена естественно и логично, но въ приговоры исторіи не переходитъ.

Легко себѣ представить, какъ недоволенъ былъ Каменскій самовольными поступками Суворова. Представляя реляцію о козлуджинской побѣдѣ и рекомендуя наиболѣе отличившихся, Каменскій въ особенности хвалилъ Суворова; но это доказываетъ лишь сказанное выше, т.-е. что офиціальное изображеніе военныхъ дѣйствій иногда только силится прикрыть настоящую дѣйствительность. Да и какъ было Каменскому не выставить Суворова, когда именно Суворовъ и одержалъ побѣду? Оборотная сторона медали осталась не видна и сказалась въ томъ, что Каменскій и Суворовъ остались на всю жизнь если не врагами, то, по крайней мѣрѣ, въ отношеніяхъ непріязненныхъ; признаки этого обнаруживаются даже черезъ 25 лѣтъ, въ 1799 г. [9]). Находиться въ подчиненномъ у Каменскаго положеніи Суворовъ больше уже не могъ и въ скоромъ времени уѣхалъ въ Букарестъ. Но до его отъѣзда случилось обстоятельство, повидимому незначительное, на самомъ же дѣлѣ заслуживающее вниманія и изслѣдованія.

Послѣ рѣшительной побѣды при Козлуджи, наступленіе къ Шумлѣ было самымъ естественнымъ и настоятельнымъ шагомъ, особенно въ виду паники, которой отдавались Турки послѣ каждаго значительнаго пораженія. Къ тому же, какъ вскорѣ оказалось, изъ Шумлы были высланы къ Козлуджи почти всѣ наличныя силы, которыя и разсѣялись послѣ 9 іюня въ разныя стороны, и подъ Шумлой визирь оставался всего съ 1,000 человѣкъ. Наступленіе однако не было предпринято Русскими; они остались не вдалекѣ отъ Козлуджи въ продолженіи шести дней, по причинѣ чрезвычайно трудныхъ дорогъ и недостатка провіанта, котораго имѣлось лишь до 1 іюля. Обстоятельства эти представлялись на столько важными, что Каменскій собралъ военный совѣтъ изъ 6 подчиненныхъ генераловъ; въ числѣ ихъ былъ и Суворовъ. Совѣтъ постановилъ — дать на 6 дней войскамъ отдыхъ, въ ожиданіи подвоза провіанта, а потомъ отступить за позицію между Шумлой и Силистріей, чтобы отрѣзать послѣднюю отъ сообщеній со внутренностью страны и содѣйствовать переправившемуся тогда черезъ Дунай главнокомандующему.

Графъ Румянцовъ былъ взбѣшонъ такимъ рѣшеніемъ, что и высказалъ Каменскому довольно откровенно. «Не дни да часы, а и моменты въ такомъ положеніи дороги», писалъ онъ 13 іюня: «недостатокъ пропитанія не можетъ служить извиненіемъ, ибо отъ васъ же зависѣло отвратить оный» [10]).

Все это по отношенію къ Суворову не совсѣмъ вразумительно. Жизнь человѣка состоитъ изъ цѣпи фактовъ, не подвернувшихся случайно, не навѣянныхъ извнѣ судьбою, а выросшихъ изъ внутренняго міра этого человѣка. Въ повѣркѣ фактовъ жизни по духу человѣка и обратно, въ оживотвореніи этимъ духомъ его дѣятельности и заключается главная задача жизнеописанія. Если при какомъ-нибудь случаѣ одно не вяжется съ другимъ, то тутъ должна быть фальшь, которая требуетъ разъясненія. Это отнюдь не значитъ подгонять факты подъ уровень предвзятой мысли; мѣркою тутъ долженъ быть самъ человѣкъ, и весь вопросъ сводится лишь къ тому—вѣрно ли человѣкъ понятъ. Отрицать же внутреннюю силу, выражающуюся въ направленіи событій, значитъ не признавать жизненныхъ законовъ и все, большое и малое, относить къ категоріи случайностей.

Не говоря о Суворовѣ будущемъ и ограничиваясь Суворовымъ прошедшимъ, все-таки приходится недоумѣвать на счетъ дней, слѣдовавшихъ за побѣдою при Козлуджи. Его военные принципы, его предшествовавшія дѣйствія въ Польшѣ и Турціи,—все это однородно и гармонично, а постановленіе военнаго совѣта при Козлуджи является диссонансомъ. Это подтверждается собственными словами Суворова, хоть не совсѣмъ прямо. Въ 1792 году, т.-е. 18 лѣтъ спустя, онъ говоритъ: «Каменскій помѣшалъ мнѣ перенесть театръ войны чрезъ Шумлу за Балканы». Около того же времени Суворовъ пишетъ записку, безъ адреса и числа, въ которой между прочимъ значится: «Семь батальоновъ, 3 — 4,000 конницы были при Козлуджи, прочіе вспячены Каменскимъ 18 верстъ, — отвѣсъ списочнаго старшинства. Каменскій помѣшалъ графу А. Суворову Рымникскому перенесть театръ черезъ Шумлу за Балканы». Конечно тутъ есть преувеличеніе: Каменскій не «вспячивалъ» при Коз-

луджи войска, а самъ Суворовъ ушелъ отъ него впередъ; но и слова Суворова, и записка его свидѣтельствуютъ, что у него было предположеніе вести энергическія наступательныя дѣйствія послѣ Козлуджи. Правда, желаніе это было, такъ сказать, платоническимъ и не имѣло въ себѣ почти ничего реальнаго, ибо своихъ войскъ Суворовъ имѣлъ слишкомъ мало и они были совершенно изнурены, такъ что дальнѣйшій немедленный съ ними походъ представлялся немыслимымъ. Суворовъ надѣялся, что ему удастся увлечь Каменскаго своими смѣлыми планами, подчинить его себѣ нравственно и фактически, распоряжаться его отрядомъ, какъ своимъ. Подобное подчиненіе принца Кобургскаго въ 1789 году Суворову удалось, и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этого обстоятельства, онъ говорилъ и писалъ въ 90-хъ годахъ, какъ выше сказано. Но Каменскій былъ человѣкъ иного склада и не только не думалъ идти за Суворовымъ на помочахъ, но требовалъ отъ него самого повиновенія. Наступательное движеніе не состоялось [11]).

Таковъ уже военный характеръ Суворова, что для объясненія пассивнаго постановленія военнаго совѣта, въ которомъ этотъ человѣкъ участвовалъ, приходится прибѣгать къ сопоставленіямъ. Между тѣмъ, нѣтъ никакого основанія заподозривать вѣрность офиціальныхъ свѣдѣній о рѣшеніи военнаго совѣта послѣ Козлуджи; но они опять представляютъ одну только лицевую сторону предмета [12]). Каменскій разумѣется высказалъ Суворову тотчасъ послѣ сраженія свое негодованіе и привелъ его, что называется, къ порядку. Суворовъ увидѣлъ ясно, что самостоятельность дѣйствій для него закрыта, что Каменскій на буксирѣ за нимъ не пойдетъ, а еслибы и удалось убѣдить его на дальнѣйшія дѣйствія по направленію къ Шумлѣ и потомъ за Балканы, то успѣха все-таки ждать нельзя, потому что руководителемъ дѣла будетъ не онъ, Суворовъ, а Каменскій. Послѣднее соображеніе совершенно въ духѣ Суворова; окончательную выработку оно получило позже, но существовало въ довольно ясныхъ очертаніяхъ и объ эту пору. Такимъ образомъ, опозиція Суворова въ военномъ совѣтѣ представлялась безцѣльною и ненужною; она могла только увеличить его обособ-

ленность, умножить число его недоброжелателей и завистниковъ, повести къ новымъ столкновеніямъ съ Каменскимъ и т. п. Подобныя соображенія прямо вытекаютъ изъ положенія вещей; ими только и можетъ быть объяснено согласіе Суворова съ военнымъ совѣтомъ на счетъ пріостановки дѣйствій. Такое объясненіе, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ его духу и понятіямъ; оставляя же фактъ совѣтскаго постановленія безъ всякихъ коментарій, мы пришли бы къ выводу повидимому самому простому, но въ сущности наиболѣе далекому отъ истины.

Послѣ Козлуджи, Суворовъ оставался при дѣйствующихъ войскахъ недолго, всего нѣсколько дней, и потомъ уѣхалъ въ Букарестъ. Нѣкоторые біографы сомнѣваются въ его болѣзни, называютъ его здоровье превосходнымъ и причину отъѣзда ищутъ исключительно въ разногласіяхъ съ Каменскимъ. Мы видѣли, какъ онъ страдалъ лихорадкой въ минувшемъ году; тоже самое повторилось и теперь: онъ временами не могъ ѣздить верхомъ и съ трудомъ держался на ногахъ. Мало того, лихорадка возвращалась къ нему и послѣ, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Слова нѣтъ, находясь онъ въ обстоятельствахъ благопріятныхъ для исполненія своихъ военныхъ плановъ, едва ли болѣзнь заставила бы его покинуть театръ войны; но утверждать, что онъ уѣхалъ здоровый, все-таки нельзя. Главнокомандующій принялъ его сурово и потребовалъ объясненія — какъ онъ рѣшился оставить свой постъ почти въ виду непріятеля. Что отвѣчалъ Суворовъ — неизвѣстно. Нелады его съ Каменскимъ побудили Румянцова дать ему другое назначеніе, а именно подъ начальство графа Салтыкова, «во избѣжаніе излишняго въ переѣздахъ труда». Однако въ тотъ же день, 30 іюня, Румянцовъ сообщилъ Салтыкову, что Суворову дозволено, по его прошенію, уѣхать для леченія въ Россію. Суворовъ впрочемъ не уѣхалъ и оставался въ Молдавіи до вызова его для дѣйствій противъ Пугачева.

Сраженіе при Козлуджи въ концѣ сломило нравственныя силы Турокъ и отняло у визиря всякую надежду на успѣшный исходъ войны. Лучшія турецкія крѣпости были блокированы, сообщенія между ними и внутреннею страною прерваны; Шумлѣ

грозилъ штурмъ; небольшой русскій отрядъ проникъ за Балканы. Завязались мирные переговоры; Румянцовъ повелъ ихъ съ большимъ искуствомъ, и такъ какъ положеніе Турціи было безнадежное, то 10 іюля 1774 года заключенъ въ Кучукъ-Кайнарджи миръ. Русскіе добились независимости Крыма, уступки Кинбурна, Азова, Керчи и Еникале, свободнаго плаванія по Черному морю; Турки обязались заплатить $4^1/_2$ милліона рублей. Тяжелы были мирныя условія для Турціи, но могли быть еще тяжеле, если бы сама Россія не нуждалась въ мирѣ.

Такъ кончилась эта знаменитая война, названная современниками *Румянцовскою*. Она тянулась долго, но тому были многія причины: политическія усложненія, оттягивавшія наши силы отъ Турціи, и происходившая отъ того несоразмѣрность между боевыми средствами и задачею; затрудненія въ продовольствіи войскъ за Дунаемъ; временами излишняя осторожность главнокомандующаго и нѣкоторыхъ подчиненныхъ ему генераловъ, исполнявшихъ на половину или вовсе не исполнявшихъ его распоряженій. Войска были въ огромномъ некомплектѣ, укомплектовывались медленно, несвоевременно и не вполнѣ; нуждались въ необходимѣйшихъ предметахъ снаряженія, которые почти постоянно запаздывали; движенія войскъ затруднялись многочисленными обозами, составлявшими для арміи истинную обузу. Русскіе таскали за собой рогатки, которыми привыкли въ прежнее время огораживаться для ослабленія бѣшеныхъ атакъ Турокъ, значитъ заранѣе обрекали себя на пассивный образъ дѣйствій. Румянцовъ отмѣнилъ рогатки, и хотя сами войска ихъ терпѣть не могли, но сила привычки все-таки взяла свое, и рогатки совсѣмъ исчезли изъ русской арміи лишь въ слѣдующую Турецкую войну. Русскіе такъ же, какъ и западные европейцы, дѣйствовали противъ Турокъ въ огромныхъ каре; Румянцовъ уменьшилъ ихъ величину и тѣмъ сдѣлалъ армію поворотливѣе и подвижнѣе.

Суворовъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пошелъ еще дальше Румянцова. Будучи тутъ новичкомъ, чужимъ человѣкомъ, особенно въ началѣ, и притомъ человѣкомъ маленькимъ, онъ, не претендуя на роль реформатора, старался однако сколько воз-

можно, ставить подчиненныя ему войска на свою Суворовскую ногу, примѣняя къ нимъ, когда дозволяло время, основныя положенія своего «суздальскаго учрежденія». Передъ лицомъ непріятеля мы видимъ его такимъ самымъ здѣсь, каковъ онъ былъ въ Польшѣ, и по принципамъ, и по приложенію принциповъ. Онъ употребляетъ въ бою колонны съ дистанціями, чтобы за головною частью всегда находился резервъ; резервъ у него вездѣ играетъ весьма важную роль; временами видимъ употребленіе стрѣлковъ, въ видѣ особыхъ небольшихъ отдѣленій, которымъ указываются и мѣста при колоннахъ линейной (по выраженію Суворова «ломовой») пѣхоты. Каре онъ принялъ сразу, какъ лучшій способъ построенія противъ Турокъ, но размѣры Румянцовскихъ кареевъ уменьшилъ, строя ихъ изъ двухъ батальоновъ, изъ одного батальона и даже изъ ротъ. Многое изъ тактическихъ пріемовъ Суворова въ первую Турецкую войну сдѣлалось потомъ правиломъ для всей Европы, хотя заимствовано не у него, а у Французовъ, выработавшихъ свою собственную тактику во время войнъ революціи. Вообще военныя теоріи Суворова и Французовъ революціонной эпохи были однородны въ своемъ основаніи, что и будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ; тактическимъ же формамъ Суворовъ придавалъ временной смыслъ. Его тактика въ Турціи, какъ передъ тѣмъ въ Польшѣ, была *тактикою обстоятельствъ*, и благодаря такому прикладному ея характеру, уже въ то время буквоѣды военнаго дѣла стали говорить, что Суворовъ тактики не знаетъ, что ему служитъ одно счастье. А онъ посмѣивался, поджидая событій.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ Заволжьѣ, на Кубани и въ Крыму; 1774—1779.

Пугачовскій бунтъ. — Назначеніе Суворова; его полномочія; опасный путь до Саратова; погоня по Заволжью; выдача Пугачова; препровожденіе его Суворовымъ въ Симбирскъ.—Миротворная дѣятельность Суворова по усмиренію мятежа; переписка его съ Потемкинымъ.—Безпокойства на югѣ; назначеніе туда Суворова; отъѣздъ въ Полтаву; личное оскорбленіе, нанесенное ему Нащокинымъ.—Назначеніе на Кубань и затѣмъ въ Крымъ; неудовольствія съ княземъ Прозоровскимъ; административныя, санитарныя и военно-педагогическія распоряженія; недопущеніе высадки Турокъ и возстанія Татаръ; переселеніе христіанъ изъ Крыма.—Безпорядки на Кубани; строгія мѣры Суворова противъ русскихъ властей и миротворныя инструкціи.—Закрѣпленіе Кучукъ-Кайнарджискаго трактата; выѣздъ Суворова изъ Крыма.

Въ то время, какъ война съ польскими конфедератами едва окончилась, а съ Турціей еще продолжалась, на восточной окраинѣ Европейской Россіи встала смута и выросла въ грозный мятежъ.

На Яикѣ давно было неспокойно. Съ одной стороны историческая привычка казаковъ жить въ буйной, своенравной вольности, съ другой—притѣсненія и произволъ назначаемыхъ правительствомъ атамана и старшинъ, питали внутреннее недовольство и тревогу. Въ началѣ 1772 года натянутость положенія дошла до крайности, вспыхнулъ открытый мятежъ. Мятежъ усмирили, но корень его остался; ожесточеніе и жажда мести подъ внѣшнимъ гнетомъ только крѣпли и пріобрѣтали упругость. Новый взрывъ страстей обѣщалъ сдѣлаться страшнымъ.

Въ это время появился на Яикѣ донской служилый казакъ Емельянъ Пугачовъ, назвавшись мнимо-умершимъ Императоромъ Петромъ III. Къ нему стали приставать злоумышленники, а слѣдомъ за ними повалили темные люди низшихъ сословій, которымъ жилось далеко не льготно, Пугачовъ же обѣщалъ разныя блага и между ними вольность. Первую вооруженную попытку Пугачовъ сдѣлалъ на Яицкій городокъ, но удачи не имѣлъ; неудачи повторялись и впослѣдствіи, однако онѣ имѣли значеніе частное, а въ общемъ дѣло ширилось и росло. Пугачовъ бралъ одинъ за другимъ жалкіе укрѣпленные пункты азіятскаго рубежа, большею частью съ помощью измѣны; казнилъ смертью начальниковъ и вообще дворянъ; присоединялъ къ своимъ шайкамъ казаковъ и нижнихъ чиновъ. Киргизы, Калмыки, Татары, Башкиры помогали ему либо прямо, либо косвенно. Всѣ страсти были пущены въ ходъ: крѣпостныхъ Пугачовъ заманивалъ обѣщаніемъ воли, казаковъ — удовлетвореніемъ ихъ жалобъ и неудовольствій, раскольниковъ — уничтоженіемъ нововведеній, кочевниковъ и всѣхъ вообще—грабежомъ чужого добра. Ужасъ и смятеніе забирались все дальше; восточныя губерніи чуть не до самой Москвы представляли собою почву надъ волканомъ. Дворяне и люди имущіе тщетно ждали помощи: войска были стянуты къ дальнимъ европейскимъ границамъ, въ волновавшемся краѣ находились лишь разбросанныя, рѣдкія команды, начальники отличались робостью или нерѣшительностью, въ ряды войскъ забралась измѣна.

Екатерина ввѣрила главное управленіе операціями противу мятежниковъ генералу Бибикову, котораго способности и распорядительность, при твердомъ, самостоятельномъ, но уживчивомъ и прямодушномъ характерѣ, были испытаны не задолго передъ тѣмъ въ Польшѣ. Въ концѣ 1773 года Бибиковъ прибылъ въ Казань и умѣлою рукою взялся за дѣло; успѣхъ сталъ покидать Пугачова. Послѣ нѣсколькихъ побѣдъ кн. Голицына, Мансурова, Михельсона, Пугачовъ очутился въ положеніи почти безнадежномъ, но неожиданная кончина Бибикова въ апрѣлѣ 1774 года снова поправила его дѣла. Онъ даже усилился противу прежняго, расширилъ раіонъ своихъ дѣйствій и вліянія,

добрался до Казани и хотя не взялъ крѣпости, но разграбилъ и сжегъ городъ.

Разбитый здѣсь полковникомъ Михельсономъ, который по недостатку и крайнему изнуренію кавалеріи не могъ преслѣдовать мятежниковъ такъ дѣятельно, какъ хотѣлъ, Пугачовъ переправился на правую сторону Волги и взбунтовалъ все Приволжье. Господскіе крестьяне и иновѣрцы возмутились; полилась кровь воеводъ, дворянъ, священниковъ. Духъ мятежа, какъ зараза, переносился отъ одной деревни къ другой; цѣлыя области подымались отъ появленія нѣсколькихъ агентовъ Пугачова. Прошло немало времени, пока правительство убѣдилось въ необходимости снабдить широкими полномочіями новое лицо для скорыхъ и энергическихъ мѣръ противу мятежа, и въ іюлѣ это порученіе возложено было на графа П. И. Панина. Заключенный передъ тѣмъ миръ съ Турками дозволилъ усилить и дѣйствовавшія противу Пугачова войска, а также послать на театръ мятежа Суворова.

Назначеніе туда Суворова было предположено еще въ мартѣ; выборъ палъ именно на него, надо полагать, не только вслѣдствіе пріобрѣтенной имъ противу Турокъ репутаціи энергіи, быстроты и распорядительности, но и по указанію Бибикова. На это документальныхъ доказательствъ нѣтъ, но стоитъ только припомнить службу Суворова въ Польшѣ и добрыя его тамъ отношенія къ Бибикову, чтобы допустить сильную вѣроятность такого предположенія. Но Румянцовъ не счелъ возможнымъ откомандировать Суворова тогда же, ибо послѣдній находился на посту противъ непріятеля, и внезапный его отъѣздъ въ Заволжье далъ бы Туркамъ поводъ предполагать, что наша внутренняя смута весьма для насъ опасна. Съ мнѣніемъ Румянцова нельзя было не согласиться; послѣдствія показали, что Суворовъ былъ дѣйствительно нуженъ на Дунаѣ, ибо благодаря ему одержана побѣда при Козлуджи. Но послѣдствія удостовѣряютъ также и въ томъ, что Суворовъ былъ весьма нуженъ и въ Заволжьѣ, такъ какъ главнымъ образомъ вслѣдствіе недостатка предводителя способнаго и энергичнаго, тамошнія дѣла затянулись и даже приняли дурной оборотъ.

Когда былъ заключенъ съ Турками миръ, Суворову нечего было уже дѣлать въ арміи. Въ это же время Панинъ, назначенный для операцій противъ Пугачова, просилъ назначить ему въ помощь генерала, который бы могъ его замѣнить въ случаѣ болѣзни или смерти. Въ самый день полученія Государыней извѣстія о переходѣ Пугачова на правый берегъ Волги, послано Румянцову приказаніе — какъ можно скорѣе отправить Суворова въ Москву. Суворовъ, находившійся въ Молдавіи, тотчасъ же поскакалъ на почтовыхъ, повидался въ Москвѣ съ женою и отцомъ, по оставленному Панинымъ приказанію сѣлъ на перекладную и въ одномъ кафтанѣ, безъ багажа, помчался въ село Ухолово, между Шацкомъ и Переяславлемъ Рязанскимъ.

Панинъ зналъ Суворова и цѣнилъ по достоинству, а въ началѣ августа получилъ письмо отъ брата, графа Никиты Ивановича, тогдашняго канцлера, который писалъ ему, что по словамъ прибывшаго изъ арміи князя Н. В. Репнина, Суворовъ для употребленія противъ Пугачова несравненно больше всѣхъ годенъ. Значитъ, на выборѣ Суворова сошлись съ разныхъ сторонъ нѣсколько мнѣній [1]).

Онъ пріѣхалъ въ Ухолово 24 августа, какъ разъ въ то время, когда о его назначеніи Панинъ получилъ извѣщеніе. Панинъ снабдилъ его широкими полномочіями и отдалъ приказъ военнымъ и гражданскимъ властямъ—исполнять всѣ его, Суворова, приказанія и распоряженія. Получивъ инструкцію, Суворовъ въ тотъ же день отправился въ путь, по направленію на Арзамасъ и Пензу къ Саратову, съ небольшимъ конвоемъ въ 50 человѣкъ. Панинъ донесъ Императрицѣ о быстрой исполнительности своего новаго подчиненнаго, обѣщавшей въ тогдашнихъ обстоятельствахъ много хорошаго впереди и потому достойной вниманія. Въ сентябрѣ, 2 числа, Екатерина удостоила Суворова рескриптомъ: «вы пріѣхали 24 августа къ гр. Панину такъ налегкѣ, что кромѣ вашего усердія къ службѣ, иного экипажа при себѣ не имѣли, и тотъ же часъ отправились паки на пораженіе врага». Поблагодаривъ его за такое рвеніе и быстроту, Государыня пожаловала ему 2000 червонцевъ на обзаведеніе экипажемъ [2]).

Край, лежавшій на пути Суворова, носилъ на себѣ свѣжіе, недавніе слѣды пребыванія пугачовцевъ, особенно за Пензой. Вездѣ шатались ихъ шайки, предаваясь всякимъ неистовствамъ; встрѣчались также партіи, съ цѣлью обороны или погони за бунтовщиками сформированныя помѣщиками; всюду валялись искалѣченные трупы, дымились пожарища. Суворовъ быстро подвигался впередъ, не подвергаясь нигдѣ нападеніямъ пугачовцевъ, которые благоразумно сторонились; за то и онъ самъ ихъ не трогалъ, не вдаваясь въ рискованныя дѣла со своимъ ничтожнымъ отрядомъ и не отвлекаясь отъ главной цѣли — погони за самимъ Пугачовымъ. Суворову приводилось даже иногда принимать на себя имя Пугачова, когда обстоятельства того требовали, въ чемъ онъ самъ и сознается [3]); съ другой стороны не терялъ онъ случая миротворить гдѣ можно, дѣйствуя на заблуждающихся обѣщаніемъ царскаго милосердія. Прибѣгалъ онъ и къ крайнимъ мѣрамъ вразумленія непокорныхъ, преимущественно коноводовъ и подстрекателей, наказывая ихъ кнутомъ и плетьми, но никого не казнилъ смертью. Вообще этотъ опасный походъ требовалъ отъ Суворова большой энергіи вмѣстѣ съ осторожностью, находчивостью и присутствіемъ духа, и только благодаря этимъ качествамъ удался.

Добравшись до Саратова, Суворовъ узналъ, что неутомимый и храбрый Михельсонъ, который какъ тѣнь слѣдовалъ всюду за Пугачовымъ и неоднократно его разбивалъ, снова нанесъ ему тяжелое пораженіе. Усиливъ тутъ свой отрядъ, Суворовъ поспѣшилъ къ Царицыну, но множество лошадей было забрано Пугачовымъ, въ нихъ оказался недостатокъ, и Суворовъ принужденъ былъ продолжать путь водою. Разбитый Михельсономъ, Пугачовъ ускользнулъ; переправившись кое-какъ за Волгу съ небольшимъ числомъ оставшихся ему вѣрными, онъ скрылся въ обширной степи.

Михельсонъ сокрушилъ на этотъ разъ силу Пугачова окончательно и вырвалъ у Суворова славу побѣды. Горько было славолюбивому Суворову получить это извѣстіе, но досада не заглушила въ немъ чувства справедливости. Замѣчая ѣдко, что большая часть нашихъ начальниковъ отдыхала на краснослетен-

ныхъ реляціяхъ, Суворовъ прибавляетъ, что если бы всѣ они были таковы, какъ Михельсонъ, то пугачовскій мятежъ давно бы разсыпался какъ метеоръ [3]).

Поспѣшное прибытіе Суворова въ Царицынъ обратило на себя вниманіе Государыни, которая и объявила свое удовольствіе графу Панину [1]). Но Суворовъ все таки въ сущности опоздалъ; Пугачовъ успѣлъ уйти отъ него впередъ на четверо сутокъ и теперь мудрено было за нимъ угнаться. Однако Суворова не остановило это соображеніе; онъ назначилъ въ свой отрядъ 2 эскадрона кавалеріи, 2 сотни казаковъ, пользуясь добычными лошадьми Михельсона посадилъ на-конь 300 пѣхотинцевъ, захватилъ 2 легкія пушки и, употребивъ на все это въ Царицынѣ не больше сутокъ, переправился черезъ Волгу. Вѣроятно для развѣдокъ о мятежникахъ онъ двинулся сначала вверхъ по рѣкѣ, подошелъ къ одному большому селу, которое держалось пугачовской стороны, забралъ тутъ 50 воловъ и затѣмъ видя, что кругомъ тихо, повернулъ въ степь.

Эта обширная степь, протянувшаяся на нѣсколько сотенъ верстъ, безлюдная, безлѣсная, безпріютная, представляла собою мертвую пустыню, гдѣ грозила гибель и безъ непріятельскаго оружія. Хлѣба у Суворова было очень мало; онъ приказалъ убить, посолить и засушить на огнѣ часть забраннаго рогатаго скота и ломти этого мяса употреблять людямъ вмѣсто хлѣба, какъ то дѣлалъ въ послѣднюю кампанію Семилѣтней войны. Обезпеченный такимъ образомъ на нѣкоторое время, отрядъ Суворова углубился въ степь. Днемъ держали путь по солнцу, ночью по звѣздамъ; дорогъ не было, шли по слѣдамъ; двигались такъ быстро, какъ было только возможно, не обращая вниманія ни на какія атмосферическія перемѣны, ибо укрыться отъ нихъ было все равно негдѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Суворовъ нагналъ и присоединилъ къ себѣ нѣсколько отрядовъ, вышедшихъ раньше него изъ Царицына; 12 сентября пришелъ онъ къ рѣкѣ Малому Узеню, раздѣлилъ здѣсь свой отрядъ на четыре части и пошелъ къ Большому Узеню по разнымъ направленіямъ. Скоро наткнулись на пугачовскій слѣдъ; узнали, что Пугачовъ былъ тутъ утромъ, что люди его, видя за собой неотступную погоню, потеряли вѣру

въ успѣхъ своего дѣла, взбунтовались, связали Пугачова и повезли въ Яицкъ, дабы выдачею предводителя спасти собственную голову. И дѣйствительно Пугачовъ былъ арестованъ, какъ послѣ оказалось, именно въ это время, въ какихъ нибудь 50 верстахъ отъ Суворова.

Опять такъ горячо-желаемая честь—захватить Пугачова—ускользала отъ Суворова. Спустя много лѣтъ онъ не могъ хладнокровно вспомнить про это обстоятельство и писалъ: «чего же ради они его прежде не связали? Почто не отдали мнѣ? Потому что я былъ имъ непріятель, и весь разумный свѣтъ скажетъ, что въ Уральскѣ Уральцы имѣли больше пріятелей, какъ и на форпостахъ онаго» [3]). Это правда, что у мятежниковъ были въ Яицкѣ и другихъ тамошнихъ мѣстахъ пріятели, но подобное косвенное обвиненіе отнюдь не могло относиться къ яицкому коменданту полковнику Симонову, который во все время мятежа честно и энергически исполнялъ свой долгъ.

Собравъ свои партіи, Суворовъ по слѣдамъ бѣглецовъ направился къ Яицку, доводя скорость марша до предѣла послѣдней возможности. Надежда все еще не оставляла его. Однако путь лежалъ длинный и не обошлось безъ новыхъ препятствій. Такъ, во время ночного марша, передовые наткнулись на Киргизовъ или Калмыковъ, съ которыми и произошелъ небольшой бой, съ убитыми и ранеными въ результатѣ. Послѣ того, для ускоренія марша, Суворовъ отобралъ изъ отряда доброконныхъ людей и съ ними отправился впередъ. Но и это не помогло; когда онъ прибылъ 16 числа въ Яицкъ, Пугачовъ былъ уже выданъ Симонову.

Какъ ни быстро совершилъ Суворовъ свой походъ (въ 9 сутокъ сдѣлано 600 верстъ), но онъ навѣрно не сталъ бы отдыхать и мѣшкать въ Яицкѣ, если бы могъ выступить въ обратный путь тотчасъ же; это оказалось однако невозможнымъ и потребовалось больше двухъ дней на приготовленія. Сколотили нѣчто подобное большой клѣткѣ на 4 колесахъ; сформировали и снарядили конвой изъ 3 ротъ пѣхоты и 200 казаковъ, при двухъ пушкахъ; собрали небольшой гуртъ порціоннаго скота, такъ какъ Симоновъ не могъ удѣлить провіанта больше, какъ на двое сутокъ.

Когда все было готово, Суворовъ тронулся въ путь и все время лично наблюдалъ за сохранностью Пугачова. Шли опять степью и опять не безъ происшествій. Кочевники постоянно тревожили отрядъ своими нападеніями и одного изъ состоявшихъ при Суворовѣ убили, а другого ранили. На дневкѣ, въ деревнѣ на р. Иргизѣ, произошелъ пожаръ по близости пугачовскаго помѣщенія, надѣлавшій много переполоху и безпокойства. Ѣзда въ клѣткѣ очень не нравилась Пугачову, и чтобы заставить его быть спокойнѣе, принуждены были и его, и его 12-лѣтняго сына посадить каждаго въ особую крестьянскую телѣгу и привязать къ ней веревками, а для лучшаго присмотра за ними ночью зажигали факелы. Такимъ образомъ прибыли 1 октября въ Симбирскъ, и Суворовъ сдалъ Пугачова Панину.

Октября 3 Панинъ доносилъ Государынѣ, что «неутомимость и труды Суворова выше силъ человѣческихъ. По степи съ худѣйшею пищею рядовыхъ солдатъ, въ погоду ненастнѣйшую, безъ дровъ и безъ зимняго платья, съ командами маіорскими, а не генеральскими, гонялся до послѣдней крайности [2])». Вслѣдъ затѣмъ Панинъ уволилъ Суворова по его просьбѣ на короткое время въ Москву, для свиданія съ женой. Вполнѣ оцѣняя энергическую службу Суворова, Екатерина писала Панину: «отпускъ его къ Москвѣ, на короткое время, къ магниту, его притягающему, я почитаю малою отрадою послѣ толикихъ трудовъ» [1]). Строго говоря, Суворовъ почти ничего не сдѣлалъ; Пугачовъ попалъ бы въ руки властей и безъ его участія; своимъ энергическимъ преслѣдованіемъ Суворовъ только ускорилъ развязку на нѣсколько дней. Сама Екатерина какъ то сказала, что Пугачовъ своею поимкою обязанъ Суворову столько же, сколько ея компатной собачкѣ, Томасу. Но къ подробному анализу толпа не прибѣгаетъ; имя Суворова все таки было связано съ поимкой страшнаго злодѣя и въ результатѣ поднялось еще на одну ступень извѣстности. Онъ уже началъ возбуждать зависть; приведенныя шутливыя слова Екатерины служатъ тому удостовѣреніемъ, ибо они вызваны безпокойными толками завистниковъ, которыхъ надо было успокоить.

Пугачовъ былъ казненъ въ Москвѣ въ началѣ 1775 года,

но пугачовщина еще не кончилась. Весь обширный восточный край Европейской Россіи былъ расшатанъ безначаліемъ и разоренъ до такой степени, что ему грозилъ голодъ и моръ. У Башкиръ стояла смута; шайки грабителей и злодѣевъ бродили еще въ разныхъ мѣстахъ. Надо было залечить свѣжія раны, привести общественный и административный механизмъ въ нормальное состояніе. Трудъ предстоялъ медленный и долгій, но начать его надлежало неотлагательно. Государыня не хотѣла исключительныхъ, крайнихъ мѣръ; строгость требовалась лишь рядомъ съ милосердіемъ. Начало этого дѣла возложено было на Суворова; ему подчинили всѣ войска въ Оренбургѣ, Пензѣ, Казани и другихъ мѣстахъ, почти до самой Москвы, въ общемъ итогѣ до 80,000. Въ короткое время онъ усмирилъ башкирскія смуты и уничтожилъ обломки пугачовскихъ шаекъ. Къ силѣ онъ прибѣгалъ не какъ къ первому, а какъ къ послѣднему средству и старался дѣйствовать прежде всего кротостью и убѣжденіемъ. Въ этомъ отношеніи онъ поступалъ не только по инструкціи, но и по внутреннему своему внушенію и потому могъ черезъ 12 лѣтъ съ понятнымъ самодовольствіемъ написать, что его «политическими распоряженіями и военными маневрами буйства Башкировъ и иныхъ безъ кровопролитія сокращены, по паче императорскимъ милосердіемъ» [3]).

Въ такихъ трудахъ прошла вся зима, кромѣ короткаго времени (до половины ноября), употребленнаго Суворовымъ на побывку въ Москвѣ, какъ ему было разрѣшено. Весною 1775 года онъ объѣхалъ важнѣйшіе пункты расположенія своихъ войскъ; былъ въ Самарѣ, въ Оренбургѣ, въ Уфѣ; осмотрѣлъ что слѣдуетъ, выбралъ мѣста для лагерей. Лѣтомъ происходило въ Москвѣ торжественное празднованіе мира послѣ счастливаго окончанія войнъ Польской и Турецкой и усмиренія внутреннихъ смутъ. Екатерина съ обычною щедростью расточала вокругъ милости и награды, и Суворову пожаловала золотую шпагу, украшенную бриліантами. Въ это время Суворовъ завязалъ переписку съ Потемкинымъ, не съ прежнимъ, а съ всесильнымъ Потемкинымъ, который сталъ быстро подниматься на недосягаемую для другихъ высоту. Первое изъ писемъ Суворова этого періода относится

впрочемъ къ минувшему году; когда онъ пріѣхалъ въ Москву на короткое время, въ октябрѣ мѣсяцѣ. Тутъ онъ разсыпается въ комплиментахъ, выражаетъ надежду на протекцію «благотворителя» и т. п. Изъ дальнѣйшей переписки видно, что Суворовъ продолжалъ жить въ Симбирскѣ, откуда 18 августа 1775 года онъ проситъ увольненія въ Москву по случаю кончины отца, о чемъ обращался еще раньше по командѣ къ Панину, но отвѣта не получилъ [4]). Добывъ чрезъ Потемкина дозволеніе, онъ поѣхалъ въ Москву, представился Государынѣ и былъ назначенъ для начальствованія Петербургскою дивизіей. Подобное назначеніе было ему не по вкусу, такъ какъ послѣ смерти отца необходимо было заняться домашними дѣлами, а для этого требовалось присутствіе въ Москвѣ и въ деревняхъ. Онъ просилъ дозволенія временно тутъ остаться и, по всей вѣроятности, пользовался имъ въ теченіе года, до назначенія въ Крымъ; въ Петербургъ же для командованія тамошней дивизіей вовсе не ѣздилъ.

Между тѣмъ на югѣ появились признаки безпокойствъ, прямое послѣдствіе Кучукъ-Кайнарджискаго мира.

Присоединеніе Крыма къ Россіи, при вызванномъ Петромъ Великимъ естественномъ ростѣ Русскаго государства, представлялось для проницательнаго политическаго ума событіемъ неизбѣжнымъ; вопросъ заключался только во времени. Безъ этого присоединенія и вообще безъ обладанія черноморскимъ прибрежьемъ, Россія оставалась бы государствомъ, географически не законченнымъ. Мысль о необходимости Крыма для Россіи впервые высказана все тѣмъ же Петромъ; въ ней конечно ничего реальнаго въ то время не было, и приближеннымъ Петра она показалась мечтательной. Однако эта химера должна была осуществиться; полустолѣтіе, протекшее послѣ Петра, служило ей нѣкоторой подготовкой, а Кучукъ-Кайнарджискій миръ — первымъ, рѣшительнымъ шагомъ къ осуществленію. Этотъ шагъ заключался въ признаніи Турціей независимости Татаръ и въ отдачѣ Россіи ключей отъ Крыма въ видѣ Керчи, Еникале и Кинбурна, чрезъ что она пріобрѣла возможность сильнаго на крымскія дѣла вліянія и почти неустранимаго въ нихъ вмѣшательства. Между та-

кимъ положеніемъ вещей и присоединеніемъ страны, разстояніе было не велико; при счастіи можно было его пройти и безъ войны. Такъ и поступило Русское правительство, вручивъ непосредственное направленіе дѣла Румянцову, тогдашнему малороссійскому генералъ-губернатору и главнокомандующему войсками на югѣ Россіи. Правительство не обманулось: Румянцовъ обнаружилъ тутъ настойчивость и искуство по крайней мѣрѣ такія же, какими прославилъ себя на войнѣ.

Съ 1771 года Крымскимъ ханомъ былъ Сагибъ-гирей, неосмысленный приверженецъ европейскихъ обычаевъ. Русскій резидентъ въ Крыму охарактеризовалъ его немногими словами: «самое настоящее дерево». Своею неумѣлостью, безтактностью и отсутствіемъ сколько нибудь зрѣлой мысли, онъ поселилъ въ Татарахъ глубокую къ себѣ нелюбовь, которая въ началѣ 1775 года разразилась катастрофой: мурзы низложили Сагиба и избрали Девлетъ-гирея. Пошли смуты партій. Румянцовъ, какъ только запялъ уступленные намъ города, вызвалъ на Кубань изъ Абхазіи брата свергнутаго Сагиба, Шагинъ-гирея, калгу, т.-е. перваго саповника ханства. Это и былъ будущій претендентъ, представитель русской партіи, глава предполагаемаго правительства, послушнаго и покорнаго Россіи. Надо было навязать его ногайскимъ ордамъ, кочевавшимъ въ при-кубанскомъ краѣ, и этимъ путемъ провести въ Крымскіе ханы. Пришлось прибѣгнуть къ разнымъ средствамъ, между которыми главнымъ были конечно деньги; не обошлось и безъ угрозъ: дѣло давалось съ трудомъ и не сразу.

Въ Крыму готовились къ войнѣ. Порта изподтишка подстрекала; турецкія войска, оставшіяся на полуостровѣ послѣ войны въ числѣ 10,000, не уходили; трапезонтскій паша снаряжалъ десантъ; къ Дунаю, въ Акерманъ, Хотинъ и Бендеры подходили подкрѣпленія. Татары въ Крыму волновались отъ нетерпѣнія, перерѣзали даже нашихъ казаковъ, везшихъ почту, но Девлетъ-гирей все не рѣшался, отговариваясь неготовностью и разными предлогами. Время проходило не безъ пользы для Россіи: мурзы стали терять довѣріе къ Девлету и многіе изъ нихъ перешли на сторону Шагинъ-гирея. Въ сентябрѣ 1776 года одни изъ нихъ

ждали новаго хана съ Кубани, другіе продолжали вооружаться противъ Россіи.

Чтобы Турки не предупредили насъ въ Крыму, пришлось двинуть туда войска. Въ экспедицію назначены два корпуса: князя Прозоровскаго около 20,000 человѣкъ и графа де-Бальмена въ 5,000. Войска двинулись 1 ноября 1776 года, заняли Перекопъ, протянулись дальше, вошли въ сношеніе съ Крымскимъ правительствомъ и съ мѣстною аристократіею, всячески обходя Девлетъ-гирея и показывая ему полное пренебреженіе. Число приверженцевъ Шагинъ-гирея умножалось; на Кубани его избрали въ ханы и дѣлались приготовленія къ переѣзду его въ Крымъ.

Около этого времени прибылъ въ Крымъ Суворовъ. Командуя полками въ Коломнѣ и находясь въ Москвѣ, онъ въ концѣ ноября 1776 года получилъ отъ князя Потемкина приказаніе ѣхать въ Крымъ, къ тамошнимъ войскамъ. Суворовъ тотчасъ выѣхалъ, о чемъ и донесъ Потемкину 26 числа, а 19 декабря уже писалъ ему изъ Крыма, поздравлялъ съ наступающимъ новымъ годомъ, благодарилъ за письмо [4]). Въ Крыму Суворовъ поступилъ подъ начальство князя Прозоровскаго, получивъ въ командованіе пѣхоту, а 17 января 1777 года принялъ отъ заболѣвшаго Прозоровскаго временное командованіе всѣмъ отрядомъ.

Татары, приверженцы Девлетъ-гирея, не осмѣливались начать рѣшительную, настоящую войну, а ограничивались нападеніями на русскіе разъѣзды и слабыя части. Прозоровскій предписалъ Суворову отражать силу силою; между тѣмъ воля Императрицы состояла въ томъ, чтобы отъ формальной войны уклоняться всѣми способами. Суворовъ одними маневрами разсѣялъ собравшіяся около Карасу-Базара Девлетовы скопища. Въ половинѣ марта въѣхалъ въ Крымъ Шагинъ-гирей, былъ принятъ русскими войсками съ подобающею церемоніею и тотчасъ же избранъ мурзами въ ханы; Девлетъ-гирей бѣжалъ.

Первый актъ драмы былъ сыгранъ, притомъ такъ, что Порта почти не имѣла возможности уличить Русскихъ въ явномъ содѣйствіи Шагинъ-гирею. Но графъ Румянцовъ изъ предосторожности предписалъ князю Прозоровскому принять мѣры на

случай высадки Турокъ, и тоже самое велѣлъ сдѣлать въ кубанскомъ краю и на европейской границѣ съ Турціей. Прозоровскому надлежало не только отражать Турокъ, но и наблюдать за жителями полуострова, а потому онъ по необходимости раздробилъ свои войска и на каждый корпусъ возложилъ особую задачу. Суворовъ съ отрядомъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ и нѣсколькихъ эскадроновъ кавалеріи стоялъ лагеремъ на р. Салгирѣ, близъ Акмечети. Онъ долженъ былъ наблюдать горы къ сторонѣ Бахчисарая и верхнюю часть Салгира, занять важнѣйшіе горные проходы и учредить постъ на морскомъ берегу въ Алуштѣ.

Все это было однако лишь приготовленіемъ къ дѣйствію, а самое дѣйствіе представлялось маловѣроятнымъ. Суворовъ скучалъ, хворалъ лихорадкой и вдвойнѣ тяготился своимъ положеніемъ, такъ какъ при бездѣльѣ принужденъ былъ жить врозь съ женой. А Варвара Ивановна, вмѣстѣ съ маленькою дочерью (родившеюся 1 августа 1775 года), проживала не очень далеко, въ Полтавѣ, куда вѣроятно Суворовъ завезъ ее, ѣдучи въ Крымъ. Сначала онъ попытался перемѣнить службу, написалъ Потемкину письмо и просилъ дать ему какой нибудь корпусъ, «каковыми я до сихъ поръ начальствовалъ безъ порицанія; единственно къ высокой особѣ вашей прибѣжище пріемлю». Но отвѣта или не послѣдовало, или полученъ отрицательный. Тогда Суворовъ отпросился у Прозоровскаго въ отпускъ, въ Полтаву, по домашнимъ дѣламъ, и уѣхалъ туда въ іюнѣ. Изъ Полтавы онъ продолжалъ писать Потемкину, рекомендовалъ ему своего племянника, благодарилъ за оказанныя этому племяннику милости; про себя говорилъ, что «томится безъ исправленія должности въ исходящей лихорадкѣ». Когда прошелъ срокъ отпуска, Суворовъ все-таки въ Крымъ не поѣхалъ, а донесъ Прозоровскому, что по болѣзни не можетъ возвратиться и для перемѣны воздуха переѣдетъ изъ Полтавы въ Опошню. Такъ онъ прожилъ тамъ до самой зимы [4]).

Нельзя здѣсь обойти молчаніемъ одного происшествія, случившагося съ Суворовымъ не задолго передъ тѣмъ. Въ 1777 году, 3 апрѣля, послѣдовало отъ графа Румянцова письмо къ генералу Вонну Васильевичу Нащокину, въ которомъ читаемъ: «получа

два почтеннѣйшія ваши письма, весьма я сожалѣю о непріятномъ приключеніи, въ домѣ вашемъ случившемся, не менѣе и о происшествіи съ генералъ-поручикомъ Суворовымъ. Судя строгость дисциплины, видится нарушена тѣмъ субординація, и инако не можно было сего окончить, какъ слѣдствіемъ, къ разбору котораго назначенъ уже отъ меня генералъ-поручикъ князь Прозоровскій» [5]). Что именно случилось и когда?

Изъ нѣкоторыхъ печатныхъ источниковъ [6]) видно, что когда-то произошла ссора между Суворовымъ и Нащокинымъ; что послѣдній нанесъ первому личное оскорбленіе дѣйствіемъ; что съ той поры Суворовъ, увидя Нащокина, убѣгалъ отъ него, говоря: «боюсь, боюсь, онъ сердитый, дерется» [7]). Изъ за чего произошла ссора и въ чемъ состояли подробности этого происшествія,— остается неразъясненнымъ, ибо кромѣ вышеприведеннаго письма Румянцова, никакихъ другихъ документовъ не найдено. Изъ письма этого однако явствуетъ, что какой-то случай, вѣроятно этотъ самый, произошелъ въ описываемую пору и, полагать надо, именно въ декабрѣ 1776 года въ Полтавѣ, такъ какъ позже Суворовъ находился на службѣ въ Крыму, Нащокинъ же въ крымскомъ корпусѣ не служилъ. Для освѣщенія предмета не лишнее замѣтить, что хотя странности Суворова не дошли еще тогда до полнаго развитія, но все таки онъ былъ уже чудакомъ, такъ сказать вполнѣ сформированнымъ. Съ другой стороны и Нащокинъ принадлежалъ къ числу самыхъ выдающихся эксцентриковъ своего времени, вообще богатаго людьми со всякаго рода причудами; кромѣ того онъ отличался необыкновенною вспыльчивостью и горячностью. Если вѣрить одному свидѣтельству, то когда Императоръ Павелъ звалъ на службу Нащокина, находившагося тогда въ отставкѣ, то получилъ отрицательный отвѣтъ, выраженный такимъ образомъ: «вы, Государь, горячи, да и я тоже».

Пока Суворовъ проживалъ въ Полтавѣ и Опошнѣ, состояніе дѣлъ въ Крыму обострилось. Шагинъ-гирей оказался реформаторомъ почти въ томъ же родѣ, какимъ былъ Сагибъ-гирей. Сверхъ того, пользуясь присутствіемъ русскихъ войскъ, онъ поступалъ круто и въ высшей степени неблагоразумно, отли-

чался особенной надменностью со своими приближенными и казалось все дѣлалъ, чтобы раздражить подданныхъ и взволновать край. Самъ того не подозрѣвая, онъ игралъ въ пользу затаенныхъ плановъ Русскаго правительства, облегчая переходъ крымскихъ Татаръ въ русское подданство. Наконецъ, въ началѣ октября, вспыхнулъ открытый бунтъ противъ хана, и такъ какъ Прозоровскій упустилъ первые моменты, не прибѣгнувъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ, то мятежъ сталъ быстро развиваться. Произошло кровопролитное сраженіе между взбунтовавшимися Татарами и русскими войсками; мы потеряли до 450 человѣкъ убитыми и ранеными, Татары до 2,000. Но эта побѣда не прекратила ни мятежа, ни военныхъ дѣйствій.

Румянцовъ, дѣятельно переписываясь съ Прозоровскимъ, замѣтилъ, что князь нигдѣ въ своихъ донесеніяхъ не упоминаетъ имени Суворова и потребовалъ объясненія. Прозоровскій донесъ въ началѣ ноября, что Суворовъ въ отпуску, по болѣзни не возвратился и гдѣ находится нынѣ, неизвѣстно. Строгій Румянцовъ изъявилъ Прозоровскому свое неудовольствіе, запретилъ увольненіе въ отпуски изъ заграничныхъ войскъ, а Суворову послалъ предписаніе — немедленно явиться на службу къ своему мѣсту, замѣтивъ при этомъ, что ему, Суворову, должно быть извѣстно объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ. Ноября 21 Суворовъ послалъ Румянцову рапортъ и письмо. Въ рапортѣ говорилось коротко: «ордеръ вашего сіятельства, пущенный отъ 14 ноября, мною полученъ»; ничего больше. Письмо, немногимъ длиннѣе, объясняло, что болѣзнь препятствуетъ ему, Суворову, исполнить приказаніе немедленно, но чрезъ нѣкоторое время, когда въ состояніи будетъ ѣхать, онъ отправится къ своему мѣсту, только не на почтовыхъ. Суворову видимо не хотѣлось ѣхать въ Крымъ, подъ начальство Прозоровскаго; онъ 20 ноября снова написалъ Потемкину, ввернувъ фразу: «благополучіе мое зависитъ отъ одной власти высокой особы вашей свѣтлости; не оставьте покровительствовать». Потемкинъ исполнилъ на этотъ разъ его просьбу, и Румянцовъ получилъ приказаніе о назначеніи Суворова для командованія кубанскимъ корпусомъ. Поблагодаривъ Потемкина за покровительство и пообѣщавъ ему «пол-

ную точность въ исполненіи повелѣній, невозвратную преданность и правость души», Суворовъ не могъ однако, вслѣдствіе болѣзни, выѣхать тотчасъ же и прибылъ на Кубань лишь въ половинѣ января [4]).

Пріѣхавъ въ копыльское укрѣпленіе, главный постъ на Кубани, Суворовъ прежде всего позаботился о независимости своего положенія, потому что хотя командующій войсками въ Крыму и не имѣлъ возможности вмѣшиваться въ распоряженія начальника на Кубани, но все-таки кубанскій раіонъ считался въ его вѣдѣніи. Недавно послѣдовало предписаніе князя Прозоровскаго предшественнику Суворова на Кубани, гдѣ говорилось, что онъ, Прозоровскій, не знаетъ той страны и потому не можетъ давать подробныхъ наставленій для расположенія войскъ. Основываясь на этомъ документѣ, Суворовъ пишетъ Румянцову 18 января, что ему необходимо имѣть разрѣшеніе, «независимое отъ стороняго распоряженія, ибо излишняя переписка подвергаетъ иногда нужныя предпріятія медленности», тѣмъ болѣе, что князь Прозоровскій самъ сознается въ незнакомствѣ съ краемъ. Затѣмъ онъ отправляется лично осматривать линію постовъ по берегу моря до Кубани и по Кубани до Копыла, изучая вмѣстѣ съ тѣмъ страну. Результатомъ объѣзда было самостоятельное топографическое описаніе края и любопытныя этнографическія свѣдѣнія, съ цифрами и опредѣлительными данными, въ которыхъ не забыты даже Некрасовцы, хотя ихъ считалось не болѣе 600—800 человѣкъ, способныхъ къ войнѣ. Онъ обратилъ также вниманіе на здоровье войскъ и на состояніе госпиталей. Смертность была большая; для уменьшенія ея Суворовъ прибѣгнулъ къ средству широкаго расположенія скученныхъ дотолѣ войскъ и къ эвакуаціи госпиталей. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ (1792) писемъ своихъ онъ говоритъ объ этомъ такъ: «копыльскій на Кубани перевелъ я, оздоровивши гофспиталь по разводу бывшихъ въ кучѣ войскъ вдоль рѣки Александровской, за который до меня начальствующему отъ главнокомандующаго было жестокое взысканіе по крайней смертельности, опорожнился приходомъ, такъ и другіе». Чтобы избавить конницу отъ безпрестанныхъ изнурительныхъ разъѣздовъ по берегу Кубани, онъ

приказалъ выжечь прирѣчные камыши, чтобы горцы не могли скрытно прокрадываться; летучіе кавалерійскіе отряды расположилъ по укрѣпленіямъ и учредилъ между укрѣпленіями наблюдательные посты [8]).

Съ конца января Суворовъ приступилъ къ постройкѣ новыхъ укрѣпленій, несмотря на сильную стужу и набѣги хищниковъ, предположивъ нѣсколько сократить протяженіе всего кордона и довести его до соединенія съ моздокскою линіей. Вездѣ онъ былъ самъ, всюду указывалъ и наблюдалъ. Въ апрѣлѣ онъ проѣхалъ въ Азовъ и дорогой назначилъ мѣста для редутовъ на линіяхъ сообщеній, приказавъ тотчасъ же начинать работу. По его разсчету, вся система укрѣпленныхъ пунктовъ долженствовала быть окончена въ маѣ мѣсяцѣ; не дожидаясь срока, онъ потребовалъ артиллерію для вооруженія шанцевъ и нѣсколько полковъ на подмогу. Подкрѣпленіе было дѣйствительно нужно въ виду тройной цѣли, которую приходилось ему преслѣдовать: положить преграду набѣгамъ хищниковъ изъ-за Кубани, водворить спокойствіе и осѣдлость между ногайскими Татарами и быть въ состояніи отражать турецкіе дессанты. Подъ начальствомъ Суворова находилось всего около 12,000 человѣкъ, большею частію кавалеріи; просилъ онъ еще 2—3 полка пѣхоты и одинъ копницы, такъ что въ итогѣ было все-таки мало; но у него цифра никогда не играла главной роли. Во-первыхъ, онъ съ замѣчательнымъ искуствомъ проектировалъ распредѣленіе войскъ по линіи, не впавъ въ обыкновенную при подобныхъ условіяхъ ошибку — излишнее раздробленіе силъ. Въ крѣпости онъ назначилъ по двѣ роты пѣхоты, въ фельдшанцы по одной и меньше, до двухъ капральствъ; остальное предназначалось въ резервъ, крупными частями, въ важнѣйшихъ мѣстахъ. Во-вторыхъ, несмотря на работы по постройкѣ укрѣпленій, войска были упражняемы въ строевыхъ ученьяхъ и маневрахъ, примѣнительно къ условіямъ и характеру мѣстной войны. Въ донесеніи Румянцову онъ прямо говоритъ, что количественный недостатокъ будетъ пополненъ качественнымъ достоинствомъ: «не оставлю неизнурительнаго выэкзерцированія при наступленіи лучшей погоды, дабы способностію сею увеличить число ихъ». Въ-третьихъ, онъ

внушалъ своимъ подчиненнымъ необходимость постоянной бдительности на линіи, т.-е. напиралъ на мѣры предупредительныя.

Дѣйствуя такимъ образомъ на войска, онъ старался вліять и на населеніе: ласкалъ начальниковъ и властныхъ людей въ ногайскихъ ордахъ, шутилъ съ ними, дарилъ ихъ вещами и деньгами, обѣщалъ многое въ будущемъ, служилъ за нихъ ходатаемъ предъ Румянцовымъ. Меньше 100 дней пробылъ Суворовъ въ этомъ краю, т.-е. такой срокъ, который обыкновенно нуженъ, чтобы только осмотрѣться, а между тѣмъ край былъ уже изученъ, непріятель изслѣдованъ, построено больше 30 укрѣпленій, измѣненъ порядокъ службы на кордонѣ. Набѣги изъ-за Кубани прекратились; Татары, охраняемые отъ волненій за-кубанскихъ эмиссаровъ и отъ набѣговъ хищниковъ, успокоились, принялись за мирныя занятія и, главное, стали убѣждаться въ томъ, что Русскіе дѣйствительно имѣютъ въ виду добрую для нихъ цѣль. Умный, проницательный Румянцовъ не могъ не оцѣнить плодотворной дѣятельности Суворова на Кубани и отзывался о немъ съ удовольствіемъ и похвалою.

Онъ не могъ въ той же мѣрѣ быть довольнымъ княземъ Прозоровскимъ. Несмотря на одержанную въ октябрѣ 1777 года побѣду, возстаніе распространялось; многіе русскіе продовольственные магазины были захвачены; сообщенія Прозоровскаго съ отрядами, крѣпостями и границею отрѣзаны. Положеніе Русскихъ сдѣлалось критическимъ, и нѣкоторые отдѣльные посты были брошены съ занимавшими ихъ отрядами на произволъ судьбы. Правда, это продолжалось недолго, и въ декабрѣ восточная часть Крыма была уже очищена отъ мятежниковъ, но за то явился новый претендентъ на ханство, Селимъ-гирей; Турція послала въ Черное море, для поддержки возмутившихся Татаръ, 8 военныхъ кораблей; одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ, генералъ-маіоръ Райзеръ, дѣлая одни грубыя ошибки, въ заключеніе куда-то пропалъ со всѣмъ своимъ отрядомъ. Въ концѣ-концовъ мятежъ однако же все-таки былъ усмиренъ, и Селимъ-гирей бѣжалъ. Затѣмъ въ апрѣлѣ Прозоровскій получилъ двухгодовой отпускъ для излеченія болѣзни, и на его мѣсто Румянцовъ назначилъ Суворова.

Взаимныя отношенія Прозоровскаго и Суворова нельзя сказать чтобы были хороши. Суворовъ, какъ мы видѣли, тяготился своимъ подчиненнымъ положеніемъ и старался изъ него выйти; а Прозоровскій дѣлая видъ, будто ему все равно, въ сущности оскорблялся тенденціями Суворова и выставлялъ ихъ на видъ. Такъ, въ мартѣ 1778 года онъ пишетъ Румянцову, что Суворовъ никогда и ни о чемъ не извѣщаетъ его съ Кубани; я-де доволенъ, потому что до Кубани далеко и той стороны я не знаю; но это затрудняетъ общую связь дѣйствій по указаніямъ вашего сіятельства. «Не въ жалобу, а единственно изъ усердія къ службѣ прошу повелѣнія, чтобы генералъ-поручикъ Суворовъ, если не захочетъ рапортовать (чего и не требую), то записки объ обращеніяхъ и намѣреніяхъ своихъ посылалъ бы» [9]).

Когда Прозоровскій былъ уволенъ въ отпускъ, но еще не уѣхалъ, Суворовъ сдалъ свой постъ, пріѣхалъ въ Бахчисарай и тамъ остановился, ничего не сообщая Прозоровскому о своемъ прибытіи. Чрезъ нѣсколько дней Прозоровскій однако узналъ объ этомъ; имѣя отпускъ въ карманѣ (можетъ быть даже вынужденный) и не желая тратить по пустому время, онъ извѣстилъ Суворова, что пріѣдетъ къ нему самъ для объясненій по сдачѣ корпуса. Суворовъ сообщилъ чрезъ нарочнаго на словахъ, что по болѣзни никого принять не въ состояніи. Тогда Прозоровскій чрезъ того же посланнаго просилъ извѣстить о часѣ, въ который онъ можетъ пріѣхать на слѣдующій день, но отвѣта и на завтра не получилъ. Изъ лагеря своего онъ послалъ въ Бахчисарай адъютанта; адъютантъ вернулся и доложилъ, что Суворова нѣтъ дома, что онъ ужинаетъ у резидента, а на другой день собирается ѣхать къ хану. Теперь Прозоровскій не могъ уже не догадаться, что Суворовъ рѣшительно не желаетъ свиданія съ нимъ, поэтому послалъ къ нему генерала Леонтьева для сообщенія нужныхъ свѣдѣній, а самъ отправился въ путь изъ Крыма. Впрочемъ, о послѣдней выходкѣ Суворова онъ не преминулъ донести главнокомандующему.

Суворовъ въ настоящемъ случаѣ нарушилъ основныя военныя приличія и даже простую европейскую вѣжливость, обязательную во взаимныхъ отношеніяхъ образованныхъ людей. При-

чины тому тѣ же, съ которыми мы познакомились раньше, только съ новыми оттѣнками. Прозоровскій, хотя не лишенный нѣкотораго военнаго дарованія, могъ быть однако соперникомъ Суворову только «по отвѣсу списочнаго старшинства», но въ глазахъ Суворова этотъ «отвѣсъ» имѣлъ значеніе важнаго грѣха. Прозоровскій былъ строгій блюститель всякаго воинскаго порядка, даже наружнаго, благоговѣлъ предъ Фридрихомъ Великимъ и любилъ кстати и не кстати толковать о тактикѣ. Въ этихъ его качествахъ было уже не мало такого, что такъ сказать претило Суворову. Кромѣ того при своей мелочности и придирчивости, Прозоровскій не отличался личною самостоятельностью. Когда 12 лѣтъ спустя его назначили главнокомандующимъ въ Москву, то Потемкинъ написалъ Екатеринѣ, что она выдвинула изъ арсенала старую пушку, которая несомнѣнно будетъ стрѣлять въ назначенную ей цѣль, ибо своей не имѣетъ, но за то можетъ запятнать Государыню кровью въ потомствѣ [10]). Слѣдовательно, по свойствамъ своимъ Прозоровскій былъ антиподомъ Суворова. Въ добавокъ ко всему, онъ производилъ слѣдствіе по происшествію, въ которомъ Суворовъ игралъ видную роль (о чемъ только-что было сказано), и хотя результатъ неизвѣстенъ, но уже этого факта достаточно для натянутыхъ отношеній между людьми самолюбивыми. А такъ какъ ладить съ Суворовымъ было дѣломъ для всякаго труднымъ, то въ общемъ итогѣ и получился извѣстный результатъ.

Вступивъ въ командованіе, Суворовъ прежде всего взялся за больныхъ и за госпитали. Больныхъ въ госпиталяхъ оказалось около 1,200 человѣкъ. Онъ приказалъ эвакуировать таврическіе госпитали, а отъ находившихся внѣ полуострова отказался вовсе, представя объ этомъ Румянцову. Возложивъ попеченіе о больныхъ на полковыхъ командировъ, какъ на прямыхъ отвѣтчиковъ, Суворовъ принялся собственно за военную часть. Онъ раздѣлилъ полуостровъ на округа, для удобнѣйшаго наблюденія за Турками; указалъ, какія укрѣпленія усилить и какія вновь возвести; протянулъ по морскому берегу линію постовъ; завелъ сигналы между сухопутными войсками и флотиліей; приказалъ обучить людей распознаванію своихъ судовъ и ту-

рецкихъ. Чтобы устранить всякую возможность недоумѣній и недоразумѣній, онъ издалъ 16 мая подробную инструкцію, которая вмѣняла въ обязанность войскамъ соблюдать согласіе съ обывателями; послѣднимъ указанъ порядокъ принесенія жалобъ; начальникамъ рекомендована неусыпная бдительность, взаимная связь и подкрѣпленіе, употребленіе оружія лишь въ крайности, а съ покоряющимися полное человѣколюбіе. Въ тотъ же день, 16 мая, Суворовъ отдалъ приказъ по войскамъ крымскаго и кубанскаго корпусовъ о порядкѣ службы вообще. Этотъ достойный вниманія документъ заключаетъ въ себѣ обстоятельныя и подробныя наставленія почти по всѣмъ отдѣламъ службы. Бытъ войскъ, ихъ хозяйство, сбереженіе здоровья, обученіе, движенія, дѣйствія—ничто не упущено. Въ виду важнаго историческаго значенія этого документа, онъ помѣщается здѣсь цѣликомъ (см. Приложеніе I).

Порта рѣшила тѣмъ временемъ послать въ Черное море три эскадры, двинула къ границѣ сухопутныя войска и стала строить черезъ Дунай мостъ у Исакчи. Румянцовъ усилилъ энергію переговоровъ и уполномочилъ нашего посланника въ Константинополѣ подать ультиматумъ. Онъ могъ поступить такимъ образомъ потому, что все путанное дѣло охраны татарской независимости велось съ нашей стороны гладко, съ устраненіемъ предлоговъ къ протестамъ, а со стороны Турціи было много неловкостей и промаховъ. Въ то же время Румянцовъ предписалъ Суворову — не допускать Турокъ высадиться въ Крыму.

Задача была довольно трудная, потому что мы находились съ Турціей въ мирѣ и дѣйствовать слѣдовало мирными же средствами, а къ оружію прибѣгнуть лишь въ послѣдней крайности. Румянцовъ немного сомнѣвался въ способности Суворова къ такому способу дѣйствій, ибо писалъ къ Потемкину: «какъ господинъ Суворовъ не говорливъ и не податливъ, то не поссорились бы они, а послѣ бы и не подрались» [5]). Однако предположенія его не оправдались. Суворовъ вступилъ въ переговоры. Турки говорили, что Русскіе не имѣютъ права занимать Крымъ, независимость котораго признана недавнимъ миромъ, и флотъ

ихъ не долженъ плавать по Черному морю, принадлежащему Турціи. Суворовъ объяснялъ, что русскія войска находятся въ Крыму по приглашенію Татарскаго правительства, а флотилія плаваетъ для охраненія Крыма. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ свое удивленіе на счетъ нахожденія турецкаго флота у береговъ независимаго полуострова, которому никто другой не угрожаетъ и правительство котораго къ турецкой помощи вовсе не прибѣгаетъ. Въ заключеніе Суворовъ объявилъ, что насильственное вступленіе Турокъ на берегъ будетъ принято за разрывъ, и Русскіе прибѣгнутъ тогда къ оружію для защиты вольности и независимости Крымскаго ханства.

Іюня 7 произошелъ случай, который могъ привести именно къ этой нежелаемой развязкѣ. Въ ахтіарской (севастопольской) бухтѣ стояло нѣсколько турецкихъ судовъ, съ которыхъ часть людей высадились ночью на берегъ и убили казака. Эти суда находились тутъ уже довольно давно, и миссія ихъ заключалась въ попыткѣ поднять Татаръ противъ хана и Русскихъ. Суворовъ, стоявшій лагеремъ вблизи Бахчисарая, пригласилъ хана и вмѣстѣ съ нимъ объѣхалъ верхомъ часть берега, въ виду Турокъ. Онъ выбралъ и намѣтилъ тутъ мѣста для укрѣпленій, а въ ночь на 15 іюня 6 батальоновъ русской пѣхоты съ конницею и артиллеріею расположились по обѣ стороны ахтіарской бухты и тотчасъ же приступили къ возведенію насыпей. Утромъ работу прекратили. Отъ Турокъ послѣдовалъ въ приличной формѣ запросъ; Суворовъ въ дружественномъ отвѣтѣ указалъ на убитаго казака. Слѣдующею ночью работа по возведенію укрѣпленій продолжалась, въ третью также. Укрѣпленія выростали, такъ что могли запереть турецкимъ кораблямъ отступленіе. Турки признали свое положеніе въ бухтѣ опаснымъ; 17 іюля, несмотря на противный вѣтеръ, они выбрались изъ бухты на буксирѣ гребныхъ судовъ и бросили якорь въ морѣ, въ получасѣ отъ берега [11]).

Въ началѣ сентября Турки появились въ огромныхъ силахъ: около 170 судовъ оцѣпили часть Крымскаго полуострова, безпрестанно крейсеровали у береговъ и массами скоплялись вблизи нашихъ укрѣпленій. Суворовъ усилилъ цѣпь пикетовъ по мор-

скому берегу и ввелъ въ Крымъ черезъ Перекопъ резервный корпусъ; отряды стали маневрировать по берегу соотвѣтственно съ демонстративными движеніями турецкихъ судовъ. Турки просили дозволенія сойти на берегъ для прогулки; имъ было отказано ласково и дружески, но твердо, подъ предлогомъ карантинныхъ правилъ, такъ какъ корабли прибыли изъ мѣстъ, заражонныхъ чумою. Турки просили позволенія налиться прѣсною водою и запастись дровами; но и эта просьба отклонена въ вѣжливой формѣ, подъ двойнымъ предлогомъ чумы и засухи, вслѣдствіе которой мы сами въ водѣ нуждаемся. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ, турецкій флотъ отплылъ къ Константинополю и оставилъ Суворова въ покоѣ.

Такимъ образомъ исполнена была воля Румянцова, который, по поводу довольно многочисленныхъ случаевъ обращенія мусульманъ въ христіанство, писалъ Потемкину въ шутливомъ тонѣ: «Татары и Турки въ немаломъ количествѣ прибѣгаютъ къ источнику вѣчной жизни, и я желаю, чтобы равноапостольный Суворовъ ихъ жажду утолилъ, а Гассанъ-бея къ прѣсной водѣ не пускалъ» [5]).

Кромѣ всего сказаннаго, на долю Суворова досталось еще одно очень трудное дѣло — исполненіе операціи по выселенію христіанъ изъ Крыма. Обладаніе Крымомъ въ эту пору еще далеко не представлялось за Россіей обезпеченнымъ. Надо было и сдѣлать новые ходы, чтобы приблизиться къ цѣли, и извлечь изъ Крыма что можно на случай неудачи. То и другое достигалось переселеніемъ изъ Крыма находившихся тамъ христіанъ, преимущественно греческой и армянской національностей. Въ ихъ рукахъ находились промышленность, садоводство и земледѣліе горной полосы, что составляло знатную долю доходныхъ статей хана. А ханъ былъ человѣкъ непадежный по своему замѣчательному непостоянству; обезпеченный въ своихъ средствахъ, онъ могъ измѣнить интересамъ Россіи. Слѣдовало поставить его въ положеніе заискивающаго и получающаго милости. Съ другой стороны — представлялась выгода заселенія при-азовскаго края многочисленною колоніею трудолюбивыхъ, промышленныхъ людей. Выгода достигалась во всякомъ случаѣ,

а въ пользу исполнимости переселенія говорило то обстоятельство, что крымскіе христіане были обременены до послѣдней степени ханскими поборами, слѣдовательно предоставленіе имъ на новомъ мѣстѣ облегченія отъ налоговъ должно было ихъ склонить въ пользу задуманной Русскимъ правительствомъ мѣры. Такимъ образомъ дѣло это было рѣшено, и исполненіе его возложено на Суворова.

Суворовъ вошелъ въ сношеніе съ греческимъ митрополитомъ; тотъ призналъ переселеніе возможнымъ на извѣстныхъ условіяхъ; требовалось переселенцамъ пособіе въ переѣздѣ и перевозкѣ имущества и на новыхъ мѣстахъ разныя льготы. Суворовъ представилъ Румянцову свои подробныя соображенія по всей операціи; между прочимъ нужны были 6,000 воловьихъ подводъ, покупка у переселяемыхъ неудобоперевозимой части ихъ имущества, постройка для нихъ домовъ на новыхъ мѣстахъ, защита христіанъ отъ ханскаго гнѣва, продовольствіе ихъ въ пути на счетъ казны и многое другое. За словомъ скоро послѣдовало и дѣло: въ іюлѣ началось переселеніе.

Ханъ пришелъ въ состояніе, близкое къ бѣшенству: подкапывался авторитетъ его власти, обнаруживалось полное ея безсиліе, отбирался отъ него важный источникъ дохода. Тщетно удостовѣряли его, что онъ ничего не потеряетъ, что Русское правительство назначитъ ему равносильное вознагражденіе. Фактъ былъ дѣйствительно очень рѣзокъ; ханъ прервалъ сношенія съ Суворовымъ и резидентомъ, грубо отказывалъ послѣднему въ аудіенціи, выѣхалъ изъ Бахчисарая въ лагерь. Съ совѣтниками своими онъ рѣшилъ — ходатайствовать въ Петербургѣ объ отмѣнѣ переселенія, а Суворова просить объ отсрочкѣ исполненія на 25 дней. Суворовъ отказалъ, такъ какъ многіе христіане уже изготовились къ выѣзду. Татары пытались сдѣлать возмущеніе, отговаривали христіанъ отъ переселенія, прибѣгали къ побоямъ. Суворовъ принялъ свои мѣры, держалъ войска на готовѣ, не допускалъ Татаръ до скопищъ. У выходящихъ христіанъ онъ приказалъ снимать хлѣбъ подъ квитанціи; заготовилъ путевое довольствіе; подъ переселенцовъ употребилъ въ началѣ казенные обозы и офицерскія повозки, въ ожиданіи

6,000 подводъ отъ азовскаго губернатора. Видя, что ничего не помогаетъ, ханъ отказался отъ управленія дѣлами, сѣялъ между Татарами раздраженіе противъ Русскихъ, роспускалъ слухи, будто наши войска готовятся къ избіенію магометанъ и наконецъ вошелъ съ Суворовымъ въ переписку, полную колкостей, доходившихъ даже до оскорбленій. Суворовъ не стерпѣлъ и далъ Шагинъ-гирею отпоръ, но въ формѣ приличной и нисколько не враждебной. Волей-неволей ханъ долженъ былъ подчиниться.

Мы видѣли въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, какъ тяжела была Суворову обуза — вести дипломатическіе переговоры, изощряясь въ софизмахъ и діалектическихъ ухищреніяхъ; выставлять лисій хвостъ, не показывая волчьихъ зубовъ. Въ Крыму тяжесть непривычной работы усугублялась еще тѣмъ, что приходилось имѣть дѣло съ правительствомъ и народомъ не цивилизованнымъ, а пріемовъ надо было держаться европейскихъ. До какой степени удручала Суворова эта задача, свидѣтельствуетъ современная его переписка съ Потемкинымъ и его секретаремъ. Слѣдуетъ замѣтить, что онъ былъ подчиненъ Румянцову, а не Потемкину, значитъ писать къ Потемкину ему не подобало. Но желаніе поддерживать связь съ такимъ могущественнымъ лицомъ, какъ Потемкинъ, перемогло, тѣмъ паче, что онъ опасался не угодить Румянцову и считалъ нужнымъ заранѣе себя выгородить. Въ іюнѣ и іюлѣ онъ пишетъ самому Потемкину объ операціи переселенія, совѣтуетъ ею поторопиться и непремѣнно кого слѣдуетъ вознаградить [4]). Затѣмъ 4, 5 и 6 августа онъ бомбардируетъ письмами Потемкинскаго секретаря П. И. Турчанинова, съ которымъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ. Суворовъ говоритъ, что боится Румянцова за операцію съ христіанами; опасается, какъ бы тотъ не обнесъ его въ Петербургѣ, хотя дѣло идетъ своимъ чередомъ, несмотря на споры, на затрудненія съ подводами, на недостатокъ денегъ, на то, что всѣ его сотрудники переболѣли горячкой и онъ самъ, Суворовъ, нынѣ ею захворалъ. Настаивая, чтобы христіанъ непремѣнно вознаградить какъ слѣдуетъ, по справедливости, онъ говоритъ, что и вліятельныхъ Татаръ надо дарить: «Казы-гирей ласкается; дѣтина добрый, весельчакъ, никогда денегъ ни полушки;

просилъ въ долгъ 500 рублей, я обчелся, прислалъ 600, былъ очень радъ... Деньги, деньги, деньги; сочтетесь послѣ, убытокъ будетъ не великъ; ой, голубчикъ, тяжко, денегъ нѣтъ; радъ бы всѣ мои деревни заложить, — некому» [12]). Нѣсколько дней спустя Суворовъ опять пишетъ Турчанинову: «худо съ большими людьми вишеньки ѣсть; бомбардированіе началось (вѣроятно замѣчанія на операцію со стороны Румянцова), и съ полученія — я, жена, дочь въ одинъ день въ публичной горячкѣ» [13]).

По мѣрѣ развитія переселенской операціи, затрудненія не уменьшались. Въ августѣ Суворовъ пишетъ Потемкину, что Румянцовъ недоволенъ имъ, Суворовымъ, за то, что духовные манифесты по переселенію христіанъ обнародованы безъ присутствія магометанъ въ мечетяхъ; что одно время христіане отказались было переселяться, ибо таможенные откупщики перещупываютъ все перевозимое имущество, даже до иконъ; но откупщикамъ заплочено 5,000 руб., дабы не щупали; что вообще всяческія угрозы множатся на подобіе лая пса. Въ сентябрѣ разыгрываются Турчанинову варьяціи на ту же тему; Суворовъ говоритъ, что находится въ когтяхъ ханскаго мщенія; что въ началѣ операціи, по подговору Татаръ, съ полдюжины христіанъ протестовали противъ переселенія, и теперь, при концѣ дѣла, повторилось тоже самое со стороны полудюжины другихъ семей. Румянцовъ недоволенъ, разжигаемый ханомъ, чрезъ послѣдняго передаетъ строгое запрещеніе насильственнаго вывода христіанъ, когда ни одинъ казакъ съ плетью ни за кѣмъ не гонялся. «Строгость сія постигла меня уже по выводѣ (почти всѣхъ) христіанъ; ну, а еслибъ прежде, — сгибъ бы Суворовъ за неуспѣхъ... Отъ фельдмаршала глотаю я что дальше, то больше купоросныя пилюли». Ко всѣмъ этимъ непріятностямъ присоединились и семейныя: «я боленъ и жена 8-й мѣсяцъ въ постели; снова напала на нее жестокая горячешная лихорадка. Изъ двухъ золъ принужденъ я избрать легчайшее; на сихъ первыхъ дняхъ ѣдетъ она къ Полтавѣ. Дочь же почти еще въ горшей опасности. Если Богъ дастъ благополучно, надо бы мнѣ къ женинымъ родинамъ (въ ноябрѣ) на краткій часъ пріі-

ѣхать къ ней». Да и миновала уже въ Крыму пора кипучей дѣятельности; Суворовъ началъ ощущать предвкусіе будущаго бездѣйствія. «Дѣла мнѣ здѣсь скоро не будетъ и нѣтъ; вывихрите (вырвите) меня въ иной климатъ, дайте работу; или будетъ скучно, или будетъ тошно... Къ половинѣ января дайте работу... свѣженькую» [12]).

Самолюбивая, впечатлительная натура Суворова ставила начальству всякое лыко въ строку, оттого ему казались такими горькими «купоросныя пилюли» Румянцова. Дѣло вершилось сложное, шероховатостей и зацѣпокъ миновать было невозможно. Конечно, насиліемъ называется не одинъ только тотъ видъ, когда за человѣкомъ гоняется казакъ съ нагайкой; но вѣдь самое переселеніе было въ основаніи своемъ насильственное, и безъ сомнѣнія для переселяемыхъ христіанъ имѣло значеніе большой «купоросной пилюли». Имѣющую такой основный смыслъ операцію невозможно замаскировать подробностями исполненія, обманчивыми до обольщенія друзей и недруговъ. Суворовъ былъ почти правъ, выставляя отсутствіе казаковъ съ нагайками за аргументъ въ свое оправданіе, тѣмъ паче, что онъ дѣйствительно поступалъ сдержано, политично и человѣколюбиво. Румянцову же, изъ его малороссійской деревни, откуда онъ направлялъ дѣло, не трудно было впасть въ неумѣренныя требованія. Впрочемъ легко быть можетъ, что Суворовъ, вслѣдствіе своей мнительности увеличивалъ, самъ того не подозрѣвая, степень горечи Румянцовскихъ пилюль.

Во второй половинѣ сентября переселеніе окончилось. Выселено свыше 31,000 душъ; Греки большею частью поселены между рѣками Бердой и Калміусомъ, по р. Соленой и по азовскому прибрежью; Армяне близъ Ростова и вообще на Дону. Румянцовъ доносилъ Императрицѣ, что »выводъ христіанъ можетъ почесться завоеваніемъ знатной провинціи». На перевозку и продовольствіе истрачено всего 130,000 рублей. Собственно продовольствіе обошлось очень дешево, такъ какъ Суворовъ скупилъ у тѣхъ же христіанъ 50,000 четвертей хлѣба, который поступая на мѣстѣ въ магазины, обошелся вдвое дешевле поставляемаго изъ Россіи, отчего и составилось слишкомъ 100,000

рублей экономіи. Распоряженія Суворова отличались замѣчательнымъ благоразуміемъ и разсчетливостью; онъ такъ сказать вложилъ свою душу въ это дѣло. Спустя больше полугода, когда дѣло было уже почти сдано въ архивъ, Суворовъ все еще чувствовалъ на себѣ какъ бы гнетъ нравственной обязанности по отношенію къ переселенцамъ и писалъ къ Потемкину: «крымскіе переселенцы претерпѣваютъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи многіе недостатки; воззрите на нихъ милостивымъ окомъ, такъ много пожертвовавшихъ престолу; усладите ихъ горькое воспоминаніе» [4]).

Волненія въ Крыму улеглись, но наступило тревожное время на Кубани. Еще въ апрѣлѣ, черезъ нѣсколько дней по отъѣздѣ Суворова въ Крымъ, горцы сдѣлали вторженіе. Суворовъ приписалъ этотъ случай послабленію службы на линіи и счелъ нужнымъ назначить туда новаго начальника, генералъ-маіора Райзера. Богъ знаетъ, почему онъ выбралъ человѣка, который уже успѣлъ заявить въ Крыму свою неспособность; можетъ быть изъ недовѣрія къ оцѣнкѣ князя Прозоровскаго. Райзеръ прибылъ на мѣсто и въ самомъ скоромъ времени напортилъ. Вопреки данной ему программы, которою всякое наступательное съ нашей стороны дѣйствіе за Кубань было запрещено, какъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ безполезное, Райзеръ снарядилъ экспедицію, сжегъ одно селеніе и избилъ всѣхъ его жителей. Черезъ мѣсяцъ одинъ изъ его подчиненныхъ сдѣлалъ новый поискъ за Кубань. Вслѣдъ затѣмъ Райзеръ самымъ опрометчивымъ образомъ оскорбилъ одного изъ ногайскихъ султановъ, которому въ видѣ удовлетворенія Суворовъ принужденъ былъ подарить 3000 рублей.

Безпричинные поиски за Кубань озлобили горцевъ. Партія ихъ, человѣкъ въ 300, никѣмъ не замѣченная, переплa обмелѣвшую Кубань въ бродъ и нанесла жестокое пораженіе гарнизону одного изъ укрѣпленій, несмотря на геройское поведеніе войскъ. Суворовъ приказалъ Райзеру изслѣдовать происшествіе и виновныхъ предать суду, такъ какъ причина несчастія заключалась въ неисполненіи данныхъ инструкцій. Это было въ концѣ сентября, а черезъ мѣсяцъ большая партія горцевъ

прокралась къ другому укрѣпленію, захватила часть гарнизона, высланную за водою и, никѣмъ не преслѣдуемая, увела съ собою плѣнниковъ. Суворовъ велѣлъ и это дѣло изслѣдовать, отдавъ виновныхъ подъ судъ, а Райзеру объявилъ выговоръ.

Прошелъ 1778 годъ. Суворовъ не успѣлъ побывать въ Полтавѣ, какъ разсчитывалъ, и долженъ былъ отсрочить свиданіе съ женою до января. Тотчасъ послѣ новаго года онъ поѣхалъ въ отпускъ и нашелъ свое семейство въ Полтавѣ въ самомъ жалкомъ положеніи. Разрѣшеніе Варвары Ивановны отъ бремени совершилось не благополучно, и она была сильно больна. Устроивъ кое-какъ домашнія дѣла и получивъ надежду на поправленіе здоровья жены, онъ, едва пробывъ въ Полтавѣ десятокъ дней, отправился опять на службу, такъ какъ отпускъ ему былъ данъ короткій, на совѣсть, безъ срока, притомъ связанный съ экстреннымъ порученіемъ. Поѣхалъ онъ въ Астрахань, оттуда чрезъ Кизляръ и Моздокъ по астраханской и моздокской линіямъ на кубанскую, затѣмъ на бердянскую и чрезъ Арбатъ возвратился въ Крымъ въ концѣ февраля 1779 года. Онъ осмотрѣлъ все внимательно, видѣлся и бесѣдовалъ со многими ногайскими султанами, вникалъ въ наши къ нимъ отношенія и въ положеніе дѣлъ. Райзера онъ окончательно призналъ начальникомъ неспособнымъ, который не умѣетъ себя вести и отличается крайнею бездѣятельностью, по выраженію Суворова «оспалостью», т.-е. сонным состояніемъ. Донося Румянцову 23 февраля о результатѣ сдѣланнаго объѣзда, онъ успокоиваетъ его на счетъ тишины въ тѣхъ странахъ, но требуетъ смѣны Райзера и въ заключеніе проситъ позволенія побывать около Святой въ Полтавѣ, на короткое время, а если при этомъ потребуется сдѣлать служебный объѣздъ, то не такой бы длинный, какъ нынѣшній [14]).

Затѣмъ Суворовъ послалъ Райзеру довольно суровый упрекъ и наставленіе; ставилъ ему въ вину, что онъ прибѣгалъ къ военнымъ мѣрамъ, когда достаточны были мирныя; что поступалъ круто, когда нужна была ласка; спрашивалъ — почему не заведена съ зарѣчными мѣновая торговля; если потому, что они не довѣряютъ Русскимъ, то можно базары устроить на ихъ сто-

ропѣ, насыпавъ тамъ шанецъ и наведя мостъ. «Благомудрое великодушіе иногда болѣе полезно, нежели стремглавный военный мечъ... Одна такая комунпкація повлечетъ за собою другую, третью...» Однако Райзеръ оказался неисправимымъ. Въ апрѣлѣ горцы снова захватили казачій разъѣздъ. Виновныхъ приказано отдать подъ судъ, Райзеру выговоръ и смѣна, остальнымъ повтореніе и подтвержденіе прежнихъ инструкцій.

Холодныя отношенія между Шагинъ-гиреемъ съ одной стороны и Суворовымъ и резидентомъ съ другой — продолжались. Румянцовъ старался поправить дѣло, считая Шагина самымъ удобнымъ для Россіи ханомъ, но Суворовъ смотрѣлъ на него, какъ на жалкое созданіе, которое ничѣмъ не проймешь, кромѣ денегъ. Къ деньгамъ и пришлось прибѣгнуть, чтобы вознаградить за выселеніе христіанъ, за таможенные убытки, за послушаніе и наконецъ за полное подчиненіе ханской политики русскимъ интересамъ. Екатерина приказала подарить хану сервизъ, разныя другія вещи и деньгами 50,000 рублей, а братьямъ хана, беямъ, мурзамъ и вообще вліятельнымъ лицамъ другія 50,000. Результатъ получился желаемый и злоба утихла.

Между тѣмъ пора воинственныхъ замысловъ Турціи и боевыхъ приготовленій смѣнилась направленіемъ противоположнымъ. Въ турецкомъ министерствѣ произошла перемѣна въ смыслѣ усиленія партіи мира и привела къ давно желаемому Россіею результату: 10 марта 1779 года Порта подписала конвенцію съ утвержденіемъ Кучукъ-Кайнарджискаго трактата и признала Шагинъ-гирея Крымскимъ ханомъ. Военныя приготовленія въ Крыму и на Кубани прекратились, и Суворовъ получилъ приказаніе оставить въ Крыму 6,000 человѣкъ, подъ видомъ гарнизоновъ для Еникале и Керчи, а остальныя войска Крыма и Кубани выводить. Какъ только приготовленія къ походу сдѣлались общеизвѣстными, со стороны Шагинъ-гирея посыпались на Суворова различныя просьбы. Ханъ просилъ, въ виду возможности мятежа, оставить на первое время батальонъ, двѣ роты и эскадронъ. Послѣдовалъ отказъ. Ханъ просилъ не срывать укрѣпленій, оставивъ ихъ для его войскъ. Суворовъ согласился сохранить и передать немногія, такъ какъ

остальныя скорѣе будутъ хану опасны, чѣмъ полезны въ его положеніи, среди вѣроломнаго народа. Ханъ надѣялся, что ему будутъ переданы чугунныя пушки, но и въ этомъ разочаровался. Ханъ просилъ оставить въ Крыму разныхъ мастеровыхъ, свѣдущихъ по различнымъ частямъ людей и оркестръ музыки; просьба эта была удовлетворена отчасти.

Войска двинулись и вышли изъ Крыма въ отличномъ состояніи; они не оставили тамъ ни одного больного и не взяли ни одной обывательской подводы [15]). Самъ Суворовъ остался въ Крыму, несмотря на то, что ему не удалось навѣстить въ Полтавѣ свою семью о Святой. Онъ принялся разбирать претензіи ханскихъ таможенныхъ откупщиковъ на безпошлинный ввозъ товаровъ для русскаго крымскаго корпуса, навелъ справки въ таможняхъ за три года, на этихъ данныхъ основалъ свой разсчетъ и нашелъ, что претензіи откупщиковъ въ основаніи справедливы, но вдвое преувеличены. Окончить всѣ дѣла и выѣхать въ Полтаву ему удалось лишь въ концѣ іюля. Передъ выѣздомъ онъ просилъ Румянцова прекратить военный судъ надъ двумя командирами, по происшедшимъ на Кубани несчастнымъ случаямъ, и представилъ отчетъ въ видѣ плановъ о произведенныхъ имъ въ томъ году маневрахъ во время двухнедѣльной лагерной стоянки войскъ. Въ этомъ отчетѣ нѣтъ ничего существенно новаго: духъ, жизненная сила неизмѣнно прежніе и выражаются между прочимъ въ полномъ отсутствіи отступательныхъ движеній и пассивной обороны.

Сношенія съ Потемкинымъ продолжались. Потемкинъ былъ нуженъ Суворову всегда, а тѣмъ болѣе теперь, когда грозило бездѣйствіе, прозябаніе въ тѣни. Въ мартѣ Суворовъ изысканно благодаритъ Потемкина за пожалованную Императрицею табакерку съ портретомъ, осыпаннымъ брилліантами: «милости ваши превосходятъ всячески мои силы, позвольте посвятить остатки моей жизни къ прославленію толь безпредѣльныхъ благодѣяній». Въ маѣ посылаетъ трехъ татарскихъ дѣвочекъ, одну съ братомъ равнаго возраста, и изъявляетъ удовольствіе, что могъ выполнить желаніе. Въ маѣ же, по случаю мирнаго исхода дѣлъ, считая за лучшій для себя жребій состоять подъ начальствомъ

Потемкина, просить его объ этомъ, а въ іюлѣ, изъ Полтавы, благодаритъ за исполненіе просьбы [4]).

Суворовъ держался русской пословицы — рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше; но надъ нимъ не разъ сбывалась другая, французская: «лучшее» оказывалось врагомъ «хорошаго». А время текло своимъ чередомъ и вмѣсто удовлетворенія приносило зачастую разочарованіе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ Астрахани, на Кубани и въ Кременчугѣ; 1780—1787.

Угодничество Суворова передъ Потемкинымъ; назначеніе въ Астрахань; бездѣйствіе и скука; вліяніе мелочной среды; доносы и пасквили; первыя неудовольствія на Потемкина; переводъ въ Казанскую дивизію, а оттуда на Кубань.—Приведеніе Ногайцевъ къ присягѣ; наружный успѣхъ; переселеніе ихъ на Уралъ; бунтъ и бѣгство за Кубань.—Неудовольствіе Потемкина.—Экспедиція Суворова за Кубань.—Жизнь на линіи; отношенія къ Ногайцамъ; Муса-бей.—Переводъ Суворова во Владимірскую дивизію и потомъ въ Кременчугъ; производство въ генералъ-аншефы.—Характеристика Потемкина. — Путешествіе Екатерины по Россіи; появленіе Суворова въ свитѣ Государыни; странности его; смотръ въ Кременчугѣ; маневры подъ Полтавой.

Получивъ въ командованіе Малороссійскую дивизію, Суворовъ продолжалъ жить въ Полтавѣ, вмѣстѣ со своимъ семействомъ. Будучи повидимому доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ, онъ не заявлялъ Потемкину ни претензій, ни желаній, и хотя поддерживалъ по прежнему съ нимъ переписку, но предметомъ ея было преимущественно рекомендованіе вниманію всесильнаго князя разныхъ лицъ за ихъ службу въ Крыму. Тутъ высказывался начальникъ, который воздаетъ достойному достойное. Если въ письмахъ къ Потемкину о самомъ себѣ, Суворовъ обыкновенно прибѣгалъ къ изысканнымъ выраженіямъ, дутымъ комплиментамъ и льстивому тону, то тѣ же самыя средства онъ употреблялъ и на пользу своихъ подчиненныхъ. Такъ, въ одномъ изъ

подобныхъ писемъ читаемъ: «вашей свѣтлости дѣло—сооружать людямъ благодѣйствіе, возводить и возставлять нища и убога и содѣлывать благополучіе ищущему вашей милости, въ чемъ опыты великихъ щедротъ, сіяющихъ повсемѣстно къ неувядаемой славѣ, истину сію доказываютъ».

Зимою, въ ноябрѣ или декабрѣ, Суворова потребовали въ Петербургъ. Государыня приняла его очень благосклонно и оказала ему особенный знакъ вниманія, пожаловавъ 24 декабря брилліантовую звѣзду ордена св. Александра Невскаго со своей собственной одежды. Ему было объяснено, какое именно порученіе на него возлагается, данъ секретный собственноручный ордеръ Потемкина и инструкція. Суворовъ отправился черезъ Москву и Полтаву въ Астрахань, довольный и пріемомъ и порученіемъ, что просвѣчиваетъ въ слѣдующихъ словахъ его письма: «къ повелѣнному вашею свѣтлостью мнѣ предмету спѣша не въ возвращеніе, но въ продолженіе сихъ извѣстныхъ вамъ ко мнѣ вашихъ высокихъ милостей и покровительства, на остающее теченіе службы и жизни моей себя поручаю съ глубочайшимъ почитаніемъ»[1]).

Тогдашняя остъ-индская война между Англичанами и Французами производила невыгодное вліяніе на морскую торговлю Индіи. Многіе крупные торговцы стали искать для своихъ операцій сухопутнаго направленія, чрезъ Персію и Каспійское море. Обстоятельство это обратило на себя вниманіе Русской Императрицы. Еслибы первоначальную, случайную и повидимому трудноисполнимую мысль удалось поддержать, содѣйствуя ея осуществленію всѣми зависящими отъ Россіи средствами, то знатная часть индійской торговли направилась бы къ нашимъ границамъ. Но для этого требовалось прежде всего устранить препятствія, заключавшіяся въ тогдашнемъ состояніи прикаспійскаго края. Лишь небольшая часть каспійскаго прибрежья принадлежала Россіи; югъ находился во владѣніи Персіи, терзаемой смутами и междуусобіями. Приходилось прибѣгнуть отчасти къ мыслямъ и предположеніямъ Петра Великаго, распространить наши предѣлы на счетъ Персіи, завладѣть на югѣ надежнымъ пунктомъ для склада товаровъ и проч. Только исполненіе такого подготовительнаго плана расчищало путь къ конечной цѣли—

направленію остъ-индской торговли по внутреннему водному пути къ Петербургу.

Для разъясненія обстоятельствъ дѣла и исполненія вступительной части проэкта, если это окажется возможнымъ, и былъ посланъ Суворовъ. Въ ордерѣ Потемкина отъ 11 января 1780 года прямо сказано, что «усердная служба, искуство военное и успѣхи, всегда пріобрѣтаемые», побудили назначить именно Суворова. Цѣлью дѣйствій выставлено обезпеченіе комерціи безопаснымъ пристанищемъ; поводомъ и средствомъ — усмиреніе оружіемъ прибрежныхъ хановъ персидскихъ, вслѣдствіе часто повторяемыхъ ими дерзостей. Приказано между прочимъ осмотрѣть флотилію и освѣдомиться о дорогахъ [2]).

По обыкновенію Суворовъ принялся за дѣло вплотную и въ концѣ февраля уже просилъ Потемкина о переводѣ въ военную службу одного изъ знатоковъ азіятскихъ языковъ и мѣстныхъ обстоятельствъ. Скоро однакоже оказалось, что въ данномъ ему порученіи не было ничего живого: проектъ отвлеченія остъ-индской торговли на новый путь не прививался подъ вліяніемъ колеблющихся обстоятельствъ, а потомъ и совсѣмъ былъ брошенъ, такъ какъ англійскія дѣла въ Индіи приняли лучшій оборотъ и Англичанамъ удалось обезпечить за бенгальскою торговлею прежній ея путь. Суворову приходилось заниматься переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, т.-е. находиться въ положеніи, тягостнѣе бездѣлья. «Свѣженькая работа», о которой онъ мечталъ въ Крыму, оказалась гораздо скучнѣе и унылѣе прежней, и Крымъ представлялся блестящей ареной сравнительно съ Астраханью.

Такъ прошло два года. За неимѣніемъ серьезнаго дѣла, нашлись въ пустой, безсодержательной жизни захолустья интересы мелкіе; появились на Суворова пасквили и доносы, конечно вздорные, похожіе скорѣе на простую сплетню. Они имѣютъ однако свою особенность: по людямъ заурядным, по искусившимся, скользятъ почти безслѣдно, а человѣка изъ ряда вонъ, но не обстрѣляннаго, жалятъ чувствительно. Суворовъ принадлежалъ къ послѣднимъ; булавочные уколы его раздражали, развивали мелкіе инстинкты, и болото засасывало. Праздность и скука дѣлали свое дѣло.

По словамъ Суворова, на него подъ именемъ Фехтъ-Али-хана

сложили пасквиль трое: сибирякъ, армянинъ и татаринъ, которыхъ онъ и называетъ «тріумвиратомъ». Сплетня касается преимущественно предшествовавшаго его пребыванія въ Крыму. Посылая пасквиль Потемкину, Суворовъ объясняетъ нѣкоторыя его мѣста такъ: «Будто бы я хвасталъ, что тотъ я герой, что идетъ завоевать Персію».—Я только хвастаю, что близко 40 лѣтъ служу непорочно.—«Повѣщалъ хана (съ корыстною цѣлью) о контрибуціяхъ».—Просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими доходами, нынѣ они мнѣ не надобны, ни дѣтямъ моимъ.—«Требовалъ у хана, стыдно сказать, красавицъ».—Кромѣ брачнаго я не разумѣю, чего ради посему столько много вступаюся за мою честь.—«Персидскихъ аргамаковъ».—Я ѣзжу на подъемныхъ.—«Лучшихъ уборовъ».—Ящика для нихъ нѣтъ.—«Драгоцѣнностей».—У меня множество брилліантовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ.—«Индійскихъ тканей».—Я право не зналъ, есть ли тамъ онѣ.—Въ настроеніи глубоко оскорбленнаго, Суворовъ проситъ наказанія клеветниковъ и заключаетъ свое посланіе торжественнымъ обращеніемъ къ правосудію и добродѣтелямъ князя, какъ будто дѣло идетъ о предметѣ Богъ знаетъ какой важности. Не довольствуясь этимъ, онъ трогательно пишетъ немного спустя къ Потемкинскому секретарю Турчанинову, прося отвѣта: «почтенный другъ, удѣлите у себя времени полъ-четверти часа, переселитесь мысленно на мое удаленіе; всѣ лестные мнѣ метеоры исчезнутъ, одно уныніе есть питаніемъ моей души. Скончался здѣсь философъ Н. С. Долгорукій; лишенъ я въ немъ того, кто наилучшее утѣшеніе мнѣ въ моей грусти подавалъ» [3]).

Неизвѣстно, были ли отвѣты и въ чемъ они состояли. Вѣроятно Турчаниновъ постарался убѣдить Суворова, что онъ обращаетъ вниманіе на пустяки; только едва-ли убѣдилъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, одинъ изъ петербургскихъ знакомцевъ и довѣренныхъ лицъ Суворова извѣщаетъ его «съ вѣрнѣйшею оказіей», что одинъ изъ дербентскихъ армянъ подалъ Государынѣ жалобу на одного изъ упомянутыхъ тріумвировъ и обѣщаетъ подробно о послѣдующемъ извѣстить. До такой степени Суворовъ былъ чувствителенъ къ вздорнымъ и пошлымъ сплетнямъ [2]).

Къ концу 1781 года онъ сталъ еще впечатлительнѣе. Въ ноябрѣ пишетъ онъ записку въ родѣ письма, неизвѣстно къ кому, вѣроятно къ Турчанинову, хотя обращается вообще къ «друзьямъ» своимъ. По его словамъ, Войновичъ (начальникъ флотиліи) хвастаетъ, что у него 40,000 человѣкъ и что онъ отопретъ опочивальню царь-дѣвицы, а Піерри (командиръ Астраханскаго полка), смекающій, что своя рубашка ближе къ тѣлу, ждетъ отъ Войновича на свою долю Японскаго ханства. У губернатора (генералъ-поручика Якоби) Піерри директоръ театра, ученый шутъ и инструментъ; атаковали они вдвоемъ Суворова аргументами изъ алгебры, что всякій прапорщикъ его умнѣе; Суворовъ пропѣлъ ученому (Піерри) стихи изъ декалога, которые у неученаго (Якоби) застряли въ носу. Былъ гдѣ-то обѣдъ въ Михайловъ день (Суворовъ обѣдалъ всегда рано); лишь въ 4 часа пополудни загремѣла карета вице-ре (губернатора); Піерри грянулъ ему полный походъ, которымъ не удостоилъ Суворова. Гостей и Суворова такъ подвело отъ голода, что велѣлъ онъ велегласно раньше времени подавать на столъ. Подали все застылое, переспѣлое, подправное; стало ему отъ такой ѣды нездоровиться, и онъ публично далъ доктору щупать пульсъ, объяснивъ, что со временъ А. П. Бестужева такъ поздно развѣ когда ужиналъ. Вице-ре былъ великодушенъ, его могущество обезпокоилось и рано ретировалось. Къ вице-ре приходится въ торжественные дни ѣздить на поклонъ, по воскресеньямъ на куртаги; не поѣдешь, гнѣвъ достигнетъ до апартаментовъ Потемкина. «Варюша (Варвара Ивановна, жена Суворова) за 12 губернаторшихъ визитовъ не смилостивлена ею ни однимъ, перестали онѣ говорить между собою и кланяться». Негодуя на все это и подобное, Суворовъ полагаетъ, что лучше бы ему въ собранія не ѣздить, но не считаетъ возможнымъ вести среди многолюднаго города жизнь Тимона — мизантропа. Онъ признаетъ для себя унизительными подобныя отношенія къ губернатору: «онъ хозяинъ, т.-е. экономъ, но и я здѣсь почти два года не гость и блюдолизъ, и онъ мнѣ никакъ не господинъ... Астрахань въ Москву или Петербургъ не переименована, да и тамъ не достоинъ бы я былъ великой Монархини, если бы пренебреженіе

сносилъ». Впервые выражаетъ дальше Суворовъ свое неудовольствіе на Потемкина; излагаетъ предположеніе, что отъ Потемкина все зло и исходитъ; называетъ свое пребываніе въ Астрахани ссылкой; говоритъ, что оставить службу радъ бы, да грѣхъ, потому что на дѣло еще годенъ. Опасается, что его оклевещутъ и обнесутъ въ Петербургѣ, ибо «великія приключенія происходятъ отъ малыхъ причинъ... Право не знаю за собой грѣха, достойнаго наказанія; развѣ только, что мнѣ поздно мыслить какъ придворнымъ». Не довольствуясь замѣчаніями оборонительнаго свойства, онъ самъ вдается въ сплетню, разсказываетъ, что такой-то хочетъ заключить его на сѣверъ, гдѣ Люциферъ обладаетъ; другой ревнуетъ его къ одной дамѣ, которой онъ, Суворовъ, сдѣлалъ комплиментъ въ церкви; третій, герой астраханскихъ красавицъ, бросился въ воду внизъ головой и т. п. Мелкая среда очевидно подвела его подъ общій уровень, но онъ чувствуетъ тягость, непормальность своего положенія и въ заключеніе съ неподдѣльной скорбью говоритъ: «Боже мой, долго ли же меня въ такомъ тиранствѣ томить!» [2]).

Положеніе Суворова дѣйствительно было довольно странное и, для такого человѣка какъ онъ, тягостное. Губернаторъ не былъ ему подчиненъ, каспійская флотилія также; надежды на экспедицію не придвигались, а уходили. Впослѣдствіи, въ Финляндіи, онъ правда вспоминалъ, что 10 лѣтъ не проводилъ время такъ весело, какъ въ Астрахани; но таково уже розовое свойство воспоминаній, а находясь въ Астрахани, онъ ощущалъ только томленіе и тоску. Желая вырваться оттуда, онъ еще въ половинѣ 1781 года просилъ у Потемкина дозволенія пріѣхать въ Петербургъ. Дозволили, но на самое короткое время, такъ какъ онъ нуженъ въ Астрахани. Суворовъ успокоился отъ одной мысли, что стало быть дѣло впереди, не поѣхалъ въ Петербургъ и донесъ, что иной надобности въ Петербургѣ не имѣлъ, какъ разъяснить свое положеніе, ибо другой годъ безъ занятій, въ распоряженіяхъ по экспедиціи Войновича (измѣнически захваченнаго въ плѣнъ у персидскихъ береговъ) не участвовалъ и полагалъ, нѣтъ ли на него какого неудовольствія [4]).

Дѣло однако не являлось, томленіе усиливалось и терпѣніе Суворова наконецъ лопнуло: въ концѣ 1781 года онъ уже прямо проситъ перемѣщенія. Считаясь по спискамъ въ Казанской дивизіи, онъ предвидитъ свою туда отправку и старается отъ такого назначенія отдѣлаться, приводя въ резонъ, что въ составъ этой дивизіи входятъ всего два полка. Если же это неизбѣжно, пишетъ Суворовъ, то нельзя ли подчинить ему и Оренбургскій корпусъ; въ такомъ случаѣ онъ будетъ жить въ Симбирскѣ, подручно обѣимъ мѣстамъ. Больше всего онъ желалъ бы возвратиться въ Полтаву, откуда былъ вызванъ два года назадъ въ Астрахань. Сверстники его назначаются на генералъ-губернаторскія должности; большая бы милость была ему оказана подобнымъ же назначеніемъ, если однако это не отвлечетъ его отъ военной службы. На случай неисполненія ни одного изъ его желаній, Суворовъ проситъ разрѣшенія отлучиться въ пензенскія свои деревни или перемѣститься въ Кизляръ, откуда при надобности онъ можетъ переѣзжать въ Астрахань. Всю эту вереницу просьбъ онъ иллюстрируетъ описаніемъ своего настоящаго положенія: «гордостью утѣсняемъ, живу въ поношеніи» и т. под., и объясняетъ свою невольную навязчивость тѣмъ, что онъ обращался къ нему, Потемкину, чрезъ посредство другихъ лицъ, но ему отвѣчали «или честнымъ молчаніемъ, или учтивымъ двоесловіемъ» [4]).

Декабря 31 послѣдовалъ ордеръ Потемкина съ указомъ военной коллегіи. Такъ какъ обстоятельства приняли другой видъ, и Суворову не нужно для порученнаго ему дѣла оставаться въ Астрахани, то предписывается ему немедленно отправиться къ Казанской дивизіи и принять ее въ свое начальствованіе. Такимъ образомъ ни одна изъ кучи его просьбъ не была въ сущности исполнена [2]).

Пребываніе Суворова въ Казани продолжалось всего нѣсколько мѣсяцевъ, и свѣдѣній за это время не сохранилось о немъ никакихъ. Въ первой половинѣ августа 1782 года присланъ Суворову указъ изъ военной коллегіи объ отправленіи обоихъ его полковъ къ Моздоку, а въ концѣ того же мѣсяца полученъ ордеръ — самому ѣхать немедленно къ уроч. Кизикир-

меню, что у Днѣпра, и принять крымскія войска отъ графа де-Бальмена [5]).

Въ Крыму броженіе не прекращалось, поддерживаемое почти всеобщимъ неудовольствіемъ, которое Порта въ тайнѣ продолжала распалять чрезъ своихъ эмисаровъ, въ надеждѣ довести Татаръ до открытаго возстанія. Турки играли въ руку Россіи, ни мало того не подозрѣвая. Методъ приведенія Крыма въ необходимость отдаться Россіи, проводимый предъ тѣмъ Румянцовымъ по указаніямъ свыше, продолжалъ дѣйствовать и теперь подъ непосредственнымъ руководствомъ Потемкина. Чѣмъ крупнѣе возникали безпорядки, тѣмъ быстрѣе приближалась конечная цѣль.

Подъ вліяніемъ турецкихъ происковъ, многіе изъ татарскихъ старшинъ отказали хану Шагинъ-гирею въ повиновеніи и избрали ханомъ старшаго его брата, Батырь-гирея. Другой его братъ, Арсланъ-гирей, прибылъ съ Кубани и присталъ къ новому хану; Шагинъ бѣжалъ изъ Крыма подъ покровительство Русскихъ. Порта стала вооружаться и принимать угрожающее положеніе; но это не отдалило развязки. Русскія войска вступили въ Крымъ, въ Тамань и въ прикубанскій край; смута въ Крыму была подавлена скоро, и Шагинъ-гирей снова водворился въ Бахчисараѣ. Батырь и Арсланъ-гирей были арестованы; зачинщикъ и глава возстанія, Махметъ-гирей, по приказанію хана побитъ каменьями и нѣсколько другихъ лицъ казнено. Русскія войска остались въ Крыму, подъ предлогомъ отраженія турецкихъ посягательствъ, и уже его не покидали.

Суворовъ, призванный на замѣну графа де-Бальмена, получилъ однако по прибытіи на мѣсто другое назначеніе. Прежде всего онъ повидался съ Потемкинымъ, по его приглашенію, въ Херсонѣ, и оттуда поѣхалъ въ кр. св. Димитрія, у устьевъ Дона, для командованія кубанскимъ корпусомъ; потомъ, весною 1783 года, по вызову Потемкина снова ѣздилъ къ нему въ Херсонъ на совѣщаніе. Сформировалось 6 корпусовъ на пространствѣ отъ Молдавіи до Кавказа; ими командовали Репнинъ, Салтыковъ, Текелли, самъ Потемкинъ (крымскимъ), Суворовъ (кубанскимъ) и двоюродный братъ князя Потемкина, Павелъ Потемкинъ.

Подъ командою Суворова состояло 12 батальоновъ, 20 эскадроновъ и 6 казачьихъ полковъ. Корпусъ его предназначался «какъ для огражденія собственныхъ границъ и установленія между ногайскими ордами новаго подданства, такъ и для произведенія сильнаго удара на нихъ, если бъ противиться стали, и на закубанскія орды при малѣйшемъ ихъ колебаніи, дабы тѣхъ и другихъ привесть на долгое время не въ состояніи присоединиться къ Туркамъ» [6]). Суворовъ сталъ стягивать войска, чтобы сильно занять линію ейско-таманскую, особенно самый Ейскъ, свою главную квартиру. Когда Ейскъ былъ достаточно обезпеченъ, Суворовъ, исполняя программу, принятую при совѣщаніи съ кн. Потемкинымъ, послалъ въ ногайскія орды приглашеніе на праздникъ по случаю своего прибытія. Собралось въ степи подъ Ейскомъ до 3,000 человѣкъ; Суворовъ, котораго Ногайцы знали и помнили съ 1778 года, принялъ ихъ какъ старыхъ знакомыхъ, обошелся весьма дружелюбно и радушно, велъ бесѣду, шутилъ и угостилъ на славу. На другой день гости отправились обратно во свояси, довольные и пріемомъ, и угощеніемъ. Доволенъ былъ и Суворовъ, положивъ такимъ образомъ начало развязки.

Развязка уже разрѣшилась дипломатическимъ путемъ, только не осуществилась еще на дѣлѣ. Вслѣдствіе дѣятельныхъ переговоровъ съ Шагинъ-гиреемъ, съ его совѣтниками, мурзами и духовенствомъ, ханъ отрекся отъ своихъ владѣтельныхъ правъ, могъ жить гдѣ хотѣлъ, удерживалъ при себѣ свой гаремъ и дворъ и получалъ денежное содержаніе. Екатерина издала въ апрѣлѣ манифестъ о принятіи подъ свою державу Крымскаго полуострова, Тамани и всей кубанской стороны. Надлежало теперь привести Татаръ къ присягѣ на подданство и сдѣлать это подданство на сколько возможно фактическимъ.

Съ означенной цѣлью и въ виду грозившей отъ Турокъ опасности, Потемкинъ постоянно снабжаетъ Суворова обстоятельными инструкціями. Въ маѣ онъ рекомендуетъ вывѣдать наклонности татарскихъ ордъ, и если будетъ намѣреніе сопротивляться, то жестоко наказать. Онъ приказываетъ склонить ихъ на избраніе новыхъ мѣстъ для кочевокъ, именно въ уральской

степи, въ тамбовскомъ, саратовскомъ или иномъ намѣстничествѣ, и возлагаетъ свою надежду на способности Суворова и «на скорые и благоразумные его извороты въ тѣсныхъ обстоятельствахъ». Въ іюнѣ и іюлѣ Потемкинъ сообщаетъ о признакахъ турецкихъ на Кубани вліяній; говоритъ, что приказалъ выступить съ Дона 17 казачьимъ полкамъ, что пора наказать злоумышленниковъ изъ ногайскихъ ордъ, что ожидаетъ обнародованія на Кубани и въ Тамани высочайшаго манифеста; относительно же предполагаемаго переселенія Ногайцевъ подтверждаетъ двукратно, чтобы не было и тѣни принужденія [5]).

Насчетъ объявленія манифеста о присоединеніи къ Россіи Крыма, Тамани и прикубанскаго края и по предмету принесенія Ногайцами присяги на вѣрность, Суворовъ уже сдѣлалъ первый шагъ на данномъ имъ праздникѣ. Тутъ были многіе приверженцы Россіи, въ числѣ ихъ султанъ джамбулуцкой орды Муса-бей, пріятель Суворова. Имъ удалось убѣдить многихъ на подданство Россіи и на принесеніе присяги, но общее на то согласіе не представлялось еще вполнѣ обезпеченнымъ и могло подлежать сомнѣнію. Сомнѣніе это ясно проглядываетъ въ ордерахъ Потемкина, и Суворову предстояло какъ можно скорѣе разъяснить дѣйствительность, узнавъ кто другъ и кто недругъ.

Присяга назначена была на 28 іюня, день восшествія Екатерины на престолъ. Предполагалось дать Ногайцамъ богатое празднество; приглашенія частію были сдѣланы на первомъ праздникѣ, частью разосланы позже. Къ назначенному дню степь подъ Ейскомъ покрылась кибитками 6,000 кочевниковъ. Русскія войска держались наготовѣ, но не выказывали и тѣни угрозы. Послѣ богослуженія въ православной церкви, были созваны въ одно мѣсто ногайскіе старшины; имъ прочтенъ манифестъ объ отреченіи Шагинъ-гирея, и въ присутствіи Суворова они безпрекословно принесли на коранѣ присягу. Затѣмъ старшины разъѣхались по ордамъ и приняли такую же присягу отъ своихъ подвластныхъ, безъ всякихъ затрудненій, спокойно и торжественно, причемъ многимъ мурзамъ объявлены чины штабъ и оберъ-офицеровъ русской службы. Затѣмъ начался пиръ. Ногайцы разсѣлись группами; вареное и жареное мясо,

воловье и баранье, составляли главныя блюда; пили водку, такъ какъ виноградное вино запрещено кораномъ. Старшины обѣдали вмѣстѣ съ Суворовымъ; большой кубокъ ходилъ вокругъ, здравицы слѣдовали одна за другой; при грохотѣ орудій, при крикахъ «ура» и «алла», Русскіе перемѣшались съ Ногайцами; не было и признаковъ чего-нибудь непріязненнаго. По окончаніи пира открылись скачки, казаки соперничали съ Ногайцами. Вечеромъ второе угощеніе, продолжавшееся далеко за ночь. Съѣдено 100 быковъ, 800 барановъ, кромѣ разныхъ второстепенныхъ припасовъ; выпито 500 ведеръ водки. Ѣли и пили до безчувствія; многіе Ногайцы поплатились за излишество жизнью. Слѣдующій день, 29 іюня, имянины наслѣдника престола, ознаменовался новымъ пиромъ; 30 числа утромъ опять угощеніе. Гости, вполнѣ довольные гостепріимствомъ хозяевъ, простились съ ними дружески и откочевали во свояси, сопровождаемые русскими офицерами. Тамъ, въ присутствіи послѣднихъ, состоялась присяга народа, остававшагося дома.

Въ концѣ іюля послѣдовалъ рескриптъ Екатерины на имя Суворова; Государыня пожаловала ему недавно учрежденный орденъ св. Владиміра первой степени.

Однако подчиненіе Ногайцевъ русской власти, достигнутое съ формальной стороны, нельзя еще было принимать за дѣйствительное. Въ этомъ не обманывали себя ни Потемкинъ, ни Суворовъ. Своеволіе, безпорядки и внутренніе раздоры ногайскихъ ордъ проявлялись такъ часто и такъ недавно (въ 1781 и 1782 годахъ), народъ этотъ былъ такъ воспріимчивъ къ подстрекательству извнѣ, и земли донского войска такъ много страдали отъ Ногайцевъ, что надежда на внезапное перерожденіе ордынцевъ была бы чистой иллюзіей. Потемкинъ продолжалъ относительно ихъ прежнюю политику, до первой крупной съ ихъ стороны вины; приказывалъ обращаться съ ними ласково; оказывать особенное уваженіе ихъ религіи и подвергать жестокому наказанію, «какъ церковныхъ мятежниковъ», всѣхъ тѣхъ изъ Русскихъ, кто въ этомъ отношеніи провинится. Онъ велѣлъ Суворову внушить ордамъ, что они избавлены отъ рекрутчины и что поборы съ нихъ будутъ уменьшены. Съ удовольствіемъ

видя, что благодаря стараніямъ Суворова, мысль о переселеніи въ уральскую степь дѣлаетъ между Ногайцами большіе успѣхи, Потемкинъ просилъ укрѣплять въ нихъ это намѣреніе, но не приводить его въ исполненіе до особыхъ указаній. Ослушниковъ, уходящихъ за Кубань, онъ предписывалъ не трогать и переселенію туда не желающихъ оставаться въ русскомъ подданствѣ, не препятствовать [5]).

Признаки непокорности и своеволія Ногайцевъ обнаружились скоро, даже скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Турки, избѣгая явно-враждебныхъ дѣйствій, сѣяли смуту изподтишка, и Шагинъ-гирей, каявшійся въ своемъ отреченіи, подстрекалъ народъ къ возстанію. Видя это, Суворовъ, для сохраненія въ краѣ спокойствія, приступилъ къ переселенію покорившихся Ногайцевъ въ уральскую степь. Случилось такъ, что въ это самое время Потемкинъ прислалъ предписаніе — повременить переселеніемъ, но операція уже началась. Переселеніе совершалось подъ присмотромъ войскъ, малыми частями; самъ Суворовъ наблюдалъ за нимъ и ѣхалъ позади всѣхъ ордъ. Дабы пресѣчь возможность покушенія переселяемыхъ на донскія земли, протянута была цѣпь казачьихъ постовъ отъ Ейска до половины Дона.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство Ногайцевъ было переселеніемъ недовольно; уральская незнакомая степь ихъ страшила, а ближнюю, лакомую манычскую степь имъ не давали. Іюля 31, отойдя отъ Ейска всего съ сотню верстъ, Ногайцы внезапно напали на русскую команду и на вѣрныхъ Россіи своихъ соплеменниковъ. Произошелъ бой съ большимъ числомъ убитыхъ и раненыхъ; раненъ былъ и Муса-бей, стоявшій за переселеніе. Суворовъ обратился съ увѣщаніемъ, но оно не подѣйствовало; тогда, слѣдуя инструкціямъ Потемкина, онъ далъ имъ волю идти куда хотятъ. Десять тысячъ джамбулуковъ повернули назадъ и бросились на встрѣчный постъ; постъ подкрѣпили; произошло жестокое сраженіе, одолѣли Русскіе. Ногайцы пришли отъ неудачи въ изступленіе, незнавшее предѣловъ; не въ состояніи будучи спасти свое имущество, они его истребляли, рѣзали женъ, бросали въ р. Малую Ею младенцевъ. Погибло до 3,000; въ плѣнъ попало всего 60 стариковъ, жен-

щинъ и дѣтей; Русскихъ убито и ранено до 100. Добыча побѣдителей простиралась до 20,000 головъ лошадей и рогатаго скота. Разбитые бѣжали безъ оглядки, и многіе изъ нихъ умерли потомъ въ степи отъ голода, какъ доносилъ Суворовъ Потемкину [7]).

Спустя нѣсколько дней, Варвара Ивановна Суворова, проживавшая въ Ейскомъ укрѣпленіи, обратилась къ атаману донского войска Иловайскому съ просьбою — выбрать для нея изъ плѣнныхъ дѣтей мальчика и дѣвочку побольше. Нашлись и другія охотницы въ такого рода добычу; одна изъ нихъ поставила условіемъ, чтобы «не такъ противны рожей были». Иловайскій отвѣчалъ отказомъ, потому что дѣти не старше трехъ лѣтъ и, по приказанію Суворова, отданы на воспитаніе въ татарскую станицу; къ тому же нѣкоторыя изъ нихъ умерли, другія больны, сильно претерпѣвъ въ степи отъ жара и голода [8]).

Операція переселенія не удалась. Тотчасъ послѣ дѣла на р. Малой Еѣ, Суворовъ сообщилъ Иловайскому, что ногайскіе Татары, принявшіе русское подданство, не могутъ въ томъ году перекочевать въ уральскую степь. Но неудача принесла не одни отрицательные результаты: пораженіе джамбулуковъ распалило злобу кочевниковъ, и между мурзами составился заговоръ, душою котораго былъ Тавъ-султанъ. Мятежъ запылалъ почти общій; нѣсколько русскихъ мелкихъ отрядовъ были или изрублены, или принуждены ретироваться; Тавъ-султанъ сдѣлалъ отчаянное нападеніе на Ейскую крѣпость, въ теченіе трехъ дней пытался овладѣть ею, но не имѣя ни пушекъ, ни ружей и дѣйствуя одними стрѣлами, потерпѣлъ неудачу. Только изъ опасенія ежеминутнаго прибытія Суворова, Ногайцы бросили Ейскъ и удалились за Кубань, причемъ лишь трое старыхъ мурзъ остались вѣрными Россіи, въ числѣ ихъ Муса-бей.

Потемкинъ былъ недоволенъ Суворовымъ за начатое имъ переселеніе Ногайцевъ въ уральскую степь, тѣмъ пуще, что на это не послѣдовало еще высочайшаго повелѣнія. Онъ не преминулъ высказать Суворову свое неудовольствіе и велѣлъ тщательно наблюдать за Шагинъ-гиреемъ, который находился въ это время въ Тамани, куда бѣжалъ изъ Крыма. Затѣмъ Потем-

кинъ приказываетъ Суворову отправиться въ Тамань и велѣть Шагинъ-гирею немедленно продолжать путь въ русскіе предѣлы, а если не послушается, то употребить силу. Суворовъ долженъ былъ вручить Шагину письмо Потемкина; въ письмѣ этомъ, сухомъ и довольно грозномъ, Потемкинъ говоритъ, что до тѣхъ поръ не дастъ просимаго Шагиномъ дозволенія послать курьера къ Императрицѣ, пока онъ, Шагинъ, не переселится внутрь Россіи; что сношенія его съ возмутителями извѣстны; что онъ ничего хорошаго этимъ не добьется и т. под. Въ бумагѣ къ Суворову, упоминая съ сильнымъ неудовольствіемъ про набѣги мятежныхъ Ногайцевъ, Потемкинъ предписываетъ ему разъ на всегда пресѣчь такую дерзость сильнымъ пораженіемъ и истребленіемъ мятежниковъ; желающихъ же переселяться за Кубань не насиловать ни коимъ образомъ. Онъ говоритъ рѣзко, что его предписанія не соблюдены съ должною точностью, и что «тамошніе народы, видя поступки съ ними, не соотвѣтствующіе торжественнымъ обнадеживаніямъ, потеряли всю къ нашей сторонѣ довѣренность».

За невозможностью вникнуть въ мелкія подробности дѣла, трудно рѣшить, кто тутъ правъ и кто виноватъ. Если взять въ соображеніе, что Суворовъ никогда не годился въ слѣпые исполнители чужой воли и во всякое дѣло вносилъ свои собственныя воззрѣнія, то пожалуй Потемкинъ имѣлъ причины быть имъ недовольнымъ. Если же принять въ разсчетъ, что Суворовъ близко зналъ прикубанскій край и его жителей, имѣлъ съ ними не разъ дѣло и всегда хорошо ладилъ; что наконецъ онъ самъ постоянно держался человѣколюбивыхъ способовъ дѣйствія и внушалъ тоже самое своимъ подчиненнымъ, то едва ли въ этомъ отношеніи онъ могъ передъ Потемкинымъ провиниться. Потемкинъ былъ руководителемъ дѣла издали, Суворовъ же орудовалъ имъ непосредственно; поэтому не все, считаемое Потемкинымъ въ распоряженіяхъ Суворова ошибочнымъ, было дѣйствительно ошибкой. Не поторопись Суворовъ переселеніемъ Ногайцевъ, выжди онъ приказанія Потемкина,—произошли бы тѣ же самые безпорядки, если не хуже; ручательствомъ въ томъ все положеніе тогдашнихъ обстоятельствъ. Переселеніе было въ

самомъ своемъ основаніи насиліемъ; замаскировать это основаніе до полнаго сокрытія истины и желать, чтобы все устроилось и уладилось гладко, исполнилось якобы по доброй волѣ переселяемыхъ, значило желать невозможнаго. Подобное самообольщеніе есть удѣлъ высшихъ руководителей, хотя виноватыми въ разочарованіи остаются обыкновенно исполнители. При всемъ томъ нельзя не согласиться, что нѣкоторыя замѣчанія Потемкина Суворову справедливы; напримѣръ, что ногайское возмущеніе застало силы кубанскаго корпуса слишкомъ раздробленными; впрочемъ крупныхъ дурныхъ послѣдствій отъ этого не произошло никакихъ.

Поводы къ неудовольствію Потемкина продолжались. Шагинъ-гирей не показывалъ готовности исполнить его волю; приходилось прибѣгнуть къ насилію, т. е. арестовать его. Суворовъ, находясь уже на маршѣ въ закубанскую экспедицію, не могъ самъ этого исполнить, а приказалъ таманскому начальнику, генералъ-маіору Елагину. Курьеръ, посланный съ приказомъ, проѣзжалъ ночью черезъ Копылъ, гдѣ долженъ былъ получить конвой, но остался тамъ до утра, потому что комендантъ спалъ и не приказалъ себя будить ни для какого дѣла. Утромъ курьеръ получилъ конвой, но слабый, всего изъ 30 казаковъ; на него напала шайка Абазинцевъ въ сотню человѣкъ и принудила вернуться: новая потеря времени. Послѣ того отправился цѣлый казачій полкъ, но было уже поздно. Какой-то доброжелатель предупредилъ Шагинъ-гирея о готовившемся ему сюрпризѣ въ ночь, передъ пріѣздомъ курьера; Шагинъ со своею свитой вскочилъ на лошадей и поскакалъ къ Кубани. Тутъ онъ нашелъ готовыя лодки, не прибранныя потому, что Елагинъ не зналъ ничего, что уже было извѣстно Шагину. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ къ Елагину курьеръ; прочитавъ ордеръ, Елагинъ бросился съ казаками въ догонку за бѣглецомъ, но тотъ уже успѣлъ переправиться на другой берегъ и поскакалъ къ закубанскимъ горцамъ.

Суворову снова досталось. Потемкинъ писалъ ему: «я смотрю на сіе съ прискорбіемъ, какъ и на другія странныя въ вашемъ краю произшествія, и рекомендую наблюдать, дабы повелѣнія,

къ единственному вашему свѣдѣнію и исполненію преподанныя, не были извѣстны многимъ». За Шагиномъ приказано слѣдить внимательно. О копыльскомъ комендантѣ Потемкинъ мѣсяцемъ раньше писалъ, что ни мало не удивляется небреженію службы въ копыльскомъ отрядѣ, ибо отъ тамошняго начальника ничего больше и ожидать нельзя. «Вы сами его къ себѣ просили», прибавляетъ укорительно Потемкинъ.[5]).

Какъ принималъ всѣ эти замѣчанія Суворовъ — мы не знаемъ; никакой частной его переписки за это время не сохранилось; но едва ли они скользили по немъ, не причиняя боли. Дѣлиться своимъ негодованіемъ съ Турчаниновымъ онъ конечно не могъ; оставалось терпѣть и ждать.

Исполняя приказаніе Потемкина о закубанской экспедиціи, Суворовъ сформировалъ отрядъ изъ 16 ротъ пѣхоты, 16 эскадроновъ драгунъ, 16 донскихъ полковъ и 16 орудій артиллеріи. Большей части казачьихъ полковъ на лицо не было; Иловайскій получилъ приказаніе идти съ ними прямо къ одному изъ конечныхъ пунктовъ. Ногайцы были противникомъ не страшнымъ, и для побѣды надъ ними годился военачальникъ помельче Суворова, но побѣда тутъ была не первымъ, а скорѣе послѣднимъ дѣломъ. Вся трудность заключалась въ возможности настигнуть Ногайцевъ, прежде чѣмъ они успѣютъ уйти въ недоступныя горы. Успѣхъ экспедиціи зависѣлъ исключительно отъ соблюденія ея въ тайнѣ, и потому Суворовъ прибѣгнулъ къ двумъ средствамъ: ночному скрытному походу и роспускапію ложныхъ слуховъ. Ночное движеніе было тѣмъ необходимѣе, что путь предстоялъ долгій, и притомъ почти въ виду закубанскихъ непріятелей. Фальшивая молва — средство слишкомъ обыкновенное — въ настоящемъ случаѣ имѣла значеніе довольно важное, такъ какъ кочевники и вообще полудикія племена имѣютъ одну общую черту: они по темпераменту своему замѣчательные вѣстовщики и ко всякой молвѣ довѣрчивы.

Экспедиціонный корпусъ выступилъ изъ Копыла 19 сентября. Пущенъ слухъ, будто Суворовъ уѣхалъ въ Полтаву; что большая часть войскъ кубанскаго корпуса обращена внутрь Россіи для близкой войны съ Нѣмцами, а меньшая часть назна-

чена противъ Персіи; что приказано Императрицею закубанскихъ горцевъ не трогать и Ногайцевъ оставить въ покоѣ. Отрядъ пошелъ по правому берегу Кубани; двигался только почью, соблюдая строгую тишину и не употребляя сигналовъ, ибо по ту сторону рѣки тянулись пикеты чуткихъ горцевъ. Днемъ войска отдыхали съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, въ скрытыхъ мѣстахъ. Походъ былъ очень утомителенъ, несмотря на продолжительность отдыховъ; войска шли въ ночной темнотѣ, большею частію безъ дорогъ, почти наудачу, по указанію казачьихъ разъѣздовъ; усталость людей увеличивалась отъ безпрестанныхъ остановокъ (неизбѣжный спутникъ ночного похода) и переправъ черезъ многочисленныя балки; 130 верстъ едва успѣли пройти въ десять сутокъ. При всѣхъ принятыхъ предосторожностяхъ, Суворовъ все-таки не могъ пройти совершенно незамѣченнымъ. Комендантъ крѣпости Суджука, принадлежавшей тогда Турціи, провѣдалъ про движеніе отряда и послалъ о немъ разузнать. Суворовъ отвѣчалъ, что идетъ небольшая команда на помощь гарнизонамъ моздокской линіи. Въ другой разъ войска проходили открытымъ безлѣснымъ мѣстомъ, гдѣ рѣка не широка; Хатюкайцы открыли съ того берега пальбу. На пальбу не отвѣчали, но Суворовъ потребовалъ къ себѣ хатюкайскаго бея, сказалъ ему то же самое, что суджукскому турку, и сдѣлалъ жестокій выговоръ, послѣ чего бей сталъ плетью разгонять своихъ стрѣлковъ. Однако и тотъ, и другой случаи остались Ногайцамъ неизвѣстны, или по крайней мѣрѣ не возбудили ихъ подозрѣній.

Сентября 29 отрядъ съ присоединившимися казаками Иловайскаго подошелъ поздно вечеромъ къ мѣсту, противъ котораго Лаба впадаетъ въ Кубань. Еще раньше, на послѣднемъ привалѣ, Суворовъ взошелъ на довольно высокій холмъ и осмотрѣлъ въ зрительную трубу мѣстность за Кубанью. Онъ увидѣлъ Ногайцевъ, косившихъ сѣно, и замѣтилъ вдали дымъ ихъ становищъ; значитъ они въ горы не ушли. Въ тотъ же день Суворовъ отдалъ приказъ. На основаніи имѣвшихся свѣдѣній онъ предупредилъ войска, что будутъ 4 переправы: бродъ обыкновенный, бродъ въ 7 четвертей глубины, бродъ по быстринѣ и наконецъ

переправа вплавь. По быстрой водѣ приказано переходить нагимъ съ вещами на головахъ; если лошадь быстрины не выдержитъ, то драгунамъ также нагимъ. Войскамъ отдыха нѣтъ до рѣшительнаго пораженія, истребленія или плѣна непріятелей; если онъ не близко, то искать его вездѣ. Пули беречь, работать холоднымъ оружіемъ. Драгунамъ и казакамъ съ коней не слѣзать для добычи; на добычу идетъ четвертая часть войска, другая четверть прикрываетъ, остальная половина наготовѣ: гибель грозитъ войску, которое все бросается на грабежъ. Добыча дѣлится пополамъ: одна половина на Государя, другая—войскамъ; изъ этой половины казакамъ двѣ трети [8]).

Чтобы захватить Ногайцевъ врасплохъ, необходимо было произвести переправу ночью; поэтому 30 сентября войска простояли на своихъ вчерашнихъ мѣстахъ и тронулись лишь въ 8 часовъ вечера. Пройдя 12 верстъ, подошли къ переправѣ; казаки уже нащупывали броды. Броды были глубоки; пѣхотѣ пришлось раздѣваться до-нага; переходила она держа ружья и сумы съ патронами надъ головами, кочепѣя въ холодной водѣ, которая мѣстами покрывала плечи. Для умепьшенія быстрины, конница переправлялась нѣсколько выше, везя на лошадяхъ одежду пѣхотинцевъ и артиллерійскіе заряды. Рѣка тутъ шириною больше $1^1/_2$ версты, но дѣлится островомъ на два рукава, такъ что люди могли на полупути перевести духъ. Противуположный крутой берегъ представлялъ собой наибольшее затрудненіе для кавалеріи и артиллеріи; послѣднюю, также и обозъ, пришлось втаскивать на канатахъ по невозможности разработать въ короткое время сколько-нибудь сносные подъемы, до того почва была тверда и камениста. Однако несмотря на всѣ препятствія, переправа совершена вполнѣ успѣшно, и Ногайцы остались въ полномъ невѣдѣніи близкой бѣды.

Пѣхота одѣлась и построилась; отрядъ тронулся дальше. Авангардъ состоялъ изъ казаковъ, драгунъ и баталіона гренадеръ; онъ наткнулся на ногайскій разъѣздъ и взялъ его живьемъ; плѣнные послужили проводниками. Пройдя 12 верстъ отъ Кубани, близъ урочища Керменчикъ, накрыли Ногайцевъ совершенно для нихъ неожиданно. Они спачала оторопѣли, потомъ

стали защищаться съ отчаяніемъ, но это продолжалось не долго. Сѣча была жестокая по обоимъ берегамъ Лабы, особенно когда все пустилось въ бѣгъ. Къ 10 часамъ утра пять ногайскихъ ауловъ дымились. Русскіе были страшно утомлены, сдѣлавъ ночной походъ въ 25 верстъ, кромѣ трудной переправы; Суворовъ далъ отдыхъ. Часа черезъ два преслѣдованіе возобновилось и продолжалось около 15 верстъ; съ праваго берега Лабы перешли на лѣвый, гдѣ произошло новое 4-часовое побоище, окончившееся на опушкѣ густыхъ лѣсовъ, куда скрылись Ногайцы съ Тавъ-султаномъ. Перепочевавъ, Русскіе не продолжали преслѣдованія, до того ихъ силы были истощены, а отдыхали цѣлый день. Ночью возобновилось преслѣдованіе, но Ногайцы успѣли уже уйти далеко. Осталась одна орда, но также вдалекѣ; она разбѣжалась бы прежде, чѣмъ могли ее настичь. Суворовъ, согласно съ мнѣніемъ Иловайскаго, повернулъ назадъ, за Кубань [7]).

Дѣло было кровавое; съ обѣихъ сторонъ ярость и злоба доходили до крайняго предѣла. Казаки мстили хищникамъ, отъ которыхъ давно и много страдали ихъ земли; никому не давали пощады, побивали безъ разбора стариковъ, дѣтей, женщинъ. Ногайцы, хуже вооруженные, хуже предводимые, недисциплинированные, не имѣвшіе понятія о строѣ, не могли противостоять Русскимъ и гибли въ огромномъ числѣ. Тягостное чувство безсилія доводило ихъ до изступленія. Одни убивали своихъ дѣтей и женъ; другіе при послѣднемъ издыханіи силились нанести какой-нибудь вредъ Русскимъ. Больше 4,000 ногайскихъ труповъ валялось на 10-верстномъ разстояніи, взято въ плѣнъ до 700 ясырей и немалое число женщинъ и дѣтей. Потеря Русскихъ немногимъ превышала 50 человѣкъ, а добыча досталась большая: рогатаго скота приблизительно 6,000 головъ, овецъ 15,000; на обратномъ пути отряда она еще увеличилась.

Впечатлѣніе этого разгрома на Татаръ было большое, но различное. Ногайскіе мурзы прислали Суворову, въ знакъ покорности, бѣлыя знамена, каялись и обѣщали вернуться на прежнія кочевья, за исключеніемъ Тавъ-султана и нѣкоторыхъ

другихъ, которые не надѣялись на искреннее прощеніе. На крымскихъ же Татаръ побоище при Керменчикѣ навело оцѣпененіе и ужасъ; опасаясь такой же участи, они стали немедленно тысячами переселяться въ Турцію.

Войска пошли на зимнія квартиры; Суворовъ съ небольшою частью отряда направился прямо степью на Ейскъ. Путь лежалъ длинный, безъ малаго 300 верстъ, и трудный; время стояло позднее; пришлось переправляться чрезъ большое число рѣкъ, настилать мосты изъ чего попало, либо переходить въ бродъ по поясъ. На бѣду мурза съ нѣсколькими Ногайцами, служившіе проводниками, взяли направленіе слишкомъ къ сѣверу, такъ что прибавили нѣсколько десятковъ верстъ пути, и въ отрядѣ сталъ ощущаться недостатокъ продовольствія. Харчевого запаса достало въ обрѣзъ, въ послѣдній день похода все было съѣдено безъ остатка. Пришли въ концѣ октября.

Суворовъ посѣтилъ аулы окрестныхъ покорныхъ Ногайцевъ и свидѣлся тамъ со многими старыми знакомыми. Въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ джамбулуцкій мирза, столѣтній Муса-бей, бывшій врагъ Русскихъ, но съ недавняго времени ихъ приверженецъ. Лаская и задабривая между Ногайцами вліятельныхъ лицъ вообще, Суворовъ однако отличалъ Муса-бея отъ другихъ и выказывалъ ему особенное расположеніе, благодаря его личнымъ качествамъ. Онъ былъ человѣкъ добраго сердца, постоянно помогалъ бѣднымъ, отличался вѣрностью своимъ пріятелямъ и постоянствомъ, ненавидѣлъ роскошь, наблюдалъ въ своемъ быту замѣчательную чистоту и европейскую опрятность, былъ лихой наѣздникъ и веселый собесѣдникъ, любилъ хорошо покушать и порядочно выпить; вдобавокъ ко всему оказывалъ Суворову расположеніе, похожее на отеческую любовь. Все это сближало Суворова съ Муса-беемъ и питало въ немъ пріязненное къ престарѣлому мурзѣ чувство, которое нѣкоторые писатели раздули въ настоящую, искреннюю дружбу и указывали на это обстоятельство, какъ на черту своеобычной, причудливой натуры Суворова. Дружбы не могло быть, но желаніе поддержать съ Муса-беемъ добрыя отношенія существовало, и Суворовъ пользовался всѣми удобными къ тому случаями. Такъ и теперь, по возвра-

щеніи изъ экспедиціи, узнавъ, что бодрый, крѣпкій старикъ собирается обзавестись новой женой, Суворовъ купилъ у казаковъ молодую, красивую черкешенку и подарилъ ее ему.

Зиму 1783—1784 годовъ Суворовъ провелъ въ крѣпости св. Димитрія, гдѣ проживало и его семейство. Тутъ часто посѣщали его ногайскіе старшины, отсюда же онъ продолжалъ свою служебную переписку съ Потемкинымъ, который, будучи закупленъ успѣхомъ закубанской экспедиціи, уже никакихъ неудовольствій и замѣчаній ему не заявлялъ.

Шагинъ-гирей продолжалъ скрываться за Кубанью. Если онъ не могъ оттуда приносить Россіи положительнаго вреда, то въ состояніи былъ причинять ей безпокойства и затрудненія, такъ какъ Порта искала къ тому всяческихъ поводовъ, хотя у нея и не хватало духа пользоваться ими рѣшительно и настойчиво. Надо было выманить его оттуда, и Потемкинъ возложилъ это на Суворова. Въ ноябрѣ Суворовъ получилъ рескриптъ Императрицы и письмо Потемкина для врученія того и другого Шагину. Еще весной Екатерина писала Потемкину, что сговорчивость Шагинъ-гирея заставляетъ ее, Государыню, согласиться на его желаніе — завоевать въ Персіи владѣніе не меньше Крымскаго полуострова и проложить ему, Шагину, дорогу на шахскій престолъ; до приступленія же къ этому дѣлу, назначается ему 200,000 рублей годового содержанія. Засимъ въ октябрѣ она писала экс-хану тоже самое, съ присовокупленіемъ, что для его временнаго жительства назначается Воронежъ. Это-то письмо Суворовъ и долженъ былъ доставить Шагинъ-гирею вмѣстѣ съ Потемкинскимъ, а также убѣдить его въ необходимости безпрекословнаго повиновенія, представивъ ему со своей стороны разные доводы, въ особенности указавъ, что Порта никогда не отличалась такою къ Крымскимъ ханамъ щедростью. Не видно, чтобы за этимъ дѣломъ Суворовъ ѣздилъ на Кубань; вѣроятно онъ далъ порученіе кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ. Шагинъ-гирей поддался убѣжденіямъ не сразу и выѣхалъ изъ-за Кубани лишь весною 1784 года. Онъ прожилъ въ Россіи не долго; его заѣдали грусть и тоска по прежней власти, по минувшемъ величіи. Съ дозволенія Екатерины онъ отправился въ Турцію,

былъ принятъ по наружности приличнымъ образомъ, но въ Константинополь не пущенъ, а отвезенъ на островъ Родосъ, гдѣ его вѣроломнымъ образомъ задушили [9]).

Въ февралѣ 1784 года Суворовъ получилъ отъ Потемкина извѣщеніе, что Порта торжественнымъ актомъ признала подданство Крыма и кубанскаго края Русской Императрицѣ. Вслѣдствіе такого упроченія мира, войска получали новое распредѣленіе, и вся граница отъ Азовскаго до Каспійскаго моря отходила подъ общее начальство генерала Павла Потемкина. Суворову указано по сдачѣ войскъ ѣхать въ Москву, гдѣ онъ получитъ повелѣніе на счетъ своего новаго назначенія. Въ апрѣлѣ Суворовъ отвѣчалъ, что выѣзжаетъ.

Усердно поработалъ Суворовъ въ южномъ краѣ въ теченіе послѣднихъ 4 лѣтъ, но въ трудахъ его ничего не было блестящаго, бьющаго въ глаза. Мало прибавилъ онъ тутъ къ своей зарождающейся боевой славѣ, но упрочилъ свою извѣстность въ глазахъ безпристрастныхъ наблюдателей и въ средѣ арміи. Постоянно среди солдатъ, особенно во времена трудныя, онъ дѣлилъ съ ними и тяготу, и опасности, и горькія минуты безвременья. Безъ всякаго надъ собою насилія, которое не скрылось бы отъ солдатскаго чутья, онъ велъ жизнь одинаковую съ послѣднимъ рядовымъ, довольствовался одною съ нимъ пищей и болѣе стойко и равнодушно переносилъ всякія крайности и лишенія. Солдаты видѣли въ немъ не только своего брата-солдата, но притомъ солдата рѣдкаго, какихъ мало. Онъ всегда былъ веселъ, разговорчивъ, шутливъ; его грубоватое, а подчасъ и грязноватое балагурство не годилось для салоновъ и гостиныхъ, но было безцѣнно въ лагерѣ, на бивакѣ, на походѣ. Сверхъ того онъ обладалъ тактомъ — при простомъ, даже фамильярномъ обращеніи съ солдатами, нисколько не поощрять ихъ къ взаимному съ нимъ панибратству. Самая грубая солдатская натура это понимала, всѣ повиновались ему безусловно, всякій чувствовалъ къ нему почтеніе и даже страхъ.

Послѣдующіе два года Суворовъ провелъ въ мирныхъ занятіяхъ или, по его выраженію, въ бездѣйствіи. По отъѣздѣ съ юга онъ получилъ въ начальствованіе Владимірскую дивизію и

въ половинѣ года ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Петербургъ. О поѣздкѣ своей онъ сообщилъ Потемкину и въ заключеніе прибавилъ: «пріятность праздности не долго меня утѣшить можетъ; высокая милость вашей свѣтлости исторгнетъ меня изъ оной поданіемъ случая по высочайшей службѣ, гдѣ я могу окончить съ честью мой животъ». Но это извѣщеніе было дополнено со стороны и другими. Какъ ни велико было могущество временщика и какъ ни мелокъ казался передъ нимъ Суворовъ, но одинъ изъ сателитовъ Потемкина счелъ своимъ долгомъ сообщить ему — зачѣмъ ѣздилъ въ Петербургъ Суворовъ, что тамъ дѣлалъ и говорилъ. Турчаниновъ пишетъ Потемкину, что Суворовъ пріѣхалъ въ Петербургъ никѣмъ неожидаемый и пожелалъ представиться Государынѣ по случаю полученія ордена св. Владиміра. Его пригласили къ столу. Когда Екатерина вошла, онъ по своему обычаю двукратно поклонился ей въ землю, былъ принятъ милостиво и удостоенъ разговоромъ; по выходѣ изъ-за стола повалился снова въ ноги и откланялся. На другой день ѣздилъ въ Гатчину, къ наслѣднику, и сдѣлалъ тоже самое. Турчаниновъ слѣдилъ за Суворовымъ шагъ за шагомъ и допытывался у него настоящей цѣли его пріѣзда; Суворовъ отвѣчалъ, что пріѣзжалъ поблагодарить «матушку» да повидать свою дочь; онъ говорилъ только о своихъ семейныхъ непріятностяхъ (тогда онъ уже разстался съ женой), мѣстомъ службы былъ весьма доволенъ и т. п. [5]).

Можетъ статься, Суворовъ былъ на самомъ дѣлѣ доволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ, только не надолго, какъ и предупреждалъ передъ тѣмъ Потемкина. Прежде всего поднялись тревоги за прошедшее время. Сфера Суворова была чисто-боевая; канцелярская работа, отчетность, интересы хозяйственно-подрядческіе, лавированіе между закономъ и совѣстью — все это претило ему, тревожило его; всего этого онъ просто боялся. А тутъ дошли до него какіе-то слухи про неисправность отчетности кубанскаго корпуса; счетная экспедиція не присылала квитанцій и т. п. Сгоряча Суворовъ пишетъ чуть не отчаянное письмо въ Петербургъ: «истинно съ ума сойти; пожалуйста кончите сіе, я очень боюсь прицѣпокъ. Пусть бы уже сказали,

коли какой начетъ; я его отдамъ черезъ нѣсколько дней, — деревню подъ закладъ; за что же казнить! Христа ради не жалѣйте денегъ.» Но подъ конецъ письма онъ, освободившись отъ перваго остраго впечатлѣнія, самъ видитъ, что изъ мухи дѣлаетъ слона, и потому пишетъ уже другое. «Какой это вздоръ!... Но отъ важныхъ дѣлъ обращенъ будучи нынѣ къ праздности, пойдутъ такія мысли. Избѣгая худшее, готовьте меня лучше искать фортуны въ чужихъ странахъ». Тревога конечно была напрасная; ни начетовъ, ни чего либо подобнаго не существовало [2]).

Въ дѣйствительности Суворовъ празденъ не былъ; кромѣ занятій по службѣ, правда не сложныхъ, онъ трудился по домашнимъ дѣламъ, по хозяйству въ вотчинахъ и велъ дѣятельную переписку съ управляющими и повѣренными. Но все это у него за дѣло не считалось. Въ декабрѣ 1784 года онъ пишетъ Потемкину довольно длинное письмо; говоритъ про свою праздность, про свое безкорыстіе; замѣчаетъ, что для него есть другія, болѣе подходящія должности. Указывая на дивизіи, одною изъ которыхъ желалъ бы командовать, онъ прибавляетъ, что впрочемъ готовъ хоть въ Камчатку, лишь бы быть самостоятельнымъ (подчиненнымъ одной военной коллегіи); что въ роскоши жить не можетъ; что ѣхать за границу — та же праздность. «Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познанія свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эпаминондъ, бѣгаю какъ Цезарь, постоянъ какъ Тюреннъ и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто не угоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей; былъ счастливъ, потому что я повелѣвалъ счастіемъ» [2]).

Изъ этого замѣчательнаго письма между прочимъ видно, что скромность не входила въ число добродѣтелей Суворова, что впрочемъ постоянно выказывается и его поступками. Но Суворовъ не хвастаетъ, а говоритъ искренно, въ полномъ сознаніи

своей собственной цѣны. Такимъ образомъ его заключительныя слова о счастіи представляются изъ всего письма наименѣе скромными и наиболѣе справедливыми.

Потемкинъ или былъ недоволенъ требовательностью Суворова, или же руководился своими собственными соображеніями, не принимая въ разсчетъ его желаній, но только въ 1785 году онъ перемѣстилъ назойливаго просителя въ Петербургъ и далъ ему въ командованіе Петербургскую дивизію. Время пребыванія Суворова въ Петербургѣ также мало извѣстно, какъ и предшествовавшее, даже еще меньше; объ этомъ періодѣ ни одинъ изъ его историковъ не сказалъ больше двухъ-трехъ словъ, и не сохранилось почти никакихъ документальныхъ данныхъ, кромѣ хозяйственныхъ распоряженій по имѣніямъ. Правда, въ эти года не произошло съ нимъ ничего замѣчательнаго или выдающагося; они были затишьемъ въ его богатой событіями жизни; но затишье обыкновенно даетъ много матеріала для наблюденія стороны умственной и бытовой-повседневной. А въ этомъ именно отношеніи и не достаетъ біографу Суворова свѣдѣній. Какъ бы то ни было, но Суворовъ выходитъ изъ глубокой тѣни и вступаетъ въ нѣсколько освѣщенную полосу лишь въ октябрѣ 1786 года, когда былъ произведенъ по старшинству въ генералъ-аншефы и отправленъ къ Екатеринославской арміи для командованія кременчугскими войсками. Перемѣна эта должна была отвѣчать его желаніямъ и показывала вниманіе къ нему Потемкина, такъ какъ замышлялось путешествіе Екатерины въ южныя области Россіи, и Кременчугская дивизія долженствовала играть при этомъ довольно видную роль.

Пріобрѣтеніе новороссійскаго края и Крыма значительно раздвинуло границы Европейской Россіи, но стоило государству много крови и издержекъ. Еще болѣе новороссійскій край требовалъ матеріальныхъ жертвъ впереди, потому что представлялъ собою почти сплошную пустыню. Заселеніе и устройство края, организація въ немъ военной и морской силы, зарожденіе и развитіе торговли, созданіе всей системы управленія—были возложены Екатериною на Потемкина. Прямо или косвенно онъ тутъ вѣдалъ всѣмъ при неограниченныхъ почти полномочіяхъ. Задача

на немъ лежала труднѣйшая, которая только при безпредѣльномъ довѣріи Императрицы могла успѣшно подвигаться къ рѣшенію. Потемкинъ взялся за дѣло горячо; появились поселенія, зачатки городовъ, крѣпостей, флота. Прошли немногіе годы; дѣло находилось въ полномъ ходу, хотя ни до чего законченнаго еще не дошло. У Потемкина было много враговъ, которые будучи не въ состояніи вредить ему прямо, старались колебать довѣріе къ нему Императрицы разными способами. Говорили объ упадкѣ арміи, о фиктивности южнаго флота, о невыгодности послѣднихъ земельныхъ пріобрѣтеній, о совершенно непроизводительныхъ затратахъ на ихъ заселеніе и устройство. Это сначала раздражало Екатерину, потомъ стало безпокоить; она пожелала лично осмотрѣть новопріобрѣтенный край. Такое желаніе было вполнѣ естественно и безъ внушеній Потемкинскихъ враговъ; оно даже не противорѣчило его видамъ и могло скорѣе утвердить, чѣмъ ослабить довѣріе къ нему Екатерины. Онъ только потребовалъ нѣсколько времени, чтобы достойнымъ образомъ принять Государыню, конечно при усиленныхъ денежныхъ ассигнованіяхъ.

Григорій Александровичъ Потемкинъ, играющій въ жизнеописаніи Суворова видную роль, былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, родился въ 1736 году, предназначалъ себя первоначально въ духовное званіе, но перемѣнивъ намѣреніе, поступилъ въ военную службу. Обративъ на себя вниманіе и милости Екатерины, онъ быстро пошелъ вверхъ и скоро добрался до высшихъ степеней, сдѣлавшись княземъ, намѣстникомъ всего южнаго края, президентомъ военной коллегіи, фельдмаршаломъ, временщикомъ и всемогущимъ властелиномъ. При большомъ ростѣ и крѣпкомъ, геркулесовскомъ сложеніи, онъ отличался мужественною, хотя нѣсколько топорною красотою, гордой осанкой, повелительнымъ видомъ, подъ которымъ скрывалась однако неловкость и даже нѣкоторая застѣнчивость — недостатокъ, досадный для такого человѣка, и чѣмъ менѣе замѣтный для другихъ, тѣмъ для него самого болѣе ощутительный. Въ сношеніяхъ со знатью и съ людьми чиновными онъ былъ надменъ, недоступенъ, пренебрежителенъ, невѣжливъ, часто просто грубъ, — слѣдствіе быстраго возвышенія, въ которомъ важную

роль играли конечно его способности, но еще важнѣйшую — личное расположеніе Государыни. Впрочемъ въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, онъ никогда не бывалъ неизмѣнно однимъ и тѣмъ же и зачастую, особенно наединѣ или въ небольшомъ кругу, дѣлался ласковымъ, обходительнымъ, любезнымъ. Для людей средняго и низшаго слоевъ общества онъ представлялся болѣе доступнымъ и такъ сказать ручнымъ, да и вообще всякій, обращавшійся къ нему непринужденно, безъ страха и боязни, но скромно, встрѣчалъ большею частью хорошій пріемъ. Однако слишкомъ большія крайности и рѣзкости онъ дозволялъ себѣ только съ Русскими; съ иностранцами же былъ другимъ человѣкомъ; за то тутъ выступалъ наружу нѣкоторый оттѣнокъ ненормальности или искуственности, изъ-подъ которыхъ выглядывала эксцентрическая, неровная, азіатско-европейская натура.

Потемкинъ былъ одаренъ богатымъ воображеніемъ, изумительною памятью, обширнымъ, впечатлительнымъ умомъ и большими организаторскими способностями. Солиднаго образованія онъ не имѣлъ, какъ и всѣ русскіе люди той эпохи, за рѣдкими исключеніями. Но по натурѣ ли, по разсчету ли, онъ былъ очень любознателенъ и, не имѣя расположенія къ чтенію, набирался обыкновенно познаній изъ личныхъ бесѣдъ съ людьми образованными или бывалыми и изъ разспросовъ спеціалистовъ. Въ этомъ методѣ самообразованія Потемкинъ былъ неутомимъ, и потому обладалъ массою самыхъ разносторонніхъ свѣдѣній, конечно безъ системы, зрѣлости и глубины. По одной только отрасли онъ былъ дѣйствительно и основательно свѣдущъ — по богословію, за то предпочиталъ богословскіе споры и бесѣды всякимъ другимъ, и архіерейскій санъ представлялся ему такимъ же заманчивымъ, какъ военная степень фельдмаршала. Но это знаніе имѣло для него довольно поверхностное воспитательное значеніе: онъ былъ человѣкомъ вѣрующимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и суевѣрнымъ.

Такой недостатокъ подготовки къ государственной дѣятельности самаго обширнаго размѣра поддерживался природною измѣнчивостью характера Потемкина и, въ свою очередь, питалъ

эту невыдержанность. Потемкинъ былъ, во первыхъ, замѣчательно лѣнивъ. Состояніе лѣни находило на него внезапно; онъ надѣвалъ халатъ, ложился на диванъ, становился молчаливъ, несообщителенъ, угрюмъ; дѣла оставались безъ движенія, государственный интересъ страдалъ непоправимо, сотни тысячъ рублей гибли безслѣдно и безцѣльно. Иногда присоединялась къ лѣни тоска или гнетущее чувство человѣка, добравшагося до апогея высоты, имѣющаго все, что только можетъ быть дано извнѣ, которому нечего уже болѣе желать, некуда подыматься выше. Эта внѣшняя пресыщенность въ разладѣ съ внутреннею неудовлетворенностью — проявленіемъ живой, избранной души — дѣлали подчасъ Потемкина человѣкомъ истинно-несчастнымъ, достойнымъ не насмѣшки, а сожалѣнія. А потомъ вдругъ, повидимому безъ всякаго повода, или вслѣдствіе самой ничтожной причины, наступала пора усиленной дѣятельности. Работа кипѣла, курьеры летали во всѣ концы, подручные исполнители не знали покоя ни днемъ, ни ночью; самъ Потемкинъ скакалъ съ мѣста на мѣсто въ простой телѣгѣ, довольствуясь подчасъ крестьянскою или солдатскою пищей. Затѣмъ опять бездѣйствіе, или перемѣна дѣятельности, или погруженіе съ головой въ удовольствія, наслажденія и роскошь. Отъ военнаго дѣла переходъ къ политикѣ и обратно; отъ лагеря ко двору; отъ неустанной работы къ нескончаемой цѣпи обѣдовъ, баловъ, къ безумно расточительнымъ праздникамъ и затѣямъ. Только что курьеры развозили приказанія, касающіяся постройки городовъ, заселенія степей, вооруженія флота, сбереженія здоровья солдатъ; вслѣдъ затѣмъ они скакали за дамскими нарядами, за гастрономическими тонкостями, за пѣвицами и танцовщицами. Но и въ забавахъ не было логическаго теченія, а все прыжки и неожиданности. Среди тонкаго обѣда Потемкинъ иногда требовалъ чернаго солдатскаго хлѣба, съ жадностью накидывался на простую соленую рыбу, упивался квасомъ. Было то не афектаціей, не напускною оригинальностью, а причудой пресыщенія, капризомъ распущенной воли.

Въ немъ все изумляло и поражало, особенно сплетеніе пороковъ съ добродѣтелями. Добрыхъ качествъ въ немъ было много, но дурныхъ чуть ли не больше: властолюбіе безъ мѣры; деспо-

тизмъ, доходившій до отрицанія всякаго права, кромѣ своего собственнаго; отталкивающій эгоизмъ. Но и эти и другія качества Потемкина, частію присущія его натурѣ, частію привитыя къ ней его быстрымъ возвышеніемъ въ средѣ общества, находившагося въ переходномъ состояніи, не представляли однакоже собою чего нибудь твердаго, стойкаго. Отражаясь въ его поступкахъ, они безпрестанно видоизмѣнялись, переходя иногда въ свойства, совершенно противоположныя: добро становилось зломъ, зло добромъ. Происходило нѣчто въ родѣ переливовъ опала, которые ни предвидѣть, ни выслѣдить не было никакой возможности, а тѣмъ паче подвести подъ какой нибудь законъ.

Капризныя свойства Потемкинской натуры выкупались его большими прирожденными дарованіями, но за то и парализовали ихъ въ значительной степени. Много сдѣлалъ онъ на благо Россіи, но въ своемъ положеніи могъ сдѣлать гораздо больше. Давая одною рукою, онъ другою отбиралъ данное; производя работу однимъ инструментомъ, онъ портилъ ее другимъ. И хотя въ такой обширной дѣятельности, какова была Потемкинская, современники менѣе всего могутъ быть безпристрастными судьями, но нельзя не замѣтить, что по отзыву нѣсколькихъ выдающихся людей той эпохи, въ томъ числѣ и Суворова, для лучшаго успѣха дѣла, «Потемкину слѣдовало только проектировать, а исполнять другимъ».

Въ военномъ отношеніи Потемкинъ былъ тоже весьма крупнымъ дѣятелемъ. Какъ предводитель, онъ представлялся посредственностью, даже ниже; но организаторскими талантами быть можетъ превосходилъ Румянцова. Нисколько не уступалъ онъ Румянцову также въ наукѣ военнаго хозяйства и отличался рѣдкою, хотя не всегда практичною заботливостью о солдатѣ. Укажемъ для примѣра на снаряженіе и обученіе войскъ.

По словамъ Потемкина «туалетъ солдатскій долженъ быть таковъ, что всталъ, то и готовъ. Еслибы можно былъ счесть, сколько выдано въ полкахъ за щегольство палокъ и сколько храбрыхъ душъ пошло отъ сего на тотъ свѣтъ! И простительно ли, что стражъ цѣлости отечества удрученъ прихотями, происходящими отъ вертопраховъ, а часто и отъ безразсудныхъ» [3])?

Обращая вниманіе начальниковъ на существенное, указывая напримѣръ на необходимость исправности оружія, а не красоты, Потемкинъ поясняль и подкрѣплялъ свои мысли толкованіями, дабы начальники относились къ дѣлу сознательно; казнилъ сарказмомъ всякое въ этомъ дѣлѣ педантство; осмѣивалъ установившіеся ложные взгляды; прямо говорилъ, что у насъ, «занимая себя дрянью, до сего времени не знаютъ хорошо самыхъ важныхъ вещей». Переходя отъ словъ къ дѣлу, онъ приказалъ однажды находившемуся при немъ караулу остричь косы и букли и вымыть голову водою. Потомъ онъ отбросилъ долгополые мундиры съ короткими штанами, замѣнилъ ихъ платьемъ, гораздо болѣе отвѣчающимъ требованіямъ военной службы и удобства, ввелъ лѣтніе полотняные кителя вмѣсто красныхъ камзоловъ и проч. За все это онъ принялся въ началѣ 1784 года, и ему не трудно было добиться у Императрицы утвержденія проектированнаго, тѣмъ паче, что предложенія его били въ глаза своею разумностью. Прежнее обмундированіе осталось только у офицеровъ и въ гвардіи. Всѣ истинные военные люди, не исключая Суворова, одобряли реформу Потемкина. Перемѣны къ лучшему оцѣниваются по достоинству особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, усвоивъ ихъ, приходится опять переходить къ прежнему. Такъ и Потемкинское нововведеніе показало свою настоящую цѣну спустя 12 лѣтъ, когда наступило новое царствованіе.

Не менѣе разумны были взгляды Потемкина на обученіе войскъ. Въ основаніи ихъ не лежало той глубокой мысли, на которой Суворовъ построилъ свое «суздальское учрежденіе»; по крайней мѣрѣ это нигдѣ ясно не высказывалось, но внѣшняя оболочка, формы обученія во многомъ сходились съ Суворовскимъ методомъ солдатскаго образованія. Простота, немногосложность, отсутствіе увлеченія стройностью и всякими дешевыми, но дорого стоющими солдату эфектами; требованіе терпѣнія при обученіи, необходимость развивать и питать въ солдатѣ честолюбіе,—все это какъ будто взято изъ Суворовской програмы. Кромѣ того Потемкинъ обратилъ вниманіе на существовавшее въ полкахъ разнообразіе обученія и ввелъ, въ извѣстной степени, въ подчиненныхъ ему войскахъ единство [3]).

Заботы Потемкина о войскахъ усугубились, когда было рѣшено путешествіе Императрицы въ южныя области; съ удвоенною живостью закипѣла работа и собственно въ краѣ, который Государыня ѣхала обозрѣвать. Войска обмундировывались наново и располагались по пути слѣдованія Екатерины; города, села, деревни пріукрашивались; дѣлалось все, чтобы представить Государынѣ новое ея пріобрѣтеніе въ привлекательномъ видѣ.

Въ началѣ января 1787 года Екатерина выѣхала изъ Петербурга; ее сопровождала большая свита, въ 14 каретахъ и болѣе чѣмъ въ 120 саняхъ; на каждой почтовой станціи ожидало 560 лошадей. Ночью огромные костры зажигались близъ дороги на каждой сотнѣ шаговъ; въ городахъ и деревняхъ толпились жители, встрѣчали Государыню власти, раздавался колокольный звонъ, пальба изъ пушекъ. Останавливаясь въ разныхъ городахъ на короткое время, Екатерина прожила въ Кіевѣ безъ малаго 3 мѣсяца, но и этотъ долгій срокъ Потемкинъ постарался сдѣлать для нея незамѣтнымъ: блистательные праздники шли непрерывно. Весною Государыня выѣхала дальше, но уже водою, на большой, роскошно убранной галерѣ. Ее сопровождали слишкомъ 80 судовъ; на каждой галерѣ былъ свой хоръ музыки; каждое лицо изъ свиты имѣло въ своемъ распоряженіи двѣ комнаты, снабженныя всевозможнымъ комфортомъ. Государыня побывала въ Кременчугѣ, новопостроенномъ Херсонѣ съ адмиралтействомъ и кораблями; оттуда черезъ Перекопъ проѣхала въ Бахчисарай, въ Севастополь съ флотомъ изъ 15 кораблей, въ Симферополь, въ Кафу и затѣмъ черезъ Полтаву и Москву возвратилась въ Петербургъ.

Путешествіе Екатерины было какъ бы тріумфальнымъ шествіемъ. Въ пограничный городъ Каневъ выѣхалъ къ ней на поклонъ Польскій король; дальше она встрѣтилась съ императоромъ Священной Римской имперіи, который и сопровождалъ ее въ Крымъ; цѣлая толпа знатныхъ или извѣстныхъ иностранцевъ собралась въ Кіевѣ, представиться Русской Императрицѣ. При всякой остановкѣ Екатерина видѣла войска и мѣстами производила имъ смотры; всюду толпился народъ въ праздничныхъ платьяхъ, жаждавшій видѣть свою Государыню и падкій

до всякаго рода зрѣлищъ, въ которыхъ тутъ не было недостатка. Потемкинъ превзошелъ себя; одаренный богатымъ воображеніемъ и близко знавшій Екатерину съ ея сильными и слабыми сторонами, онъ прибѣгнулъ къ декоративному искуству en grand и весь путь Государыни превратилъ въ полуволшебную панораму. Появились несуществовавшіе дотолѣ дома, дачи и деревни; тріумфальныя арки и цвѣточныя гирлянды украшали и маскировали все что можно изъ непригляднаго, скучнаго, бѣднаго; согнаны огромныя стада для оживленія пейзажа; въ лодкахъ сновалъ по рѣкѣ народъ, пѣвшій пѣсни; какъ бы по щучьему велѣнію возникли дворцы, раскинулись сады; по ночамъ горѣли временами роскошнѣйшія иллюминаціи и на темномъ небесномъ сводѣ вырисовывались прихотливые узоры громадныхъ фейерверковъ, кончавшихся снопами изъ 100,000 ракетъ. Ничего не было упущено, чтобы плѣнить взоръ и воображеніе, чтобы показать дѣло съ праздничной его стороны, и Потемкинъ достигъ цѣли. Екатерина была въ полномъ удовольствіи, тѣмъ болѣе, что сдѣланное на нее впечатлѣніе не могли отчасти не раздѣлить и многочисленные иностранные гости.

Во время путешествія Екатерины, Суворовъ не одинъ разъ имѣлъ случай находиться въ свитѣ Государыни или быть дѣйствующимъ лицомъ. Выѣхавъ изъ Петербурга вскорѣ по назначеніи въ Кременчугъ, онъ нашелъ тутъ себѣ много дѣла по обмундированію и снаряженію войскъ и по ихъ обученію. Первое было налажено Потемкинымъ, но далеко еще не кончено; послѣднее, также подготовленное, требовало руки мастера. Было предположено показать Государынѣ Кременчугскую дивизію въ полномъ блескѣ; по программѣ Потемкина это долженствовало служить однимъ изъ крупныхъ способовъ для упроченія благосклонности къ нему Екатерины. Нужно было поручить дѣло умѣлому человѣку, и Потемкинъ выбралъ Суворова. Изъ этого назначенія видно, что вопросъ заключался не въ одной внѣшней картинности и эфектности. Екатерина была царствующей Государыней, на своемъ вѣку видала войскъ много, глазъ ея въ извѣстной степени былъ наметанъ, и понятія ея о военномъ образованіи не были *дамскими*. Кромѣ того, ее сопровождала огром-

ная свита Русскихъ и иностранцевъ, между которыми находились настоящіе военные люди. Эфектъ требовался, но такой, который говорилъ бы за дѣйствительное, а не за кажущееся достоинство войскъ. Иначе Потемкинъ выбралъ бы кого другого, а не Суворова, который съ самаго начала своего поприща не поступался боевыми условіями условіямъ параднымъ. Выборъ Потемкина доказываетъ также, что Суворовская система обученія была уже достаточно извѣстна въ ту пору, и что по внѣшности по крайней мѣрѣ, Потемкинъ ее одобрялъ, какъ отвѣчающую его собственнымъ понятіямъ.

Итакъ Суворовъ принялся за обученіе дивизіи. Онъ обучалъ ее не для кременчугскаго смотра, а для показанія на кременчугскомъ смотрѣ войскъ, обученныхъ для войны. Мы ничего не знаемъ о ходѣ его кременчугскихъ занятій, но довольно того, что нѣсколько извѣстны его занятія прежнія и позднѣйшія. Несложность программы, количественная ограниченность требованій, точность и быстрота исполненія, наступательный характеръ эволюцій, энергическія атаки,—вотъ чему обучалъ Суворовъ свою дивизію въ Кременчугѣ и обучилъ въ какіе-нибудь два мѣсяца.

Потемкинъ поѣхалъ на встрѣчу Екатеринѣ въ Кіевъ; Суворовъ съ нимъ, гдѣ оставался довольно долгое время и вернулся въ Кременчугъ лишь передъ выѣздомъ Государыни изъ Кіева. Въ Кременчугѣ былъ построенъ для нея Потемкинымъ дворецъ и разведенъ садъ; императорская флотилія прибыла туда 30 апрѣля. Когда Екатерина отдохнула, Потемкинъ предложилъ ей посмотрѣть войска. Вѣроятно это было обыкновенное строевое ученье на Суворовской ногѣ, съ которымъ ознакомимся подробнѣе впослѣдствіи. Такъ надо полагать по впечатлѣнію, которое произвелъ смотръ на зрителей. Привычные люди были поражены щегольскимъ снаряженіемъ солдатъ, ихъ видомъ и особенно небывалою точностью и живостью движеній и дѣйствій. Безъ преувеличенія, зрители были *озадачены*, не исключая самой Императрицы, какъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые писатели, упоминающіе про кременчугскій смотръ. Одинъ изъ иностранцевъ говоритъ прямо, что на своемъ вѣку не видалъ лучшихъ войскъ. Эфектъ получился полный, тѣмъ болѣе пол-

ный, что онъ былъ не цѣлью, а свойствомъ произведеннаго ученья.

Конечно похвалы, комплименты и разные знаки удовольствія или удивленія отовсюду посыпались прежде всего на Потемкина, но и Суворовъ не остался въ сторонѣ. Онъ былъ уже человѣкомъ извѣстнымъ, а въ эту пору, благодаря присутствію двора и съѣзду иностранцевъ, сталъ извѣстенъ лично многимъ, доселѣ его не знавшимъ или не видавшимъ. Надо однако сказать правду, что обращалъ онъ на себя вниманіе не только своею зарождавшеюся военною репутаціей, но и личными особенностями, между которыми самое видное мѣсто занимали странности и причуды. На него уже начинали смотрѣть съ любопытствомъ, какъ на какую-то загадку, и поведеніемъ своимъ онъ поддерживалъ этотъ взглядъ. Находясь съ Потемкинымъ въ Кіевѣ, онъ случайно встрѣтился съ французскимъ полковникомъ Александромъ Ламетомъ, будущимъ дѣятелемъ революціи. Видя незнакомое лицо иностранца, Суворовъ подошелъ къ нему и спросилъ отрывисто: «откуда вы родомъ?»—Французъ, отвѣчалъ Ламетъ, нѣсколько изумленный и неожиданностью, и тономъ вопроса. «Ваше званіе?» продолжалъ Суворовъ.—Военный,—отвѣчалъ Ламетъ.—«Чинъ?»—Полковникъ. «Имя?»—Александръ Ламетъ.—«Хорошо!» сказалъ Суворовъ, кивнулъ головой и повернулся, чтобы идти. Ламета покоробило отъ такой безцеремонности; онъ заступилъ Суворову дорогу и, глядя на него въ упоръ, сталъ задавать въ свою очередь такимъ же тономъ вопросы. «Вы откуда родомъ?» — Русскій, отвѣчалъ нисколько не сконфуженный Суворовъ.—«Ваше званіе?»—Военный.— «Чинъ?» — Генералъ. — «Имя?» — Суворовъ. — «Хорошо!»—заключилъ Ламетъ. Оба расхохотались и разстались пріятельски.

Въ Кременчугѣ, послѣ смотра, Суворовъ сдѣлалъ выходку другого рода и еще болѣе причудливую, притомъ въ присутствіи большого и избраннаго общества. Государыня, всегда щедрая, при настоящихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ обстановки и новыхъ впечатлѣній, отличалась особенно благосклонностью къ заслужившимъ ея вниманіе; милости ея лились широко. Раз-

давая награды въ Кременчугѣ, окруженная огромной свитой, она обратилась къ Суворову съ вопросомъ, чѣмъ можетъ выразить ему свою благодарность. Живой, подвижной какъ ртуть, Суворовъ отвѣчалъ кланяясь, что задолжалъ за квартиру нѣсколько рублей и просилъ бы заплатить.

Суворовъ сопровождалъ Екатерину въ дальнѣйшей ея поѣздкѣ, причемъ былъ представленъ Австрійскому императору Іосифу и бесѣдовалъ съ нимъ часто о предметахъ военныхъ и политическихъ. Изъ Херсона Императрица поѣхала въ Крымъ; Суворовъ вернулся къ своему посту и при д. Блапкитной сформировалъ лагерь войскъ. Онъ встрѣтилъ Екатерину на обратномъ ея пути и проѣхалъ въ ея свитѣ до Полтавы. Тутъ Потемкинъ устроилъ маневры войскъ, воспроизводившіе знаменитую побѣду Петра Великаго надъ Шведами; по нѣкоторымъ извѣстіямъ Суворовъ принималъ въ нихъ тоже участіе. Въ Полтавѣ Потемкинъ и Суворовъ откланялись Императрицѣ, отъѣзжавшей въ Москву; Государыня разсталась съ Потемкинымъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, пожаловавъ ему титулъ *Таврическаго*, а Суворову подарила табакерку съ своимъ вензелемъ. Суворовъ принялъ ее какъ знакъ милости; никакой заслуги, достойной вознагражденія, онъ за собою не видѣлъ и одному изъ управляющихъ его имѣніями писалъ по этому случаю: «а я за гулянье получилъ табакерку въ 7,000 рублей». Этимъ можно отчасти объяснить его кременчугскую выходку.

Такъ кончилось блистательное, мирное торжество Екатерины. Оно было канупомъ новой войны, новой жатвы лавровъ, и львиная ихъ доля досталась Суворову.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ; семейныя дѣла; 1775—1796.

Періодъ наибольшаго развитія хозяйственной дѣятельности Суворова.—Характеристика его отца въ этомъ отношеніи.—Имѣнія Суворова; управляющіе; отношенія къ нимъ помѣщика; крестьянскій міръ; дѣльцы изъ крестьянъ.—Отвращеніе Суворова къ процессамъ; взглядъ его на взятки; бережливость; система прикупокъ.—Оброки и добавочные сборы.—Понятія Суворова о деревенскомъ хозяйствѣ; его мѣры и инструкціи.—Дворня; покупка рекрутъ; заботы о приростѣ населенія; попеченіе о дѣтяхъ и неимущихъ; система взысканій.—Церкви; господскіе дома; усадьбы; привычки и потребности Суворова; образъ его жизни; умственныя занятія.—Женитьба Суворова; несходство супруговъ; ссоры; двукратное прошеніе Суворова о разводѣ; неудача; разрывъ и его послѣдствія.—Дѣти.

По условіямъ своей жизни и продолжительной службы, Суворовъ никогда не могъ быть помѣщикомъ и сельскимъ хозяиномъ въ настоящемъ смыслѣ. Оттого сельско-хозяйственная его дѣятельность не можетъ быть представлена въ видѣ полной картины или строгой системы, съ категорическими выводами и итогами. Тѣмъ не менѣе онъ всегда стоялъ, или старался стоять, на стражѣ своихъ интересовъ и давалъ, или пытался давать, своимъ хозяйственнымъ дѣламъ направленіе. Изъ тѣхъ 25 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ онъ, по смерти отца, могъ бы быть при другихъ условіяхъ дѣйствительнымъ помѣщикомъ и хозяиномъ, въ первую половину непосредственное его участіе въ дѣлахъ было большее, во вторую меньшее. Такое подраздѣленіе зависѣло главнымъ образомъ отъ развитія его военной карьеры:

въ 1789 году онъ вдругъ выдвинулся далеко впередъ и потому съ удвоенной силой отдался своему призванію, а остальное отошло на задній планъ.

Скажемъ предварительно нѣсколько словъ объ его отцѣ. Василій Ивановичъ Суворовъ былъ на государственной службѣ лицомъ довольно видпымъ. Онъ состоялъ членомъ военной коллегіи, былъ сенаторомъ; въ Семилѣтнюю войну имѣлъ два важныя порученія и исполнилъ ихъ хорошо. Въ 1762 году, 28 іюня, въ день вступленія на престолъ Екатерины II, онъ назначенъ въ Преображенскій полкъ премьеръ-маіоромъ, въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-аншефы. Екатерина возлагала на него разныя порученія, какъ на лицо, пользовавшееся полною ея довѣренностью. Такъ, въ 1762 году ему были поручены разборка, опросъ и отправленіе во свояси Голстинцовъ, на что и отпущено въ его распоряженіе 7000 рублей. Василій Ивановичъ повершилъ это дѣло успѣшно и представилъ больше 3000 р. экономіи; Государыня подарила эти деньги ему. Затѣмъ онъ состоялъ предсѣдателемъ московской комиссіи по продажѣ засѣкъ, членомъ такъ называемой духовной комиссіи (по отобранію крестьянъ отъ монастырей); ему же былъ порученъ допросъ Хитрово по дѣлу Орловыхъ. Екатерина относилась къ нему доброжелательно; въ собственноручныхъ къ нему запискахъ благодарила его за хорошія распоряженія, за вѣрную службу, называла его «честнымъ человѣкомъ», «праведнымъ судьей». Такимъ образомъ, на благосклонность Государыни и вообще на свою службу Василій Ивановичъ жаловаться не имѣлъ повода, и если въ 1768 году вышелъ въ отставку, то вѣроятно лишь потому, что былъ уже старъ и чувствовалъ потребность въ отдыхѣ [1]).

На этотъ шагъ, быть можетъ, побуждали его и чисто экономическія соображенія. На службѣ онъ получалъ награды, въ томъ числѣ вѣроятно и денежныя, но случайно, на манеръ остатка отъ голстинской операціи. Ни про подарки большой цѣнности, ни про жалованныя деревни или земли нигдѣ не упоминается. А у Василія Ивановича время было деньги, такъ какъ всѣ досуги онъ употреблялъ на устройство своихъ имѣній и

веденіе въ нихъ хозяйства; слѣдовательно оставить подъ старость службу былъ ему чистый разсчетъ, при условіи полученія хорошей пенсіи. Онъ такъ и сдѣлалъ. Подавая прошеніе объ отставкѣ и о назначеніи ему пенсіи, онъ писалъ, что не имѣетъ пропитанія отъ своихъ доходовъ. Государыня назначила ему въ пенсію все жалованье, получаемое на службѣ, кромѣ раціоновъ и деньщичьяго довольствія, что составило 3,600 руб. въ годъ. Такимъ образомъ онъ покинулъ службу вполнѣ обезпеченный, даже съ излишкомъ, потому что жены на свѣтѣ давно уже не было, обѣ дочери находились въ замужествѣ, а сынъ твердо стоялъ на своихъ ногахъ и у отца никогда ничего не просилъ [2]).

Собирать, копить, наживать—было въ его натурѣ. Онъ началъ прикупать имѣнія съ 1732 года, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Состояніе его росло не очень быстро, но очень прочно. Давъ гардемарину Скрябину 112 рублей подъ залогъ села Никольскаго, на годъ, онъ за неуплатой денегъ получилъ половину имѣнія, которую и заложилъ самъ года черезъ 2 или 3, но уже въ 1,000 рубляхъ и конечно заплатилъ во время. Развивая такія и подобныя операціи, давая въ долгъ деньги одному, занимая ихъ у другого, зорко наблюдая за ходомъ деревенскаго хозяйства, Василій Ивановичъ къ концу своей жизни разбогатѣлъ замѣтно. Въ 1760-хъ годахъ онъ могъ уже купить село Кончанское за 22,000 рублей и дать обѣимъ дочерямъ приданое—одной 17,000 р., другой вѣроятно столько же, и все это въ продолженіе какихъ нибудь 3 — 4 лѣтъ. Умирая въ 1775 году, онъ оставилъ сыну весьма порядочныя и благоустроенныя имѣнія, въ которыхъ числилось 1,895 душъ мужского пола [3]).

Эта же самая черта бережливости была присуща и Суворову-сыну; но такъ какъ отецъ и сынъ были люди совершенно другъ съ другомъ не сходные; то и въ общемъ ихъ свойствѣ существовала большая между ними разница. Василій Ивановичъ былъ всегда неизмѣнно скупъ; Александръ Васильевичъ иногда переходилъ отъ крайней бережливости къ широкой щедрости, въ чемъ читатель убѣдится мало по малу впослѣдствіи.

Временемъ наибольшаго развитія его хозяйственной дѣятельности въ имѣніяхъ была середина 70-хъ годовъ, когда послѣ смерти отца ему пришлось принимать наслѣдство, и затѣмъ въ серединѣ 80-хъ годовъ, когда по условіямъ службы онъ могъ болѣе, чѣмъ когда либо, заняться своими собственными дѣлами. По даннымъ 70-хъ (ихъ очень мало) и 80-хъ годовъ и составлена настоящая глава; приняты также въ соображеніе и подходящія свѣдѣнія начала 90-хъ годовъ.

Съ весны 1784 до осени 1785 года Суворовъ проживалъ въ своихъ имѣніяхъ Ундолѣ и Кистоши (владимірскаго намѣстничества), разсчитывая лѣто 1785 года прожить въ подмосковномъ селѣ Рожествепѣ, что впрочемъ не состоялось. Село Кончанское (новгородской губерніи), впослѣдствіи столь извѣстное, онъ посѣтилъ въ первый разъ почти черезъ 10 лѣтъ послѣ смерти отца. Изъ этого видно, какъ мало у него было возможности подробно вникать въ хозяйство и обстоятельно его вести. Затѣмъ въ остальное время 70-хъ, 80-хъ и начала 90-хъ годовъ онъ посѣщалъ иногда то или другое изъ своихъ имѣній весьма не на долго; подобные наѣзды имѣли легкое ревизіонное или контрольное значеніе и глубокаго слѣда по себѣ не оставляли).

Имѣнія Суворова были раскинуты по губерніи московской и намѣстничествамъ владимірскому, костромскому, пензенскому и новгородскому; кромѣ того онъ имѣлъ домъ въ Москвѣ, у Никитскихъ воротъ, а потомъ и въ Петербургѣ. Сначала онъ держалъ управляющихъ по отдѣльнымъ имѣніямъ, но въ 1779 году поставилъ надъ ними что то въ родѣ главнаго, отношенія котораго къ остальнымъ представляются впрочемъ нѣсколько темными. Это былъ довольно крупный московскій дѣлецъ, статскій совѣтникъ Терентій Ивановичъ Черкасовъ. Въ одномъ документѣ онъ названъ стряпчимъ, въ другомъ опекуномъ; вѣрющимъ письмомъ Суворова, 7 сентября 1779 года, поручено ему содержать въ своемъ присмотрѣ московскій домъ и деревни, распоряжать дворовыми людьми и крестьянами, подавать отъ имени Суворова челобитныя, покупать смежныя земли, занимать въ банкѣ деньги. Жалованье онъ получалъ очень значительное, 500 р. въ годъ, ибо Суворовъ взялъ его какъ великаго знатока приказныхъ дѣлъ.

Черкасовъ всѣми силами старался удержаться на этой высотѣ во мнѣніи своего довѣрителя, забрасывая его своею дѣловою мудростью и опытностью, но не съумѣлъ выдержать роль. Сначала онъ маскировалъ тщательно правду и отводилъ глаза съ помощью разныхъ увертокъ и фортелей, но потомъ сталъ обманывать довольно открыто и безцеремонно. То поддѣлывался подъ Суворова, онъ увѣрялъ его, что по дѣламъ «обращается со стремительностью»; то внушалъ ему многозначительно, что у него, Черкасова, «есть при дворѣ хотя изъ небольшихъ, но хорошіе друзья»; то замѣтивъ въ Суворовѣ любовь къ литературѣ, писалъ ему стихами, ужасными по своей дубоватости и нескладицѣ, причемъ кадилъ его военнымъ достоинствамъ и, пользуясь случаемъ, просилъ «о возведеніи въ жребій счастливости своего сына Ивана». Въ то же самое время онъ бралъ у крестьянъ деньги и не давалъ росписокъ; прикупая для Суворова деревни, взималъ въ свою пользу крупный процентъ съ продавцовъ, а на Суворова насчитывалъ двойныя за купчую пошлины; дѣлая по его порученію въ Москвѣ покупки, ставилъ высокія цѣны, даже на предметы общеизвѣстные. Убѣждаясь въ недобросовѣстности своего повѣреннаго, Суворовъ нѣсколько ограничивалъ кругъ его дѣйствій. Тогда Черкасовъ прибѣгалъ къ какому нибудь искусному маневру, отуманивал своего довѣрителя, и мнѣніе о немъ Суворова опять какъ будто мѣнялось и недовѣрчивость успокоивалась. Въ подобныхъ колебаніяхъ прошло не мало времени, и только по истеченіи пяти лѣтъ управительства Черкасова, Суворовъ рѣшился разстаться съ нимъ совсѣмъ [5]).

Такому рѣшенію предшествовала довольно длинная переписка съ управляющимъ московскимъ домомъ Кузнецовымъ и преподаніе ему разныхъ наставленій. Суворовъ говоритъ, что платитъ деньги «велерѣчивому юристу Теренцію» только по давней привычкѣ; что въ сущности онъ совсѣмъ не нуженъ и даже вреденъ; что «у одной кости двумъ собакамъ быть нельзя»; что «невозможно стоять ради его всегда на карауле». Онъ приказываетъ рѣшительно отъ Черкасова сторониться, не допускать его къ деньгамъ, отбирать отъ него дѣла. Онъ предупреждаетъ Кузне-

цова, что Черкасовъ будетъ обѣщать, тонировать, пугать, мудрить, знахарить, оттягивать и утверждать его, Кузнецова, въ невѣжествѣ. «Отбери отъ него дѣла и узнаешь все колдовство; красны бубны за горами. По апелляціонному дѣлу тебѣ нужно было самому челобитную написать, т.-е. доброму приказному дать рубль, колпакъ водки, стопку пива, и тогда бы не было нужды въ Терентіѣ». Чтобы разстаться съ Черкасовымъ безъ большой непріязни, Суворовъ приказываетъ: «учини ему послѣдній подарокъ по твоему вкусу, рублей во сто какую нибудь вещь, или деньгами отсыпь». Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сильно побаивается дурныхъ послѣдствій такого рѣшительнаго шага и предупреждаетъ Кузнецова: «лишась знатныхъ отъ меня доходовъ, онъ долженъ идти на мщеніе; буде отъ него неистовыя разглашенія будутъ, то объ его облупленіи меня ты и самъ всюду разглашай; только не начинай самъ, а лишь ему этимъ разглашеніемъ плати, доколѣ не уймется». Приказывая окончательно разстаться съ Черкасовымъ, Суворовъ поясняетъ: «а Терентій Ивановичъ пусть останется только для церемоній и комплиментовъ».

Впослѣдствіи, въ 90-хъ годахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, самымъ довѣреннымъ лицомъ сдѣлался у Суворова его родственникъ Хвостовъ, хотя въ формальномъ смыслѣ управителемъ не былъ и вознагражденія не получалъ. До тѣхъ же поръ, послѣ Черкасова у Суворова такого довѣреннаго лица не было и, сколько можно добраться, имѣнія новгородскія управлялись отдѣльно отъ остальныхъ, а эти остальныя подраздѣлялись иногда на двѣ и на три группы. Посредствующимъ лицомъ между Суворовымъ и его управляющими, по крайней мѣрѣ по нѣкоторымъ дѣламъ и по денежнымъ сборамъ, иногда служилъ зять его, отставной генералъ-поручикъ князь И. Р. Горчаковъ, жившій въ Москвѣ [6]).

Новгородскими деревнями заправлялъ отставной военный, старый служака, А. М. Балкъ, одинъ изъ сосѣдей Суворова. Это былъ человѣкъ не глупый, съ образованіемъ, почтенный и честный, но характера деспотическаго. Онъ сильно не ладилъ съ Черкасовымъ и писалъ Суворову, что броситъ все дѣло и уйдетъ;

но тутъ пришлось уходить самому Черкасову, и Балкъ остался. Онъ безпрестанно жаловался Суворову на непослушаніе крестьянъ и ихъ ближайшихъ властей, прибѣгалъ къ мѣрамъ энергическимъ, заковывалъ недоимщиковъ въ желѣза, грозилъ другимъ провинившимся: «берегитесь, чтобы я не видалъ вашихъ спинъ». Суворовъ сдерживалъ слишкомъ энергическаго старика и запрещалъ ему крайнія мѣры. Балкъ объяснялъ, что поступаетъ такимъ образомъ лишь страха ради, что на руку не дерзокъ и что держится пословицы — «замахнись, да не ударь». Но это мало успокоивало Суворова, тѣмъ болѣе, что по признанію самого Балка, крестьяне собирались его подстрѣлить. По этой ли причинѣ, или по какой другой, но Балкъ вскорѣ пересталъ фигурировать на страницахъ вотчинныхъ дѣлъ, и управляющимъ новгородскими имѣніями является другой сосѣдъ Суворова, отставной подполковникъ Р. Я. Качаловъ, а его подручнымъ — тоже сосѣдъ, отставной поручикъ изъ мелкопомѣстныхъ, С. Т. Румянцовъ; впослѣдствіи же вмѣсто Качалова является Н. А. Балкъ, сынъ перваго [7]).

Качалова удостоивалъ Суворовъ большой довѣренности; называлъ его въ глаза и за глаза благоразумнымъ, честнымъ, добродѣтельнымъ человѣкомъ; говорилъ, что питаетъ къ нему полное довѣріе больше, чѣмъ къ себѣ, за его знанія, дарованія и честные нравы. Въ письмахъ своихъ къ нему Суворовъ не скупится на выраженія искренней благодарности, проситъ распоряжаться всѣмъ съ полною свободою и совѣтуетъ не вѣрить «ни чьему суемудрію, ниже моему». Хороши были отношенія и къ Румянцову, но не въ столь изысканно-любезной формѣ и не безъ довольно жесткаго тона, когда Румянцову случалось крупно проштрафиться. Онъ былъ человѣкъ неподвижный, больной, а можетъ быть и лѣнивый, и исполнялъ свои обязанности плохо. Заѣхавъ въ Копчанское въ октябрѣ 1786 года, Суворовъ нашелъ тамъ большіе непорядки. Онъ написалъ Румянцову: «вы здѣсь мнѣ ближній сосѣдъ, вамъ и ввѣрено ближнее управленіе моихъ вотчинъ, за что получасте въ годъ 100 рублей; но судите сами — вамъ ихъ получать напрасно одинъ есть грѣхъ. Прежде сего былъ обычай ублажать ласкательствомъ, что служило къ

произращенію ложныхъ видовъ и непорядковъ; я люблю правду безъ украшеніевъ и не доброжелательство, но трудолюбіе». Сообщая Качалову о сдѣланномъ выговорѣ, Суворовъ замѣчаетъ, что Румянцовъ слишкомъ привыкъ къ «прежнему двуличному правленію и потому доволенъ былъ старымъ штилемъ — обстоитъ все благополучно; теперь я съ нимъ не шутилъ и не придворничалъ» [6]).

Контингентъ управляющихъ и вѣдающихъ хозяйственными дѣлами Суворова, особенно въ раіонахъ, близкихъ къ его мѣстопребыванію, состоялъ преимущественно изъ офицеровъ, ему подчиненныхъ (въ серединѣ 80-хъ годовъ); переписку съ ними велъ одинъ изъ его адъютантовъ, племянникъ. Такіе порядки, хотя и незаконные, были тогда во всеобщемъ обычаѣ, ибо механизмъ управленія обходился сравнительно дешево, и кромѣ того обезпечивалась военная исполнительность. Военная служба клала на людей такую глубокую печать извѣстныхъ качествъ, что даже изъ сосѣдей-помѣщиковъ Суворовъ старался брать своими управляющими преимущественно отставныхъ военныхъ [8]).

Отношенія его къ управляющимъ изъ подчиненныхъ были приличныя и человѣчныя, но болѣе фамильярны, чѣмъ съ посторонними. Образцомъ можетъ служить довольно обширная его переписка съ поручикомъ Кузпецовымъ, Степаномъ Матвѣевичемъ, вѣдавшимъ его дѣлами собственно въ Москвѣ. Суворовъ звалъ его просто *Матвѣичемъ*, писалъ ему *ты*, къ дальнимъ церемоніямъ и комплиментамъ не прибѣгалъ, отдавалъ приказанія категорическія, коротко, по военному. Нѣтъ такихъ дѣлъ, которыя не приходилось бы исполнять Матвѣичу, и исполнялъ онъ ихъ съ точностью и акуратностью. Суворовъ безпрестанно даетъ ему наставленія, какъ человѣку новому. «Будь со мною простодушенъ, я это люблю»; «начинай и непремѣнно кончи, или я за то на тебя осержусь» и т. под. Будучи Матвѣичемъ доволенъ, онъ иногда оканчиваетъ свои къ нему письма такимъ выраженіемъ удовольствія: «хорошо и здравствуй». Проскакиваетъ также при случаѣ и обычный Суворовскій юморъ. Матвѣичъ какъ-то задержалъ у себя въ Москвѣ нѣсколько коровъ,

чтобы пользоваться отъ нихъ молокомъ и масломъ. Въ другой разъ онъ задержалъ лошадей. Суворовъ пишетъ ему: «Мнѣ подлинно мудрено, какъ ты по сіе время мою тройку лошадей съ повозкою сюда не отправилъ... Вѣдь отъ лошадей нѣтъ масла» [4]).

Почти всѣ помѣщики того времени признавали значеніе крестьянскаго міра, совѣтовались съ нимъ о дѣлахъ, раздѣляли съ нимъ въ извѣстной степени свою административную и судебную власть. Также точно велось и у Суворова. У него правили дѣломъ не одни управляющіе, правилъ и міръ; каждому была своя сфера. Съ міромъ онъ чинился конечно меньше, чѣмъ съ господами управителями; часто выражалъ свое неудовольствіе, стращалъ, грозилъ. Поводовъ къ неудовольствію всегда было много, такъ какъ всякая новизна сильно смущала консервативный сельскій людъ, который почтительно, но настойчиво защищалъ установившіеся порядки, и сломить его пассивное упорство было не легко. Были и другія причины, сердившія часто Суворова; между ними не послѣдняя — нелюбовь міра къ бумагѣ, къ писанію, а между тѣмъ помѣщикъ требовалъ періодическихъ правильныхъ донесеній: «не иначе вамъ править, какъ сообщаясь со мной ежемѣсячно». Правда, онъ терпѣть не могъ многописанія и требовалъ донесеній короткихъ, точныхъ, безъ всякихъ пустяковъ, но это для міра было еще труднѣе. Грамотѣевъ и писарей было очень мало, и если кто изъ нихъ возвышался надъ общимъ уровнемъ, то ему предстояла другая карьера. Бережливый Суворовъ старался создать изъ такихъ рѣдкихъ людей своихъ собственныхъ дѣльцовъ по межевымъ, судебнымъ и другимъ дѣламъ, и въ этомъ успѣвалъ. Таковъ былъ крестьянинъ Миронъ Антоновъ, который даже послѣ смерти Суворова продолжалъ вести нѣкоторыя довольно важныя дѣла по новгородскимъ имѣніямъ. Суворовъ цѣнилъ его, показывалъ большое къ нему довѣріе и награждалъ его по временамъ деньгами; награды эти впрочемъ особенною щедростью не отличались [5]).

Старался онъ приспособить къ такой дѣятельности и своихъ управителей изъ офицеровъ, особенно Матвѣича, жившаго въ центрѣ приказныхъ дѣлъ, въ Москвѣ, — такъ какъ очень побаивался и не долюбливалъ лицъ, въ родѣ Черкасова, съ ихъ

системою «облупленія» своего довѣрителя. Суворовъ увѣряетъ своего адъютанта, что ничего тутъ хитраго нѣтъ, стóитъ только вникнуть со вниманіемъ, и все мудреное окажется совершенно простымъ. «Юристамъ я не вѣрю, съ ними не знаюсь, они ябедники», такъ поясняетъ Суворовъ свое желаніе. «Апелляція только ябеда», говоритъ онъ по другóму случаю, а въ писаніи къ міру, въ одну изъ своихъ волостей, объясняетъ: «слышу, у васъ спорныя дѣла со временъ моего родителя; если вы скоро не примиритесь, хотя бы съ небольшой уступкой, то я перваго Мирона Антонова накажу тѣлесно». Онъ приказываетъ иногда идти на мировую во что бы то ни стало, ведетъ счетъ тяжебнымъ и всякимъ спорнымъ дѣламъ; оконченныя запечатываетъ, откладываетъ въ сторону, вычеркиваетъ изъ реестра. Въ письмѣ его къ Матвѣичу читаемъ: «очень мнѣ на сердцѣ новгородское апеляціонное дѣло по сенату; крестьяне мои сами признаются виноватыми, мы же лѣземъ въ ябеду: стыдно и безсовѣстно» [10]).

Въ серединѣ 80-хъ годовъ особенно заботили его два спорныхъ дѣла — съ Маврипымъ и съ Сатинымъ. По первому дѣлу обѣ стороны избрали третейскимъ судьей Суворовскаго управляющаго, Качалова. Качаловъ привелъ къ миру, приговоривъ Суворовскихъ крестьянъ къ уплатѣ Маврину 600 рублей. Суворовъ благодаритъ его безъ всякаго неудовольствія, за исключеніемъ развѣ словъ: «за рѣшеніе дѣла на *извѣстномъ вамъ резонѣ*». По второму дѣлу Сатинъ пишетъ Суворову, что «полагается на его великодушіе», а Черкасовъ, въ то время еще не совершенно устраненный, замѣчаетъ ему саркастически: «дѣло съ Сатинымъ въ вотчинной коллегіи оставить хотите; ваша воля, по подарка больше 10,000 рублей будетъ». Несмотря на такое вѣское замѣчаніе опытнаго дѣльца, Суворовъ идетъ съ Сатинымъ на соглашеніе и кончаетъ дѣло мировою. Намѣстникъ того края, генералъ Кречетниковъ, пишетъ Суворову, что сообщилъ земскому суду его «благодѣтельное снисхожденіе къ Сатину» [11]).

При всѣхъ дѣлахъ, когда приходилось вѣдаться съ приказами и судами, неизбѣжны были посулы, задабриванья, подарки. Представляемые Суворову отчеты полны подобнаго рода издержками; онъ смотритъ на нихъ, какъ на расходъ неизбѣж-

ный и даже самъ указываетъ на эти средства, какъ на пріемы самые вѣрные къ ускоренному рѣшенію дѣлъ. Такъ, онъ пишетъ Матвѣичу: «можешь подарить денегъ губернаторскому фавориту, коли хочешь, чтобы онъ его наклонилъ». Въ другомъ мѣстѣ совѣтуетъ тому подарить, другого угостить, третьему поднести. Подобно своимъ современникамъ, онъ смотрѣлъ на все это, какъ на дѣло естественное, какъ на вознагражденіе постороннято лица за лишній въ пользу его, Суворова, подъятый трудъ. Нравственное чувство Суворова сказывалось въ иномъ,— гдѣ у другихъ оно молчало и донынѣ зачастую молчитъ. Онъ возмущался напримѣръ всякимъ предложеніемъ обсчитать противника или казну съ помощью какого-нибудь приказнаго ухищренія, отбыть отъ установленныхъ пошлинъ или уменьшить ихъ цифру чрезъ написаніе документа въ меньшей противу дѣйствительнаго суммѣ. Къ этого рода неразборчивымъ пріемамъ дѣльцы, въ родѣ Черкасова, прибѣгали сплошь и рядомъ, но Суворовъ не давалъ на то согласія, а впослѣдствіи его довѣренныя лица уже сами знали, что онъ смотритъ на такого рода уклоненія отъ закона, какъ на поступокъ неприличный, одинаково компрометирующій при успѣхѣ и при неудачѣ [12]).

Суворовъ покупалъ не мало; у него была наклонность къ пріобрѣтенію. Онъ пишетъ Матвѣичу прямо, что по примѣру отца хочетъ прикупать деревни, поясняя: «я не расточать, а собирать желаю». Разница однако въ томъ, что у сына не было жажды пріобрѣтенія, обращающей средство въ цѣль. Для себя самого ему требовалось очень немногое не потому, что одолѣвала страсть копить, а копилъ онъ потому, что на прожитокъ требовалось очень немногое. Ограниченность потребностей дозволила ему начать свои сбереженія довольно рано. Въ 1767 году, будучи полковымъ командиромъ, онъ купилъ землю «200 четвертей въ полѣ, а въ двухъ потому жъ». Правда, еще раньше (1758 г.) онъ имѣлъ уже свое собственное небольшое состояніе, — часть 189 душъ, доставшуюся ему по смерти его матери; слѣдовательно сберегать было уже изъ чего. Затѣмъ въ февралѣ 1774 года, т.-е. тотчасъ послѣ своей женитьбы, передъ возвращеніемъ изъ отпуска въ армію Румянцова, онъ даетъ до-

вѣренность Василію Ивановичу — на оставляемыя деньги покупать имѣнія, давать взаймы и т. под. Стало быть экономическія средства продолжали возрастать. Въ слѣдующемъ году Василій Ивановичъ умеръ; все его состояніе перешло къ сыну. Александръ Васильевичъ началъ прикупать имѣнія, и въ продолженіе 9 или 10 лѣтъ успѣлъ пріобрѣсти до 1,500 душъ (считая съ женскимъ поломъ). Онъ пріобрѣталъ не только на сдѣланныя сбереженія, но и въ разсчетѣ на нихъ впередъ, заключая займы. Въ особенности богата займами вторая половина 1770-хъ годовъ. Покупки онъ дѣлалъ въ раіонѣ своихъ имѣній, покупая значительною частью у небогатыхъ родственниковъ, плохо хозяйничавшихъ. Онъ наблюдалъ, и своимъ управляющимъ приказывалъ наблюдать, не замотается ли кто изъ сосѣдей и не вздумаетъ ли продавать имѣніе; въ утвердительномъ случаѣ Суворовъ являлся покупщикомъ, занимая для этого деньги, или закладывая какое-нибудь изъ своихъ имѣній [13]).

Помѣщики держали свои имѣнія на барщинѣ или на оброкѣ: первыя были по крайней мѣрѣ въ полтора раза выгоднѣе, по своей доходности; за то при оброчной системѣ владѣльцу не было нужды проживать въ деревнѣ; она избавляла помѣщика отъ всякихъ хлопотъ и была менѣе обременительна для крестьянъ, ибо они гораздо легче справлялись со своими повинностями, если только оброкъ не превышалъ ихъ платежныхъ средствъ. Суворовскія имѣнія были оброчныя; такъ велось и при Василіѣ Ивановичѣ, который при ихъ разбросанности и своей наступившей старости не могъ вести барщинное хозяйство съ должнымъ присмотромъ. Онъ однако не отказался отъ всѣхъ выгодъ этой системы и, кромѣ денежнаго оброка, обложилъ своихъ крестьянъ разными работами, поборами, приносами и вообще натуральными повинностями. А извѣстно, что подобные поборы всегда были тяжелы для крестьянъ, потому что въ браковкѣ и пріемѣ предметовъ натурою открывалось широкое поле произволу и злоупотребленіямъ старостъ, бурмистровъ и другихъ властей. Въ сущности обложеніе крестьянъ поставкою естественныхъ произведеній было выгодно именно пріемщикамъ, а никакъ не помѣщику, особенно если онъ находился въ дальнемъ отсутствіи. Суворовъ

понялъ все это сразу, и потому поборы натурою уничтожилъ, возвысивъ оброкъ; въ кончанскомъ имѣніи напримѣръ цифра оброка была назначена въ 3 рубля, вмѣсто 2-хъ, что должно быть признано для крестьянъ по меньшей мѣрѣ не обременительнымъ, а вѣрнѣе прямо выгоднымъ. Лѣтъ черезъ 10 или 11, онъ повысилъ оброкъ еще на рубль, причемъ въ трехъ вотчинахъ изъ шести, добавочный рубль назначилъ на строеніе церквей и на содержаніе причта. Изъ оброчныхъ денегъ кончанскаго имѣнія онъ опредѣлилъ на домашніе расходы по усадьбѣ, на дворовыхъ и проч. 500 рублей, и такимъ образомъ изъ 4000-наго кончанскаго оброка самъ получалъ всего 2,500 р. Излагая все это въ инструкціи «старостѣ со крестьяны», онъ между прочимъ говоритъ: «если же на домашніе расходы противъ полагаемыхъ 500 рублей чего паче чаянія доставать не станетъ, то можно употребить изъ церковной тысячи рублей, только то дурно и стыдно». Впослѣдствіи, къ концу жизни Суворова, оброки были: въ одной вотчинѣ (въ Кончанскомъ) 4 рубля, въ четырехъ 5 рублей, въ одной 6 рублей [14]).

Такое возрастаніе было явленіемъ всеобщимъ, и Суворовъ не опережалъ общаго теченія, а скорѣе отставалъ отъ него, т.-е. бралъ со своихъ крестьянъ меньше, чѣмъ многіе другіе. И точно, въ первую половину царствованія Екатерины, средняя цифра помѣщичьяго оброка простиралась до 2—3 рублей съ души; въ 80-хъ годахъ она повсемѣстно доходила не менѣе какъ до 4 р., а во многихъ имѣніяхъ гораздо больше; въ 90-хъ годахъ она повысилась среднимъ числомъ до 5 р., мѣстами же взималось 10, 15 и даже 20 рублей.

Что Суворовскій оброкъ не былъ высокъ, видно изъ общности дѣла, складывающейся по документамъ вотчинныхъ конторъ. Для примѣра укажемъ, что Суворовъ неоднократно возлагаетъ на ту или другую изъ своихъ волостей разные сверхъоброчные расходы, съ зачетомъ въ счетъ оброка слѣдующаго года, а иногда прямо требуетъ (и получаетъ) часть будущаго оброка. Съ кончанскаго имѣнія онъ взялъ, напримѣръ въ 1785 году, весь оброкъ на слѣдующій годъ. Если бы оброкъ былъ не по силамъ, или доходилъ до предѣла платежной возможности,

то требованія помѣщика или оставались бы неисполненными, или отразились бы дурно на благосостояніи крестьянъ въ близкомъ будущемъ. Ни того, ни другого однако же не было [15]).

Встрѣчаются со стороны Суворова попытки какъ будто возвращенія къ прежнему порядку, какой былъ при отцѣ. Въ приказѣ по новгородскимъ вотчинамъ говорится о собираніи грибовъ, ягодъ и проч., какъ было при родителѣ, но упоминается, что объ этомъ послѣдуетъ особое приказаніе. Приказанія вѣроятно не послѣдовало, потому что дальнѣйшія болѣе общія распоряженія имѣютъ противуположное направленіе. Съ крестьянъ взималось натурой многое, когда владѣлецъ жилъ въ своей усадьбѣ, но все это зачитывалось въ счетъ оброка. По обычаю повсемѣстному, перешедшему въ позднѣйшее время, крестьяне, отсылая оброки, преподносили своему господину въ видѣ гостинца грибы, рыбу, дичину. Дѣлали это и Суворовскіе крѣпостные, и Суворовъ гостинцы принималъ, но не иначе, какъ въ зачетъ оброчной суммы; несомнѣнно по крайней мѣрѣ, что порядокъ этотъ соблюдался въ серединѣ 80-хъ годовъ. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются временами натуральныя повинности, въ родѣ наряда подводъ, чистки прудовъ, возведенія и починки строеній; невозможно добраться—даровыя онѣ, или платежныя, но во всякомъ случаѣ онѣ немногочисленны [16]).

Суворовъ не былъ въ своихъ деревняхъ новаторомъ, преобразователемъ, да и не могъ быть. Вся возможность направлять дѣло ограничивалась указаніями, и если онъ вникалъ въ иныя подробности, указывалъ на частные недостатки, вторгался въ дѣло непосредственно, то все это глубокаго слѣда не могло по себѣ оставлять, если не доставало доброй воли у ближайшихъ распорядителей и исполнителей. Оттого многое изъ личныхъ указаній Суворова имѣетъ значеніе не столько дѣйствительно существовавшаго, сколько взгляда Суворова на предметъ и усилій его—дать дѣлу извѣстное направленіе. Для насъ впрочемъ это и есть самое важное. Въ этомъ отношеніи, изъ числа сохранившихся документовъ заслуживаютъ вниманія двѣ записки; обѣ онѣ относятся, по всей вѣроятности, къ 1780-мъ годамъ.

Въ одной изъ записокъ онъ пишетъ, что лѣнь крестьянъ порождается излишкомъ земли и легкими оброками. Многія земли пашутся безъ навоза, земля вырождается, являются неурожаи. Приказывается пахать подъ посѣвъ по числу скота, а неунавоженную землю пускать подъ луга. Это только на первое время, а впредь размножать рогатый скотъ; нерадивые будутъ наказываемы. Расплодившуюся скотину не продавать и не рѣзать; только когда ея будетъ много, и вся пахатная земля укроется навозомъ, можно и въ пустоши лишній навозъ вывозить. У крестьянина Михаила Иванова одна корова; слѣдовало бы оштрафовать старосту и весь міръ за то, что это допустили. На первый и на послѣдній разъ прощается; Иванову купить корову на господскій счетъ, но отнюдь не въ потворство другимъ, и никому впредь на это не надѣяться. Крестьяне богатые должны помогать въ податяхъ и работахъ неимущимъ; изъ послѣднихъ особенно почитать тѣхъ, у кого много малолѣтнихъ дѣтей; того ради Иванову купить на господскій счетъ еще шапку въ рубль. Лѣнь исходитъ также изъ безначалія; оттого старостѣ быть не на годъ, а на три года. Ежели онъ будетъ исправенъ, и крестьяне разбогатѣютъ, то въ работахъ будетъ ему помощь отъ міра, а всѣ земскія угощенія—на счетъ вотчины.

По другой запискѣ или инструкціи, тягло накладывается съ 16 лѣтъ, несутъ его до 60-ти. Земля по тягламъ дѣлится выборными отъ міра присяжными, извѣстными своей честностью. На каждое тягло назначается по $2^1/_2$ десятины въ полѣ, всего $7^1/_2$, да луговой $2^1/_2$. Если останется пустующая земля, то пасти на ней скотъ, не отдавая подъ пашню въ наемъ, иначе ее выпашутъ и новымъ тягламъ достанется земля истощенная. Лѣсъ дѣлится на 20 частей; каждая часть назначается всѣмъ крестьянамъ на годъ; заказной лѣсъ хранится для построекъ; если его много, то къ нему опредѣляется отвѣтственный полѣсовщикъ. Подушный окладъ уплачивается по тягламъ,—чтобы было легче тяглецамъ, имѣющимъ много ребятъ, и престарѣлымъ. Если подушныя деньги соберутся излишнія, то не возвращаются, а хранятся на мірскіе расходы. Число бобылей надо уменьшать; если кто изъ крестьянъ возьметъ бобыля въ свою семью, усыновитъ

или женитъ на дочери или иной роднѣ, то на него дается земля по положенію, со льготою отъ вноса оброка на годъ. Въ большихъ селеніяхъ назначается бурмистръ; онъ получаетъ землю на три тягла, оброка не платитъ. Въ маломъ селеніи—староста; земли ему на два тягла, оброка не платитъ. Полѣсовщику земли на одно тягло, оброка тоже не платитъ. Учреждаются запасные магазины, куда со всякаго тягла собирается осенью по четверику ржи и овса, пока запаса накопится довольно на случай недорода. Вѣдаютъ магазиномъ выборные цѣловальники подъ смотрѣніемъ бурмистра; они же собираютъ, складываютъ хлѣбъ и даютъ взаёмъ. Ссуда дѣлается дѣйствительно нуждающимся и возвращается по уборкѣ хлѣба съ прибавкой гарнца къ каждому четверику. Не нуждающимся не давать, внушая имъ, что вредятъ другимъ. Если же требующихъ нуждающихся мало, то можно давать и остальнымъ, не нуждающимся, для освѣженія запаса и приращенія его процентами.

При недостаткѣ земли на всѣ тягла, надо выводить людей на переселеніе, сначала домашнихъ воровъ, лѣнтяевъ и пьяницъ, затѣмъ по жребію. Переселеніе дѣлается на счетъ помѣщика; переселенцы продаютъ все свое совершенно свободно, даже озимыя поля, кои ими обработаны. Объявляется о переселеніи въ ноябрѣ, чтобы было имъ довольно времени до судоходства или подножнаго корма. На новомъ мѣстѣ выдаются отъ барина избы, сѣмена на озимое и проч.; два года переселенцы не платятъ подушнаго и не вносятъ оброка; «такимъ образомъ въ горѣ своего семейства получаютъ облегченіе». Первыхъ переселять трудно, а къ нимъ хоть вдвое больше — легко, потому что у первыхъ будетъ тогда опытъ, и вторые станутъ меньше горевать. Тому кто поведетъ, дается наставленіе; комиссіонеръ заготовляетъ по дорогѣ сухари, крупу, соль [17]).

Какъ человѣкъ бережливый и притомъ ненавидящій праздность, Суворовъ не слѣдовалъ крѣпостной модѣ—держать безъ всякой надобности цѣлыя толпы дворовыхъ, тѣмъ паче, что въ имѣніяхъ своихъ онъ живалъ рѣдко. Среднимъ числомъ, дворовыхъ насчитываютъ у помѣщиковъ того времени отъ 5 до 10 на 100 оброчныхъ или тяглыхъ, а у вельможъ и того больше.

У Суворова было ихъ меньше; наприм. въ с. Кончанскомъ ихъ числилось въ 80-хъ годахъ 22 человѣка (на 1,000 душъ), не считая ихъ женъ и дѣтей; кромѣ того, на богадѣленномъ призрѣніи находилось двое военныхъ, 6 инвалидовъ и 4 вдовы. По крѣпостнымъ обычаямъ, дворня обыкновенно соединяла въ себѣ людей всевозможныхъ профессій. Такъ какъ въ имѣніяхъ Суворова дворня была сравнительно не велика, то и профессіи дворовыхъ не отличались такимъ разнообразіемъ, какъ у другихъ; но все-таки встрѣчаемъ у него поваровъ, кучеровъ, лакеевъ, фельдшеровъ и проч., которые въ то же время бывали музыкантами, пѣвцами, актерами, или по крайней мѣрѣ владѣлецъ пытался ихъ сдѣлать такими. Суворовъ любилъ музыку и пѣніе, имѣлъ также склонность и къ драматическому искусству, но тратить на это значительныя деньги вовсе не желалъ, какъ то дѣлали большіе господа того времени. Въ немъ была потребность художественныхъ наслажденій, но не было ни эстетическаго развитія, ни художественнаго чутья или такта. Легко поэтому понять, что его доморощенные артисты представляли собой нѣчто карикатурное, или по меньшей мѣрѣ топорное.

При московскомъ домѣ находилось въ началѣ не мало дворни, въ томъ числѣ пѣвчіе и музыканты, которые держались въ Москвѣ для усовершенствованія, причемъ образцомъ имъ служили знаменитые Голицынскіе пѣвчіе. Но въ 1784 году ихъ перевезли въ Ундолъ, имѣніе, гдѣ Суворовъ тогда проживалъ. Едва ли эти пѣвцы и музыканты были и въ Москвѣ чѣмъ-нибудь порядочнымъ, а въ деревнѣ они скоро совсѣмъ испортились. Годъ спустя, уѣзжая изъ Ундола, Суворовъ оставляетъ управляющимъ одного молодого офицера и даетъ ему наставленіе: «помни музыку нашу — вокальный и инструментальный хоры, и чтобы не уронить концертное; простое пѣніе всегда было дурно и больше кажется испортилъ его Бочкинъ, великимъ гласомъ съ кабацкаго». На музыку онъ обращалъ всегда вниманіе при посѣщеніи и другихъ своихъ имѣній. Въ Петербургъ отсылались музыкальные инструменты для исправленія, и на это однажды израсходовано разомъ 200 рублей — расходъ, для бережливаго Суворова огромный. Куплены гусли и для обученія

на этомъ инструментѣ взятъ мастеръ; «для поправленія пѣвчихъ на италіанскій манеръ» выписанъ пѣвчій изъ Преображенскаго полка на жалованьѣ. Пріобрѣтались ноты; разъ были куплены симфоніи Плейеля, квинтеты, квартеты, серенады Вангали, тріо Крамера, 12 новыхъ контрдансовъ, 6 полонезовъ, 3 менуэта, нѣсколько церковныхъ концертовъ. Церковную музыку Суворовъ любилъ особенно [13]).

Обучались также драматическому искуству. «Сіи науки у нихъ за плечами висѣть не будутъ», пишетъ Суворовъ изъ-подъ Кременчуга Качалову, когда казалось бы ему вовсе не до «сихъ наукъ». По его словамъ, «театральное нужно для упражненія и невиннаго веселья». «Васька комикомъ хорошъ», сообщаетъ онъ въ другое время: — «а трагикомъ лучше будетъ Никита; только должно ему поучиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, вопросительнымъ и восклицательнымъ знакамъ... Въ рифмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту, безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія». Парикмахера Алексашку онъ приказываетъ обучать исподоволь французской грамматикѣ, а четырехъ мальчиковъ вообще «словесному». Кромѣ доморощенныхъ наставниковъ и самообученія по знакамъ препинанія, пріискивались и другіе образовательные способы. Въ числѣ сосѣдей Суворова былъ нѣкто Діомидъ Иваповичъ, богатый помѣщикъ, у котораго существовали «разныя похвальныя заведенія художествъ и ремеслъ»; Суворовъ приказываетъ отсылать туда въ науку дворовыхъ, «чтобы отъ праздности въ распутство не впадали», и спрашиваетъ, нельзя ли и ихъ женъ пріурочить туда же [19]).

Суворовъ однако не ограничивался одними артистическими требованіями отъ своихъ дворовыхъ. Его всегда озабочивала ихъ праздность, и по своему обыкновенію онъ старался вытѣснить ее производительнымъ трудомъ. Сначала онъ совѣтуетъ привлекать ихъ къ занятію земледѣліемъ и огородничествомъ, потомъ говоритъ объ этомъ категоричнѣе, указываетъ на работы въ саду, приказываетъ назначить мѣсто для огородовъ, пашню, чтобы сами добывали себѣ хлѣбъ; сѣнокосъ тому, кто поже-

лаетъ имѣть корову; выдавать на первый разъ господскія сѣмена, дарить прилежнымъ бороны, сохи или косы, употреблять на ихъ работы господскихъ лошадей. По всему однако видно, что желаніе его не очень прививалось къ дѣлу. Въ 90-хъ годахъ онъ снова пишетъ: «дворовыхъ людей на легкій промыселъ отпустить, лишь бы не забурлачили; остающимся вокальнымъ инструментамъ невозбранно пахать и садить: земли излишество, мнѣ не служатъ, служи себѣ и меньше празднаго на пороки». Впрочемъ это касалось до одного кончанскаго имѣнія, которое за своею отдаленностью больше другихъ его безпокоило, и гдѣ дворня дѣйствительно была распущена, или казалась ему такою. Онъ пишетъ на эту тему часто и много; дозволяетъ уменьшать денежное жалованье тѣмъ, «кто мотъ и лжецъ», указываетъ на нѣкоторыхъ поименно, какъ на «лжецовъ, льстецовъ и упрямцевъ». Въ особенности его удручаетъ начальникъ всего этого народа, дворецкій Николай Ярославцевъ. Побывавъ лично въ Кончанскѣ предъ отправленіемъ въ Кременчугъ, Суворовъ «засталъ Николашку больше лжецомъ и льстецомъ, нежели заботливымъ дворецкимъ; онъ столько былъ не человѣколюбивъ, что отъ него и невинные младенцы пострадали; музыка въ упадкѣ, аптечныхъ травъ не собираетъ; варя пива прокисла; приказный Ерофеевъ при немъ забылъ грамотѣ». Суворовъ сильно не долюбливаетъ этого дворецкаго, называетъ его «франтомъ», но все-таки держитъ. Ярославцевъ былъ, что называется выжига, малый на всѣ руки; онъ съумѣлъ сдѣлаться для Суворова и его управляющихъ человѣкомъ необходимымъ, а потому и держался на своемъ мѣстѣ, несмотря ни на что. Онъ былъ очень проворенъ и умѣлъ дѣлать разомъ многія дѣла; качество это, если не по сущности своей, то по внѣшности, почти однородно съ трудолюбіемъ, а трудолюбіе Суворовъ цѣнилъ высоко. Заставляя дворовыхъ женщинъ питаться своимъ рукодѣліемъ, онъ поясняетъ: «сіе не отъ чего иного, чтобы порочной праздности вовсе были чужды, ибо труды наклоняютъ къ благонравію». Вся система его управленія имѣніями была основана на этомъ правилѣ [20]).

Не меньше принципа трудолюбія руководила имъ и бережли-

вость; она отражается на послѣднихъ мелочахъ. Снабжая своего управляющаго наставленіемъ на счетъ дворни, онъ пускается въ подробности о сбереженіи новаго платья, дозволяетъ его надѣвать только по праздникамъ, «а если кто чуть замараетъ, то никогда не давать». Живя по временамъ въ Петербургѣ, онъ приказываетъ присылать туда лошадей, такъ какъ наемъ дорогъ. Онъ не хочетъ тратить денегъ и на лекарства, если имѣетъ право на казенныя, хотя аптечный расходъ былъ у него конечно ничтожный. Съ этою цѣлью онъ приказываетъ написать Матвѣичу, чтобы тотъ «нашелъ въ Московской дивизіи штабъ-лекаря, приласкалъ его и попросилъ по приложенному рецепту лекарствъ, ибо генералитету изъ главной казенной аптеки выдаютъ медикаменты даромъ». Въ видахъ же экономіи онъ приказываетъ Матвѣичу «писать часто, но кратко и мелко, безъ дальнихъ комплиментовъ, чтобы на почту меньше денегъ выходило. За приносъ писемъ не давать, а лучше самимъ на почтѣ брать» [8]).

Тогдашній способъ комплектованія арміи отрывалъ крестьянъ отъ дома и семьи почти на всю жизнь и во всякомъ случаѣ дѣлалъ ихъ, по отбытіи службы, негодными къ прежнимъ занятіямъ. Въ деревняхъ убыль человѣка изъ семьи была для нея истиннымъ бѣдствіемъ и иногда оставляла неизгладимый слѣдъ. Суворовъ принялъ противъ этого мѣры. Онъ постановилъ обязательнымъ для всѣхъ имѣній правиломъ — своихъ людей въ рекруты не отдавать, а покупать со стороны, ибо «тогда семьи не безлюдствуютъ, дома не разоряются и рекрутства не боятся». Въ подобныхъ людяхъ недостатка не могло быть; торговля крѣпостными людьми считалась тогда дѣломъ довольно обычнымъ; ихъ даже возили по ярмаркамъ и выставляли на базарныхъ площадяхъ, а у многихъ неразборчивость въ выборѣ средствъ наживы доходила до того, что негодящихся въ рекруты отправляли въ Сибирь на поселеніе, взачетъ ближайшаго рекрутскаго набора, и зачетными квитанціями торговали. Цѣны на людской товаръ существовали различныя: парни, годные въ рекруты, стоили отъ 150 до 300 рублей и выше, смотря по спросу и по мѣстнымъ условіямъ. Этимъ обстоятель-

ствомъ и воспользовался Суворовъ. Онъ приказалъ покупать для рекрутства чужихъ людей, разверстывая цѣну рекрута по имуществу каждаго, всѣмъ міромъ, при священникѣ, и въ подмогу міру опредѣлилъ изъ своихъ оброчныхъ денегъ по 75 рублей за каждаго рекрута безвозвратно [21]).

Одна деревня поблагодарила за это распоряженіе, но въ остальныхъ поднялся вопль. Стали указывать, что при покойномъ родителѣ этого не водилось и крестьянамъ было легче; что уже другой годъ неурожай, продавать нечего, отъ скудости крестьяне пришли въ упадокъ, и тому подобное. Одна вотчина объясняла, что въ ней есть бобыль, который податей не платитъ, не работаетъ и годами шатается невѣдомо гдѣ; того ради староста съ выборными проситъ милости, чтобы того бобыля за все крестьянство отдать въ рекруты. Суворовъ разсердился и приказалъ рекрута купить теперь же непремѣнно и впредь покупать, иначе грозилъ старостѣ и прочимъ розгами. Бобылю не слѣдовало дозволять бродяжничать: «въ сей же мясоѣдъ его женить и завести ему міромъ хозяйство; буде же замѣшкаетесь, я велю его женить на вашей первостатейной дѣвицѣ, а доколѣ онъ исправится, ему пособлять міромъ». Приказъ подѣйствовалъ, но крестьянъ нисколько не убѣдилъ.

Однимъ изъ поводовъ къ освобожденію вотчинъ отъ поставки своихъ рекрутъ натурою былъ малый приростъ населенія, Суворовымъ замѣченный. Это же обстоятельство побуждало его всячески поощрять браки и вообще способствовать увеличенію семей. «Крестьянинъ богатѣетъ не деньгами, а дѣтьми; отъ дѣтей ему и деньги», говорилъ и писалъ онъ постоянно. Прибѣгалъ онъ и къ другимъ резонамъ: «Богу не угодно, что не множатся люди; не весьма взирать на богатство, понеже у Бога богатый оскудѣетъ, а скудный обогатѣетъ. Я по сему впредь строго взыскивать буду. Въ этомъ особливо іереямъ, какъ отцамъ духовнымъ, не токмо увѣщевать, но рѣшать и утверждать». По крѣпостнымъ обычаямъ, онъ не долго раздумывалъ на счетъ браковъ крестьянъ и особенно дворовыхъ; если они не спѣшили и напоминанія помѣщика не производили дѣйствія, то нерѣдко отдавался лаконическій приказъ: «женить такихъ-то на та-

кихъ-то въ такой-то срокъ». Въ письмахъ его къ управляющимъ и міру безпрестанно встрѣчаемъ напоминанія или приказанія въ родѣ такого: «дворовые парни какъ дубы выросли, купить дѣвокъ»; «вдовцамъ такимъ-то надлежало бы первѣе всего жениться»; «вдову Иванову, какъ она въ замужество не желаетъ, никому не дозволяю сватать; помочь ей міромъ въ выстройкѣ избы, срубленной умершимъ мужемъ». При недостаткѣ своихъ невѣстъ и дороговизнѣ чужихъ, дѣлался иногда выводъ дѣвицъ изъ однѣхъ вотчинъ въ другія, на довольно далекія разстоянія. Для ундольскихъ парней Суворовъ приказываетъ купить 4 дѣвицы въ новгородскихъ деревняхъ и назначаетъ отъ себя подмоги до 200 рублей. «Лица не разбирать, лишь бы здоровы были. Дѣвицъ отправлять въ Ундолъ на крестьянскихъ подводахъ, безъ нарядовъ, однѣхъ за другими, какъ возятъ куръ, но очень сохранно». Иногда за невѣстъ для дворовыхъ людей Суворовъ платилъ и дороже, такъ какъ отъ нихъ требованія были иныя, чѣмъ отъ простыхъ крестьянокъ. Одинъ изъ его адъютантовъ, снабженный такой комиссіей въ Москвѣ, доноситъ, что дѣвицъ, которыя бы умѣли «шить порядочно, мыть бѣлье и трухмалить, меньше какъ за 80 рублей пріобрѣсти нельзя, а 50 рублей стоитъ ничего не знающая» [22]).

Оброчнымъ крестьянамъ тоже была отъ помѣщика подмога, если невѣсту приходилось добывать на сторонѣ, но уже не такая крупная, а всего 10 рублей. Прочее указано было вносить всѣмъ міромъ, но разверстывать не по ровну, а по имуществу каждаго, при священникѣ.

Практиковалось и нѣчто въ родѣ премій или наградъ за многоплодіе. Кухмистеру Сидору «съ его супругою» приказано выдавать на дѣтей провіантъ — до 5-лѣтняго возраста половинный, а послѣ того полный, какъ взрослымъ; на каждаго новорожденнаго кромѣ того по рублю единовременно, «для поощренія дѣторождства». Полякову, за многоплодіе, куплена и подарена хорошая господская шляпа, хозяйкѣ его хорошій кокошникъ. Дѣлалось это не въ видѣ единичныхъ случаевъ, а довольно часто [4]).

Заботясь о томъ, чтобы крестьянскія семьи «богатѣли»

дѣтьми, Суворовъ смотрѣлъ, на сколько это было возможно въ его положеніи, чтобы уходъ за дѣтьми былъ внимательный и человѣколюбивый. Такого рода распоряженій и указаній встрѣчается въ его письмахъ и приказахъ множество; и по смыслу ихъ, и по тону видно, что руководилъ имъ не одинъ разсчетъ. Онъ очень любилъ «ребятокъ». Въ одномъ приказѣ читаемъ: «указано моими повелѣніями, въ соблюденіи крестьянскаго здоровья и особливо малыхъ дѣтей, прописанными въ нихъ лекарствами, какъ о находящихся въ оспѣ, чтобы такихъ отнюдь на вѣтеръ и для причащенія въ Божію церковь не носить. Но нынѣ, къ крайнему моему сожалѣнію слышу, что изъ семьи Якова Калашникова дѣвочка оспой померла». Суворовъ подтверждаетъ Калашникову о хорошемъ за дѣтьми присмотрѣ, «яко онъ и самъ отъ отца рожденный», приказываетъ міру крѣпко смотрѣть за нерадивыми отцами и не дозволять младенцевъ, особенно въ оспѣ, носить по избамъ, «отчего чинится напрасная смерть». Въ другомъ приказѣ онъ пишетъ: «ундольскіе крестьяне не чадолюбивы и недавно въ малыхъ дѣтяхъ терпѣли жалостный убытокъ; это отъ собственнаго небреженія, а не отъ посѣщенія Божія, ибо Богъ злу не виновенъ... Сіе есть человѣкоубійство, важнѣе самоубійства; порочный, корыстолюбивый постой проѣзжихъ тому главною причиной, ибо въ такомъ случаѣ пекутся о постояльцахъ, а дѣтей не блюдутъ». На томъ же самомъ основаніи онъ не допускалъ въ своей подмосковной деревнѣ (Рожественѣ) пріемъ питомцевъ воспитательнаго дома. «Чужія дѣти изъ сиропитательнаго дома приносятъ одно нерадѣніе за собственными дѣтьми: мзда ослѣпляетъ; оттого чужихъ дѣтей на воспитаніе не брать». Въ наказѣ новгородскимъ деревнямъ говорится: «особливо берегите дворовыхъ ребяточекъ, одѣвайте ихъ тепло и удобно, давайте имъ здоровую и довольную пищу и надзирайте ихъ воспитаніе въ благочестіи, благонравіи и наукахъ, чтобъ не были со временемъ такіе, какъ прежніе злонравные холопы». Находясь потомъ на службѣ въ Херсонѣ и имѣя надобность въ трехъ дворовыхъ женщинахъ, онъ приказываетъ ихъ прислать, называя поименно, и указываетъ, къ кому именно и какъ пристроить временно ихъ дѣтей. Отвращая эксплуатацію

дѣтей ихъ родителями, онъ ставитъ правиломъ, чтобы малолѣтнихъ ребятъ, не имѣющихъ 13 лѣтъ, никогда вмѣсто ихъ матерей въ работу не посылать. Вообще онъ отличался постоянною заботливостью о дѣтяхъ, такъ какъ зналъ очень хорошо, что въ деревняхъ по этой части похвалиться нельзя [23]).

Впрочемъ его человѣколюбивое чувство не ограничивалось дѣтьми, а распространялось вообще на бѣдствующихъ и неимущихъ, если не пороки привели ихъ къ несчастью. Выше было дано нѣсколько тому примѣровъ. Вновь прибавившимся покупкою отъ сосѣдей неимущимъ крестьянамъ онъ приказываетъ пособлять міромъ, рѣшая это дѣло сообща, при священникѣ, но не иначе, какъ заимообразно, дабы тутъ не было никакого дара. Разрѣшая рубить и валить лѣсъ для пожоговъ и пашни въ извѣстныхъ мѣстахъ, онъ велитъ «удовольствовать прежде скудныхъ, а за симъ уже достаточныхъ, совмѣстнымъ разсмотрѣніемъ, при священникѣ». Въ случаѣ обиды бѣднякамъ отъ достаточныхъ, онъ грозитъ строгимъ взысканіемъ «за неприличность сію». На этомъ же основаніи онъ запрещаетъ торговать солью перекупщикамъ, а покупать ее велитъ опять-таки міромъ, собирая съ семей деньги пропорціонально потребности, и дѣлить купленную соль въ самый день ея привоза. Уважая и поддерживая постоянно значеніе міра, какъ обычай органическій, выработанный исторіею народа, Суворовъ однако зорко слѣдитъ, или по крайней мѣрѣ старается слѣдить, за злоупотребленіями богатыхъ и вліятельныхъ людей, оберегая отъ нихъ бѣдняковъ и захудалыхъ.

Человѣколюбіе Суворова постоянно выказывается въ разныхъ случаяхъ. Такъ какъ онъ приказалъ, чтобы дворовыя женщины кормились собственнымъ трудомъ, то нѣкоторыя изъ нихъ впали въ нищету. Онъ пишетъ Качалову въ 1786 году: «слышу, что двѣ старухи терпятъ нужду; выдавать имъ отъ меня прежнее жалованье съ порціонами». Онъ приказываетъ міру пособлять старымъ и увѣчнымъ вдовамъ, не дозволяя имъ нищенствовать, и иногда даетъ отъ себя пособіе, напримѣръ въ видѣ мѣсячной дачи муки, съ тѣмъ однако же, чтобы безпомощность положенія пенсіонера была предварительно удостовѣрена священникомъ.

Крестьянинъ Дѣевъ за старостью посаженъ на пенсіонъ отъ міра, вмѣстѣ съ женою, по 6 рублей въ треть. Въ Кончанскомъ проживало постоянно, много лѣтъ сряду, 6 человѣкъ инвалидовъ; они получали по 10 руб. въ годъ, имѣли отъ помѣщика жилье и кромѣ того нѣкоторое содержаніе натурой. Временами на такомъ положеніи являются и другіе люди. Не забываетъ Суворовъ прежнюю службу даже лошадей своихъ. Ихъ было 4: двѣ «за вѣрную службу въ отставкѣ на пенсіи»; остальныя двѣ дешево продать крестьянамъ или и подарить, «но Боже избавь, не съ тѣмъ, чтобы заѣздить». Если же эти двѣ лошади очень стары, то оставить на пенсіи, только «изрѣдка проминать и проѣзжать безъ малѣйшаго изнуренія, а лѣтомъ пасти сохранно въ табунахъ» [20]).

Жила у Суворова въ имѣніи, на его пенсіи, и болѣе крупная пенсіонерка, вдова капитана Мейеръ, въ продолженіе лѣтъ 10, а можетъ быть и больше. «Мейерша» жила въ Кончанскомъ, въ помѣщичьемъ домѣ, имѣла 3 дочерей; пенсіи ей шло 100 рублей въ годъ, кромѣ того дана корова и поставлялась разная провизія и живность, такъ что въ общемъ итогѣ на нее расходовалось до 180 или до 200 рублей. Но и этимъ дѣло не ограничивалось; домъ въ Кончанскѣ былъ ветхъ, Мейеръ пожелала имѣть новую избу, — желаніе ея исполнилось; понадобилось ей съѣздить въ Петербургъ, —ей были выданы деньги на поѣздку. Наконецъ, въ серединѣ 90-хъ годовъ она вздумала совсѣмъ перебраться въ Петербургъ, пенсіонъ ей продолжался и тамъ. По какимъ причинамъ или побужденіямъ Суворовъ ей благодѣтельствовалъ, остается неизвѣстнымъ; только это не было послѣдствіемъ нѣжныхъ отношеній, сердечной связи или чего-нибудь подобнаго [24]).

Другой крупный пенсіонеръ, по обязательству, былъ троюродный его братъ, «малоумный» Никита, имѣніемъ котораго Суворовъ владѣлъ на условіи—выплачивать ему ежегодный пенсіонъ въ 224 рубля. Первые годы пенсія выплачивалась именно въ этой цифрѣ, но потомъ Суворовъ увеличилъ ее сначала до 360, затѣмъ до 500 рублей. Не была забыта и служба камердинера Суворова, Прохора. Въ 90-хъ годахъ велѣно производить

его отцу, дворовому человѣку, годовую пенсію во сто рублей, а самому Прохору обѣщаны вольная и сумма въ 5000 рублей, что и было исполнено по смерти Суворова его сыномъ [25]).

Выше мы видѣли, что Суворовъ удерживалъ отъ слишкомъ крутого обращенія съ крестьянами одного изъ своихъ управляющихъ. Однако онъ крестьянъ не баловалъ и иногда поступалъ съ ними довольно круто, прибѣгая подчасъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Въ донесеніи къ нему міра одной изъ вотчинъ читаемъ: «Денисъ Никитинъ пойманъ въ полѣ съ чужими снопами, за что на сходѣ сѣченъ». Суворовъ пишетъ сбоку: «очень хорошо, впредь больше сѣчь». «Иванъ Сидоровъ пойманъ съ рожью въ гумнѣ и за это сѣченъ».—«И впредь не щадить». «Въ чужой деревнѣ пойманъ нашъ мужикъ Алексѣй Медвѣдевъ съ сѣномъ и за это сѣченъ».—«Ништо, и впредь хорошенько сѣчь». «Онъ же убоясь солдатства, топоромъ себѣ руку отрубилъ».—«Вы его грѣха причиной, за то васъ самихъ буду сѣчь; знать онъ слышалъ, что отъ меня не велѣно вамъ въ натурѣ рекрутъ своихъ отдавать». Въ приказѣ Суворова одной изъ вотчинъ значится: «крестьяне деревни Федорихи (двое), хотя исполняютъ таинства и обряды, но держатся суевѣріевъ, раскольническихъ правилъ, проклятыхъ св. отцами. Если правда, высѣчь ихъ въ мірскомъ кругу розгами, какъ глупыхъ ребятишекъ. Если же будутъ являться бродяги, кои станутъ совращать въ расколъ, то ихъ ловить и метлами и вѣниками выгонять міромъ вонъ за свою межу». Въ другомъ приказѣ онъ пишетъ: «въ оспѣ ребятъ отъ простуды не укрывали, двери и окошки оставляли полыя, и не надлежащимъ ихъ питали; небрежныхъ отцовъ должно сѣчь нещадно въ мірскомъ кругу, а мужья — тѣ съ ихъ женами управятся сами» [24]).

Въ послѣднемъ случаѣ прямое приказаніе какъ бы замѣняется совѣтомъ; безусловныя приказанія — прибѣгнуть къ тѣлесному взысканію, встрѣчаются рѣдко. Онъ больше грозитъ, чѣмъ дѣйствительно наказываетъ; это явствуетъ между прочимъ изъ того, что подобные приказы Суворовъ даетъ обыкновенно въ письмахъ къ міру, къ старостамъ, къ бурмистрамъ и лишь въ видѣ исключенія въ наказахъ своимъ управляющимъ. Да и отъ

крестьянъ онъ не могъ скрыть и не скрывалъ своего настоящаго взгляда на этотъ предметъ. Грозя пензенскимъ деревнямъ за невысылку оброка, чрезъ что приходится затягивать отдачу долговъ и платить проценты, онъ говоритъ: «взыщу съ васъ мой убытокъ, да еще на вашъ счетъ пошлю къ вамъ нарочнаго; онъ пожалуй и тѣлесно накажетъ, хотя того у меня и не водится». Оставляя въUndолѣ временно-управляющимъ, на свое отсутствіе, одного изъ своихъ младшихъ офицеровъ, Суворовъ снабжаетъ этого новичка наставленіемъ гдѣ, между прочимъ указываетъ и на постепенность практикуемыхъ у него взысканій: «1) словесно усовѣщевать, 2) сажать на хлѣбъ и воду, 3) сѣчь по разсмотрѣніи вины розгами». Вообще у него вовсе не практикуются такія наказанія, какія бывали у другихъ явленіемъ заурядным: заковываніе въ цѣпи, надѣваніе рогатки на шею, батоги, плети и даже кнутъ. Графъ Румянцовъ былъ по тогдашнимъ понятіямъ помѣщикъ строгій, но вовсе не жестокій; сличеніе же его системы наказаній крестьянъ съ Суворовскою доказываетъ, что Суворовъ поступалъ со своими крѣпостными гораздо мягче [26]).

Часто онъ прибѣгалъ къ наказаніямъ особаго рода. Въ суздальскую вотчину написано: «крестьянъ, которые самовольно повѣнчались и были грубы противъ священника, отдать на покаяніе въ церковь и приказать говѣть имъ въ Филиповъ постъ». У крестьянина Калашникова умерла отъ осны малолѣтняя дочка, и отецъ при этомъ сказалъ: «я радъ, что Богъ ее прибралъ, а то она намъ связала руки». По этому поводу Суворовъ приказываетъ: «Калашникова, при собраніи міра, отправить къ священнику и оставить на три дня въ церкви, чтобы священникъ наложилъ на него эпитемью... Старосту за несмотрѣніе поставить въ церковь на сутки, чтобы онъ молился на колѣняхъ и впредь крѣпко смотрѣлъ за нерадивыми о дѣтяхъ отцами». Встрѣчается даже такой случай: двое крестьянъ были изобличены во лжи; Суворовъ приказываетъ справить съ одного 5, съ другого 10 к. и отдать на церковь. Ложь и лесть онъ преслѣдуетъ постоянно; въ градаціи пороковъ онѣ занимаютъ, по его понятіямъ, едва ли не первое мѣсто, ибо подъ ними онъ подразумѣваетъ крайнюю

испорченность. Онъ приказываетъ: «чтобы Василій огородникъ не зальстилъ, а былъ радѣтеленъ»; меньше всего довѣряя дворецкому Николашкѣ, велитъ за нимъ присматривать зорко, такъ какъ онъ льстецъ и лжецъ [27]).

Въ трехъ изъ имѣній Суворова находились при усадьбахъ барскіе дома, которые впрочемъ были *барскими* только по назначенію, а не въ смыслѣ комфорта, или тѣмъ менѣе роскоши. Лучше другихъ былъ домъ въ Ундолѣ по величинѣ, устройству и внутреннему снабженію, но и это случилось отчасти противъ воли Суворова. Онъ назначилъ на постройку дома 200 руб., а когда Черкасовъ сталъ возражать и доказывать, что такой малый домикъ «фамильной вашей особѣ неприличенъ», то Суворовъ согласился на 400 руб. Вышелъ домъ однако въ 800 руб., причемъ Черкасовъ увѣрялъ, что «самое существо съ моей стороны здѣсь безпорочное». Въ Кончанскѣ домъ былъ старый, выстроенный Василіемъ Ивановичемъ, въ 10 небольшихъ комнатъ. Были при господскихъ домахъ и кое-какіе сады, но должно быть не важные; Суворовъ обратилъ на это вниманіе, велѣлъ садить сады, разводить фруктовыя деревья, исправлять огороды, заводить цвѣтники. Такимъ образомъ, въ Кончанскомъ разведенъ въ 1786 году садъ на десятинѣ земли, и нынѣ существующій; тамъ же «замышлялись» оранжереи, но въ подмосковномъ селѣ Рожественѣ онѣ существовали дѣйствительно и поддерживались исправно [28]).

Постоянною и большою заботою Суворова были церкви. Значительная часть оброковъ шла на исправленіе старыхъ и на сооруженіе новыхъ. Онъ пишетъ Качалову: «я и всѣхъ своихъ оброковъ на этотъ предметъ ни мало не жалѣю». Въ новгородскомъ имѣніи, въ Сопинскомъ погостѣ, строилась каменная церковь, и строилась долго; хотя Суворовъ и торопилъ, но она при его жизни не была еще совершенно окончена. Воздвигалась также небольшая деревянная церковь въ Кончанскѣ, въ господскомъ саду, которая стоитъ и нынѣ, возобновленная по прежнему образцу. Параллельно съ заботами о церковныхъ зданіяхъ, утвари и вообще благолѣпіи, отдавались распоряженія о помѣщеніяхъ для причта и его содержаніи; Суворовъ лишняго не давалъ, но

въ необходимыхъ потребностяхъ церковный причтъ обезпечивалъ [20]).

Хозяйство при господскихъ усадьбахъ было не сложное; но гдѣ онъ жилъ довольно продолжительное время, тамъ оно принимало другой видъ и размѣры, а въ Рожественѣ было сравнительно очень полное, какъ въ подмосковной средней руки быть надлежало. Изъ распоряженій его объ усадебномъ хозяйствѣ видно, что дѣло это онъ понимаетъ, ибо даетъ подробное и обстоятельное наставленіе о разведеніи дворовой птицы, указываетъ какъ разводить скотину, какъ ее кормить, какъ и когда сажать фруктовыя деревья, какой землей ихъ засыпать, какъ сажать рыбу въ пруды, сколько возить на огородныя гряды навозу, и проч. [22]).

Какой же однако былъ конечный результатъ Суворовскаго хозяйства въ имѣніяхъ?

Если принять въ соображеніе, что Суворовъ находился въ своихъ имѣніяхъ и былъ въ нихъ непосредственнымъ дѣятелемъ лишь короткое время, то обобщая его распоряженія, не исключая мелочей и частностей, слѣдуетъ признать его помѣщикомъ хорошимъ. Все остальное зависѣло отъ управляющихъ и довѣренныхъ лицъ; они въ свою очередь, въ большинствѣ случаевъ, были или порядочными хозяевами, или акуратными исполнителями воли помѣщика. Такъ по крайней мѣрѣ стояло дѣло въ 80-хъ годахъ. И если кто приплачивался лишнимъ, то скорѣе самъ владѣлецъ, чѣмъ крестьяне. Одному изъ управляющихъ, предложившему завести конскій заводъ, онъ отвѣчаетъ: «я по вотчинамъ ни рубля, ни козы, не токмо кобылы не нажилъ, такъ и за заводомъ неколи мнѣ ходить, и лучше я останусь на моихъ простыхъ незнатныхъ оброкахъ». Если тутъ и есть преувеличеніе, то небольшое.

Правда, крестьяне по временамъ вопили міромъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ распоряженій Суворова, напримѣръ о рекрутахъ; жаловались на разореніе, на всеобщее оскудѣніе, на неизбѣжное впереди хожденіе по міру и молили своего «государя» придержаться порядковъ его родителя. Но все это за чистую монету принимать нельзя; это было не болѣе, какъ непривычка къ новому и попытка выторговать въ свою пользу какъ можно больше

всяческими способами. Суворовъ сердился и конечно настаивалъ на своемъ, отдавая приказы чисто военнаго характера. У подневольнаго, крѣпостного люда, который совершенно также жаловался на свою долю при Василіѣ Ивановичѣ, хотя и указывалъ при Александрѣ Васильевичѣ на золотое минувшее время его отца,—оставались другіе пути. Кормя на мірской счетъ лошадей своего помѣщика, подавали счетъ, въ пять и въ десять разъ превышавшій дѣйствительность, хотя повѣрка этого счета была дѣломъ вовсе не мудренымъ. Въ подмосковной рубили господскій лѣсъ, лупили бересту, возили дрова въ Москву, якобы «изъ непотребнаго лѣса», и потомъ, для скрытія истины, остатки поджигали и тѣмъ портили лѣсъ нетронутый. Въ одинъ годъ такихъ дровъ было насчитано 380 саженъ. Недоимщики слезно жаловались на свое разореніе, на безъисходную нищету и денегъ не платили. Такіе факты не доказывали еще ни дурного управленія и хозяйства, ни дѣйствительной бѣдности крестьянъ. Недоимщики являлись на сходы съ готовыми деньгами за пазухой и уносили ихъ опять домой; господскій лѣсъ воровали и портили люди зажиточные; несостоятельными при взносѣ оброчныхъ денегъ объявлялись крестьяне, имѣвшіе по четыре коровы и по нѣскольку лошадей. Если въ связи съ этими документальными данными припомнить случай, когда Суворовъ пришелъ въ ужасъ, что у крестьянина Иванова всего одна корова, и принять въ соображеніе, что оброки иногда требовались и вносились за полгода и за годъ впередъ, безъ замѣтнаго отягощенія плательщиковъ, то истинное состояніе Суворовскихъ крестьянъ представится очень удовлетворительнымъ. Это подтверждается многими соображеніями и выводами; для примѣра укажемъ на одно обстоятельство. Когда Суворовъ купилъ имѣніе во владимірскомъ намѣстничествѣ, то стали возвращаться во-свояси крестьяне, бѣжавшіе при прежнемъ владѣльцѣ. Приходили они даже изъ дальнихъ мѣстъ, изъ-подъ Астрахани и изъ земли Донского войска, ибо про новаго помѣщика шла хорошая слава [25]).

Внутреннее убранство деревенскихъ домовъ Суворова было приличное и не выдѣлялось изъ общепринятой обстановки того времени, такъ же какъ и домашній обиходъ, преимущественно

въ Ундолѣ, гдѣ онъ жилъ. Тутъ мы находимъ занавѣсы дверные съ подзорами, стѣнныя зеркала въ золоченыхъ рамахъ, довольно много серебра, картины, портреты и проч. Въ Кончанскомъ обстановка проще и бѣднѣе, какъ въ мѣстѣ мало жиломъ. Въ московскомъ домѣ находимъ парадныя ливреи синяго цвѣта и даже такія барскія того времени затѣи, какъ арабскій и скороходскій уборы. Надо думать однако, что многое перешло къ Суворову по наслѣдству отъ отца, а въ купленныхъ имѣніяхъ отъ прежнихъ владѣльцевъ. Суворовъ только поддерживалъ общепринятые порядки, потому что того требовало приличіе, но воспитавшись въ солдатской обстановкѣ, роли своей не выдерживалъ. Надо было прикупить мебели — онъ покупалъ простые некрашеные стулья, которые употреблялись рядомъ съ золоченымъ зеркалами. Посуда пріобрѣталась тоже не дорогая и красовалась на столѣ рядомъ съ серебряными мисами и подносами; впрочемъ серебра было не мало потертаго и переломаннаго. Общій видъ получался оригинальный: неровность, несоотвѣтственность частей, богатое около бѣднаго, хорошее около худого. Иконъ было довольно, непремѣнно по одной въ каждой комнатѣ, но кіотовъ съ большимъ числомъ образовъ въ описяхъ не встрѣчается. Изъ разныхъ статей имущества больше всего сѣделъ, уздъ и другого конскаго прибора. Между вещами туалета значится между прочимъ халатъ, батистовые галстуки, голландскаго полотна рубашки.

Въ эту пору Суворову было далеко за 50 лѣтъ. При небольшомъ ростѣ онъ былъ сухощавъ, даже сутуловатъ, лицо въ морщинахъ, на головѣ довольно рѣдкіе сѣдые волосы, собранные спереди локономъ. Небольшіе голубые бѣгающіе глаза свѣтились проницательностью и сильной энергіей; его взлядъ, слова, движенія отличались необыкновенной живостью. Онъ какъ будто не зналъ покоя и производилъ на наблюдателя впечатлѣніе человѣка, снѣдаемаго жаждою—дѣлать разомъ сотню дѣлъ. При всемъ томъ онъ обладалъ веселымъ, общительнымъ характеромъ и не любилъ вести жизнь анахорета. Впрочемъ живя въ деревнѣ, онъ посѣщалъ сосѣдей не часто, а больше принималъ у себя; любилъ и пообѣдать въ компаніи, и позабавиться, особенно

потанцовать или, какъ онъ выражался «попрыгать». Разсѣянной, что называется *открытой*, жизни онъ однако не любилъ и не велъ; большихъ и частыхъ пріемовъ не дѣлалъ. Излишества, роскоши на его пріемахъ и угощеніяхъ конечно не было; столъ у него былъ простой, обыкновенный, не ограничиваясь однакоже похлебкой и кашей; выписывались изъ Москвы анчоусы, цвѣтная капуста, формы для приготовленія конфектъ, разные напитки. Вино онъ пилъ разное, но выписывалъ въ небольшомъ количествѣ и содержалъ запасы самые незначительные; больше всего любилъ англійское пиво. Для гостей выписывалъ «кагоръ или иное сладкое вино; также сладкое, но крѣпкое для дамъ». Вино было вѣроятно плохое: и самъ Суворовъ не любилъ расходоваться на этотъ предметъ, и комиссіонеръ его, Матвѣичъ, старался преимущественно о дешевизнѣ. Суворовъ былъ требователенъ лишь въ англійскомъ пивѣ и особенно въ чаѣ, неоднократно убѣждалъ Матвѣича не экономничать на этой статьѣ расхода и совѣтоваться со знатоками. Обѣдалъ рано, спать ложился и вставалъ тоже рано.

Времяпрепровожденіе его дома видно изъ кореспонденціи съ Матвѣичемъ. Требовались камеръ-обскура, ящикъ рокамбольной игры, канарейный органъ, ломберный столъ, марки, карты, шашки, домино, музыкальные инструменты, ноты, наконецъ гадательныя карты, «для рѣзвости» прибавляетъ Суворовъ, какъ бы въ свое извиненіе. Забавлялся онъ также охотой за птицей, но не особенно; записнымъ охотникомъ никогда не былъ и ничего похожаго на охотничій штатъ не содержалъ. Не былъ онъ и карточнымъ игрокомъ, игралъ рѣдко, когда обойтись безъ того нельзя, и держалъ карты для гостей, такъ какъ уже и въ то время это развлеченіе было многими превращено въ занятіе. Табаку не курилъ, но нюхалъ, и по этой части былъ разборчивъ, такъ что Матвѣичу приходилось смотрѣть въ оба, чтобы угодить своему начальнику и не снабжать его вмѣстѣ съ табакомъ головною болью [4]), [15]), [26]).

Вставалъ Суворовъ со свѣтомъ и обыкновенно самъ подымалъ крестьянъ на работу. Ходилъ онъ много и очень скоро, особенно по утрамъ; церковь посѣщалъ усердно. Путь въ цер-

ковь велъ черезъ рѣчку; въ весеннее половодье, какъ говоритъ мѣстное преданіе, онъ приказалъ спустить на воду большой винокуренный чанъ, утвердить канатъ съ одного берега на другой, и въ этомъ чанѣ переѣзжалъ какъ на паромѣ. При хорошей лѣтней погодѣ онъ иногда обѣдывалъ съ гостями на берегу рѣки, не вдалекѣ отъ господскаго дома, на какой-нибудь уютной лужайкѣ. Если гости жаловали не въ пору или приходились ему не по вкусу, то отправившись съ ними на послѣобѣденную прогулку, онъ незамѣтно скрывался и ложился въ рожь спать, оставляя всю компанію на долгое время въ недоумѣніи.

Зимою Суворовъ любилъ кататься на конькахъ, устроивалъ у себя ледяную гору и на масляной забавлялся на ней вмѣстѣ съ гостями. Тутъ было ему обширное поле для шутокъ и проказъ. На зиму же онъ устроивалъ у себя нѣкоторое подобіе зимняго сада или, говоря его словами, «птичью горницу». Для этого отводилась одна изъ самыхъ большихъ комнатъ; съ осени сажались въ кадки сосенки и елки, отчасти березки, и кадки эти ставились въ отведенную комнату. Получалось нѣкоторое подобіе рощицы; налавливались синицы, снигири, щеглята и пускались въ эту рощицу на зиму, а весной, преимущественно на Святой недѣлѣ, выпускались на свободу. Птичья комната содержалась въ большой чистотѣ; тутъ хозяинъ прогуливался, сиживалъ, даже обѣдалъ [30]).

Деревенская дѣятельность конечно не могла удовлетворить Суворова, рожденнаго и призваннаго совсѣмъ на другое поприще. Проходили мимо Удола войска, дѣлались имъ смотры, велась служебная переписка, но все это была не та служба, которой онъ искалъ. Оттого онъ находится въ нѣкоторомъ безпокойствѣ и жаждетъ новостей, за которыми и обращается куда возможно. Главнымъ источникомъ служитъ Москва и проживающій въ ней Матвѣичъ, на котораго онъ и возлагаетъ собираніе и сообщеніе слуховъ, «любопытства достойныхъ». Не получая отвѣта, онъ задаетъ Матвѣичу категорическіе вопросы: «какіе у васъ слухи? Нѣтъ ли мнѣ службы или чего непріятнаго? Правда ли, что князь Потемкинъ съ мѣсяцъ, какъ проѣхалъ въ Петербургъ? Какія вѣсти на Кубани?» При тихой деревенской жизни его

интересуетъ все, ему хочется знать даже непріятное, хотя бы сомнительной вѣрности извѣстіе, лишь бы прикоснуться къ интересующей его сферѣ. Сидя на прѣсномъ, онъ хочетъ пряника. И ему шлютъ разныя извѣстія: какъ пріѣхала графиня такая-то въ Москву, кому пожалованы ленты польскаго ордена, кому даны табакерки, какой вице-губернаторъ отрѣшенъ отъ должности съ половиннымъ содержаніемъ, и тому подобное. Едва ли подобныя новости удовлетворяли Суворова, и его жизнь оставалась прѣсною [21]).

Одинъ изъ историковъ Суворова говоритъ, что мирное время передъ второй Турецкой войной, потерянное для практики, Суворовъ употребилъ на изученіе теоріи. Такое утвержденіе едва ли вѣрно; Суворовъ познакомился съ теоріей военнаго дѣла гораздо раньше; ему уже не зачѣмъ было изучать то, что онъ давно зналъ. Но будучи человѣкомъ просвѣщеннымъ, онъ нуждался въ чтеніи, какъ въ умственной пищѣ, и дѣйствительно читалъ много и постоянно. Одно время онъ даже держалъ при себѣ на жалованьѣ чтеца. Ни изъ чего не видно, чтобы онъ читалъ исключительно книги по военной спеціальности; военныя сочиненія конечно не миновали его рукъ, но они не занимали перваго мѣста. Его привлекало знаніе вообще, въ смыслѣ расширенія умственнаго кругозора.

Въ инвентаряхъ его имущества 80-хъ годовъ значатся порядочныя массы книгъ. Въ московскомъ домѣ сохранялось 14 сундуковъ и одна коробка книгъ; въ кончанскомъ домѣ меньше, но все-таки довольно много, особенно религіознаго содержанія, преимущественно русскія, но были и французскія; много современныхъ плановъ и картъ. Каталоги не сохранились. Въ 1785 году Суворовъ выписывалъ слѣдующія періодическія изданія: Московскія вѣдомости съ Экономическимъ Магазейномъ; Петербургскія нѣмецкія вѣдомости и Энциклопедикъ де-Бульона, какъ онъ самъ называетъ; всего на 50 руб. Послѣднее изданіе имѣло заглавіе: «Journal encyclopédique, par une société de gens de lettres, à Liège», и выходило съ 1756 по 1793 годъ. Эту энциклопедію Суворовъ любилъ особенно. Кромѣ періодическихъ изданій онъ купилъ въ этомъ году нѣсколько книгъ,

заглавія которыхъ въ документахъ стерлись или испортились, но между ними была: «О лучшемъ наблюденіи человѣческой жизни», которую онъ выписалъ для себя и для управляющихъ имѣніями. Онъ приказывалъ Матвѣичу отъискать и прислать къ нему книгу Фонтенеля: «О множествѣ міровъ», которую онъ перечитывалъ неоднократно. Книга эта, переведенная съ французскаго Кантемиромъ, считалась вредною, такъ что въ 1756 году послѣдовалъ докладъ синода Императрицѣ объ отобраніи ея отъ тѣхъ, у кого она имѣется. Затѣмъ ни о дальнѣйшихъ покупкахъ книгъ въ 1785 году, ни о томъ, что именно онъ выписывалъ и читалъ раньше или позже, никакихъ свѣдѣній нѣтъ. Видно только, что «Journal encyclopédique» онъ получалъ много лѣтъ [31]).

Чтеніе тѣмъ болѣе было необходимо Суворову для заполненія досуговъ въ деревнѣ, что въ домашней его жизни случился важный переворотъ, котораго онъ не могъ перенести равнодушно: онъ разъѣхался съ женой.

Суворовъ женился въ началѣ 1774 года. Произошло это внезапно, и въ жизнь Суворова врѣзалось въ видѣ совершенно посторонняго клина. Для такого исключительно-военнаго человѣка, какъ онъ, и притомъ задавшагося очень отдаленной цѣлью, было лишнимъ усложненіемъ задачи все то, что не сближало его прямо или косвенно съ намѣченной цѣлью. Едва ли отрицаніе семейной жизни входило въ его программу, но еще менѣе онъ могъ признать ее для себя необходимою или даже полезною. Еще въ конфедератскую войну онъ считалъ женщину вообще и связь съ нею помѣхою для своего призванія; не могла не быть такою же помѣхою ему и собственно жена. Но внѣ-брачная связь не согласовалась со складомъ понятій Суворова, ни съ его религіозно-нравственнымъ чувствомъ, а брачная, если и шла въ разрѣзъ съ однимъ, то ни мало не оскорбляла другого. Суворовъ не былъ неуязвимъ со стороны чувства, какъ онъ самъ въ томъ сознавался. Онъ могъ заглушить, подавить въ себѣ проявленія инстинкта и чувства, благодаря огромному запасу энергіи, которымъ обладалъ, но не могъ ихъ уничтожить въ зародышѣ. Когда-нибудь, при благопріятныхъ усло-

віяхъ, они непремѣнно должны были заявить себя и повліять на строй его жизни.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, въ Польшѣ, ничто не обнаруживало въ мысляхъ Суворова и тѣни склонности къ переходу отъ холостого состоянія къ брачному, скорѣе напротивъ. Нуждаясь послѣ захвата Кракова конфедератами въ содѣйствіи польскихъ коронныхъ войскъ и именно въ полкѣ Грабовскаго, Суворовъ въ письмѣ къ своему начальнику сомнѣвается въ способности этого польскаго генерала къ быстрымъ дѣйствіямъ, объясняя причину сомнѣнія фразой: «Грабовскій, съ женою опочивающій» [32]). Не видно въ Суворовѣ поворота въ его взглядѣ на бракъ и позже, да оно и не особенно нужно для объясненія свершившейся затѣмъ женитьбы.

Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга въ Турцію, въ началѣ 1773 года, Суворовъ не видался со своимъ отцомъ по крайней мѣрѣ 4 года, а такъ какъ на путь отъ Петербурга до Дуная онъ, вопреки своему обыкновенію, употребилъ довольно много времени, то и надо предполагать, что заѣзжалъ въ Москву, къ отцу. Только тогда онъ и могъ познакомиться со своей будущей невѣстой; если же этого не было, то познакомился съ нею еще позже, въ декабрѣ, когда пріѣхалъ изъ-подъ Гирсова въ отпускъ. Въ томъ и другомъ случаѣ женитьба его состоялась значитъ безъ продолжительныхъ размышленій. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что дѣло было подготовлено его отцомъ, который, по выходѣ въ отставку, жилъ въ Москвѣ и въ своихъ имѣніяхъ. Василій Ивановичъ самъ женился рано, не имѣя 25 лѣтъ отъ роду; въ 1773 году ему было около семидесяти, а сынъ все еще оставался холостымъ, несмотря на свои 43 года. Такіе собиратели и скопидомы, какъ Василій Ивановичъ, склонны къ семейной жизни, желаютъ имѣть потомство и видѣть дѣтей своихъ такимъ же образомъ устроенными. Обѣ дочери Василія Ивановича были уже замужемъ, — отрѣзанные ломти, — съ которыми онъ конечно считалъ себя совершенно квитъ, тѣмъ болѣе, что снабдилъ ихъ приличнымъ приданымъ. Продолжалъ жить одинокимъ лишь сынъ, единственный сынъ, съ которымъ бы прекратился родъ; сынъ этотъ былъ не мотъ, не кутила, не

любилъ роскоши и въ ариѳметической сторонѣ жизни отчасти держался направленія своего родителя. Какъ же было Василію Ивановичу, дожившему до преклонныхъ лѣтъ и понимавшему, что смерть близка, не потребовать для себя, старика, послѣдняго отъ сына утѣшенія — женитьбы?

Василій Ивановичъ былъ отецъ строгій, что конечно не имѣло прямого значенія въ ту пору, когда онъ рѣшился сына женить; но память объ отцовской строгости остается въ дѣтяхъ и въ зрѣломъ возрастѣ, иногда оказывая на нихъ нѣкоторое вліяніе. Александръ Васильевичъ былъ почтительный сынъ и любилъ своего отца искренно; позже, когда ему приходила на умъ мысль объ оставленіи службы, онъ говорилъ, что удалится поближе *къ мощамъ* своего отца. Онъ долженъ былъ признать отцовскіе доводы уважительными; его человѣческая натура подсказывала ему тоже самое. Хотя предначертанный путь жизненной дѣятельности разстилался передъ нимъ еще очень длиннымъ, очень далекимъ до цѣли, но Суворовъ не могъ въ то же время не чувствовать сухости пройденной жизни, нѣкотораго нравственнаго утомленія отъ чрезмѣрнаго однообразія влеченій и дѣлъ. Онъ былъ старый холостякъ, человѣкъ способный обманываться въ извѣстномъ направленіи скорѣе и легче, чѣмъ юноша, тѣмъ болѣе, что велъ жизнь строго-нравственную, женщинъ не зналъ, въ тайны женскаго сердца никогда не вникалъ и нисколько этимъ предметомъ не интересовался. Понятно, что онъ не сталъ противиться просьбамъ отца, и это важное въ жизни каждаго человѣка дѣло совершилъ съ обычною своею рѣшимостью и быстротой.

Въ такомъ смыслѣ представляется женитьба Суворова при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ и его личныхъ свойствъ. Нѣкоторые объясняютъ ее иначе, указывая, что онъ смотрѣлъ на брачный союзъ, какъ на обязанность каждаго человѣка: «меня родилъ отецъ, и я долженъ родить, чтобы отблагодарить отца за мое рожденіе». Но это взглядъ старческій, образовавшійся у него послѣ неоправдавшихся надеждъ на семейное счастіе. Если Суворовъ такъ думалъ въ молодые годы, то почему же онъ не женился раньше, а дотянулъ до пятаго десятка лѣтъ? Оче-

видно, что его толкованіе есть не причина, а послѣдствіе его женитьбы.

Одно обстоятельство представляется тутъ не совсѣмъ яснымъ. Василій Ивановичъ любилъ деньги и долженъ бы былъ рекомендовать сыну невѣсту богатую. Между тѣмъ Александръ Васильевичъ взялъ за своею женою приданое небольшое, которое, за исключеніемъ быть можетъ вещей ея туалета, не превышало 5 или 6,000 рублей [21]). А женихъ имѣлъ уже такую извѣстность, что могъ считаться такъ сказать удочкой для невѣстъ, особенно въ Москвѣ. Но за то имѣлся и противовѣсъ скромнымъ средствамъ невѣсты: она принадлежала по своему рожденію къ первостатейной московской знати. Одно другого стоило, особенно для Василія Ивановича, который былъ хотя старой и почтенной, но не знатной фамиліи, самъ собою вышелъ въ люди и потому не прочь былъ отъ именитаго родства. Сверхъ того невѣста, кромѣ связей, обладала преимуществами молодости и красоты; на всемъ этомъ можно было помириться и успокоиться.

Если женитьба устроилась въ послѣдній пріѣздъ А. В. Суворова изъ Турціи, то надо полагать, что ей предшествовала переписка между Суворовыми, отцомъ и сыномъ. Слишкомъ пассивнаго отношенія Александра Васильевича къ такому радикальному измѣненію его жизни допустить нельзя, особенно въ его годы. Переписка эта не сохранилась, какъ вообще не дошло до насъ никакой кореспонденціи между отцомъ и сыномъ ни за какой періодъ ихъ жизни, кромѣ немногихъ писемъ дѣлового характера, касающихся имѣній, денегъ и т. под.

Подъисканная невѣста, Варвара Ивановна, была дочь генералъ-аншефа князя Ивана Андреевича Прозоровскаго. Лѣта ея съ точностью неизвѣстны, но есть основаніе полагать, что она родилась въ 1750—1753 годахъ, слѣдовательно была по меньшей мѣрѣ на 20 лѣтъ моложе своего жениха. Помолвка состоялась 18 декабря 1773 года, обрученіе 22 числа, свадьба 16 января 1774 года. Все это видно изъ писемъ тещи Суворова къ ея брату, вице-канцлеру князю А. М. Голицыну, изъ двухъ писемъ самого Суворова къ нему же, гдѣ онъ «препоручаетъ себя въ его высокую милость», и изъ приписки Варвары Ивановны,

рекомендующей своего мужа. Сверхъ того Суворовъ пишетъ 23 декабря 1773 года Румянцову: «вчера имѣлъ я неожидаемое мною благополучіе — быть обрученнымъ съ Варварою Ивановною Прозоровскою», и проситъ извиненія, если долженъ будетъ замѣшкаться въ отпуску дальше даннаго ему термина [28]).

Первые годы супруги жили въ согласіи, или по крайней мѣрѣ никакихъ крупныхъ непріятностей между ними не происходило. Разлучались они часто, по свойству службы Суворова, но при первой возможности снова соединялись. Мы встрѣчаемъ Варвару Ивановну въ Таганрогѣ, въ крѣпости св. Димитрія, въ Астрахани, въ Полтавѣ, въ Крыму, — вездѣ, гдѣ Суворовъ могъ доставить ей нѣкоторую осѣдлость и необходимѣйшія удобства. Не видно ея лишь въ Турціи и въ Заволжьѣ, во время погони за Пугачевымъ; ни тутъ, ни тамъ ей и не могло быть мѣста при мужѣ.

Было бы однако же дивомъ, если бы они ужились до конца. Въ мужѣ и женѣ ничего не было однороднаго: онъ былъ старъ, она молода; онъ очень не казистъ и худъ; она полная, румяная русская красавица; онъ ума глубокаго и обширнаго, просвѣщеннаго наукой и громадной начитанностью; она недалека, неразвита, ученья старо-русскаго; онъ — чудакъ, развившійся на грубой солдатской основѣ, обязанный всѣмъ самому себѣ; она изъ знатнаго семейства, воспитанная на внѣшнихъ приличіяхъ, на чувствѣ фамильнаго достоинства; онъ — богатъ, но весьма бережливъ, ненавистникъ роскоши, мало знакомый даже съ требованіями комфорта; она таровата, охотница пожить открыто, съ наклонностями къ мотовству. Не обладали они и самымъ главнымъ условіемъ для счастливой семейной жизни — характерами, которые бы дѣлали одного не противорѣчіемъ другого, а его дополненіемъ. Суворовъ былъ права нетерпѣливаго, горячаго до вспышекъ бѣшенства, неуступчивъ, деспотиченъ и нетерпимъ; онъ много и постоянно работалъ надъ обузданіемъ своей чрезмѣрной пылкости, но могъ только умѣрить себя, а не передѣлать, и въ домашней жизни неуживчивыя качества его характера становились вдвойнѣ чувствительными и тяжелыми. Варвара Ивановна тоже не обладала мягкостью и уступчивостью,

т.-е. качествами, съ помощью которыхъ могла сдѣлать ручнымъ такого мужа, какъ Суворовъ. Вся эта нескладица должна была привести рано или поздно къ плачевному исходу, а когда ко всему сказанному присоединилось еще легкомысленное поведеніе Варвары Ивановны, то разрывъ сдѣлался неустранимымъ.

Въ сентябрѣ 1779 года Суворовъ подалъ въ славянскую консисторію прошеніе о разводѣ, а жена его уѣхала въ Москву. Консисторія отказала за недостаточностью доводовъ. Суворовъ апелировалъ въ синодъ, который и приказалъ архіепископу славянскому и херсонскому пересмотрѣть дѣло. Вѣроятно подъ вліяніемъ родительскихъ совѣтовъ, а можетъ быть и по собственному побужденію, Варвара Ивановна возвратилась къ мужу и упросила его помириться. Въ январѣ 1780 года Суворовъ подалъ въ этомъ смыслѣ заявленіе, и дѣло осталось безъ дальнѣйшаго движенія [34]).

Неудовольствія однако снова возникли вскорѣ; Суворовъ, какъ человѣкъ искренно религіозный, прибѣгнулъ къ посредничеству церкви. Въ это время онъ находился на службѣ въ Астрахани. По заранѣе сдѣланному соглашенію, онъ явился въ церковь одного изъ пригородныхъ селъ, одѣтый въ простой солдатскій мундиръ; жена его въ самомъ простомъ платьѣ; находилось тутъ и нѣсколько близкихъ имъ лицъ. Въ церкви произошло нѣчто въ родѣ публичнаго покаянія; мужъ и жена обливались слезами, священникъ прочиталъ имъ разрѣшительную молитву и вслѣдъ затѣмъ отслужилъ литургію, во время которой покаявшіеся причастились св. таинъ [35]).

Миръ опять возстановился, только внѣшній. Супруги жили вмѣстѣ до начала 1784 года, и тогда разстались окончательно. Суворовъ, находясь въ одномъ изъ своихъ имѣній, подалъ въ маѣ прошеніе прямо въ синодъ опять о разводѣ же. Синодъ отвѣчалъ, что не можетъ дать дѣлу ходъ, потому что «подано доношеніе, а не челобитная», какъ требуется закономъ; что для развода не имѣется «крѣпкихъ доводовъ»; что Варвара Ивановна живетъ въ Москвѣ, слѣдовательно и просить надо московское епархіальное начальство, а не синодъ [34]).

На этомъ и кончилась попытка Суворова развестись съ женой, но шла дѣятельная переписка съ Матвѣичемъ и другими довѣренными лицами въ Москвѣ, съ цѣлью совершенно разлучиться съ Варварой Ивановной. Онъ послалъ между прочимъ письмо Платону, московскому архіепископу, заявляя, что поднимать снова разводное дѣло не намѣренъ, а пишетъ только для отстраненія клеветъ. Охотникъ до веденія всякаго рода дѣлъ, Черкасовъ, подбиваетъ Суворова требовать развода, но безуспѣшно; Суворовъ пишетъ Матвѣичу, что «объ отрицаніи брака, думаю, нечего помышлять»; въ другомъ письмѣ, какъ бы для подкрѣпленія себя въ этой рѣшимости, говоритъ, что «нынѣ разводъ не въ модѣ». Не безъ колебаній онъ назначаетъ женѣ 1,200 р. въ годъ и намѣревается возвратить приданое или его стоимость, переписывается по этому предмету не съ женою, а съ тестемъ, очень сухими письмами, прибѣгая къ посредничеству разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и преосвященнаго Платона. Получивъ изъ Петербурга извѣстіе, будто тесть имѣетъ намѣреніе «о поворотѣ жены къ мужу», Суворовъ тревожится этимъ слухомъ; видно, что разстаться съ женой онъ рѣшился зрѣло, не сгоряча. Матвѣичу дано даже порученіе—переговорить лично съ преосвященнымъ, и сообщены доводы противъ возможности опять сойтись съ женой, такъ какъ владыка несомнѣнно будетъ на этомъ настаивать. «Скажи, что третичнаго брака уже быть не можетъ и что я тебѣ велѣлъ объявить ему это на духу. Онъ сказалъ бы: «того впредь не будетъ»; ты: «ожегшись на молокѣ, станешь на воду дуть»; онъ: «могутъ жить въ одномъ домѣ розно»; ты: «злой ея нравъ всѣмъ извѣстенъ, а онъ не придворный человѣкъ» [4]).

Возвратить приданое было трудно, такъ какъ тесть повидимому этого не желалъ. Суворовъ приказываетъ Матвѣичу настаивать: «неистовою силою изъ меня сдѣлать не можно», говоритъ онъ для передачи по принадлежности: «приданое я не столько подлъ, чтобы во что нибудь зачесть, а съ собою въ гробъ не возьму». Тестю онъ пишетъ о томъ же и убѣждаетъ взять приданое, такъ какъ оно тлѣетъ, не принося никому пользы. Кажется эта статья наконецъ сладилась по желанію Суворова.

Впослѣдствіи, черезъ нѣсколько лѣтъ, женину пенсію онъ увеличилъ до 3,000 рублей [36]).

Нельзя сказать, чтобы это деликатное дѣло Суворовъ велъ съ тактомъ и приличіемъ, которыхъ оно требовало. Вмѣсто того, чтобы замкнуться въ самомъ себѣ и не допускать не только посторонннхъ рукъ, но и глазъ до своего семейнаго несчастія, онъ сдѣлалъ свидѣтелями и участниками его цѣлую массу лицъ. Послѣ первой попытки получить разводъ въ 1779 году, онъ пишетъ Потемкину письмо, излагаетъ въ общихъ чертахъ сущность дѣла, убѣждаетъ его, что другого исхода кромѣ развода оно имѣть не можетъ; проситъ Потемкина удостоить его, Суворова, высокимъ своимъ вниманіемъ и предстательствомъ у престола «къ изъявленію моей невинности и къ освобожденію меня въ вѣчность отъ узъ бывшаго союза». Прося вторично развода въ 1784 году, Суворовъ входитъ въ переписку объ этомъ со множествомъ лицъ, преимущественно изъ своихъ подчиненныхъ, пускаясь въ подробности и не заботясь объ ограниченіи круга участниковъ и сферы огласки. Пріѣхавъ въ томъ году на короткое время въ Петербургъ, онъ только и говоритъ о своихъ семейныхъ непріятностяхъ, не маскируется искуственнымъ спокойствіемъ, а напротивъ нисколько не сдерживаетъ себя и доходитъ чуть не до бѣшенства. Впрочемъ справедливость требуетъ пояснить, что Суворовъ имѣлъ очень строгій взглядъ на бракъ. Логическимъ послѣдствіемъ такого взгляда являлось понятіе о неразрывности освященнаго Богомъ союза, а потому если бракъ разрывался, то для стороны не виноватой было непремѣннымъ дѣломъ чести и долга очистить себя отъ обвиненія въ такомъ беззаконіи. Поэтому онъ считалъ своею *обязанностью* снять съ себя вину въ расторженіи, если не брака, то совмѣстной съ женою жизни, требуемой бракомъ; по той же причинѣ онъ не скрывалъ и отъ другихъ этого дѣла со всѣми его обстоятельствами [37]).

Разъ убѣдившись въ необходимости разстаться съ женой, Суворовъ не могъ простить ей этой необходимости и на первыхъ же порахъ чуть не поссорился со своими ближайшими родственниками, подозрѣвая ихъ въ поддерживаніи прежнихъ отношеній

къ Варварѣ Ивановнѣ. Они нашли нужнымъ передъ нимъ оправдываться. Зять, князь П. Р. Горчаковъ, пишетъ ему, что не видался съ княземъ Прозоровскимъ, который съ нимъ вовсе и не знается; что Варвару Ивановну они (Горчаковъ съ женою) тоже не видятъ и никакой переписки съ нею не ведутъ: «и такъ ваши подозрѣнія на сестеръ вашихъ и на меня неправильны». Сестра Суворова, Анна Васильевна, приписываетъ на письмѣ мужа: «батюшка братецъ, вы были въ Петровскомъ, а у насъ не побывали; подозрѣнія ваши истинно напрасны на насъ». Однако это острое непріязненное чувство со временемъ въ Суворовѣ улеглось, такъ какъ другая его сестра, Марья Васильевна Олешева, принимала у себя, въ вологодскомъ имѣніи, въ 1799 году Варвару Ивановну, которая и гостила у нея нѣсколько дней. Марья Васильевна не поступила бы наперекоръ брату, потому что всѣ близкіе родные Суворова очень его чтили, чему способствовало, по всей вѣроятности, и высокое его положеніе, которое онъ вскорѣ пріобрѣлъ. Стоило ему только что-нибудь заявить, чтобы его желаніе исполнялось; каждое его слово, обращенное къ кому либо изъ родныхъ, принималось въ соображеніе [38]).

Дѣтей у Суворова было двое. Старшая дочь, Наталья, родилась 1 августа 1775 года. Отецъ очень ее любилъ и даже нѣкоторымъ образомъ потомъ прославилъ своими къ ней письмами. О первыхъ годахъ ея жизни и воспитаніи въ домѣ родительскомъ почти ничего неизвѣстно; въ октябрѣ 1777 года Суворовъ пишетъ изъ Полтавы одному изъ своихъ знакомыхъ, что дочка вся въ него и въ холодъ бѣгаетъ босикомъ по грязи [39]). Послѣ того Варвара Ивановна была трижды беременна, но два раза разрѣшеніе отъ бремени было преждевременное; третій разъ, 4 августа 1784 года, родился сынъ Аркадій. [40]). Какъ только Суворовъ разошелся съ женой, онъ отправилъ свою дочь въ Петербургъ, къ кому именно—не знаемъ, должно быть къ Лафонъ, начальницѣ Смольнаго монастыря, такъ какъ ни одна изъ сестеръ Суворова въ то время въ Петербургѣ не проживала, а другихъ близкихъ лицъ, которымъ бы могъ довѣрить своего любимаго ребенка, онъ тамъ тогда не имѣлъ. Въ томъ же году, въ августѣ, онъ съѣздилъ въ Петербургъ повидаться съ На-

ташей, а съ слѣдующаго года сохранились его къ ней письма. Поступленіе ея въ число воспитанницъ Смольнаго монастыря разные источники опредѣляютъ различно, относя то къ 1785, то къ 1786 году; вѣрно то, что въ іюнѣ 1785 года она уже находилась у Лафонъ. Въ спискахъ воспитанницъ ея не видать; вѣроятно воспитывалась она тамъ на исключительномъ положеніи, на особомъ попеченіи начальницы. Что касается до новорожденнаго сына Аркадія, то онъ оставался при матери и лишь чрезъ нѣсколько лѣтъ перешелъ къ отцу [41]).

Такъ распалась семья Суворова, и онъ на долгіе годы, почти до смерти, остался одинокимъ. Обстоятельство это не могло пройти безъ всякаго на него вліянія. Какъ бы ни расходился онъ въ своихъ взглядахъ и вкусахъ съ женой, но присутствіе ея (особенно съ дѣтьми) въ домѣ должно было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ производить на него благое, умѣряющее вліяніе. Именно такой своеобразный человѣкъ, какъ онъ, въ этомъ и нуждался. Но Варвара Ивановна не обладала на столько сильными личными средствами, чтобы уразумѣть и оцѣнить своего мужа со всѣхъ сторонъ; она понимала его слишкомъ узко, именно съ той стороны, откуда онъ былъ освѣщенъ самымъ невыгоднымъ образомъ, и разлука совершилась. Не одинъ разъ конечно она себя въ томъ упрекала, положимъ хоть бы по тому только поводу, что имя, ею носимое, болѣе и болѣе облекалось ореоломъ славы, съ гордостью повторялось изъ конца въ конецъ обширной Русской земли, а напослѣдокъ гремѣло во всей Европѣ. Но минувшее было уже невозвратимо. Суворовъ все больше спеціализировался, по мѣрѣ возроставшихъ успѣховъ все глубже погружался въ свою задачу. Остальное отодвигалось на задній планъ; къ этому *остальному* принадлежала и жена, нелюбимая, покинутая. Ѣдкаго, горькаго чувства къ ней почти уже не было; оно смѣнилось равнодушіемъ, забвеніемъ. Одинъ изъ историковъ говоритъ, будто Суворовъ никогда про жену въ послѣдующей своей перепискѣ не вспоминалъ. Это невѣрно. Въ своей корреспонденціи Суворовъ весьма часто употреблялъ вмѣсто собственныхъ именъ прозвища или клички; приближенныя лица, съ которыми велась переписка, эти клички понимали и даже

сами ихъ употребляли въ отвѣтахъ. Такими кличками были: фаготъ, мусье, Полифемъ, зайчикъ, Кузьма-Федоръ-Иванычъ, мусье-мадама, гоцъ-гоцъ и др. Одно изъ подобныхъ прозвищъ дано было и Варварѣ Ивановнѣ; прозвище это попадается въ дѣловой перепискѣ Суворова довольно часто. Но тутъ идетъ рѣчь почти исключительно о денежныхъ дѣлахъ; нѣтъ ничего, что говорило бы сердцу или шло отъ сердца. А близкія Суворову лица, особенно послѣдующаго времени, не смѣли да и не считали нужнымъ дѣлать попытки къ измѣненію такого положенія дѣлъ: перемѣна была бы не въ ихъ интересѣ.

Послѣ того именно времени, какъ Суворовъ разошелся съ женой и остался одинокимъ, онъ пріобрѣтаетъ громкую извѣстность своими странностями и причудами. Нельзя конечно давать разлукѣ его съ женой значеніе событія, отъ котораго ведется лѣтосчисленіе его чудачествъ и выходокъ, но внимательное изученіе Суворова не дозволяетъ и отвергать вліянія на него означеннаго обстоятельства. Оно, это вліяніе, только не укладывается въ точную фактическую формулу; больше понимается само собой, чѣмъ доказывается. Нѣтъ ежедневной, ежечасной сдерживающей силы, — и человѣкъ свободнѣе отдается своему влеченію. А велика-ли сдерживающая сила или мала,—отъ этого зависитъ лишь степень ея успѣха.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вторая Турецкая война: Кинбурнъ, Очаковъ; 1787—1788.

Непрочность мира; объявленіе войны.—Русскія приготовленія и планъ операцій; усиленная дѣятельность Суворова; унынie Потемкина.—Нападеніе Турокъ на Кинбурнъ; выжиданіе Суворова; его атака; перемѣнный успѣхъ; разгромъ Турокъ.—Упорство боя; двѣ раны Суворова; ошибки.—Переписка Екатерины съ Потемкинымъ о награжденіи Суворова.—Зимнія его занятія; польза отъ построенныхъ имъ батарей; дѣла на морѣ. Нерѣшительность Потемкина подъ Очаковымъ; вылазка Турокъ; преслѣдованіе ихъ Суворовымъ въ надеждѣ на поддержку; неудача и новая рана.—Болѣзнь Суворова; раздраженіе Потемкина; отзывъ Екатерины.—Взрывъ въ Кинбурнѣ; Суворовъ снова раненъ.—Медленный ходъ очаковской осады; бѣдствія осаднаго корпуса; штурмъ.

Въ Кучукъ-Кайнарджискомъ мирѣ трудно было видѣть дѣйствительное, прочное замиреніе; скорѣе онъ былъ роздыхомъ, чтобы собраться съ силами, особенно для Турціи. Турецкіе государственные люди даже не скрывали своихъ намѣреній въ будущемъ и, при обмѣнѣ ратификацій, великій визирь прямо говорилъ въ такомъ смыслѣ русскому чрезвычайному послу, князю Репнину. Недоразумѣнія возникли тотчасъ же и съ годами увеличивались, такъ что понадобилось въ 1779 году заключить новую, объяснительную конвенцію. Трактатъ нарушали обѣ стороны. Турецкія нарушенія были постоянныя и выражались въ довольно рѣзкой формѣ; т.-е. самые факты нарушенія, будучи довольно мелкими, такъ дурно маскировались, что Турція ловилась съ поличнымъ. Она была слишкомъ раздражена и озлоблена,

оттого и не выдерживала роли. Россія дѣйствовала обдуманнѣе и искуснѣе. Отъ прямыхъ нарушеній трактата она воздерживалась, соблюдала его букву и не влагала сама оружіе въ руки своего противника. Въ поступкахъ ея не было страсти, а одинъ разсчетъ; за то подъ приличными формами проводилось содержаніе, которое нарушало трактатъ существеннѣе турецкихъ выходокъ и капризовъ, но безъ возможности явной улики; уликою являлись лишь результаты и послѣдствія. Эти результаты и послѣдствія сложились наконецъ въ одинъ крупный фактъ: Крымъ вошелъ въ составъ Русской имперіи.

Чѣмъ ближе становилась связь Крыма съ Россіей, тѣмъ жгучѣе ощущалась въ Турціи боль и настоятельнѣе дѣлалась у нея потребность—возвратиться къ прежнему положенію, которое коренилось на историческомъ прошломъ и на значеніи Турецкаго султана въ качествѣ калифа. Тутъ былъ вопросъ не о клочкѣ территоріи, а о нравственномъ авторитетѣ преемниковъ Магомета. Потеря Крыма нанесла большой ущербъ этому авторитету, а впереди грозила еще большимъ зломъ, такъ какъ составляла вступительную главу такъ называемаго «греческаго проекта» князя Потемкина. Этотъ проектъ, заключавшійся въ изгнаніи Турокъ изъ Европы и въ возстановленіи Греческой имперіи, имѣлъ весьма мало жизненнаго начала и весьма много мечтательнаго, что впрочемъ ясно видно лишь теперь. Но въ то время онъ не представлялся мечтой и фантазіей, особенно Турціи. Дѣло слишкомъ близко до нея касалось и задумано было опаснымъ сосѣдомъ, въ пору наибольшаго его государственнаго роста и развитія военной силы, въ эпоху, богатую способными людьми, начиная съ Государыни.

Еще болѣе поддержала въ Портѣ эти опасенія поѣздка Русской Императрицы во вновь пріобрѣтенныя области. Вся обстановка путешествія, свиданіе Екатерины съ Римскимъ императоромъ, сборы и смотры войскъ и флота, — все это помимо ея воли имѣло если не вызывающій, то по крайней мѣрѣ подозрительный и нѣсколько оскорбительный для Порты характеръ. Неудовольствіе росло и громко высказывалось въ Константинополѣ; народъ ропталъ противъ пассивнаго, недѣятельнаго пра-

вительства; появились разные угрожающіе признаки національнаго и религіознаго возбужденія. Порта и сама была возбуждена; она не колебалась въ принятіи рѣшенія, но только отсрочивала исполненіе, выжидая времени.

Рѣшимость эту поддерживали и укрѣпляли Англія и Пруссія. Вооруженный нейтралитетъ, объявленный Россіею въ 1780 году, къ которому скоро пристала почти вся Европа, нанесъ сильный ударъ Англіи, воевавшей тогда съ своими американскими колоніями, съ Франціей и Испаніей; послѣ этого удара она долго не могла оправиться и потому возбуждала противу Россіи Турцію. Пруссія, потерявъ своего великаго короля, умершаго въ 1786 году, интриговала противъ Россіи за сближеніе съ Австріей, ея всегдашней соперницей. Подстрекательства Англіи и Пруссіи имѣли успѣхъ тѣмъ паче, что запутывались отношенія Россіи съ Швеціей, и являлась для Турціи нѣкоторая надежда на диверсію со стороны Польши. Порту удерживало лишь опасеніе союза Австріи съ Россіей, но ей внушали, что союзъ этотъ надо предупредить немедленнымъ объявленіемъ Россіи войны; что въ Россіи голодъ, а въ Австріи внутреннія смуты; что пропуститъ время, значитъ имѣть дѣло съ двумя врагами вмѣсто одного, давъ имъ возможность приготовиться и вооружиться.

Россія дѣйствительно не была приготовлена къ войнѣ, по крайней мѣрѣ къ близкой войнѣ, ибо хотя на югѣ возводились города и крѣпости, строились корабли, преобразовывалась армія, но все это дѣлалось вслѣдствіе необходимости устроить и обезпечить вновь пріобрѣтенную территорію. Турція была болѣе готова, такъ какъ съ самаго Кучукъ-Кайнарджискаго мира не покидала мысли о возобновленіи войны, но все таки эта цѣль представлялась ей болѣе или менѣе отдаленной, да и производить систематическія, дѣятельныя военныя приготовленія она не могла, не возбудивъ въ Россіи подозрѣнія и не побудивъ ее къ тому же. Однако подъ конецъ Порта не выдержала и, отдавшись страстному влеченію, повернула дѣло круто, неожиданно для самой себя. Она внезапно предъявила русскому посланнику Булгакову нѣсколько неимовѣрныхъ требованій и дала для отвѣта всего мѣсяцъ сроку. Потомъ, не дождавшись истеченія этого термина, она вы-

ступила съ новыми требованіями въ видѣ ультиматума, несообразнаго до нелѣпости: возвращеніе Турціи Крыма и признаніе недѣйствительности трактатовъ, начиная съ Кайнарджискаго. Булгаковъ отказалъ и былъ тотчасъ же засаженъ въ Семибашенный замокъ. Ослѣпленіе Порты было до того велико, что всѣ представленія и совѣты иностранныхъ посланниковъ она оставляла безъ всякаго вниманія; не согласилась даже сдѣлать нѣсколько предупредительныхъ любезностей въ пользу Австріи, чтобы удержать ее отъ немедленнаго союза съ Россіей, и тѣмъ выиграть время. Если Порта при этомъ на что нибудь разсчитывала, то разсчитывала очень плохо: въ концѣ 1787 года австрійскія войска двинулись къ турецкимъ границамъ.

Августа 13 Турція объявила Россіи войну; сентября 7 Екатерина издала манифестъ о принятіи дерзкаго вызова.

Формировались двѣ арміи, Украинская и Екатеринославская. Первой назначалась второстепенная, наблюдательная роль: охранять безопасность нашихъ границъ и покой въ Польшѣ, прикрываясь съ ея стороны и прикрывая ее отъ турецкихъ покушеній; а также служить связью между назначенными къ наступательнымъ дѣйствіямъ арміями—Австрійской и нашей Екатеринославской. Послѣдняя должна была овладѣть Очаковымъ, перейти Днѣстръ, очистить весь раіонъ до Прута и, въ соединеніи съ Австрійцами, подойти къ Дунаю. Украинская армія отдана была подъ начальство Румянцова, Екатеринославская Потемкину, который уже былъ тогда фельдмаршаломъ. Къ ней же причислялись корпуса войскъ въ Крыму и на Кубани. Большая часть черноморскаго флота находилась въ севастопольской гавани; меньшая—близъ Очакова и въ Херсонѣ. Важнѣйшимъ раіономъ при открытіи военныхъ дѣйствій былъ херсонско-кинбурнскій, какъ прикрывавшій Крымъ; раіонъ этотъ былъ порученъ Суворову съ 20 батальонами и 38 эскадронами. Засимъ находился еще одинъ отдѣльный корпусъ на Кавказѣ, подъ начальствомъ генералъ-аншефа Текелли.

Пошли спѣшныя распоряженія по укомплектованію войскъ, по вооруженію кораблей, по заготовкѣ и подвозу всякаго рода довольствія, по формированію парковъ и т. п. Препятствія были

многочисленныя, трудно-одолимыя, особенно по продовольствію, для чего назначенъ въ южной полосѣ Россіи подушный сборъ хлѣба, а для обезпеченія его, мѣстами ограничено и даже вовсе запрещено винокуреніе.

Турки тоже готовились къ войнѣ усиленно и спѣшно, тѣмъ болѣе, что имъ былъ не разсчетъ затягивать свои приготовленія. Каждый день промедленія служилъ болѣе на пользу Россіи, чѣмъ Турціи; надлежало воспользоваться хоть бы однимъ количественнымъ перевѣсомъ турецкаго флота надъ русскимъ черноморскимъ.

Съ начала августа Суворовъ находился на своемъ посту, въ Херсонѣ. Отношенія его къ Потемкину были наилучшія и сношенія съ нимъ безпрестанныя. Потемкинъ просилъ его особенно заботиться о здоровьѣ людей; у Суворова это и безъ того было постояннымъ конькомъ, такъ что между ними существовала полная гармонія. Потемкину приходилось даже успокоивать Суворова, умѣрять его впечатлительность. Мѣстныя условія сильно плодили больныхъ, что очень тревожило Суворова; Потемкинъ утѣшаетъ его, даетъ ему широкія полномочія на всякаго рода издержки для болѣющихъ и между прочимъ говоритъ: «мой другъ сердечный, ты своею особою больше 10,000 (человѣкъ); я такъ тебя почитаю и ей-ей говорю чистосердечно [1]). Суворовъ находился въ своей сферѣ: дѣла было по горло, одна работа смѣнялась другою, онъ разъѣзжалъ изъ Херсона въ гавань Глубокую, изъ Глубокой въ Кинбурнъ, «сондировалъ» броды, давалъ инструкціи, наблюдалъ за турецкимъ флотомъ, строилъ укрѣпленія.

Турки имѣли обыкновеніе ежегодно высылать эскадру въ очаковскія воды; на этотъ разъ выслали сильнѣе обыкновеннаго. Русскій флотъ, находившійся въ лиманѣ, частію еще не вооруженный, уступалъ турецкому и числомъ и составомъ, ибо огромное большинство судовъ были мелкія и гребныя. Два судна, фрегатъ и ботъ, стояли отдѣльно отъ другихъ, ближе къ Очакову; съ нихъ Турки и рѣшились начать.

Между Очаковымъ и Кинбурномъ происходили въ мирное время постоянныя сношенія. Такъ какъ разрывъ предполагался,

но еще не произошелъ, то 18 августа былъ посланъ въ Очаковъ изъ Кинбурна за какимъ то дѣломъ офицеръ, не разъ туда ѣздившій и знакомый очаковскому пашѣ. Выславъ своихъ людей и оставшись съ посланнымъ наединѣ, паша спросилъ у него, что новаго. Когда офицеръ отвѣчалъ, что новаго ничего нѣтъ, то паша объяснилъ ему, что объявлена война и что нашъ посланникъ въ Константинополѣ арестованъ [2]). Затѣмъ онъ далъ офицеру чауша для охраны, который и вывелъ его благополучно за крѣпостную черту. Повѣрили ли Русскіе предупрежденію паши или нѣтъ, но только слова его сбылись на другой день. Сильная эскадра изъ легкихъ турецкихъ судовъ атаковала фрегатъ и ботъ; оба судна выдерживали бой успѣшно, отходя по направленію къ гавани Глубокой, отбились отъ Турокъ и потопили двѣ турецкія канонирскія лодки, но и сами понесли довольно значительныя аваріи. Это неудавшееся нападеніе, произведенное до полученія Русскими объявленія войны, и было началомъ военныхъ дѣйствій.

Суворовъ усилилъ свою дѣятельность и, для защиты гавани Глубокой и Херсона съ его верфями отъ турецкихъ покушеній, заложилъ 6 земляныхъ батарей и вооружилъ ихъ орудіями. Тѣмъ временемъ Турки придвинулись отъ Очакова къ Кинбурну и открыли по немъ бомбардировку, которая продолжалась нѣсколько дней почти безъ перерыва. Вредъ однако нанесенъ былъ ничтожный. Сознавая неудовлетворительность результата, Турки два раза пытались сдѣлать высадку, но оба раза были отбиты, причемъ одинъ изъ ихъ кораблей сильно пострадалъ, а другой взлетѣлъ на воздухъ съ 500 человѣкъ экипажа. Изъ русской эскадры, стоявшей въ Глубокой, было отдѣлено нѣсколько судовъ для противодѣйствія Туркамъ; но суда эти не рѣшились подойти къ Кинбурну въ виду несоразмѣрности силъ. Хватило рѣшимости только у одной галеры, командуемой мичманомъ Ломбардомъ, уроженцемъ острова Мальты. Пользуясь хорошимъ попутнымъ вѣтромъ, Ломбардъ смѣло направился на турецкую эскадру и атаковалъ группу судовъ, стоявшихъ отдѣльно. Эта дерзкая атака достигла цѣли; Турки приняли русскую галеру за брандеръ, а потому дѣйствовали противъ нея издали; затѣмъ

оставили свою позицію и придвинулись къ Очакову. Ломбардъ былъ въ огнѣ $1^1/_2$ часа, не понесъ никакой потери въ людяхъ и гордо сталъ подъ Кинбурномъ на якорь. Спустя 5 дней, 15 сентября, Ломбардъ снова вздумалъ попугать Турокъ и атаковалъ ихъ канонирскія лодки, которыя тотчасъ дали тылъ и отошли подъ защиту своихъ линейныхъ кораблей [3]). Поклонникъ и почитатель смѣлости и рѣшительности, Суворовъ доносилъ Потемкину о Ломбардѣ, какъ о героѣ. Но смѣлость молодого мальтійца переходила въ дерзость, онъ бросался на непріятеля, очертя голову; даже Суворовъ призналъ его предпріятія слишкомъ рискованными и запретилъ ему предпринимать что-либо безъ особеннаго приказанія.

Такъ, къ прямой пользѣ Русскихъ, проходило время въ робкихъ и неудачныхъ попыткахъ со стороны Турокъ. Открывъ военныя дѣйствія внезапно, они не съумѣли воспользоваться выгодами своего положенія, потеряли $1^1/_2$ мѣсяца безъ пользы и лишь послѣ того рѣшились на энергическія предпріятія противъ Кинбурна. Возобновилось бомбардированіе крѣпости; Суворовъ, предвидя со стороны Турокъ нѣчто серьезное, поручилъ генералъ-поручику Бибикову командованіе войсками въ Херсонѣ, а самъ перебрался въ Кинбурнъ. Въ день 30 сентября бомбардированіе усилилось; объѣхавъ кинбурнскую косу, Суворовъ замѣтилъ по движеніямъ въ турецкомъ флотѣ, что готовится что-то необычное, и приказалъ артиллеріи оставлять турецкій огонь безъ отвѣта.

На длинной песчаной косѣ, вдающейся насупротивъ Очакова въ море, верстахъ въ восьми отъ ея окончности, лежала крѣпость Кинбурнъ, занимавшая всю ширину косы отъ сѣвера къ югу, такъ что высадка возможна была только съ востока и запада. Крѣпость была незначительная, представляла очень мало условій къ упорной оборонѣ и только съ восточной стороны верки ея заслуживали нѣкотораго вниманія. Валы и рвы Кинбурна имѣли слабый профиль; передъ рвомъ тянулся гласисъ, который съ сѣверной стороны почти доходилъ до Очаковскаго лимана, а съ южной до Чернаго моря. Между тѣмъ положеніе Кинбурна было важно; эта незначительная крѣпостца очень за-

трудняла входъ въ Днѣпръ и не допускала прямого сообщенія Очакова съ Крымомъ. Такое значеніе Кинбурна не могло ускользнуть отъ вниманія образованныхъ французскихъ офицеровъ, руководившихъ дѣйствіями Турокъ, и потому надо было ожидать съ ихъ стороны серьезнаго предпріятія противъ этого пункта. Понималъ это конечно и Суворовъ, сосредоточившій на косѣ довольно значительныя силы, да и Государыня не хуже кого-либо разумѣла важность удержанія Кинбурна въ нашихъ рукахъ, и очень озабочивалась его участью. Сентября 23 она пишетъ Потемкину: «молю Бога, чтобы вамъ удалось спасти Кинбурнъ»; 24 сентября: «хорошо бы для Крыма и Херсона, если бы можно было спасти Кинбурнъ»; 9 октября, до полученія извѣстія о кинбурнской побѣдѣ: «пиши, что съ Кинбурномъ происходитъ; въ двухъ письмахъ о немъ ни слова; дай Боже, чтобы вы предуспѣли въ защищеніи». Екатерина указывала Потемкину на недостаточность пассивныхъ мѣръ, на необходимость наступательныхъ операцій для спасенія Кинбурна и Крыма. Допуская возможность взятія Кинбурна Турками, она въ одномъ письмѣ говоритъ: «не знаю, почему мнѣ кажется, что А. В. Суворовъ въ обмѣнъ возьметъ у нихъ Очаковъ» [4]).

Дѣйствительно, вся надежда сосредоточивалась на Суворовѣ, ибо Потемкинъ находился въ какомъ-то нравственно и физически разслабленномъ состояніи. Онъ въ это время былъ боленъ и вообще часто хворалъ въ концѣ 80 годовъ, но не отъ физической болѣзни происходилъ упадокъ его духа. Потемкинъ просто потерялся въ виду лежавшей на немъ задачи; обширный государственный умъ тутъ не имѣлъ уже приложенія, требовались чисто-военныя качества: самообладаніе, быстрая рѣшимость, энергическое исполненіе. Избалованный почти неограниченной властію, которая доселѣ была въ его рукахъ, привыкшій къ исполненію не только своихъ приказаній, но и малѣйшихъ желаній, онъ теперь сдѣлался главнымъ распорядителемъ на аренѣ, гдѣ не только желанія не исполняются, но и событія складываются на перекоръ приказаніямъ. Онъ разсчитывалъ, взявшись за дѣло, кончить его легко и скоро, или по крайней мѣрѣ повести безъ запинки, а между тѣмъ военныя дѣйствія затягива-

лись, препятствія къ успѣшному ходу ихъ выростали, являлись неожиданныя усложненія, и у баловня фортуны опускались руки, падало сердце, ныла душа.

Такое угнетенное состояніе Потемкина началось около половины сентября. На Черномъ морѣ былъ передъ тѣмъ сильный 5-дневный штормъ; севастопольскій флотъ, отплывшій подъ начальствомъ Войновича къ Варнѣ, былъ разметанъ бурей, всѣ суда потерпѣли аваріи, одинъ корабль утонулъ со всѣмъ экипажемъ, другой былъ занесенъ въ Константинопольскій проливъ и взятъ Турками. Уцѣлѣвшія суда собрались послѣ бури и были атакованы Турками, но выдержали натискъ и успѣли добраться до Севастополя. Эта неудачная экспедиція подорвала нравственныя силы Потемкина; онъ впалъ въ совершенное уныніе, клялъ свое пассивное положеніе, жаждалъ наступательныхъ дѣйствій, но ничего не предпринималъ, будто ожидая толчка отъ какой-то внѣшней силы, долженствовавшей дать ему то, что должно было находиться въ немъ самомъ.

Завязалась переписка съ Екатериной. Потемкинъ предлагалъ оставить временно Крымъ для сосредоточенія силъ, послѣ разгрома эскадры бурей; просилъ дозволенія сдать команду Румянцову, сложить съ себя всѣ свои званія, пріѣхать въ Петербургъ и тому подобное. Екатерина уговаривала и ублажала его съ замѣчательнымъ терпѣніемъ. «Не унывай и береги свои силы, Богъ тебѣ поможетъ, а Царь тебѣ другъ и подкрѣпитель; и вѣдомо, какъ ты пишешь и по твоимъ словамъ проклятое оборонительное состояніе; и я его не люблю; старайся его скорѣе оборотить въ наступательное, тогда тебѣ, да и всѣмъ легче будетъ... Оставь унылую мысль, ободри свой духъ, подкрѣпи умъ и душу... это настоящая слабость, чтобы, какъ пишешь ко мнѣ, снисложить свои достоинства и скрыться... Не запрещаю тебѣ пріѣхать, если видишь, что пріѣздъ твой не разстроитъ тобою начатое... Приказаніе Румянцову для принятія команды, когда ты ему сдашь, посылаю къ тебѣ; вручишь ему оное какъ возможно позже... Ничто не пропало; сколько буря была вредна намъ, авось либо столько же была вредна и непріятелю; неужели вѣтеръ дулъ лишь на насъ?» Государыня не считаетъ воз-

можнымъ выводить войска изъ Крыма: «что же будетъ и куда дѣвать флотъ севастопольскій? Я надѣюсь, что сіе отъ тебя писано было въ первомъ движеніи». Всѣ просьбы объ очищеніи Крыма, сдачѣ начальствованія, сложеніи чиновъ и достоинствъ, Государыня приписываетъ чрезмѣрной его чувствительности, называетъ его своимъ воспитанникомъ и ученикомъ, утѣшаетъ всѣми способами и резонами. «Ты нетерпѣливъ, какъ 5-лѣтнее дитя, тогда какъ дѣла, тебѣ порученныя, требуютъ непоколебимаго терпѣнія [4]).»

Это же уныніе и упадокъ духа высказываются въ каждой строкѣ переписки Потемкина съ Румянцовымъ. Не лишнее замѣтить, что въ первую Турецкую войну, Потемкинъ пишетъ Румянцову письма весьма вѣжливыя и даже заискивающія. Въ 80-хъ годахъ, съ перемѣною положенія Потемкина, измѣняется конечно и характеръ писемъ, но пишутся онѣ большею частью собственноручно, въ высшей степени учтивы и любезны, и въ нихъ просвѣчиваетъ, помимо воли Потемкина, признаніе въ Румянцовѣ превосходства. Онъ изъясняется Румянцову въ своей сердечной сыновней привязанности, благодаритъ за ласковыя письма; радуется, что письма эти опровергаютъ слухи, будто Румянцовъ имъ, Потемкинымъ, недоволенъ, «о чемъ я и самъ думалъ, судя по вашей холодности, и дичился.» Онъ безпрестанно жалуется, что боленъ и проситъ у Румянцова совѣта о Крымѣ: «что бы ни говорилъ весь свѣтъ, въ томъ мнѣ мало нужды, но важно мнѣ ваше мнѣніе. Вѣдь моя карьера кончена... Я почти съ ума сошелъ... наступать еще не съ чѣмъ. Ей Богу я не знаю, что дѣлать, болѣзнь угнетаетъ, ума нѣтъ.» Упоминая дальше, что Государыня обѣщала прислать разрѣшеніе о сдачѣ ему, Румянцову, начальства, Потемкинъ въ тотъ же день пишетъ ему офиціальное о томъ же письмо и говоритъ: «прошу, если примете отъ меня объявленіе таковой высочайшей воли, дать ваше повелѣніе — куда доставить нужныя бумаги и суммы» [5]).

Нельзя было ждать ничего хорошаго отъ человѣка съ подобнымъ настроеніемъ. Ему нужна была внѣшняя подталкивающая сила или по меньшей мѣрѣ толчки, которые бы такъ сказать

выбивали его изъ глубины уныпія и безнадежности. Такимъ толчкомъ послужила побѣда, одержанная Суворовымъ подъ Кинбурномъ.

Октября 1, послѣ усиленнаго бомбардированія, произведеннаго накануиѣ, съ зарею снова началось обстрѣливаніе Турками крѣпости, еще сильнѣе прежняго. По приказанію Суворова Русскіе не отвѣчали ни однимъ выстрѣломъ. Около 9 часовъ непріятель подошелъ къ косѣ съ двухъ сторонъ: на западъ отъ Кинбурна, на самой окопечности косы, стали высаживаться съ кораблей Турки; восточнѣе Кинбурна, верстахъ въ 12, пытались высадиться Запорожцы, бѣжавшіе въ Турцію. Запорожская высадка была демонстраціей, для отвлеченія Русскихъ отъ главнаго пункта атаки. Казаки приняли было Запорожцевъ за русскихъ бѣглецовъ, добровольно возвращающихся подъ свои знамена, но недоразумѣніе скоро разъяснилось, и Запорожцы были прогнаны. Высадка же Турокъ на окопечность косы производилась безпрепятственно, подъ руководствомъ французскихъ офицеровъ; кромѣ того, для прикрытія судовъ, Турки вбивали въ морское дно, невдалекѣ отъ мыса, рядъ толстыхъ свай. Суворовъ находился въ это время у обѣдни, по случаю праздничнаго дня, вмѣстѣ съ многими офицерами; онъ отдалъ приказаніе — отнюдь не стрѣлять ни изъ пушекъ, ни изъ ружей и вообще ничѣмъ не препятствовать высадкѣ Турокъ. «Пусть всѣ вылѣзутъ», пояснялъ Суворовъ и только распорядился сближеніемъ резервовъ, стоявшихъ къ востоку отъ Кинбурна въ разныхъ разстояніяхъ. Планъ дѣйствій былъ уже у него рѣшонъ и по основной мысли сходился съ принятымъ въ 1773 году при Гирсовѣ [6]).

Турки высаживались съ шанцовымъ инструментомъ и мѣшками и тотчасъ же принимались съ поспѣшностью рыть неглубокіе ложементы, наполняя мѣшки пескомъ и выкладывая изъ нихъ невысокіе брустверa. Ложементы велись поперекъ косы, отъ Чернаго моря къ Очаковскому лиману, до котораго однако не доходили, ради безпрепятственнаго движенія войскъ, причемъ свободное пространство загораживалось переносными рогатками. Ложементы вырывались паралельно одинъ другому, по мѣрѣ движенія Турокъ впередъ; всѣхъ ихъ было 14 или 15.

При десантѣ Турки имѣли всего одну пушку, взятую когда-то у Русскихъ.

Для встрѣчи непріятеля, Суворовъ распредѣлилъ войска такимъ образомъ. Въ первую линію, подъ командою генералъ-маіора Река, назначено 2 батальона и 5 ротъ; во вторую линію — 3 батальона, въ томъ числѣ одинъ находился еще въ 14 верстахъ за Кинбурномъ. Кавалеріи указано мѣсто влѣво отъ пѣхоты, по берегу Чернаго моря; во главѣ ея казаки. Пѣхотѣ велѣно строиться развернутымъ фронтомъ, а не въ каре, такъ какъ у Турокъ кавалеріи не было; строй въ каждой линіи глубокій, т.-е. часть за частью, паралельно одна другой, съ резервомъ позади. Первая линія располагается по полубатальонно и по ротно, вторая — по батальонно. Въ крѣпости оставлено двѣ роты, въ вагенбургѣ за крѣпостью—тоже.

Послѣ полудня Турки сдѣлали омовеніе, совершили обычную молитву на глазахъ у Русскихъ и потомъ стали приближаться къ крѣпости. Имъ не мѣшали. Подошли на версту, а передовые подъ закрытіемъ берега приблизились шаговъ на 200 къ гласису. Тогда, въ 3 часу дня, по знаку Суворова данъ сигналъ къ бою — залпъ изъ всѣхъ орудій, обращенныхъ къ западной сторонѣ косы. Первая линія быстро двинулась изъ крѣпости; два полка казаковъ и два эскадрона регулярной кавалеріи, стоявшіе по той сторонѣ Кинбурна, обогнули крѣпость со стороны Чернаго моря и бросились въ атаку на турецкій авангардъ. Онъ былъ почти весь уничтоженъ вмѣстѣ со своимъ начальникомъ. Пѣхота тѣмъ временемъ взяла вправо, сильнымъ ударомъ опрокинула Турокъ и погнала ихъ къ ложементамъ, несмотря на огонь турецкаго флота, имѣвшаго больше 600 орудій. Рекъ взялъ въ короткое время 10 ложементовъ, но дальше проникнуть не могъ: коса съуживалась, стало тѣсно, и упорство Турокъ возростало. Орловскій полкъ, бывшій въ первой линіи, сильно порѣдѣлъ; Суворовъ двинулъ въ бой вторую линію въ помощь первой и приказалъ атаковать двумъ эскадронамъ. Турки однако не только выдержали, но удвоивъ усилія, опрокинули атакующихъ и выгнали ихъ изъ всѣхъ ложементовъ [7]).

Суворовъ находился въ переднихъ рядахъ, пѣшій, такъ

какъ лошадь его была ранена. Увидѣвъ двухъ Турокъ, державшихъ въ поводу по добычной лошади и принявъ этихъ людей за своихъ, такъ какъ высадившіеся Турки кавалеріи не имѣли, сильно утомившійся Суворовъ крикнулъ имъ, чтобы подали ему лошадь. Турки бросились на него вмѣстѣ съ нѣсколькими другими; но къ счастью мушкатеръ Новиковъ услышалъ зовъ своего начальника, бросился на Турокъ, одного закололъ, другого застрѣлилъ и обратился было на третьяго, но тотъ убѣжалъ, а съ нимъ и остальные. Отступавшіе гренадеры замѣтили Суворова и по крику: «братцы, генералъ остался впереди», —ринулись снова на Турокъ. Бой возобновился, и озадаченные Турки стали снова быстро терять одинъ ложементъ за другимъ. Успѣхъ Русскихъ былъ однако не продолжителенъ; они израсходовали почти всѣ патроны и не могли продолжать наступленіе подъ перекрестнымъ огнемъ непріятеля: спереди производился сильный ружейный огонь, большею частью двойными пулями; справа приблизившійся флотъ осыпалъ Русскихъ градомъ бомбъ, ядеръ и даже картечей. Пальба турецкаго флота не оставалась безъ отвѣта съ нашей стороны: крѣпостная артиллерія потопила двѣ непріятельскія канонирки; полевая истребила двѣ шебеки; лейтенантъ Ломбардъ, несмотря на недавнее запрещеніе—вдаваться въ рискованныя предпріятія безъ дозволенія, атаковалъ своею галерой лѣвый флангъ непріятельскаго флота, и 17 легкихъ судовъ заставилъ отойти дальше отъ берега. Но все это уменьшая турецкій огонь до нѣкоторой степени, не парализовало его, и Русскіе снова принуждены были ретироваться къ крѣпости, что и исполнили въ большомъ порядкѣ, бросивъ однако нѣсколько полковыхъ орудій [6]).

Солнце стояло низко; генералъ Рекъ былъ еще при первой атакѣ раненъ и вышесенъ изъ боя; убыло изъ строя много и низшихъ начальниковъ; ряды порѣдѣли. Въ довершеніе несчастья самъ Суворовъ получилъ картечную рану въ бокъ, ниже сердца, и на нѣкоторое время потерялъ сознаніе. Передъ его глазами происходили необычныя для него дѣла: русскіе роты и батальоны проносились мимо въ быстромъ отступленіи; Турки съ радостными криками отвозили съ поля доставшіяся имъ русскія пушки

и яростно преслѣдовали отступающихъ; дервиши сновали по турецкимъ рядамъ, возбуждая энергію мусульманъ и показывая собою примѣръ. Но сердце его не дрогнуло, онъ не считалъ дѣло проиграннымъ и смотрѣлъ на двукратную неудачу не болѣе, какъ на фазисы боя. Четыре мѣсяца спустя, описывая одному изъ своихъ пріятелей кинбурнское дѣло, онъ говоритъ про этотъ именно моментъ: «Богъ далъ мнѣ крѣпость, я не сомнѣвался». При такой увѣренности предводителя, побѣдный конецъ разумѣется не замедлилъ [7]).

Было послано приказаніе въ Кинбурнъ и въ вагенбургъ — прислать все, что можно. Прислано 3 роты, одновременно съ ними подоспѣлъ слабый батальонъ, стоявшій въ 14 верстахъ за крѣпостью и назначенный по диспозиціи во вторую линію боевого расположенія. Около этого же времени пришла на рысяхъ легкоконная бригада, за которою было послано утромъ, верстъ за 30. Свѣжія войска повели третью атаку съ бурнымъ порывомъ. Турки были выгнаны изъ всѣхъ ложементовъ; легкоконная бригада била ихъ съ фронта, пѣхота тѣснила справа, казаки дѣйствовали слѣва. Непріятель очутился какъ въ тискахъ и нигдѣ не видалъ себѣ спасенія, потому что суда, высадивъ десантъ, отошли въ море по приказанію паши, который думалъ такимъ способомъ вдохнуть въ свои войска больше рѣшимости и храбрости. По словамъ Суворова, Турки какъ тигры бросались на тѣснившихъ ихъ русскую пѣхоту и кавалерію, но безуспѣшно. Скоро они были сбиты на пространство всего полуверсты; русская артиллерія громила ихъ картечью, нанося страшный уронъ. Турки бросались въ море: одни укрывались за бревенчатой эстакадой, другіе искали спасенія вплавь и гибли въ водѣ сотнями. Дѣло было для нихъ проиграно безвозвратно.

Спустилась ночь; Суворовъ велѣлъ войскамъ отходить къ Кинбурну. Въ это время раздались тамъ выстрѣлы: турецкіе Запорожцы, предполагая найти крѣпость безъ гарнизона, вздумали взять ее нечаяннымъ нападеніемъ, но были отбиты. Бой былъ уже совсѣмъ конченъ, когда прибыли еще 5 эскадроновъ со своего дальняго поста, по утреннему приказанію [3]).

Въ концѣ дѣла Суворовъ былъ снова раненъ, ружейною пулею въ лѣвую руку на вылетъ. Онъ подъѣхалъ къ берегу, эсаулъ Кутейниковъ омылъ ему рану морскою водой и перевязалъ своимъ галстукомъ. Суворовъ очень страдалъ отъ ранъ и большой потери крови и хотя держался на ногахъ, но часто впадалъ въ обморокъ, что продолжалось больше мѣсяца [7]).

Уцѣлѣвшіе остатки турецкаго десанта провели ночь въ водѣ, за эстакадой. Такъ какъ эти люди были большею частью ранены, то ночь ухудшила ихъ состояніе и не болѣе половины ихъ потомъ поправилось. Рано утромъ прибыли къ косѣ турецкія суда за живыми и мертвыми. Посыпались русскія ядра и гранаты и много шлюпокъ потопили; пошло ко дну и одно транспортное судно, слишкомъ нагрузившееся бѣглецами. Суда отошли, успѣвъ забрать живыхъ и часть мертвыхъ; первыхъ было не больше 6 или 700; турецкихъ труповъ осталось на косѣ свыше 1,500. Описывая генералу Текелли кинбурнское дѣло, Суворовъ сознавался, что слѣдовало бы въ ту же ночь забрать въ плѣнъ или истребить остатокъ уцѣлѣвшихъ Турокъ, но онъ не могъ этого сдѣлать вслѣдствіе истощенія силъ и безпрерывныхъ обмороковъ: «Божіею милостью довольнымъ быть надлежало».

Побѣда была рѣшительная, но она могла быть еще полнѣе, если бы русская эскадра, стоявшая въ Глубокой, приняла хоть подъ-конецъ участіе въ дѣлѣ. Самъ Суворовъ въ донесеніи Потемкину говоритъ, что если бы «флотъ, какъ баталія была, въ ту же почь показался, дешевая-бъ была раздѣлка». Но эскадра оставалась бездѣятельнымъ зрителемъ, исключая одной галеры лейтенанта Ломбарда, а между тѣмъ, вслѣдъ за кинбурнской побѣдой, адмиралъ Мордвиновъ нашелъ возможнымъ сдѣлать попытку къ сожженію турецкаго флота. Попытка не удалась, и одна плавучая батарея попалась Туркамъ въ руки; находившійся на ней въ качествѣ охотника храбрецъ Ломбардъ хотѣлъ ее взорвать, но былъ удержанъ другими, и Турки взяли его со всѣми прочими въ плѣнъ [3]).

Октября 2 происходило побѣдное торжество. Войска Суворова выстроились на косѣ лицомъ къ Очакову, отслушали

молебенъ, произвели побѣдные залпы; большая часть раненыхъ была въ строю. Очаковскіе Турки высыпали на берегъ, смотрѣли и слушали. Они уже не осмѣливались безпокоить Кинбурнъ, впечатлѣніе понесеннаго пораженія было слишкомъ сильное. Долго послѣ того морскія волны выкидывали на окрестные берега турецкіе трупы; въ одинъ день 28 октября ихъ было выброшено на кинбурнскую косу до 70.

Въ память отраженія Турокъ отъ Кинбурна, построили въ крѣпости церковь Покрова Богородицы. На мѣстѣ этой бывшей церкви, еще въ 1855 году стоялъ столбъ съ иконою Покрова Богородицы, на которой внизу былъ изображенъ Суворовъ, приносящій на колѣняхъ благодарственную Богу молитву за дарованную побѣду, а подъ иконою значились современные стихи, очень не изящные [8]).

Кинбурнское сраженіе отличалось особеннымъ, необычнымъ упорствомъ Турокъ. «Какіе молодцы, съ такими я еще не дирался», писалъ Суворовъ Потемкину. Въ Очаковѣ сидѣли отборныя войска, и изъ нихъ были назначены въ десантъ лучшія. Всего высажено на кинбурнскую косу 5,300 человѣкъ, перевезено обратно на другой день не больше 700, въ плѣнъ попалось мало. Русскихъ войскъ находилось въ бою никакъ не болѣе 3,000 человѣкъ, а вѣрнѣе, что на нѣсколько сотенъ меньше. Изъ нихъ показано убитыхъ 138, да раненыхъ 302; всего 440, считая съ офицерами. Пронеслись однако слухи, что цифры реляціи не вѣрны и потеря наша гораздо значительнѣе. Такое сомнѣніе въ справедливости офиціальныхъ свѣдѣній случается вообще часто, особенно при пораженіяхъ, когда подозрѣвается желаніе — уменьшить тяжесть впечатлѣнія на общество и умѣрить происходящее оттого безпокойство. Хотя бы къ средству этому прибѣгали въ случаяхъ рѣдкихъ, но публика расположена ихъ обобщать и искать преднамѣреннаго искаженія истины тамъ, гдѣ есть только ошибка, отъ которой уберечься иногда совсѣмъ невозможно, особенно на первыхъ порахъ. Въ настоящемъ случаѣ молва была справедлива; число убитыхъ и раненыхъ простиралось съ нашей стороны до 1,000, что самъ Суворовъ подтверждаетъ впослѣдствіи, въ письмѣ къ генералу

Текелли. Но больше половины этого числа составляли весьма легко раненые, которые не покидали строя; цифра же тѣхъ, кои пострадали болѣе или менѣе серьезно, сходилась съ официально-показанной. Вообще убитыхъ, умершихъ отъ ранъ и искалѣченныхъ оказалось потомъ свыше 250 человѣкъ [9]).

Изъ общаго числа раненыхъ (больше третьей доли сражавшихся) видно, до какой степени упоренъ былъ бой. Турецкій флотъ иногда принужденъ былъ прекращать свой огонь, до такой степени обѣ стороны въ свалкѣ перемѣшивались. Большая цифра раненыхъ зависѣла между прочимъ и оттого, что Русскимъ приходилось три раза вести атаку, вслѣдствіе поздняго прибытія резервовъ, находившихся очень далеко отъ Кинбурна. Слѣдовало послать за ними накапунѣ, но Турки такъ ловко приступили къ дѣлу, что Суворовъ, подозрѣвавшій ихъ намѣреніе, убѣдился однако въ немъ только утромъ, въ самый день сраженія, и приказалъ притянуть резервы слишкомъ поздно.

Не обошлось и безъ преступившихъ свой долгъ. Потемкинъ пишетъ Суворову: «прошу тебя для Бога, не щади оказавшихъ себя недостойными»; можетъ быть это служило отвѣтомъ на письмо, гдѣ Суворовъ говоритъ: «не оставьте, батюшка, будущихъ рекомендованныхъ, а грѣшниковъ простите». Ходъ дѣла показываетъ, что главный «грѣхъ» произошелъ при первой атакѣ и заключался въ ея неудачѣ, причемъ Суворовъ чуть не остался одинъ передъ Турками. Кромѣ того, въ одномъ изъ писемъ Суворова къ управляющему канцеляріею Потемкина, Попову, читаемъ, что Рекъ надавалъ многимъ похвальные атестаты несправедливо, что нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ «слѣдовало бы разстрѣлять», и что «потворство научитъ впредь шире заячьи капріоли дѣлать». Но это были частные случаи; главное же обстоятельство, затруднившее побѣду, по позднѣйшему заявленію Суворова состояло въ недостаткѣ обученія войскъ. Суворовъ былъ такъ занятъ приготовленіемъ своего раіона къ войнѣ по всѣмъ частямъ, что у него не достало времени собственно на войска, и это породило «бѣду подъ Кинбурномъ», какъ онъ свидѣтельствуетъ въ одномъ частномъ письмѣ спустя шесть лѣтъ [10]).

Кинбурнская побѣда произвела большое впечатлѣніе. Въ Константинополѣ распространилось всеобщее смущеніе, которое было тѣмъ сильнѣе, что Турки ожидали совсѣмъ иного отъ внезапнаго открытія военныхъ дѣйствій при неготовности Русскихъ. Въ Петербургѣ всѣ были въ восторгѣ, начиная съ Государыни. «Побѣда совершенная», говорила она: «но жаль, что старика ранили». Она разсказывала приближеннымъ подробности сраженія, во дворцѣ былъ большой выходъ, Безбородко читалъ реляцію, Екатеринѣ приносили поздравленія, отслуженъ молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и съ пушечной пальбой. Отслуженъ благодарственный молебенъ и въ Казанскомъ соборѣ; реляцію читалъ губернаторъ и внутри церкви и наружу, въ оградѣ, по требованію предстоявшихъ четыре раза. Потемкинъ оживился и повеселѣлъ. «Не нахожу словъ изъяснить», писалъ онъ Суворову: «сколь я чувствую и почитаю вашу важную службу; я такъ молю Бога о твоемъ здоровьѣ, что желаю за тебя самъ лучше терпѣть, нежели бы ты занемогъ» [11]).

Награды были щедрыя: георгіевскіе кресты, золотыя и серебряныя медали, повышеніе чинами, денежныя выдачи солдатамъ по 5, по 2 и по 1 рублю. Государыня сама укладывала въ коробочку орденскія ленточки. Реку, сподвижнику Суворова еще при Козлуджи, «старому герою» по выраженію Суворова, пожалованъ 3 классъ Георгія и 4000 рублей. Назначеніе награды самому Суворову Государыня рѣшила не сразу. «Я разсудила написать Суворову письмо, которое здѣсь прилагаю», писала она Потемкину: «если находишь, что это не лишнее, то отошли... Ему думаю деньги, тысячъ съ десятокъ, либо вещь; придумай и напиши... Не послать ли ленту Андреевскую? Но старше его князь Долгорукій, Каменскій, Миллеръ и другіе... Не могу рѣшиться и прошу твоего дружескаго совѣта, попеже ты еси во истину совѣтодатель мой добросовѣстный». Рескриптъ Государыни былъ собственноручный, въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ; Екатерина, умѣвшая любезностью своею покорять сердца, написала: «чувствительны намъ раны ваши». Потемкинъ, поддержанный побѣдою Суворова, и дѣйствительно ему благодарный, отослалъ рескриптъ по принадлежности и посовѣ-

товалъ Государынѣ не стѣсняться старшинствомъ другихъ надъ Суворовымъ. «Я поставляю себѣ достоинствомъ отдавать вамъ справедливость», писалъ онъ между прочимъ Суворову, подчеркивая эти слова. Екатерина прислала орденъ Андрея Первозваннаго при вторичномъ рескриптѣ; Потемкинъ съ видимымъ удовольствіемъ сообщилъ Суворову о наградѣ, изъявивъ сожалѣніе, что не могъ сдѣлать это лично [12]).

Суворовъ былъ совершенно очарованъ милостивыми словами рескрипта. «Такого писанія отъ высочайшаго престола я никогда ни у кого не видывалъ», пишетъ онъ въ восторгѣ Потемкину. Благодаря письменно Государыню за ея рескриптъ, онъ между прочимъ говоритъ: «великій мой начальникъ, имѣя признательность къ малымъ заслугамъ, самыхъ невѣждъ направляетъ къ большимъ и обладаетъ успѣхами». Къ самому Потемкину онъ обращается съ такими словами: «когда я себя вспоминаю десятилѣтнимъ, въ нижнихъ чинахъ со всѣми къ тому присвоеніями, могъ ли себѣ вообразить, исключая сустныхъ желаніевъ, толь высоко быть вознесеннымъ? Свѣтлѣйшій князь, мой отецъ, вы то могли одинъ совершить; великая душа вашей свѣтлости освѣщаетъ мнѣ путь къ вящшей императорской службѣ;.. цѣлую ваше письмо и руки, жертвую вамъ жизнью и по конецъ оной... Ключь таинства моей души всегда будетъ въ вашихъ рукахъ». Нѣтъ никакого резона заподозрить искренность приведенныхъ словъ, но очевидно они вылились у него въ восторженномъ настроеніи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Измѣнятся обстоятельства, минуетъ возбужденное состояніе, — и тотъ же самый человѣкъ уже иначе смотритъ на дѣло [13]).

Настало глухое зимнее время. Суворовъ сдѣлалъ распоряженія на случай непріятельскаго нападенія, приказавъ между прочимъ скалывать ледъ у береговъ косы, и снабдилъ войска инструкціей почти на весь кругъ службы. Въ ней трактуется вкратцѣ о порядкѣ внутри крѣпости, о сохраненіи здоровья людей, о способахъ дѣйствія противъ Турокъ, о субординаціи и проч. О возраженіяхъ низшаго высшему, когда того требуетъ польза службы, Суворовъ говоритъ, что это должно быть дѣлаемо пристойно, наединѣ, а не въ многолюдствѣ, иначе будетъ

буйствомъ; что излишнія разсужденія свойственны только школьникамъ и способностей вовсе не доказываютъ, способность видна лишь изъ дѣйствій. Больше всего говорится о тактическомъ образованіи войскъ. Артиллерію пріучать къ скорой пальбѣ, но исключительно для проворнаго заряжанія, а противъ непріятеля стрѣлять рѣдко и мѣтко. Пѣхотѣ строиться карелми, развернутымъ фронтомъ рѣдко, глубокими колоннами только для деплоированія; каре бьетъ непріятеля прежде изъ пушекъ, потомъ, по мѣрѣ его приближенія, начинаютъ дѣйствовать стрѣлки въ капральствахъ. Обучать солдатъ скорой пальбѣ, т. е. батальному огню, но опять таки только для быстраго заряжанія; въ настоящемъ же дѣйствіи этотъ огонь опаснѣе своимъ, чѣмъ противнику, потому что много пуль идетъ на вѣтеръ, и непріятель не пугается, а ободряется. «Оттого пѣхотѣ стрѣлять рѣже, но весьма цѣльно, каждому своего противника, не взирая, что когда они толпой». Хотя на сраженіе назначено каждому по 100 патроновъ, однако кто много ихъ разстрѣляетъ, тотъ достоинъ шпицрутеновъ, но еще больше вина того, кто стрѣляетъ сзади вверхъ. «При всякомъ случаѣ наивреднѣе непріятелю страшный ему нашъ штыкъ, которымъ наши солдаты исправнѣе всѣхъ въ свѣтѣ работаютъ». Кавалерійское оружіе—сабля; лошадей пріучать къ блеску оружія и крику; каждый долженъ умѣть сильно рубить на карьерѣ [3]).

На зиму Суворовъ остался въ Кинбурнѣ. Здоровье его поправлялось медленно, черезъ 4 мѣсяца бокъ еще болѣлъ и нельзя было въ правой рукѣ держать поводья. Это однако не мѣшало ему сдѣлать въ 6 дней 500 верстъ верхомъ и быть въ отличномъ расположеніи духа. Онъ переписывался съ дочерью, съ пріятелями, изрѣдка съ управляющими, особенно съ Качаловымъ, которому въ одномъ изъ писемъ говоритъ: «клапяйтесь отъ меня моимъ пріятелямъ, попляшите за меня въ хороводѣ: экъ хозяинъ!» [7]).

Первымъ шагомъ Потемкина по открытіи военныхъ дѣйствій долженствовало быть взятіе Очакова; но къ крѣпости еще и не подступала Екатеринославская армія, формировавшаяся весьма медленно. Екатерина, уже намекавшая Потемкину разными спо-

собами о желаніи видѣть въ русскихъ рукахъ Очаковъ, продолжала писать въ томъ же смыслѣ, но крайне осторожно, съ разными оговорками, полушутливо и полусерьезно, чтобы не задѣть и не оскорбить болѣзненно-самолюбиваго любимца. Такъ, еще до полученія извѣстія о кинбурнской побѣдѣ, она пишетъ: «если бы Очаковъ былъ въ нашихъ рукахъ, то и Кинбурнъ былъ бы приведенъ въ безопасность. Я невозможнаго не требую, но лишь пишу, что думаю; прошу прочесть терпѣливо, отъ моего письма ничего не портится, ни ломается, лишь перо тупится и то не бѣда». Въ половинѣ октября снова письмо: «важность кинбурнской побѣды въ настоящее время понятна, но думаю, что съ той стороны (я сіе думаю про себя) не можно почитать за обезпеченную, дондеже Очаковъ не будетъ въ нашихъ рукахъ». Потомъ въ началѣ ноября: «кинбурнская сторона важна, а въ оной покой быть не можетъ, дондеже Очаковъ существуетъ въ рукахъ непріятельскихъ, то за неволю подумать нужно объ осадѣ сей, буде инако захватить не можно по вашему сужденію». Потемкинъ оставался, несмотря на всѣ эти указанія Государыни, при своемъ убѣжденіи о невозможности предпріятія на Очаковъ, и дѣло было отложено [4]).

Въ январѣ 1788 года, Австрія объявила войну Турціи. Это не повергло Порту въ отчаяніе; она не теряла надежды на успѣхъ, понимая, какія затрудненія предстояли союзникамъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Кромѣ того традиціонная медленность и перѣшительность Австрійцевъ были Туркамъ хорошо извѣстны, а потому этого новаго противника они не очень опасались, и одинъ изъ пашей выразился, что новые враги ихъ будутъ только лаять, а вреда причинятъ не много.

Съ нашей стороны были сдѣланы большія приготовленія. Готовился балтійскій флотъ для отправленія въ Средиземное море и Архипелагъ, но отправленъ не былъ вслѣдствіе открывшейся войны съ Швеціей; увеличивался черноморскій флотъ, снаряжались частныя суда крейсерами, укомплектовывались войска. Потемкинъ обращалъ большое вниманіе на обученіе своей арміи и на увеличеніе числа легкой кавалеріи, особенно же казацкихъ полковъ. Онъ набиралъ въ казаки и мѣщанъ, и ямщиковъ, и

бродягъ, и всякаго рода людей, стараясь создать пограничныя казачьи поселенія. Заботливость Потемкина о войскахъ была изумительная, она касалась всѣхъ сторонъ солдатскаго быта; на этомъ предметѣ онъ какъ будто желалъ наверстать недостатокъ боевыхъ способностей. Онъ дѣятельно поддерживалъ переписку съ Суворовымъ, относясь къ нему съ полною благосклонностью и довѣріемъ; сообщалъ политическія повести, посылалъ образцы измѣняемаго вооруженія и снаряженія, поздравлялъ съ праздниками. Однажды онъ послалъ ему свою шинель, прося носить ее вмѣсто шлафрока. Видно, что между ними существовали очень хорошія отношенія. Онъ между прочимъ подчинялъ Суворову гребныя суда, командованіе коими поручилъ принцу Нассау-Зигену. Въ эту зиму прибылъ къ Суворову его племянникъ, князь Алексѣй Горчаковъ, сержантъ Преображенскаго полка, старшій сынъ его сестры Анны Васильевны (впослѣдствіи военный министръ). Потемкинъ просилъ Императрицу назначить этого Горчакова флигель-адъютантомъ къ дядѣ, и такъ какъ отвѣта не было, то повторилъ просьбу по собственному побужденію. Со своей стороны Суворовъ старался поддержать благосклонность всесильнаго временщика и начальника; переписывался съ нимъ по обыкновенію въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, а иногда, дабы не безпокоить его, обращался къ правителю его канцеляріи Попову. Въ письмахъ къ Попову у него проскакиваютъ нѣкоторые намеки насчетъ разныхъ лицъ, что называется сорвавшіеся съ языка, а потому онъ проситъ Попова сжигать эти письма. Къ Попову же онъ направляетъ своего племянника при довольно характеристическомъ письмѣ. «Посылаю моего мальчика: сдѣлайте милость, представьте его свѣтлѣйшему князю; повелите ему, чтобы онъ его свѣтлости поклонился пониже и ежели можетъ быть удостоенъ, поцѣловалъ бы его руку. Доколѣ Жанъ Жакомъ мы опрокинуты не были, цаловали мы у стариковъ только полу... Прикажите моему мальчику исполнить какъ приличнѣе» [14]).

Къ марту 1788 года были сформированы обѣ арміи, Екатеринославская и Украинская; въ первой состояло на лицо 82,000

человѣкъ, кромѣ казаковъ, во второй — 37,000. До комплекта было все-таки далеко; въ Екатеринославской напримѣръ, больныхъ насчитывалось почти 10,000, да въ разныхъ отлучкахъ состояло 31,000. Она была снабжена лучше Украинской, благодаря положенію и силѣ своего главнокомандующаго. Румянцовъ не преминулъ довести до свѣдѣнія Императрицы, что его армія боса, нага и почти безоружна, но это помогло дѣлу только отчасти [15]). Австрійская армія по численности равнялась обѣимъ русскимъ, но была растянута отъ Днѣстра до Адріатическаго моря, благодаря кордонной системѣ, изобрѣтенной австрійскимъ фельдмаршаломъ Ласси. Желая прикрыть всю восточную свою границу, австрійскія силы раздробились на мелкія части, всюду были слабы и потому не обѣщали рѣшительныхъ успѣховъ, какъ бы оправдывая мнѣніе Турокъ. Князь Потемкинъ тоже много облегчилъ Портѣ предстоявшую ей трудную задачу, ибо вмѣсто того, чтобы возложить на отдѣльный корпусъ наблюденіе за Очаковымъ, предположилъ осаждать эту крѣпость всѣми своими силами и такимъ образомъ отодвигалъ на цѣлый годъ рѣшительныя наступательныя дѣйствія. Въ половинѣ мая. онъ стянулъ свои войска къ Ольвіополю на Бугѣ; крайній лѣвый флангъ Австрійцевъ, подъ начальствомъ принца Кобургскаго, старался завладѣть крѣпостью Хотиномъ; Румянцовъ перешелъ за Днѣстръ, чтобы прикрыть осаду Хотина и Очакова. Турки, успѣвъ усилить гарнизоны Очакова и другихъ пограничныхъ крѣпостей и выславъ къ Очакову флотъ, положили атаковать сначала главныя силы Австрійцевъ, а затѣмъ обратиться противъ Русскихъ.

Подойдя къ Очакову 20 мая, турецкій флотъ сталъ на якорь въ 29 верстахъ отъ берега и послалъ мелкія суда въ лиманъ для развѣдыванія. Русская дубель-шлюпка, посланная съ порученіемъ изъ Глубокой въ Кинбурнъ, была ими окружена и атакована. Командиръ шлюпки капитанъ-лейтенантъ Сакенъ, приказавъ экипажу спасаться вплавь, взорвалъ ее вмѣстѣ съ собою на воздухъ. Есть извѣстіе, впрочемъ недостовѣрное, что взлетѣлъ на воздухъ и турецкій корабль, сцѣпившійся со шлюпкою на абордажъ, и что этотъ геройскій поступокъ навелъ на Ту-

рокъ панику. Какъ бы то ни было, турецкій флотъ оставался въ бездѣйствіи до 7 іюня [16]).

Русскій флотъ далеко уступалъ силою турецкому и состоялъ преимущественно изъ легкихъ судовъ. Гребною флотиліею командовалъ храбрый, предпріимчивый принцъ Нассау-Зигенъ, а парусным флотомъ Поль-Джонсъ, извѣстный борецъ за независимость Америки; послѣдній находился у перваго въ подчиненіи. Большого согласія между ними не существовало. Турецкимъ флотомъ начальствовалъ капитанъ-паша Гассанъ, человѣкъ съ крупными достоинствами и отважный морякъ, далеко превышавшій своими свѣдѣніями тогдашній турецкій уровень.

Обѣ русскія эскадры, парусная и гребная, вышли изъ Глубокой и стали въ 5 верстахъ отъ турецкаго флота, расположеннаго лѣвымъ флангомъ къ очаковскому берегу. Неравенство силъ было видимое, и 7 іюня Турки повели атаку. Завязалось жаркое дѣло, которое кончилось поздно ночью совершенною неудачей Турокъ. У нихъ 2 судна были взорваны, третье загорѣлось, 18 были повреждены. Наши потери были ничтожны, и все дѣло ведено исключительно гребной флотиліей. Турецкая флотилія легкихъ судовъ стала вдоль очаковскаго берега.

Дѣло 7 іюня было первымъ, но конечно не послѣднимъ; въ томъ порукою служили и сила турецкаго флота, и личныя качества Гассанъ-паши. Суворовъ не упустилъ этого соображенія изъ вида и, оцѣняя важность положенія кинбурнской косы для морскихъ дѣйствій на лиманѣ, положилъ тотчасъ же вооружить ее батареями. По его указанію принялись немедленно за работу; возведены были двѣ батареи на 24 пушки, устроена ядро-калительная печь, и все это по возможности замаскировано. Батареи отстояли отъ Кинбурна на 3 или 4 версты, слѣдовательно требовали особыхъ оборонительныхъ средствъ. Суворовъ разставилъ въ этомъ промежуткѣ 2 батальона, четырьмя отдѣльными частями. Половина людей стояла постоянно въ ружьѣ, другая отдыхала. Положеніе этихъ батальоновъ было чрезвычайно тяжелое, не по свойству службы, а потому, что они стояли на мѣстѣ прошлогодней битвы. Трупы, зарытые въ песокъ, гнили медленно вслѣдствіе фильтраціи морской воды и

издавали отвратительный запахъ. Явились признаки заразы, нѣсколько человѣкъ умерло. Суворовъ предписалъ частыя купанья въ морѣ и какъ можно больше движенія, испытавъ пользу этихъ мѣръ на самомъ себѣ. Находясь весьма часто на косѣ, онъ былъ доведенъ однажды трупнымъ запахомъ почти до обморока и только выкупавшись немедленно въ морѣ, избавился отъ дурноты.

Предусмотрительность Суворова насчетъ постройки батарей оправдалась послѣдствіями. Гассанъ-паша дѣятельно готовился къ новому бою и черезъ 10 дней атаковалъ Русскихъ вторично. Онъ однако опоздалъ, потому что въ ночь передъ боемъ прибыло изъ Кременчуга на усиленіе русской флотиліи 22 новыя вооруженныя лодки. Іюня 17 Турки повели энергическую атаку, бой закипѣлъ ожесточенный и продолжался безъ перевѣса въ чью-либо сторону до тѣхъ поръ, пока одинъ турецкій корабль не взлетѣлъ на воздухъ. Это произвело между Турками панику, и всѣ суда бросились подъ прикрытіе крѣпости, кромѣ флагманскаго корабля капитанъ-паши. Русскія гребныя суда, замѣтивъ его одиночество, окружили его и взяли; успѣлъ спастись лишь Гассанъ-паша. Началось безпорядочное бѣгство; принцъ Нассау преслѣдовалъ; турецкія суда одно за другимъ взлетали на воздухъ. Гассанъ-паша рѣшился покинуть Очаковъ и соединиться съ эскадрою, остававшейся въ открытомъ морѣ. Стояла уже ночь; турецкіе корабли медленно двигались къ выходу въ море, но едва поравнялись съ кинбурнскими батареями, какъ открылся по нимъ огонь до того сильный, что Гассанъ сталъ опасаться,—вѣрно ли онъ взялъ курсъ и не попалъ ли въ темнотѣ подъ пушки кинбурнской крѣпости. Онъ велѣлъ прибавить парусовъ и кое-какъ вывелъ авангардъ въ открытое море, но не такъ дешево отдѣлался остальной флотъ. Въ часъ ночи показалась луна; стало такъ хорошо видно, и турецкіе корабли находились на такомъ недалекомъ разстояніи, что каждый почти снарядъ попадалъ въ цѣль. Вдобавокъ, суда безпрестанно натыкались на мели и слѣдовательно обращались въ цѣль неподвижную. Поднялась суматоха неописанная; одни суда горѣли, другія — тонули, люди бросались въ воду, а русскія ядра про-

должали летать и бить на выборъ. Такимъ образомъ съ Суворовскихъ батарей было разбито 7 судовъ.

Потери непріятеля были огромныя. Истреблено кораблей и другихъ судовъ — 15, одинъ корабль взятъ; убито, ранено и потонуло до 6,000 человѣкъ, около 1,800 попало въ плѣнъ. Потеря Русскихъ оказалась ничтожной и не доходила до 100 человѣкъ. Рѣшительнымъ исходомъ дѣла тѣмъ болѣе можно было гордиться, что это, по выраженію Суворова, было побѣдой «жучекъ надъ слонами».

Восторги Потемкина не знали границъ; ему казалось, что Очаковъ, свидѣтель такого погрома, долженъ немедленно сдаться, хотя не былъ еще обложенъ. «Мой другъ сердечный, любезный другъ. Лодки бьютъ корабли и пушки заграждаютъ теченіе рѣкъ: Христосъ посреде насъ. Боже, дай мнѣ тебя найтить въ Очаковѣ; попытайся съ ними переговорить; обѣщай моимъ именемъ цѣлость имѣнія, женъ и дѣтей. Прости другъ сердечный, я безъ ума отъ радости». Надежды его однако не оправдались, Очаковъ вовсе не намѣренъ былъ сдаваться и сулилъ русскому главнокомандующему много горя впереди. Потемкинъ какъ будто ждалъ чуда, не дѣлая со своей стороны ничего. Еще весною Суворовъ предлагалъ ему штурмовать Очаковъ и брался исполнить это дѣло; Потемкинъ не согласился. Въ двухъ письмахъ, 6 и 29 апрѣля, онъ отвѣчаетъ Суворову, что собираясь на дѣло серьезное и на большую операцію, не годится открывать непріятелю безъ нужды ни силъ своихъ, ни способовъ; не слѣдуетъ безъ надобности даже флотиліи показываться, дабы она Туркамъ не приглядѣлась. «Я на всякую пользу руки тебѣ развязываю, но касательно Очакова попытка неудачная можетъ быть вредна... Я все употреблю, надѣясь на Бога, чтобы онъ достался намъ дешево; потомъ мой Александръ Васильевичъ съ отборнымъ отрядомъ пустится передо мной къ Измаилу... Подожди до тѣхъ поръ, какъ я приду къ городу»[1]). Въ этихъ предложеніи и отказѣ заключается основное различіе двухъ военныхъ людей, и если взять въ разсчетъ ихъ личные характеры и особенности положенія каждаго, то станетъ ясно, что взаимныя добрыя ихъ отношенія могли бы сохраниться до конца только чудомъ.

Черезъ нѣсколько дней Гассанъ-паша снова вступилъ въ лиманъ, для спасенія оставшихся подъ Очаковымъ судовъ, но Суворовъ прогналъ его огнемъ своихъ батарей.

Миновалъ іюнь мѣсяцъ, и Потемкинъ подошелъ наконецъ къ Очакову. Разстояніе около 200 верстъ потребовало 5-недѣльнаго похода, и хотя вслѣдствіе разлива рѣкъ и другихъ препятствій, армія не могла двигаться быстро, но подобная медленность все-таки остается непонятной и объясняется единственно неровнымъ, капризнымъ характеромъ Потемкина. Одинъ изъ знатныхъ иностранцевъ, находившихся при главной квартирѣ, принцъ де-Линь, иронически замѣчаетъ, что главнокомандующаго задерживала мѣстами вкусная рыба. Если этого и не было буквально, то все-таки Потемкинъ велъ себя не какъ полководецъ, а какъ большой баринъ, сибаритъ. Изъ переписки его напримѣръ видно, что 19 и 20 апрѣля было отправлено къ нему изъ Петербурга два обоза съ напитками, съѣстными припасами, серебрянымъ сервизомъ и другими подобными вещами; одинъ пошелъ по московскому, а другой по бѣлорусскому тракту, дабы вѣрнѣе обезпечить своевременное прибытіе къ мѣсту хоть одного изъ нихъ [17]).

Очаковъ былъ конечно не то, что въ прежнія времена, при Минихѣ, но онъ все таки не представлялъ собою неприступной твердыни, требовавшей такихъ огромныхъ приготовленій и такой траты времени. Какъ ни много было собрано осадныхъ средствъ, но Потемкину нужно было больше и больше. А Турки тѣмъ временемъ не дремали, и оборонительная сила крѣпости по немногу выростала; Потемкинъ это видѣлъ, и въ немъ зарождались новыя сомнѣнія. Только такимъ образомъ и можно объяснить снова проснувшееся въ немъ желаніе—очистить временно Крымъ и притянуть къ себѣ находившіяся тамъ войска. Но Екатерина рѣшительно этому воспротивилась, какъ и въ прошломъ году, объясняя своему баловню самыя элементарныя соображенія, по которымъ его желаніе представлялось неисполнимымъ. «Ради Бога не пущайся на сіи мысли, кои мнѣ понять трудно», говоритъ она въ письмѣ 27 мая; «когда кто сидитъ на конѣ, тогда сойдетъ ли съ онаго, чтобы держаться за хвостъ», поясняетъ

она съ естественнымъ оттѣнкомъ досады. Дѣлать нечего, Потемкинъ покорился необходимости и ужъ къ этой темѣ не возвращался [4]).

По прибытіи къ Очакову, онъ немедленно сдѣлалъ рекогносцировку и приказалъ истребить остатки турецкой флотиліи, стоявшей подъ крѣпостью, что и было исполнено 1 іюля съ полнымъ успѣхомъ. Въ тотъ же день армія обложила крѣпость, расположившись отъ нея верстахъ въ пяти, дугою, причемъ правый флангъ примыкалъ къ Черному морю, а лѣвый къ Очаковскому лиману. Правымъ крыломъ командовалъ Меллеръ, центромъ князь Репнинъ, лѣвымъ крыломъ Суворовъ, призванный сюда изъ подъ Кинбурна съ Фанагорійскимъ полкомъ.

Крѣпость Очаковъ имѣла видъ неправильнаго четыреугольника, состоявшаго съ сухого пути изъ низкихъ бастіоновъ съ сухимъ рвомъ и гласисомъ, а съ моря изъ простой каменной стѣны. Съ сухого пути тянулись кромѣ того позже построенные 10 передовыхъ люнетовъ, а съ моря усиливалъ оборону фортъ Гассанъ-паша. Въ моментъ открытія осады, крѣпость представляла собою ограду прочную, но не въ состояніи была долго противустоять дѣятельной, энергичной атакѣ [18]). А Потемкинъ именно на это и не рѣшался. Въ теченіе 25 дней онъ ограничивался незначительными рекогносцировками, проектированіемъ плана осады и приготовленіями къ ней. Его тревожили нарочно распущенные Турками слухи о минахъ, заложенныхъ французскими инженерами, и онъ поджидалъ изъ Парижа подробныхъ плановъ крѣпости со всѣми минными галереями, не жалѣя на это издержекъ. Кромѣ того онъ увѣрилъ себя, что послѣ разбитія турецкаго флота и въ виду серьезныхъ осадныхъ приготовленій, Турки непремѣнно сдадутъ крѣпость на капитуляцію, безъ напраснаго кровопролитія. Медлительность его поддерживалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что главная квартира была наполнена военными иностранцами, внимательно наблюдавшими за ходомъ дѣла. Нѣкоторые изъ нихъ, кому дозволяло ихъ положеніе и отношенія къ Потемкину, задавали ему по этому предмету вопросы, предлагали совѣты, дѣлали косвенныя замѣчанія. Подобная обстановка подѣйствовала бы на другого возбудительно,

но на Потемкина производила впечатлѣніе обратное. Онъ тяготился всей этой толпой соглядатаевъ, критиковъ и совѣтниковъ и, какъ безхарактерный баловень, поставленный судьбою не на свое мѣсто, больше всего опасался дать поводъ къ заключенію, будто онъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а съ чужого голоса. Происходили даже размолвки и небольшія ссоры; онъ жаловался Императрицѣ, сталъ хандрить, сдѣлался угрюмъ, скученъ, капризенъ, называлъ Очаковъ «проклятою крѣпостью».

Однажды, подъ вліяніемъ ли туманнаго намека принца де Линя на счетъ недостатка личной храбрости, или просто вслѣдствіе порыва своей неустойчивой натуры, онъ отправился къ одной изъ строившихся батарей, на рекогносцировку. Его сопровождала огромная свита, которую Турки замѣтили и открыли сильный огонь. Ядра и бомбы ложились вблизи, нѣкоторыя попали въ свиту и многихъ переранили, одного генерала убило. Потемкинъ спокойный и веселый возвратился домой съ этого ненужнаго эксперимента.

Людямъ противуположнаго закала такой способъ веденія войны не могъ придтись по вкусу, особенно Суворову, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ предлагавшему овладѣть крѣпостью штурмомъ. Настаивать на томъ же нынѣ было очевидно напрасною тратою словъ; подобныя попытки только увеличивали упрямство Потемкина. И хотя Суворовъ очень дорожилъ благосклонностью къ себѣ всемогущаго временщика и хорошо зналъ его слабыя стороны, но не могъ удержать себя отъ критики и сарказмовъ. «Не такими способами бивали мы Поляковъ и Турокъ», говорилъ онъ въ близкомъ кругу: «однимъ глядѣньемъ крѣпости не возьмешь. Послушались бы меня, давно Очаковъ былъ бы въ нашихъ рукахъ». Но сарказмъ и сатирическія выходки не подвигали дѣла, да и самому критику доставляли лишь минутное услажденіе. Энергическій, вѣрившій въ себя Суворовъ не могъ ограничиться одними словами; онъ уже пріобрѣлъ привычку—не отдѣлять на войнѣ слова отъ дѣла. Чувство самосохраненія, въ смыслѣ поддержанія добрыхъ отношеній къ главнокомандующему, не дозволяло ему рѣшиться заранѣе, обдуманно, на что либо противорѣчащее плану Потемкина; но чувство это не на столько

было сильно, чтобы сдержать Суворова отъ подобныхъ дѣйствій неожиданно для него самого, по вдохновенію, по требованію минуты. Въ этой возможности заключалась личная опасность для Суворова, такъ какъ Потемкина нельзя было приравнивать ни къ Веймарну, ни даже къ Румянцову. И дѣйствительно Суворовъ не избѣгъ этой опасности.

Бездѣятельность Потемкина производила результаты, прямо противуположные тѣмъ, на которые онъ разсчитывалъ. Турки ободрялись, распространялись по виноградникамъ и садамъ, окаймлявшимъ Очаковъ, и затрудняли открытіе осадныхъ работъ, дѣлая незначительныя, но частыя вылазки. Набравшись смѣлости, они рискнули на предпріятіе болѣе крупное и 27 іюля сдѣлали большую вылазку на крайній лѣвый флангъ осаднаго расположенія. До 2,000 человѣкъ турецкой пѣхоты, выйдя изъ крѣпости, стали тихо пробираться вдоль берега лимана; пѣхотѣ открывалъ путь небольшой кавалерійскій отрядъ, человѣкъ въ 50. Они пробрались незамѣтно лощинами, внезапно ударили на пикетъ изъ бугскихъ казаковъ, сбили его и двинулись дальше. Суворовъ находился на лицо, онъ схватилъ два батальона гренадеръ и пустилъ одинъ изъ нихъ въ атаку. Произошла жестокая схватка; Турки, пользуясь чрезвычайно пересѣченною мѣстностью, держались упорно; изъ крѣпости прибывали подкрѣпленія, и число ихъ возросло до 3,000. Полковникъ Золотухинъ съ другимъ гренадерскимъ батальономъ ударилъ въ штыки и сломилъ непріятеля. Турки побѣжали, гренадеры ихъ преслѣдовали. Подоспѣло еще нѣсколько русскихъ батальоновъ, прибыло и Турокъ; бой сильно разгорѣлся подъ однимъ изъ непріятельскихъ ретраншаментовъ.

Наканунѣ бѣжалъ изъ русскаго лагеря молодой крещеный турокъ, знавшій Суворова въ лицо. Этотъ бѣглецъ примѣтилъ Суворова въ бою и указалъ на него турецкому стрѣлку; тотъ приложился, пуля пропизала Суворову шею и остановилась у затылка. Суворовъ ощупалъ рану, призналъ ее опасною и передалъ начальство генералъ-поручику Бибикову. Такъ какъ поддержки не прибывало ни откуда, и продолженіе боя не обѣщало успѣха, то Суворовъ приказалъ Бибикову отводить войска изъ

подъ огня турецкихъ укрѣпленій. Но или приказаніе было дурно понято и исполнено, или отбытіе Суворова произвело на войска дурное впечатлѣніе, только вмѣсто того, чтобы отводить батальоны исподоволь и отступать въ порядкѣ, былъ данъ отбой. Люди смѣшались, бросились назадъ и пустились въ безпорядочное бѣгство, потерявъ при этомъ лишнюю сотню убитыми и ранеными.

Такъ или почти такъ происходило и окончилось это неудачное дѣло. И офиціальные, и неофиціальные источники представляютъ его разно, съ недосказами и умолчаніями; оно принадлежитъ къ категоріи именно тѣхъ, гдѣ истина всѣми способами маскируется. Въ результатѣ съ нашей стороны убито и ранено 365 человѣкъ, потеря Турокъ должна быть еще значительнѣе.

Рана Суворова оказалась впослѣдствіи не опасною, но первое время всѣ симптомы были тревожные. Вернувшись изъ боя на раненой нѣсколькими пулями лошади, которая вслѣдъ затѣмъ пала, онъ тотчасъ же послалъ за хирургомъ и за священникомъ.

Принцъ де-Линь, замѣтивъ какъ въ разгарѣ боя турецкіе значки потянулись къ своему правому флангу и, лѣвофланговыя укрѣпленія оставались почти безъ защиты, предложилъ немедленно ихъ штурмовать. Потемкинъ отказалъ. Онъ четыре раза посылалъ Суворову приказаніе прекратить бой и отступить, а въ послѣдній разъ послалъ исправлявшаго должность дежурнаго генерала съ грознымъ вопросомъ: какъ онъ, Суворовъ, осмѣлился безъ повелѣнія завязать такое важное дѣло? У Суворова въ это время извлекли пулю изъ шеи и перевязывали рану. Выслушавъ посланнаго, онъ отвѣчалъ:

Я на камушкѣ сижу,
На Очаковъ я гляжу.

Былъ ли переданъ Потемкину этотъ дерзкій отвѣтъ, осмѣивавшій его бездѣятельность? Вѣроятно да. Должность дежурнаго генерала исполнялъ генералъ-маіоръ Николай Рахмановъ, человѣкъ умный, образованный, но весьма самонадѣянный и вздорнаго характера, впослѣдствіи оставившій изъ-за этого службу. Рахмановъ служилъ подъ начальствомъ Суворова на Кубани, не ладилъ съ нимъ и написалъ на него пасквиль; Суворовъ ате-

стовалъ его Потемкину такъ: «Рахмановъ въ полѣ—съ полкомъ, съ поля—съ батальономъ; противъ его одного года я во всю мою службу столько людей не потратилъ». Едва ли можетъ быть поэтому сомнѣніе, что Рахмановъ передалъ Потемкину отвѣтъ Суворова во всей цѣлости, а можетъ быть и съ прикрасами [19]).

Послѣ всего произшедшаго, Суворову нельзя было оставаться на своемъ посту подъ Очаковымъ, да и состояніе его здоровья того не дозволяло. На третій или четвертый день онъ уѣхалъ въ Кинбурнъ, какъ самъ объясняетъ, чтобы имѣть наблюденіе за непріятельскимъ флотомъ и, по взятіи Очакова, не пропускать его въ лиманъ. Онъ пріѣхалъ туда совсѣмъ больной, обморокъ слѣдовалъ за обморокомъ, лихорадило, дыханіе было очень затруднено, появилась желтуха. Болѣзнь грозила дурнымъ исходомъ, но къ счастію больной хорошо заснулъ; это подкрѣпило его силы и помогло его неиспорченной натурѣ. Собрали консиліумъ, осмотрѣли снова рану и сдѣлали вторичную перевязку, такъ какъ первая была второпяхъ наложена не хорошо. Рана оказалась воспаленная, нечистая; изъ нея вынули нѣсколько кусочковъ сукна и подкладки. Затѣмъ началось улучшеніе, и чрезъ мѣсяцъ Суворовъ поправился.

Надо удивляться, что выздоровленіе шло быстро, потому что кромѣ физическихъ страданій, Суворовъ выносилъ мучительное душевное безпокойство. Онъ старается умилостивить Потемкина; пишетъ ему туманно, намеками и полуфразами, видимо сдерживается и ищетъ словъ; но это ему удается лишь отчасти, и мѣстами проскакиваетъ настоящій Суворовъ. Онъ называетъ Потемкина великимъ человѣкомъ, благодѣтелемъ своимъ; удивляется перемѣнѣ, въ немъ произшедшей; говоритъ, что «безвинно страждетъ», что «если противна особа, то противны и дѣла»; желаетъ уѣхать лечиться «для поправленія здоровья отъ длинной кампаніи», но не замедлитъ явиться на службу. Собираясь ѣхать къ водамъ, онъ однако же сознается, что возвращеніе расположенія со стороны Потемкина подѣйствовало бы успѣшнѣе и проситъ «защитить его простонравіе отъ ухищреній ближняго... Всякій имѣетъ свою систему, такъ и по службѣ я имѣю мою... мнѣ не переродиться и поздно... Коли вы не мо-

жете побѣдить свою немилость, удалите меня отъ себя; есть мнѣ служба въ другихъ мѣстахъ по моей практикѣ, по моей степени; но милости ваши, гдѣ бы я ни былъ, вездѣ помнить буду»... Онъ говоритъ, что скромность и притворство, благонравіе и своенравіе, твердость и упрямство—«равногласны», но одинъ способенъ къ первой роли, а другой ко второй, и потому поступая не по своей роли, можно дѣло испортить. Онъ поясняетъ, что не думалъ отнимать отъ главнокомандующаго славы: сами-де вы говорили, что слава подчиненныхъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ ваша слава. Въ письмахъ своихъ онъ разсыпаетъ нѣсколько афоризмовъ: «кто ищетъ истинной славы, тотъ слѣдуетъ по стезямъ добродѣтели; истина благосклонна одному достоинству; добродѣтель всегда гонима; невинность не терпитъ оправданій», и ввертываетъ такое краткое, но внушительное изреченіе: «вы вѣчны, вы кратки». Въ концѣ концовъ цѣль остается все таки недостигнутой [1]).

Суворовъ переписывается и съ Поповымъ, но также очень осторожно, какъ бы опасаясь сказать лишнее. Въ одномъ изъ писемъ онъ даже беретъ назадъ слова, прежде имъ сказанныя, говоря: «воображенія наши подвержены ежевременной перемѣнѣ вида, почему за пролетающія наши мысли мы и сами себѣ не отвѣчаемъ». Переписка съ Поповымъ впрочемъ не могла подвинуть Суворова къ цѣли, и онъ писалъ лишь по старой привычкѣ, ради поддержки прежнихъ отношеній [20]).

О неудачномъ дѣлѣ 27 іюля было донесено конечно и Императрицѣ. Передавая эту непріятную новость одному изъ своихъ статсъ-секретарей, она сказала: «сшалилъ Суворовъ; бросясь безъ спроса, потерялъ съ 400 человѣкъ и самъ раненъ; онъ конечно былъ пьянъ». Государыня ошибалась или была введена въ заблужденіе: Суворовъ пьянъ не былъ. Вина Суворова 27 іюля неоспорима, и оправдывать его нельзя, но нельзя также оправдать Потемкина, не поддержавшаго атаку, которая, если взять во вниманіе общность обстоятельствъ этого дня, изложенныхъ выше, могла повести къ успѣху, такъ дорого впослѣдствіи доставшемуся. Даже если отбросить предположеніе, что въ Потемкинѣ дѣйствовало оскорбленное самолюбіе или эгоистическія

побужденія, а въ Суворовѣ допустить одну жажду личной славы въ ущербъ начальнику, то выводъ не измѣнится. Сущность дѣла состоитъ въ томъ, что одинъ обнаружилъ военное дарованіе, военный глазомѣръ, сдѣлавъ совершенно неожиданный, не разсчитанный раньше шагъ; поведеніе же другого удостовѣряетъ въ его полной военной несостоятельности. Екатерина была слишкомъ строга въ сужденіи своемъ о Суворовѣ; изъ предшествовавшихъ страницъ видно, что онъ дѣйствовалъ, руководясь тѣми самыми мыслями о необходимости и возможности скорѣйшаго овладѣнія Очаковымъ, какихъ держалась и Государыня, которая старалась неоднократно, но безуспѣшно пересадить ихъ въ сознаніе Потемкина. Въ отзывѣ Екатерины о Суворовѣ говорило личное пристрастіе къ ея созданію, любимцу и даровитому государственному человѣку. Жосткое ея слово не можетъ однако служить ей укоромъ: оно вырвалось у нея въ разговорѣ съ секретаремъ на единѣ и вслѣдъ затѣмъ завершено приказаніемъ —никому сказаннаго не передавать. По крайней мѣрѣ слова эти нисколько не отразились на отношеніяхъ Государыни къ ея знаменитому подданному, чему она вскорѣ и дала доказательство.

Одна бѣда не приходитъ. Суворовъ сталъ уже поправляться, какъ 18 августа, утромъ, раздался въ Кинбурнѣ ужасный ударъ и потомъ грохотъ отъ множества другихъ ударовъ меньшей силы. Это былъ взрывъ лабораторіи, гдѣ въ то время спаряжались бомбы для Очаковской арміи, съ разрѣшенія коменданта, безъ вѣдома Суворова. Спаряженныя бомбы и гранаты выкинуло въ разныя стороны и онѣ послѣдовательно разрывались. Но все это Суворовъ узналъ послѣ, а въ моментъ взрыва онъ не могъ сообразить, что такое случилось. Вскочивъ со стула, онъ несмотря на слабость побѣжалъ къ двери; въ этотъ моментъ влетѣла бомба въ комнату, разорвалась, своротила часть стѣны и разбила кровать; кусками оторванной щепы ранило Суворова въ лицо, грудь, руку и ногу. Онъ выбѣжалъ черезъ сѣни на лѣстницу, и такъ какъ она тоже была разбита, то спустился по перилamъ во дворъ.

Густая туча порохового дыма нависла надъ Кинбурномъ и на нѣкоторое время превратила почти въ ночь стоявшій тогда яс-

ный день. Въ крѣпости поднялось смятеніе; всѣ были въ ужасѣ, и большое число людей пострадало, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, жившихъ съ Суворовымъ подъ одной кровлей. Коменданта привели къ Суворову облитаго кровью; въ церкви, передъ алтаремъ, священникъ былъ смертельно раненъ. Убитыхъ насчитано до 80, вмѣстѣ съ работавшими надъ бомбами, такъ что причина взрыва осталась неизвѣстной. По рѣдко встрѣчающейся случайности, бочки съ порохомъ, находившіяся въ томъ же помѣщеніи, остались цѣлы, иначе пострадала бы вся крѣпость [21]). Все таки эффектъ отъ взрыва былъ такъ великъ, что начальствовавшій въ Очаковѣ паша послалъ къ Гассану-пашѣ приглашеніе—воспользоваться случаемъ, сдѣлать на кинбурнскую косу высадку. Капитанъ-паша однако отказался; онъ понималъ, что успѣхъ отъ подобнаго предпріятія былъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ.

Суворова вынесли въ поле и сдѣлали ему тамъ перевязку. Послано было донесеніе о случившемся; отъ Попова получено письмо съ изъявленіемъ соболѣзнованія. Суворовъ поручилъ написать благодарственный отвѣтъ; написано было, что обошлось безъ большого для него вреда, кромѣ малыхъ на лицѣ знаковъ и удара въ грудь. Суворовъ прочелъ и приписалъ: «охъ, братецъ, а колѣно, а локоть? Простите, самъ не пишу, хворъ». [20]).

Осада пошла черепашьимъ шагомъ; Потемкинъ всего ждалъ отъ обстоятельствъ, хотя на нихъ и безъ того нельзя было пожаловаться. Турки, сберегая снаряды, стрѣляли рѣдко; дѣлали частыя вылазки, но были постоянно отбиваемы; сжатые мало-помалу въ тѣсную дугу, очень страдали отъ канонады; частые пожары совершенно опустошили городъ; большой провіантскій магазинъ былъ истребленъ огнемъ. Но всего этого Потемкину было мало; ему всегда что нибудь мѣшало предпринять рѣшительныя дѣйствія: то Гассанъ-паша съ флотомъ, который, по словамъ его письма къ Румянцову, «прилипъ къ нему какъ банный листъ», то буря, разобщившая лиманскую флотилію съ арміей, то третье, то четвертое. А Гассанъ тѣмъ временемъ успѣлъ подкрѣпить очаковскій гарнизонъ 1500 человѣкъ и ушелъ съ флотомъ лишь въ началѣ ноября [5]).

Стояла глубокая осень. Прежде бывало кипѣла въ лагерѣ и главной квартирѣ жизнь; общество было многочисленное, пріѣзжихъ дамъ много; давались пиры и балы, гремѣла музыка, привозилась отовсюду нарочно посланными гонцами разная рѣдкостная провизія къ столу Потемкина. Дѣло правда не двигалось, но жилось весело. Теперь и это миновало; непастная погода разогнала однихъ, долгое ожиданіе развязки—другихъ; физіогномія главной квартиры измѣнилась. Потемкинъ съ каждымъ днемъ становился угрюмѣе и мрачнѣе. Затѣмъ мокрая холодная осень смѣнилась лютой зимой, которая на долгое время осталась въ памяти народной подъ названіемъ *очаковской*. Кругомъ тянулась голая ледяная степь, по которой разгуливали снѣжные бураны; снѣга выпали чрезвычайно глубокіе, морозы переходили за 20°. Солдаты коченѣли въ своихъ землянкахъ, терпя страшную нужду въ самомъ необходимомъ, лошади тоже. Тѣмъ временемъ въ турецкихъ крѣпостныхъ веркахъ произведены огромныя поврежденія, какъ бы приглашавшія осаждающихъ къ штурму, но Потемкинъ все таки продолжалъ осаду, которую Румянцовъ язвительно называлъ *осадой Трои*. Смертность развилась чрезвычайная, отъ одной стужи убывало по 30—40 человѣкъ въ день; во время посѣщенія Потемкинымъ лагеря, солдаты взяли смѣлость лично просить его о штурмѣ, но и это не подѣйствовало. Наконецъ между всѣми чинами арміи пошелъ глухой ропотъ [22]).

Лишь дойдя до такого безъисходнаго положенія, когда отступленіе, невозможное нравственно, сдѣлалось почти невозможнымъ и физически, вслѣдствіе совершеннаго израсходованія главныхъ жизненныхъ потребностей,—Потемкинъ рѣшился на штурмъ, назначивъ его на 6 декабря. Предпринятый послѣ такой цѣпи тяжкихъ испытаній, штурмъ былъ кровавый, безпощадный въ полномъ смыслѣ слова. Онъ продолжался всего часъ съ четвертью, при морозѣ въ 23°; по истеченіи этого времени Очаковъ сталъ громадной свѣжей могилой. Населеніе Очакова, считая съ гарнизономъ, простиралось до 25,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 15,000 состояло подъ ружьемъ; изъ нихъ убито и умерло отъ ранъ до 9,500 и болѣе 4,000 взято въ плѣнъ. Грабежъ продол-

жался трое сутокъ, согласно данному заранѣе войскамъ обѣщанію. Съ русской стороны число убитыхъ и раненыхъ опредѣляется различно; по наиболѣе умѣренному счету оно доходило до 2,800 человѣкъ. Но эта потеря составляетъ незначительную долю той, которую причинила продолжительная осада въ неблагопріятное время года со всѣми лишеніями. Здоровыми осталась едва четвертая часть людей, а кавалерія потеряла почти всѣхъ лошадей.

Императрица въ это время была нездорова; она выздоровѣла отъ радости. Награды были щедрыя; Потемкинъ получилъ давно желанный имъ Георгій 1 класса съ бриліантовою звѣздою, шпагу, усыпанную бриліантами и 100,000 рублей. Въ представленіи къ наградамъ былъ помѣщенъ и Суворовъ. Потемкинъ положилъ противъ него такую атестацію: «командовалъ въ Кинбурнѣ и подъ Очаковымъ, во время же пораженія флота участвовалъ не мало дѣйствіемъ со своей стороны». Его же отмѣтка: «перо въ шляпу». Суворовъ получилъ дѣйствительно бриліантовое перо большой цѣнности, съ буквою К. [23]).

Взятіемъ Очакова кончились дѣйствія русской главной арміи въ 1788 году. Немного было сдѣлано при средствахъ, которыми обладалъ и распоряжался Потемкинъ, но все же больше, чѣмъ Австрійцами. Командовавшій оконечностью лѣваго ихъ фланга, принцъ Кобургъ, просто боялся наступательныхъ дѣйствій, приводя въ резонъ, что послѣ долгаго мира въ австрійской арміи не было уже людей, которые умѣли бить Турокъ. Задавшись такою же мыслью, какъ и Потемкинъ подъ Очаковымъ,—принудить Хотинъ къ добровольной сдачѣ, принцъ Кобургъ провозился съ этою крѣпостью до половины сентября и удовольствовался капитуляціею, достойною смѣха. Этимъ главнымъ образомъ и ограничились его военныя дѣйствія. Въ другихъ мѣстахъ австрійскаго театра войны дѣла шли еще хуже. Собравъ на своей турецкой границѣ безъ малаго 300,000 человѣкъ, изъ коихъ половина составляла главную армію императора Іосифа, Австрійцы вмѣсто того, чтобы дѣйствовать энергически, удовольствовались занятіемъ ничтожной крѣпостцы Шабацъ и, хотя начали осаду Бѣлграда, но потомъ сняли ее. Турки перешли въ

наступленіе, напали на корпусъ Вартенслебена и разбили его на голову. Императоръ Іосифъ двинулся на выручку; на ночномъ переходѣ войска перепутались, бросились въ разбродъ, открыли пальбу по несуществующему непріятелю; свита императора разбѣжалась, оставивъ его одного. Эта жалкая армія конечно была тоже разбита.

Промежуточная армія, Украинская, выполнила свою пассивную задачу вполнѣ; графъ Румянцовъ не допустилъ турецкихъ подкрѣпленій ни къ Очакову, ни къ Хотину и тѣмъ способствовалъ ихъ покоренію. Этотъ военачальникъ, безспорно самый даровитый изъ главныхъ дѣятелей тогдашней войны, представлялъ собою мертвый капиталъ, который не умѣли или не хотѣли употребить производительно.

Суворовъ первое время жилъ и лечился въ Кинбурнѣ, оттуда переѣхалъ въ Херсонъ и затѣмъ въ Кременчугъ. При этихъ переѣздахъ, онъ не могъ и не желалъ миновать Потемкина, озабочиваясь своимъ будущимъ, но это ни къ чему не повело. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Суворовъ говоритъ, что ему тогда готовилась «Уріева смерть» [24]). Хотя Потемкинъ не отличался злопамятностью, но на этотъ разъ былъ слишкомъ глубоко задѣтъ въ своемъ властительномъ самолюбіи. Къ счастію обстоятельства сложились иначе, и затереть Суворова не удалось.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вторая Турецкая война: Фокшаны, Рымникъ; 1789.

Зимняя поѣздка Суворова въ Петербургъ; назначеніе его въ армію; опроверженіе нѣкоторыхъ ложныхъ свѣдѣній. — Наступленіе Турокъ; движеніе Суворова къ принцу Кобургскому; отказъ отъ свиданія съ нимъ. — Сраженіе при Фокшанахъ. — Бездѣйствіе Потемкина; неудачное покушеніе Репнина на Измаилъ. — Вѣрность предположеній Суворова; наступленіе великаго визиря; промедленіе Суворова; спѣшный походъ на соединеніе съ принцемъ; совѣщаніе съ нимъ. — Движеніе союзниковъ; успѣшная атака Суворова; разные фазисы боя; безпокойство принца Кобургскаго; кавалерійскій ударъ; бѣгство Турокъ за Рымникъ. — Преобладающее участіе Суворова въ обѣихъ побѣдахъ; наступательные его проекты. — Радость Екатерины и Потемкина; переписка о наградахъ; Суворовъ графъ. — Послѣднія событія кампаніи.

Немногое было сдѣлано Русскими въ кампанію 1788 года, но слѣдующій годъ открывался при политическихъ усложненіяхъ еще менѣе благопріятныхъ. Война со Швеціей, навязанная сумасбродствомъ Шведскаго короля, задержала въ Балтійскомъ морѣ большой русскій флотъ, назначенный противъ Турокъ, и оттянула часть сухопутныхъ силъ. Англія и Пруссія силились усугубить эту полезную для Турціи диверсію, втянувъ въ дѣло еще и Польшу. Россіи пришлось дѣлать разныя уступки и удовлетворять настояніямъ Польскаго правительства, лишь бы отсрочить разрывъ. «Пакости Поляковъ вытерпѣть должно до времени», писала Екатерина Потемкину въ октябрѣ 1789 года. Пруссія сильно подняла тонъ, дипломатическая переписка ея получила задорный, вызывающій характеръ. Но не-

смотря на все это, Русская Императрица оставалась по прежнему тверда; вопреки совѣтамъ Потемкина, она не поступалась ничѣмъ существеннымъ, сохраняла самообладаніе и держалась прежней политики.

Окончивъ кампанію 1788 года, Потемкинъ поѣхалъ въ Петербургъ и былъ принятъ съ почетомъ и тріумфомъ, въ которыхъ благосклонность къ нему Государыни играла гораздо большую роль, чѣмъ дѣйствительныя его заслуги. Кромѣ благосклонности, дѣйствовало тутъ и соображеніе: тогда восходила новая звѣзда, Платонъ Зубовъ, которая могла угрожать Потемкину въ будущемъ; слѣдовало ублажить стараго любимца, успокоить его тревожныя чувства и опасенія. Обремененный непрерывною цѣпью празднествъ, всеобщимъ славословіемъ и поклоненіемъ, безчисленными знаками милости и вниманія Императрицы, онъ отправился къ арміи въ началѣ мая 1789 года.

Екатеринославская армія была укомплектована до 80,000 человѣкъ, Украинская — до 35,000. Первая долженствовала занять линію Днѣстра; вторая—прикрывать операціи первой и содержать связь съ Австрійцами, которые намѣревались переправиться черезъ Дунай и занять Бѣлградъ. Турки разсчитывали выставить противъ Австрійцевъ сильный корпусъ, а съ остальными силами, раздѣленными на двѣ арміи, наступать на Бессарабію и Молдавію.

Военныя дѣйствія начались въ Украинской арміи, графа Румянцова, когда Потемкинъ находился еще въ Петербургѣ. Турки предприняли наступленіе на Австрійцевъ со стороны Фокшанъ и на Русскихъ со стороны Пуценъ. Австрійскія передовыя войска отступили; русская же дивизія генерала Дерфельдена получила приказаніе Румянцова—идти къ Бырладу и разбить непріятеля, несмотря на большое превосходство его въ силахъ. Дерфельденъ исполнилъ приказаніе съ блестящимъ успѣхомъ, обнаруживъ при этомъ искуство, храбрость и энергію. Онъ дважды разбилъ Турокъ на голову; въ первомъ дѣлѣ, при Максименѣ, они потеряли больше 500 человѣкъ; во второмъ—при Галацѣ, свыше 3,000. Затѣмъ, въ послѣднихъ числахъ апрѣля, Дерфельденъ отошелъ къ Бырладу и занялъ наб-

людательное положеніе, чтобы или подать помощь Австрійцамъ, или обратиться противъ Турокъ. Сюда вскорѣ прибылъ Суворовъ и принялъ у Дерфельдена дивизію.

При распредѣленіи генералитета по войскамъ обѣихъ дѣйствующихъ армій, онъ не былъ внесенъ въ списки; единственной тому причиной могло быть продолжавшееся неудовольствіе Потемкина. Суворовъ узналъ про это во́-время, поскакалъ въ Петербургъ и представился Государынѣ для принесенія благодарности за прошлогоднія награды. Поклонившись по обыкновенію ей въ землю, Суворовъ съ жалобнымъ видомъ сказалъ: «Матушка, я прописной».—Какъ это?—спросила Екатерина». «Меня нигдѣ не помѣстили съ прочими генералами и ни одного капральства не дали въ команду». Государыня на этотъ разъ не поддержала своего баловня, не захотѣла сдѣлать несправедливость; какъ бы ни былъ въ ея глазахъ виноватъ Суворовъ за очаковскую попытку. Въ самомъ дѣлѣ ей не разсчетъ было лишиться на театрѣ войны такой боевой силы, какую представлялъ собою Суворовъ, особенно при усложнявшихся обстоятельствахъ. Но не желая поступать прямо на перекоръ Потемкину, Государыня назначила Суворова въ армію Румянцова. Апрѣля 25 Суворовъ получилъ повелѣніе ѣхать въ Молдавію и въ тотъ же день поскакалъ изъ Петербурга [1]).

Описанный случай относятъ обыкновенно къ началу второй Турецкой войны, но это невѣрно, такъ какъ тогда не существовало никакихъ поводовъ къ исключенію Суворова изъ списковъ дѣйствующей арміи, да и въ Петербургъ онъ не пріѣзжалъ. Кромѣ того разсказываютъ, что для убѣжденія Потемкина въ замѣчательныхъ свойствахъ Суворовскаго ума, Екатерина однажды пригласила къ себѣ Суворова и стала бесѣдовать съ нимъ наединѣ, поставивъ Потемкина за ширмы. Когда Потемкинъ, озадаченный глубиною его мыслей и мѣткостью сужденій, спросилъ его потомъ, почему онъ говоритъ съ нимъ иначе, то Суворовъ будто бы отвѣчалъ, что для Императрицы у него одинъ языкъ, а для Потемкина—другой. Все это весьма сомнительно, хотя и записано современниками. Только люди, не имѣвшіе съ Суворовымъ близкаго и серьезнаго дѣла, могли сомнѣваться въ обшир-

ности, проницательности и логичности его ума, будучи обмануты маской его чудачествъ и шутовства. Потемкинъ же зналъ Суворова давно и потому собственной инициативой взялъ его въ свою армію передъ началомъ войны, далъ ему самый важный въ ней постъ и зачастую совѣтовался съ нимъ, въ чемъ удостовѣряетъ ихъ переписка. Если онъ рѣшился отказаться отъ Суворова послѣ очаковскаго случая, то это потому, что самолюбіе и эгоизмъ его пересиливали всѣ другія соображенія. Они были Суворовымъ затронуты,—и этого достаточно, хотя Потемкинъ оцѣнялъ передъ тѣмъ Суворова въ 10,000 человѣкъ, а послѣ кинбурнской побѣды конечно дорожилъ имъ и того больше.

Суворовъ уже въ то время былъ отчасти облеченъ нѣсколько легендарной оболочкой, которая отводила современникамъ глаза и спутывала ихъ о немъ понятія. Еще при его жизни расплодилось много вымышленныхъ о немъ анекдотовъ и извѣстій, и значительная ихъ часть, относящаяся къ раннимъ періодамъ, очевидно изобрѣтена въ пору позднѣйшую, когда причуды и странности Суворова дошли до апогея и почти совсѣмъ заслонили самого человѣка. Историку весьма трудно разобраться во всей этой грудѣ измышленій, преувеличеній и анахронизмовъ. Для примѣра приведемъ еще анекдотъ, относящійся къ 1788 году. Одинъ изъ современниковъ [2]) говоритъ, что Государыня послала Суворову въ Петербургъ (онъ въ этомъ году тамъ не былъ) 5,000 рублей, черезъ камеръ-лакея, но что Суворовъ, недовольный такимъ незначительнымъ подаркомъ, отдалъ одинъ имперіалъ посланному, а остальное возвратилъ, сказавъ, что и безъ того слишкомъ богатъ по милости Государыни. Вслѣдъ затѣмъ, по выѣздѣ Суворова изъ Петербурга, Екатерина будто бы послала ему 30,000 р., и эту сумму Суворовъ принялъ безотговорочно. Ничего подобнаго не было. Годомъ раньше, т.-е. осенью 1787 г., дѣйствительно послѣдовалъ указъ о пазначеніи Суворову 5,000 р. на экипажъ, но не въ Петербургѣ, а заочно, въ Кинбурнъ, за что Суворовъ и благодарилъ Государыню письмомъ 17 октября изъ Кинбурна [3]); другихъ же денежныхъ пожалованій ни тогда, ни въ ближайшее время онъ не получалъ. Въ этомъ свидѣтельствуютъ разнородные документы, въ кото-

рыхъ сохранился бы хоть намекъ или какой-нибудь слѣдъ такой крупной суммы, какъ 30,000 рублей.

Прибывъ на театръ войны и представившись графу Румянцову, Суворовъ вступилъ въ командованіе дивизіей, расположенной между рѣками Серетомъ и Прутомъ. Сдѣлавъ осмотръ мѣстности, онъ выбралъ у Карапчешти, впереди Бырлада, очень выгодную позицію, куда и перевелъ свои войска.

Вслѣдъ затѣмъ перемѣнилось у него начальство. Подъ вліяніемъ Потемкина, Екатерина перестала относиться съ прежнею благосклонностью къ Кагульскому побѣдителю и виновнику Кучукъ-Кайнарджискаго мира. Этому отчасти способствовалъ самъ Румянцовъ, сильно наскучивъ Государынѣ жалобами на разные недостатки въ его Украинской арміи. Кромѣ того онъ состарѣлся, часто хворалъ и утратилъ большую часть своей прежней военной энергіи, хотя все-таки представлялъ собою военное дарованіе, значительно превышавшее Потемкинское, доказательствомъ чему служило начало кампаніи. Екатерина рѣшилась устранить его отъ командованія и подчинить обѣ арміи Потемкину, «дабы согласно дѣло шло». Это было натяжкой, потому что Румянцовъ исполнялъ свою задачу въ минувшую кампанію безукоризненно и раздоровъ съ Потемкинымъ не имѣлъ. Ему предложили начальствованіе надъ новой арміей, предполагавшейся къ формированію противъ Пруссіи; онъ понялъ заднюю мысль, сдалъ Украинскую армію Каменскому до прибытія назначеннаго на его мѣсто князя Репнина, подалъ въ отпускъ за-границу и поселился въ небольшомъ имѣніи Стыпки, неподалеку отъ Яссъ. Пришло дозволеніе ѣхать въ отпускъ, а Румянцовъ оставался, вѣроятно выжидая перемѣны къ лучшему. Потемкину не могло нравиться пребываніе близъ самаго театра войны стараго побѣдоноснаго фельдмаршала, бывшаго его начальника и учителя, имѣвшаго много тайныхъ сторонниковъ въ арміи. Подъ его вліяніемъ началось, по повелѣнію Государыни, выживаніе Румянцова изъ подъ Яссъ, но въ виду неподатливости стараго фельдмаршала, долго не имѣло успѣха. Онъ оставался тутъ около двухъ лѣтъ и только тогда выѣхалъ въ свое малороссійское имѣніе.

Князь Репнинъ, смѣнившій графа Румянцова, поступилъ подъ начальство Потемкина. Въ Молдавской, бывшей Украинской арміи, оказался большой во всемъ недостатокъ; Потемкинъ принялся за ея укомплектованіе и снабженіе, на что потребовалось время. Бывшая Екатеринославская армія между тѣмъ стягивалась къ Ольвіополю, а потомъ, въ половинѣ іюля, потянулась къ Бендерамъ; движеніе по обыкновенію совершалось не торопясь. Турки, пользуясь этимъ, рѣшились нанести сильный ударъ, и корпусъ войскъ подъ начальствомъ Османа-паши предпринялъ наступленіе къ Фокшанамъ, дабы разбить сначала Австрійцевъ, а потомъ обратиться на Русскихъ. Командовавшій лѣвою оконечностью австрійской арміи, принцъ Кобургскій, обратился съ настоятельной просьбой о подкрѣпленіи къ ближайшему русскому военачальнику, Суворову.

Подъ начальствомъ Суворова состояло пять пѣхотныхъ, восемь кавалерійскихъ полковъ и 30 орудій полевой артиллеріи. О своемъ прибытіи на постъ онъ извѣстилъ принца Кобургскаго и получилъ отъ него любезный отвѣтъ. Они не были знакомы лично, но съ перваго же шага между ними установились добрыя отношенія, которыя и послужили залогомъ послѣдующихъ успѣховъ. На приглашеніе принца Кобургскаго Суворовъ отвѣчалъ, что выступаетъ тотчасъ же, и дѣйствительно двинулся въ 6 часовъ вечера 16 іюля, съ большею частью своей дивизіи, по направленію къ Аджушу на рѣкѣ Серетѣ. Онъ выбралъ кратчайшую, но трудную дорогу; шелъ вечеръ, ночь и слѣдующій день, давая войскамъ лишь необходимые роздыхи, и прибылъ къ Аджушу въ 10 часовъ вечера, пройдя въ 28 часовъ до 50 верстъ самой дурной дороги. Тутъ ждалъ его принцъ Кобургскій, который повѣрилъ такому быстрому прибытію Русскихъ лишь тогда, когда увидѣлъ ихъ своими глазами. Весь слѣдующій день пошелъ на наводку трехъ мостовъ на рѣкѣ Тротушѣ, и русскія войска основательно отдохнули. Первымъ дѣломъ представлялось конечно взаимное соглашеніе командующихъ отрядами на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій, и потому Кобургъ послалъ 18 числа утромъ къ Суворову, привѣтствовать его и просить о личномъ свиданіи. Суворовъ далъ уклон-

чивый отвѣтъ, который поставилъ Кобурга въ недоумѣніе. Онъ писалъ къ Суворову во второй разъ; посланнаго не приняли, сказавъ, что генералъ Богу молится; нѣсколько времени спустя отправленъ третій посланный,—отвѣчено, что генералъ спитъ. Недоумѣніе Кобурга возрастало, онъ не могъ понять причины страннаго поведенія Суворова. Такъ прошелъ день, не безплодно конечно, потому что дѣлались приготовленія къ переправѣ, и въ 11 часовъ вечера Кобургъ получилъ отъ Суворова небольшую записку, написанную по-французски. Сущность ея состояла въ слѣдующемъ: «войска выступаютъ въ 2 часа ночи тремя колоннами; среднюю составляютъ Русскіе. Непріятеля атаковать всѣми силами, не занимаясь мелкими поисками вправо и влѣво, чтобы на зарѣ прибыть къ рѣкѣ Путнѣ, которую и перейти, продолжая атаку. Говорятъ, что Турокъ передъ нами тысячъ пятьдесятъ, а другія пятьдесятъ — дальше; жаль, что они не всѣ вмѣстѣ, лучше бы было покончить съ ними разомъ». Получивъ эту записку, Кобургъ не безъ колебаній рѣшился принять ее къ исполненію, такъ какъ препираться и спорить было некогда, а Суворовъ имѣлъ уже такую боевую репутацію, что уступку ему сдѣлать можно, несмотря на то, что Кобургъ былъ старше его въ чинѣ и имѣлъ поэтому больше правъ на общее руководительство [4]).

Поступокъ Суворова былъ рискованный, но на этотъ разъ удался, благодаря мягкости австрійскаго генерала. Зная очень хорошо образъ дѣйствій Австрійцевъ, ихъ медленность, нерѣшительность, склонность къ крайнему методизму, Суворовъ рѣшился повести дѣло по своему. Позже онъ объяснялъ, что долженъ былъ избѣгать свиданія съ Кобургомъ, иначе «мы бы все время провели въ преніяхъ дипломатическихъ, тактическихъ, энигматическихъ; меня бы загоняли, а непріятель рѣшилъ бы нашъ споръ, разбивъ тактиковъ [5]). Выраженное въ концѣ записки сожалѣніе, что Турки не всѣ вмѣстѣ, было средствомъ, которое Суворовъ употреблялъ не разъ, дабы привить къ другимъ свою увѣренность въ успѣхѣ, и средство помогало. Въ настоящемъ случаѣ, для него было особенно важно внушить подобную увѣренность войскамъ незнакомымъ, съ традиціями

анти-Суворовскаго направленія. Надо было озадачить, покорить методиковъ дерзостью, подчинить ихъ своему нравственному вліянію, влить въ нихъ свою безтрепетную душу. Вся трудность состояла въ этомъ первомъ шагѣ, послѣдующіе дѣлались уже логически. Суворовъ напалъ на матеріалъ, не въ конецъ еще испорченный фальшивой воспитательной системой и дурнымъ предводительствомъ, а потому въ разсчетахъ своихъ не обчелся. Условиться съ Кобургомъ о подробностяхъ онъ имѣлъ время и впереди, а бояться тогда колебаній и возврата назадъ было уже нечего.

Часа въ 3 послѣ полуночи союзники выступили тремя колоннами, перешли по тремъ мостамъ Тротушъ и продолжали путь къ Фокшанамъ двумя колоннами; правую составляли австрійскія войска, лѣвую русскія. Лѣвой колоннѣ данъ авангардъ изъ австрійскихъ войскъ, преимущественно изъ конницы, подъ начальствомъ полковника Карачая, чтобы скрыть отъ Турокъ какъ можно дольше присутствіе Русскихъ. Съ этою же цѣлью, при остановкахъ для отдыха, русскія войска располагались скрытно, въ лощинахъ. Переночевавъ въ Карломанешти, утромъ 20 іюля двинулись дальше и въ Маринешти построились въ боевой порядокъ. Суворовъ выѣхалъ слишкомъ много впередъ, производя рекогносцировку, и чуть было не попалъ въ руки Турокъ, но къ счастію они его не узнали. Въ боевомъ порядкѣ по правую руку стали Австрійцы, построившись карэями въ двѣ линіи, въ третьей конница; Русскіе—такимъ же образомъ, но за третьей линіей стояли еще казаки и арнауты [6]), а впереди первой линіи австрійскіе гусары подъ начальствомъ Карачая.

Показался отрядъ турецкой конницы, Суворовъ выслалъ сотню казаковъ; въ 4 часа дня тронулись и главныя силы союзниковъ. Завязалась передовая схватка, довольно упорная; въ результатѣ Турки были прогнаны за р. Путну съ большою потерей. При наступившей ночи, подъ проливнымъ дождемъ, стали наводить мостъ; Турки препятствовали, вздувшаяся вода замедляла работу, но мостъ все таки поспѣлъ раньше полуночи. Вслѣдъ за небольшимъ австрійскимъ авангардомъ перешелъ на

ту сторону и Суворовъ, а на разсвѣтѣ 21 іюля переправился австрійскій корпусъ.

Союзники стали въ прежнемъ боевомъ порядкѣ и двинулись впередъ, къ городку Фокшанамъ, до котораго оставалось 12 верстъ. Карачай со своимъ отрядомъ служилъ связью между австрійскою и русскою частями боевого порядка. Тотчасъ же начались турецкія конныя атаки, сначала слабыя на фронтъ союзниковъ, потомъ сильныя на фланги. Особенно настойчиво производились атаки на корпусъ Суворова. Наторѣлые въ турецкихъ войнахъ русскіе батальоны встрѣчали Турокъ хладнокровно, близкимъ огнемъ; хотя нѣкоторые смѣльчаки, отчаянныя головы, доскакивали до каре и врывались внутрь, но погибали на штыкахъ, не производя серьезнаго разстройства. Цѣлыхъ два часа кружилась турецкая конница, выбирая моменты для атакъ и пользуясь ими, но наконецъ всею массою отхлынула.

Союзники продолжали наступленіе. На пути ихъ находился довольно большой и густой боръ, по которому нельзя было двигаться не разстроившись. Рѣшено было его обойти; Австрійцы взяли вправо, Русскіе влѣво; Турки повалили оттуда безпорядочными толпами къ фокшанскимъ земляннымъ окопамъ, гдѣ и засѣли для послѣдняго отпора. Обогнувъ лѣсъ въ примѣрномъ порядкѣ, какъ на ученьѣ, Русскіе пошли по мѣстности, покрытой зарослью и цѣпкимъ кустарникомъ. Путь этотъ весьма утомилъ войска; у людей и лошадей ноги были перецарапаны и изранены, а между тѣмъ приходилось еще пособлять движенію артиллеріи, вытаскивая ее на рукахъ. Но благодаря тѣмъ же свойствамъ мѣстности, атаки Турокъ были рѣдки и слабы; онѣ участились и сдѣлались настойчивыми лишь въ то время, когда войска выбрались на открытое мѣсто. Суворовъ вызвалъ изъ-за 3 линіи конницу, которая и отбивала Турокъ, пока наступающіе не приблизились версты на двѣ къ турецкому ретраншаменту. Затѣмъ турецкая кавалерія очистила поле, заняла позицію на флангахъ укрѣпленія, и Турки открыли сильный артиллерійскій огонь. Оба союзные корпуса вошли между тѣмъ во взаимную связь и двигались впередъ съ удвоенною быстротой. Съ разсто-

нія одной версты союзная артиллерія открыла сильный огонь; кавалерія бросилась въ атаку, опрокинула турецкія конныя толпы и сбила съ позиціи часть пѣхоты, прогнавъ ее за фокшанскую черту. Тогда первая линія союзниковъ, предводимая генераломъ Дерфельденомъ, съ разстоянія 1000 шаговъ бросилась въ атаку, безъ выстрѣла, и лишь подойдя близко, дала залпъ. Окопы были слабы и слабо вооружены артиллеріей; пѣхота на штыкахъ ворвалась внутрь, выбила остальныхъ Турокъ, обратила ихъ въ бѣгство и заняла весь ретраншаментъ. Конница турецкая, опрокинутая раньше, въ полномъ безпорядкѣ искала спасенія въ бѣгствѣ.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ ретраншамента находился укрѣпленный монастырь св. Самуила, нѣчто въ родѣ редюнта. Тутъ засѣло нѣсколько сотъ янычаръ; рѣшившись обороняться до послѣдней крайности, они отвергли всѣ предложенія о сдачѣ. Суворовъ обложилъ монастырь съ одной стороны, принцъ Кобургскій съ другой, и союзная артиллерія открыла огонь. Янычары держались упорно; прошло не мало времени, пока удалось разбить ворота и калитку. Входъ былъ расширенъ лежавшимъ тутъ же во множествѣ турецкимъ шанцовымъ инструментомъ; Дерфельденъ повелъ войска на штурмъ, а за нимъ тронулись Австрійцы. Въ это время случайно или намѣренно былъ взорванъ въ монастырѣ пороховой погребъ; отъ взрыва пострадали не только Турки, но и штурмовавшіе: съ русской стороны, кромѣ солдатъ, было переранено больше 10 офицеровъ; принца Кобургскаго чуть не задавило обломкомъ стѣны. Но это обстоятельство не могло уже остановить штурмовавшихъ, и всѣ оставшіеся въ живыхъ защитники монастыря были переколоты.

Оставалось затѣмъ сдѣлать немногое. Невдалекѣ за городомъ находился другой монастырь, св. Іоанна; туда скрылось нѣсколько десятковъ Турокъ. Принцъ Кобургскій отрядилъ батальонъ, и черезъ часъ монастырь былъ взятъ [7]).

Разбитые на голову войска Османа-паши бѣжали въ полномъ разстройствѣ на Рымникъ и Бузео, бросая на дорогѣ все, что замедляло ихъ бѣгство. Легкія войска союзниковъ преслѣдовали ихъ, не давая опомниться, и тѣмъ удвоили ихъ потери.

При этомъ взято безъ малаго тысяча повозокъ, нагруженныхъ всякаго рода запасами, и много скота. Сверхъ того побѣдителямъ достался богатый фокшанскій лагерь и значительные продовольственные магазины. Военныхъ трофеевъ насчитано 12 пушекъ и 16 знаменъ. Потеря Турокъ убитыми опредѣляется въ 1500, число раненыхъ осталось неизвѣстнымъ, въ плѣнъ взято не больше 100. Свою потерю убитыми и ранеными Суворовъ исчисляетъ въ 84 человѣка [8]); по другимъ источникамъ она простиралась до 150, а у Австрійцевъ до 200; но надо полагать, что эти цифры ниже истины, если взять въ разсчетъ штурмъ монастыря, взрывъ погреба, нѣсколько упорныхъ моментовъ боя и численность отрядовъ — русскаго въ 7000, австрійскаго въ 18,000 человѣкъ.

Бой продолжался 10 часовъ; войска были очень утомлены, но побѣда возбудила нервы и маскировала усталость. Оба начальника съѣхались, сошли съ лошадей и крѣпко обнялись; ихъ примѣру послѣдовала свита; поздравленія, добрыя пожеланія и надежды слышались всюду, при встрѣчѣ Русскихъ съ Австрійцами. Суворовъ особенно отличилъ храбраго Карачая и въ присутствіи Кобурга обнялъ и расцѣловалъ его. Съ этого памятнаго дня начались близкія, дружескія отношенія между Суворовымъ и Кобургомъ, благодаря тому, что благородный принцъ сразу призналъ превосходство надъ собою своего русскаго товарища по оружію. Тотчасъ по окончаніи дѣла, онъ приказалъ разослать на землѣ коверъ и подать походный обѣдъ. Суворовъ, Кобургъ, ихъ свита, многіе русскіе и австрійскіе военачальники сошлись за импровизованнымъ столомъ радушнаго хозяина. Добрыя отношенія между Русскими и Австрійцами выдержали даже довольно существенное испытаніе—дѣлежъ трофеевъ и добычи; не было при этомъ никакихъ споровъ, все обошлось полюбовно. Продовольственные магазины Австрійцы получили безраздѣльно, такъ какъ Русскимъ приходилось идти далеко назадъ, на прежнее свое мѣсто. Императрица Екатерина была очень довольна такимъ согласіемъ, потому что ея европейскіе недоброжелатели возлагали большую надежду на неизбѣжность внутреннихъ раздоровъ между союзниками. «Фокшаны зажмутъ

ротъ тѣмъ, кои разсѣявали, что мы съ Австрійцами въ несогласіи», сказала она при этомъ случаѣ.

Суворовъ конечно былъ за продолженіе наступательныхъ дѣйствій, доказательствомъ чему служитъ его письмо къ Репнину тотчасъ по возвращеніи въ Бырладъ. «Отвѣчаю за успѣхъ, если мѣры будутъ наступательныя; оборонительныя же,—визирь придетъ. На что колоть тупымъ концомъ вмѣсто остраго? [9])». Однако онъ не имѣлъ на то полномочія; ожидалось приближеніе арміи Потемкина; получено извѣстіе, что визирь готовится переправиться черезъ Прутъ и идти на Яссы. Все это вмѣстѣ взятое, при ничтожныхъ силахъ и безъ увѣренности въ поддержкѣ, удержало Суворова отъ наступательныхъ дѣйствій. Рѣшено было возвратиться къ своимъ мѣстамъ, — Кобургу къ Аджушу, Суворову къ Бырладу. Суворовъ тронулся 22 числа по кратчайшей дорогѣ, но по недостатку понтоновъ у Фурчень, вернулся и перешелъ на прежній свой путь. Тутъ тоже представились препятствія отъ раздувшейся рѣки; онъ оставилъ тяжести, пошелъ на-легкѣ и прибылъ къ Бырладу 25 и 26 іюля, а обозы подошли нѣсколько позже.

На первыхъ порахъ Суворовъ послалъ Репнину такое донесеніе: «Рѣчка Путна отъ дождей широка; Турокъ 5—6 тысячъ спорили, мы ее перешли, при Фокшанахъ разбили непріятеля; на возвратномъ пути въ монастырѣ засѣли 50 Турокъ съ байрактаромъ, я ими учтивствовалъ принцу Кобургскому, который послалъ команду съ пушками, и они сдались». Должно быть въ подобномъ же родѣ онъ извѣщалъ и Потемкина, который не удовлетворился донесеніемъ и написалъ Репнину: «о фокшанскомъ дѣлѣ я получилъ, такъ сказать, глухую исповѣдь и не знаю, что писать ко двору. Синаксари Александра Васильевича очень коротки; извольте истребовать отъ него подробнаго донесенія, какъ дѣло происходило и куда непріятель обратился». Вслѣдствіе ли дошедшихъ неточныхъ извѣстій или почему другому, князь Репнинъ поторопился послать принцу Кобургскому поздравительное письмо, приписывая ему честь побѣды. Потемкинъ въ томъ же письмѣ отъ 31 іюля дѣлаетъ по этому случаю Репнину замѣчаніе: «въ письмѣ къ Кобургу вы нѣкоторымъ образомъ

весь успѣхъ ему отдаете. Развѣ такъ было? А иначе не нужно ихъ такъ подымать, и безъ того они довольно горды» [10]).

Фокшанская побѣда произвела живую радость при обоихъ союзныхъ дворахъ, особенно въ Вѣнѣ, такъ какъ это было первымъ значительнымъ успѣхомъ Австрійцевъ въ полѣ съ самаго начала войны. Императрица Екатерина заплакала отъ удовольствія, поѣхала изъ Царскаго Села въ Петербургъ, прямо въ Казанскій соборъ, гдѣ и слушала благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ, въ присутствіи великихъ князей, вызванныхъ изъ Гатчины. Суворовъ былъ награжденъ бриліантовымъ крестомъ и звѣздой къ ордену Андрея Первозваннаго, а отъ Австрійскаго императора получилъ богатую табакерку съ бриліантовымъ шифромъ при очень любезномъ рескриптѣ. Кобургу пожалованъ большой крестъ ордена Маріи Терезіи [11]).

Императоръ отдавалъ Суворову лишь должное, даже меньше должнаго. Не будь Суворова, не было бы и побѣды, потому что принцъ Кобургскій ни въ какомъ случаѣ не отважился бы самъ собою на рѣшительныя наступательныя дѣйствія; все предшествовавшее и послѣдующее время служитъ неопровержимымъ тому доказательствомъ. Строго говоря, не прибытіе русскаго вспомогательнаго корпуса, а собственно присутствіе Суворова дало дѣлу толчокъ и побѣдный исходъ; въ такомъ именно смыслѣ выражается одинъ изъ старыхъ исторіографовъ Суворова [4]), и истинность этого положенія не подлежитъ сомнѣнію. Тутъ требовалось не увеличеніе силъ съ 18 на 25 тысячъ, а рѣшимость, энергія и дарованіе. Турки потому и были побѣждены, что все это, не доставшее Кобургу, Суворовъ принесъ съ собой.

И прежде Турки знали Суворова, но теперь онъ сталъ имъ особенно извѣстенъ; ему даже дали кличку. Передъ тѣмъ онъ какъ-то наступилъ на иголку, которая вошла ему въ ступню ноги и тамъ сломилась; сломанный конецъ трудно было вытащить и потому Суворовъ хромалъ. Его назвали Топалъ-паша, хромой генералъ.

Іюль прошелъ, а Потемкинъ ничего еще не сдѣлалъ; армія его продолжала медленно двигаться отъ Ольвіополя къ Днѣстру. Онъ опасался за Крымъ, за Кубань, колебался, раздумывалъ—

осаждать ли Бендеры или идти въ Молдавію, куда по слухамъ тянулись огромныя турецкія силы. Когда же наступательныя намѣренія великаго визиря показались Потемкину несомнѣнными, онъ приказалъ князю Репнину предпринять также наступательную операцію. Репнинъ выслалъ отрядъ для подкрѣпленія Суворова и сохраненія съ нимъ связи, а самъ направился противу наступавшаго корпуса Гассана (бывшаго капитанъ-паши). При Сальчахъ произошло 18 августа авангардное дѣло и затѣмъ ночное отступленіе Турокъ. Репнинъ пошелъ дальше, подошелъ къ Измаилу, самой сильной на Дунаѣ крѣпости, и сталъ въ пушечномъ отъ нея выстрѣлѣ. Русская артиллерія открыла сильный огонь; загорѣлось предмѣстіе, а за нимъ и городъ; въ крѣпостной стѣнѣ образовалась брешь. Войска съ петерпѣніемъ ждали штурма, находясь на ногахъ съ ранняго утра до вечера, но Репнинъ на это не отважился, убоясь «знатной потери и памятуя приказаніе Потемкина—сберегать людей». Ударили отбой; послѣ 2300 выпущенныхъ снарядовъ пальба замолкла; съ музыкой и барабаннымъ боемъ отступили войска, но по удостовѣренію очевидца, и съ весьма тяжелымъ чувствомъ [12]). Репнинъ пошелъ обратно прежнимъ путемъ и, перейдя р. Ларгу, остановился.

Великій визирь ввелъ Потемкина въ заблужденіе; наступленіе Гассана было только диверсіей для отвлеченія русскихъ силъ отъ Молдавіи, чтобы произвести тамъ сильный ударъ. Суворовъ былъ проницательнѣе и если не предвидѣлъ, то подозрѣвалъ замыселъ Турокъ. Онъ приготовился идти на соединеніе съ принцемъ Кобургскимъ при первой надобности, продвинулся для этого изъ Бырлада впередъ, къ Пуцени, чтобы находиться почти на одинаковомъ разстояніи отъ Галаца и Фокшанъ, оставилъ у Бырлада и Фальчи часть войскъ и приказалъ производить безпрестанныя развѣдки.

Вѣрность предположеній Суворова оправдалась въ самомъ скоромъ времени. Великій визирь собралъ огромную массу войскъ, перешелъ Дунай у Браилова и двинулся къ Рымнику. Принцъ Кобургскій узналъ про это черезъ лазутчиковъ и тотчасъ же обратился къ Суворову за помощью. Суворовъ получилъ извѣщеніе 6 сентября ночью, но не убѣжденный въ его справедливости и

обязанный наблюдать не только Фокшаны, но и Галацъ, онъ рѣшился выждать, пока обстоятельства разъяснятся несомнѣннымъ образомъ. Почти черезъ сутки приспѣлъ къ нему новый гонецъ Кобурга со вторичной просьбой и съ извѣщеніемъ, что визирь продвинулся еще впередъ, остановился въ разстояніи 4 часовъ пути отъ Австрійцевъ и потому на завтра надо ожидать атаки. Суворовъ увидѣлъ, что напраснымъ выжиданіемъ потратилъ много дорогого времени, а потому выступилъ ни мало не медля, въ полночь на 8 сентября, о чемъ и донесъ Потемкину. Потемкинъ тотчасъ же написалъ Государынѣ, пояснивъ, что «Кобургъ почти караулъ кричитъ» и что наши едва ли къ нему поспѣютъ во время [13]).

Въ самомъ дѣлѣ, обстоятельства сложились неблагопріятно для союзниковъ и затѣмъ стали усложняться новыми препятствіями. Суворовъ тронулся въ путь темною ночью; пройдя около 25 верстъ, войска достигли рѣчки Бырлада въ полдень 8 числа, перешли ее и сдѣлали короткій привалъ. Тронулись дальше по дорогѣ, ставшейся все хуже; верстъ чрезъ 15 предстояла новая переправа, чрезъ р. Серетъ, гдѣ по условію Австрійцы должны были навести понтонный мостъ. Моста не оказалось, по какому то недоразумѣнію онъ былъ наведенъ въ 14 или 15 верстахъ выше. Пошли туда по самой дурной дорогѣ; вечеромъ полилъ сильный дождь и разразилась буря; дорога превратилась въ болото. Однако кое какъ добрались среди ночи; авангардъ перешелъ, за нимъ тронулись карабинеры съ Суворовымъ во главѣ, но въ это время мостъ повредило вздувшейся водой. Переправа сдѣлалась болѣе, чѣмъ рискованной, слѣдовало выждать. Подошла пѣхота; измученные, промокшіе насквозь люди стояли по колѣно въ грязи, подъ проливнымъ дождемъ, и ждали. Суворовъ осмотрѣлъ окрестную мѣстность, выбралъ небольшую возвышенность, покрытую лѣсомъ, гдѣ по свойству почвы было не такъ грязно, и приказалъ перевести туда войска. Здѣсь они отдыхали до утра, при продолжавшемся ненастьѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано дежурному маіору Курису исправить мостъ. Согнали до 1,000 человѣкъ окрестныхъ жителей, нарядили 1,500 солдатъ, взяли въ работу австрійскихъ понтон-

ныхъ лошадей, и къ утру мостъ былъ готовъ. Буря пронеслась, небо прояснилось; войска ободрились и повеселѣли. На разсвѣтѣ тронулись въ путь, перешли Серетъ, сдѣлали около 20 верстъ по размытой дождями дорогѣ, передъ вечеромъ переправились черезъ р. Путну у Маринешти и расположились снова на отдыхъ.

Тяжела была ночь съ 8 на 9 сентября для войскъ, а для самого Суворова и того хуже. При своей энергической, бурной натурѣ, онъ испытывалъ Танталову муку, сидя сложа руки на мѣстѣ, когда нужно было идти и идти.

Нарочно для сокращенія пути въ случаѣ движенія на непріятеля, перешелъ онъ заранѣе изъ Бырлада въ Пуцени и оттуда внимательно слѣдилъ за Турками, а между тѣмъ потерялъ цѣлыя сутки, когда спѣшность именно и требовалась. Конечно не изъ нерѣшительности онъ такъ поступилъ, не въ колебаніяхъ пропало время; требовали того осторожность и осмотрительность. Тѣмъ не менѣе время было потеряно, и Суворовъ, цѣнившій въ военномъ дѣлѣ время выше всего, больше всякаго другого понималъ важность потери. Но въ этомъ самомъ обстоятельствѣ заключалась и надежда: у Суворова двойника не было, а взглядъ другихъ, особенно Турокъ, не отличался такой строгостью. Стала подтверждать это и дѣйствительность: Кобургъ безпрестанно посылалъ къ Суворову гонцовъ съ записочками, на которыхъ Суворовъ писалъ отвѣты карандашомъ; извѣщенія Кобурга ничего существенно-тревожнаго въ себѣ не заключали: Турки очевидно не торопились. Суворовъ могъ подъ конецъ успокоиться совершенно, но что онъ достигъ этого послѣ сильной внутренней тревоги, это явствуетъ изъ серьезности тогдашняго положенія дѣлъ и подкрѣпляется однимъ обстоятельствомъ. Находясь въ Пуцени, онъ страдалъ лихорадкой, походъ къ Рымнику дѣлалъ при самыхъ благопріятныхъ для развитія болѣзни условіяхъ, а между тѣмъ совершенно выздоровѣлъ. Такой неожиданный исходъ можетъ быть объясненъ только психическими причинами.

Рано утромъ, 10 сентября, русская легкая кавалерія подошла къ австрійскому лагерю и легко понять съ какою радостью была встрѣчена. Затѣмъ съ пѣхотою прибылъ Суворовъ; до полудня весь русскій отрядъ былъ на мѣстѣ и примкнулъ къ лѣвому

флангу Австрійцевъ, которые стояли на рѣкѣ Милькѣ, невдалекѣ отъ Фокшанъ, и уже два дня выдерживали довольно горячія авангардныя стычки съ Турками. Для Суворова тотчасъ же разбили шатеръ, навалили сѣна, и онъ принялся соображать дальнѣйшія дѣйствія.

Немного времени спустя пріѣхалъ къ нему принцъ Кобургскій; услышавъ имя принца, Суворовъ вскочилъ, бросился ему на-встрѣчу, крѣпко его обнялъ и нѣсколько разъ поцѣловалъ. Принцъ сталъ выражать ему свою радость, свою благодарность за своевременное прибытіе; Суворовъ, не охотникъ вообще до комплиментовъ и до траты словъ, когда ожидало спѣшное дѣло, не слушая Кобурга потащилъ его на сѣно и, разлегшись около, принялся объяснять свои предположенія. Онъ настаивалъ на необходимости безотлагательной атаки, потому что если Турки сами не атакуютъ, то значитъ поджидаютъ подкрѣпленій. Кобургъ замѣтилъ, что силы слишкомъ неравны, что Турокъ почти вчетверо больше, и атака будетъ очень рискованной. Суворовъ возразилъ, что при такомъ неравенствѣ силъ, только быстрая, смѣлая атака и обѣщаетъ успѣхъ; что при свойственномъ Туркамъ способѣ дѣйствій, множество ихъ умножитъ и безпорядокъ; да наконецъ, прибавилъ онъ съ усмѣшкою: «все же ихъ не столько, чтобы заслонить намъ солнце». Трудно было принцу Кобургскому убѣдиться въ томъ, что противорѣчило всему складу его понятій; онъ продолжалъ приводить разныя затрудненія въ родѣ изнуренія русскихъ войскъ, сильно-укрѣпленной непріятельской позиціи и т. п. Суворовъ его оспаривалъ и подъ конецъ нѣсколько раздраженный сказалъ, что если Кобургъ не раздѣляетъ его взгляда, то онъ, Суворовъ, атакуетъ Турокъ одними своими войсками и надѣется ихъ разбить [14]). Слова эти вѣроятно были приняты принцемъ за браваду, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ затрогивалась его военная честь, то онъ счелъ за лучшее согласиться.

Не стоитъ вдаваться въ предположеніе — исполнилъ ли бы Суворовъ вырвавшееся у него слово или нѣтъ, но ясно, что онъ прибѣгнулъ къ своей угрозѣ, какъ къ послѣднему средству. Передъ нимъ находился представитель тогдашняго, низко упавшаго

военнаго искуства, совершенно расходившагося съ Суворовскими принципами. Дѣло, которое Суворовъ строилъ на духовной натурѣ человѣка и обставлялъ цѣлою воспитательною системой, понималось другими въ видѣ какого-то графическаго искуства, требовавшаго кучи механическихъ подробностей, т.-е. дрессировки. При такой основной разницѣ взглядовъ, возможно ли было свободное соглашеніе и не слѣдовало ли разрубить Гордіевъ узелъ вмѣсто его развязыванія? Не даромъ Суворовъ, передъ фокшанскимъ дѣломъ, уклонился отъ бесѣды съ Кобургомъ; онъ и теперь готовъ бы былъ прибѣгнуть къ этому средству, но послѣ фокшанскаго знакомства оно сдѣлалось невозможнымъ.

Атака турецкихъ позицій такимъ образомъ была рѣшена, и великому визирю предстояла жестокая расплата за непростительную трату времени и ничѣмъ неизвинимое бездѣйствіе въ виду одного корпуса принца Кобургскаго. Надо было только развить подробности плана дѣйствій. Суворовъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ и небольшой партіи казаковъ отправился на рекогносцировку, къ рѣкѣ Рымнѣ, и чтобы лучше обозрѣть мѣстность, взлѣзъ на дерево. Отсюда онъ охватилъ глазомъ пространство между рѣчками Рымною и Рымникомъ, гдѣ была расположена огромная турецкая армія на крѣпкой позиціи. Внимательно смотрѣлъ онъ вокругъ, запоминая подробности; диспозиція мало-по-малу складывалась у него въ мысляхъ, и онъ поѣхалъ назадъ съ готовымъ въ головѣ планомъ. Встрѣтивъ два австрійскіе эскадрона, любезно посланные Кобургомъ ему въ конвой, Суворовъ пріѣхалъ къ принцу, сообщилъ ему видѣнное и обѣщалъ прислать довѣренное лицо, для окончательнаго соглашенія. Возложивъ это на полковника Золотухина, онъ отправился къ себѣ, чтобы приготовить войска къ предстоящему бою и, по всей вѣроятности, чтобы отдохнуть, такъ какъ съ выступленія изъ Пуцени онъ не смыкалъ глазъ.

Какъ только солнце зашло, войска тронулись двумя колоннами; правую составляли русскія войска, съ двумя дивизіонами австрійской кавалеріи; лѣвую австрійскія. Перешли рѣчку Мильку въ бродъ и продолжали движеніе въ совершенной тишинѣ, дабы явиться передъ непріятелемъ внезапно; какъ и передъ дѣломъ

при Фокшанахъ, сигналовъ не давали, командныя слова произносили вполголоса. Ночь была безлунная, но звѣздная; движеніе произведено дѣйствительно скрытно, хотя и не безъ нѣкоторой путаницы, такъ какъ часть русскихъ войскъ сбилась съ пути по ошибкѣ проводника и столкнулась съ Австрійцами. Прошли верстъ 12 или 14; рѣку Рымну, шириною въ 200 шаговъ, но мелководную, перешли въ бродъ; а для переправы артиллеріи употребили сильныхъ лошадей австрійскаго понтоннаго парка. Времени пошло на переправу много, но совершена она въ тишинѣ и порядкѣ, и войска построились на разсвѣтѣ въ такой же боевой порядокъ, какъ при Фокшанахъ. Австрійцы имѣли 6 пѣхотныхъ каре въ первой линіи, 4 во второй, затѣмъ кавалерія; русскія войска тоже имѣли первыя двѣ линіи изъ пѣхоты, а конницу сзади; часть ея впрочемъ находилась на флангахъ. Первою линіей Русскихъ командовалъ генералъ-маіоръ Позняковъ, второю бригадиръ Вестфаленъ, кавалеріею бригадиръ Бурнашовъ.

Суворовъ долженъ былъ идти паралельно Рымнѣ вправо, Кобургъ же прямо, подавшись довольно много въ правую сторону; для поддержанія связи между Русскими и Австрійцами назначена часть австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Карачая. Численность обоихъ корпусовъ была приблизительно та же, что и при Фокшанахъ.

Когда солнце встало, войска уже двигались, доселѣ никѣмъ не замѣчаемыя: до такой степени была дурно распоряжена и исполнялась аванпостная служба въ турецкой арміи. Турки повѣрили своему шпіону, будто Русскіе находятся по прежнему въ Пуценп, и хотя одинъ русскій офицеръ, взятый съ нѣсколькими казаками въ плѣнъ и при началѣ боя распрашиваемый визиремъ, увѣрялъ его, что Суворовъ находится здѣсь, съ сильнымъ корпусомъ, но визирь замѣтилъ, что Суворовъ умеръ отъ ранъ въ Кинбурнѣ, и это должно быть его однофамилецъ.

Наконецъ Турки увидѣли наступающаго непріятеля и выслали противъ него конныя толпы. Суворовъ продолжалъ двигаться по направленію къ с. Тыргокукули, густымъ высокимъ бурьяномъ и кукурузными полями, гдѣ верстахъ въ 4—5 отъ мѣста переправы находился 12,000-ный турецкій лагерь, тя-

нувшійся отъ р. Рымны до лѣса Каята и защищенный батареей. Большія турецкія орудія открыли огонь, Русскіе прибавили шагу, но неожиданно наткнулись на глубокую лощину, лежавшую поперегъ ихъ пути, черезъ которую пролегала одна только дорога. Первая линія замялась подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ Турокъ, но Суворовъ, находившійся при одномъ изъ каре, не далъ времени раздумывать. Онъ приказалъ правому крылу спускаться, потомъ подняться и атаковать; 2 батальона Фанагорійскихъ гренадеръ исполнили это, бросились на батарею и выгнали Турокъ. Тѣмъ временемъ стали постепенно переходить лощину остальныя каре линіи, и шедшая на правомъ флангѣ кавалерія, обогнувъ оврагъ, атаковала Турокъ. Подоспѣло до 3—4,000 спаговъ, подвезя на своихъ лошадяхъ 2 —3,000 янычаръ; русская кавалерія была охвачена и опрокинута, и янычары съ ятаганами и кинжалами бѣшено ударили на гренадеръ. Каре дало твердый отпоръ, а другое, съ Суворовымъ, взяло атакующихъ во флангъ и сильно поражало артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. Съ полчаса Турки упорствовали въ атакахъ, но безуспѣшно. Поражаемые огнемъ и атакованные въ свою очередь гренадерами въ штыки, а кавалеріею съ фланга, они бѣжали, по прежнему по два всадника на лошади, преслѣдуемые русской кавалеріей. Между тѣмъ казаки и арнауты успѣли еще раньше ворваться въ турецкій лагерь, откуда добрая половина войскъ въ самомъ началѣ боя бѣжала по букарестской дорогѣ. Они встрѣтили атакой опрокинутую турецкую кавалерію, которая поэтому промчалась мимо своего лагеря и разсѣялась въ двѣ разныя стороны. Суворовъ велѣлъ дать бѣгущимъ «золотой мостъ», объясняя въ своемъ донесеніи, что впереди ему предстояло дѣло поважнѣе.

Пока все это происходило, Кобургъ, тронувшійся съ мѣста позже Суворова, наступалъ лѣвѣе его на большой турецкій лагерь, находившійся впереди Крынгумейлорскаго лѣса. Такимъ образомъ два союзные корпуса образовали собою прямой исходящій уголъ, съ большимъ въ вершинѣ угла промежуткомъ, который охранялся отрядомъ генералъ-маіора Карачая. На Австрійцевъ Турки повели нѣсколько сильныхъ послѣдовательныхъ

атакъ съ обоихъ фланговъ, особенно съ лѣваго, но были постоянно отбиваемы и прогоняемы австрійской кавалеріей. Затѣмъ визирь, обративъ вниманіе на большой промежутокъ между Русскими и Австрійцами, рѣшился направить ударъ въ это мѣсто, разрѣзать союзниковъ и истребить ихъ. Сюда двинулась отъ дер. Боксы масса турецкой конницы, силою отъ 15 до 20,000 и, раздѣлившись на двѣ части, ударила на Австрійцевъ и на Русскихъ. Ударъ былъ такой ужасный, что правое крыло Австрійцевъ съ трудомъ устояло. Карачай семь разъ бросался въ атаку и семь разъ былъ отбитъ; Суворовъ подкрѣпилъ его двумя батальонами. Въ концѣ концовъ, хотя съ огромными усиліями, но Турки все таки были отброшены. Не больше успѣха имѣло ихъ нападеніе на лѣвый флангъ 2 линіи Суворова, которая не успѣла еще вся перейти черезъ оврагъ. Суворовъ поставилъ среднее каре такимъ образомъ, чтобы встрѣтить Турокъ перекрестнымъ огнемъ, и выдвинулъ изъ 3 линіи часть кавалеріи. Турки кидались въ атаку не разъ, даже иногда прорывались въ каре, но благодаря стойкости войскъ, ихъ выдержанному ружейному огню и атакамъ русско-австрійской кавалеріи, были отбиты. Они рѣшились на послѣднее усиліе: соединившись съ толпами, отброшенными отъ лѣваго австрійскаго фланга, налетѣли со слѣпою яростью на русскія каре. Ихъ встрѣтилъ губительный огонь и атака Карачая въ правый флангъ; Турки отхлынули и, по пятамъ преслѣдуемые, понеслись къ дер. Боксѣ.

Суворовъ направилъ свой отрядъ влѣво, частью черезъ лѣсъ Каята, частью въ обходъ его съ обѣихъ сторонъ, перемѣнивъ такимъ образомъ фронтъ отъ Тыргокукули къ Крынгумейлорскому лѣсу, т.-е. почти подъ прямымъ угломъ. Маневръ исполненъ совершенно благополучно, Турки бѣжали изъ Каяты, русскія каре стали выстраиваться въ линію по новому направленію. Не доходя версты 3 или 4 до Крынгумейлорскаго турецкаго лагеря, Суворовъ остановилъ свои войска около полудня и, пользуясь близостью колодцевъ, далъ имъ отдыхъ. Прекратили бой также Австрійцы, да и Турки, какъ бы по безмолвному соглашенію съ непріятелемъ, приняли выжидательное положеніе.

Самое трудное было исполнено: движеніе вдоль главнаго ту-

рецкаго лагеря, взятіе фланговаго отдѣльнаго лагеря при Тыргокукули и перемѣна фронта. Кобургъ, отбивъ атаки турецкой конницы, тоже продвинулся нѣсколько впередъ. Интервалъ между корпусами австрійскимъ и русскимъ уменьшился, но все-таки былъ значителенъ, да притомъ оба корпуса находились еще далеко не на одной высотѣ относительно другъ друга.

Полчаса съ небольшимъ отдыхали войска, а Суворовъ въ это время осматривалъ впереди лежащую мѣстность. По западной опушкѣ Крынгумейлорскаго лѣса, куда вели Австрійцы атаку, расположены были главныя турецкія силы и тянулся длинный неоконченный ретраншаментъ, на которомъ и въ это время еще производились работы. Позиція была крѣпкая. Оба ея фланга прикрывались глубокими, топкими оврагами, по которымъ протекали рѣчки, и хоть между лѣвымъ флангомъ и оврагомъ тянулась узкая полоса, удобная для движенія, но за то впереди его лежала деревня Бокса, укрѣпленная батареями, которыя обстрѣливали къ ней подступъ и анфилировали Крынгумейлорскую позицію.

Суворовъ положилъ овладѣть Боксой и потомъ атаковать крынгумейлорскую позицію. Въ часъ дня войска поднялись и тронулись, -Русскіе на лѣвый турецкій флангъ, Австрійцы на центръ и правый. Тысячъ сорокъ Турокъ бросились въ атаку на корпусъ Кобурга со всѣхъ сторонъ, преимущественно на лѣвое крыло. Удары слѣдовали почти безъ перерыва, но австрійская пѣхота держалась мужественно, а кавалерія врубалась въ непріятельскія толпы, окруженная и тѣснимая открывала себѣ обратный путь и снова атаковала съ замѣчательной отвагой. Принцъ Кобургскій, окруженный громадными полчищами, не безъ тревоги замѣчалъ, что непріятеля не убывало, а прибывало и что отбитыя толпы постоянно смѣнялись свѣжими. Повидимому наступала критическая минута, и не въ состояніи будучи превозмочь свое душевное волненіе, принцъ посылалъ офицера за офицеромъ къ Суворову, прося его поскорѣе присоединиться.

Суворовъ не могъ еще этого сдѣлать. Онъ двигался по направленію на Боксу, подъ выстрѣлами тамошнихъ батарей и

при налетахъ турецкой конницы. Русская артиллерія дѣйствовала такъ удачно, что Турки два раза свозили свои орудія съ позиціи, наконецъ убрали ихъ совсѣмъ и очистили Боксу. Суворовъ «держалъ маршъ паралельный, вдоль черты принца Кобурга», занялъ Боксу и продолжалъ движеніе къ Крынгумейлорскому лѣсу. Спаги производили безпрерывныя атаки; изъ нихъ одна была очень сильная, такъ что казаки и арнауты были совершенно ею смяты, но регулярныя войска выдержали, и отбитые Турки понеслись назадъ, подъ ударами русскихъ карабинеръ и австрійскихъ гусаръ. На полномъ маршѣ Суворовъ велѣлъ карeямъ первой линіи раздвинуться, части кавалеріи занять эти интервалы, части казаковъ и арнаутамъ помѣститься по флангамъ, остальнымъ казакамъ въ резервѣ, а австрійскимъ эскадронамъ на окопечности лѣваго фланга. Въ такомъ порядкѣ войска его приближались къ турецкому ретраншаменту при непрерывномъ дѣйствіи артиллеріи своей и турецкой, сближаясь съ австрійскимъ корпусомъ и наконецъ составивъ съ нимъ одну общую, нѣсколько вогнутую линію.

Турки занимали ретраншаментъ и опушку очень рѣдкаго Крынгумейлорскаго лѣса пѣхотой и артиллеріей, а конница прикрывала фланги. Суворовъ послалъ полковника Золотухина къ принцу Кобургскому—передать предположеніе къ атакѣ и просить объ одновременномъ и однородномъ дѣйствіи; принцъ на все согласился. Такимъ образомъ оба корпуса продолжали движеніе подъ учащеннымъ огнемъ турецкихъ батарей; союзная артиллерія отвѣчала имъ все съ большимъ успѣхомъ, по мѣрѣ сокращенія пространства, и наконецъ заставила замолчать. Въ непріятельскихъ рядахъ произошло движеніе,—признакъ приближающейся развязки: болѣе робкіе стали уходить, болѣе смѣлые готовились къ отпору. Минута наступила жуткая, внушительная.

Когда атакующіе подошли къ непріятелю саженъ на 300 или на 400, конница по данному знаку бросилась изъ интерваловъ всей линіи полнымъ карьеромъ въ атаку, а за нею съ удвоенною скоростью пошла пѣхота. Такъ какъ ретраншаментъ турецкій далеко еще не былъ похожъ на оконченное укрѣпленіе,

то кавалерія безъ труда перескочила рвы и бруствера и врубилась въ толпы янычаръ, оторопѣвшихъ при видѣ такой небывалой атаки. «Не можно довольно описать сего пріятнаго зрѣлища», говоритъ Суворовъ въ своемъ донесеніи про кавалерійскую атаку окоповъ. Но впечатлѣніе неожиданности скоро прошло подъ сабельными ударами союзниковъ, и янычары стали защищаться съ яростью отчаянія. Казаки и арнауты съ праваго русскаго крыла и австрійскіе уланы съ арнаутами съ лѣваго австрійскаго, атаковали турецкую кавалерію и ворвались въ лѣсъ. Вслѣдъ затѣмъ, съ грозными раскатами «ура», подоспѣла и ударила пѣхота, никѣмъ не тревожимая на ходу. Суворовъ, находившійся почти весь день въ постоянномъ огнѣ, былъ тутъ же и кричалъ солдатамъ: «ребята, смотрите непріятелю не въ глаза, а на грудь: туда придется всадить ваши штыки» [1]). Началась страшная рѣзня, а затѣмъ безпорядочное бѣгство Турокъ. Въ 4 часа дня побѣда была обезпечена.

Турки бѣжали къ Мартинешти на р. Рымникѣ, гдѣ находился ихъ третій самый большой лагерь, верстахъ въ 6 отъ Крынгумейлорскаго лѣса. Союзники преслѣдовали ихъ настойчиво и безпощадно: непріятелей было слишкомъ много, чтобы забирать ихъ въ плѣнъ. Небольшая часть союзныхъ войскъ осталась на мѣстѣ, охраняя взятую артиллерію, очищая и занимая лѣсъ; остальные гнали, рубили и кололи Турокъ. Кобургъ обогнулъ лѣсъ слѣва, Суворовъ съ Карачаемъ справа, направляя въ лѣсъ выстрѣлы. Преслѣдованіе производила собственно кавалерія, пѣхота не поспѣвала. Тутъ отбито нѣсколько тысячъ повозокъ, пушки, зарядные ящики; подъ эти послѣдніе Турки приспособляли зажженые фитили и взрывами наносили союзникамъ немалый вредъ.

Во время сраженія великій визирь находился на крынгумейлорской позиціи. Онъ страдалъ изнурительной лихорадкой, а потому ѣздилъ въ колескѣ; но когда бой разгорѣлся и сдѣлался вѣроятнымъ дурной его исходъ, визирь въ первомъ возбужденіи пересѣлъ на коня. Онъ дѣлалъ все возможное, чтобы собрать войска и возстановить бой; убѣждалъ ихъ священными для мусульманъ именами, подымалъ и показывалъ коранъ, даже при-

бѣгнулъ къ силѣ, приказавъ артиллеріи стрѣлять по бѣглецамъ изъ лагеря при Мартинешти. Орудія сдѣлали 10 выстрѣловъ, но ничто не дѣйствовало; Турки были слишкомъ глубоко потрясены нравственно, и визирь съ поспѣшностью уѣхалъ по браиловской дорогѣ.

Вся обширная равнина между Крынгумейлоромъ и р. Рымникомъ была буквально покрыта турецкими тѣлами; здѣсь, при преслѣдованіи Турокъ, полегло ихъ гораздо больше, чѣмъ во время сраженія. Переправа чрезъ р. Рымникъ у Мартинешти прикрывалась земляными окопами, но ихъ никто уже не думалъ защищать: паника овладѣла всѣми безъ исключенія. На мосту столпились обозы въ совершенномъ безпорядкѣ, загородя единственный путь бѣгущимъ; Турки бросились вплавь, но на ихъ бѣду вода была выше обыкновеннаго уровня, и они тонули во множествѣ, особенно когда подоспѣли союзники и стали громить ихъ выстрѣлами. Только наступившая ночь дала несчастнымъ бѣглецамъ перевести на время духъ [7]).

Чуть ли не столько же нуждались въ отдыхѣ и Русскіе съ Австрійцами, послѣ цѣлыхъ сутокъ усиленнаго похода и упорнаго боя. Они расположились бивакомъ передъ Мартинешти, въ полуверстѣ одни отъ другихъ. Принцъ Кобургскій въ сопровожденіи огромной свиты пріѣхалъ къ Суворову; оба они молча бросились другъ другу на шею и крѣпко обнялись. Русскіе и Австрійцы послѣдовали примѣру своихъ предводителей; взаимныя привѣтствія, поздравленія, объятія были тѣмъ искреннѣе, чѣмъ труднѣе досталась побѣда. Суворовъ опять отличилъ передъ всѣми Карачая, назвавъ его истиннымъ героемъ и заявивъ во всеуслышаніе, что онъ больше всѣхъ другихъ содѣйствовалъ одержанію побѣды. Этимъ благороднымъ признаніемъ заслугъ союзника и подчиненнаго, Суворовъ заполонилъ его сердце. Карачай не отходилъ отъ него остатокъ дня ни на шагъ, и всю свою жизнь питалъ къ нему сыновнюю преданность и глубокое уваженіе Что касается до принца Кобургскаго, то его признательность къ Суворову и добрыя, искреннія къ нему отношенія, зародившіяся при Фокшанахъ, были теперь окончательно скрѣплены; слѣдуя влеченію своего честнаго сердца, онъ откровенно

называлъ Суворова своимъ учителемъ. Нельзя не сознаться, что подобное признаніе было голой правдой, безъ всякихъ комплиментовъ, хотя уроки Суворова не имѣли для медлительнаго и малоспособнаго Кобурга дальнѣйшихъ послѣдствій. Суворовъ двукратно увлекъ Австрійцевъ къ побѣдѣ своимъ неотразимымъ нравственнымъ вліяніемъ и боевою авторитетностью; это же вліяніе, вмѣстѣ съ чувствомъ благороднаго соревнованія, заставило ихъ развернуть въ обѣихъ дѣлахъ, особенно въ послѣднемъ, необычную для нихъ въ тѣ времена энергію. Суворовъ выбилъ ихъ изъ глубокой колеи и указалъ настоящій путь къ побѣдѣ. Заимствовавъ даже свой боевой порядокъ отъ Суворова и убѣдившись въ его практической раціональности, войска принца Кобургскаго были особенно поражены смѣлостью и вѣрностью его наступательнаго принципа. Это Суворовское sine qua non побѣды, замѣчено было простыми солдатами, и въ рядахъ австрійскаго корпуса сложилось мѣткое прозвище Суворову: «генералъ впередъ». Словцо дошло до свѣдѣнія Суворова и доставило ему искреннее удовольствіе; онъ и впослѣдствіи вспоминалъ эту боевую оцѣнку его особы, самодовольно усмѣхаясь.

Было взято три турецкихъ лагеря, но оставался еще четвертый, за Рымникомъ, верстахъ въ 4 отъ ночлега; объ этомъ лагерѣ союзники ничего не знали, потому что подошли къ Мартинешти уже въ темноту. Его открыли на другое утро партіи казаковъ и арнаутовъ, перебили тамъ нѣсколько сотъ Турокъ и завладѣли богатой добычей. Это былъ лагерь самого великаго визиря; въ добычу досталась и его ставка, убранная изнутри золотой и серебряной парчей. Захвативъ лагерь, легкая кавалерія продолжала преслѣдованіе, а одинъ австрійскій батальонъ очистилъ Крынгумейлорскій лѣсъ отъ бродившихъ и спрятавшихся тамъ Турокъ. Визирь бѣжалъ по дорогѣ на Браиловъ, чрезъ мостъ на р. Бузео. Переѣхавъ мостъ съ передовыми, онъ велѣлъ его взорвать, такъ что послѣдующимъ бѣглецамъ пришлось переправляться чрезъ Бузео вплавь, и опять ихъ много потонуло. Оставшіяся на лѣвомъ берегу рѣки турецкія толпы разсѣялись въ разныя стороны, спасаясь отъ преслѣдованія

легкой кавалеріи; обозы, которымъ удалось добраться до этихъ мѣстъ, были разграблены окрестными поселянами.

Такимъ образомъ Турки понесли сильнѣйшее пораженіе, которое произвело на нихъ тѣмъ болѣе деморализующее вліяніе, что они были увѣрены въ побѣдѣ; еще въ прошломъ году тотъ же самый великій визирь разбилъ Австрійцевъ дважды на голову. Онъ даже заготовилъ цѣпи для заковыванія плѣнныхъ; одну изъ такихъ цѣпей доставили потомъ къ принцу Кобургскому, и онъ писалъ объ этомъ Суворову [15]). Задавленный впечатлѣніями 11 сентября, визирь просилъ увольненія и умеръ отъ давней своей болѣзни, чахотки.

Побѣда при Рымникѣ есть одно изъ самыхъ выдающихся проявленій Суворовскаго военнаго дарованія, столько же внѣшнимъ образомъ блестящее, сколько по сущности своей капитальное. На долю свою и своего малочисленнаго корпуса Суворовъ взялъ самую трудную задачу и исполнилъ ее съ мастерствомъ неподражаемымъ. Трудно вѣрить, слѣдя за ходомъ дѣла, что оно происходило при страшномъ численномъ перевѣсѣ турецкихъ силъ. А между тѣмъ это фактъ безспорный; свѣдѣнія о численности турецкой арміи различны, но они колеблются только между предѣлами 90 и 115 тысячъ человѣкъ. Справедливо оцѣняя качество одержанной побѣды, Суворовъ ознаменовалъ ее особымъ торжествомъ. Войска его, сходясь на полѣ сраженія въ одно большое каре для слушанія благодарственнаго молебна, по его приказанію запаслись зелеными вѣтвями. Когда молебенъ былъ отслуженъ, Суворовъ держалъ слово, тема котораго вращалась на побѣдѣ, чести, славѣ и лаврахъ, и по окончаніи этой рѣчи, каждый бывшій въ строю увѣнчалъ себя побѣдною вѣтвью. Особенно гордясь рымникской побѣдой, Суворовъ собственноручно написалъ о ней длинную реляцію, на 12 страницахъ [16]).

Если бы за пораженіемъ Турокъ при Рымникѣ послѣдовали энергическія наступательныя дѣйствія за Дунай, къ Балканамъ, то война, по всей вѣроятности, могла бы окончиться въ томъ же году, такъ какъ главныя силы Отоманской Порты почти не существовали, разбѣжавшись по переходѣ черезъ Дунай. Суворовъ и просилъ подкрѣпленія, чтобы двинуться за Дунай, но без-

успѣшно. Подобные взгляды и предположенія далеко превышали уровень военныхъ способностей Потемкина, который сверхъ того внесъ нѣкоторую долю горечи въ добрыя отношенія союзниковъ, скрѣпленныя-было новой блестящей побѣдой. Вечеромъ 11 сентября, на полѣ сраженія, принцъ Кобургскій получилъ отъ него письмо съ довольно рѣзкими замѣчаніями на счетъ его, Кобурга, медленности и очень этимъ оскорбился.

Уронъ Турокъ 11 сентября простирался до 15,000 человѣкъ; въ плѣнъ взято не больше нѣсколькихъ сотъ. Побѣдителямъ достались 100 знаменъ, 80 орудій, цѣлыя стада скота, нѣсколько тысячъ повозокъ съ разнаго рода имуществомъ; вообще добыча была очень велика. Потеря союзниковъ опредѣляется въ 600 человѣкъ съ небольшимъ, въ томъ числѣ Русскихъ меньше 200; но вѣрность этихъ цифръ подлежитъ сомнѣнію, въ виду продолжительности боя и нѣсколькихъ кровопролитныхъ его фазисовъ. Во всякомъ случаѣ она должна быть несоразмѣрно мала сравнительно съ непріятельскою, такъ какъ громадную долю всей своей потери Турки понесли во время бѣгства и при переправахъ чрезъ рѣки.

Получивъ донесеніе о побѣдѣ, Потемкинъ писалъ Суворову: «объемлю тебя лобызаніемъ искреннимъ и крупными словами свидѣтельствую мою благодарность. Ты, мой другъ любезный, неутомимою своею ревностью возбуждаешь во мнѣ желаніе имѣть тебя повсемѣстно... Если мнѣ слава, слава, то вамъ честь, честью...» Государыня была восхищена и того болѣе. Отвѣчая на шуточное поздравительное посланіе принца де-Линя, она назвала Суворова и Кобурга «loyals et illustres chevaliers». Былъ отслуженъ въ придворной церкви молебенъ при огромномъ стеченіи имѣющихъ пріѣздъ ко двору; произведено 101 выстрѣлъ; архіереи говорили поздравительныя рѣчи; курьеръ Потемкина, подполковникъ Зубовъ, получилъ слѣдующій чинъ. Екатерина даже цитировала окружающимъ письмо Суворова, полученное его дочерью, гдѣ говорилось, что въ самый день рымникской побѣды, много лѣтъ назадъ онъ разбилъ Огинскаго. Еще сильнѣе былъ восторгъ Австрійцевъ. Въ одномъ современномъ письмѣ читаемъ: «тужившій объ участи Кобурга цесарскій посолъ (при

Петербургскомъ дворѣ), пробудясь аки отъ сна, предался вдругъ веселію и, упоенный паче прочихъ радостью, имѣлъ при семъ случаѣ на счетъ разбитаго визиря церемоніяльный во дворецъ въѣздъ». Безбородко пишетъ одному изъ графовъ Воронцовыхъ, что «Австрійцы отъ сна возстали, но уже и загордились успѣхами;.. не спорятъ однакоже, что Суворовъ рѣшилъ принца Кобургскаго атаковать Турокъ, а то было уже стали на оборонительную ногу». Признаніе это выразилось и въ рескриптѣ императора Іосифа Суворову, гдѣ сказано: «совершенно признаю, что я побѣдою обязанъ наипаче вашему скорому соединенію съ принцемъ Кобургскимъ». Факты эти многозначительны; подобныя признанія очень туго сходятъ съ языка и пера, ибо затрогиваютъ національное самолюбіе. Если они были сдѣланы даже въ такой скромной формѣ, то значитъ истина рѣзко бросалась въ глаза [17]). И дѣйствительно, не было возможности ее скрыть. Одинъ австрійскій офицеръ, участникъ рымникскаго сраженія, писалъ, что «почти невѣроятно то, что о Русскихъ разсказываютъ: они стоятъ какъ стѣна, и все должно пасть передъ ними». Онъ приводитъ въ примѣръ русскаго безстрашія такой случай (упоминаемый и другимъ писателемъ). Когда корпусъ Суворова, направляясь на Тыргокукули, перешелъ глубокій оврагъ и атаковалъ первое укрѣпленіе, то разразился ужаснымъ, дикимъ хохотомъ, «какимъ смѣются Клопштоковы черти»; хохотъ этотъ смутилъ и потрясъ Австрійцевъ. Разсказчикъ недоумѣваетъ, что́ бы могъ значить этотъ неестественный смѣхъ, а между тѣмъ дѣло было по всей вѣроятности самое простое: наши смѣшливые солдаты замѣтили что-нибудь забавное и расхохотались. Конечно, для смѣха въ такую пору, подъ жерлами непріятельскихъ пушекъ, надо имѣть закаленную душу, но разсказчикъ не даромъ же сознается, что Суворовская пѣхота лучше австрійской.

На этотъ разъ Государыня, всегда щедрая, выказала свое благоволеніе особенно; главныя награды однако все-таки были продиктованы ей Потемкинымъ. Сентября 22 онъ ей пишетъ: «ей, матушка, онъ заслуживаетъ вашу милость, и дѣло важное; я думаю, что́ бы ему, но не придумаю. Петръ Великій гра-

фами за ничто жаловалъ; коли-бъ его съ придаткомъ *Рымникскій?*» Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ Государынѣ наградить побѣдителя еще Георгіемъ 1 класса. Екатерина пожаловала Суворова графомъ Русской имперіи съ прозваніемъ *Рымникскаго*, назначила ему орденъ Георгія 1 класса, бриліантовый эполетъ и весьма богатую шпагу, пояснивъ: «хотя цѣлая телѣга съ бриліантами уже накладена, однако кавалеріи Егорья большого креста посылаю по твоей просьбѣ, онъ того достоинъ;.. осыпавъ его алмазами, думаю, что казистъ будетъ». Но и этого Государынѣ казалось мало; въ тотъ же день, 18 октября, она пишетъ Потемкину третье письмо, говоря: «къ вещамъ для Суворова я прибавила еще перстень, буде вещи тебѣ покажутся недовольно богаты». Сообщая Суворову о монаршихъ награжденіяхъ, Потемкинъ пишетъ: «вы конечно во всякое время равно пріобрѣли славу и побѣды, но не всякій начальникъ съ равнымъ мнѣ удовольствіемъ сообщилъ бы вамъ воздаяніе; скажи, графъ Александръ Васильевичъ, что я добрый человѣкъ: такимъ я буду всегда». Суворовъ, вообще знавшій себѣ цѣну, тѣмъ не менѣе былъ изумленъ такою оцѣнкою его заслугъ и отвѣчалъ Государынѣ на ея рескриптъ: «неограниченными, неожидаемыми и незаслуженными мною милосердіями монаршими Вашими, великая Императрица, я теперь паки пововербованный рекрутъ»; онъ обѣщаетъ ей служить до смерти и въ заключеніе говоритъ: «великодушный мой начальникъ, великій мужъ князь Григорій Александровичъ, да процвѣтетъ славнѣйшій вѣкъ царствованія Вашего въ позднѣйшія времена». Не менѣе восторженно было его письмо къ правителю канцеляріи Потемкина, Попову. Указывая на какую высоту онъ, Суворовъ, поднялся изъ темнаго ничтожества, онъ говоритъ: «Долгій вѣкъ князю Григорію Александровичу; увѣнчай его Господь Богъ лаврами, славою; великой Екатерины вѣрноподданные да питаются отъ тука его милостей. Онъ честный человѣкъ, онъ добрый человѣкъ, онъ великій человѣкъ. Счастье мое за него умереть» [18]).

Украшенная бриліантами шпага была пожалована Екатериною и принцу Кобургскому. Австрійскій императоръ тоже высказалъ свою признательность побѣдителямъ, пожаловавъ Суворову

графскій титулъ Священной Римской имперіи, а Кобургу званіе фельдмаршала.

Съ понятною гордостью написалъ Суворовъ своей дочери письмо, начавъ его словами: «графиня двухъ имперій». Но не эта награда произвела на него наиболѣе глубокое впечатлѣніе, т.-е. отвѣчала его затаеннымъ желаніямъ и надеждамъ, а Георгій I класса. «Скажи Софьѣ Ивановнѣ (начальницѣ) и сестрицамъ (институткамъ), у меня горячка въ мозгу, да кто и выдержитъ! Слышала ли сестрица, душа моя? Еще отъ моей magnanime mère рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому, знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ (за Фокшаны), да выше всего голубушка, первый классъ св. Георгія: вотъ каковъ твой папенька за доброе сердце. Чуть право отъ радости не умеръ». Да и какъ было не радоваться; это не было только милостью, знакомъ благоволенія, какіе доставались Потемкину и инымъ; это было засвидѣтельствованіемъ дѣйствительной, выходящей изъ ряда заслуги передъ отечествомъ. Но подобное признаніе заслуги имѣетъ свои неудобства, свои терніи: оно возбуждаетъ зависть и зарождаетъ въ завистникахъ желаніе— найти несоотвѣтственность между заслугой и ея оцѣнкой. Такъ случилось и съ Суворовымъ. Пожалованное ему графское достоинство особенно раздражило и обезпокоило завистниковъ; въ Петербургѣ больше прежняго стали говорить, что успѣхомъ своимъ онъ обязанъ не дарованіямъ, а исключительно счастію. Одно изъ довѣренныхъ лицъ Потемкина, сообщая ему эту замѣтку, прибавляетъ, что такой взглядъ распространенъ впрочемъ только въ чиновномъ людѣ [19]); къ этому надо еще прибавить, что конечно только въ высшихъ сферахъ.

Разумѣется, не на Суворовѣ одномъ выразилась признательность Императрицы за блестящую побѣду; подкомандующіе и офицеры получили повышенія и ордена, солдаты денежныя награды, а болѣе отличившимся пожалованы кромѣ того серебряныя медали съ надписью: *Рымникъ*. Суворовъ два раза представлялъ списки отличившимся, не безъ опасенія надоѣсть Потемкину, но приводилъ въ свое оправданіе, что «*гдѣ меньше войска, тамъ больше храбрыхъ*». Старшіе генералы, въ томъ

числѣ Дерфельденъ, въ списки не вошли: они въ дѣлѣ не участвовали, оставшись по болѣзни дома. Дерфельденъ былъ серьезно боленъ [20]).

На третій или четвертый день Суворовъ разстался съ принцемъ Кобургскимъ и малыми переходами двинулся къ мѣсту прежняго своего расположенія. Остановившись у Текуча, онъ простоялъ тутъ нѣсколько дней, написалъ реляцію, потомъ продолжая походъ, прибылъ въ Бырладъ въ послѣднихъ числахъ сентября. Тутъ долгое время пришлось ему оставаться безъ дѣла и даже отдѣлить часть своихъ силъ въ помощь Потемкину къ Бендерамъ.

Успокоенный рымникской побѣдой со стороны великаго визиря, Потемкинъ направилъ всѣ свои усилія на овладѣніе Бендерами. Взятъ былъ замокъ Гаджибей, вслѣдъ за нимъ Паланка, за нею Акерманъ сдался на капитуляцію, армія Потемкина окружила Бендеры. Крѣпость была сильная и гарнизонъ ея многочисленный, но командующій паша или по малодушію, или закупленный Потемкинымъ, сдалъ ее и самъ предпочелъ остаться у Русскихъ, а гарнизонъ и населеніе отправились къ Дунаю. Суворовъ поздравилъ Потемкина, говоря, что въ томъ столѣтіи ни одна турецкая важная крѣпость «не сдавалась Русскимъ такъ пріятно [21]). Государыня наградила Потемкина великолѣпнымъ золотымъ лавровымъ вѣнкомъ. «Не даромъ я тебя люблю и жаловала», писала она ему по этому случаю: «ты совершенно оправдываешь мой выборъ и мое о тебѣ мнѣніе: ты отнюдь не хвастунъ, и выполнилъ всѣ предположенія, и Цесаревъ выучилъ Турковъ побѣдить». Такъ мало нужно было сдѣлать Потемкину, чтобы заслужить подобную лестную признательность.

Взятіемъ Бендеръ закончилась кампанія. Австрійцы сдѣлали въ этомъ году больше прежняго, но все-таки очень мало по своимъ средствамъ и способамъ: былъ занятъ Букарестъ принцемъ Кобургскимъ, сдался Бѣлградъ и еще два незначительныхъ пункта. Да и то слѣдуетъ принять во вниманіе, что важнѣйшее изъ сдѣланнаго Австрійцами и Потемкинымъ, совершено главнымъ образомъ, благодаря сильному впечатлѣнію,

произведенному на Турокъ рымникскимъ погромомъ. Особенно ясно это обнаружилось въ Букарестѣ. Турки бросили этотъ городъ тотчасъ, какъ появился авангардъ Кобурга, и бѣжали съ 4 пашами во главѣ. Такъ описывалъ онъ Суворову свое вступленіе въ Букарестъ, относя панику Турокъ прямо нравственному гнету, подъ которымъ они находились отъ минувшаго пораженія [15]).

Зима наступила рано, войска разошлись по зимнимъ квартирамъ. Подходилъ къ концу 1789 годъ, представлявшій собою оригинальное зрѣлище: огромныя арміи, съ главнокомандующими во главѣ, осаждали крѣпости и забирали крѣпостцы, а два небольшіе корпуса со второстепенными ролями, побивали непріятельскій сильный отрядъ и главную армію въ генеральномъ сраженіи. Суворовъ уже оправдывалъ сказанное про него впослѣдствіи однимъ писателемъ: «если побѣда не давалась добровольно въ руки ему, своему любимцу, то онъ ее насиловалъ [14]).

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Вторая Турецкая война: Измаилъ; 1790.

Зимніе переговоры Суворова съ браиловскимъ пашой; планъ дѣйствій. — Наступательное движеніе принца Кобургскаго; неудача подъ Журжей. — Занятія Суворова въ Бырладѣ: объѣздъ войскъ, чтеніе, научныя бесѣды; образъ его жизни; кружокъ приближенныхъ. — Наступленіе визиря; движеніе Суворова къ принцу Кобургскому. — Перемиріе между Австріей и Турціей. — Неудачное предпріятіе Русскихъ противъ Измаила; назначеніе туда Суворова. — Приготовленія къ штурму; переговоры съ измаильскимъ сераскиромъ; военный совѣтъ.—Бомбардировка; ночь передъ штурмомъ.—Дѣйствія штурмовыхъ колоннъ и флотиліи; разные эпизоды; побѣда. — Исключительность этого военнаго предпріятія; потрясающее впечатлѣніе, имъ произведенное.—Отъѣздъ Суворова; свиданіе съ Потемкинымъ; неожиданный его исходъ; объясненіе этого обстоятельства.

Война тянулась давно, а сдѣлано было мало, и близкій конецъ не предвидѣлся. Австрія тяготилась своимъ въ ней участіемъ, особенно по кончинѣ императора Іосифа въ февралѣ 1790 года и при возникшихъ въ Брабантѣ мятежахъ; Англія напрягала усилія оттянуть ее отъ союза съ Россіей; дѣла съ Польшей находились въ положеніи весьма натянутомъ, и могли разрѣшиться внезапнымъ разрывомъ; война со Швеціей не была еще окончена. Вдобавокъ ко всему грозилъ вѣроятный разрывъ съ Пруссіей, которая задалась цѣлью, — во чтобы то ни стало отвлечь Австрію отъ участія въ турецкой войнѣ и мобилизовала свою армію.

При такихъ условіяхъ силы Русскихъ, выставленныя въ

прошломъ году противъ Турціи, неизбѣжно должны были уменьшиться, и для наступательныхъ дѣйствій предназначалось всего двѣ дивизіи съ небольшимъ промежуточнымъ между ними отрядомъ, въ общемъ итогѣ не больше 25,000 человѣкъ. Оберегаясь отъ Пруссіи, Австрія тоже должна была отдѣлить часть силъ съ турецкаго театра войны.

Со своей стороны Порта предполагала дѣйствовать наступательно въ Крыму и на Кубани, а на Дунаѣ держаться оборонительно, занявъ тамошнія крѣпости сильными гарнизонами. Боевыя ея средства для кампаніи 1790 года были довольно слабы; поэтому, выгадывая время, Турки продолжали начавшіеся еще въ минувшемъ году переговоры о мирѣ и изъявили желаніе заключить перемиріе. Но Потемкинъ не согласился на пріостановку военныхъ дѣйствій, которыя такимъ образомъ и велись съ мирными переговорами паралельно.

Суворовъ не оставлялъ своей мысли о наступательныхъ дѣйствіяхъ и, въ видѣ подготовленія къ нимъ, вошелъ зимою въ сношеніе съ пашой, командовавшимъ въ Брапловѣ. Между ними установились добрыя отношенія, въ родѣ тѣхъ, какія бываютъ между воюющими во время перемирія; они дѣлали другъ другу разныя мелкія угожденія и любезности, пересылались свѣжею рыбой и другой живностью, а вмѣстѣ съ тѣмъ переговаривались о дѣлѣ. Суворовъ старался убѣдить пашу въ безполезности сопротивленія Браилова, когда Русскіе начнутъ въ этомъ направленіи свои наступательныя дѣйствія. Подѣйствовало ли тутъ его грозное для Турокъ имя, или паша имѣлъ свои соображенія, но только онъ поддался на увѣщанія и согласился ограничиться легкимъ сопротивленіемъ, для вида, а затѣмъ сдать крѣпость. Суворовъ составилъ смѣлый планъ наступленія за Дунай Русскихъ совмѣстно съ Австрійцами. Принцъ Кобургскій долженъ былъ взять Оршову и Журжу, Суворовъ— Брапловъ, и затѣмъ одновременно переправиться за Дунай. Кобургъ одобрилъ этотъ планъ, переписывался о немъ съ Суворовымъ, разъясняя подробности, но проектъ оставался проектомъ, потому что Потемкинъ не только не давалъ своей санкціи, но просто не отвѣчалъ ни слова на всѣ сообщенія принца. Онъ

очень не долюбливалъ Кобурга, что въ соображеніяхъ такого своенравнаго и себялюбиваго человѣка должно быть принимаемо къ счету; кромѣ того, зная ходъ европейской политики, онъ вѣроятно не разсчитывалъ на долговѣчность австрійскаго союза, что потомъ и оправдалось.

Принцъ Кобургскій, не будучи подчиненъ Потемкину и быть можетъ задѣтый за живое его невѣжливостью, рѣшился открыть дѣйствія одинъ. Для исполненія своей части плана до перехода чрезъ Дунай, онъ не нуждался въ содѣйствіи Русскихъ, а послѣ того могъ или разсчитывать на вынужденное согласіе Потемкина поддержать его ближайшими войсками, или въ крайности просто остановиться на сдѣланномъ, не развивая плана далѣе. Поэтому Кобургъ двинулся къ Оршовѣ, а когда Оршова сдалась, то осадилъ Журжу. Осада шла сначала хорошо, но вслѣдствіе ли самонадѣянности Австрійцевъ, или дурной наблюдательной ихъ службы, осажденные сдѣлали, въ отсутствіе Кобурга, весьма удачную вылазку, испортившую все дѣло. Они прогнали Австрійцевъ, забрали у нихъ артилерію, нанесли уронъ въ 1,000 человѣкъ; по странному распоряженію, которое вѣроятно было слѣдствіемъ дурно - понятыхъ Суворовскихъ уроковъ, прикрывавшіе брешь-батарею батальоны получили приказаніе —дѣйствовать лишь штыками и не имѣли при себѣ патроновъ. Австрійцы были въ 6 разъ сильнѣе гарнизона Журжи, но несмотря на это, потеряли всю свою осадную артиллерію и принуждены были отъ Журжи отступить.

Потемкинъ со злорадствомъ описывалъ это дѣло Государынѣ, называя Кобурга тупымъ, глупымъ, невѣжественнымъ, достойнымъ сумасшедшаго дома; издѣвался надъ отданнымъ приказаніемъ—дѣйствовать одними штыками, говоря, что войскамъ предоставлено было только отбраниваться изъ траншей словами или дразниться языкомъ [1]). Потемкинъ былъ правъ только отчасти. Какъ бы ни ясна была военная посредственность Кобурга, но при умѣніи, изъ него можно было извлечь большую пользу, чему доказательствомъ служилъ минувшій годъ. Дѣло подъ Журжей было простой частной неудачей, которую въ концѣ того же іюня мѣсяца генералъ Клерфе отчасти

загладилъ побѣдой надъ Турками подъ Калафатомъ. Но этими тремя дѣлами Австрійцевъ и кончились ихъ активныя дѣйствія.

Готовясь зимою къ открытію кампаніи, Потемкинъ доносилъ Государынѣ, что разсчитываетъ начать военныя дѣйствія рано и повести ихъ съ живостью и стремительностью, дабы повсюду и одновременно навести на непріятеля ужасъ. Если это было не похвальбой, то платоническимъ проектомъ, которые обыкновенно складываются въ воображеніи у людей нерѣшительныхъ или медлительныхъ и исчезаютъ, когда надо приступать къ дѣлу. Проживая въ Яссахъ и Бендерахъ, окруженный роскошью невиданною, Потемкинъ походилъ не на военачальника, а скорѣе на владѣтельнаго государя среди блистательнаго двора. Тутъ были знатные и богатые иностранцы, разсыпавшіеся передъ нимъ въ комплиментахъ, а про себя издѣвавшіеся надъ его сатрапскими замашками, азіятскою роскошью и капризнымъ непостоянствомъ. Тутъ были люди знатныхъ или вліятельныхъ фамилій, налетѣвшіе изъ столичныхъ салоновъ за дешевыми лаврами; вокругъ жужжалъ рой красавицъ, вращался легіонъ прихлебателей и проходимцевъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; одна затѣя пресыщеннаго человѣка мѣнялась другою, еще больше чудною; по истинѣ то былъ folle journée, продолжавшійся недѣли и мѣсяцы.

Суворовъ не посѣщалъ главной квартиры, какъ то видно изъ довольно дѣятельной его съ Потемкинымъ кореспонденціи за этотъ періодъ времени, или если и былъ тамъ какой-нибудь разъ или два, то въ концѣ прошлаго года. Онъ не затруднялся лишній разъ и поклониться, и покадить своему всесильному начальнику, но не могъ быть членомъ Потемкинскаго придворнаго штата, прихлебателемъ, участникомъ «въ хороводѣ трутней», по его собственному выраженію. Онъ, добровольно тѣшившій другихъ разными выходками и колѣнцами, этимъ самымъ зло издѣвался надъ своей публикой; быть же посмѣшищемъ невольнымъ, стороною исключительно страдательною, вовсе не желалъ. При своихъ искательныхъ тенденціяхъ, онъ не впадалъ въ идолопоклонство; кланяясь могуществу, не поворачивался

спиной къ пасынкамъ судьбы; для него загнанное достоинство продолжало быть достоинствомъ. Подъ Яссами жилъ Румянцовъ въ полномъ уединеніи, всѣми забытый; Потемкинъ посѣтилъ его только однажды; нѣкоторые другіе, весьма немногіе, бывали у него изрѣдка, и то какъ бы украдкой, а остальные какъ будто и не знали про сосѣдство стараго побѣдоноснаго фельдмаршала. Одинъ Суворовъ оказывалъ ему должное уваженіе и притомъ открыто; бывая въ Яссахъ, онъ являлся къ Румянцову; посылая курьеровъ къ Потемкину съ донесеніями о своихъ дѣйствіяхъ, онъ посылалъ дубликаты Румянцову, какъ будто тотъ по прежнему командовалъ арміей. На этомъ пробномъ камнѣ сказалось различіе между Суворовымъ и другими [2]).

Сидя у себя въ Бырладѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ подрядъ, Суворовъ скучалъ бездѣйствіемъ, но бездѣйствіемъ боевымъ, а не недостаткомъ дѣла вообще. Прежде всего и больше всего онъ занимался обученіемъ войскъ, объѣзжая и осматривая ихъ во всякое время года. Когда же ему приходилось сидѣть дома, то онъ отдавалъ свои досуги умственнымъ занятіямъ, между которыми не послѣднее мѣсто занимало знакомство съ кораномъ и изученіе турецкаго языка. Это послѣднее не было препровожденіемъ времени отъ нечего дѣлать, безъ серьезной цѣли; спустя 9 лѣтъ, въ Италіи, Суворовъ умѣлъ писать по турецки и написалъ на этомъ языкѣ письмо турецкому адмиралу союзной турецко-русской эскадры. Большая же часть свободнаго времени въ Бырладѣ шла у Суворова на чтеніе. При немъ находился одинъ нѣмецкій студентъ или кандидатъ, съ которымъ онъ познакомился нѣсколько лѣтъ назадъ и взялъ его въ чтецы. Къ этому молодому человѣку Суворовъ очень привыкъ, звалъ его Филиппомъ Ивановичемъ, хотя тотъ носилъ совсѣмъ другое имя; предлагалъ ему опредѣлиться въ военную службу подъ его, Суворова, начальство и обѣщалъ вывести въ штабъ-офицеры,—обѣщаніе, по тому времени легко-исполнимое. Кандидатъ повидимому былъ не прочь, но отецъ его, гернгутеръ, не согласился, слѣдуя принципамъ своего вѣроисповѣданія; разрѣшилъ же сыну поступить въ чтецы къ русскому генералу вѣроятно потому, что Суворовъ предупредилъ будущаго

сожителя о своемъ образѣ жизни, объ отсутствіи театровъ, картъ, шумныхъ сборищъ. Суворовъ зачастую бесѣдовалъ со своимъ молодымъ компаніономъ о предметахъ самыхъ разнообразныхъ, изъ которыхъ любимѣйшимъ была исторія, причемъ Суворовъ интересовался не столько фактической ея стороной, сколько философской. Независимо отъ бесѣдъ и въ связи съ ними шло чтеніе. Суворовъ былъ ненасытимъ, заставлялъ Филиппа Ивановича читать много и долго и почти не давалъ ему отдыха, препираясь за каждую остановку. Вѣроятно физическая невозможность удовлетворить въ этомъ отношеніи Суворова и была одною изъ причинъ, по которымъ чтецъ съ нимъ впослѣдствіи разстался. Читалось все и на разныхъ языкахъ: газеты, журналы, военные мемуары, исторія, статистика, путешествія; доставались для чтенія не только книги, но и рукописи. Иногда къ чтенію приглашались офицеры Суворовскаго штаба и другія лица. Тутъ чтеніе принимало видъ нѣкотораго состязанія или экзамена. Суворовъ предлагалъ присутствующимъ вопросы изъ исторіи вообще и военной исторіи въ особенности; отвѣты были конечно большею частію неудовлетворительные или заключались въ молчаніи. Суворовъ стыдилъ невѣждъ, указывалъ имъ на Филиппа Ивановича; говорилъ, что они должны знать больше его, а знаютъ меньше. Не трудно понять, что для такого времяпрепровожденія, Суворову трудно было найти не только подходящихъ собесѣдниковъ, но и просто желающихъ. И дѣйствительно, участвованіе въ подобныхъ чтеніяхъ принималось за тяжелую служебную обязанность, отъ которой всѣ открещивались, особенно въ виду злыхъ сарказмовъ хозяина - начальника. Одинъ изъ генеральсъ-адъютантовъ Суворова, которому Филиппъ Ивановичъ съ помощью какой-то удачной шутки доставилъ позволеніе—уходить съ чтеній когда угодно, долго съ благодарностью вспоминалъ про эту услугу [3]).

Причиною тому былъ низкій уровень образованія и умственнаго развитія тогдашняго русскаго общества, но ее усугублялъ самъ Суворовъ дурнымъ выборомъ своихъ приближенныхъ, за рѣдкими исключеніями. Это были его сослуживцы, которымъ удалось ему угодить на полѣ сраженія или въ домашнихъ дѣлахъ,

родственники, рекомендованные, или наконецъ пройдохи, съумѣвшіе его обойти, выказавшись съ выгодной стороны и замаскировавъ свои крупные недостатки. Нахожденіе при Суворовѣ такихъ лицъ представлялось аномаліей, поражавшей даже поверхностнаго наблюдателя. Только въ пороховомъ дыму эта особенность исчезала, потому что всѣ они были люди храбрые и служили въ его рукахъ простыми орудіями неважнаго значенія. Но тотчасъ послѣ боя картина мѣнялась и тѣмъ рѣзче, чѣмъ ближе знали Суворова его приближенные. Такой капитальный недостатокъ сталъ особенно замѣтенъ впослѣдствіи, въ Польскую войну, но уже и во вторую Турецкую невысокія качества Суворовскихъ приближенныхъ и дурное ихъ на него вліяніе были фактомъ несомнѣннымъ и засвидѣтельствованы лицомъ, заслуживающимъ полной вѣры. Подполковникъ Сакенъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) въ частномъ письмѣ 31 іюля 1789 года говоритъ: «я постоянно слыхалъ о его странностяхъ, но былъ лучшаго понятія о его справедливости и его качествахъ домашнихъ и общественныхъ. Онъ окруженъ свитою молодыхъ людей; они имъ управляютъ и онъ видитъ ихъ глазами. Слова нельзя ему сказать иначе, какъ черезъ ихъ рты; нельзя приблизиться къ нему, не рискуя получить непріятности, на которыя никто не пойдетъ по доброй волѣ. Имъ однимъ принадлежитъ успѣхъ, награда и слава. Я не могу добиться здѣсь команды надъ батальономъ, потому что одинъ изъ его любимцевъ, его старый адъютантъ, не принадлежащій даже къ арміи, имѣетъ ихъ, да не одинъ, а два. Надо быть философомъ, даже больше, чтобы не лопнуть отъ всѣхъ несправедливостей, которыя приходится здѣсь выносить» [4]).

Письмо писано подъ горькимъ впечатлѣніемъ, сгоряча, а потому страдаетъ преувеличеніями. Напримѣръ батальонъ, котораго добивался такъ Сакенъ, онъ получилъ нѣсколькими днями позже написанія письма, вмѣстѣ съ партіею казаковъ, для занятія отдѣльнаго поста въ Фальчи, слѣдовательно сѣтованія его были слишкомъ поспѣшны. Есть и другія преувеличенія, но въ основаніи Сакенъ справедливъ. Суворовъ совмѣщалъ въ себѣ такія крайности и противорѣчія, что только сводя ихъ въ ходѣ

нашего разсказа исподоволь въ одно цѣлое, получимъ правильное понятіе объ этой оригинальной личности.

Кромѣ занятій служебныхъ и научныхъ, Суворовъ велъ по своему обыкновенію довольно дѣятельную переписку. Онъ переписывался съ Потемкинымъ не только какъ подчиненный, но и какъ вообще пользующійся его довѣріемъ человѣкъ; темою для переписки служили между прочимъ и современныя политическія обстоятельства. Писалъ онъ также дочери, управляющимъ имѣніями, принцу Кобургскому, который и со своей стороны не скупился на кореспонденцію. Онъ завѣряетъ Суворова, что не смотря на свою высокую степень (фельдмаршалъ), продолжаетъ состоять въ его распоряженіи, и это послужитъ только къ скрѣпленію дружбы, которая родилась на Марсовомъ полѣ и окончится въ поляхъ Елисейскихъ. Одобреніе цѣлаго свѣта для него не такъ пріятно, какъ похвала его уважаемаго друга, которому онъ обязанъ наибольшей долей своей боевой репутаціи. Онъ выражаетъ надежду, что ихъ разлука не протянется долгое время и что онъ, Кобургъ, въ состояніи еще будетъ пользоваться совѣтами и примѣромъ Суворова, дабы наводить страхъ и ужасъ на невѣрныхъ. «Моя полнѣйшая вамъ преданность, мой дивный учитель, не уменьшится никогда, ни отъ пространства, ни отъ времени». Нѣсколько позже, уѣзжая съ театра войны въ Венгрію, принцъ больше всего жалѣлъ, что разстается съ Суворовымъ. «Я умѣю цѣнить вашу великую душу», писалъ онъ: «насъ связали великія событія, и я безпрестанно находилъ поводы удивляться вамъ, какъ герою, и питать къ вамъ привязанность, какъ къ одному изъ достойнѣйшихъ людей въ свѣтѣ. Судите же, мой несравненный учитель, какъ тяжело мнѣ съ вами разставаться» [5]).

Образъ жизни и вся обстановка Суворова на зимнихъ квартирахъ, скромные и простые до отрицанія всякаго комфорта, въ дѣятельное время кампаніи исходили до лагернаго и даже бивачнаго солдатскаго обихода. Одинъ изъ посланныхъ Потемкина попалъ къ Суворову на обѣдъ вскорѣ послѣ Рымника: въ палаткѣ была разослана на землѣ скатерть, и вся компанія лежала передъ своими тарелками.

Сервировка отвѣчала меблировкѣ: у Суворова совсѣмъ не было столоваго багажа, а тарелки, ножи и тому подобное его люди доставали у кого попало. Одѣвался онъ обыкновенно въ куртку грубаго солдатскаго сукна, что было тогда разрѣшено Потемкинымъ офицерамъ, для уменьшенія ихъ издержекъ на туалетъ, и заслужило одобреніе Императрицы. Самъ Потемкинъ завелъ себѣ мундиръ изъ солдатскаго сукна; въ угожденіе ему тоже сдѣлали и генералы, но только для показа, а Суворовъ ввелъ въ свою практику. Въ жаркое время, на походѣ и въ бою, онъ бывалъ обыкновенно въ рубашкѣ, къ которой иногда пришпиливалъ нѣкоторые изъ своихъ орденовъ; большую тяжелую саблю возилъ за нимъ казакъ, даже въ бою, а Суворовъ держалъ въ рукахъ одну нагайку. Онъ не имѣлъ ни экипажа, ни верховыхъ лошадей, а бралъ обыкновенно казачью. Странности его и причуды росли вмѣстѣ съ его извѣстностью, и репутація чудака утвердилась за нимъ во всей арміи. Къ числу его странностей относили, между прочимъ, его ненависть къ *немогузнайству* и безпощадное преслѣдованіе этого порока во всѣхъ видахъ. Однажды въ Молдавіи, за обѣдомъ, произошла у него горячая схватка съ военнымъ инженеромъ де-Воланомъ, человѣкомъ весьма способнымъ и основательно образованнымъ. Де-Волань не хотѣлъ отвѣчать положительно и категорически на вопросы о вещахъ, ему неизвѣстныхъ; Суворовъ возражалъ противъ *не знаю*. Споръ дошелъ до того, что де-Волань выскочилъ изъ за стола, выпрыгнулъ въ окно и побѣжалъ къ себѣ. Суворовъ пустился вслѣдъ за нимъ, догналъ, примирился съ нимъ и вдвоемъ возвратился къ столу [6]).

Тѣмъ временемъ новый великій визирь предпринялъ наступленіе, и хотя двигался очень медленно, но его намѣреніе—отбить у Австрійцевъ Букарестъ, безпокоило принца Кобургскаго. По просьбѣ принца, Потемкинъ приказалъ Суворову сблизиться съ Австрійцами, но не сразу, а по мѣрѣ движенія Турокъ; такъ что прошло больше полутора мѣсяца, пока Суворовъ дошелъ до Афумаца, въ 10—12 верстахъ отъ Букареста. Окруженный большой свитой, поѣхалъ онъ въ Букарестъ представиться принцу, но тотъ его предупредилъ. Они встрѣтились на полудорогѣ,

братски обнялись и въ экипажѣ принца вернулись въ Афумацъ, для предварительныхъ переговоровъ. Офицеры и солдаты союзныхъ войскъ встрѣчались старыми друзьями, обнимались, пили за здоровье, за общій успѣхъ. Суворовъ привелъ 10,000 человѣкъ, у принца было на лицо 40,000, да притянувъ нѣкоторые отряды, можно было усилиться въ общемъ итогѣ до 60,000. Будущее имъ улыбалось, духъ войскъ былъ превосходный; у Турокъ же, на оборотъ, обнаружились зачатки внутренняго раздора, и самъ визирь выказывалъ признаки малодушія. Во время проектированія плана нападенія на Австрійцевъ, къ нему привели крестьянина, который разглашалъ, будто съ Кобургомъ соединился Суворовъ. Визирь не повѣрилъ, но когда крестьянинъ сталъ ручаться головой, что это правда, что Суворова онъ видѣлъ собственными глазами вблизи, — то визирь выронилъ изъ рукъ перо и сказалъ: «что же мнѣ теперь дѣлать»? Такимъ образомъ все складывалось въ пользу союзниковъ, какъ вдругъ произошелъ поворотъ обстоятельствъ, совершенно измѣнившій положеніе дѣлъ.

Пруссія готова была объявить Австріи войну, для отвлеченія ея отъ союза съ Россіей; но министръ Герцбергъ рѣшился прежде испробовать послѣднее мирное средство. Въ Рейхенбахѣ собралась конференція изъ представителей нѣсколькихъ державъ, заинтересованныхъ въ тогдашнихъ политическихъ усложненіяхъ, кромѣ Россіи, которая отказалась отъ участія въ переговорахъ, желая улаживать свои дѣла съ Турціей безъ посредниковъ. Что рѣдко бываетъ, конференціи удалось постановить положительныя рѣшенія, принятыя обѣими сторонами. Между Австріей и Пруссіей состоялся договоръ, по которому между прочимъ Австрія отказывалась отъ дальнѣйшаго участія въ войнѣ съ Турціей, обязывалась немедленно заключить съ нею перемиріе и, на извѣстныхъ основаніяхъ, начать вслѣдъ затѣмъ переговоры о мирѣ. Тотчасъ же былъ отправленъ курьеръ къ принцу Кобургскому съ соотвѣтственными приказаніями, и привезенныя депеши положили конецъ всякимъ наступательнымъ замысламъ. Мало того, предстояло озаботиться о безопасности корпуса Суворова, выдвинувшагося далеко впередъ; по приказанію Потемкина, онъ

сталъ немедленно отходить назадъ и остановился въ Максимени, наблюдая на дунайскими низовьями.

Съ искреннимъ чувствомъ простились Суворовъ и принцъ Кобургскій; особенно горевалъ послѣдній. Недавно еще писалъ онъ Суворову во время его похода: «приходите только въ рѣшительный моментъ съ двумя карелми и 500 казаками, я вамъ дамъ остальное, и мои войска будутъ непобѣдимы» [1]). Вѣра его въ Суворова выросла въ непреклонное убѣжденіе, и въ этомъ частномъ случаѣ мы можемъ видѣть образчикъ того нравственнаго обаянія, которое Суворовъ производилъ на полѣ сраженія.

Съ выходомъ Австріи изъ союза, положеніе Россіи нѣсколько измѣнилось, но не существенно, потому что хотя надо было принимать мѣры предосторожности противъ Пруссіи и Польши, но за то удалось заключить миръ со Шведскимъ королемъ Густавомъ, и дѣйствовавшія противъ него силы употребить въ другихъ мѣстахъ. Въ это же время адмиралъ Ушаковъ одержалъ надъ турецкимъ флотомъ рѣшительную побѣду близъ Гаджибея, и Потемкинъ счелъ наконецъ возможнымъ начать дѣйствія противъ визиря.

Суворовъ, страдавшій въ это время лихорадкой, очень обрадовался. «Ахъ, батюшка Григорій Александровичъ, вы оживляете меня», писалъ онъ 3 сентября Потемкину и, чтобы поддержать его въ принятомъ намѣреніи, объяснялъ тогдашнее положеніе такъ: «Поляки двояки и перемѣнчивы; Герцбергъ суперфинъ и рвется; Густавъ нашъ.... Коли угодно, геркулесовой дубинѣ и центръ не далекъ.... Я готовъ, милостивый государь, къ повелѣніямъ вашимъ» [7]). Нѣкоторые историки утверждаютъ, что Суворовъ подалъ Потемкину совѣтъ касательно послѣдующихъ военныхъ операцій: «гребной флотъ долженъ овладѣть дунайскими устьями, взять Тульчу и Исакчу, вмѣстѣ съ сухопутными войсками покорить Измаилъ и Браиловъ и навести трепетъ на Систово». Потемкинъ такъ и поступилъ; впрочемъ ничего другого и не оставалось дѣлать, ибо Русскіе могли дѣйствовать только на пространствѣ отъ моря до р. Серета, противъ Добруджи, согласно статьѣ перемирія Австріи съ Турціей.

Два отряда предназначались для дѣйствія на нижнемъ Дунаѣ; съ помощью гребной флотиліи они должны были завладѣть всѣми турецкими укрѣпленными пунктами, уничтожить рѣчныя непріятельскія суда и вообще очистить низовья Дуная съ прибрежьями. Большая часть этой задачи, по количеству, была исполнена безъ особенныхъ усилій; къ концу ноября небольшія крѣпости Килія, Тульча и Исакча находились въ рукахъ Русскихъ, и турецкія гребныя флотиліи были истреблены. Оставалась грозная твердыня—Измаилъ.

Измаилъ былъ важнѣйшею турецкою крѣпостью на Дунаѣ. Расположенный на лѣвомъ берегу Килійскаго рукава, на плоской косѣ, спускающейся къ рѣкѣ крутымъ обрывомъ, Измаилъ былъ сильно укрѣпленъ въ послѣднее время французскими инженерами и служилъ Туркамъ главнымъ опорнымъ пунктомъ въ ихъ операціяхъ. Онъ имѣлъ видъ прямоугольнаго треугольника; главный валъ, длиною до 6 верстъ, представлялъ собою ломаную линію съ 7 бастіонами и множествомъ исходящихъ и входящихъ угловъ. Одинъ изъ бастіоновъ былъ каменный, другой также обшитъ камнемъ и съ двумя каменными же башнями на плечевыхъ углахъ; всѣ остальные верки земляные. Крѣпостной валъ имѣлъ разную, отъ 3 до 4 саженъ вышину, ровъ до 6 саженъ ширины и кое-гдѣ до 4 глубины. Не было ни впѣшнихъ укрѣпленій, ни прикрытаго пути, кромѣ двухъ фосбрей въ разныхъ мѣстахъ; обращенный къ рѣкѣ фронтъ крѣпости былъ слабъ и состоялъ всего изъ одной, да и то недоконченной, насыпи, такъ какъ отсюда Турки не ожидали нападенія, разсчитывая на свою флотилію, и только въ виду грозившей опасности стали воздвигать тутъ батареи. На валгангѣ сухопутныхъ фронтовъ стояло больше 200 орудій разнаго калибра; въ крѣпость вели четверо воротъ.

Послѣ взятія 18 октября Киліи, генералъ Гудовичъ двинулся къ Измаилу и обложилъ его съ сухого пути; затѣмъ прибылъ туда для этой же цѣли отрядъ генералъ-лейтенанта Потемкина. Войска расположились полукружіемъ, верстахъ въ 4 отъ крѣпостныхъ верковъ. Гудовича смѣнилъ генералъ-поручикъ Самойловъ; общаго командованія не было, время проходило въ со-

вѣщаніяхъ, колебаніяхъ, спорахъ, и не принималось никакого рѣшенія. Между тѣмъ подошла флотилія подъ начальствомъ генералъ-маіора де-Рибаса; на большой дунайскій островъ Чаталъ, противъ крѣпости, были высажены войска, и началось возведеніе батарей. Рибасъ былъ дѣятельнѣе, энергичнѣе и искуснѣе своихъ сухопутныхъ товарищей; онъ нанесъ Туркамъ много вреда, но не могъ добиться ничего существеннаго безъ содѣйствія сухопутныхъ войскъ. Между тѣмъ ему надо было торопиться: наступало зимнее время, а флотилію поджидалъ Суворовъ для дѣйствія противъ Галаца. Рибасъ писалъ ему, что не потеряетъ ни одной минуты и тронется въ путь тотчасъ, какъ только здѣсь освободится; что онъ «жаждетъ поступить подъ начальство героя, для новыхъ подвиговъ» [8]). Но желанный часъ былъ по прежнему далекъ.

Погода измѣнилась къ худшему; наступило сырое и холодное время; при большой скудости въ продовольствіи и топливѣ, въ войскахъ стали развиваться болѣзни, а колебаніе и бездѣйствіе главныхъ начальниковъ не замедлили произвести и деморализующее вліяніе. Изъ переписки нѣкоторыхъ участниковъ осады видно, что шла слабая бомбардировка съ наивною надеждою — не сдастся ли отъ этого крѣпость; что Рибасъ даже посылалъ къ измаильскому пашѣ съ подобнымъ предложеніемъ, но тотъ отвѣчалъ, что не видитъ, чего бы ему бояться. Войска постоянно держались на сторожѣ изъ опасенія вылазокъ и не раздѣвались на ночь; изъ продовольствія нельзя было ничего достать, кромѣ говядины, да и ту съ большимъ трудомъ; у Потемкина, командовавшаго однимъ изъ осадныхъ корпусовъ, столъ накрывался на 8 приборовъ, а сыты могли быть только двое [9]). Продолжать такъ было нельзя, настоятельно требовалось принять хоть какое нибудь рѣшеніе. Собрался военный совѣтъ; онъ призналъ успѣхъ штурма сомнительнымъ и дорого стоющимъ, о чемъ и положилъ представить главнокомандующему; если же штурму не быть, то облежаніе перемѣнить на блокаду, такъ какъ у гарнизона имѣется пропитанія всего на $1^1/_2$ мѣсяца [1]).

Трудно сказать навѣрное, что именно затѣмъ произошло. Осадные корпуса много уступали численностью измаильскому

гарнизону; едва-ли могли начальствующіе возложить блокаду на отрядъ еще болѣе слабый: онъ подвергался бы серьезной опасности безъ возможности исполнять свое назначеніе. Изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній и документовъ можно скорѣе заключить, что постановленіе совѣта или существовало только въ проектѣ (подлиннаго, съ подписями и обозначеніемъ числа, не найдено), или оно было вслѣдъ затѣмъ измѣнено въ смыслѣ совершеннаго освобожденія Измаила отъ всякаго обложенія, съ возвращеніемъ войскъ на зимнія квартиры. По крайней мѣрѣ Рибасъ, хотя и не раздѣлявшій взглядовъ сухопутныхъ генераловъ, собирался плыть къ Суворову подъ Галацъ. Въ письмѣ его отъ 27 ноября читаемъ, что у него продовольствія достанетъ только до 10 декабря, что надо бы выждать еще три дня для полученія дополнительнаго запаса, но онъ предпочитаетъ идти скорѣе къ Суворову и сегодня вечеромъ поднимаетъ якоря [10]).

Дѣло однако устроилось иначе. Окончить кампанію взятіемъ нѣсколькихъ неважныхъ крѣпостей, въ виду тогдашняго возбужденнаго положенія политическихъ обстоятельствъ, было бы большой ошибкой. Потемкинъ это понималъ и потому рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству — послать подъ Измаилъ Суворова. Рѣшеніе—снять осаду крѣпости, тогда еще до него не дошло, но онъ предчувствовалъ возможность такого исхода, а потому 25 ноября послалъ Суворову предписаніе. Онъ писалъ, что турецкая флотилія подъ Измаиломъ почти вся истреблена; «остается предпринять на овладѣніе города, для чего ваше сіятельство извольте поспѣшить туда для принятія всѣхъ частей въ вашу команду»; совѣтовалъ вести атаку съ рѣчной стороны: «если бы начать тѣмъ, что войдя туть, гдѣ ни есть ложироваться и уже оттоль вести штурмованіе, дабы въ случаѣ, чего Боже сохрани, отражанія, было куда обратиться». Въ тотъ же день онъ послалъ Суворову другое письмо: «Моя надежда на Бога и на вашу храбрость, поспѣши мой милостивый другъ... Много тамъ равночинныхъ генераловъ, а изъ того выходитъ всегда нѣкоторый родъ сейма нерѣшительнаго... Оглядя все и распоряди и, помоляся Богу, предпринимайте». Черезъ день или два послѣ отправки этихъ двухъ писемъ, Потемкинъ получилъ донесеніе

изъ подъ Измаила о принятомъ тамъ рѣшеніи на счетъ снятія осады, а потому 29 ноября вновь пишетъ Суворову, но уже не такъ рѣшительно: тяжесть задачи и отвѣтственности начинаетъ его устрашать. Онъ говоритъ, что Гудовичъ, Потемкинъ и Рибасъ рѣшились отступить прежде, чѣмъ узнали о порученіи, даннымъ Суворову: «предоставляю вашему сіятельству поступать тутъ по лучшему вашему усмотрѣнію, продолженіемъ ли предпріятія на Измаилъ, или оставленіемъ онаго» [1]).

Предписаніе Потемкина о назначеніи Суворова подъ Измаилъ было получено тамъ 27 числа. Рибасъ, готовившійся въ тотъ вечеръ плыть къ Галацу, остался, сообщивъ объ этомъ Суворову тотчасъ же и прибавивъ: «съ такимъ героемъ какъ вы, всѣ затрудненія исчезнутъ»; но часть сухопутныхъ войскъ подъ начальствомъ Потемкина уже выступила, и осадная артиллерія была отправлена. Вѣсть о назначеніи Суворова разнеслась по флотиліи и осадному корпусу моментально и подѣйствовала электрически. Всѣ до послѣдняго солдата поняли, въ чемъ будетъ состоять развязка минувшаго тяжелаго бездѣйствія, и одно изъ высшихъ лицъ въ своемъ частномъ письмѣ выразилось безъ оговорокъ: «какъ только прибудетъ Суворовъ, крѣпость возьмутъ штурмомъ» [11]).

Суворовъ отвѣчалъ Потемкину 30 ноября коротко: «получа повелѣніе вашей свѣтлости, отправился я къ сторонѣ Измаила. Боже, даруй вамъ свою помощь» [7]). Сборы его были не велики и распоряженія не сложны: назначивъ подъ Измаилъ Фанагорійскій гренадерскій полкъ, 2 сотни казаковъ, 1000 арнаутовъ и 150 охотниковъ Апшеронскаго полка, онъ приказалъ изготовить и отправить туда же 30 лѣстницъ и 1000 фашинъ. Самъ онъ выѣхалъ съ конвоемъ изъ 40 казаковъ и съ дороги послалъ генералъ-поручику Потемкину приказъ—вернуться къ Измаилу. Но такъ какъ время было особенно дорого, потому что приготовленія къ штурму не могли кончиться скоро, то Суворовъ оставилъ свой конвой и поѣхалъ съ удвоенной скоростью. Рано утромъ 2 декабря, послѣ больше чѣмъ 100-верстнаго пути, два всадника подъѣхали къ русскимъ аванпостамъ: то былъ Суворовъ и казакъ, везшій въ небольшомъ узелкѣ багажъ гене-

рала. Раздалась привѣтственная пальба съ батарей, всѣ оживились и просіяли: въ лицѣ маленькаго, сухопараго, неказистаго старичка явилась побѣда.

Осмотрѣвшись и собравъ свѣдѣнія, Суворовъ увидѣлъ, что ему предстоялъ подвигъ, быть можетъ болѣе трудный, чѣмъ онъ полагалъ прежде. Крѣпость была первоклассная и защищала ее цѣлая армія, усиленная въ послѣднее время гарнизонами покоренныхъ Русскими крѣпостей, которымъ грозилъ гнѣвъ Султана, обрекавшій ихъ на смерть въ случаѣ сдачи Измаила. Всего считалось, съ нѣкоторою частью городскихъ жителей, находившеюся подъ ружьемъ, 42,000 человѣкъ на казенномъ довольствіи, но въ сущности, по турецкому обычаю, было меньше, не свыше 35,000, въ томъ числѣ 8,000 кавалеріи. Въ военныхъ припасахъ было изобиліе; продовольствія имѣлось мѣсяца на $1^1/_2$; главнымъ начальникомъ былъ посѣдѣлый въ бояхъ Айдосъ-Мехметъ-паша, твердый и безстрашный воинъ, одинаково далекій отъ самонадѣянности и слабодушія. Силы Русскихъ были меньше; они исчисляются различно; наиболѣе близкую къ истинѣ цифру слѣдуетъ искать между 28 и 31,000, въ томъ числѣ меньше половины казаковъ. Осадной артиллеріи не было; полевая имѣла боевыхъ припасовъ не больше одного комплекта; въ продовольствіи и другихъ потребностяхъ чувствовался крайній недостатокъ, который пополнить было невозможно по зимнимъ условіямъ и недостатку времени; больныхъ было много [12]). Въ общемъ итогѣ положеніе дѣлъ представлялось очень неутѣшительнымъ, тѣмъ не менѣе штурмованіе было въ военномъ и политическомъ отношеніяхъ *необходимо*, и потому оставалось только обезпечить его успѣхъ всѣмъ, чѣмъ можно.

Суворовъ такъ и сдѣлалъ. Немногіе дни, которыми онъ могъ располагать до приступа, были наполнены кипучей дѣятельностью. Шли переговоры съ Турками, велась переписка съ Потемкинымъ, собирались свѣдѣнія чрезъ шпіоновъ, возводились батареи, обучались войска. Рибасъ доносилъ Суворову каждый день, иногда по нѣскольку разъ, о ходѣ работъ по постройкѣ и вооруженію батарей на Чаталѣ, о результатахъ канонады, о ра-

ботахъ Турокъ, о ихъ замыслахъ и т. под., кончая свои письма стереотипною фразой: «цѣлую ваши руки». Черезъ нѣсколько дней у него все было готово къ атакѣ, и каждый солдатъ зналъ свое мѣсто и дѣло. На сухомъ пути, подъ зоркимъ глазомъ Суворова, тоже не сидѣли сложа руки, и каждый часъ былъ на счету. На топливо рѣзали тростникъ и камышъ, заготовляли 40 штурмовыхъ лѣстницъ и 2,000 большихъ фашинъ; изъ-подъ Галаца вызваны маркитанты съ разной провизіей. Суворовъ объѣзжалъ полки, говорилъ съ солдатами такъ, какъ только онъ одинъ умѣлъ говорить, вспоминалъ прежнія побѣды, не скрывалъ серьезности настоящаго положенія и большихъ трудностей предстоящаго штурма. «Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки намъ надо его взять»,—говорилъ онъ: «такова воля матушки-Государыни». Солдаты отвѣчали, что съ нимъ возьмутъ, и въ словахъ ихъ звучало не минутное увлеченіе, а сознательная, спокойная увѣренность. Суворовъ выбралъ мѣсто гдѣ-то въ сторонѣ, приказалъ насыпать валъ и вырыть ровъ. Сюда высылались солдаты изъ полковъ и, по личнымъ указаніямъ Суворова, практиковались въ пріемахъ перехода черезъ ровъ, эскаладированія вала и т. под. Ученья дѣлались ночью, чтобы не возбуждать вниманія Турокъ; въ программу входилъ и ударъ штыкомъ, но не въ пустое пространство, а въ фашины, представлявшія Турокъ [13]).

Рекогносцировки производились нѣсколько разъ; въ нихъ принимали участіе многіе генералы и штабъ-офицеры, дабы всѣ штурмующія колонны были ознакомлены съ верками, противъ которыхъ имъ придется дѣйствовать. Самъ Суворовъ сопровождалъ рекогносцирующихъ, а руководилъ рекогносцировкой особый офицеръ. Когда рекогносцировка выяснила главныя подробности непріятельской обороны, заложены были на флангахъ сухопутнаго расположенія по двѣ батареи и вооружены 40 полевыми орудіями. Батареи эти имѣли цѣлью — замаскировать до времени намѣреніе штурмовать крѣпость и усыпить бдительность Турокъ надеждою на правильную осаду. Турки пытались разрушить эти батареи своимъ огнемъ, но безъ успѣха.

Параллельно съ приготовленіями велись и переговоры. Су-

воровъ не возлагалъ на нихъ большой надежды; двукратное отступленіе Русскихъ отъ Измаила въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ ободрили Турокъ и давали имъ надежду на такой же исходъ и третьей попытки. Но безъ переговоровъ обойтись было невозможно по понятной причинѣ, тѣмъ болѣе, что они давали время на штурмовыя приготовленія.

Еще 1 декабря Рибасъ получилъ отъ Потемкина письмо на имя измаильскаго сераскира, которое слѣдовало передать по прибытіи Суворова. Потемкинъ предлагалъ сдать крѣпость во избѣжаніе кровопролитія, обѣщая отпустить войска и жителей за Дунай съ ихъ имѣніемъ, грозилъ иначе участью Очакова и въ заключеніе сообщалъ, что для исполненія назначенъ генералъ графъ Суворовъ. Письмо это было послано въ Измаилъ 7 декабря, въ 2 часа дня, такъ какъ только 5 числа возвратились къ Измаилу войска генералъ-поручика Потемкина и лишь 6 числа прибылъ назначенный Суворовымъ отрядъ изъ-подъ Галаца. Вмѣстѣ съ письмомъ главнокомандующаго, Суворовъ послалъ и свое, почти такого же содержанія, давъ сроку на отвѣтъ 24 часа; кромѣ того онъ приложилъ дополнительную или, лучше сказать пояснительную, записку. Записка эта отличалась отъ первой, строго-офиціальной, чисто-Суворовскимъ складомъ рѣчи, и содержала въ себѣ слѣдующія немногія слова: «Сераскиру, старшинамъ и всему обществу. Я съ войсками сюда прибылъ. Двадцать четыре часа на размышленіе — воля; первый мой выстрѣлъ — уже неволя; штурмъ — смерть. Что оставляю вамъ на разсмотрѣніе»! Одинъ изъ подручныхъ пашей, принимавшій это посланіе, разговорился съ посланнымъ офицеромъ, знавшимъ турецкій языкъ, и между прочимъ сказалъ ему: «скорѣе Дунай остановится въ своемъ теченіи и небо упадетъ на землю, чѣмъ сдастся Измаилъ». Сераскиръ же отвѣчалъ на другой день, къ вечеру. Онъ прислалъ довольно длинное письмо, сущность котораго состояла въ отказѣ, если не будетъ разрѣшено послать двухъ человѣкъ къ визирю за повелѣніемъ, если не дадутъ сроку 10 дней вмѣсто 24 часовъ и не заключатъ на это время перемиріе. Очевидно Турки хотѣли затянуть дѣло; это было бы чистымъ для нихъ выигрышемъ, при позднемъ сезонѣ и недостаткѣ

всего нужнаго въ русскомъ лагерѣ, и такой пріемъ удавался имъ не разъ. Но они имѣли теперь дѣло не съ Потемкинымъ и не съ принцомъ Кобургскимъ. Понимая это, сераскиръ прислалъ парламентера и 9 числа, какъ будто за отвѣтомъ: ему не хотѣлось считать дѣло безвозвратно оконченнымъ. Суворовъ отвѣчалъ словесно, что если въ тотъ же день не будетъ выставлено бѣлое знамя, то послѣдуетъ штурмъ, и никто не получитъ пощады. Бѣлое знамя не показывалось, участь Измаила была рѣшена [14]).

Въ тотъ же день Суворовъ собралъ военный совѣтъ. Совѣтоваться ему было не о чемъ, но поступая такимъ образомъ, онъ дѣйствовалъ на основаніи закона и пользовался этимъ средствомъ, чтобы перелить въ другихъ принятое имъ рѣшеніе, сдѣлать свой взглядъ ихъ взглядомъ, свое убѣжденіе ихъ убѣжденіемъ. Это очень трудно для военачальниковъ ординарныхъ, не возвышающихся надъ подчиненными ничѣмъ, кромѣ своего положенія; но очень легко для такихъ, какъ Суворовъ. Тутъ не нужно ни разглагольствованій, ни хитросплетенныхъ доказательствъ; убѣждаетъ побѣдный авторитетъ, увлекаетъ ни передъ чѣмъ не склоняющаяся воля. Немного говорилъ Суворовъ въ совѣтѣ и однако увлекъ всѣхъ, увлекъ тѣхъ самыхъ людей, которые нѣсколько дней назадъ считали тотъ же самый штурмъ неисполнимымъ. Младшій изъ присутствовавшихъ, бригадиръ Платовъ, произнесъ слово *штурмъ*, и штурмъ былъ рѣшенъ всѣми 13 лицами безъ исключенія. Совѣтъ постановилъ: «приближась къ Измаилу, по диспозиціи приступить къ штурму неотлагательно, дабы не дать время непріятелю еще болѣе укрѣпиться, и посему уже нѣтъ надобности относиться къ его свѣтлости главнокомандующему. Сераскиру въ его требованіи отказать. Обращеніе осады въ блокаду исполнять не должно. Отступленіе предосудительно побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества войскамъ. По силѣ четвертой на десять главы воинскаго устава» [15]). Изъ опредѣленія этого видно, что оно редактировано прямо противъ прежняго совѣтскаго рѣшенія.

Теперь штурмъ закрѣпленъ былъ окончательно, съ формальной стороны. Нѣкоторые повѣствуютъ, будто Потемкинъ, устра-

шенный рискомъ предпріятія, предоставилъ передъ самымъ штурмомъ Суворову свободу — отступить. Это ничѣмъ не подтверждается. Изъ предписаній Потемкина 29 ноября видно, что онъ и не приказывалъ Суворову штурмовать во что бы то ни стало; слѣдовательно не было надобности предоставлять ему свободу дѣйствій, которую онъ безъ того имѣлъ. Во все это время Потемкинъ писалъ къ Суворову, сколько извѣстно, только разъ, 4 декабря, о доставкѣ снарядовъ, причемъ сказалъ: «даруй Боже тебѣ, мой любезнѣйшій другъ, счастья и здоровья», ничего больше. Суворовъ писалъ ему два раза: 3 декабря, что штурмъ будетъ дней черезъ пять, что «обѣщать нельзя, Божій гнѣвъ и милость зависятъ отъ Его провидѣнія»; а дня 2 или 3 позже, какъ бы въ устраненіе вмѣшательства Потемкина: «мы бы вчера начали, если бы Фанагорійскій полкъ сюда прибылъ». Очевидно, послѣднее было сказано только для заявленія рѣшимости, въ устраненіе сомнѣній Потемкина, ибо не могло быть исполнено прежде доставленія сераскиру письма и полученія отвѣта [10]).

Послѣ военнаго совѣта, день штурма былъ назначенъ на 11 число. Требовалось сохранить это въ тайнѣ, дабы не увеличить бдительность Турокъ, которые и безъ того были на-сторожѣ. Чрезъ бѣглецовъ получены изъ Измаила разныя свѣдѣнія о числѣ войскъ, орудій, размѣщеніи ихъ и проч. Турки считали осадный русскій корпусъ въ 85,000 человѣкъ, ожидали штурма каждую ночь, половина людей не спала и сидѣла въ землянкахъ, сераскиръ объѣзжалъ крѣпость 2 и 3 раза, ночью осмотръ дѣлали татарскіе султаны и янычарскіе агаси, и ходили дозоры отъ батальона къ батальону. Обыватели защищаться не склонны, женщины убѣждаютъ нашей къ сдачѣ, но тѣ хотятъ обороняться, да и вообще военные надѣятся на свои силы. Таковы были донесенія перебѣжчиковъ, не успокоительныя для Русскихъ, но Суворовъ не только имъ не секретничалъ, а приказалъ сдѣлать ихъ извѣстными всѣмъ, «отъ высшихъ начальниковъ до рядовыхъ» [1]). Такова была его система, коренившаяся на взаимномъ довѣріи начальниковъ и подчиненныхъ.

Окончены были послѣднія приготовленія, отданы послѣднія приказанія. Хотя каждую ночь пускали ракеты передъ разсвѣ-

томъ, чтобы пріучить къ нимъ Турокъ, но на этотъ разъ войска предупреждены о настоящемъ значеніи трехъ ракетъ [17]). Запрещено строго, по завладѣніи валомъ, врываться внутрь города, пока не будутъ отворены ворота и впущены резервы. Начальникамъ взаимно согласовать движенія своихъ частей, но начавъ атаку, не останавливаться; отыскивать подъ бастіонами пороховые погреба и ставить къ нимъ караулы; оставлять сзади, въ приличныхъ мѣстахъ, также караулы при движеніи внутрь города; ничего во время атаки не зажигать; христіанъ, безоружныхъ, женщинъ и дѣтей не трогать. Штурмовымъ колоннамъ имѣть впереди стрѣлковъ и рабочихъ съ топорами, кирками и лопатами, сзади резервъ по назначенію; колоннымъ командирамъ употреблять резервы по своему усмотрѣнію и въ случаѣ надобности подкрѣплять ими другихъ. Вообще диспозиція была весьма обстоятельная и заключала въ себѣ много практическихъ указаній и наставленій.

Съ восходомъ солнца открылась 10 декабря сильнѣйшая канонада съ флотиліи, съ острова и съ 4 фланговыхъ батарей. Дѣйствовало нѣсколько сотъ орудій, не прекращая огня до ночи. Турки отвѣчали горячо, но съ полудня стали стрѣлять рѣже, а ночью вовсе замолчали. Городъ сильно пострадалъ, но немалую потерю понесли и Русскіе; у нихъ между прочимъ взорвана бригантина съ 200 человѣкъ экипажа. Съ приближеніемъ ночи, бѣжало въ Измаилъ нѣсколько казаковъ; такимъ образомъ Турки были предупреждены на счетъ штурма. Они разсчитывали сдѣлать къ утру три вылазки: на фланговыя батареи и на главную квартиру Суворова, которая по обыкновенію охранялась отрядомъ незначительнымъ, но были предупреждены штурмующими.

Спустилась темная ночь; чрезъ непроглядную тьму только вспыхивалъ огонь выстрѣловъ, да и тѣ мало по малу замолкли, и наступила тишина, прерываемая по временамъ только глухими, неопредѣленными звуками, доносившимися изъ крѣпости. Мало кто спалъ въ эту ночь; не спалъ и Суворовъ; онъ ходилъ по бивакамъ, заговаривалъ съ офицерами и солдатами, напоминалъ имъ прошлые славные дни, внушалъ увѣренность въ успѣхѣ. Вернувшись къ своему биваку, онъ прилегъ къ огню,

но не спалъ. Тутъ же находилась его многочисленная свита: чины полевого штаба, ординарцы, адъютанты, — были и посторонніе, — знатные иностранцы, гвардейскіе офицеры, даже придворные, вообще тѣ, которымъ въ позднѣйшее время, въ кавказской арміи дано мѣткое прозвище *фазановъ*. Они впрочемъ групировались болѣе на флотиліи; нѣкоторые изъ нихъ принесли существенную пользу при штурмѣ; имена многихъ сдѣлались потомъ знаменитыми на различныхъ поприщахъ.

Въ 3 часа, по ракетѣ, войска поднялись и выступили къ назначеннымъ по диспозиціи пунктамъ; въ $5^1/_2$ въ густомъ туманѣ двинулись на штурмъ. Атаку съ запада и сѣвера производили три колонны генералъ-маіоровъ Львова, Ласси и Мекноба, подъ общимъ начальствомъ генералъ-поручика Потемкина. На лѣвой половинѣ боевого порядка дѣйствовали три колонны бригадировъ Орлова, Платова и генералъ-маіора Голенищева-Кутузова, подъ общимъ начальствомъ генералъ-поручика Самойлова. Изъ нихъ четвертая и пятая состояли изъ спѣшенныхъ казаковъ съ укороченными пиками, а пятая исключительно изъ казаковъ-новобранцевъ; обѣ колонны подчинялись генералъ-маіору Безбородко. Стрѣлки, шедшіе въ головѣ колоннъ, должны были остановиться у крѣпостного рва и огнемъ поражать защитниковъ. Наконецъ, для дессанта и атаки съ рѣчной стороны, подъ начальствомъ генералъ-маіора Рибаса назначались три же колонны—генералъ-маіора Арсеньева, бригадира Чепеги и гвардіи маіора Маркова. Кавалерійскій резервъ сухопутной стороны располагался передъ тремя воротами и состоялъ подъ общимъ начальствомъ бригадира Вестфалена. Самъ Суворовъ находился на сѣверной сторонѣ, невдалекѣ отъ третьей колонны.

Колонны двинулись въ порядкѣ, соблюдая тишину; Турки сидѣли смирно, не выдавая себя ни однимъ выстрѣломъ. Но когда колонны подошли шаговъ на 300 или 400, открылся адскій огонь; атакующіе ускореннымъ шагомъ продолжали движеніе. Прежде другихъ подошла ко рву вторая колонна, перешла ровъ, по лѣстницамъ взошла на валъ и распространилась влѣво, очищая валъ отъ защитниковъ. Подоспѣла скоро и пер-

вая колонна, которой приходилось дѣйствовать противъ каменнаго редута Табія. Овладѣть этимъ редутомъ открытою силою было совершенно невозможно; колонна направилась правѣе, къ палисаду, протянутому отъ редута къ берегу Дуная. Генералъ Львовъ перелѣзъ черезъ палисадъ, за нимъ сдѣлали тоже самое Фанагорійскіе гренадеры и Апшеронскіе егеря (пришедшіе изъ-подъ Галаца) и атакою во флангъ и съ тыла овладѣли ближайшими дунайскими батареями, подъ картечнымъ огнемъ изъ Табіи. Изъ редута налетѣла на нихъ вылазка и ударила въ сабли; колонна штыками отбила вылазку; не обращая вниманія на картечный огонь и ручныя гранаты, обошла редутъ подъ самыми его стѣнами, оставила его позади себя и продолжала движеніе впередъ. Львовъ былъ раненъ, за нимъ полковникъ князь Лобановъ-Ростовскій; повелъ колонну полковникъ Золотухинъ, на штыкахъ дорвался до воротъ, овладѣлъ ими, затѣмъ другими, впустилъ черезъ ворота резервъ и соединился со второю колонною. Въ это время, на противоположномъ флангѣ, шестая колонна тоже овладѣла бастіономъ, но держалась съ большими усиліями подъ напоромъ Турокъ, получавшихъ безпрестанно свѣжія подкрѣпленія, причемъ убитъ бригадиръ Рибопьеръ. Дважды Кутузовъ оттѣснялъ непріятеля и дважды былъ самъ оттѣсненъ къ самому валу. Произошло замедленіе, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ не обѣщало ничего хорошаго. Кутузовъ двинулъ резервъ, оставивъ часть его для обороны занятаго рва; свѣжія силы произвели бурную атаку на скопившихся Турокъ и опрокинули ихъ окончательно. Колонна стала твердою ногою на бастіонъ и, раздѣлившись на двѣ части, двинулась по куртинамъ для очищенія сосѣднихъ.

Еще труднѣе была выполнена задача 4 и 5 колоннами, составленными изъ казаковъ. Когда часть четвертой колонны взошла на валъ, а другая оставалась еще за рвомъ, сосѣднія бендерскія ворота вдругъ отворились и Турки, бросившись въ ровъ, ударили во флангъ атакующимъ. Колонна такимъ образомъ была разрѣзана на двое, и положеніе находившихся на валу становилось очень опаснымъ. Тутъ, внѣ крѣпости, произошла ожесточенная схватка: сражавшіеся смѣшались въ темнотѣ,

крики *ура* и *алла* безпрестанно смѣнялись, указывая, какая сторона одерживала верхъ; казаки несли страшный уронъ и гибли подъ саблями Турокъ почти безоружные, съ перерубленными пиками. Въ это время пятая колонна, двигавшаяся невдалекѣ отъ четвертой, встрѣтила глубокій крѣпостной ровъ, наполненный водою по поясъ человѣку. Перейдя ровъ подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ, казаки стали взбираться на валъ, но услышали вправо отъ себя громкіе крики Турокъ и затѣмъ шумъ жестокой свалки, произведенной вылазкой. Они остановились въ недоумѣніи, стали колебаться и тотчасъ же были сбиты съ вала въ ровъ. Суворовъ, находившійся неподалеку отъ 4 колонны, извѣщенный о дурномъ у нея оборотѣ дѣла, тотчасъ послалъ подмогу изъ частныхъ резервовъ обоихъ фланговъ и изъ общаго кавалерійскаго. Усилія прибывшихъ войскъ быстро измѣнили картину боя; Турки, оставшіеся внѣ крѣпости, погибли почти всѣ подъ штыками и саблями. Обѣ колонны опять пошли на штурмъ, послѣ тяжелыхъ усилій утвердились на валу при содѣйствіи присланнаго Кутузовымъ батальона, вошли въ связь съ 3 и 6 колоннами, и часть казаковъ проникла до самаго берега рѣки по лощинѣ, облегчивъ такимъ образомъ задачу колонны Арсеньева. При этомъ генералъ Безбородко былъ раненъ, мѣсто его заступилъ бригадиръ Платовъ.

Труднѣе всѣхъ выпала роль третьей колоннѣ, штурмовавшей съ сѣверной стороны самый сильный бастіонъ крѣпостной ограды. Вышина вала и глубина рва были такъ велики, что приходилось $5^1/_2$-саженныя лѣстницы связывать по двѣ въ одну. Войска эскаладировали съ чрезвычайными усиліями и на верху вала встрѣтили такой отпоръ, о который разбивалась самая энергическая настойчивость. Только когда подоспѣлъ резервъ, удалось сломить Турокъ, утвердиться на бастіонѣ и завладѣть сосѣдними верками, причемъ Мекнобъ былъ тяжело раненъ.

Одновременно съ атакою сухопутной стороны произведена атака и рѣчной. Несмотря на сильный туманъ, суда флотиліи благополучно подошли къ берегу, производя неумолчный огонь, подъ защитою его сдѣлали высадку и двинулись впередъ. Хорошо распредѣленныя и направленныя части войскъ ударили

на Турокъ повсемѣстно и одновременно, съ беззавѣтною храбростью; начальники, въ томъ числѣ нѣсколько иностранныхъ офицеровъ, давали солдатамъ блестящій примѣръ своимъ безстрашіемъ. Многіе изъ нихъ были ранены, но порывъ войскъ не ослабѣлъ. Быстрому и удачному ходу атаки, въ самомъ началѣ много содѣйствовала первая штурмовая сухопутная колонна, завладѣвшая нѣсколькими дунайскими батареями и тѣмъ облегчившая высадку войскъ. Турки были сбиты съ рѣчной стороны также успѣшно, какъ съ сухопутной, и Рибасъ вошелъ въ связь съ колоннами Львова и Кутузова.

Въ 8 часовъ утра вся ограда крѣпости находилась въ рукахъ Русскихъ. Потеря была большая, разстройство значительное; Турки массировались и готовились къ отчаянной оборонѣ на улицахъ и въ домахъ. Разсвѣло; числительное неравенство противниковъ сдѣлалось замѣтнымъ; къ тому же сильные числомъ были въ массахъ, а слабые въ растянутой линіи. Приказано было какъ можно скорѣе устроиться, перевести духъ и продолжать атаку, не давая Туркамъ опомниться. Колонны двинулись, завязался такой упорный бой, съ которымъ ночной штурмъ не могъ идти въ сравненіе. Шло не общее сраженіе, а вереница частныхъ кровопролитныхъ дѣлъ, прекращавшихся на однихъ мѣстахъ и начинавшихся черезъ минуту на другихъ. Каждая площадь была полемъ сраженія; въ каждой улицѣ и переулкѣ обороняющійся не упускалъ воспользоваться выгодами своего положенія. Изъ домовъ летѣли въ Русскихъ пули; большіе дома, особенно «ханы», т. е. гостинницы, обратились въ настоящіе маленькіе крѣпостцы и замки, которые надо было штурмовать съ помощью лѣстницъ и выламывать ворота или разбивать ихъ пушечными выстрѣлами.

Русскія войска подвигались концентрически, живое кольцо вокругъ Турокъ сжималось. Давалось это съ тяжкими усиліями и большимъ урономъ, особенно терпѣли казаки 4 и 5 колоннъ; вслѣдствіе неполноты своего вооруженія, они не могли дѣйствовать съ такою смѣлостью и отвагой, какъ другіе, и побѣдный путь доставался имъ дорого. Былъ моментъ, когда на большой площади они, окруженные Турками, могли погибнуть, еслибы

не выручила ихъ регулярная пѣхота и Черноморскіе казаки съ флотиліи. Не обходилось безъ такихъ опасныхъ эпизодовъ и въ другихъ мѣстахъ, съ другими войсками. Одинъ изъ татарскихъ султановъ, Капланъ-гирей, собравъ нѣсколько тысячъ Турокъ и Татаръ, бурнымъ потокомъ опрокинулся на наступающихъ. Смявъ Черноморскихъ казаковъ и отнявъ у нихъ 2 пушки, онъ перебилъ бы ихъ безъ остатка, еслибы не подоспѣли три батальона, но и тѣ рѣшили дѣло не сразу. Окруженный Капланъ-гирей бросался какъ левъ во всѣ стороны, на всѣ предложенія сдаться отвѣчалъ сабельными ударами и умеръ на штыкахъ; съ нимъ полегло тысячи 3 или 4. Но подобные эпизоды не могли уже измѣнить исхода боя. Согласно приказанію Суворова вступили въ городъ всѣ резервы, пѣхотные и кавалерійскіе; но работала одна пѣхота, пробиваясь къ городскому центру, а конницѣ велѣно было держаться поодаль и обирать у убитыхъ ружья и патронницы. Первымъ добрался до середины города генералъ Ласси; за нимъ стали постепенно сближаться другіе. Къ часу дня былъ занятъ весь городъ; Турки продолжали обороняться лишь въ мечети, двухъ ханахъ и редутѣ Табія, но не могли продержаться долго и частію были выбиты, частью сдались.

Старику Айдосъ-Мехмету не суждено было пережить этого кроваваго дня. Онъ засѣлъ въ каменномъ ханѣ съ 2000 янычаръ и нѣсколькими пушками. По приказанію генерала Потемкина, полковникъ Золотухинъ съ батальономъ Фанагорійскихъ гренадеръ атаковалъ этотъ ханъ, но долгое время безъ успѣха. Наконецъ ворота были выбиты пушечными выстрѣлами, и гренадеры ворвались внутрь, гдѣ Турки продолжали обороняться. Только когда большая ихъ часть была переколота, остальные стали просить пощады и были выведены изъ хана для отобранія оружія; въ ихъ числѣ находился и Айдосъ-Мехметъ. Во время обезоруживанія пробѣгалъ мимо егерь; замѣтивъ на пашѣ богатый кинжалъ, онъ подскочилъ и хотѣлъ его вырвать изъ-за пояса; одинъ янычаръ выстрѣлилъ въ дерзкаго, но попалъ въ офицера, отбиравшаго оружіе. Въ суматохѣ этотъ выстрѣлъ былъ принятъ за вѣроломство; разъяренные солдаты ударили въ

штыки и перекололи почти всѣхъ Турокъ; Айдосъ-Мехметъ умеръ отъ 16 штыковыхъ ранъ. Офицерамъ удалось спасти не больше ста человѣкъ, принадлежавшихъ къ Мехметовой свитѣ.

Суворовъ приказалъ кавалеріи окончательно очистить улицы, ибо мѣстами встрѣчались еще Турки. Понадобилось время для исполненія этого приказанія; отдѣльные люди и небольшія толпы защищались какъ бѣшеные, а другіе прятались, такъ что приходилось спѣшиваться для ихъ отыскиванія. Къ 4 часамъ все было кончено [17]).

Двукратная неудача подъ Измаиломъ, невзгоды осаднаго времени, крайнее возбужденіе солдатъ вслѣдствіе дорого доставшейся побѣды, все это вмѣстѣ сдѣлало измаильскій штурмъ въ высшей степени кровавымъ. Солдаты разсвирѣпѣли; подъ ихъ ударами гибли всѣ, — и упорно оборонявшіеся и безоружные, и женщины и дѣти; обезумѣвшіе отъ крови побѣдители криками поощряли другъ друга къ убійству. Даже офицеры не могли удержать ихъ отъ безцѣльнаго кровопійства и слѣпого бѣшенства. За убійствомъ и въ паралель съ нимъ шелъ грабежъ,— прискорбное знаменіе времени. По улицамъ и площадямъ валялись груды, чуть не холмы человѣческихъ труповъ, полураздѣтыхъ, даже нагихъ; торговыя помѣщенія, жилища по-богаче стояли полуразрушенныя; внутри все было разбито, разломано, приведено въ полную негодность. Грабежъ продолжался 3 дня, согласно заранѣе данному Суворовымъ обѣщанію; слѣдовательно на другой и третій день продолжались еще случаи насилій и убійства, а въ первую ночь сплошь до утра раздавалась трескотня ружейныхъ и пистолетныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ оставшіеся въ живыхъ Турки, попрятавшіеся для спасенія своей жизни, этимъ самымъ свидѣтельствовали, что жизнь имъ дороже, чѣмъ ихъ павшимъ товарищамъ, а потому больше сдавались, не оборонялись.

Кутузовъ былъ назначенъ комендантомъ Измаила [18]), въ важнѣйшихъ мѣстахъ разставлены караулы, и всю ночь ходили по разнымъ направленіямъ патрули. На слѣдующій день совершено благодарственное молебствіе при громѣ орудій; много при этомъ было неожиданныхъ, радостныхъ встрѣчъ между людьми,

считавшими другъ друга убитыми; наоборотъ много было тщетныхъ разспросовъ и разъискиваній товарищей и близкихъ, упокоенныхъ на вѣки. Послѣ молебна Суворовъ пошелъ къ главному караулу, который содержали Фанагорійскіе гренадеры; онъ поздравилъ ихъ съ побѣдой, хвалилъ ихъ храбрость, мужество, безстрашіе; говорилъ, что доволенъ ими; объявилъ свою благодарность и всѣмъ другимъ войскамъ. Два дня спустя онъ присутствовалъ на обѣдѣ, который Рибасъ давалъ на своей флотиліи; на слѣдующій день находился на подобномъ же обѣдѣ генерала Потемкина. А тѣмъ временемъ подавалась помощь раненымъ, прибирались мертвые. Для первыхъ съ самаго начала былъ открытъ огромный госпиталь внутри города. Тѣла убитыхъ Русскихъ свозились и выносились за городъ, гдѣ и были преданы честному погребенію, по уставу церковному. Что касается до непріятельскихъ труповъ, то ихъ было такъ много, что слѣдовало опасаться появленія заразы, если замедлить погребеніемъ; похоронить же ихъ въ землѣ не было никакой возможности въ короткій срокъ, почему приказано бросать въ Дунай, и на эту работу употреблены плѣнные, раздѣленные на очереди. Несмотря на такую радикальную мѣру, Измаилъ былъ совершенно очищенъ отъ труповъ только по прошествіи шести дней. Плѣнные были направлены партіями на Николаевъ, подъ конвоемъ казаковъ, уходившихъ на зимнія квартиры; для обезпеченія ихъ въ порядочномъ содержаніи, Суворовъ назначилъ одного изъ своихъ приближенныхъ лицъ, штабъ-офицера.

На первыхъ порахъ Суворовъ послалъ Потемкину такое донесеніе: «нѣтъ крѣпче крѣпости, отчаяннѣе обороны, какъ Измаилъ, падшій предъ высочайшимъ тономъ Ея Императорскаго Величества кровопролитнымъ штурмомъ. Нижайше поздравляю вашу свѣтлость». Потомъ онъ послалъ болѣе обстоятельное свѣдѣніе, съ цифровыми данными. Убитыхъ непріятелей оказалось 26,000, плѣнныхъ набралось до 9,000 изъ числа вооруженныхъ, но на другія сутки изъ нихъ умерло до 2,000; турецкихъ женщинъ и дѣтей сосчитано до 3,000, христіанъ и евреевъ отъ 5 до 6,000, которые и водворены по прежнему въ ихъ жилища. Пушекъ досталось 265, знаменъ 364, бунчуковъ 7, санджаковъ 2, пороху

3,000 пудовъ, судовъ 42, но почти всѣ они были повреждены до степени негодности; боевыхъ запасовъ, продовольствія и фуража огромное количество, лошадей около 10,000. Потеря Русскихъ убитыми и ранеными сначала показана приблизительно въ 4,000, потомъ точнѣе — убитыхъ 1,880, раненыхъ 2,648, всего 4,528, считая съ офицерами. Многіе признаютъ эту цифру далекою отъ истины, такъ какъ донесеніе о потерѣ было составлено довольно поспѣшно. Говорятъ, что позднѣйшія, вѣрныя свѣдѣнія опредѣляютъ число убитыхъ въ 4,000, а раненыхъ въ 6,000, всего 10,000, въ томъ числѣ 400 офицеровъ (изъ 650). Официальныя ли эти свѣдѣнія или нѣтъ, во всякомъ случаѣ они дошли до насъ разными путями и быть можетъ, при всемъ своемъ преувеличеніи вѣрнѣе первыхъ [10]).

Войска получили громадную добычу; въ донесеніи Екатеринѣ Потемкинъ называетъ ее «чрезвычайною»; въ письмѣ къ Кобургу Суворовъ говоритъ, что она превышала милліонъ рублей. Въ Измаилъ перевезены были купеческіе склады товаровъ изъ укрѣпленныхъ мѣстъ, капитулировавшихъ въ предшествовавшее время; стало быть условія для грабежа оказывались самыми благодарными. Сколько же было испорчено и уничтожено, если получено болѣе, чѣмъ на милліонъ рублей? Солдаты не знали что дѣлать съ награбленнымъ добромъ, продавая его всякому желающему за безцѣнокъ. Они сорвали съ древокъ много знаменъ и щеголяли, опоясанные ими, гордясь своею добычею, какъ знаками отличій; часть этихъ знаменъ была отъ нихъ отобрана, но остальная пропала и въ счетъ трофеевъ не вошла. Къ добычѣ слѣдуетъ отнести и неизвѣстное число плѣнныхъ обоего пола и разныхъ возрастовъ, которыхъ съ разрѣшенія Суворова разобрали офицеры, обязавшись подписками въ порядочномъ ихъ содержаніи и человѣколюбивомъ съ ними обращеніи. Самъ Суворовъ по обыкновенію ни до чего изъ добытаго грабежомъ не коснулся, отказавшись отъ всѣхъ представленныхъ и поднесенныхъ ему вещей. Даже когда привели къ нему, на память о славномъ днѣ, великолѣпнаго, въ богатомъ уборѣ коня, онъ отказался и отъ коня, сказавъ: «донской конь привезъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду». Одинъ изъ генераловъ за-

мѣтилъ, что теперь тяжело будетъ Суворовскому коню везти на себѣ вновь добытые лавры; Суворовъ отвѣчалъ: «донской конь всегда выносилъ меня и мое счастіе». Не даромъ же солдаты говорили: «нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ».

Измаильскій штурмъ отличался нечеловѣческимъ упорствомъ и яростью Турокъ, и не мудрено: они знали, что имъ пощады не будетъ послѣ предшествовавшихъ штурму переговоровъ. Но это упорство безнадежнаго отчаянія, въ которомъ принимали участіе даже вооруженныя женщины, могло быть сломлено только крайнимъ напряженіемъ энергіи атаковавшихъ, высшею степенью возбужденія ихъ духа. Все это и было произведено Суворовымъ. Храбрость русскихъ войскъ подъ Измаиломъ дошла какъ бы до совершеннаго отрицанія чувства самосохраненія. Офицеры, главные начальники были впереди, бились какъ рядовые, переранены и перебиты въ огромномъ числѣ, а убитые до того изувѣчены страшными ранами, что многихъ нельзя было распознать. Солдаты рвались за офицерами, какъ на какомъ то состязаніи; десять часовъ не перемежавшейся опасности, нравственнаго возбужденія и физическихъ напряженій не умалили ихъ энергіи, не уменьшили силъ. Многіе изъ участниковъ штурма потомъ говорили, что глядя при дневномъ свѣтѣ и въ спокойномъ состояніи духа на тѣ мѣста, по которымъ они взбирались и спускались въ ночную темноту, они содрогались, не хотѣли вѣрить своимъ глазамъ и едва-ли рискнули бы на повтореніе того же самаго днемъ.

Кромѣ этой внутренней стороны дѣла, содѣйствовала успѣху штурма и внѣшняя. Въ диспозиціи указано было все существенное, начиная отъ состава колоннъ и кончая числомъ фашинъ и длиною лѣстницъ; опредѣлено число стрѣлковъ при колоннѣ, ихъ мѣсто и назначеніе, также какъ и рабочихъ; назначены частные и общіе резервы, ихъ мѣста и условія употребленія; преподаны правила осторожности внутри крѣпости; съ точностью указаны направленія колоннъ, предѣлъ ихъ распространенія по крѣпостной оградѣ и проч. Эти наставленія были хорошо поняты, внимательно и толково исполнены. Нельзя

напримѣръ не подивиться, что въ полномъ разгарѣ боя и грабежа, въ городѣ не произошло ни одного пожара. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ употребленіе резервовъ; они не разъ выводили штурмовыя колонны изъ весьма затруднительныхъ обстоятельствъ; благодаря именно резервамъ первая, ночная часть дѣйствій была окончена скоро и съ полнымъ успѣхомъ.

Тѣмъ страннѣе встрѣтиться съ заявленіемъ одного современника, что порядка при штурмѣ было мало; что Суворовъ не дѣлалъ рекогносцировки, а возложено это было на колонныхъ начальниковъ; что колонны двигались чуть не на авось; что лѣстницы оказались коротки, вѣрнаго плана городу не имѣлось и проч. [14]). Конечно не было возможности осмотрѣть крѣпость такъ тщательно, чтобы вѣрно измѣрить высоту валовъ, глубину рвовъ и пригнать заранѣе лѣстницы; но происходившія отъ этого замѣшательства нельзя называть безпорядкомъ. Хорошихъ плановъ крѣпости и города, какъ по всему видно, дѣйствительно не имѣлось; съ этимъ обстоятельствомъ поневолѣ приходилось мириться, но оно возвышаетъ качество распоряженій и исполненія, а не уменьшаетъ его. Не въ пользу Суворова можно бы сдѣлать одно, не приведенное критикомъ замѣчаніе: участіе въ штурмѣ спѣшенныхъ казаковъ безъ достаточнаго вооруженія. Но отказаться отъ участія казаковъ въ штурмѣ не было возможности уже потому, что они составляли чуть не половину осаднаго корпуса, а дополнить ихъ вооруженіе и обучить дѣйствію новымъ, представлялось неисполнимымъ по совершенному недостатку времени. Подготовка къ бою была конькомъ Суворова; она и въ настоящемъ случаѣ имъ не пренебрежена, какъ объяснено выше. Сдѣлать больше было невозможно, а отказаться изъ-за этого отъ штурма ему и въ голову конечно не приходило: на то онъ былъ Суворовъ. Только такіе люди и годны на подобныя дѣла.

Такимъ образомъ успѣхъ измаильскаго штурма достигнутъ благодаря сочетанію изумительной нравственной силы русскихъ войскъ съ прекрасно составленнымъ и исполненнымъ планомъ дѣйствій. Штурмъ этотъ по размѣрамъ и значенію предпріятія, по неравномѣрности силъ обѣихъ сторонъ, по сложности и труд-

ности исполненія, имѣетъ мало равносильныхъ примѣровъ въ военной исторіи. Здѣсь не крѣпость взята, а истреблена непріятельская армія, засѣвшая въ крѣпостныхъ стѣнахъ. Нечего и говорить, что измаильскій штурмъ далеко превзошелъ очаковское однородное дѣло; участники того и другого, не безъ нѣкотораго преувеличенія конечно, имѣли основаніе называть второй дѣтской игрушкой сравнительно съ первымъ. Самъ Суворовъ, не останавливавшійся ни передъ какимъ смѣлымъ предпріятіемъ, смотрѣлъ на измаильскій штурмъ какъ на дѣло исключительное. Года два спустя, проѣзжая мимо одной крѣпости въ Финляндіи, онъ спросилъ своего адъютанта; «можно ли взять эту крѣпость штурмомъ?» Адъютантъ отвѣчалъ: «какой крѣпости нельзя взять, если взятъ Измаилъ?» Суворовъ задумался и, послѣ нѣкотораго молчанія, замѣтилъ: «на такой штурмъ, какъ измаильскій, можно пускаться одинъ разъ въ жизни.» [19]). Мы видѣли, что въ ночь штурма онъ не могъ спать; въ это же время онъ получилъ съ курьеромъ письмо отъ Австрійскаго императора, но такъ былъ озабоченъ предстоящимъ дѣломъ, что не распечаталъ и не прочелъ письма, отложивъ его до развязки штурма [20]).

Почти также, какъ Суворовъ, смотрѣла на измаильскій штурмъ и Екатерина. Рискуя оскорбить Потемкина въ его очаковскихъ воспоминаніяхъ, она писала ему, что «почитаетъ измаильскую эскаладу города и крѣпости за дѣло, едвали гдѣ въ исторіи находящееся». Въ мнѣніи своемъ она конечно руководилась между прочимъ тѣмъ оцѣпеняющимъ впечатлѣніемъ, которое произвели измаильскія извѣстія на враговъ и недоброжелателей Россіи. И не мудрено: путь къ Балканамъ лежалъ теперь передъ Русскими открытый, и на Турокъ напала сильнѣйшая паника. Систовскія конференціи перервались; изъ Мачина всѣ стали разбѣгаться, изъ Бабадага также; въ Браиловѣ, несмотря на 12,000-ный гарнизонъ, жители просили пашу не медлить сдачей, какъ только Русскіе появятся; въ Букарестѣ просто не вѣрили возможности измаильскаго погрома, несмотря ни на какія подтвержденія; содержавшіеся въ Богоявленскѣ плѣнные Турки пришли въ такой ужасъ, что приставъ ихъ счелъ долгомъ

донести объ этомъ Потемкину. Изумленіе и восторгъ охватили русское общество; русскіе поэты, начиная съ Державина и кончая Петровымъ, выразили общее настроеніе въ стихахъ; Суворовъ былъ засыпанъ поздравительными письмами и посланіями, летѣвшими къ нему со всѣхъ сторонъ. Принцъ де-Линь, сынъ, отличившійся и раненый подъ Измаиломъ, величалъ его «идоломъ всѣхъ воинныхъ»; принцъ де-Линь, отецъ, благодаря его за вниманіе къ сыну, писалъ, что графовъ было бы не много, если бы каждый изъ нихъ сдѣлалъ сотую долю того, что Суворовъ, и что дружба такого человѣка приноситъ честь и есть патентъ достоинства. Принцъ Кобургскій тоже не преминулъ привѣтствовать своего бывшаго сотоварища съ обычною своею искренностью. Однимъ словомъ, Суворовъ сдѣлался предметомъ общаго восторженнаго вниманія [21]).

Суворовъ оставался въ Измаилѣ 9 или 10 дней. Онъ продолжалъ переписываться съ Потемкинымъ; говорилъ, что предпринимать теперь что либо серьезное въ Браиловѣ поздно, что надо усилить войска на Серетѣ, что ему необходимо туда спѣшить. Онъ не жалѣетъ комплиментовъ, благодаритъ Потемкина отъ имени войскъ за его благосклонное письмо, увѣряетъ, что всѣ готовы за него умереть, что «желалъ бы коснуться его мышцы и въ душѣ обнимаетъ его колѣни» [22]). И какъ все это затѣмъ скоро измѣнилось!

Воротившись на короткое время въ Галацъ, Суворовъ поѣхалъ затѣмъ въ Яссы. Потемкинъ приготовился къ торжественному пріему измаильскаго побѣдителя; были разставлены по улицамъ сигнальщики; адъютанту приказано не отходить отъ окна, чтобы своевременно извѣстить Потемкина. Провѣдалъ ли про эти приготовленія Суворовъ, или такъ ужъ случайно пришлось, но только онъ въѣхалъ въ Яссы ночью, никѣмъ не замѣченный, и отправился на ночлегъ прямо къ старому своему знакомому, полицмейстеру, котораго и просилъ не разглашать о его пріѣздѣ. На слѣдующій день утромъ, Суворовъ надѣлъ парадный мундиръ, сѣлъ въ старинную колымагу своего хозяина и поѣхалъ къ Потемкину. Лошади были въ шорахъ, кучеръ въ широкомъ плащѣ съ длиннымъ бичемъ, на запяткахъ лакей въ жупанѣ съ

широкими рукавами. Никто не признавалъ въ этой странной обстановкѣ Суворова; въ такихъ экипажахъ ѣзжали обыкновенно архіереи и иныя духовныя лица. Потемкинскій адъютантъ не дался однако въ обманъ и, когда подъѣзжала карета, доложилъ Потемкину. Потемкинъ поспѣшилъ на лѣстницу, но едва успѣлъ спуститься нѣсколько ступеней, какъ Суворовъ взбѣжалъ наверхъ въ нѣсколько прыжковъ и очутился около Потемкина. Они обнялись и нѣсколько разъ поцѣловались. «Чѣмъ могу я наградить ваши заслуги, графъ Александръ Васильевичъ», спросилъ Потемкинъ, въ полномъ удовольствіи отъ свиданія. «Ничѣмъ князь», отвѣчалъ Суворовъ раздражительно: «я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и Государыни никто меня наградить не можетъ». Потемкинъ, никакъ не ожидавшій такого отвѣта, поблѣднѣлъ, повернулся и пошелъ въ залъ; Суворовъ за нимъ. Здѣсь онъ подалъ строевой рапортъ, Потемникъ принялъ холодно; оба рядомъ походили по залу, не въ состояніи будучи выжать изъ себя ни слова, затѣмъ раскланялись и разошлись. Суворовъ вернулся къ полицмейстеру [23]).

Случай этотъ иначе не объяснимъ, какъ характеристикой того вѣка, вѣка искательствъ, подслуживанія, лести и всякихъ кривыхъ путей. Существовали эти пороки въ русскомъ обществѣ и раньше, и позже, но никогда не имѣли такой благодарной почвы, какъ въ XVIII столѣтіи, послѣ Петра Великаго. Ничто не доставалось тогда прямо; даже богато-одареннымъ людямъ приходилось держаться общей колеи. Суворовъ, искавшій исхода своимъ внутреннимъ силамъ съ самаго вступленія въ дѣйствительную жизнь, успѣлъ уже состарѣться, когда сдѣлался человѣкомъ извѣстнымъ. Путы, которыя мѣшали ему развернуть все свое дарованіе, онъ могъ ослаблять и по немногу сбрасывать только съ помощью испытанныхъ пріемовъ вѣка. Но прошли долгіе годы, а онъ все еще не добился надлежащаго положенія. Еще недавно, въ прошломъ году, принцъ Кобургскій былъ возведенъ за Рымникъ въ фельдмаршалы; онъ, главный виновникъ побѣды, нѣтъ. Поэтому когда Суворову привелось совершить въ Измаилѣ новый подвигъ, болѣе крупный и блестящій, чѣмъ всѣ предшество-

вавшіе, онъ вздохнулъ свободно: давно искомая цѣль не могла теперь миновать его рукъ.

Суворовъ ошибся, несмотря на то, что зналъ Потемкина съ его завистью и властительнымъ эгоизмомъ. Потемкинъ не терпѣлъ около себя равнаго по положенію, особенно равнаго съ громаднымъ перевѣсомъ дарованія. Въ кампанію 1789 года онъ оттеръ отъ дѣла князя Репнина, дабы, какъ потомъ говорили, отнять отъ него возможность производства въ фельдмаршалы. Суворовъ же былъ гораздо способнѣе Репнина и слѣдовательно еще неудобнѣе для Потемкина. Имѣть его подъ своимъ начальствомъ, отличать, цѣнить, осыпать милостями Императрицы,—Потемкинъ былъ согласенъ, потому что побѣды подчиненнаго ставились въ заслугу главнокомандующему, но поставить его рядомъ съ собой, на равной ногѣ, — ни въ какомъ случаѣ. Контрастъ былъ бы слишкомъ великъ. Поэтому ждать отъ Потемкина производства Суворова въ фельдмаршалы было бы пустымъ самообольщеніемъ; оставалось возложить всю надежду прямо на Императрицу. Суворовъ на этой мысли и остановился, вдаваясь въ другое самообольщеніе. Онъ не зналъ, что всѣми предшествовавшими отличіями и наградами обязанъ былъ почти исключительно Потемкину; что самое графство и Георгій I класса были, такъ сказать, продиктованы имъ же: интимная по этому предмету переписка между Государыней и подданнымъ конечно содержалась въ секретѣ; подобными вещами не хвастаютъ. Нѣкоторые изъ его біографовъ говорятъ, что когда Суворовъ отказывался отъ всякаго участія въ дѣлежѣ измаильской добычи, то произнесъ слова: «я и безъ того буду награжденъ Государыней превыше заслугъ».

Питая такую надежду или, вѣрнѣе сказать увѣренность, Суворовъ однако не поднялъ носа, не измѣнилъ ни на волосъ своихъ отношеній къ Потемкину и въ письмахъ къ нему употреблялъ прежніе льстивые, изысканные пріемы. Это между прочимъ свидѣтельствуетъ, говоря мимоходомъ, что они постоянно имѣли у него чисто-внѣшнее значеніе; вѣкъ временщиковъ и фаворитовъ дѣлаетъ такую оболочку обязательною. Но ѣдучи къ Потемкину, онъ, настроенный какъ сказано, ожидалъ, что его начальникъ пойметъ разницу между своимъ подчиненнымъ теперешнимъ и

прошедшимъ и оттѣнитъ ее въ своемъ обращеніи. Новое самообольщеніе: Потемкину подобныя тонкости и въ голову не могли придти. Онъ видѣлъ передъ собой того самаго Суворова, которому нѣсколько времени назадъ жаловалъ шинель со своего княжескаго плеча, а потому обошелся съ нимъ весьма любезно, но совершенно по прежнему, въ чемъ никто никогда не находилъ ровно ничего обиднаго, ниже самъ Суворовъ. Потемкинъ былъ вполнѣ правъ со своей точки зрѣнія, а Суворовъ, разчитавъ невѣрно, поступилъ запосчиво и изъ прежняго протектора сдѣлалъ себѣ жестокаго врага.

Потемкинъ написалъ Екатеринѣ: «если послѣдуетъ высочайшая воля сдѣлать медаль Суворову, то этимъ будетъ награждена служба его при Измаилѣ. Но такъ какъ изъ генералъ-аншефовъ, онъ одинъ находился въ дѣйствіяхъ въ продолженіи всей кампаніи и, можно сказать, спасъ союзниковъ, ибо непріятель, видя приближеніе нашихъ, не осмѣлился ихъ атаковать, то не благоугодно ли отличить его чиномъ гвардіи подполковника или генералъ-адъютантомъ» [24]). Государыня на это согласилась, хотя не могла не понять, что ея «добросовѣстный совѣтодатель» явно кривитъ душой и руководится побужденіями не совсѣмъ честными. Она приказала выбить медаль, назначила Суворова подполковникомъ Преображенскаго полка, наградила офицеровъ измаильскаго корпуса золотыми крестами, а солдатъ серебряными медалями.

Полковникомъ Преображенскаго полка была сама Государыня, слѣдовательно назначеніе въ этотъ полкъ подполковникомъ было для всякаго весьма почетнымъ, но ничего больше. Отличія этого удостоивались обыкновенно старые заслуженные генералы; такихъ было уже десять, Суворовъ назначенъ одиннадцатымъ. Однако всякій понималъ, что продолжительная служба и взятіе штурмомъ крѣпости съ уничтоженіемъ непріятельской арміи,— двѣ заслуги разнородныя. Недоброжелатели и завистники радовались, всѣ прочіе недоумѣвали.

Впрочемъ обо всемъ этомъ Суворовъ узналъ уже въ Петербургѣ, куда онъ поѣхалъ изъ Яссъ, послѣ свиданія съ Потемкинымъ. Войну пришлось кончать другимъ; великій мастеръ,

который довелъ искуство бить Турокъ до небывалой степени совершенства, до истинной виртуозности, — отсутствовалъ. Но имя его осталось. Для Турокъ оно сдѣлалось пугаломъ, страшилищемъ, наводило на нихъ панику; въ рядахъ же русскихъ войскъ производило электрическое дѣйствіе. Въ мнѣніи войскъ Суворовъ тогда уже не имѣлъ равносильныхъ соперниковъ, и никакія обстоятельства не въ силахъ были отодвинуть его въ тѣнь на долго.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Въ Петербургѣ и Финляндіи; 1791 — 1792.

Бездѣйствіе Суворова въ Петербургѣ; порученіе въ Финляндію; Потемкинскій праздникъ въ его отсутствіе; возвращеніе. — Назначеніе въ Финляндію; занятія. — Петербургскіе на Суворова наговоры за дурное содержаніе войскъ, за изнуреніе ихъ, за большое число умершихъ и бѣглыхъ. — Жалкое состояніе военно-врачебной части; злоупотребленія. — Санитарныя мѣры Суворова. — Большое число бѣглыхъ въ русской арміи; Суворовъ уменьшаетъ размѣры зла въ Финляндіи. — Негодованіе его на петербургскія обвиненія. — Тревожное состояніе Суворова по случаю разныхъ извѣстій и слуховъ; переписка съ Турчаниновымъ и Хвостовымъ; отношенія къ нимъ и другимъ лицамъ; частная жизнь Суворова и неслужебныя занятія. — Переводъ его въ Херсонъ.

Почти 3 мѣсяца жилъ Суворовъ въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла. Онъ все ждалъ справедливой оцѣнки своей славной въ минувшемъ году службы и признанія ея по достоинству, но ждалъ напрасно: судьба повернулась къ нему спиной. Носились потомъ слухи, что онъ посѣщалъ новаго фаворита и будущаго временщика Платона Зубова, съ цѣлью разныхъ внушеній и инсинуацій на счетъ Потемкина. Зубова онъ дѣйствительно посѣщалъ, и разговоры ихъ вѣроятно не обходили ни Потемкина, собиравшагося пріѣхать въ Петербургъ — *зубъ дергать*, ни другихъ предметовъ. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшемъ письмѣ Суворова къ Зубову (отъ 30 іюня 1791 г.) изъ Финляндіи, читаемъ: «ежечасно вспоминаю благосклонности вашего превосходительства и сію тихую нашу бесѣду, исполненную разума

съ пріятностью чистосердечія, праводушія, дальновидныхъ цѣлей къ общему благу». Но этимъ путемъ Суворовъ ничего не пріобрѣлъ, кромѣ самоуслажденія, да и то минутнаго. Потемкинъ былъ положимъ уже не то, что нѣсколько лѣтъ назадъ, но для одной только Екатерины, а для Суворова и всѣхъ прочихъ онъ по прежнему представлялъ собою силу несокрушимую [1]).

Пріѣхалъ въ Петербургъ и Потемкинъ. На него посыпались милости и выдающіеся знаки благоволенія; Суворовъ оставался въ сторонѣ, не при чемъ. Жестоко страдала его впечатлительная натура. Дабы сколько нибудь успокоить свой возмущенный духъ, онъ прибѣгнулъ къ средству, къ которому прибѣгалъ постоянно въ подобныхъ случаяхъ: сталъ излагать свои мысли письменно, для самого себя.

Въ одной запискѣ онъ вспоминаетъ про старое, про Козлуджи, гдѣ Каменскій помѣшалъ ему идти впередъ; про принца Кобурга, Лаудона, которые награждены лучше его, Суворова; перечисляетъ всѣхъ высшихъ генераловъ русской службы, указывая, что онъ старше почти ихъ всѣхъ. Относительно Потемкина онъ задаетъ вопросъ, что было бы ему, Суворову, если бы онъ со своими дѣлами занималъ мѣсто Потемкина? «Время кратко», кончаетъ онъ записку: «сближается конецъ, израненъ, 6 лѣтъ, и сокъ весь высохнетъ въ лимонѣ».

Въ другой запискѣ онъ пишетъ: «здѣсь поутру мнѣ тошно, ввечеру голова болитъ: перемѣна климата и жизни. Здѣсь языкъ и обращенія мнѣ не знакомы; могу въ нихъ ошибаться; потому расположеніе мое не одинаково скука или удовольствіе. По кратковременности мнѣ неколи, поздно, охоты нѣтъ учиться, чему до сего не научился. Это все къ поступкамъ, не къ службѣ; глупость или ядъ не хочетъ то различить. Подозрѣнія на меня быть не можетъ, я честный человѣкъ. Богъ за меня платитъ. Безчестность клохчетъ, и о частомъ утоленіи моей жажды извѣстно, что сія умѣреннѣе какъ у прочихъ. Зависть по службѣ! Заплатитъ Богъ. Выѣзды мои кратки; если противны,—и тѣхъ не будетъ» [2]).

Тѣмъ временемъ готовился великолѣпный праздникъ въ воспоминаніе славныхъ военныхъ подвиговъ, въ особенности

измаильскаго штурма. Присутствіе на торжествѣ истиннаго героя дня, Суворова, не могло нравиться Потемкину, особенно послѣ всего того, что между ними произошло. Было что слѣдуетъ внушено Государынѣ. За нѣсколько дней до праздника, 25 апрѣля, Суворовъ получилъ отъ Потемкина повелѣніе Государыни — объѣхать Финляндію до самой шведской границы, съ цѣлью проектировать систему пограничныхъ укрѣпленій. Суворовъ поѣхалъ съ охотой, чтобы только избавиться отъ своего бездѣйствія; край былъ ему нѣсколько знакомъ, такъ какъ 17 лѣтъ назадъ онъ уже объѣзжалъ шведскую границу, и хотя теперешняя задача представлялась посложнѣе, по при обычной своей энергіи и трудолюбіи, Суворовъ выполнилъ ее всего въ 4 недѣли времени, даже меньше.[3])

Въ то время, какъ суровою финляндскою весною онъ разъѣзжалъ въ санкахъ и таратайкахъ по дикимъ захолустьямъ русско-шведской границы, выпося лишенія, которыхъ военный человѣкъ высокаго положенія не знаетъ даже въ военное время, — Потемкинъ утопалъ въ роскоши и упивался своей славой. Въ сущности повторялось прежнее: припомнимъ Суворова, ѣдущаго въ зимнее ненастье, верхомъ на казачьей лошади, безъ багажа, къ Измаилу,—и Потемкина, предающагося въ это самое время всѣмъ пзлишествамъ въ главной квартирѣ. Но тутъ, въ Петербургѣ, контрастъ билъ въ глаза; тутъ должно было воздаваться достойному достойное, а дѣлалось на оборотъ. Это отъ того, что сказывалась неизсякшая еще Потемкинская сила; она никого конечно не убѣждала, но всѣмъ импонировала. А что за дѣло временщику до остального?

Праздникъ пропсходилъ у Потемкина, 28 апрѣля. По роскоши, разнообразію, блеску, онъ выходилъ изъ уровня самыхъ пышныхъ торжествъ того времени, отличавшагося роскошью и пышностью. Весь дворъ былъ тутъ, съ Государыней во главѣ; великіе князья танцовали въ первыхъ парахъ; дамскіе наряды поражали богатствомъ и разнообразіемъ; въ оркестрѣ и хорахъ насчитывалось до 300 музыкантовъ и пѣвцовъ; балетъ и драматическое искуство тоже не были забыты. Залитый свѣтомъ громадный залъ, великолѣпный садъ съ рѣдкими растеніями,

повсюду драгоцѣнности, рѣдкости и художественныя произведенія,—все это поражало и восхищало самыхъ привычныхъ къ изысканной роскоши людей. Искреннимъ похваламъ и комплиментамъ не было конца; Государыня была очарована; праздникъ удался совершенно.

Онъ былъ данъ въ таврическомъ дворцѣ, который Екатерина еще въ прежніе годы пожаловала Потемкину, потомъ купила обратно за полмилліона рублей и теперь снова дарила, по желанію Потемкина, вмѣсто постройки для него новаго дворца, какъ предполагалось. Но и этимъ не ограничилась щедрость Императрицы въ воздаяніе заслугъ Потемкина; положено было соорудить ему въ царскосельскомъ паркѣ обелискъ, пожалованъ фельдмаршальскій мундиръ, унизанный по швамъ бриліантами, и подарено 200,000 рублей.

Суворовъ вернулся изъ Финляндіи и представилъ проектъ укрѣпленія границы на случай наступательной войны со стороны Шведовъ. Іюня 25 послѣдовало высочайшее на его имя повелѣніе: «полагаемыя вами укрѣпленія построить подъ вѣдѣніемъ вашимъ». Мотивы въ этомъ повелѣніи изложены не были; они подразумѣвались въ тогдашнемъ положеніи дѣлъ, ибо носились неясные слухи на счетъ непрочности недавно заключеннаго съ Шведскимъ королемъ Верельскаго мирнаго трактата [4]).

Это было новою, хотя и замаскированною немилостью. Шла война съ Турціей, въ которой только одинъ Суворовъ обнаружилъ до сей поры блестящее дарованіе и рѣшительными ударами придвинулъ войну къ исходу, еслибы его побѣдами съумѣли пользоваться. Англія, Пруссія, Польша вооружались и угрожали другой войной, болѣе вѣроятной, чѣмъ шведская. Предстояла практическая военная дѣятельность въ обширномъ размѣрѣ, а лучшаго боевого генерала посылали строить крѣпости. Тѣмъ не менѣе, надо признать произвольнымъ утвержденіе большей части писателей, будто это назначеніе состоялось безъ вѣдома Суворова и повергло его въ отчаяніе. Изъ послѣдующей его переписки со статсъ-секретаремъ по военной части Турчаниновымъ видно, что на то была добрая его воля. По всей

вѣроятности онъ разсчелъ, что оставаться въ Турціи подъ начальствомъ Потемкина ему нельзя, и рѣшился принять службу въ Финляндіи. Здѣсь онъ былъ самостоятеленъ, т. е. зависѣлъ непосредственно отъ военной коллегіи, чего давно добивался, и переводъ отсюда, въ случаѣ надобности, въ другое мѣсто, считалъ легко исполнимымъ [5]).

На назначеніи Суворова въ Финляндію сошлись и Государыня и Потемкинъ, только по разнымъ соображеніямъ. Еще въ концѣ 1789 года, въ одномъ изъ писемъ къ Потемкину, Екатерина говоритъ: »мнѣ нравится, куда мы Суворова прочимъ». Спустя года полтора, 25 апрѣля 1791 года, передъ Потемкинскимъ праздникомъ, она пишетъ временщику, что находитъ очень хорошею его мысль—назначить Суворова въ Финляндію, и прилагаетъ подписанный рескриптъ, для вручения по принадлежности, предоставляя это впрочемъ его, Потемкина, усмотрѣнію. Очевидно, что въ первомъ случаѣ назначеніе Суворова въ Финляндію, когда еще продолжалась война со Швеціею, и командующій русскими войсками Мусинъ-Пушкинъ оказался совершенно неспособнымъ,—было вполнѣ логично. Если оно не состоялось, то конечно потому, что Суворовъ съ Потемкинымъ ладилъ и былъ еще ему нуженъ въ Турціи, что и доказалъ въ 1790 году подъ Измаиломъ. Позже Суворовъ сдѣлался уже совсѣмъ не нужнымъ, даже больше, — и потому Потемкинъ вручилъ ему рескриптъ Государыни. Однако дѣло ограничивалось временнымъ порученіемъ, командировкой; начальникомъ Финляндской дивизіи Суворовъ назначенъ не былъ и, по росписанію войскъ подъ начальствомъ Потемкина, составленному въ маѣ 1791 года, помѣщенъ въ списки главной арміи [6]).

Суворовъ поѣхалъ и тотчасъ же принялся за работу. Нѣкоторые называютъ его охотникомъ и знатокомъ инженернаго дѣла. Онъ дѣйствительно былъ хорошо съ нимъ знакомъ, быть можетъ даже нѣсколько лучше, чѣмъ съ другими вспомогательными отраслями военнаго искуства, но вовсе его не любилъ и постоянно имъ тяготился. Это впрочемъ не повліяло на успѣхъ. Въ продолженіе $1^1/_2$-годового своего пребыванія въ Финляндіи, Суворовъ исполнилъ въ существенныхъ чертахъ свой планъ, соста-

вленный послѣ предварительной финляндской поѣздки и утвержденный Государыней. Усилены укрѣпленія Фридрихсгама, Вильманстранда и Давидштадта; исправленъ и усиленъ Нейшлотъ; на важнѣйшихъ дорогахъ изъ шведской Финляндіи къ Фридрихсгаму, Вильманстранду и Завитайполю сооружены новые форты Ликкола, Утти и Озерный; оборонительныя средства саволакской дороги, заключавшіяся въ Нейшлотѣ, усилены проведеніемъ каналовъ въ окрестной странѣ, усѣянной озерами. Для противовѣса Свеаборгу и съ цѣлью дать надежную станцію шхерному флоту, возведены при Роченсальмѣ, на нѣсколькихъ островахъ, довольно сильныя укрѣпленія, а на сухомъ пути заложена крѣпость Кюменегардъ. Такимъ образомъ Роченсальмъ сдѣлался главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южной части финляндской границы, и въ концѣ 1792 года Екатерина имѣла полное основаніе лично благодарить Суворова за то, что «онъ подарилъ ей новый портъ».

Вообще Государыня относилась съ полнымъ одобреніемъ къ строительнымъ трудамъ Суворова, что и выражала ему неоднократно. Да и самъ онъ былъ доволенъ ходомъ дѣла и въ концѣ 1791 года писалъ Турчанинову, что недовѣріе къ себѣ есть мать премудрости, что успѣхъ превысилъ ожиданіе и что въ слѣдующее лѣто границы будутъ обезпечены на 100 лѣтъ. Онъ считалъ дѣломъ своей чести—поднять кейзеръ-флагъ въ Роченсальмѣ и имѣлъ утѣшеніе дождаться исполненія своей мечты. При рескриптѣ 26 августа 1792 года Государыня, сообщая ему, что повелѣла выслать кейзеръ-флагъ и штандартъ для роченсальмскаго порта, приказываетъ подымать первый въ будни, а второй въ праздники, по обыкновенію. Послѣ того, Суворовъ при всякомъ удобномъ случаѣ старался прогуляться по Роченсальму и полюбоваться на свое произведеніе, какъ говорится *чужимъ взглядомъ*. «Массивнѣе, прочнѣе и красивѣе строеніевъ тяжело обрести», писалъ онъ своему племяннику, Хвостову: «такъ и всѣ пограничныя крѣпости». Нейшлотъ былъ тоже его гордостью. Маскируя свое удовольствіе при видѣ этого форта, онъ говорилъ: «знатная крѣпость, помилуй Богъ, хороша: рвы глубоки, валы высоки: лягушкѣ не перепрыгнуть, съ однимъ взводомъ

штурмомъ не взять». Сообщая въ Петербургъ по своей обязанности разные извѣстія и слухи, доходившіе изъ-за границы, даже изъ самаго Стокгольма, Суворовъ не упускаетъ случая похвастать впечатлѣніемъ, производимымъ на шведскую публику быстро воздвигаемыми русскими укрѣпленіями, прибавляя, что существуетъ между Шведами опасеніе, какъ бы не поступили съ ихъ крѣпостями, какъ съ турецкими, — напоминаніе между строками объ Измаилѣ, такъ плохо награжденномъ [7]).

Работы шли быстро и успѣшно между прочимъ потому, что Суворовъ торопился отъ нихъ отдѣлаться, чтобы быть свободнымъ для иной службы, въ другомъ мѣстѣ. Онъ отнималъ время отъ сна, переѣзжалъ безпрерывно съ мѣста на мѣсто, обходилъ работы, вникалъ въ мелочи и частности. Кромѣ того требовалось дѣлать не только хорошо, но и дешево. Суворовъ розыскивалъ известковый камень и жегъ изъ него известь, устраивалъ временные кирпичные заводы, выписывалъ известь и кирпичъ дополнительно изъ Петербурга и Ямбурга, строилъ для ихъ доставки особыя суда. Переписка его полна распоряженіями по этому предмету, которыя совсѣмъ не вяжутся съ представленіемъ о рымникскомъ и измаильскомъ побѣдителѣ. Все это сильно его тяготитъ и временами выводитъ изъ терпѣнія, когда представляются усложненія и препятствія. А въ нихъ недостатка не было. Освидѣтельствована по крѣпостямъ артиллерія и написано въ Петербургъ объ ея исправленіи; прошелъ годъ, — ничего не сдѣлано. Бури прорываютъ плотины, и усиленные годовые труды пропадаютъ. «Лаубе (строитель) тремя его каналами мнѣ накопилъ работы пуще трехъ баталіевъ; непзмѣрныя работы, недостатокъ людей, немогзнайство и ускромейство непрестанныя», жалуется Суворовъ Хвостову. Поручивъ надзираніе за какой-то работой одному полковнику, Суворовъ долго ее не посѣщалъ, а когда пріѣхалъ, то нашелъ большія неисправности. Онъ сталъ выговаривать полковнику, тотъ сваливалъ вину на своего подчиненнаго. «Оба вы не виноваты», сказалъ разсерженный Суворовъ, схватилъ прутъ и началъ хлестать себя по сапогамъ, приговаривая: «не лѣпитесь, не лѣнитесь; если бы вы сами ходили по работамъ, все было бы хорошо и исправно» [8]).

Это несомнѣнно, но физической къ тому возможности не было. У Суворова, кромѣ постройки и исправленія крѣпостей, были на рукахъ войска и флотилія. Большая часть гребной флотиліи находилась въ шхерахъ, меньшая на озерѣ Саймѣ. Сначала флотиліей командовалъ принцъ Нассау-Зигенъ, но лѣтомъ 1791 года онъ отпросился у Екатерины на Рейнъ, чтобы предложить свои услуги французскимъ принцамъ для войны противъ республиканцевъ. Флотилія была не малая, въ ней числилось до 125 судовъ разныхъ названій и величины, съ 850 орудіями; она состояла подъ начальствомъ контръ-адмирала маркиза де-Траверсе и генералъ-маіора Германа, подчиненныхъ Суворову. На немъ лежали обязанности по укомплектованію судовъ, по обученію людей, по производству морскихъ экзерцицій и маневровъ. Суворовъ никогда не бывалъ начальникомъ номинальнымъ; онъ постарался познакомиться, сколько возможно, и съ военно-морскою спеціальностью. Кое-какія практическія свѣдѣнія онъ пріобрѣлъ раньше, въ Очаковскомъ лиманѣ, гдѣ ему тоже подчинена была флотилія, и продолжалъ въ Финляндіи присматриваться къ дѣлу. Въ первую свою сюда поѣздку, онъ бралъ частные уроки, о чемъ и писалъ тогда же Турчанинову; позже, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ въ шутку просилъ испытать себя въ морскихъ познаніяхъ и выдержалъ экзаменъ довольно удовлетворительно [9]).

Если начальствованіе флотиліей не было номинальнымъ и требовало отъ Суворова трудовъ и времени, то тѣмъ паче командованіе войсками. Укрѣпленія, каналы, флотилія не причиняли ему и десятой доли тѣхъ непріятностей, которыя посыпались на него за войска. Неудовольствія начались еще въ Петербургѣ. Въ какомъ-то собраніи или, какъ говоритъ Суворовъ, «въ компаніи», вѣроятно высокостоящіе люди осмѣивали и осуждали взглядъ его на дисциплину и субординацію. Упоминая про это въ одномъ изъ своихъ писемъ, Суворовъ не пускается въ опроверженія, а только замѣчаетъ ѣдко, что эти господа «понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацію въ трепетѣ подчиненныхъ». Мѣсяца черезъ два или черезъ три стали доходить до него слухи, что въ Петербургѣ толкуютъ, будто войска въ

Финляндіи наги и босы, будто работающіе на укрѣпленіяхъ и капалахъ не имѣютъ рабочаго платья, будто всѣ люди вообще не получаютъ срочной по закону одежды и тому подобное. Эти вѣсти оскорбили и раздражили Суворова. Онъ пишетъ Хвостову письмо, опровергаетъ взводимыя на него вины, излагаетъ подробности, объясняетъ, что снабженіе войскъ одеждою не принадлежитъ къ его, Суворова, обязанностямъ и власти; говоритъ, что графъ Николай Ивановичъ (Салтыковъ, вѣдавшій военнымъ департаментомъ) долженъ былъ раньше другихъ знать, что люди наги и босы, что все это «прибаски кабацкаго ярыги». Затѣмъ онъ переходитъ въ угрожающій тонъ: «однако я не жалую, чтобы меня кто рѣшился порицать, и лучше буду требовать сатисфакціи»,—и даетъ наставленіе, какъ поступать съ клеветниками: «помните, никогда не négatif, не извинительное, оправдательное, ниже объяснительное, но упоръ —наступательный...: Я какъ партикулярный человѣкъ, отвѣчаю всякому партикулярному человѣку, какъ ровный ему, кто бы онъ ни былъ... И чтобы то не было одно угроженіе, то я нынѣ желаю знать — кто на меня дерзнулъ клеветать». Вѣроятно Хвостовъ узналъ и сообщилъ ему имя сплетника, ибо Суворовъ написалъ и послалъ (неизвѣстно кому) письмо: «По слухамъ пріѣзжихъ, ваше высокопревосходительство знаете, чѣмъ честь платятъ. Изъ почтенія къ вамъ, наконецъ я долженъ буду впредь приступить къ требованію удовольствія по законамъ» [10]).

Работы въ крѣпостяхъ и на каналахъ производились нарядомъ людей отъ земли и отъ войскъ, на точномъ основаніи высочайшаго повелѣнія. Солдатамъ платилось по 5 коп. заработныхъ денегъ въ сутки; эта норма также была одобрена Государыней, по представленію Суворова, и очевидно была недостаточна. Хотя такимъ образомъ солдаты были заняты работами, но Суворовъ требовалъ отъ нихъ и военнаго образованія; такъ что лѣтомъ одни работали, другіе учились, а передъ роспускомъ на зимнія квартиры, всѣмъ производились строевыя ученья и маневры. Суворовъ считалъ трудовую жизнь солдата необходимымъ условіемъ военнаго благоустройства, а военную подготовку войскъ—самымъ важнымъ требованіемъ, никакими другими тре-

бованіями не отмѣняемымъ. Поэтому онъ постоянно писалъ Хвостову и Турчанинову, что распустилъ на зимнія квартиры «не мужиковъ рабочихъ, а солдатъ», и при этомъ роспускѣ подтверждалъ начальникамъ, «что труды здоровѣе покоя», т.-е. указывалъ, чтобы и зимой солдаты не были праздны [3]).

Въ высшихъ служебныхъ сферахъ Петербурга пошли толки, что Суворовъ не жалѣетъ солдатъ, эксплуатируетъ ихъ безчеловѣчно съ цѣлью выслужиться самому, и оттого они въ огромномъ числѣ болѣютъ или бѣгаютъ за границу. Говорили, что Суворовъ, имѣя странный взглядъ на медицину и лечебницы, закрылъ вовсе госпитали, а потому несчастные солдаты мрутъ какъ мухи. Толковали, что необходимо прекратить такіе непормальные порядки; что слѣдуетъ воспретить чудаковатому генералу изнурять солдатъ непосильными работами (напр., жженіемъ извести) и послѣ работъ строевыми ученьями и маневрами; что убыль людей въ Финляндіи дошла до громадной цифры и т. п.

Финляндская дивизія дѣйствительно отличалась отъ другихъ большимъ числомъ бѣглыхъ и умершихъ, что́ впрочемъ было давнимъ ея свойствомъ, а не виною Суворова; но нелюбовь къ нему высшихъ правительственныхъ сферъ и близость Финляндіи къ Петербургу питали темы для пересудовъ и давали имъ оттѣнокъ справедливости. Напримѣръ, выборгскій губернаторъ сообщилъ въ 1791 году Турчанинову, что Суворовъ собирается ломать камень и жечь изъ него известь; что онъ опустошитъ только лѣса и уморитъ людей на зимней работѣ, а известь все-таки получитъ никуда негодную. Предсказаніе не оправдалось: известь добывалась очень удовлетворительная, такъ что въ одномъ изъ писемъ Турчанинову, Суворовъ кричитъ ей «виватъ». Тѣмъ не менѣе такихъ поводовъ было достаточно, чтобы открыть противъ Суворова кампанію [11]).

Въ тѣ времена военно-врачебная часть и въ западной Европѣ находилась въ жалкомъ состояніи, а въ Россіи отличалась совершеннымъ безобразіемъ. Писатель-очевидецъ говоритъ, что на русскій военный госпиталь можно было смотрѣть почти какъ на могилу; что врачей въ русской арміи было чрезвычайно мало;

что были они почти все изъ нѣмцевъ и только назывались врачами, а на самомъ дѣлѣ были простые цирульники, оставшіеся на родинѣ безъ работы; что жалованье они получали на русской службѣ ничтожное, которымъ нельзя было приманить мало-мальски сноснаго врача. Ко всему этому присоединялось соображеніе, или лучше сказать отсутствіе соображенія о стоимости человѣческой жизни, вслѣдствіе чего смертность въ войскахъ была страшная, а въ рекрутахъ, до прибытія ихъ въ войска, и того больше. Были мѣстности, именно Кронштадтъ и Финляндія, гдѣ скорбутъ уносилъ изъ войскъ полкомплекта ежегодно. Къ 70-мъ годамъ, по заявленію того же писателя, военно-врачебная часть нѣсколько улучшилась, потому что службу врачей стали оплачивать лучше. Улучшеніе было однако же незначительное, потому что, по свидѣтельству другого современника, русскаго генералъ-поручика Ржевскаго, въ 80-хъ годахъ «установленіе госпиталей, ихъ содержаніе и образъ контрактовъ *ужасаютъ;* къ этому скверный выборъ лекарей». Въ своихъ объяснительныхъ по этому предмету письмахъ, Суворовъ прямо говоритъ, что на немъ отзывается неустройство предшествовавшихъ 60 лѣтъ; что онъ засталъ годовую смертность въ войскахъ больше 1,000 человѣкъ; что однажды при его предмѣстникѣ въ одинъ день умерло 500 и что все это извѣстно военной коллегіи [12]).

Контракты подрядческіе въ госпиталяхъ были истинно разбойничьи, а содержаніе больныхъ служило предметомъ самаго наглаго лихоимства и трудно-вообразимыхъ злоупотребленій. Порядочной величины госпиталь, не стоящій впустѣ, былъ золотымъ дномъ для неразборчивыхъ охотниковъ до наживы; не даромъ же Суворову предлагали въ Крыму взятку въ 7,000 рублей за то только, чтобы онъ *не закрывалъ* госпиталей. Главныя злоупотребленія коренились на числѣ умершихъ, времени ихъ смерти, способѣ счисленія ихъ и проч. «Мертвая собака не лаетъ», съ горькимъ цинизмомъ поясняетъ Суворовъ. «Брошенъ въ яму фланговый рядовой Алексѣевъ», говоритъ онъ дальше (надо думать обмершій или трудно больной): «вдругъ стучится у спальни (вѣроятно начальника) нагой». «Вѣдь ты умеръ?»—

«Нѣтъ, живъ». Суворовъ прибавляетъ лаконически: «былъ богатъ». Продолжая посвящать Хвостова въ подробности военно-врачебныхъ порядковъ, онъ иронизируетъ: «бываютъ и ошибки»: иной положитъ себѣ въ карманъ 2-мѣсячный провіантъ на извѣстное число людей, въ надеждѣ, что авось повымрутъ за это время, но по несчастью для него не вымерли, и въ такомъ случаѣ проектированные мертвецы отправляются гулять за милостынею, до истеченія термина [5]).

При суровомъ климатѣ Финляндіи и обиліи болотъ, солдаты, уроженцы другихъ мѣстъ Россіи, хворали особенно много: зимою скорбутомъ, весною и осенью — лихорадками, лѣтомъ — поносами и горячками. Госпитали переполнялись, злокачественность ихъ увеличивалась; врачей приходилось по одному на сотню и больше больныхъ; госпитальная прислуга отличалась полнѣйшимъ невѣжествомъ въ своемъ дѣлѣ. Какъ же было Суворову не принять радикальныхъ мѣръ, не опростать до послѣдней возможности госпиталей, сдѣлавшихся безъ преувеличенія гнѣздами заразы, и не передать большую часть больныхъ въ лазареты при войскахъ, на прямую отвѣтственность ихъ непосредственныхъ начальниковъ? Онъ такъ и поступилъ: эвакуировалъ госпитали; людей, наиболѣе пострадавшихъ отъ болѣзней, велѣлъ выключить въ отставку, а остальныхъ передать въ полковые лазареты. Въ госпиталяхъ остались только одержимые чахоткой, водянкою, камнемъ и сифилисомъ, да находившіеся на испытаніи въ дѣйствительности падучей болѣзни. Въ двухъ госпиталяхъ находилось больше 1,000 больныхъ; послѣ эвакуаціи осталось очень не много, въ одномъ изъ нихъ всего 40 [13]).

Одновременно съ опорожненіемъ госпиталей, онъ устраивалъ лазареты, околодки, слабосильныя команды. Достойны вниманія тѣ подраздѣленія больныхъ, которыя у него практиковались: больные, слабые, хворые и льготные (имѣющіе временную льготу отъ служебныхъ обязанностей). Приказано, подъ угрозой строгаго взысканія, въ дальніе госпитали *больныхъ* не посылать: «дорогой они приходятъ въ худшее состояніе и вступаютъ полумертвыми въ смертоносный больничный воздухъ». Давать *слабымъ* льготу и помѣщать на пользованіе «въ особой казармѣ или

въ крестьянскихъ домахъ; соблюдать крайнюю чистоту; потному не садиться за кашу, не ложиться отдыхать, а прежде разгуляться и просохнуть. На лихорадку, поносъ и горячку—голодъ, на цынгу—табакъ. Кто чиститъ желудокъ рвотнымъ, слабительнымъ, проноснымъ, — тотъ день голодъ. Солдатское слабительное— ревень, корень коневьяго щавеля тоже. Непрестанное движеніе на воздухѣ. Предосторожности по климату—капуста, хрѣнъ, табакъ, лѣтнія травки. Минералы, ингредіенціи (аптечныя лекарства) не по солдатскому воспитанію, на то ботаническія средства въ артеляхъ» [14]).

Изъ сказаннаго видно, что Суворовъ былъ, что называется *гигіенистъ*, т.-е. шагнулъ далеко впередъ сравнительно со своими современниками. Зная бытъ солдатъ, ихъ понятія, симпатіи и антипатіи какъ свои пять пальцевъ, онъ не только не думалъ оспаривать ихъ традиціонную ненависть къ госпиталямъ (не исчезнувшую и въ наше время), но поддерживалъ ее, дѣйствуя такимъ образомъ совершенно въ ихъ духѣ, и съ помощью его мѣръ процентъ болѣзненности и смертности въ войскахъ понизился ощутительно. А между тѣмъ, эти самыя мѣры послужили поводомъ къ злоязычію въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Не хотѣли и не умѣли видѣть въ Суворовѣ, кромѣ чудака, еще нѣчто другое; какъ его живое, осмысленное обученіе Суздальскаго полка въ Ладогѣ относили къ категоріи причудливыхъ выходокъ, такъ теперь въ Финляндіи здравыя гигіеническія мѣры огласили вреднымъ фантазерствомъ, которое подбито эгоистическими разсчетами. Правда, убыль въ войскахъ была все-таки велика. Въ одинъ изъ моментовъ Суворовскаго $1^1/_2$-годового командованія, въ Финляндіи считалось по штатамъ въ войскахъ 44,164 человѣка; изъ нихъ не доставало до комплекта 9,633, въ отлучкахъ и госпиталяхъ было 4,267, больныхъ всѣхъ категорій состояло при полкахъ 3,408; здоровыхъ находилось на лицо 26,856. Но надо взять въ разсчетъ мѣстныя условія и цифры прежняго времени, да кромѣ того принять въ соображеніе усиленныя работы въ крѣпостяхъ и на каналахъ; освѣщеніе тогда получится нѣсколько другое [15]).

Изъ числа опорныхъ пунктовъ для нападокъ на Суворова,

главный состоялъ въ большомъ числѣ бѣглыхъ. Но это было язвой всей русской арміи того времени; особенно много теряли бѣглыми войска, расположенныя въ областяхъ пограничныхъ, такъ что въ разныхъ мѣстахъ, за русскою границею, образовались цѣлыя колоніи русскихъ бѣглыхъ солдатъ. Къ числу такихъ наиболѣе благопріятныхъ для бѣговъ раіоновъ, принадлежала и Финляндія. Она имѣла за собою еще одну особенность: служила ссылочнымъ мѣстомъ для порочныхъ солдатъ. Русскія войска въ Финляндіи постоянно получали на свое укомплектованіе множество такъ-называемыхъ *кригсрехтныхъ* (осужденныхъ по суду, за вины) и переведенныхъ изъ гвардіи за проступки. Немудрено поэтому, что въ финляндскихъ войскахъ было постоянно много бѣглыхъ. Суворовъ писалъ, что бѣглыхъ Шведовъ на нашей территоріи еще больше; конечно это не оправданіе, но для насъ оправданіе собственно и не нужно, такъ какъ не можетъ быть и обвиненія, ибо корень зла лежалъ глубоко. Довольно того, что Суворовъ уменьшилъ размѣры зла. При его предмѣстникѣ, по одному только полку было бѣглыхъ до 700 человѣкъ, а при немъ въ 10 мѣсяцевъ бѣжало изъ всѣхъ войскъ меньше 300 [15]).

Предмѣстникомъ Суворова въ Финляндіи былъ графъ И. П. Салтыковъ, его начальникъ на Дунаѣ въ первую Турецкую войну. Графъ Салтыковъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ посредственностью, но человѣкъ родовитый и со связями, которыя умѣлъ пріобрѣтать и сохранять угодливостью передъ сильными міра. Защищая себя отъ нападокъ, Суворовъ поневолѣ приводилъ въ свое оправданіе безпорядки и неумѣлость Салтыковскаго командованія, указывалъ цифры и не церемонился въ выраженіяхъ. Представленную Салтыковымъ вѣдомость онъ называлъ въ офиціальномъ письмѣ «безтолковою»; писалъ, что Салтыковъ доказалъ свое «недоуміе» и тому подобное. Это только подливало масла въ огонь; Салтыковъ и его благопріятели усиливали отпоръ и нападенія; Суворовъ—безъ связей, безъ поддержки, да къ тому же отсутствующій, тщетно возвышалъ свой голосъ; обвиненія противу него не стихали. Наконецъ онъ обратился въ военную коллегію со слѣдующимъ посланіемъ: «Военной коллегіи извѣст-

но, что я въ Финляндіи имѣлъ, черезъ 10 мѣсяцевъ, умершихъ болѣе 400, бѣжавшихъ свыше 200, а больныхъ, слабыхъ и хворыхъ оставилъ свыше 300. Это опредѣляетъ клевету, недоуміе и лжесвидѣтельство. Хотя оное теперь оставляю, но впредь за такіе плевелы буду утруждать коллегію о разбирательствѣ, поелику мнѣ честь службы священна». Тѣ же цифры, но въ еще болѣе сжатыхъ выраженіяхъ, онъ сообщаетъ Платону Зубову, говоря: «впрочемъ отвѣчаютъ прежніе начальники; довольно ли противъ клеветы, недоумія и молвы о ложномъ изнуреніи?» [16]).

Приведеніе финляндской границы въ оборонительное состояніе было главнымъ дѣломъ Суворова въ 1791 и 1792 годахъ, на которое преимущественно и употреблялись его войска. Образованіе ихъ по необходимости было сдвинуто съ перваго плана, но отнюдь не пренебрежено, и всякое свободное время употреблялось на ихъ обученіе. Въ программу обученія входили и походныя движенія. На эту статью антагонисты Суворова нападали особенно, говоря, что онъ безъ всякой надобности гоняетъ людей, изморенныхъ и безъ того работами. Суворовъ указывалъ на неосновательность обвиненія примѣрами своихъ усиленныхъ маршей со времени командованія полкомъ, приводя и цифры убыли во время этихъ походовъ, но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Боевое обученіе войскъ производилось съ раздѣленіемъ ихъ на двѣ стороны; маневрировали войска всюду ,на любой мѣстности. До той поры считалось за аксіому, что въ Финляндіи производить маневры по свойствамъ мѣстности нельзя. Суворовъ съ этимъ не соглашался и писалъ Хвостову: «оболгали мы здѣсь невозможность всемѣстныхъ маневровъ». Не ограничиваясь одною механическою стороною дѣла, онъ, по своему обыкновенію, старался заинтересовать солдатъ смысломъ ученья, въ чемъ и успѣвалъ. Въ письмѣ его къ Хвостову читаемъ, что маневръ одному изъ полковъ, среди ротныхъ квартиръ, былъ хорошъ и понравился всѣмъ; солдаты, расходясь по ротамъ, оборачивались и глядѣли на мѣсто только что происходившаго примѣрнаго сраженія. Достойно также вниманія, что ощущая недостатокъ въ генеральномъ штабѣ, Суворовъ бралъ молодыхъ офицеровъ и назначалъ ихъ въ колонновожатые поочередно [17]).

Такимъ образомъ уходило все время Суворова; изрѣдка ѣзжалъ онъ въ Петербургъ на нѣсколько дней, но и эти отлучки находилъ неудобными. Вернувшись однажды, онъ нашелъ значительную прибыль больныхъ. «Нашему брату съ поста не отлучаться; держитесь сего, коли вздумасте донкишотить», писалъ онъ по этому поводу Турчанинову: «бѣгите праздности; коли нельзя играть въ кегли, играйте въ бабки». Слѣдуя этому правилу, Суворовъ и игралъ въ Финляндіи «въ бабки», возводя форты, проводя каналы. И эта скромная дѣятельность можетъ статься удовлетворила бы его, еслибы въ то же самое время, въ другихъ мѣстахъ, другіе люди не играли «въ кегли». Но они играли, и философскіе афоризмы Суворова оказывались для него самого, въ примѣненіи, пустыми звуками [18]).

Кампанія 1791 года въ Турціи велась довольно дѣятельно, потому что Потемкинъ проживалъ въ Петербургѣ, сдавъ войска во-временное начальствованіе князя Репнина. Она ознаменовалась нѣсколькими крупными дѣлами: взятіемъ штурмомъ Анапы, разбитіемъ турецкаго флота при Калакріи, побѣдою князя Репнина при Мачинѣ. Все это вмѣстѣ взятое, особенно мачинская побѣда, гдѣ легло на мѣстѣ свыше 4,000 Турокъ, побудило наконецъ султана искать мира. Репнинъ вступилъ въ переговоры, и по прошествіи немногихъ дней были подписаны 31 іюля предварительныя условія мира. Побѣда Репнина сильно уязвила Потемкина, который хотѣлъ стоять на высотѣ одинокимъ и еще въ прежнее время опасался возвышенія Репнина, какъ потомъ Суворова. До сей поры никакія настоянія Государыни не могли выжить его изъ Петербурга, теперь онъ поскакалъ сломя голову въ армію. Онъ опоздалъ: предварительныя условія мира были уже подписаны. Потемкинъ выходилъ изъ себя, осыпалъ Репнина бранью и настаивалъ на мирныхъ условіяхъ, болѣе выгодныхъ. Онъ былъ отчасти правъ; изъ эгоистическихъ ли разсчетовъ или вслѣдствіе невѣрной оцѣнки взаимнаго положенія двухъ переговаривавшихся сторонъ, Репнинъ поторопился и, по словамъ Безбородко, много напортилъ. Потемкинъ перенесъ переговоры въ Яссы, въ надеждѣ направить ихъ на свой ладъ, но не успѣлъ довести ихъ до конца. Болѣзнь его, которая уже ясно давала

себя знать въ Петербургѣ, усилилась; присланные Екатериной знаменитые врачи не помогали, тѣмъ болѣе, что Потемкинъ и не слушался ихъ, твердо надѣясь на свою желѣзную натуру. Но натура не выдержала подъ напоромъ неумѣренныхъ требованій и безпорядочнаго режима. Чувствуя приближеніе смерти, Потемкинъ выѣхалъ изъ Яссъ въ Николаевъ, но отъѣхавъ едва 40 верстъ, не могъ продолжать путь и близъ дороги, въ степи, скончался [19]).

Много было у него поклонниковъ, льстецовъ, искателей и ласкателей или, по выраженію Суворова, сателитовъ, но друзей онъ по себѣ не оставилъ. Искренно оплакивала его одна Екатерина, да развѣ еще тѣ, чьи интересы были связаны съ его интересами. Онъ оставилъ по себѣ громадное состояніе изъ 76,000 душъ крестьянъ, кромѣ другой недвижимости; бриліантовъ насчитывалось на $1^1/_2$ милліона рублей. Было не мало и долговъ; ѣдучи послѣдній разъ изъ арміи въ Петербургъ, онъ накупилъ на 200,000 рублей, въ долгъ, разныхъ вещей для подарковъ знакомымъ дамамъ, да въ какіе нибудь 5 мѣсяцевъ прожилъ тамъ до 850,000 р. Въ гражданскомъ управленіи ввѣренныхъ ему губерній царилъ полный хаосъ, гдѣ не только повѣрки, но и простого счета трудно было добиться. Въ занятой войсками Молдавіи опустошеніе превосходило всякую мѣру и безпорядокъ былъ ужасный; вся страна кляла свою участь и ея виновника. Армія была обставлена въ матеріальномъ отношеніи удовлетворительно, но сіятельные и превосходительные подрядчики страшно наживались. Названія полковъ и вооруженіе ихъ были совсѣмъ не тѣ, какія назначены штатами и постановленіями; армія была набита иностранцами и разными проходимцами, получившими штабъ-офицерскіе чины по дамской протекціи; понятіе о заслугѣ почти перестало существовать. Солдаты были распущены до степени своеволія; офицеры утратили въ глазахъ нижнихъ чиновъ всякое значеніе, ибо Потемкинъ обыкновенно оправдывалъ во всемъ подчиненныхъ и винилъ начальниковъ. Тактическое образованіе войска упало. Тяжелая предстояла задача преемнику Потемкина [20]).

Чтобы привести мирные переговоры какъ можно скорѣе къ

исходу, Государыня послала въ Яссы графа Безбородко. Турки однако успѣли уже поднять голову и стали отступаться отъ прежнихъ условій; но энергическія и искусныя дѣйствія Безбородко образумили ихъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря 1791 г. миръ былъ подписанъ. Очаковъ со своею территоріею перешелъ во владѣніе Россіи; пограничною рѣкою сдѣлался Днѣстръ; всѣ прочія завоеванія Русскихъ въ Азіи и Европѣ были возвращены Турціи. Вмѣшательство соперничествовавшихъ державъ, въ связи съ предводительскою бездарностью Потемкина и австрійскихъ главнокомандующихъ, далеко отодвинули дѣйствительныя мирныя условія отъ мечтательныхъ химеръ греческаго проекта. Для четырехъ кампаній и огромныхъ понесенныхъ жертвъ, пріобрѣтено было немного, такъ какъ Кубань и Крымъ перешли во владѣніе Россіи еще раньше. Но въ такой же несоразмѣрности оказались и турецкія первоначальныя цѣли войны съ ея результатами. Порта надѣялась отвоевать завоеванное у ней прежде, а между тѣмъ поплатилась вновь цѣлою провинціею. Поступательное движеніе Россіи не было остановлено, и она сдѣлала новый шагъ по направленію своего историческаго призванія.

Съ горячечнымъ чувствомъ слѣдилъ за этими событіями Суворовъ. Въ немъ кипѣла буря, и чтобы ее утишить, ему приходилось прибѣгать къ самообольщенію, къ отыскиванію тѣни на свѣтлыхъ мѣстахъ, —ко всему тому, что обыкновенно диктуетъ глубоко оскорбленное самолюбіе. При полученіи извѣстій о штурмѣ Анапы Гудовичемъ и о мачинской побѣдѣ Репнина, онъ проситъ у Хвостова увѣдомленія «о 1 классѣ (Георгія) Репнину» и спрашиваетъ: «вкупѣ съ успѣхами Гудовича не навлекаетъ ли мнѣ то упадокъ?» Хвостовъ, одержимый страстью къ стихотворству въ размѣрѣ, обратно пропорціональномъ дарованію, тѣмъ временемъ успѣлъ написать оду въ честь Репнина и старается узнать, какъ на это смотритъ ревнивый къ славѣ другихъ дядя. Суворовъ, еще не утратившій самообладанія, отвѣчаетъ: «вправду не пошлете ли оду князю Н. В. Репнину, тѣмъ піиты утверждаютъ въ патріотствѣ; какъ думаете». Но потомъ досада беретъ мало по малу свое, и тайныя мысли начинаютъ высказываться. По обыкновенію пошли слухи про дутыя цифры донесенія; гово-

рили, что Турокъ было не 100,000, а всего 15,000 (на самомъ дѣлѣ было около 70,000), что визиря въ сраженіи не было (что и дѣйствительно), что потеря Русскихъ гораздо значительнѣе показанной въ реляціи. Суворовъ схватываетъ молву на лету и спрашиваетъ у Хвостова разъясненія этихъ и другихъ слуховъ: «такія и подобныя интересуютъ; князю Репнину, какъ патріоту, желаю блага». Въ слѣдующемъ письмѣ являются опасенія; Суворовъ боится, что если еще разъ удастся побить визиря, то Потемкинъ генералиссимусъ, а чѣмъ далѣе онъ пойдетъ, тѣмъ хуже. Находясь въ Петербургѣ, онъ, Потемкинъ, стоялъ на колеблющейся почвѣ, а теперь Репнинъ далъ ему новыя силы, «такъ что лучше бы вовсе не было Мачина». Затѣмъ проглядываетъ желаніе—уменьшить заслугу Репнина: «при Мачинѣ дѣйствовали рымникскія и измаильскія войска, но кавалерія была сбита за то, что стояла на воздухѣ... Софизмъ списочнаго старшинства; быть мнѣ подъ его игомъ, быть кошкою каштанной обезьяны или совою въ клѣткѣ; не лучше ли полное ничтожество?» Напослѣдокъ Суворовъ пишетъ эпиграмму, называя ее переводомъ съ англійскаго [21]):

„Оставшихъ тѣней всѣхъ предтекшихъ пораженьевъ
„Пятнадцать тысячъ вихрь подъ Мачинъ накопилъ:
„Герой ударилъ въ нихъ, въ фаготъ свой возопилъ:
„Здѣсь самъ визирь и съ нимъ сто тысячъ привиденьевъ“.

Впрочемъ въ это время, т.-е. при жизни Потемкина, Суворовъ еще не обнаруживалъ къ Репнину жгучей непріязни, и въ прошедшемъ между Потемкинымъ и Репнинымъ столкновеніи по поводу заключенныхъ съ Турціей предварительныхъ мирныхъ условій, держалъ сторону Репнина. Въ непріязни Суворова къ Потемкину заключался для Репнина противувѣсъ, такъ какъ для первой существовало больше дѣйствительныхъ причинъ; когда же Потемкинъ умеръ, ревнивое чувство Суворова перешло значительною долею на Репнина, а по отношенію къ покойному утратило свою ѣдкость. На первыхъ порахъ Суворовъ отдалъ Потемкину даже справедливость, по крайней мѣрѣ относительно ума, сказавъ (что повторялъ и впослѣдствіи): «великій человѣкъ и человѣкъ великій: великъ умомъ, великъ и ростомъ; не похо-

дилъ на того высокаго французскаго посла въ Лондонѣ, о которомъ канцлеръ Баконъ сказалъ, что чердакъ обыкновенно худо меблируютъ». Позже всякое горькое чувство къ Потемкину въ Суворовѣ пропало, и онъ старался вспоминать «одни его благодѣянія». За то явились другіе недруги: жизнь и натура взяли свое [22]).

Вскорѣ послѣ мира съ Турціей, открылась война съ Польшей. Было уже упомянуто раньше, что паденіе Польши назрѣвало давно, что оно было намѣчено ходомъ исторіи какъ ея собственной, такъ и сосѣднихъ государствъ, и во второй половинѣ XVIII вѣка исходъ зависѣлъ уже только отъ группировки внѣшнихъ обстоятельствъ. Польша сдѣлалась ареной борьбы иностранныхъ государствъ за преобладаніе, и правящій классъ самъ раздѣлился на соотвѣтствующія партіи. Въ концѣ 1788 г. Пруссія, весьма непріязненная Россіи, сдѣлала въ Варшавѣ искусный дипломатическій ходъ и достигла полнаго успѣха. Прусская партія усилилась, подняла голову; началась задирательная относительно Россіи политика, оскорбленія русскаго имени и чувства; созидались новыя для Россіи затрудненія въ ея тогдашнемъ и безъ того затруднительномъ положеніи. Издавна русскія войска ходили по Польшѣ во всѣхъ направленіяхъ, учреждали магазины, оставались въ ней. Съ началомъ второй Турецкой войны, по предварительномъ сношеніи Русскаго правительства съ Польскимъ, они прошли ближайшимъ путемъ чрезъ южныя польскія земли въ турецкіе предѣлы. Въ Польшѣ стали говорить, кричать и писать, въ смыслѣ протеста, что она независимая, самостоятельная держава. Съ наружнымъ равнодушіемъ Екатерина велѣла очистить войскамъ Польшу и вывезти оттуда магазины. Но этимъ дѣло не кончилось; подозрительность Поляковъ, при наущеніяхъ Пруссіи и неразумной ревности господствовавшей партіи, дошла до апогея: снова поднялись гоненія на диссидентовъ, притѣсненія ихъ, наказанія, даже казни. Екатерина терпѣла и это, выжидая лучшаго времени.

Поляки какъ будто не видѣли, что Польша была самостоятельна и независима только благодаря соперничеству своихъ сосѣдей, и что она не могла выдержать напора любого изъ нихъ,

если другіе ему не помѣшаютъ. Польша не хотѣла понять, что обращаться такимъ образомъ ей, слабому государству, съ Россіей, государствомъ сильнымъ, значило наносить оскорбленіе, которое не прощается. Однако это было очевидно всякому; даже отдаленный отъ европейскаго востока Французскій дворъ предостерегалъ Польское правительство и совѣтовалъ ему быть осторожнѣе съ сосѣдями, особенно съ Россіей. Но ослѣпленіе господствовавшей партіи было слишкомъ велико. Она дѣйствовала конечно не безъ исторической основы, припоминая грабительство русскихъ войскъ въ конфедератскую войну, дерзкіе поступки нѣкоторыхъ русскихъ начальниковъ, безцеремонное пребываніе въ Польшѣ русскихъ войскъ, заносчивость русскихъ посланниковъ въ родѣ князя Репнина, наконецъ раздѣлъ части польскихъ земель, который руссофобы всецѣло приписывали Россіи. Но все это вмѣстѣ съ тѣмъ доказывало наглядно, что такое есть независимость и самостоятельность Польши, которыми такъ кичились.

Нашлись однако люди, которые смутно сознавали одну сторону этой истины и пришли къ заключенію, что для возрожденія Польши требуется, прежде всего, измѣненіе многихъ основныхъ положеній ея государственнаго устава. Проектировали новую конституцію, куда не вошли анархическіе принципы въ родѣ единогласія рѣшеній, права конфедерацій, избирательнаго престолонаслѣдія. Но было уже поздно; требовалось не одно внѣшнее улучшеніе уставовъ, а также внутреннее перевоспитаніе людей, изъ понятій которыхъ уставы выростаютъ. И точно, новая конституція 3 мая 1791 года оказалась созданіемъ искуственнымъ, такъ какъ для ея проведенія потребовался рядъ самыхъ неразборчивыхъ мѣръ, и недовольные составили спустя нѣкоторое время конфедерацію. Кромѣ того она явилась средствомъ запоздалымъ; потому что еще въ 1773 году, иностранные посланники нотою къ сейму выразили волю своихъ правительствъ, чтобы характеръ польской конституціи оставался неизмѣннымъ, сохраняя избирательное престолонаслѣдіе, liberum veto и проч. Правда, Пруссія интриговала теперь противъ Россіи, и прежнее единодушіе сосѣднихъ правительствъ

уже не существовало, но это благопріятное для Польши обстоятельство скоро исчезло. Развивающаяся французская революція представлялась настолько страшною монархическимъ правительствамъ, что въ состояніи была соединить разъединенныхъ, угрожая принципу первостепенной важности, предъ которымъ другіе интересы казались мелкими. Между Пруссіей и Австріей состоялся въ началѣ 1792 года тѣсный союзъ, направленный преимущественно противъ Франціи, а лѣтомъ въ томъ же году, съ каждою изъ этихъ державъ въ отдѣльности Россія заключила оборонительный договоръ, которымъ между прочимъ обоюдно гарантировалась цѣлость владѣній, особенно пріобрѣтеній по первому раздѣлу Польши.

Тѣмъ временемъ, въ началѣ 1792 года, состоялся Ясскій миръ съ Турціей, Россія сдѣлалась свободной для сведенія счетовъ съ Польшей. Поляки стали думать о мѣрахъ къ оборонѣ; въ апрѣлѣ рѣшено расширить королевскую власть, сдѣлать заграничный заемъ и проч. Но было уже поздно, и черезъ мѣсяцъ Россія начала военныя дѣйствія. Обратились къ Австріи и Пруссіи; обѣ онѣ отказали въ помощи и совѣтовали возстановить прежнюю конституцію. Тогда только Поляки убѣдились, что должны разсчитывать единственно на самихъ себя и что Пруссія заигрывала съ Польшей, какъ кошка съ мышью.

Послѣ усилій многихъ лѣтъ, Польшѣ удалось сформировать къ этому времени регулярную армію, силою въ 50 — 60,000 человѣкъ. Русская Императрица, чтобы покончить дѣло какъ можно скорѣе, рѣшилась двинуть 100,000-ныя силы. Большая часть этихъ войскъ, приблизительно двѣ трети, должна была подъ начальствомъ генерала Каховскаго наступать съ юга, остальныя подъ командой генерала Кречетникова дѣйствовать съ сѣвера и востока. Противники господствовавшей въ Польшѣ партіи примкнули къ Россіи и въ м. Тарговицахъ образовали конфедерацію.

Силы были слишкомъ неравны, а Поляки вдобавокъ еще растянули свою оборонительную линію. Она была вскорѣ прорвана и Каховскимъ, и Кречетниковымъ. Поляки дрались храбро; мѣстами успѣхъ доставался Русскимъ дорого, но результатъ

все-таки не подлежалъ сомнѣнію. Русскіе съ двухъ сторонъ подошли къ Варшавѣ на нѣсколько миль. Король, согласно съ большинствомъ своихъ совѣтниковъ, отказался отъ дальнѣйшей борьбы и со всею арміею присоединился къ тарговицкой конфедераціи. Военныя дѣйствія прекратились; господствующая партія смѣнилась другою.

Суворовъ во все это время былъ истинно-несчастнымъ человѣкомъ. Одна война окончилась безъ него; другая подготовлялась, велась и завершилась—также безъ него, а между тѣмъ оба театра войны онъ зналъ близко и заслужилъ на нихъ блестящее боевое имя. Оставалось успокоиться на мысли, что самъ онъ желалъ назначенія въ Финляндію; но для людей Суворовскаго склада это обстоятельство приносило не утѣшеніе, а удвоивало муку. Суворовъ рвался какъ левъ изъ клѣтки, подозрѣвая всѣхъ въ зложелательствѣ, въ интригахъ, въ подвохахъ. «Постыдно мнѣ тамъ не быть», пояснялъ онъ Хвостову, а Турчанинову писалъ, что не можетъ «сидѣть у платья». Стараясь выслѣдить интригу, которая удерживала его въ Финляндіи, онъ пишетъ Хвостову: «Валеріанъ (Зубовъ, младшій братъ фаворита) за столомъ наклонилъ: Суворовъ одинъ, въ Финляндіи необходимъ; закулисный тамъ лучше короля». Когда назначеніе генераловъ въ Польшу еще не состоялось, онъ надѣялся, что вспомнятъ его, но опасался соперничества Репнина, недавняго побѣдителя при Мачинѣ, который былъ къ тому же старше. Опасенія Суворова имѣли основаніе, потому что Репнинъ былъ человѣкъ родовитый, способный, съ заслугами и связями. Какъ военный, онъ конечно не могъ идти въ сравненіе съ Суворовымъ, отличался медленностью, нерѣшительностью и методическою осмотрительностью; при Мачинѣ однако поборолъ въ себѣ эти качества и дѣйствовалъ быстро, съ энергіей. Оттого ли это произошло, что онъ торопился сдѣлать что-нибудь крупное, до возвращенія къ арміи Потемкина, или по другой причинѣ, но только мачинская побѣда выдвинула его и возвысила его военную репутацію. Однако не попали въ Польшу ни Репнинъ, ни Суворовъ [23]).

Съ самаго начала приготовленій къ польскому походу, Хво-

стовъ сообщаетъ Суворову разные слухи и предположенія. «О Польшѣ ничего нѣтъ; если что будетъ, то ни Репнинъ, ни П. Салтыковъ; ближе всѣхъ вы». Въ другомъ письмѣ: «кн. Репнинъ нуль; къ Польшѣ — Кречетниковъ и Каховскій; развѣ нужда потребуетъ, то вы или кто другой, но не Репнинъ». Противъ этихъ словъ Суворовъ кладетъ замѣтку: «*кто же меня двуличитъ?*» Затѣмъ Хвостовъ сообщаетъ цѣпь извѣстій, слуховъ и сплетенъ по мѣрѣ развитія дѣла: недовольны тѣмъ-то за то-то, «порасчесали» такого-то, Репнинъ уѣхалъ, «чтобы не быть пустымъ»; гр. П. Салтыковъ «на дачѣ скрылся»; Гудовичъ назначенъ туда-то, Германъ пріѣхалъ за тѣмъ-то; Кречетниковымъ недовольны, зачѣмъ первый ввязался въ стычку; Каховскому очень не хорошо, «и близко схватиться за иного»; курьеръ его «принятъ весьма не благоугодно; сказано:—ты запылился, сходи въ баню, — ничего больше». Леталъ Хвостовъ и въ Царское Село разъузнавать и развѣдывать; описываетъ, кого видѣлъ, гдѣ, кто и что сказалъ. Наткнулся на Турчанинова, тотъ спрашиваетъ: «ты что, сударикъ мой?» — Я о Каховскомъ.—«Ничего не знаю; графъ будь спокоенъ». Здѣсь опять положена замѣтка Суворова: «Эльмптъ». Такъ онъ, руководясь оскорбленнымъ самолюбіемъ, умѣлъ выпскивать себѣ соперниковъ [21]).

Переписка велась дѣятельно; Суворовъ этого требовалъ, а Хвостовъ безпрекословно исполнялъ. Онъ сообщалъ все, что слышалъ, и тѣмъ только распалялъ недовольство Суворова. Однажды онъ написалъ, что князь Репнинъ его, Суворова, хвалилъ. Суворовъ по этому случаю отвѣчаетъ: «въ трудахъ и сокращающейся жизни оставь меня въ покоѣ, о фаготъ, воспитанный при дворѣ и министрѣ и оттого пріобрѣтенными качествами препобѣждающій грубаго солдата. Не довольно ли ты уже меня унизилъ, и не отъ тебя ли, моего кроваваго банкета десертъ Каховскому? Ты меня якобы хвалишь; твой лай нестолько мнѣ вреденъ; подъ сею благовидностью плевелы скрыты и подъ розами терны». А между тѣмъ эта, столь желаемая экспедиція въ Польшу, по словамъ того же Суворова, по въ другомъ письмѣ, гроша не стоила: «мудренѣе мнѣ было при-

вести Ногайцевъ къ присягѣ, нежели занятіе областей польскихъ». И былъ онъ совершенно искрененъ въ обоихъ письмахъ, только смотрѣлъ на одинъ и тотъ же предметъ при различномъ освѣщеніи [5]).

Существовали резоны, по которымъ Суворова не приходилось посылать изъ Финляндіи на польскую войну. Во-первыхъ, раздѣлаться съ Поляками считалось дѣломъ не мудренымъ, что и сбылось. Во вторыхъ, въ мартѣ 1792 года король Шведскій Густавъ, смертельно раненый на маскарадѣ однимъ шведскимъ офицеромъ, умеръ, а регентъ, герцогъ Зюдерманландскій, былъ сосѣдомъ ненадежнымъ, особенно вслѣдствіе добраго его расположенія къ Франціи. Въ Финляндіи требовалось усиленно продолжать оборонительныя работы и держать на готовѣ искуснаго и опытнаго генерала. Хвостовъ такъ и писалъ Суворову: «по могущимъ случиться въ Швеціи перемѣнамъ, надѣятся на васъ, какъ на стѣну». Но Суворовъ не давалъ этому резону большой цѣны; тутъ, на сѣверѣ, только предполагалась возможность войны, а на западѣ она уже была рѣшена; наконецъ, въ случаѣ надобности, его могли сюда изъ Польши во всякое время вызвать. По крайней мѣрѣ, несмотря на шведскія обстоятельства, онъ настойчиво, косвенными путями, напрашивался въ Польшу. «Пора меня употребить,—писалъ онъ Хвостову:—я не спрашиваю ни выгодъ, ни малѣйшихъ награжденіевъ,—полно съ меня, — но отправленія службы... Сомнѣній я не заслужилъ... Развѣ мнѣ оставить службу, чтобы избѣжать разныхъ постыдностей и отойти съ честью безъ всякихъ буйныхъ требованій». Однако назначенія въ Польшу не послѣдовало, и «буйныя требованія» дошли до того, что Суворовъ обратился чрезъ Турчанинова къ самой Императрицѣ. Государыня поручила Турчанинову отвѣчать, что польскія дѣла не стоятъ Суворова, что «употребленіе его требуетъ важнѣйшихъ предметовъ», и вѣроятно для полнѣйшаго успокоенія просителя, написала записку, которую и велѣла къ нему отослать. Записка была короткая: «Польскія дѣла не требуютъ графа Суворова; Поляки уже просятъ перемирія, дабы уложить, какъ впредь быть. *Екатерина*» [23]).

Суворовъ угомонился однако не сразу; онъ собирался въ это самое время подать въ отставку или проситься въ иностранную службу, и спрашивалъ у Хвостова, какъ именно поступить для полученія желаемаго. Хвостовъ убѣждаетъ его бросить эти мысли: «къ крайности не приступайте; зачѣмъ напитывать абшидомъ вашихъ злодѣевъ?... Турчаниновъ говоритъ, что на иностранную службу не пойдутъ никакъ, а абшидъ не почли бы угрозой». Надо было волей-неволей послѣдовать благоразумному совѣту и успокоиться хоть на томъ, что военныя дѣйствія въ Польшѣ закончились [21]).

Такимъ образомъ два предлога быть недовольнымъ своимъ положеніемъ, турецкая и польская войны, миновали, но оставался еще третій, почти неосязаемый, но самый заманчивый,— возможность участія въ войнѣ съ Франціей.

Французская революція росла быстро, и революціонныя идеи проникали больше и больше въ европейскія общества. Это заботило сильно правительства, и слухи о вооруженномъ противодѣйствіи Французамъ стали носиться гораздо раньше, чѣмъ возможность самаго противодѣйствія назрѣла. Хотя Австрія и Пруссія заключили между собою союзъ, но отъ этого перваго шага до дѣйствительной войны было еще далеко. Ускорила войну сама Франція, которая въ апрѣлѣ 1792 года сдѣлала вызовъ Австріи. Къ австро-прусскому союзу присоединились почти всѣ владѣтельные государи Германской имперіи, также короли Сардинскій и Неаполитанскій, и въ серединѣ года союзныя войска стали сосредоточиваться на границахъ Франціи.

Союзники нисколько не сомнѣвались въ полномъ и легкомъ успѣхѣ и готовились на военную прогулку въ Парижъ, особенно гордые своею недавнею славою Пруссаки. Такъ думали военные люди того времени, вмѣстѣ съ ними и Суворовъ, который прямо говорилъ, что Французовъ нельзя равнять съ Пруссаками. Такое всеобщее мнѣніе основывалось на дурной репутаціи, пріобрѣтенной Французами въ Семилѣтнюю войну, тогда какъ Пруссаки заслужили напротивъ всеобщее удивленіе и уваженіе. Суворовъ предъ Пруссаками не преклонялся и если отдавалъ имъ предпочтеніе передъ Французами, то вовсе не изъ-за

достоинствъ первыхъ, а изъ-за недостатковъ послѣднихъ. Передъ началомъ революціонныхъ войнъ ни Суворовъ, ни вообще военные люди не могли еще знать, что прежняя паралель между Французами и Пруссаками не удержится, и что на поляхъ сраженій, вмѣстѣ съ безпорядочными толпами Французовъ, суждено появиться новой боевой системѣ.

Кромѣ самомнѣнія и кичливости относительно Французовъ, союзники имѣли и другія слабыя стороны: несогласіе въ самомъ образѣ дѣйствій; мертво-рутинное (за рѣдкими исключеніями) предводительство, застывшее на Фридриховскихъ формахъ безъ усвоенія Фридрихова духа; извращенное понятіе о тогдашней Франціи и Французахъ, заимствованное на вѣру отъ эмигрантовъ. Оттого успѣхи союзныхъ войскъ были не продолжительны, и послѣ дѣла при Вальми, главная армія, начальствуемая фельдмаршаломъ герцогомъ Брауншвейгскимъ, проникшая было довольно далеко внутрь Франціи, начала отступательное движеніе. Въ началѣ октября войска перешли обратно границу, изможденныя голодомъ, болѣзнями, изнуренныя трудами, униженныя нравственно. Не лучшимъ успѣхомъ отличались дѣйствія союзниковъ и на другихъ театрахъ войны.

Въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ, молва о предполагаемой войнѣ съ Французской республикой носилась еще передъ польской войной и становилась все настойчивѣе. Въ іюнѣ Хвостовъ пишетъ Суворову, что по слухамъ противъ Французовъ назначается князь Репнинъ съ 40,000, совѣтуетъ не дремать и кончать всѣ работы къ осени. Сообщая въ слѣдующихъ письмахъ о разныхъ разностяхъ и новостяхъ, Хвостовъ увѣдомляетъ, что слышалъ, будто война съ Франціей рѣшена, и за Репнинымъ посланъ курьеръ. «Вздоръ», увѣрялъ его Турчаниновъ: «ради Бога, не пишите къ графу, попусту вы его безпокоите». «Лучше понапрасну обезпокоить, нежели прозѣвать», отвѣчалъ ему одержимый усердіемъ Хвостовъ: «графъ спокоенъ, но не употребленъ». Турчаниновъ заключилъ бесѣду словами: «его отсюда не возьмутъ». Суворовъ кладетъ противъ этого мѣста отмѣтку: «*въ гарнизонъ кассированъ*». Легко понять, какъ его взбудоражила неразборчивая болтовня Хвостова, сколько она ему

крови перепортила и сколькихъ безсонныхъ ночей стоила. Онъ долго крѣпился, наконецъ не выдержалъ, написалъ графу Безбородко письмо: «вы министръ; настоитъ дѣло съ Франціей; число войскъ — влажный (пустой) предлогъ; побѣдительнымъ оружіемъ я сражался съ 500, съ 5,000 противъ десятичисленныхъ». Неизвѣстно, былъ ли отвѣтъ; если и былъ, то уклончивый. Затѣмъ, послѣ многихъ тревожныхъ извѣстій въ продолженіе лѣта, Хвостовъ пишетъ осенью Курису, одному изъ приближенныхъ Суворова: «Пруссаки много напроказили отступленіемъ, и неминуемо до русскихъ стариковъ дойдетъ дѣло, если совсѣмъ не изгадятъ, помиряся... Надо графу дѣйствовать: усердіе къ Императрицѣ, охота къ службѣ, климатъ вредный здоровью». Въ этомъ мѣстѣ замѣтка Суворова: «*верхнее хорошо, всегда и вездѣ видно, а сіе есть прихвостіе*». На этотъ разъ совѣтъ Хвостова остался безъ исполненія, ибо вереница предшествовавшихъ ложныхъ слуховъ и пустыхъ тревогъ сдѣлала Суворова менѣе воспріимчивымъ, да и время года было позднее для военныхъ предпріятій [21]).

Но прежде, чѣмъ этотъ результатъ былъ достигнутъ, много вынесъ Суворовъ душевной муки. Недовольство его настоящимъ не держалось на одномъ уровнѣ, а увеличивалось, уменьшалось, видоизмѣнялось, смотря по напору обстоятельствъ и по внушенію темперамента. «Баталія мнѣ лучше, чѣмъ лопата извести и пирамида кирпича», пишетъ онъ Хвостову: «мнѣ лучше 2—3,000 человѣкъ въ полѣ, чѣмъ 20—30,000 въ гарнизонѣ». Турчаниновъ указываетъ ему на ту выгодную сторону, что жизнь его по крайней мѣрѣ покойна; Суворовъ возражаетъ: «я не могу оставить 50-лѣтнюю навычку къ безпокойной жизни и моихъ солдатскихъ пріобрѣтенныхъ талантовъ;... я привыкъ быть дѣйствующимъ непрестанно, тѣмъ и питается мой духъ... Предъ симъ въ реляціяхъ видѣлъ я себя; нынѣ же ихъ слушать стыдно, кромѣ патріотства... О мнѣ нигдѣ ни слова, какъ о погребенномъ. Пятьдесятъ лѣтъ практики обратили меня въ классъ захребетниковъ; стерли меня клевреты, вѣдая, что я всѣхъ старѣе службою и возрастомъ, но не предками и не камердинерствомъ у равныхъ. Я жгу известь и обжигаю кирпичи, чѣмъ

ярыги со стоглавою скотиной (публикой) меня въ Петербургѣ освистываютъ... Царь жалуетъ, псарь не жалуетъ... Страдалъ я при концахъ войны: Прусской — проигралъ старшинство, Польша — бѣгъ шпицрутенный, прежней Турецкой — ссылка съ гопорами, Крымъ и Кубань -проскрипція... Сего 23 октября (1792 г.) я 50 лѣтъ въ службѣ; тогда не лучше ли кончить мнѣ непорочный карьеръ? Бѣжать отъ міра въ какую деревню, готовить душу на переселеніе... Чужая служба, аппидъ, смерть - все равно, только не захребетникъ» [10]).

„Стремись, душа моя, въ восторгѣ къ небесамъ,
Или препобѣждай отъ козней стыдъ и срамъ".

Непризнанный и несоцѣненный по достоинству измаильскій подвигъ продолжаетъ быть больнымъ мѣстомъ Суворова. Въ мартѣ 1792 года къ нему послѣдовалъ рескриптъ Государыни, гдѣ между прочимъ сказано, что болѣзнь Потемкина помѣшала исполнить высочайшее повелѣніе о награжденіи измаильскихъ героевъ, а потому Суворову повелѣвается сдѣлать дополнительное представленіе. Въ апрѣлѣ того же года онъ получилъ одобрительные листы для отличившихся при штурмѣ. Это конечно не могло залечить его душевную рану; онъ все ждалъ себѣ хоть генералъ-адъютантства, которое даже Потемкинъ находилъ возможнымъ ему дать. Суворовъ желалъ получить это званіе для того, чтобы имѣть свободный входъ къ Государынѣ; но Екатерина смотрѣла на предметъ другими глазами, и отъ генералъ-адъютанта требовала качествъ, которыхъ Суворовъ не имѣлъ. Когда въ концѣ 1791 года Суворовъ, пріѣзжавшій на время въ Петербургъ, откланивался Екатеринѣ вмѣстѣ съ княземъ Прозоровскимъ, то она была очень довольна ихъ отъѣздомъ и сказала одному изъ статсъ-секретарей: «они тамъ у себя больше на мѣстѣ». Суворовъ этого вѣроятно не зналъ и весьма естественно, что ошибался въ своей годности къ генералъ-адъютантской службѣ, но былъ совершенно правъ съ другой стороны, считая измаильскій штурмъ оцѣненнымъ не по достоинству. Онъ пишетъ, что если бы выпустилъ Турокъ изъ крѣпости на капитуляцію, то показалось бы мало, а рискуя на штурмъ, ставилъ на карту и жизнь свою, и репутацію. Онъ признаетъ за

собою еще ту заслугу, что диспозиція измаильскаго штурма послужила Гудовичу моделью для удачнаго штурма Анапы (что̀ дѣйствительно справедливо). Но толкуя объ Измаилѣ и Гудовичѣ, онъ не можетъ не задѣть Мачинъ и Репнина и говоритъ, что какъ жабѣ далеко до быка, такъ Мачину до Рымника [24]).

Однако этотъ «измаильскій стыдъ», какъ Суворовъ называетъ свое тяжелое чувство, и другія душевныя тревоги дѣйствовали не непрерывно и освобождали его по временамъ отъ своего гнета на столько, что онъ находилъ свое положеніе въ Финляндіи не только сноснымъ, но даже хорошимъ. Въ такіе моменты онъ заботится, чтобы временную командировку превратить въ осѣдлость, въ командованіе Финляндской дивизіей: «я отъ нея могу откомандированъ быть всюду, но въ ней мнѣ будетъ пристань». Кромѣ «пристани», откапывались на этотъ случай и другія выгодныя стороны, напримѣръ практика въ инженерномъ дѣлѣ; говорилось, что онъ предпочитаетъ быть первымъ въ послѣдней деревнѣ, чѣмъ вторымъ въ городѣ. А такъ какъ подобные переходы отъ пессимизма къ оптимизму были рѣзки и неожиданны, и самъ Суворовъ это чувствовалъ, то чтобы не дать Хвостову изумляться и дѣлать большіе глаза, онъ сердито поясняетъ: «не развѣшивайте уши, я гарнизонный на досугѣ, но жертвую и во снѣ марсову полю» [10]).

Пребывая въ Финляндіи въ качествѣ полуопальнаго, Суворовъ разумѣется не церемонится въ своихъ отзывахъ на счетъ лицъ, ему непріязненныхъ, или казавшихся ему такими, а иногда и о пріязненныхъ, но почему-либо ему не угодившихъ. Одинъ «добръ въ софизмѣ и сцептикъ,—мало догмы»; другой «достоинъ одъ, а паче эпиграммы»; третій «продастъ дешево первому купцу»; Турчаниновъ «отъ Пилата къ Ироду, отъ Ирода къ Пилату, самъ руки умылъ, подлинно ему недосугъ»; Безбородко «изобилуетъ въ двуличіи», и т. д. Отзывы эти конечно часто измѣняются, смотря по освѣщенію и по направленію обстоятельствъ, и худые внезапно дѣлаются хорошими. Въ одинъ изъ такихъ моментовъ, Суворовъ хвалитъ своего недруга, графа Н. Салтыкова, говоря, что готовъ подкрѣплять его своею кровью. Наиболѣе постоянъ Суворовъ въ своихъ сужденіяхъ о Репнинѣ;

непріязнь его къ этому человѣку доходитъ до ненависти. Онъ приказываетъ беречься Репнина больше всѣхъ другихъ и быть на безсмѣнномъ караулѣ, потому что ему ни почемъ «по ипокритской спѣси заключать трактаты и разрывать трактаты, травить одного другимъ; хваля, порицать; онъ лживъ, низокъ, внутренно гордъ и мстителенъ». Еслибы вѣрить всему, что пишетъ Суворовъ о Репнинѣ, то пришлось бы признать послѣдняго за исчадіе своего вѣка. Но Суворовъ самъ же и разубѣждаетъ въ противномъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ поясняетъ Хвостову, что нападаетъ на Репнина потому, что «привыкъ обращать оборону въ атаку»; въ другомъ признается, что пуще всего досаждаетъ ему въ Репнинѣ гордость; въ третьемъ, послѣ жестокихъ противъ Репнина выходокъ, читаемъ: «Репнинъ, слышу, боленъ; жалѣю, что о немъ выше строго судилъ. Персонально я ему усерденъ. Не ему ли губерніи (Потемкина)? По сему званію имъ были бы довольны, и онъ ихъ поправить можетъ». Забывались такимъ образомъ и «гугнивый фаготъ», и «чорту свѣчка», и обѣщаніе дать «солдатскаго туза», а просвѣчивало чувство если не раскаянія, то сожалѣнія о своей излишней раздражительности.

Князь Репнинъ былъ однимъ изъ выдающихся людей Екатерининскаго времени, обладалъ замѣчательными административными и дипломатическими дарованіями, образованіемъ, умственнымъ развитіемъ и многими хорошими личными качествами. Онъ не удовлетворялся нравственной и умственной средой русскаго общества той эпохи, пытался раздвинуть свой кругозоръ, ѣздилъ за границу, былъ нѣкоторое время масономъ и послѣдователемъ Сенъ-Мартена, автора мистической книги «Des erreurs et de la vérité», за что Екатерина его, Репнина, не долюбливала. Онъ занималъ видное мѣсто и въ придворной сферѣ, имѣвшей тогда большое развитіе и значеніе, и былъ въ ней какъ дома. Въ военномъ отношеніи онъ тоже выходилъ изъ ряда дюжинныхъ генераловъ, что и доказалъ при разныхъ случаяхъ, особенно подъ Мачинымъ, хотя крупными военными качествами не отличался. Но при своихъ многочисленныхъ и неоспоримыхъ достоинствахъ, онъ не былъ чуждъ и большихъ недостатковъ, къ которымъ слѣдуетъ отнести властительно-деспотическія за-

машки, вспыльчивость до степени ярости, гордость, надменность. Въ обращеніи его просвѣчивала спѣсь родовитаго человѣка, трактованіе другихъ свысока. Барская закваска проглядывала и въ складѣ понятій Репнина онъ напримѣръ недоумѣвалъ, изъ-за чего такъ заботятся о польскихъ диссидентахъ, когда между ними нѣтъ дворянъ. Въ военномъ отношеніи, онъ тоже былъ генераломъ безъ всякой солдатской подкладки, и отличался поклоненіемъ омертвѣлымъ формамъ Фридриховой тактики.

Такимъ образомъ Суворовъ былъ почти антиподомъ Репнина. Не отрицая въ немъ достоинствъ, онъ, говорилъ, что Репнинъ мечтаетъ быть первымъ министромъ, какъ онъ, Суворовъ, первымъ солдатомъ, и признавалъ за нимъ право на такое возвышеніе. Онъ не могъ переварить Репнина только на военномъ поприщѣ, гдѣ тотъ представлялся ему соперникомъ, благодаря своему старшинству, мачинской побѣдѣ, значенію при дворѣ, обладанію извѣстными качествами, которыхъ солдатъ Суворовъ не имѣлъ. И прежде Репнинъ былъ старше Суворова, но послѣдняго это не безпокоило, такъ какъ разстояніе между ними было слишкомъ велико, во вторую же Турецкую войну, побѣды настолько выдвинули Суворова впередъ, что разстояніе это уничтожилось и явилась возможность соперничества. Эта возможность сдѣлалась для Суворова острою болѣзнью, въ чемъ однакоже виноватъ не онъ одинъ. Репнинъ не видѣлъ въ Суворовѣ того, что сдѣлало его знаменитымъ историческимъ лицомъ; онъ не могъ отрѣшиться отъ своего горделиваго, нѣсколько покровительственнаго и снисходительнаго тона въ сношеніяхъ съ этимъ причудливымъ солдатомъ-генераломъ. А именно эта манера и въ состояніи была глубоко задѣвать Суворова, больше всякой грубости. Мало того, съ высоты модныхъ, авторитетныхъ прусскихъ воззрѣній на тактику, Репнинъ дозволялъ себѣ насмѣшливые отзывы на счетъ Суворовскаго способа веденія войны, называя его *натурализмомъ*. Суворовъ отвѣчалъ по своему обыкновенію злыми сарказмами; вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ росла непріязнь къ менѣе даровитому, но лучше обставленному сопернику, развивалась зависть. Ему это указывали, онъ самъ понималъ свое дурное чувство и не отрицалъ его. «Зависть!

Да, 50 лѣтъ въ службѣ, 35 лѣтъ въ непрерывномъ употребленіи, нынѣ ракъ на мели». Въ другомъ письмѣ онъ объясняетъ Хвостову, что принцъ Кобургскій лучше его, Суворова, награжденъ, однако онъ къ нему зависти не чувствуетъ [21]).

Некому было успокоить, разубѣдить этого огневого человѣка, отдавшагося такъ безраздѣльно своему призванію; некому было вносить миръ и тишину въ его слишкомъ впечатлительную душу. Пытался дѣлать это Турчаниновъ, но не ради его, а ради самого себя, чтобы избавиться отъ докуки и назойливыхъ спросовъ, причемъ иногда требовалось если не прямо невозможное, то неудобное, могущее компрометировать. А Турчаниновъ подобныхъ шаговъ очень остерегался. Онъ былъ крещеный еврей, съ молода получилъ довольно сносное образованіе, преимущественно внѣшнее, вышелъ въ люди, состоялъ въ числѣ Потемкинскихъ клевретовъ и былъ его секретаремъ; держался за своего патрона крѣпко и поднялся въ статсъ-секретари. Суворовъ зналъ его чуть не съ малолѣтства и былъ о немъ вообще хорошаго мнѣнія, но въ дурной часъ ставилъ ему въ укоръ, что онъ «пускаетъ плащъ по вѣтру», иначе говоря, служитъ разнымъ господамъ, по указанію обстоятельствъ. Впрочемъ, по смерти Потемкина, Суворовъ могъ довѣряться ему безопаснѣе, чѣмъ прежде, и было бы несправедливо обвинять Турчанинова въ систематическомъ двоедушіи, лицемѣріи, тѣмъ менѣе въ вѣроломствѣ. Онъ только былъ остороженъ и себѣ на умѣ, и если не могъ считать свою хату съ краю, то старался придерживаться старой истины, что своя рубашка ближе къ тѣлу. Онъ неоднократно пытался успокоивать Суворова, называлъ себя его сыномъ, уговаривалъ его «не вѣрить здѣшнимъ брехнямъ, не прибѣгать вмѣсто самыхъ легчайшихъ средствъ къ крайнимъ, дѣйствовать съ кротостью и терпѣніемъ, не выставляясь», и многое другое.

Благоразумные совѣты Турчанинова производили нѣкоторое дѣйствіе, но не надолго, такъ какъ поводы къ безпокойству и тревогѣ смѣнялись безпрестанно новыми и, при Суворовскомъ темпераментѣ, росли, какъ грибы подъ лѣтнимъ дождемъ. Еслибы и Хвостовъ дѣйствовалъ въ духѣ успокоительномъ, то вѣроятно результатъ былъ бы болѣе полный, но Хвостовъ, изъ боязни

не угодить, исполнялъ требованія Суворова буквально; передавалъ ему безъ провѣрки всякія сплетни и летучіе слухи и, вмѣсто успокоенія своего дяди, невольно поддерживалъ и увеличивалъ его раздражительность. Своимъ чрезмѣрнымъ усердіемъ къ дядѣ и назойливостью, Хвостовъ скоро надоѣлъ многимъ, особенно Турчанинову, который и назвалъ его какъ-то «шпіономъ Суворова». Сообщая объ этомъ своему дядѣ, Хвостовъ говоритъ: «я на брань не смотрю; воспламененъ предметомъ дѣла, иду своей дорогой». Заслуживъ нѣсколько позже жестокія отъ Суворова укоризны по дѣлу, о которомъ будетъ сказано дальше, Хвостовъ очень обидѣлся, но продолжалъ ему служить, говоря: «Изліяніе пылкостей чувствъ вашихъ мнѣ всегда сносно; ваши приказанія мнѣ святы; не смѣю даже и помыслить и не буду смѣть васъ отъ себя избавить... Я виноватъ, но я годенъ, не лишите меня милости и довѣренности вашей, она мнѣ жизнь». Какъ же было Суворову не дорожить такимъ преданнымъ человѣкомъ и не довѣрять ему [25])?

Хвостовъ не отличался ни обширнымъ умомъ, ни какими-либо дарованіями, но былъ человѣкомъ добрымъ и хорошимъ, въ банальномъ смыслѣ. Сдѣлавшись свойственникомъ Суворова чрезъ бракъ съ его племянницей, княжной Аграфеной Ивановной Горчаковой, и проживая въ Петербургѣ, онъ постарался заслужить довѣріе дяди, войти къ нему въ милость, сдѣлаться нужнымъ ему человѣкомъ, чего и достигъ вполнѣ. Пристроившись къ Суворову, онъ однако очень мало отъ этого выигралъ въ первые годы, но потомъ довольно успѣшно сталъ подвигаться впередъ, дослужился до званія оберъ-прокурора святѣйшаго синода и получилъ графское достоинство отъ Сардинскаго короля. Въ описываемое время, Хвостовъ былъ не болѣе, какъ армейскій подполковникъ, и вся его надежда на служебное возвышеніе основывалась на дядѣ. Надежда въ концѣ концовъ не обманула, потому что на боевомъ полѣ Суворовъ былъ однимъ человѣкомъ, а въ остальныхъ условіяхъ жизни совсѣмъ другимъ, легко подчинялся чужой волѣ, извѣстнымъ образомъ замаскированной, и становился игралищемъ въ умѣлыхъ рукахъ, особенно по дѣламъ денежнымъ. Онъ самъ это очень хорошо понималъ, неодно-

кратно говаривалъ и такъ писалъ Хвостову: «обманетъ меня всякій въ своемъ интересѣ; надобна ему моя послѣдняя рубашка,—ему ее дамъ, останусь нагой; чрезъ то я еще не малъ». Временами, вслѣдствіе своего темперамента или, какъ онъ самъ выражался, «по своему быстронравію», Суворовъ возстановлялъ свой авторитетъ, прибѣгая къ довольно рѣзкимъ пріемамъ, но скоро опять все входило въ прежнюю колею, и довѣренныя лица снова распоряжались по своему усмотрѣнію его дѣлами, придерживаясь только выработанныхъ опытомъ способовъ дѣйствія [5]).

Хвостовъ часто давалъ Суворову совѣты, и онъ ихъ большею частію слушался. Совѣты эти касались не только домашнихъ дѣлъ, но и службы Суворова, т.-е. его отношеній къ лицамъ; по указаніямъ Хвостова, Суворовъ писалъ письма, выбиралъ время для просьбъ и ходатайствъ, ѣздилъ въ Петербургъ и проч. Мало того, посылая къ кому-нибудь письмо чрезъ Хвостова, Суворовъ зачастую просилъ его вручить письмо, если онъ, Хвостовъ, «находитъ это полезнымъ»; или же уполномочиваетъ его «письма, кои не кстати, назадъ возвращать, съ примѣчаніемъ, какъ переписать»; или прямо говоритъ: «а вы руководствуйте судьбою моею, какъ я за Валдаями». Бываютъ и исключенія; къ совѣтамъ племянника онъ относится иногда насмѣшливо, скептически, или поддается на нихъ туго, послѣ споровъ и разсужденій; но это случается довольно рѣдко. Такъ, при совѣтѣ Хвостова—написать письмо Платону Зубову, Суворовъ не выражаетъ на то желанія, говоря, что въ крайности не писывалъ и другу своему Григорію Григорьевичу Орлову, а Потемкинъ служитъ исключеніемъ вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и такъ какъ онъ, Суворовъ, «часто нуженъ былъ ему въ видѣ Леонида». Письмо однако было въ результатѣ написано и послано, но когда Хвостовъ извѣстилъ, что передалъ его по принадлежности, то Суворовъ, придерживаясь своего взгляда, замѣтилъ, что лучше было бы этого не дѣлать.

Принимая отъ Хвостова совѣты и указанія, Суворовъ въ свою очередь снабжалъ его наставленіями и въ исполненіи ихъ былъ очень требователенъ. Онъ желалъ «знать худое, а не хорошее, ибо пріятное обличается само собой, непріятное же поспѣшно

объяснять для мѣропріятіевъ; лучше предостереженіе, чѣмъ утѣшеніе; ожидать отъ времени, тожъ что давать голову въ петлю; уласканіе опрокидывать, лучше терпѣть грубое; различать доброхота съ лисьей или овечьей кожей отъ добротворца; различать всегда solide отъ propos de table; стеречься примолчки, она развѣдываетъ; не окончивши одной матеріи, другой не начинать, не отвѣчать на дубъ кедромъ, на розу лиліей» и т. под. Въ особенности не терпѣлъ онъ въ письмахъ Хвостова неопредѣлительности; слова *слышно, говорятъ,*—преслѣдовались; требовалось знать, *отъ кого* слышно, *кто* говоритъ; если что узналъ на улицѣ, на площади,—все-таки пиши, отъ кого узналъ. Вообще служба Хвостова Суворову была не легка, и хотя племянникъ несомнѣнно питалъ къ дядѣ привязанность, но нѣтъ сомнѣнія, что привязанность подкрѣплялась и соображеніями въ смыслѣ чаянія будущихъ благъ. Онъ можетъ быть не всегда умѣлъ быть дядѣ полезнымъ, но навѣрное всегда этого хотѣлъ, ибо радѣя ему, радѣлъ чрезъ это и себѣ. И Суворовъ дорожилъ имъ, даже больше, чѣмъ Хвостовъ въ дѣйствительности стоилъ. Оттого Суворовъ нѣсколько встревожился, получивъ отъ Хвостова письмо, что онъ по какимъ-то соображеніямъ думаетъ выдти въ отставку. Мысль эта была внушена Хвостову женою; съ ними проживали въ то время дочь Суворова и сестра его (Олешева), которая при Наташѣ состояла. Суворовъ написалъ племяннику, что онъ задумалъ непутное дѣло, представилъ ему невеселую картину его отставного житья въ Петербургѣ ли, въ Москвѣ ли, и совѣтовалъ руководиться своимъ собственнымъ разсудкомъ. «Груша, не дури, у тебя волосы долги», говоритъ онъ въ концѣ: «сестрица, высѣки ее до новыхъ вѣшниковъ». [21]).

Не одинъ Хвостовъ пристроивался къ Суворову и ожидалъ отъ него всякихъ благъ; искали протекціи и другіе родственники, и посторонніе. Положеніе и репутація Суворова давали ему порядочный вѣсъ, и онъ не прочь былъ помогать чѣмъ могъ, какъ собственной своей властью, такъ и предстательствомъ у другихъ. Въ числѣ просителей встрѣчается и Марья Савишна Перекусихина, любимая камеръ-юнгфера Государыни, которая пристроивала въ то время своего родственника. По ходатайства иногда

бывали такъ неумѣренны и несвоевременны, что выводили Суворова изъ терпѣнія. Хвостовъ, подбиваемый женою, изъявляетъ неудовольствіе, что отстаетъ по службѣ отъ другихъ; Суворовъ ему отвѣчаетъ: «стерегитесь отъ бѣса полуденнаго (жены), ждите удобнѣйшаго времени, я самъ на чертѣ пучины». Зять, князь Горчаковъ, проситъ за своего сына Алексѣя, о которомъ Суворовъ писалъ уже графу Н. Салтыкову, но не получилъ отвѣта. Суворовъ сердится, отказывается просить вторично (съ Н. Салтыковымъ онъ былъ не въ ладу), издѣвается надъ «сложно-перебойнымъ» языкомъ письма, противупоставляетъ ему свой «адамовскій» и за одно зацѣпляетъ князя Алексѣя: «какъ въ превратномъ свѣтѣ внучка розгою заставляетъ бабушку прясть, такъ въ письмѣ его отца, въ полномъ блистаніи Алексѣй—князь». Графъ Безбородко изъявляетъ неудовольствіе, что Суворовъ недостаточно внимателенъ къ нѣкоторымъ его родственникамъ; Суворовъ опять сердится и пишетъ Хвостову: «мнѣ всѣхъ быковъ, козловъ и лисокъ не употчивать». Приближенные къ нему лица также жаждутъ разныхъ наградъ и благостынь, не скупясь конечно въ оцѣнкѣ собственныхъ заслугъ, и въ сентябрѣ 1792 года одинъ изъ нихъ пишетъ: «конецъ пограничнымъ постройкамъ; всѣ проиграли, только Прохоръ (камердинеръ Суворова), или и того лучше, супруга его въ выигрышѣ» [5]).

Къ числу причинъ, раздражавшихъ Суворова и поддерживавшихъ въ немъ ненормальное внутреннее состояніе, слѣдуетъ отнести также одинъ случай, много испортившій ему крови. Въ перепискѣ съ Хвостовымъ, онъ былъ очень не сдержанъ въ своихъ отзывахъ и сужденіяхъ о людяхъ, почему и просилъ Хвостова всѣ такія письма жечь. Но Хвостовъ этого не исполнилъ, по крайней мѣрѣ относительно большой части получаемыхъ посланій, которыя и дошли до нашего времени. Хвостовъ считалъ себя поэтомъ, т.-е. страдалъ болѣзненнымъ позывомъ къ кропанію виршей; эта страсть развивалась въ немъ прогрессивно; ни равнодушіе, ни насмѣшки читателей и критиковъ не производили на него отрезвляющаго впечатлѣнія. Въ позднѣйшее время онъ сдѣлался посмѣшищемъ, почти нарицательнымъ именемъ безталаннаго стихоплета, и такъ какъ его сочиненія лежали въ книжныхъ

лавкахъ безъ сбыта, то онъ самъ покупалъ ихъ, гдѣ его лично не знали, или поручалъ дѣлать это близкимъ людямъ, только бы показать, что книги его въ спросѣ. Эта неудержимая страсть заставила его въ описываемое время сдѣлать неосторожный поступокъ. Суворовъ написалъ ему письмо, съ ѣдкими выходками въ прозѣ и стихахъ противъ своихъ недоброжелателей и завистниковъ, дѣйствительныхъ и мнимыхъ, и приложилъ листы съ подобнымъ же писаніемъ. Хвостовъ, накропавшій въ то время также стихи, относившіеся къ Суворову и начинавшіеся словами: «почто почилъ нашъ Геркулесъ,» не утерпѣлъ, показалъ и свои стихи, и Суворовскіе подполковнику Горицкому, человѣку близкому. Горицкій въ свою очередь сталъ показывать подъ секретомъ другимъ, и злые сарказмы Суворова облетѣли большой кругъ людей, побывали у Державина, у Турчанинова и иныхъ, и попали даже въ руки Платона Зубова. Суворовъ узналъ про это случайно, отъ одного изъ своихъ подчиненныхъ, пріѣхавшаго изъ Петербурга, и сильнѣйшимъ образомъ разсердился. Досталось тутъ всѣмъ: Горицкому за его «лѣпоуміе»; Турчанинову за то, что онъ поступилъ «не какъ сынъ, а недружный пасынокъ»; но пуще всѣхъ Хвостову, какъ главному виновнику. Не пощадилъ Суворовъ своего преданнаго и усерднаго племянника, имѣвшаго на своемъ попеченіи его дочь; слова: «мошенникъ, предатель, глупая няпька» показываютъ степень его гнѣва. Хвостовъ былъ оскорбленъ, чуть не уничтоженъ непомѣрною горячностью дяди, и первое время совсѣмъ потерялся, но придя въ себя, прибѣгнулъ къ наилучшему средству для своего оправданія, а именно къ откровенному изложенію всего дѣла. Суворовъ, обезоруженный чистосердечіемъ Хвостова, его непритворною печалью, кротостью и непоколебимою преданностью, пришелъ въ себя и стихъ: между нимъ и добрякомъ племянникомъ установились прежнія отношенія. Переписка по этому дѣлу однако продолжалась. Суворовъ требовалъ, чтобы Хвостовъ открылъ «побочную интригу» лицъ, которыя распространили и довели такъ далеко письмо съ его, Суворова, «солдатскимъ лаемъ»; чтобы были «обращены въ метеоръ глупозлобные клевреты»; чтобы Хвостовъ «оглупотворилъ ихъ». Онъ говорилъ, что не успокоится до тѣхъ поръ, пока не

будутъ добыты эти злосчастныя бумаги и сожжены вмѣстѣ съ другими, однородными письмами. Хвостовъ постарался исполнить справедливое требованіе дяди, увѣрилъ его, что письмо добыто, что листовъ, къ письму приложенныхъ, постороннія лица не видали, что все изъ переписки Суворова, могущее его компрометировать, истреблено. На томъ дѣло и покончилось [21]).

Въ заключеніе, для полноты представленія о Суворовѣ за время его пребыванія въ Финляндіи, остается сказать нѣсколько словъ о его частной, неслужебной жизни и занятіяхъ. Онъ проживалъ въ разныхъ мѣстахъ своего раіона, смотря по надобности: въ Выборгѣ, Кюменегардѣ, Роченсальмѣ. Въ Кюменегардѣ онъ оставилъ по себѣ память, между прочимъ заботами о православной церкви, выписывалъ изъ Петербурга регента обучать тамошній хоръ, накупилъ разныхъ церковныхъ вещей на нѣсколько сотъ рублей. Тутъ у него образовался кружокъ знакомыхъ; свободное отъ службы время проводилось весело; Суворовъ часто танцовалъ, и въ письмѣ къ Хвостову хвасталъ, что однажды «сряду 3 часа контртанцъ прыгалъ». Проживая въ Фридрихсгамѣ, онъ занималъ верхній этажъ лучшаго въ городѣ дома, г-жи Гринъ, вдовы врача. Она была женщина умная, ловкая, пользовалась общимъ уваженіемъ, хорошо говорила по-русски и умѣла вполнѣ угодить своему причудливому постояльцу, который въ свою очередь оказывалъ ей вниманіе, заговаривалъ съ нею по-фински, называлъ ее *маменькой* и приходилъ бесѣдовать за чашкой чая. Просватавъ свою дочь и племянницу, г-жа Гринъ просила Суворова быть, по русскому обычаю, посаженнымъ отцомъ у дочери; онъ не только согласился, но вызвался быть тѣмъ же у племянницы, перебрался въ одну небольшую комнату, а остальное помѣщеніе уступилъ хозяйкѣ для свадебнаго праздника. Сначала все шло благополучно, но потомъ Суворовъ не удержался отъ разныхъ выходокъ: Ему не понравился жених племянницы, большой руки франтъ, одѣтый изысканно, раздушенный, съ огромной модной прической. Во время вѣнчанія Суворовъ часто посматривалъ на него, хмурился, морщился, прищуривался, вытягивалъ впередъ голову, усиленно нюхалъ и полусвывалъ въ сторону. Затѣмъ онъ сталъ вполголоса сравнивать

голову жениха съ походнымъ котломъ, называлъ его «щеголемъ, прыгунчикомъ, пахучкой», наконецъ вытащилъ посовой платокъ и зажалъ себѣ носъ. Это произвело нѣкоторый скандалъ, но почетный гость и посаженный отецъ, къ потѣхѣ однихъ и къ замѣшательству другихъ, продолжалъ преслѣдовать несчастнаго молодого во время свадебнаго бала, и громко называлъ его голову круглой щеткой для обметанія потолковъ, а на другой день послалъ свадебный подарокъ одной хозяйской дочери [26]).

Какъ ни скромна была настоящая доля Суворова, но громкія побѣды недавнихъ лѣтъ не оставляли его въ тѣни и вдохновляли русскихъ поэтовъ. Одинъ изъ нихъ, Костровъ, переводчикъ Гомера, написавшій въ честь Суворова оду и на взятіе Измаила эпистолу, перевелъ затѣмъ поэтическую поддѣлку Макферсона: «Пѣсни Оссіана, сына Фингалова». Полный восторженнаго удивленія къ измаильскому герою, Костровъ посвятилъ ему свой послѣдній трудъ и прислалъ экземпляръ книги при соотвѣтствующемъ случаю письмѣ. Какъ ни слабъ и блѣденъ былъ этотъ снимокъ, притомъ не съ подлинника, а съ французскаго перевода, но онъ произвелъ довольно сильное впечатлѣніе на Суворова. Костровъ и Суворовъ обмѣнялись при этомъ стихами; причемъ первый уподоблялъ Суворова Фингалу; кромѣ того Суворовъ, вдохновленный чтеніемъ Оссіана, пустился въ подражаніе и написалъ цѣлую страницу прозой, подходящей къ переводу Кострова. Приводимъ начало и конецъ: «Странствую въ сихъ каменомшистыхъ мѣстахъ, пою изъ Оссіана. О, въ какомъ я мракѣ! Пронзающій темноту лучъ денного свѣтила даритъ меня..... О барды, воспойте тамошнюю (идетъ рѣчь о югѣ) радость, поелику о ней отъ кулдѣевъ (?) слыхали. Скоро ли меня перенесутъ орлы въ тѣ медомлечныя страны, гдѣ я только упражнялся съ браненосцами, и гдѣ бы я тонкій воздухъ, наполненный зефирами, пріятно раздѣлилъ хоть на рогѣ мира» [27]).

По временамъ Суворовъ писалъ и стихи, очень дубоватые, и чѣмъ длиннѣе, тѣмъ хуже.

„На что ты, отче, далъ сію мнѣ колесницу?

„Я не могу везти вселенныя денницу.

„Кичливо вознесясь, я пламенемъ сожженъ,
„Низверженъ въ стремину и моремъ поглощенъ“ [21]).

Суворовъ былъ вообще охотникъ до изящной литературы, при отсутствіи вкуса и признаковъ таланта. Нѣкоторые его современники свидѣтельствуютъ, будто онъ говаривалъ, что если бы не чувствовалъ въ себѣ преобладающаго военнаго призванія, то сдѣлался бы писателемъ. Если это правда, то въ такомъ случаѣ изъ него вышелъ бы поэтъ на столько плохой, на сколько хорошъ оказался воинъ. Стихотворство имѣло въ его глазахъ смыслъ рекомендаціи человѣка. При концѣ его пребыванія въ Финляндіи, Хвостовъ совѣтуетъ ему взять къ себѣ одного ротмистра, выставляя въ числѣ его хорошихъ качествъ и писаніе стиховъ; Суворовъ кладетъ замѣтку: «*очень рядъ*». Польщенный посвященіемъ ему Оссіана, Суворовъ положилъ сдѣлать Кострову денежный подарокъ, но колебался – дать ли единовременно 500 рублей или назначить 100-рублевый пенсіонъ до своей смерти. Въ видѣ илюстраціи къ сказанному раньше о вліяніи на Суворова его приближенныхъ, приводимъ письмо состоявшаго при немъ подполковника Куриса къ Хвостову по этому дѣлу. «Костровъ на имя его сіятельства перевелъ Оссіана; онъ заботится, чѣмъ его наградить; разъ мыслитъ вдругъ 500 руб., потомъ ежегодно по 100 руб. по смерть графа. Послѣднее не къ чему и не имѣетъ виду, первое очень много, а кажется 200, 250, 300 приличный подарокъ. Какъ вы думаете, рѣшите» [27]).

Пользуясь своими небольшими досугами, Суворовъ занимался въ Финляндіи и чтеніемъ; безъ умственной пищи онъ не могъ жить. Не знаемъ, были ли въ его рукахъ въ ту пору научныя сочиненія, но газетъ онъ читалъ много, какъ это видно изъ его подписки на 1792 годъ. Онъ получалъ газеты нѣмецкія — гамбургскія, вѣнскія, берлинскія, эрлангенскія; французскія; варшавскія — польскія; московскія и петербургскія — русскія. Заглавій не обозначено, кромѣ французскихъ Bas-Rhin и Courtier de Londres. Сверхъ того выписывались: нѣмецкій гамбургскій политическій журналъ, Journal encyclopédique и Nouvelles extraordinaires [25]).

Слѣдя такимъ образомъ за политическими событіями, Суворовъ не успокоивалъ, а еще болѣе усиливалъ свои муки честолюбія. Усталый отъ постоянной внутренней тревоги, не сбывавшихся надеждъ и неосуществлявшихся ожиданій, онъ имѣлъ лишь краткія минуты душевнаго покоя. «Суетствіе», писалъ онъ въ одну изъ такихъ минутъ Хвостову: «весьма наскучило о сихъ матеріяхъ писать и безъ нужды не буду; да будетъ воля Божія и матери отечества». Но за этой «нуждой» дѣло не ставало, и опять все шло на прежній ладъ. По окончаніи Турецкой и Польской войнъ, и когда немедленное военное вмѣшательство Россіи во французскія дѣла не состоялось, Суворовъ сталъ все чаще мечтать о назначеніи его на югъ. Это проглядываетъ, между прочимъ, въ отрывкѣ приведеннаго выше подражанія его Оссіану; Хвостову онъ писалъ о томъ же прямо, а Турчанинову хотя и сообщалъ сначала, что готовъ на службу «въ Камчатку, Мекку, Мадагаскаръ и Японь», но подъ конецъ уже просился именно въ Херсонъ. Писалъ онъ тоже самое и другимъ, но безуспѣшно: одни къ нему не благоволили, другіе были равнодушны; къ послѣднимъ принадлежалъ и Платонъ Зубовъ, сила и свѣтило того времени. Пособили внѣшнія обстоятельства. Французской республикѣ не разсчетъ было поднять противъ себя разомъ всю Европу и, чтобы отстранить Россію отъ содѣйствія формировавшейся коалиціи, агенты французскіе сильно работали въ Константинополѣ. Скоро ихъ происки и подстрекательства стали какъ будто обѣщать успѣхъ; Порта принялась за вооруженія, и въ пограничныя съ Турціею области понадобился Суворовъ [10]).

Подобныя назначенія и перемѣщенія рѣдко совершаются внезапно; имъ предшествуютъ слухи, идетъ говоръ, разыгрываются на эту тему разныя варіаціи. Слухи и предположенія доходили до Суворова быстро, чрезъ Хвостова и другихъ. Еще въ сентябрѣ Суворовъ писалъ: «здѣшніе вихри, — одинъ несетъ меня на Кубань, другой на Кавказъ, третій въ Херсонъ до Очакова. Я готовъ лучше послѣднее, лучше дать играть судьбѣ, я здѣсь слѣпъ... Но не бить бы мнѣ площадь по прошлогоднему, съ декораціями и конвенансами. Прежде противъ меня былъ

бѣсъ К. Г. А. (Потемкинъ), но съ благодѣяніями; нынѣ безъ нихъ 7 бѣсовъ съ бѣсятами». Въ половинѣ октября, когда дѣло налаживалось, онъ пишетъ: «я жду фугасовъ и мину къ скорѣйшему меня подрыву изъ Петербурга;.. какъ бы о моемъ перемѣщеніи не разнеслось и не вышло бы мечтою». Потомъ идутъ разныя соображенія и предположенія, а за ними неожиданный выводъ: «все то соображая, лучше бы я хоть не ѣхалъ; дѣло будетъ къ веснѣ, и нынѣ есть. Вотъ весь нашъ гордый librum arbitrum! Петръ Семеновичъ (одинъ изъ приближенныхъ) разсмѣялся». Да и какъ было не разсмѣяться.

Днемъ позже Хвостовъ пишетъ, что Репнинъ отправляется генералъ-губернаторомъ въ Ригу, что это ему ссылка; Турчаниновъ говоритъ, что «вы теперь одни: отвѣдали Каховскаго... Словомъ, или Франція или Херсонъ, вотъ куда цѣлить должно». Замѣтка Суворова: «*сіе письмо мнѣ душу облегчаетъ*» [25]).

Наконецъ, 10 ноября послѣдовалъ рескриптъ Екатерины. Подъ начальство Суворова отдавались войска въ екатеринославской губерніи, въ Крыму и во вновь присоединенныхъ земляхъ, и приказано немедленно приводить въ исполненіе апробованное по проектамъ инженеръ-маіора де-Волана укрѣпленіе границъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось —представить планы и смѣты производящимся въ Финляндіи работамъ, для приведенія всѣхъ укрѣпленій и каналовъ къ окончанію; требовалось также его, Суворова, мнѣніе на случай оборонительной и наступательной войны въ Финляндіи. Суворовъ представилъ всѣ данныя для продолженія работъ, представилъ и замѣчанія свои на случай войны со Швеціею [28]). Замѣчанія эти имѣютъ нынѣ только историческое значеніе, такъ-какъ русско-шведская граница отодвинулась на нѣсколько сотъ верстъ отъ прежней; но они очень характеристичны и даютъ осязательное понятіе о стратегическомъ глазомѣрѣ Суворова и его взглядѣ на веденіе войны. (См. приложеніе II).

Такимъ образомъ Суворову предстояло промѣнять одинъ постройки на другія, да еще свои на чужія. Правда, это доказывало довѣріе къ нему Государыни и одобреніе всего, имъ сдѣлан-

наго, но смыслъ дѣятельности все-таки не измѣнялся. Не даромъ Суворовъ раздумывалъ, не отказаться-ли. Но тамъ, на югѣ, у него были шансы на боевую службу, въ виду турецкихъ военныхъ приготовленій, а тутъ, на сѣверѣ, никакихъ. Это соображеніе его успокоило и ободрило; въ ноябрѣ онъ выѣхалъ какъ бы обновленнымъ, съ радостью и надеждой.

ССЫЛКИ И ПОЯСНЕНІЯ.

Краткое понятіе о матеріалахъ, на которые здѣсь сдѣланы ссылки, дано въ отдѣлѣ третьяго тома, озаглавленномъ „Источники“. Наименованія источниковъ будутъ понятны, если предварительно ознакомиться съ этимъ отдѣломъ.

КЪ ГЛАВѢ I.

1. Суворовскій сборникъ, папка.

Въ автобіографіи Суворова (прошеніе его въ московское дворянское депутатское собраніе), происхожденіе рода Суворовыхъ разсказано иначе, и выходъ изъ Швеціи ихъ родоначальниковъ, Наума и Сувора, отнесенъ къ 1622 году. Это извѣстіе сомнительно. Изъ справки архива вотчиннаго департамента видно, что при Петрѣ Великомъ, Суворовыхъ, владѣвшихъ землей, было очень много; въ какіе нибудь 70—80 лѣтъ родъ ихъ не могъ достигнуть такихъ размѣровъ. За годъ до поданія А. В. Суворовымъ прошенія о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу московской губерніи, подалъ подобное же прошеніе въ тверскую дворянскую опеку его двоюродный братъ, бригадиръ Федоръ Александровичъ Суворовъ, ссылаясь на родословную, имѣющуюся въ московскомъ разрядномъ архивѣ, поданную отъ Наумовыхъ раньше 1701 года. Эта родословная въ настоящемъ случаѣ и предпочтена, тѣмъ болѣе, что въ ней поимянно обозначено много лицъ, Суворовыхъ, въ восходящемъ порядкѣ.

2. Суворовскій сборникъ, папка.—Кончанскій сборникъ, тетради 3 и 23.

3. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 10, связка 566.

4. Кончанскій сборникъ, тетрадь 23.—Государственный архивъ, V, 1710 и VII, 549.—Русская старина 1872 года.

5. Суворовскій сборникъ, томъ 4 и папка.—Московскій архивъ главнаго штаба, опись 10, связка 566.—Біографія Суворова, имъ самимъ писанная.

6. Вотчинный архивъ, тетрадь 17.—Кончанскій сборникъ, 23.—Московскій архивъ главнаго штаба, опись 10, связка 566.

7. Воронцовскій архивъ, книга 17.

8. Суворовскій сборникъ, папка.

9. Записки Энгельгардта 1876 г.

10. Жизнь Суворова, имъ самимъ описанная, Глинки, 1812 г., и нѣкоторыя другія.

11. Воронцовскій архивъ, книга 17.—Часъ досуга 1860 года, № 6.

12. Исторія войны 1799 года, гр. Милютина.

13. Анекдоты князя Италійскаго, изд. Фуксомъ, 1827 года.

14. Часъ досуга 1860 года, № 6.

15. Суворовскій сборникъ, томъ 4.

16. Русскій Инвалидъ 1856 года, № 275. — Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, литературныя прибавленія, 1843 года.

Подписанныя подъ статьями Суворова буквы С. и А. С., были приняты Новиковымъ за „Сумароковъ“ и „Александръ Сумароковъ“, а потому эти двѣ статьи и помѣщены въ собраніе сочиненій Сумарокова.

Кромѣ указанныхъ источниковъ, матеріаломъ для этой главы служили книги—Суворовъ и паденіе Польши, Смитта, и отчасти Исторія Суворова, Полеваго.

КЪ ГЛАВѢ II.

1. Жизнь Суворова, Глинки.

2. Русскій архивъ 1877 года.

3. Русскій архивъ 1866 года.

4. Записки А. Т. Болотова, Спб., 1871—73 г.

5. Суворовскій сборникъ, папка.

6. Сынъ отечества 1822 года, часть 75.

7. Біографія Суворова, имъ самимъ писанная, Москва, 1848 года.

8. Воронцовскій архивъ, книга 4.

9. Матеріалы г. Дубровина.

Главнымъ матеріаломъ служили книги: Суворовъ и паденіе Польши, Смитта; Les campagnes du feldmaréchal Souworov, par Anthing; Военный сборникъ 1865 года, № 5.

КЪ ГЛАВѢ III.

1. Матеріалы г. Дубровина.
2. Суворовскій сборникъ, папка.
3. Русскій архивъ 1869 года.—Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ I.
4. Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ I.
5. Описаніе лагеря въ Красномъ Селѣ, Спб., 1765 года.
6. Инструкція полковничья пѣхотному полку, 1764 года. Анекдоты князя Италійскаго, Фукса, 1827. — Суворовъ и паденіе Польши, Смитта, 1866 г.
7. Анекдоты, Фукса.—Біографіи генералиссимусовъ и фельдмаршаловъ, Бантышъ-Каменскаго, 1841 г.
8. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 40 и 89.
9. Тоже, опись 196, связка 42.
10. Тоже, опись 205, книга 89.
11. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 196, связка 42; опись 205, книга 43.
12. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 43 и 89; опись 196, связка 42.
13. Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes, par Warnery.—Русская старина 1873 г.—Инструкція полковничья, 1764 г.—Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 89 и 43; опись 196, связка 42.
14. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 43 и 89.

15. Военно-ученый архивъ, № 507. — Московскій архивъ главнаго штаба, опись 196, связка 42; опись 205, книга 89.

16. Русскій архивъ 1869 г. — Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 89 и 43; опись 196, связка 42.

17. Военно-ученый архивъ, № 507. — Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 89.

18. Воронцовскій архивъ, книга 17.—Анекдоты, Фукса.—Московскій архивъ главнаго штаба, опись 196, связка 42.

КЪ ГЛАВѢ IV.

1. Суворовскій сборникъ, А.—Вотчинный архивъ князей Суворовыхъ, тетрадь 17.—Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 41.—Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ 1.

2. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, связка 2.

3. Біографія Суворова, имъ самимъ писанная.

4. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, связка 19.

5. Тоже, опись 205, книга 63.

Выборъ Люблина и распредѣленіе силъ по постамъ люблинскаго раіона, сдѣланы были не Суворовымъ, а Веймарномъ.

6. Тоже, опись 205, книга 40.

7. Тоже, опись 205, книга 43.

8. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 63 и 132.

Происшествіе это ошибочно отнесено Антингомъ къ 1771 году.

9. Тоже, опись 205, книга 63. — Русскій архивъ 1867 года.

10. Государственный архивъ, VI, 549.—Записки Энгельгардта 1876 года.

11. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 48.

12. Тоже, опись 205, книга 120.

13. Тоже, опись 205, книга 46.

14. Тоже, опись 196, книга 42; опись 205, книги 11 и 40.

15. Тоже, опись 205, книга 88.

16. Тоже, опись 205, книга 89.

Въ большей части сочиненій объ этой войнѣ, дѣла подъ Ланцкороною, Раховымъ и Красникомъ показаны происходившими позже; приведенныя здѣсь числа основаны на донесеніяхъ Суворова.

17. Тоже, опись 205, книга 90.

18. Тоже, опись 205, книги 89 и 120.

19. Тоже, опись 205, книга 91.

Матеріаломъ для этой главы служили кромѣ того книги: Суворовъ и паденіе Польши, Смитта; Les campagnes de Souworov, Антинга; война 1769—1774 г., Петрова; отчасти Histoire du feldmaréchal Souworov, Лаверна, и Жизнь Суворова, Глинки.

КЪ ГЛАВѢ V.

1. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 101 и 120.

2. Тоже, опись 205, книга 115.

3. Такъ по крайней мѣрѣ представляется дѣло по имѣющимся документамъ, пока не открыты другіе, способные освѣтить предметъ иначе.

4. Тоже, опись 205, книга 95.

5. Тоже, опись 205, связки 131.

6. Тоже, опись 205, книга 108.

7. Анекдоты князя Италійскаго, Фукса.

8. Моск. архивъ главнаго штаба, опись 205, кн. 108.

Останавливаемся на неважныхъ повидимому числовыхъ подробностяхъ потому, что у нѣкоторыхъ авторовъ цифры сильно преувеличены.

9. Тоже, опись 205, связки 131 и 132.

10. У весьма многихъ авторовъ.

11. Моск. архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 142.

12. Реляція о сталовичской побѣдѣ представлена Суворовымъ 25 сентября изъ Бялы (см. московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 108), т.-е. на походѣ, значитъ скоро; въ ней из-

ложено все, о чемъ въ оправданіе свое говоритъ Суворовъ. Журналъ военныхъ дѣйствій не найденъ между архивными документами.

13. Смиттъ утверждаетъ, будто Суворовъ былъ временно удаленъ изъ Польши, до рѣшенія его судьбы, и приводитъ въ доказательство письмо его къ Бибикову изъ Крейцбурга, въ октябрѣ 1771 года. Изъ дѣлъ московскаго архива главнаго штаба видно, что Суворовъ продолжалъ оставаться на своемъ посту и нести прежнюю службу въ октябрѣ, ноябрѣ и дальше. Смиттъ былъ введенъ въ заблужденіе ошибкою или опечаткою, вкравшеюся въ книгу Глинки „Жизнь Суворова"; письмо изъ Крейцбурга написано въ октябрѣ не 1771, а 1772 года, во время слѣдованія Суворова въ корпусѣ Эльмпта изъ Литвы въ Финляндію.

14. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книги 93 и 94.

15. Тоже, опись 196, связки 4 и 42; опись 205, книги 46 и 89.

16. Тоже, опись 205, книги 89, 92 и 93.

17. Тоже, опись 205, книга 101.

18. Нѣкоторые исторіографы Суворова говорятъ противное, но ничѣмъ своихъ словъ не доказываютъ. Недоразумѣнія между Бибиковымъ и Суворовымъ могли быть, но отношенія ихъ оставались хорошими, что подтверждается послѣдующими письмами Суворова.

19. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, книга 142.

20. Тоже, опись 205, книга 89.

21. Тоже, опись 196, связка 45.

22. Тоже, опись 94, связка 124 и указы военной коллегіи за 1773 годъ.

23. Это извѣстіе нельзя признать безусловно вѣрнымъ, оно идетъ изъ французскаго источника и, по статьѣ о врачебной помощи, противорѣчитъ книгѣ Антинга, томъ 1, который былъ прочитанъ въ рукописи самимъ Суворовымъ.

24. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, приказы.

25. Тоже, опись 205, книга 88.

26. Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ 23.

27. Государственный архивъ, XII, 232.

28. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 201, книга 74.

Кромѣ того, матеріалъ для этой главы дали тѣ же книги, которыя обозначены выше, въ концѣ ссылокъ на главу IV.

КЪ ГЛАВѢ VI.

1. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, связка 131; опись 47, книга 178/180.

2. Журналъ военно-учебныхъ заведеній 1856 года.

3. Военно-ученый архивъ, № 507.

4. Отечественныя записки 1841 года.

5. Воронцовскій архивъ, книга 24.

6. Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, 1799, campagnes, связка 2.

7. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 194, книга 19.

8. Подъ „официальнымъ изложеніемъ“ разумѣемъ изложеніе сраженія при Козлуджи въ книгѣ г. Петрова „война 1769—1774 годовъ“, составленное по официальнымъ архивнымъ документамъ.

9. Анекдоты князя Италійскаго, Фукса.

Сынъ Каменскаго, пріѣхавъ въ 1799 году къ Суворову въ армію, сомнѣвался въ хорошемъ пріемѣ, вслѣдствіе неудовлетворительныхъ отношеній между его отцомъ и Суворовымъ, но скоро разубѣдился въ основательности своихъ опасеній.

10. Военно-ученый архивъ, № 371.

11. Записки одесскаго общества исторіи, томъ 8.—Воронцовскій архивъ, книга 24.

12. Постановленіе это взято изъ книги г. Петрова — „Война 1769 — 1774 годовъ“, составленной по подлиннымъ документамъ весьма добросовѣстно; отыскиваніе его въ подлинникѣ, какъ требовавшее много времени, признано поэтому излишнимъ.

Главнымъ матеріаломъ для главы служили книги: Война 1769—1774 годовъ, г. Петрова; дѣйствія Суворова въ Турціи въ 1773 году, г. Саковича; отчасти книги Смитта и Антинга и Автобіографія Суворова.

КЪ ГЛАВѢ VII.

1. Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ 6.

2. Тоже, томъ 13.

3. Автобіографія Суворова.

4. Воронцовскій архивъ, книга 24.

Здѣсь письмо о кончинѣ Суворова - отца помѣчено 1774 годомъ, августъ, Симбирскъ; тогда какъ В. И. Суворовъ умеръ въ 1775 году. Въ 1774 году А. В. Суворовъ находился въ августѣ на пути къ Панину, а потомъ въ дорогѣ къ Саратову, какъ это видно изъ настоящей главы. Есть и въ другихъ мѣстахъ подобныя ошибки.

5. Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи 1875 года.

6. Русскій архивъ 1866 года.—Памятники новой русской исторіи.

Упоминается также въ двухъ или трехъ другихъ изданіяхъ.

7. Свѣдѣніе это попало въ литературу повидимому отъ Нащокина-сына, который принадлежалъ къ числу друзей А. С. Пушкина.

8. Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи 1876 года.—Жизнь Суворова, Глинки.

9. Чтенія въ московскомъ обществѣ 1876 года.

10. Русская старина 1874 года.

11. Военно-ученый архивъ, № 154.

12. Отечественныя записки 1824 года, часть 20.

13. Русская старина 1873 года.

Письмо это и нѣкоторыя другія, ошибочно показаны адресованными графу П. И. Панину, что видно даже изъ самаго ихъ изложенія.

14. Москвитянинъ 1856 года, томъ 4.

15. Жизнь Суворова, Глинки.

Наиболѣе обильнымъ матеріаломъ для настоящей главы служила книга г. Саковича: Историческій обзоръ дѣятельности Румянцова, Прозоровскаго, Суворова и Бринка въ 1775—1780 гг.; также приходилось пользоваться статьею г. Анучина въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 г. № 11 и книгою Антинга.

КЪ ГЛАВѢ VIII.

1. Воронцовскій архивъ, книга 24.
2. Суворовскій сборникъ, папка.
3. Русская старина 1873 года.
4. Воронцовскій архивъ, книга 24. — Суворовскій сборникъ, папка.
5. Сборникъ одесскаго общества.
6. Сборникъ русскаго историческаго общества, т. 27.
7. Донскія войсковыя вѣдомости 1858 года, № 4.
8. Тоже, 1856 года, № 30, 33 и 46.
9. Сборникъ одесскаго общества. — Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ 27.

Матеріаломъ для главы служили кромѣ того книги Антинга и Смитта; отчасти Лаверна и Сегюра.

КЪ ГЛАВѢ IX.

1. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 10, связки 78 и 566.—Сенатскій архивъ 2 департамента, № 632.—Государственный архивъ, V, 93.—Русскій архивъ 1873 г.
2. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 10, связка 566; опись 65, связка 198.—Вотчинный архивъ князей Суворовыхъ, тетрадь 7.
3. Сенатскій архивъ 2 департамента, 632. — Кончанскій сборникъ, тетрадь 23.—Вотчинный архивъ, тетради 12 и 17.—Автобіографія Суворова.
4. Кончанскій сборникъ, 21.
5. Кончанскій сборникъ, 14 и 21.—Вотчинный архивъ, 7.
6. Суворовскій сборникъ, папка.
7. Суворовскій сборникъ, 2 и папка. — Кончанскій сборникъ, 22.

8. Суворовскій сборникъ, папка.—Кончанскій сборникъ, 21.

9. Суворовскій сборникъ, папка.—Кончанскій сборникъ, 18.

10. Суворовскій сборникъ, V и папка. — Кончанскій сборникъ, 21.

11. Суворовскій сборникъ, папка. — Кончанскій сборникъ, 14 и 24.

12. Суворовскій сборникъ, 1.—Кончанскій сборникъ, 21.

13. Кончанскій сборникъ, 23.—Вотчинный архивъ, 7.

14. Суворовскій сборникъ, V и папка. — Кончанскій сборникъ, 17.

15. Кончанскій сборникъ, 13.

16. Тоже, 18.—Суворовскій сборникъ, папка.

17. Суворовскій сборникъ, Д.

18. Кончанскій сборникъ, 1, 4 и 8.

19. Тоже, 6 и 13.—Суворовскій сборникъ, папка.

20. Суворовскій сборникъ, V и папка. — Кончанскій сборникъ, 18.

21. Кончанскій сборникъ, 21 и 24.

22. Тоже, 16 и 18.

23. Тоже.—Суворовскій сборникъ, папка.

24. Кончанскій сборникъ, 1, 4, 8, 16 и 24.

25. Суворовскій сборникъ, Д и папка. — Вотчинный архивъ, 9.

26. Кончанскій сборникъ, 18 и 23.

27. Тоже, 6 и 16.

28. Тоже, 6, 9, 17 и 24.—Суворовскій сборникъ, папка.

29. Суворовскій сборникъ, папка.—Вотчинный архивъ, 8.

30. Суворовскій сборникъ, папка. — Кончанскій сборникъ, 1 и 12.—Вотчинный архивъ, 7 и 17.

31. Государственный архивъ, XVIII, 176. — Кончанскій сборникъ, 21.—Вотчинный архивъ, 7 и 17.

32. Московскій архивъ главнаго штаба, опись 205, связка 93.

33. Синодскій архивъ, 459—349.—Военно-ученый архивъ, № 99.—Русская старина 1871 и 1876 годовъ.

Останавливаемся на этихъ подробностяхъ потому, что время

женитьбы Суворова доселѣ или вовсе не обозначалось, или показывалось ошибочно.

34. Синодскій архивъ, 459—349.

35. Русскій архивъ 1873 года.

Случай этотъ отнесенъ въ источникѣ ко времени, когда Суворовъ не былъ въ Астрахани. Говорится также, будто при Суворовѣ находился тогда протоіерей, членъ синода, нарочно присланный изъ Петербурга, и что съ донесеніемъ о примиреніи Суворова съ женой отправленъ къ Императрицѣ курьеръ. Все это сильно требуетъ документальнаго подтвержденія.

36. Суворовскій сборникъ, Д.—Кончанскій сборникъ, 21.—Вотчинный архивъ, 7.

37. Кончанскій сборникъ, 11, 14, 21 и 24.—Воронцовскій архивъ, книга 24.—Записки одесскаго общества, томъ 8.

38. Кончанскій сборникъ, 21 и 24.—Русскій архивъ 1865 г.

39. Русскій архивъ 1866 г.—Раутъ 1854 г.

40. Переписка князя Александра Аркадьевича Суворова.

Время рожденія Аркадія Суворова обыкновенно показывается всюду невѣрно, на годъ и на два раньше дѣйствительности.

41. Синодскій архивъ, 459—349.—Кончанскій сборникъ, 24.—Русскій архивъ 1866 г.—Русская старина 1871 г.—Записки одесскаго общества, томъ 8.

Сверхъ того матеріаломъ для главы служили книги — Генералиссимусъ князь Суворовъ, г. Рыбкина, и Крестьяне въ царствованіе Екатерины II, В. Семевскаго.

КЪ ГЛАВѢ X.

1. Суворовскій сборникъ, С.

2. Переписка князя Александра Аркадьевича Суворова.

Многіе говорятъ, будто паша предупредилъ и о предстоящемъ нападеніи турецкаго флота, но это документами не подтверждается.

3. Военно-ученый архивъ, № 891. — Суворовскій сборникъ, А.

4. Сборникъ русскаго историческаго общества, томъ 27.

5. Государственный архивъ, XI, 267.

6. Суворовскій сборникъ, А и папка. — Русская старина 1876 г.

7. Суворовскій сборникъ, А и папка.

8. Военно-ученый архивъ, № 891. — Записки одесскаго общества, томъ 4.

9. Военно-ученый архивъ, № 891.—Суворовскій сборникъ, А и папка.

10. Суворовскій сборникъ, С.—Русская вивліофика 1834 г.

11. Суворовскій сборникъ, С.—Русская старина 1876 г.

12. Тоже.—Сборникъ русскаго истор. общества, томъ 27.

13. Государственный архивъ, V, 116.—Маякъ 1840 года, часть 6.

14. Суворовскій Сборникъ, С.—Воронцовскій архивъ, книга 24.

15. Русская старина 1876 года.

16. Записки одесскаго общества исторіи, томъ 11.

17. Сборникъ одесскаго общества исторіи.

18. Мемуары Сегюра.

19. Суворовскій сборникъ, папка. — Записки Энгельгардта.—Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, литературныя прибавленія, 1843 г.

20. Воронцовскій архивъ, книга 24.

21. Записки Храповицкаго.

22. Записки Энгельгардта.—Разсказы стараго воина.

23. Военно-ученый архивъ, № 893.

24. Суворовскій сборникъ, 1.

Кромѣ того матеріаломъ для главы служили книги Смитта, Антинга и Петрова.

КЪ ГЛАВѢ XI.

1. Суворовскій сборникъ, А.—Записки Энгельгардта и многія другія.

2. Записки Энгельгардта.

3. Государственный архивъ, V, 116.

4. Исторія Суворова, Лаверна.

5. Исторія кампаніи 1799 года, Фукса.

6. Арнаутами назывались Молдаване, Валахи, а отчасти люди и другихъ племенъ Балканскаго полуострова, добровольно вступавшіе въ русскую службу со своимъ конемъ и вооруженіемъ, за что получали по червонцу въ мѣсяцъ, провіантъ и фуражъ. Они были очень худые солдаты и отчаянные грабители, ни мало не щадившіе своихъ соотчичей. (Раанъ, Энгельгардтъ и др).

7. Военно-ученый архивъ, № 893.

8. Суворовскій сборникъ, А.

9. Жизнь Суворова, Глинки.

10. Записки одесскаго общества, томы 7 и 8. — Записки Энгельгардта.

11. Суворовскій сборникъ, А.—Русская старина 1876 г.

12. Перечень изъ журнала 1787—1790 г., Раана.

13. Военно-ученый архивъ, № 893. — Русская старина 1875 и 1876 гг.

14. Précis historique sur le comte Souworov, pas Guillaumanche—Duboscage.

15. Сѣверный архивъ 1822 года, часть 2.

16. Суворовскій сборникъ, А и Д. — Русская старина 1876 г.

17. Сборникъ одесскаго общества.—Сынъ отечества 1839 г., часть 9. —Записки Храповицкаго.—Русская старина 1876 г.—Воронцовскій архивъ, книга 13.—Собраніе писемъ и анекдотовъ, Левшина.

18. Суворовскій сборникъ, А. — Русская вивліофика 1834 г.—Русская старина 1875 и 1876 гг.

19. Записки одесскаго общества, томъ 8.

20. Отечественныя записки 1828 г., часть 35. — Русская старина 1876.

21. Отечественныя записки 1822 года, часть 9.

Кромѣ того матеріалъ для главы дали книги Смитта, Антинга и Петрова.

КЪ ГЛАВѢ XII.

1. Военно-ученый архивъ, № 893.

2. Записки Энгельгардта.

3. Мои бездѣлицы, Вернета.—Анекдоты, Фукса.

4. Матеріалы гр. Милютина. Письмо это имѣетъ ошибочную помѣтку 1790 года.

5. Военно-ученый архивъ, 893.—Сѣверный архивъ 1822 г., ч. 2.—Воронцовскій архивъ, книга 24.

6. Сборникъ барона Бюлера.—Записки Энгельгардта.—Анекдоты Фукса.

7. Воронцовскій архивъ, книга 24.

8. Суворовскій сборникъ, Г.

9. Русскій архивъ 1871 года.

10. Суворовскій сборникъ, Г. — Русскій архивъ 1876 г.— Русская старина 1875 г.

11. Суворовскій сборникъ, Г. — Русскій архивъ 1871 года.

12. Военно-ученый архивъ, 893. — Отечественныя записки 1822 г., ч. 2.

13. Суворовскій сборникъ, V и Г.—Разсказы стараго воина.— Книга Дюбокажа.

14. Военно-ученый архивъ, 891 и 893. — Русскій архивъ 1871 года.

15. Московскій архивъ главн. штаба, опись 194, связка 191.

16. Военно-ученый архивъ, 891 и 893. — Отечественныя записки 1822 г., ч. 9.

17. Жизнь Суворова, Глинки.

18. Распространенъ анекдотъ, будто Суворовъ назначилъ Кутузова комендантомъ Измаила и послалъ ему это сказать въ самый критическій моментъ, когда замѣтилъ въ 6 колоннѣ колебаніе. Это болѣе чѣмъ сомнительно, потому что тогда стояла полная ночь, и Суворовъ не могъ видѣть того, что происходило у Кутузова, тѣмъ паче, что находился отъ 6 колонны далеко; Кутузовъ же къ нему за подмогой не посылалъ и обошелся собственными средствами.

19. Анекдоты князя Италійскаго, Зейделя.

20. По всей вѣроятности это письмо Австрійскаго императора дало поводъ нѣкоторымъ писателямъ утверждать, что передъ началомъ дѣла, курьеръ привезъ предписаніе Потемкина, отмѣняющее штурмъ, но Суворовъ, будто бы догадываясь о содержаніи бумаги, не велѣлъ допускать до себя посланнаго раньше взятія крѣпости.

21. Военно-ученый архивъ, 893.—Суворовскій сборникъ, 1 и папка.—Записки одесскаго общества, т. 9.—Русскій архивъ 1874 года.

22. Воронцовскій архивъ, 24. — Отечественныя записки 1822 г., ч. 9.

23. Сынъ отечества 1849 года.

24. Русская старина 1876 года.

Источниками для составленія главы служили кромѣ того книги гг. Петрова, Антинга и Смитта.

КЪ ГЛАВѢ XIII.

1. Московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, сношенія съ Польшей, связка 11. — Записки Державина.

2. Воронцовскій архивъ, книга 24. Первая записка неудовлетворительно прочитана и воспроизведена.

3. Суворовскій сборникъ, А.—Государственный архивъ, XX, 325.—Жизнь Суворова, Глинки.

4. Суворовскій сборникъ, А. — Русскій архивъ 1874 года.

5. Суворовскій сборникъ, V.

6. Военно-ученый архивъ, 893.—Русская старина 1876 г.

7. Суворовскій сборникъ, I, A, K и папка.—Государственный архивъ, XX, 324.—Анекдоты Зейделя.

8. Суворовскій сборникъ, I.—Государственный архивъ, XX, 324 и 325.—Жизнь Суворова, Глинки.

9. Суворовскій сборникъ, A.—Государственный архивъ, XX, 324.—Собраніе разныхъ сочиненій Фукса.

10. Суворовскій сборникъ, I и V.—Государственный архивъ, XX, 324 и 325.

11. Государственный архивъ, XX, 324 и 325.

12. Суворовскій сборникъ, I.—Чтенія въ московскомъ обществѣ 1864 года.—Книга Варнери.

13. Суворовск. сборн., V.—Государственный архивъ, XX, 323.

14. Государств. архивъ, XX, 323.—Славянинъ 1828 г., № 1.

15. Государственный архивъ, XX, 323.—Глинка.

16. Государственный архивъ, XX, 329.—Глинка.

17. Суворовскій сборникъ, I и V.—Глинка. — Собраніе писемъ и анекдотовъ, Левшина.

18. Государственный архивъ, XX, 325.

19. Воронцовскій архивъ, книга 13.—Записки Энгельгардта.

20. Русскій архивъ 1876 г.—Воронцовскій архивъ, книга 13.

21. Суворовскій сборникъ, I и V.

22. Русская старина 1875 года.

23. Суворовскій сборникъ, I, V и папка.

24. Государственный архивъ, XX, 324. — Суворовскій сборникъ, V.—Записки Храповицкаго. — Собраніе писемъ и анекдотовъ, Левшина.

25. Суворовскій сборникъ, I.

26. Суворовскій сборникъ, I и V.—Анекдоты Зейделя.

27. Суворовскій сборникъ, I.—Глинка. Повѣствуя объ этомъ времени, одинъ изъ писателей, Смиттъ, разсказываетъ про благодѣянія Суворова, про его пенсіи роднымъ сестрамъ и проч. Тутъ много преувеличенія или же анахронизмовъ; Смиттъ былъ введенъ въ заблужденіе сходствомъ именъ, принялъ обязательныя уплаты за благодѣянія и т. п. Не лишнее замѣтить, что панегиристы Суворова слишкомъ раздули въ немъ черту благодѣтельной щедрости.

28. Суворовск. сборн., B.—Государствен. архивъ, XX, 323.

Сверхъ перечисленныхъ источниковъ, матеріаломъ для главы служила книга Смитта.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

КЪ ГЛАВѢ VII.

ПРИКАЗЪ

генералъ-поручика Суворова по войскамъ Крымскаго и Кубанскаго корпусовъ, 16 мая 1778 года.

(Изъ статьи г. Саковича въ Москвитянинѣ 1856 года, томъ 4, составленной по архивнымъ документамъ).

---

1) Въ принадлежащемъ до дежурствъ, исполнять на основаніи пунктовъ главы восьмой, прибавленія къ строевому уставу.

2) Полковымъ, батальоннымъ и ихъ командъ лекарямъ и подлекарямъ имѣть ежевременное попеченіе о соблюденіи паче здоровья здоровыхъ, всегдашними обзорами въ касающемся до нихъ содержаніи каждаго вообще, до ихъ пищи и питья. Послѣднему принадлежитъ, гдѣ не лучшая вода, таковая отварная и отстоянная; слабымъ сухарная или съ уксусомъ; къ пищѣ-жъ—выпеченный хлѣбъ, исправные сухари, теплое варево и крѣпко-полуженные котлы.

Застоянную, олудѣлую отнюдь не употреблять; но надлежаще варить, а по употребленіи вымывать и вытирать котлы сухо. Обуви и мундирамъ быть не весьма тѣснымъ, дабы въ обуви постилка употребляться могла. Наблюдать весьма чистоту въ бѣльѣ, нелѣностнымъ вымываніемъ онаго. Строго остерегаться вреднаго изнуренія; но тѣмъ паче къ трудолюбію пріучать, убѣгая крайне праздности; въ противномъ случаѣ, г. лекарь или подлекарь представляетъ тотчасъ г. эскадронному или ротному командиру. Въ случаѣ неудовлетворе-

нія отъ сего, доносить о томъ полковому, батальонному или того отдѣленія начальнику; далѣе-жъ относиться увѣдомленіемъ о томъ, хотя письменно, г. командующему тою частью, а потомъ и тою-жъ бригадою. Въ крайности-жъ имѣетъ право о семъ непорядкѣ немедленно сообщать старшему при корпусѣ г. лекарю, для донесенія корпусному генералу; но таковыя приключенія никогда не ожидаемы.

Случайно больныхъ и слабыхъ въ лазаретахъ при войскахъ, строгимъ наблюденіемъ обыкновенныхъ порядковъ въ леченіи и содержаніи, неутомленно приводить въ прежнее состояніе ихъ здоровья. Въ какомъ, и маломъ, въ предвидимомъ умноженіи оныхъ, г. бригадный командиръ имѣетъ долгъ, при самоличномъ въ томъ мѣстѣ обозрѣніи, изслѣдовавши причину зла, неослабно взыскать на начальникѣ, ибо иначе отвѣтствуетъ онъ одною своею особою начальнику корпуса.

До войны, надзиратели въ лазаретахъ, при слабыхъ и больныхъ, должны быть люди честные, попечительные, трудолюбивые и безкорыстные. Лекаремъ или подлекаремъ, не таковый усмотрѣнный, перемѣняется съ доклада ближняго начальника на мѣстѣ.

Ротнымъ фельдшерамъ быть въ ихъ должностяхъ исправнѣйшими и строго къ онымъ отъ лекарей и подлекарей пріобученными.

Благоучрежденіе исправныхъ артелей въ капральствахъ, подъ разумными и попечительными артельными старостами, наистрожайше соблюдать съ примѣчательнымъ о томъ надсмотрѣніемъ высшихъ начальниковъ надъ нижними, какъ то слѣдуетъ, до взысканія отъ корпуснаго командира.

3) Военное обученіе должно служить упражненіемъ высшимъ начальникамъ надъ ихъ низшими. Надлежитъ сіе правило строго соблюдать исправленіемъ не достигшаго тонкости онаго, хо́лоднымъ духомъ. Производить его всякое способное время, по силѣ описанія воинскаго строя 1763 года. Кавалеристовъ начинать экзерцировать конному пѣшкомъ: въ заѣзжаніи, въ вздваиваніи, формированіи на маршахъ, потомъ и на коняхъ большой атакѣ въ полный карьеръ на сабляхъ, съ прочими для движенія маневрами; а драгунъ, надъ тѣмъ, твердо и пѣхотному обучать.

Нужно наблюденіе въ эскадронахъ интерваловъ, для врубки сквозь оные второй кавалерійской линіи; а между тѣмъ первая, при сильномъ опроверженіи противника, вмигъ строится по аппелю. Казаковъ обучать сильному употребленію дротика по донскому его размѣру, въ атакѣ, сшибѣ и погонѣ. И пѣхоту разнымъ маршамъ, быстрымъ движеніямъ разностройно, обращеніемъ впередъ и эволюціямъ, употребленію штыка и ружья, скорому заряжанію, жестокой атакѣ, а особливо полковыми и батальонными карeями. Густѣйшія каре въ движеніяхъ тяжки. Карeямъ размѣръ крестныхъ огней твердо соблюдать, съ присутствіемъ духа, въ разной пальбѣ, не забывая весьма и пріемовъ. Большимъ маневрамъ и эволюціямъ, твердо обучать цѣлыми частями войскъ по способностямъ. Во всякое время корпусный командиръ имѣетъ право, безъ возвѣщенія въ экзерцированіи, всюду посѣщать. На примѣрной пальбѣ разбивать доски пулями, въ мишенныя мѣты по порядку; а по степному въ нихъ недостатку, стрѣлять въ земляной валъ. Господа начальники, по хозяйству ихъ, употребятъ на то излишнѣйшій свинецъ, а положенный съ порохомъ и прежде сроковъ доставлять себѣ могутъ. Паче ротные стрѣлки, въ семъ цѣльномъ огненномъ бою надлежатъ быть обучены наитвердо; нуженъ тутъ прикладъ взоромъ по стволу, комель крѣпко въ сгибъ плеча! Мишенной стрѣльбѣ обучать въ началѣ: одиночкою, шестками въ шеренгѣ, капральною ротною шеренгою, рядами, капральствами, ротами, батальонами. Конныхъ посему, для твердости въ управленіи лошадью и искуства рѣдкаго шармюцированія, одиночкою въ полномъ карьерѣ.

4) Въ каждомъ пѣхотномъ капральствѣ ротныхъ четыре стрѣлка; сіи бьютъ въ ихъ ранжирѣ, но и могутъ быть отряжены по разсмотрѣнію военно-начальниковъ. Сколько же сіе служитъ для соблюденія огня, извѣстно тонкой практикѣ военной. Для вѣрнѣйшаго застрѣливанія противныхъ, а особливо старшихъ и наѣздниковъ, сіи имѣютъ волю стрѣлять когда хотятъ, безъ приказу. Таковыхъ стрѣлковъ имѣютъ конные въ капральствахъ шесть, и для различія они, конные егеря, и формируются въ легкій эскадронъ по разсмотрѣнію начальниковъ; прочіе рубятъ впередъ. Отличность отъ драгунъ есть

сихъ, что тѣ должны по обстоятельствамъ быть на основаніи пѣхотныхъ. Бьютъ они все противящееся впередъ, быстро, по благоразумному его начальника предусмотрѣнію.

Сіи стрѣлки для отличности имѣютъ за шляпами и киверами зелень, а въ недостаткѣ оной, солому или сѣно всегда.

Казаки—таковыхъ въ десяткѣ два; это маяки; неприлично казаку стрѣлять, онъ бьетъ пикою, особливо въ крестецъ.

5) Отряженнымъ въ укрѣпленіяхъ пѣхотнымъ рядовымъ имѣть патроновъ сто; то не для частой стрѣльбы, ибо для того назначены стрѣлки, но для выдержанія какихъ осадностей. Сіе въ свое время; но нечаянностію никакой военноначальникъ, даже до капрала, по преподаннымъ каждому отъ высшаго его правиламъ, не долженъ быть удивленъ. Сильныя укрѣпленія выдержатъ долговременную осаду, но какъ поспѣть могутъ всюду резервы въ первыхъ суткахъ или дняхъ, то бьютъ они противныхъ въ тылъ; тѣ, между двухъ огней стѣсненные, бѣгутъ стремглавъ, и конница ихъ дорубаетъ и колетъ живо, такъ какъ на Дунаѣ. Съ плѣнными поступать человѣколюбиво и стыдиться варварства.

Въ укрѣпленіяхъ артиллерія бьетъ картечами; оныя по дирекціи начальника ея на мѣстѣ.

6) Полевымъ укрѣпленіямъ имѣть отверстую дирекцію на окружности, по приличеству мѣстоположенія оныхъ; рвамъ быть въ ширину и глубину въ одинъ съ половиною сажень, а по изволенію инженера съ начальникомъ на мѣстѣ, и превосходнѣе, поелику то грунтъ земли дозволитъ. Толстота вала съ обыкновеннымъ банкетомъ, амбразурами, турами съ пескомъ или землею, тѣсно съ промежутками для ружейной стрѣльбы; мѣшки тожъ. Ворота укрѣплены траверзами, рогатками заграждены, рвы передъ ними прорыты, на нихъ подъемный или подвижной мостъ, внутри ихъ перпендикулярный палисадъ, поелику дозволятъ матеріалы; предъ ними шагъ—три ряда волчьихъ ямъ, въ глубину и ширину діаметромъ одинъ съ половиною аршинъ; между ими пядень, въ срединѣ каждой острый небольшой колъ, выходящій изъ земли полъ-аршина. По слабости жъ грунта, или каменистой жесткости онаго, легкія рогатки въ одинъ и два ряда, на эспла-

надѣ предъ рвомъ и валомъ, какъ и между ними отъ одной до одной съ половиною сажени. За эспланадой въ полѣ можетъ быть другой ровъ, маловажнѣе перваго. По достатку лѣса, можетъ быть эспланада съ рогатками между рва и волчьихъ ямъ; волчьи ямы прорыты въ отрѣзъ, и чрезъ нихъ сдвижной мостъ. Вмѣсто рогатокъ употребляются: герзы, опрокинутыя деревья, короткія или долгія съ остро-отрубленными сучьями; а терновникъ потому не надеженъ, что по засохлости отъ жаровъ, можетъ быть зажженъ.

Сверхъ того, поланки въ полѣ каждаго коменданта суть: рвы съ малымъ валомъ для помѣщенія обозовъ и скарба, подобно легкимъ турецкимъ ретраншаментамъ. При обыкновенномъ россійскомъ мужествѣ, мудрый комендантъ низвергнетъ важностью его укрѣпленія, противныя предпріятія регулярнѣйшихъ войскъ, коль паче варварскіе разсѣвные набѣги. Погоня не нужна, не похвальна, какъ и вылазки, развѣ резервомъ; но и то для обряда.

7) Комуникаціонные зажигательные маяки въ разсмотрѣніи господъ бригадныхъ командировъ и частныхъ, особливо на обзорныхъ постахъ. По надбережностямъ лучше ихъ не имѣть, нежели ими войска безпокоить. Было бы то вовсе оплошность, впредь по даннымъ правиламъ подчиненнымъ начальниками, частнаго командира, и неприлежность въ соблюденіи предвидѣній начальствующаго бригадою.

8) Но отъ обзорныхъ постовъ и казачьихъ пикетовъ съ связными караулами хотя нечаянности нѣтъ, дается знать чрезъ смычки ихъ кордоновъ, отъ мѣста до мѣста, наиноспѣшнѣйше въ приключеніяхъ безпокойственныхъ, во всякое время о случающемся и о сближеніи противныхъ, въ три стороны къ начальникамъ: частному, бригадному и корпусному, три раза. Чего ради на важно-примѣчательныхъ постахъ имѣть казаковъ по десяти: первое — примѣрно извѣщать, противные въ какомъ числѣ, куда ихъ обращеніе и тверды или робки; второе—что за ними примѣрно слѣдуетъ, и какое въ томъ ихъ есть намѣреніе, какъ и прилѣпленіе къ какому фельдшанцу.

9) Казакамъ непремѣнно быть на всегда дротикомъ вооруженнымъ, яко наисильнѣйшимъ ихъ оружіемъ для пораженія

всякаго противника; но и во всѣхъ случаяхъ огнестрѣльное его оружіе есть только для сигнала. Донскимъ господамъ полковникамъ, ихъ особами помѣщаться и быть помѣщеннымъ тамъ, гдѣ болѣе въ начальникѣ казачьяго войска нужда, какъ и ихъ старшинамъ, по распредѣленію оныхъ, коль паче на часахъ. Обыкновенно въ срединѣ его передовыхъ стражъ, а не всегда тамъ, гдѣ временная застава кажется сильнѣе быть; но не постоянно, ибо обстоятельства счисленіе людей перемѣняютъ въ непокойствіяхъ сихъ. Заставамъ состоять больше въ западняхъ. Страшнѣе противнику вылазка тогда, для его побоища и схватки, паче кажущейся, вяще численнымъ ея умноженіямъ. Для притяженія противника, ежели онъ паче чаянія иногда множественъ, на крѣпости и резервы постовымъ казакамъ заманивать его въ полномъ шармицелѣ, сколько можно длиннѣе, забавляя его тутъ иногда и стрѣльбою, какъ и дротичнымъ наѣздомъ съ крикомъ одинаково безопасно; а когда онъ будетъ гораздо по времени къ укрѣпленіямъ напертъ, или разными войсками на мѣстѣ сломленъ, то уже тогда поражать его сильно пикою въ крестецъ и живымъ хватать.

10) Корпусному командиру и между собою господамъ бригаднымъ и прочимъ начальникамъ, при сообщеніи извѣстій, освѣдомленій, описывать въ нихъ возможное предвидѣніе, и по послѣдствіямъ настоящаго, въ будущемъ приличную прозрачность съ военными и политическими краткими разсужденіями для предпобѣжденія оныхъ, какъ способнѣйшимъ къ тому мѣстнымъ пребываніемъ, нежели тѣмъ, кому сообщаютъ по обстоянію. Иначе отъ того рождаются замѣшательства лишними предосторожностями и безпокойства, иногда напраснымъ подвиженіемъ, хотя и немногимъ войскамъ. Лучше для того объяснять всякое извѣстіе, вообразительно его назначая—справедливымъ, сумнительнымъ или ложнымъ, не взирая на то, что дальнѣйшимъ проницаніемъ кажущееся ложнымъ превратится въ истинное, а справедливое—въ ложное и сумнительное. Чего ради каждому, всего лучше начальствующему, преподавать свои мысли съ разсужденіями смѣло, означая по случаю примѣрное число противниковъ и ихъ вооруженіе. Получающій ихъ, беретъ съ того свои исправныя мѣры.

Въ политическихъ дѣлахъ, секретная при корпусѣ экспедиція имѣетъ ея обыкновенное теченіе.

11) По неспокойнымъ обстоятельствамъ въ движеніяхъ, на мѣстѣ бдитъ четвертая часть войска; въ сомнительныхъ обстоятельствахъ половина; въ сумнительнѣйшихъ отдыхаетъ только четвертая доля по очереди.

Какъ бы малолюденъ отрядъ когда ни былъ, но всегда въ немъ двумъ начальникамъ, старшему и младшему, быть надлежитъ.

12) Порядки сраженій въ благоучрежденіи военно-начальниковъ. Противъ регулярныхъ войскъ—линейные, какъ въ прошлой прусской войнѣ; противъ иррегулярныхъ, какъ въ прошлой турецкой. Густыя кареи были обременительны, гибче всѣхъ полковое каре; но батальонныя способнѣе для крестныхъ огней, бьютъ противника во всѣ стороны насквозь, впередъ мужественно, жестоко и быстро; не помѣщенная тя желая артиллерія идетъ своею дорогою батарейно, съ ея закрытіемъ; конница рубитъ и колетъ разбитыхъ и разсѣянныхъ въ тылъ, или для лучшаго пораженія стѣсняетъ на кареи. Внѣдрившіеся внутри ихъ, скалываются тамо резервами, кои обыкновенно изъ восьмой, шестой, а иногда и четвертой доли, по обстоятельствамъ. Кареямъ между собою интервалы для крестныхъ огней наивозможнѣйше соблюдать; но соблюдаютъ и ихъ огонь, какъ артиллерійскій, такъ и мушкетный. На мушкетъ 100 патроновъ. По мушкетному (огню) большая должность есть ротныхъ стрѣлковъ. Пѣхотные огни открываютъ побѣду, штыкъ скалываетъ буйно пролѣзшихъ въ каре, сабля и дротикъ побѣду и погоню до конца довершаютъ. Каре въ непрестанномъ движеніи, доколѣ конница противныхъ на бѣгу изъ виду ихъ прогонитъ; но и тогда высшій по случаю (начальникъ) удѣляетъ карейной пѣхотѣ нѣчто впередъ, резервами для конницы.

Обозы остаются подъ укрѣпленіями вагенбургомъ при надлежащихъ закрытіяхъ; легкія по удобности отправляются въ сторону или назадъ; но противу само-легко-противныхъ, иногда идутъ они просто среди карейныхъ линій, ими закрытыя; тѣ ихъ отстрѣливаютъ.

Ордеръ сраженій: батальонъ его кареемъ въ первой ли-

ніи, два батальона ихъ карeями во второй; или также два батальона въ первой, одинъ батальонъ какъ резервъ во второй; или два каре въ первой, два во второй; или съ прибавленіемъ за второю линіею резервныхъ каре, одинъ противъ двухъ; или сіи резервныя каре въ срединѣ обѣихъ линій по шахматному. Гдѣ гренадерскіе батальоны, мѣста ихъ каре на крыльяхъ ордера, или въ срединѣ, по усмотрѣнію. Каре батальонной ли или полковой, а не выше. Такія около Дуная, въ прошлой войнѣ, многолюдныхъ стамбульцевъ жестоко били. Ни лѣсъ, ни вода, ни горы, ни буераки—стремленіе ихъ когда удерживать могли?

Эскадроны, доколѣ въ дѣйствіе не вступятъ, обыкновенно внутри карейныхъ линій, не закрывая отнюдь ихъ интерваловъ для крестныхъ огней. Казаки тожъ и частями въ разсѣвку.

Походный порядокъ противъ порядка боевого, дабы тотчасъ на походѣ драться, и ежели противники близки, то и карeями; впрочемъ по взводно и по рядамъ съ соблюденіемъ интерваловъ. Обыкновенно кавалерія внутри линій, цѣхота въ головѣ и хвостѣ, казаки по ихъ частямъ, пушки и легкіе обозы сколько возможно съ крыльевъ; но взводы и ряды пѣхоты могли бы тотчасъ загнуться въ каре. Авангарду и аріергарду нѣтъ, а токмо нѣчто обзорныхъ подъѣздныхъ казаковъ, съ головы и хвоста бьетъ твердо, надежно впередъ, увѣдомляя о противникахъ возможно точными познаніями; ибо обыкновенно, сближаясь къ нимъ поспѣшными маршами, разъѣздами или чѣмъ инымъ еще предопаснѣйшимъ, то чинить для предпріятія колебленно, поздно и предосудительно.

Сей ордеръ марша въ близости варваровъ; но впрочемъ съ авангардомъ и аріергардомъ.

Бить стремительно впередъ, маршируя безъ ночлеговъ. Ночное пораженіе противниковъ доказываетъ искуство вождя пользоваться побѣдою не для блистанія, но постоянства. Плодовитостію реляцій можно упражняться послѣ.

Для сорванія варварскихъ окоповъ, само собою сгущается каре. По ихъ овладѣніи, разгибается легко съ огнемъ на походѣ впередъ. Шести-шереножной колонны, формированной направо, ряды вздвой, въ середину сомкнись, или просто взводы смыкай въ колонну. Хотя она тогда была и гуще, по

прежнему строй фронтъ. Сія шести-шереножная колонна, ежели одарена твердостію и мужествомъ, паче начальствующіе ея частями, кругомъ фронтъ, опусти штыкъ по офицерски,—непроницаема никакою кавалеріею. Нѣтъ лошади, чтобъ два раза три шеренги, въ серединѣ спина со спиной, прорвать могла еще при непрестанной стрѣльбѣ отъ стрѣлковъ, болѣе въ лошадиную грудь. Но вредны ей картечи въ размѣръ. Колонна та гибче всѣхъ построеній, быстра въ ея движеніи; ежели безъ остановки, то все пробиваетъ. Пушекъ не ожидаетъ никогда. Ихъ дирекція по другимъ мѣстамъ.

Въ стояніяхъ и на походахъ, мародеровъ не терпѣть и наказывать оныхъ жестоко, тотчасъ на мѣстѣ. Домовъ, заборовъ и огородовъ отнюдь не ломать; вездѣ есть разноименныя дрова. Гдѣ случается фуражировать, чинить то при войскахъ, правиломъ, съ крайнимъ порядкомъ. Есть ли тутъ благоразуміе, гдѣ лишать себя самого впредь текущихъ послѣдствій, довольной субсистенціи и кровли? Наблюдать то и въ непріязненной землѣ. Дѣлать и въ оной жалобѣ всякаго обывателя тотчасъ должное удовольствіе. Не меньше оружія поражать противника человѣколюбіемъ.

Порядокъ кампаментовъ—противъ боевого порядка. Но буде варвары въ отдаленіи, то взирать и на выгоды войскъ, яко то: кавалеріи становиться больше въ лощинахъ, на луговыхъ мѣстахъ. Вообще войскамъ тогда занимать обширнѣе мѣсто. Впрочемъ, всегда фланги расположенія лагернаго укрѣплять пѣхотою для закрытія кавалеріи; но какъ въ быстрыхъ движеніяхъ, походы денно и ночно, и отдыхи по часамъ, то симъ въ излишественномъ утружденіи войскъ отъ множайшихъ предосторожностей, свободиться возможно.

Извѣстныя качества начальствующаго украшаются его благовременною диспозиціею, преподаніемъ нужныхъ краткихъ и ясныхъ правилъ войскъ, на толикое пространство времени, поелику онъ до рубежа своего предвидѣнія разноличныхъ обстоятельствъ и перемѣнъ, достигнуть возможетъ ежевременно. Доколѣ сію важнѣйшую свою должность не совершитъ, спокойствія ему нѣтъ. А потомъ благонадеженъ онъ на войско, такъ какъ оное благодежно на него. Уже тогда ни малою нечаянностью не можетъ онъ быть обремененъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

КЪ ГЛАВѢ XIII.

ЗАМѢЧАНІЯ

генералъ-аншефа графа Суворова Рымникскаго объ оборонительной и наступательной войнѣ въ Финляндіи; 1792 года.

(Съ документа государ. архива, XX, 323).

Незнатные набѣги презирать; ежели вредны землѣ, на то репресаліи. Самимъ таковыхъ иррупціевъ не чинить, они опасны. Лучше усыплять, нежели тревожить — и дѣлать большой ударъ. Малая война обоюдно ровна и не полезна, изнуряетъ войско. Заставы въ проходахъ не трогать, ибо сбитые будутъ назадъ. При обыкновенныхъ своихъ легкихъ разъѣздахъ, схватываніе противныхъ форпостовъ не столько полезно для извѣстіевъ, какъ пріятели въ чужой землѣ деньгами, и генералъ долженъ предвидѣть будущее по теченію обстоятельствъ. Атака винтеръ-квартиръ непріятельскихъ если потребна, то они всюду открыты или съ чела, или съ тылу; наши всѣ за крѣпостями. Внѣдрился бы гдѣ непріятель въ нашу землю,—это ложный стыдъ: онъ отдаляетъ свою субсистенцію и самъ пришелъ къ побіенію соединеніемъ на него корпусовъ. Симъ быть навсегда нераздробленнымъ, какъ здѣсь въ обыкновенныхъ партизанахъ нужды нѣтъ.

Таковъ есть пунктъ Сердобольскій. Иммальскій отрядъ наступающихъ отрѣзываетъ, или бьетъ въ спину, или топитъ въ Ладогѣ, самъ казненъ, окруженъ острыми горами, не за-

щитенъ, подъ протекціею Шлиссельбурга озеромъ въ полномъ отвѣсѣ.

Страна за Олонцемъ была въ благоразумной оборонѣ; то основаніе и впредь. Туда непріятельскій набѣгъ чрезъ мшистую Лапландію, безъ хлѣба, или черезъ Тюрію, фланкируя Рускіяла (гдѣ развѣ разоримъ заводъ, а камней не унесемъ) и Сердоболь; его бьетъ Иммальскій отрядъ.

Нейшлотъ окруженъ не замерзаемымъ волнующимся глубокимъ озеромъ; плоты съ лѣстницами къ его высокимъ стѣнамъ безпечно пристать не могутъ; сіи никакихъ выстрѣловъ не боятся, и отъ бомбардированія люди въ казематахъ съ двухгодовымъ провіантомъ, какъ водянымъ каналомъ за горизонтальною нижнею обороной; во все то время добрый комендантъ не требуетъ сикурса. Для поднятія жъ осады, операція отъ Керны на Кристину и С. Михель, бить Саволакскій корпусъ съ осаждателями, коли не уйдутъ, или прямо на сію крѣпостъ чрезъ настоящіе каналы со способомъ Саимской флотиліи, которой для дѣйствіевъ центральная позиція подъ новымъ каналомъ Купоссары. Отважатся противники идти между Нейшлота и Кексгольма на Вокшу,—быстрая сія рѣка весьма обороняема при С. Андре и иныхъ мѣстахъ весьма малыми батареями, и Вильманстрандскій корпусъ, одинъ или съ соединеніемъ, ихъ бьетъ. Вильманстрандъ горнымъ будущимъ укрѣпленіемъ безопасенъ.

Давидовъ депотный постъ, въ (случаѣ) потребности, какъ и Вильманстрандъ,—центральный пунктъ операціевъ, но особливо предметъ на офенсивную, какъ только одну, за Кюмень; тогда пограничныя крѣпости, нынѣ въ полномъ оборонительномъ состояніи,—въ плацдармы.

Кюмень-городъ прилежитъ Роченсальму; сія гавань ничѣмъ не командуема и едва побѣдима, беретъ въ тылъ, купно съ Ревелемъ, противные флоты, коихъ дессантъ, никогда не знатный, всюду бьютъ и топятъ сухопутныя войска.

Наступательная война—потребно для нея прибавить противъ оборонительной, временно: пѣхоты къ 28 батальонамъ 3 или 4 полка; къ 6 эскадронамъ драгунъ и гусаръ до 10, или всего 15 эскадроновъ; казаковъ тѣжъ 4 полка. Первое: операція на Свеаборгъ (оставя Швартгольмъ въ покоѣ) фло-

тами и дессантомъ, купно съ сухопутными войсками на Гельсингфорсъ. Второе: сухопутная операція прямо на Тавастгусъ къ Або; примѣчать влѣвѣ и съ тылу Гельсингфорсъ особымъ отрядомъ. Третье: общая (операція) сухопутныхъ войскъ съ морскимъ вооруженіемъ, которое съ нимъ соединится подъ Або, обходя Свеаборгъ, или запереть оттуда выходъ въ море частью судовъ. Къ сему обсерваціонный корпусъ внутри границъ, изъ общаго числа войскъ 3 или 4 полка, отъ 3 до 5 эскадроновъ, казачій полкъ; позиція его при Саватайполѣ и вниманіе на Саволаксъ, съ содѣйствіемъ Саимской флотиліи. Легкіе его отряды: правый для закрытія Вокши противъ Иммалы, лѣвый при Утти, поелику непріятель можетъ умножать его силы въ Саволакской области, для диверсіевъ, и тѣмъ его главныя войска ослаблять, толико подкрѣплять сей корпусъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

Нѣсколько вступительныхъ словъ.

Глава I. Суворовъ до боевой службы; 1730—1758.

Родъ Суворовыхъ; ближайшіе предки Александра Васильевича Суворова; его отецъ и мать.—Дѣтскіе годы А. В. Суворова; его первоначальное образованіе; склонность къ военной спеціальности; зачисленіе на службу; поступленіе въ полкъ — Характеръ и свойство научныхъ и служебныхъ занятій Суворова; позднее производство его въ офицеры; хорошая и дурная стороны долгой солдатской службы.— Продолженіе самообразованія; литературные опыты 1

Глава II. Первая боевая практика; 1758—1762.

Семилѣтняя война. — Назначеніе Суворова на театръ войны; пребываніе его въ Мемелѣ; переводъ въ дѣйствующія войска. — Военныя дѣйствія; несогласія и неискуство союзниковъ. — Набѣгъ на Берлинъ; участіе въ немъ Суворова.— Назначеніе Суворова въ летучій отрядъ; первое его начальствованіе въ дѣлѣ; послѣдующія встрѣчи съ непріятелемъ; временное командованіе драгунскимъ полкомъ; зимняя кампанія 1761 года; конецъ войны.—Отзывы начальниковъ о Суворовѣ.—Условія, въ которыхъ онъ началъ свое боевое поприще; школа, имъ пройденная. — Отъѣздъ въ Петербургъ и производство въ полковники 21

31

Глава III. Командованіе полкомъ; 1762—1768.

Смотръ полку; жизнь Суворова въ Петербургѣ; перемѣщеніе въ Ладогу; красносельскіе маневры; участіе въ нихъ Суворова. — Его дѣятельность въ Ладогѣ по части благоустройства и хозяйства полка. — Суворовская система военнаго обученія; философская ея основа, своеобразность, послѣдовательность, простота, вѣрность.—Пріемы обученія; полная ихъ соотвѣтственность началамъ системы. — Необычность системы и пріемовъ; они не поняты и отнесены къ его эксцентричности.—Взгляды Суворова на другіе роды оружія.—Выступленіе въ военный походъ 41

Глава IV. Польская конфедератская война: Ланцкорона; 1768—1771.

Польша; постепенное ея паденіе и современное состояніе.—Барская конфедерація.—Форсированный маршъ Суворова къ Смоленску; походъ оттуда къ Варшавѣ; поиски; бой подъ Орѣховымъ. — Назначеніе Суворова начальникомъ люблинскаго раіона; характеръ войны.—Производство въ генералы; столкновенія; непріятности съ начальникомъ; борьба съ самовольствомъ и грабительствомъ. — Дюмурье; удачное начало его дѣйствій: спѣшное движеніе Суворова; неудачный штурмъ ланцкоронскаго замка; погоня за конфедератами; вторичное движеніе къ Кракову; неуспѣхъ подъ Тынцемъ; побѣда при Ланцкоронѣ. — Охужденіе образа дѣйствій Суворова; объясненіе.—Преслѣдованіе Пулавскаго 75

Глава V. Польская конфедератская война: Сталовичи, Краковъ; 1771—1772.

Огинскій; его присоединеніе къ конфедераціи.—Инструкціи и приказанія Веймарна Суворову; несвоевременное полученіе послѣднихъ; движеніе Суворова противъ Огинскаго къ Сталовичамъ; планъ атаки; пораженіе Огинскаго. — Миротворные поступки Суворова; возвращеніе его въ Люблинъ.—Неудовольствіе и упреки Веймарна; отвѣты Суворова; жалоба Веймарна военной коллегіи.—Усиленная дѣятельность Суворова; непрошенные совѣты Веймарну.—Замѣна Веймарна Бибиковымъ; предположенія обѣихъ сторонъ. — Захватъ конфедератами краковскаго замка; обложеніе замка Русскими; неудавшійся штурмъ; продолженіе осады; капитуляція. — Австрійскія и прусскія войска на польской территоріи; трудная роль Суворова; непріятности.—Первый раздѣлъ Польши . . 106

Глава VI. Первая турецкая война: Туртукай, Гирсово, Козлуджи; 1773—1774.

Кампаніи 1769—1772 годовъ.—Турція и ея военная система. — Прибытіе Суворова и назначеніе его въ дивизію графа Салтыкова. — Первый поискъ на Туртукай; донесеніе о побѣдѣ; невольное бездѣйствіе и болѣзнь Суворова.—Приготовленія ко второму поиску, нерѣшительность подначальныхъ; негодованіе Суворова; временное его удаленіе для леченія.— Второй поискъ, полный успѣхъ. — Переписка Суворова съ Салтыковымъ; отзывы о подчиненныхъ; вторичная болѣзнь.— Назначеніе его въ Гирсово; нападеніе на Гирсово Турокъ и полное ихъ пораженіе. — Отпускъ Суворова въ Москву; женитьба; возвращеніе въ армію; производство въ генералъ-поручики.—Совокупная операція Суворова и Каменскаго; ихъ несогласіе; наступательное движеніе Суворова; побѣда при Козлуджи. — Военный совѣтъ; самовольное удаленіе Суворова изъ отряда. — Окончаніе войны.—Образъ дѣйствій Румянцова и Суворова. 141

Глава VII. Въ Заволжьѣ, на Кубани и въ Крыму; 1774—1779.

Пугачовскій бунтъ. — Назначеніе Суворова; его полномочія; опасный путь до Саратова; погоня по Заволжью; выдача Пугачова; препровожденіе его Суворовымъ въ Симбирскъ.—Миротворная дѣятельность Суворова по усмиренію мятежа; переписка его съ Потемкинымъ. — Безпокойства на югѣ; назначеніе туда Суворова; отъѣздъ въ Полтаву; личное оскорбленіе, нанесенное ему Нащокинымъ. — Назначеніе на Кубань и затѣмъ въ Крымъ; неудовольствія съ княземъ Прозоровскимъ; административныя, санитарныя и военно-педагогическія распоряженія; недопущеніе высадки Турокъ и возстанія Татаръ; переселеніе христіанъ изъ Крыма. — Безпорядки на Кубани; строгія мѣры Суворова противъ русскихъ властей и миротворныя инструкціи. — Закрѣпленіе Кучукъ-Кайнарджискаго трактата; выѣздъ Суворова изъ Крыма . . 185

Глава VIII. Въ Астрахани, на Кубани и въ Кременчугѣ; 1780 — 1787.

Угодничество Суворова передъ Потемкинымъ; назначеніе въ Астрахань; бездѣйствіе и скука; вліяніе мелочной среды; доносы и пасквили; первыя неудовольствія на Потемкина; переводъ въ Казанскую дивизію, а оттуда на Кубань.—Приведеніе Ногайцевъ къ присягѣ; наружный успѣхъ; переселеніе

ихъ на Уралъ; бунтъ и бѣгство за Кубань. — Жизнь на линіи; отношенія къ Ногайцамъ; Муса-бей.—Переводъ Суворова во Владимірскую дивизію и потомъ въ Кременчугъ; производство въ генералъ-аншефы.—Характеристика Потемкина. — Путешествіе Екатерины по Россіи; появленіе Суворова въ свитѣ Государыни; странности его; смотръ въ Кременчугѣ; маневры подъ Полтавой 217

Глава IX. Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, семейныя дѣла; 1775—1796.

Періодъ наибольшаго развитія хозяйственной дѣятельности Суворова.—Характеристика его отца въ этомъ отношеніи.—Имѣнія Суворова; управляющіе; отношенія къ нимъ помѣщика; крестьянскій міръ; дѣльцы изъ крестьянъ.—Отвращеніе Суворова къ процессамъ; взглядъ его на взятки; бережливость; система прикупокъ. — Оброки и добавочные сборы. — Понятія Суворова о деревенскомъ хозяйствѣ; его мѣры и инструкціи. — Дворня; покупка рекрутъ; заботы о приростѣ населенія; попеченіе о дѣтяхъ и неимущихъ; система взысканій. — Церкви, господскіе дома, усадьбы; привычки и потребности Суворова; образъ его жизни; умственныя занятія. — Женитьба Суворова; несходство супруговъ; ссоры; двукратное прошеніе Суворова о разводѣ; неудача; разрывъ и его послѣдствія.—Дѣти 252

Глава X. Вторая турецкая война: Кинбурнъ, Очаковъ; 1787—1788.

Непрочность мира; объявленіе войны. – Русскія приготовленія и планъ операцій; усиленная дѣятельность Суворова; уныніе Потемкина.—Нападеніе Турокъ на Кинбурнъ; выжиданіе Суворова; его атака; перемѣнный успѣхъ; разгромъ Турокъ.—Упорство боя; двѣ раны Суворова; ошибки. — Переписка Екатерины съ Потемкинымъ о награжденіи Суворова. — Зимнія его занятія; польза отъ построенныхъ имъ батарей; дѣла на морѣ.—Нерѣшительность Потемкина подъ Очаковымъ; вылазка Турокъ; преслѣдованіе ихъ Суворовымъ въ надеждѣ на поддержку; неудача и новая рана. — Болѣзнь Суворова; раздраженіе Потемкина; отзывъ Екатерины.—Взрывъ въ Кинбурнѣ; Суворовъ снова раненъ. — Медленный ходъ очаковской осады; бѣдствія осаднаго корпуса; штурмъ 297

Глава XI. Вторая турецкая война: Фокшаны, Рымникъ; 1789.

Зимняя поѣздка Суворова въ Петербургъ; назначеніе его въ армію; опроверженіе нѣкоторыхъ ложныхъ свѣдѣній. — Наступленіе Турокъ; движеніе Суворова къ принцу Кобургскому; отказъ отъ свиданія съ нимъ.—Сраженіе при Фокшанахъ. — Бездѣйствіе Потемкина; неудачное покушеніе Репнина на Измаилъ.—Вѣрность предположеній Суворова; наступленіе великаго визиря; промедленіе Суворова и спѣшный походъ на соединеніе съ принцемъ; совѣщаніе съ нимъ.—Движеніе союзниковъ; успѣшная атака Суворова; разные фазисы боя; безпокойство принца Кобургскаго; кавалерійскій ударъ; бѣгство Турокъ за Рымникъ.—Преобладающее участіе Суворова въ обѣихъ побѣдахъ; наступательные его проекты.—Радость Екатерины и Потемкина; переписка о наградахъ; Суворовъ—графъ.—Послѣднія событія кампаніи 335

Глава XII. Вторая турецкая война: Измаилъ; 1790.

Зимніе переговоры Суворова съ браиловскимъ пашой; планъ дѣйствій.—Наступательное движеніе принца Кобургскаго; неудача подъ Журжей. — Занятія Суворова въ Бырладѣ: объѣздъ войскъ, чтеніе, научныя бесѣды; образъ его жизни; кружокъ приближенныхъ.—Наступленіе визиря; движеніе Суворова къ принцу Кобургскому. — Перемиріе между Австріей и Турціей.—Неудачное предпріятіе Русскихъ противъ Измаила; назначеніе туда Суворова. — Приготовленія къ штурму; переговоры съ измаильскимъ сераскиромъ; военный совѣтъ. — Бомбардировка; ночь передъ штурмомъ. — Дѣйствія штурмовыхъ колоннъ и флотиліи; разные эпизоды; побѣда.—Исключительность этого военнаго предпріятія; потрясающее впечатлѣніе, имъ произведенное. — Отъѣздъ Суворова; свиданіе съ Потемкинымъ; неожиданный его исходъ; объясненіе этого обстоятельства 368

Глава XIII. Въ Петербургѣ и Финляндіи; 1791—1792.

Бездѣйствіе Суворова въ Петербургѣ; порученіе въ Финляндію; Потемкинскій праздникъ въ его отсутствіе; возвращеніе.—Назначеніе въ Финляндію; занятія. — Петербургскіе на Суворова наговоры за дурное содержаніе войскъ, изнуреніе ихъ, за большое число умершихъ и бѣглыхъ. — Жалкое состояніе военно-врачебной части; злоупотребленія.—Санитарныя мѣры Суворова.—Большое число бѣглыхъ въ русской арміи; Суворовъ уменьшаетъ размѣры зла въ Финлян-

діи.—Негодованіе его на петербургскія обвиненія.—Тревожное состояніе Суворова по случаю разныхъ извѣстій и слуховъ; переписка съ Турчаниновымъ и Хвостовымъ; отношенія къ нимъ и другимъ лицамъ; частная жизнь Суворова и неслужебныя занятія. Переводъ его въ Херсонъ 405

Ссылки и поясненія.

Къ главѣ I 451
Къ главѣ II 452
Къ главѣ III 453
Къ главѣ IV. 454
Къ главѣ V 455
Къ главѣ VI. 457
Къ главѣ VII. 458
Къ главѣ VIII 459
Къ главѣ IX. 459
Къ главѣ X 461
Къ главѣ XI. 463
Къ главѣ XII 464
Къ главѣ XIII 465

Приложенія.

Первое, къ главѣ VII. 469
Второе, къ главѣ XIII 478

КАРТА
ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ СУВОРОВА
ВЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

Масштабъ
1
2,520,000

КАРТОГРАФИЧЕСКОЕ ЗАВЕДЕНІЕ А. ИЛЬИНА ВЪ СПЕТЕРБУРГѢ.

2007081663